This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

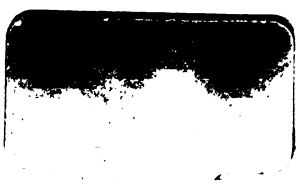
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 11. НОЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1894.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, Д. № 40.

Digitized by Google

PSlav 4175.65 (1894 II)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ"

ВЪ 1895 ГОДУ (ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же направленіи,

безъ предварительной цензуры.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ.	За полгода.	За три мѣсяца.
Безъ доставки	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою иногороднымъ .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
Съ пересылкою за границу. . .	17 »	9 » — »	5 » — »

Подписчики **«Наблюдателя»** (годовые, полугодовые и разсроченные) желающіе получить **второе, дополненное,** изданіе монографій *А. П. Пятковскаго*: **«Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»**, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Вслѣдствіе допущенія редакціею подписки на **три** мѣсяца, безъ возвышенія платы, *разсрочка подписной суммы сохраняется только для гг. служащихъ (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ.*

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи, Пушкинская ул. (близъ Невскаго пр.) д. № 11.* Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на 1894 г. продолжается.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 1971

Digitized by Google

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ, изъ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія «Наблюдателя», полные экземпляры журнала имѣются въ небольшомъ количествѣ только за 1893 и 1892 г.г.

Содержаніе журнала за 1893 г.

1) **Совѣсть зазрила,** романъ *А. Михайлова*; 2) **Лицемѣры,** романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Ночь,** романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 4) **Волчья яма,** романъ *П. Лѣтнева*; 5) **Надорванныя силы,** романъ *К. В. Назарьевой*; 6) **Къ чему?** романъ *И. Д. Ахшарумова*; 7) **Призраки минувшаго,** романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Изъ любопытства,** разсказъ *А. А. Виницкой*; 9) **Что дѣлается въ деревнѣ?** разсказы *В. А. Рышкова*; 10) **Изъ воспоминаній,** *В. Р. Зотова*; 11) **Очерки иностранной литературы,** *Его же*; 12) **Борьба съ холерою,** *Н. П. Дружинина;* 13) **Эрнестъ Ренанъ** (по поводу его смерти) *В. В. Чуйко*; 14) **Неурожаи прошлаго вѣка** (по архивнымъ матеріаламъ) *П. В. Безобразова*; 15) **Артемій Петровичъ Волынскій,** историческая характеристика, *К. В. Ярошa*; 16) **Къ вопросу о преобразованіи государственнаго банка,** *Л. Н. Нисселовича*; 17) **О задачахъ искусства,** *К. Говорова.* 18) **Послѣдній могиканъ идейной поэзіи** (по поводу «Стихотвореній А. М. Жемчужникова») *Его же*; 19) **А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки,** *С. Ѳ. Шарапова*; 20) **Глинка и его Русланъ,** *В. С. Баскина*; 21) **Гуно и Чайковскій,** *Его же*; 22) **Иллинойсъ и Чикаго,** *М. И. Венюкова*; 23) **Ирландія въ 1893 г.** *Его же*; 24) **Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому,** *Н. Тембе*; 25) **Галаха и Агада** (къ еврейскому вопросу) *Его же*; 26) **Уѣздныя письма,** *Ѳ. Э. Ромера;* 27) **Изъ жизни французскаго резервиста,** *Ж. де-Кервильи;* 28) **Парижскія письма,** *Его же;* 29) **Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка,** *Одного изъ родителей;* 30) **Панамскій каналъ и его исторія,** *И. П.;* 31) **Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета,** *А. Н. Котельникова;* 32) **Тяжелый годъ** (по поводу голодовки) *В. Бирюковича*; 33) **Тамбовскій оригиналъ и полемистъ** (по архивнымъ источникамъ) *И. И. Дубасова*; 34) **Школа жизни,** *М. Слобожанина;* 35) **Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ,** *В. Свѣтлова*; 36) **Михайловскій театръ,** *В. И.*; 37) **Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ,** *В. Е. Чешихина;* 38) **Судъ и жизнь,** *А. О. Дукмасова;* 39) **Земельная неурядица въ Уфимской губерніи,** *А. Якимова*; 40) **По дорогѣ въ Корсику и на островѣ,** *М. В.;* 41) **Наташа** (быль изъ станичной жизни) *Н. Затонскаго*;

Digitized by Google

42) **Наша журналистика**, *К-скаго;* 43) **Изнанка сцены** (театральный очеркъ) *В. Свѣтлова;* 44) **Студенческіе годы**, *Бывшаго студента;* 45) **Общественные идеалы Фридриха Нитцше**, *В. В. Чуйко;* 46) **Нужды нашего сельскаго хозяйства**, *В. Бирюковича*; 47) **Изъ жизни въ деревнѣ**, *И. Васина;* 48) **По цѣлебному предгорью Кавказа**, *М. Слобожанина;* 49) **Гимнъ торжествующей толпы** (произведенія гр. Л. Н. Толстаго) *К. П. Медвѣдскаго;* 50) **Докторъ Паскаль**, романъ *Эмиля Золя;* 51) **Партизаны**, романъ *Ганса Гофмана;* 52) **Американскій претендентъ**, романъ *Марка Твена* (съ англ.); 53) **Призракъ**, повѣсть *Перѣса Гальдоса* (съ испанскаго); 54) **Бѣлое братство**, романъ *А. Конанъ-Дойля* (съ англ.); 55) **Новая система**, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, *Бьёрнстерна-Бьёрнсона* (съ норвежск.); 56) **Разсказы Матильды Серао** (съ итальянск.) переводъ *П. Лѣтнева;* 57) **Мой пріятель Мюссаръ**, разсказъ *Л. Галеви* и пр., и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: «**И смѣхъ, и горе**» помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра **10** р. съ перес.; за полгода—**5** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

Содержаніе журнала за 1892 г.

1) **Изъ трясины на дорогу**, романъ *А. Михайлова (А. К. Шелера);* 2) **Петербургскіе туманы**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 3) **Итоги**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 4) **Священный огонь**, романъ *Г. Таранскаго;* 5) **Вмѣсто хлѣба—камень**, романъ *П. Лѣтнева;* 6) **Ораторы**, романъ *К. В. Назарьевой;* 7) **По призванію**, романъ *В. Свѣтлова;* 8) **Лукавый попуталъ**, разсказъ *Ф. Д. Нефедова;* 9) **Карьера**, разсказъ *І. І. Ясинскаго;* 10) **Событіе** (картины изъ обыденной жизни) *А. А. Виницкой*; 11) **За что погибъ человѣкъ?** разсказъ *П. Добротворскаго;* 12) **Безъ цѣли**, повѣсть *кн. Б. А. Щетинина;* 13) **Желѣзнодорожный царекъ**, разсказъ *А. Молотова*; 14) **Что дѣлается въ деревнѣ?** *В. Рышкова;* 15) **Голодовки и способы ихъ предупрежденія**, *М. И. Венюкова;* 16) **Эволюція въ исторіи уголовнаго права**, проф. *Бѣлогриць-Котляревскаго;* 17) **Послѣднія произведенія гр. Толстаго**, *В. В. Чуйко;* 18) **Крестьянскій судъ въ его послѣднемъ фазисѣ**, *Н. П. Дружинина;* 19) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова*; 20) **Тамбовскіе дипломаты XVIII вѣка**, *И. И. Дубасова*; 21) **Художественныя выставки Рѣпина и Шишкина**, *В. В. Чуйко;* 22) **Любовь въ мірѣ животныхъ**, *П. В. Безобразова*; 23) **Религіозное движеніе въ Англіи**, *В. Флурансова*; 24) **Евреи въ Одессѣ**, *Л. М.*; 25) **Евреи вокругъ Одессы**, *В. Трушко;* 26) **Четырехсотлѣтіе открытія Америки**, *М. И. Венюкова;* 27) **Первая выставка народныхъ картинъ въ Петербургѣ**, *В. П. Воленса;* 28) **Можно ли поднять нашу земледѣльческую промышленность?** *А. К. Гриневскаго*; 29) **Очеркъ этическихъ ученій въ современномъ обществѣ**, *В. В. Чуйко;* 30) **Колумбовская всемірная выставка**, *М. И. Венюкова;* 31) **Научныя новости**, *Его же*; 32) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 33) **Альфредъ Теннисонъ** (литер.-біографич. очеркъ) *Его же;* 34) **Шелли** (опытъ литературной характеристики) *Его же;* 35) **Оклеветанный геній** (А. С. Пушкинъ) *К. Го-*

Digitized by Google

ворова; 36) **Торжествующій разночинецъ,** *Его же;* 37) **Англійскій публицистъ XVII в.** (Даніэль Дефоэ) *А. С. Залшупина;* 38) **Генрихъ Гейне,** *В. В. Чуйко;* 39) **Опытъ литературной фальсификаціи** (по поводу книги г. Песковскаго: «Роковое недоразумѣніе») *А. П. Пятковскаго;* 40) **Какою должна быть крестьянская школа?** *Г. Яковлева;* 41) **Современное русское міросозерцаніе и его отраженіе въ литературѣ,** *К. П. Медвѣдскаго;* 42) **Профессіональные союзы во Франціи,** *Г.;* 43) **Позитивизмъ передъ судомъ научной критики,** *В. В. Чуйко;* 44) **О международномъ правительствѣ,** *В. А. Бѣлинскаго;* 45) **Курьезы талмудической мудрости,** *Н. Тембе;* 46) **Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ,** *В. С. Баскина;* 47) **Наши театры,** *В. В. Чуйко;* 48) **Парижскія письма,** *Ж. де-Кервильи;* 49) **Разгромъ,** романъ *Эмиля Золя;* 50) **По тернистой дорогѣ,** романъ *Георга Эберса;* 51) **Ксантиппа,** историческій романъ *Франца Маутнера;* 52) **Народный учитель,** повѣсть *Эдмонда де-Амичиса;* 53) **Отверженный,** разсказъ *Матильды Серао;* 54) **Наша журналистика,** *К—скаго* и пр.

Фельетоны **Ефима Простосердова: «И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра съ пересылкою: **8** р.; за полгода—**4** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

КРОМѢ ТОГО, ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

I.

„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія",

монографіи и критическія статьи **А. П. Пятковскаго,** въ 2-хъ частяхъ, *второе,* дополненное, изданіе. СПб., 1888 г. (около 40 печатн. листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-й части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I до Александра I-го); 2) Журнальный тріумвиратъ (изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ: Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями; 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Отзывы объ обоихъ изданіяхъ: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Всемірной Иллюстраціи» и пр.

Digitized by Google

Къ оставшимся экземплярамъ втораго изданія приложенъ портретъ автора. **Цѣна 3 р. съ перес.** *Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и разсроченные) приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р.*

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

изданіе (3-е) подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.** Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ.

С.-Петербургъ. 1862 г.

Цѣна **1 р. 25 к.** съ пересылкою.

Изданіе одобрено ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія, Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и бывшимъ IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

III.

ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ.

Сборникъ стихотвореній, изданный подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.**

(Сюда вошли стихотворенія: *И. Аксакова*, *Добролюбова*, *Жемчужникова*, *Плещеева*, *Некрасова*, *Никитина*, *Хомякова* и др.).

С.-Петербургъ. 1863 г.

Цѣна **50** к. съ пересылкою.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**, литературно-біографическій очеркъ, *А. П. Пятковскаго*; 5) **Живые вопросы**, критическіе очерки и этюды изъ современной жизни, *Его-же*, и 6) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя*—уже распроданы.

Digitized by Google

ЖИЗНЬ СЪИЗНОВА.

Романъ.

XVI.

Утромъ на другой день, когда Осининъ пришелъ въ контору, Евсеичъ, вѣшая пальто на вѣшалку, сообщилъ новость, что хозяинъ фабрики, Дмитрій Яковлевичъ Спицынъ, уѣзжаетъ за границу лѣчиться.

Осинину было все равно:—уѣзжаетъ, такъ уѣзжаетъ. Подумавъ только, что Спицыну слѣдовало бы, въ интересахъ своего здоровья, не только давно уѣхать отсюда, но еще, прежде того, продать свою фабрику, онъ прошелъ въ контору къ своему письменному столу и, по обыкновенію, принялся копаться въ счетныхъ книгахъ. Въ конторѣ,—довольно большой комнатѣ съ двумя конторками, нѣсколькими столами, огромнымъ шкафомъ и дюжиною буковыхъ стульевъ, — было совсѣмъ пусто. Въ ней и прежде никогда не было много народа, а за послѣдніе годы Спицынъ, который дѣлался тѣмъ скупѣе и разсчетливѣе, чѣмъ больше расхварывался, — постепенно сократилъ число служащихъ почти на половину. Еще года три назадъ, въ ней были,—не считая техника и Телепнева, завѣдывавшаго собственно хозяйственною частью и закупкою матеріаловъ,—человѣкъ шесть, семь служащихъ. Былъ кассиръ, былъ счетоводъ, былъ секретарь, на обязанности котораго лежало вести корреспонденцію и составлять разныя условія и контракты; было человѣка три, четыре конторщиковъ. Осининъ поступилъ въ эту контору сначала секретаремъ. Черезъ нѣсколько времени, Спицынъ, придравшись къ какой-то «путаницѣ» въ счетныхъ книгахъ, прогналъ бухгалтера и предложилъ Осинину взять на себя счетоводство. Должность же секретаря Спицынъ нашелъ совсѣмъ излишнею роскошью

Digitized by Google

и рѣшилъ уничтожить, такъ какъ, по его мнѣнію, весьма немногочисленныя письма и контракты могъ отлично составлять, по старымъ образцамъ, любой толковый конторщикъ... А еще черезъ годъ, найдя неудобство для себя въ томъ обстоятельствѣ, что кассиръ и Телепневъ сдѣлались своими людьми (такъ какъ кассиръ женился на сестрѣ Телепнева) подозрительный Спицынъ далъ отставку и кассиру, попросивъ Осинина взять на нѣкоторое время въ свое вѣдѣніе и кассу. Это «нѣкоторое время» оказалось, однако, довольно продолжительнымъ. Прошло и двѣ недѣли, прошелъ мѣсяцъ, а новый кассиръ не появлялся и даже не замѣтно было, чтобы Спицынъ искалъ его. Наконецъ, когда достаточно выяснилось, что Осининъ можетъ безъ большаго труда управляться и съ бухгалтеріей, и съ кассой, Спицынъ поставилъ на его благоусмотрѣніе вопросъ такого рода: не будетъ ли лучше для нихъ обоихъ, если не приглашать новаго кассира и оставить дѣло такъ, какъ оно идетъ теперь?.. Вмѣсто полутораста рублей, которые Спицынъ платилъ прежде кассиру и бухгалтеру, онъ будетъ платить Осинину сто двадцать пять; такимъ образомъ, и онъ, Спицынъ, окажется въ выигрышѣ, и онъ, Осининъ, получитъ порядочную прибавку къ своему прежнему жалованью. Эта постановка вопроса показалась Осинину несовсѣмъ правильной. Трудъ, возлагавшійся теперь на него одного, оставался точно такимъ же, какимъ былъ и прежде, когда его дѣлили между собой два человѣка. Кромѣ того, Спицынъ упорно не желалъ обращать вниманія на то, что, съ уничтоженіемъ должности секретаря, Осинину приходилось еще руководить «толковыми конторщиками», составлявшими письма и другія бумаги. Вообще, Осинину казалось, что ему на спину навьючиваютъ ужь черезчуръ много лишней тяжести. Но такъ какъ съ раздражительнымъ и мало дорожившимъ людьми Спицынымъ было неудобно разсуждать о справедливости, а другаго подходящаго мѣста у Осинина не было въ виду, то оставалось согласиться на предложенныя ему условія. Нѣсколько дней послѣ этого, онъ хмурился и собирался искать другаго мѣста, но потомъ, по свойственному ему добродушію, примирился со своимъ новымъ положеніемъ и, слегка посмѣиваясь надъ собой и надъ Спицынымъ, потащилъ возъ, въ который его запрягли.

Вскорѣ послѣ него, въ контору возвратились два конторщика, уходившіе покурить.

Digitized by Google

— Говорятъ, Димитрій Яковлевичъ уѣзжаютъ?—обратился къ Осинину старшій изъ нихъ, блѣднолицый, худощавый человѣкъ, сильно приверженный къ спиртнымъ напиткамъ и, поэтому, нерѣдко сказывавшійся больнымъ, но зато обладавшій способностью работать въ экстренныхъ случаяхъ день и ночь напролетъ.

— Я не знаю. Евсеичъ говоритъ, что уѣзжаетъ... Ему лучше знать,—равнодушно отвѣчалъ Осининъ.

— Опять, значитъ, будетъ Петръ Яковлевичъ вмѣсто него,—какъ бы про себя проговорилъ конторщикъ.

Петръ Яковлевичъ былъ младшій братъ Дмитрія Яковлевича, состоявшій, какъ говорили, въ долѣ со своимъ старшимъ братомъ по владѣнію фабрикой, но почти совсѣмъ не вмѣшивавшійся въ управленіе ею и показывавшійся только тогда, когда старшій Спицынъ уѣзжалъ куда нибудь или былъ настолько боленъ, что не могъ заниматься дѣлами.

Часовъ около трехъ Евсеичъ сказалъ, что Дмитрій Яковлевичъ прислалъ человѣка и проситъ Осинина къ себѣ.

Пріѣхавъ къ Спицыну, Осининъ увидѣлъ въ его кабинетѣ и главныхъ своихъ сотоварищей по службѣ на фабрикѣ,—Телешнева и техника. Телешневъ, очень напоминавшій собою своего родственника Полосова, но только въ миніатюрѣ, стоялъ, прислонившись спиною къ ребру полурастворенной половинки двери и, слегка повертывая ее на петляхъ направо и налѣво, покачивался вмѣстѣ съ нею изъ стороны въ сторону. Техникъ, апатичный съ виду человѣкъ, сидѣлъ, сгорбившись, на стулѣ и курилъ папиросу, выпуская клубы дыма, до того густые, что отъ времени до времени и самъ находилъ нужнымъ отогнать ихъ движеніемъ руки, по крайней мѣрѣ, хоть отъ своего лица. Самъ хозяинъ,—довольно высокій, преждевременно состарившійся человѣкъ съ длинными чиновничьими бакенбардами на желтыхъ щекахъ,—бродилъ изъ угла въ уголъ, безпрестанно перекладывая руки то за спину, то въ карманы, и морщась, какъ морщатся люди, страдающіе тѣлесно и душевно. Онъ уже довольно давно мучился какими-то, несовсѣмъ понятными для докторовъ, жестокими болями въ области печени, которыя иногда прекращались на нѣсколько дней, но затѣмъ возобновлялись съ удвоенною силою и временами доводили его почти до обморока.

Digitized by Google

— Извините, что послалъ за вами,—сказалъ онъ, мимоходомъ пожимая руку Осинина своей костлявой и холодной рукой.—Уѣзжаю... бѣгу!.. Никогда еще мнѣ не было такъ неудобно уѣзжать отсюда, какъ именно теперь, а дѣлать нечего... Силъ больше нѣтъ терпѣть. Еслибы мнѣ посовѣтовали обратиться къ кому нибудь въ Австралію, я и туда бы поѣхалъ... Можетъ быть, отъ этого и не будетъ никакого толку, но нужно же что нибудь дѣлать...

— А долго ли предполагаете пробыть въ отсутствіи?—спросилъ Телепневъ.

— Не знаю. Развѣ моими дѣлами распоряжается теперь разсудокъ?.. Всѣмъ распоряжается теперь эта проклятая требушина, которая болитъ да болитъ, точно ее тамъ палятъ свѣчками. Какъ она прикажетъ, такъ и будетъ. Скажетъ: «сиди»,—и будешь сидѣть; прикажетъ: «поѣзжай»—и поѣдешь...

Осининъ сказалъ, что во всякомъ случаѣ Спицыну слѣдовало бы переждать за границей, по крайней мѣрѣ, здѣшнюю осень, самое скверное время для больныхъ. Спицынъ посмотрѣлъ на него угрюмыми и злыми глазами.

— А вы за это время стали бы меня содержать съ моимъ семействомъ. Такъ, что ли?—спросилъ онъ почти грубо.—Типунъ бы вамъ на языкъ... Недѣли двѣ, три, самое большое мѣсяцъ,—это я еще выдержу какъ нибудь, хоть и то мнѣ тяжело... А больше—нѣтъ; довольно!..

Морщины на его желтомъ лицѣ сдѣлались еще глубже. Дочь его затѣяла глупый романъ съ какимъ-то пѣвцомъ изъ оперы; сынъ, восемнадцатилѣтній мальчишка, еще не кончившій курса въ гимназіи, началъ безпутничать и сдѣлалъ далеко не мальчишескіе долги. Положимъ, жену и дочь онъ увозилъ съ собой за границу, но сына приходилось оставить здѣсь. Фабрику тоже нельзя было увезти съ собой; а на кого оставитъ онъ ее здѣсь? Брата онъ не считалъ способнымъ ни на какое серьезное «практическое» дѣло; между родственниками и знакомыми не находилъ ни одного человѣка, на котораго можно было бы положиться; служащіе на фабрикѣ представлялись ему самыми злѣйшими врагами, прямо заинтересованными въ томъ, чтобы какъ можно больше брать съ него и какъ можно меньше работать. Только дайте имъ волю!.. Техникъ, по его мнѣнію, ровно ничего не понималъ, кромѣ своей

Digitized by Google

рутинной техники и куренія табаку; на Телепнева онъ смотрѣлъ, какъ на прожженаго мошенника, котораго можно было держать только по привычкѣ къ нему, за его услужливость, да развѣ еще изъ опасенія нарваться на пущаго негодяя или круглаго дурака. Въ Осининѣ онъ видѣлъ отнюдь не дѣловаго, а легкомысленнаго молодаго человѣка, котораго, пожалуй, можно было относительно-спокойно держать у кассы, да и то въ разсчетѣ не столько на его, никѣмъ не испробованную, честность, сколько на то, что его высокопревосходительный батюшка не потерпитъ никакого ущерба чистотѣ его имени и навѣрное поспѣшитъ пополнить тѣ небольшія растраты, какія имѣлъ бы возможность сдѣлать его сынокъ, состоя въ должности кассира. Всѣ хороши!.. И что только они натворятъ, оставшись безъ всякаго надзора?

— Итакъ, господа!.. Сдаю вамъ съ рукъ на руки фабрику,— произнесъ онъ со вздохомъ, покоряясь сознанію, что ничего другаго не остается.—Останетесь одни у дѣла... Отъ васъ и будетъ зависѣть, пойдетъ ли оно по прежнему, или хуже...

— Если что понадобится, обращаться, по прежнему, къ Петру Яковлевичу?—не безъ иронiи спросилъ Осининъ, хорошо понимая, что однихъ-то ихъ ужь ни въ какомъ случаѣ не оставятъ.

Спицынъ снова поморщился. Онъ напередъ зналъ, что младшій братъ, поприсмотрѣвшись къ дѣлу и вообразивъ, что основательно познакомился съ нимъ, опять начнетъ настаивать на разныхъ непрактическихъ и по меньшей мѣрѣ рискованныхъ преобразованіяхъ, нововведеніяхъ и расширеніяхъ. Опять пойдутъ, по прежнимъ примѣрамъ, безконечные споры и всякія непріятности, въ которыхъ и безъ того не было недостатка... Однако, и въ этомъ случаѣ оставалось только покориться обстоятельствамъ. Младшій братъ былъ его компаньономъ по фабрикѣ и, слѣдовательно, являлся прямымъ ея хозяиномъ во время отсутствія другаго компаньона.

— Да... къ Петру Яковлевичу,—угрюмо проговорилъ Спицынъ.—Только онъ теперь не здѣсь, а въ своей деревнѣ. Онъ писалъ мнѣ, что можетъ пріѣхать сюда числу къ третьему, врядъ ли раньше. А до того времени придется мнѣ оставить вамъ денегъ на расходы... Вотъ, возьмите, Николай Петровичъ, въ кассу... Съ часъ назадъ было ровно полторы тысячи,—авось, и теперь не убыло.

Digitized by Google

Доставъ деньги изъ ящика, онъ задвинулъ его обратно въ столъ; немного погодя, опять выдвинулъ и сейчасъ же снова задвинулъ. Телепневъ и Осининъ знали, что этихъ денегъ не могло хватить до третьяго числа, но ничего не говорили, такъ какъ Спицынъ и самъ зналъ это не хуже ихъ. Постоявъ нѣсколько времени въ задумчивости, онъ наконецъ тяжело вздохнулъ и выдвинулъ въ третій разъ ящикъ письменнаго стола.

— Еще я вотъ что попрошу васъ, Николай Петровичъ,— заговорилъ онъ такимъ кроткимъ и ласковымъ голосомъ, какимъ еще никогда не говорилъ ни съ кѣмъ изъ своихъ служащихъ.— Набралось у меня понемногу штукъ семнадцать выигрышныхъ билетовъ. Давно уже я собирался освободиться отъ нихъ, да все какъ-то не удавалось. А возиться съ ними, право, нѣтъ ни разсчета, ни удовольствія. Я васъ попрошу,—возьмите вы ихъ, пожалуйста, на сохраненіе на нѣсколько дней. Теперь, передъ тиражемъ, они немножко поднимаются въ цѣнѣ, и какъ только дойдутъ до двухсотъ двадцати, немедленно продайте. Есть тутъ, около гостиннаго двора, мѣняла Епифановъ. Я съ нимъ видѣлся, — онъ всѣ возьметъ. А деньги вы передайте Петру Яковлевичу, когда онъ пріѣдетъ. Сдѣлайте мнѣ это одолженіе.

— Хорошо; это нетрудно сдѣлать, — сказалъ Осининъ.— Однако, я такъ понимаю, что вы оставляете эти билеты отчасти и въ добавленіе къ тѣмъ деньгамъ, какія вы сейчасъ дали мнѣ. Тысячи пятисотъ, вы сами знаете, не хватитъ... И если деньги окажутся нужными прежде чѣмъ пріѣдетъ Петръ Яковлевичъ и прежде чѣмъ продадутся билеты, я могу продать часть ихъ на необходимые расходы?..

Лицо Спицына приняло почти даже страдальческое выраженіе, хотя боли въ печени, ужасно мучившія его всю ночь, теперь прекратились на нѣкоторое время. Дѣло было не въ печени, а въ томъ, что, вручая Осинину билеты вмѣсто наличныхъ денегъ, онъ имѣлъ въ виду по-возможности стѣснить своихъ помощниковъ въ распоряженіи средствами кассы. Дай имъ прямо въ руки всѣ тѣ деньги, какія приблизительно требовались положеніемъ дѣла, этотъ народецъ тотчасъ же примется, не задумываясь, расшвыривать ихъ направо и налѣво, благо онѣ чужія... Живо все расшвыряютъ!

— Нѣтъ, ужь, пожалуйста, сдѣлайте милость, потрудитесь

Digitized by Google

не продавать ихъ безъ самой крайней, самой крайней необходимости!—угрюмо сказалъ онъ.—А необходимости никакой и быть не можетъ... Братъ пріѣдетъ черезъ нѣсколько дней. Уплаты, какія предстоятъ, всегда можно оттянуть на такое недолгое время... Конечно, если ужь представится какая нибудь чрезвычайная и неизбѣжная необходимость... ну, тогда дѣлать нечего.

Осининъ, хорошо понимавшій его заднія мысли и начинавшій побаиваться тѣхъ непріятныхъ объясненій, какія предстояли ему изъ-за этого «оттягиванія» срочныхъ уплатъ, съ трудомъ принудилъ себя успокоиться и слегка пожалъ плечами. Чортъ его побери! Авось, Петръ Яковлевичъ пріѣдетъ вò-время. А если и не пріѣдетъ, можно будетъ списаться съ нимъ и все устроить къ общему благополучію.

XVII.

Полосовъ опять пересталъ думать о переѣздѣ въ другой городъ. На именинахъ у товарища онъ завязалъ нѣсколько новыхъ, кое-что обѣщавшихъ или просто пріятныхъ, знакомствъ,—узналъ, что мѣсяца черезъ два должно освободиться очень подходящее для него мѣсто въ пароходномъ обществѣ, и, въ довершеніе всего, еще выигралъ въ карты около ста рублей. Къ разсвѣту онъ воротился домой веселый и оживленный. Ему казалось, что преслѣдовавшее его такъ долго несчастье прошло наконецъ, а теперь пойдутъ одна за другой всякія удачи. Нужно только не терять напрасно времени и, прежде всего, пустить въ хорошій оборотъ эти, попавшія ему въ карманъ, счастливыя деньги. Непремѣнно слѣдуетъ устроить веселенькую вечеринку для старыхъ знакомыхъ и пріятелей, чтобы они видѣли своими глазами, что онъ вовсе не сдѣлался ни нищимъ попрошайкой, ни сквалыгой, ради котораго не стòитъ и хлопотать о чемъ бы то ни было. Полураздѣтая Анна Васильевна печально слушала его и куталась въ большой платокъ, по временамъ пожимаясь отъ холоднаго утренняго воздуха, проникавшаго въ комнату черезъ неплотно закрывавшіяся окна.

— Ты, какъ видно, все перезабылъ,—съ горечью сказала она наконецъ. — Когда мы ѣхали сюда, ты говорилъ, что думаешь пробыть здѣсь самое короткое время. Наведешь здѣсь

Digitized by Google

справки, достанешь немного денегъ, возьмешь рекомендаціи и сейчасъ же опять поѣдемъ дальше... Неужели ты такъ-таки и позабылъ все, что мы говорили о жизни здѣсь?..

Полосовъ ничего не забылъ. Онъ помнилъ, что ей было бы очень непріятно поселиться здѣсь и что у него тоже связано съ этимъ городомъ много непріятныхъ воспоминаній. Но теперь и напоминанія Анны Васильевны, и ея печальное лицо только раздражали его. Всегда-то она ухитрится испортить всякую хорошую минуту, какая выдастся въ его жизни!

— Что за странный вы народъ, женщины!—сердито сказалъ онъ.—Ну, да, я говорилъ, что не разсчитываю оставаться здѣсь, потому что не разсчитывалъ и найти здѣсь что нибудь. Но я тогда же говорилъ, что устроиться въ знакомомъ городѣ все таки легче, чѣмъ въ незнакомомъ... Ну, такъ и вышло: теперь у меня уже есть въ виду кое-что... Ради какого же чорта я поѣду отсюда неизвѣстно куда и неизвѣстно зачѣмъ?

Анна Васильевна только пожала плечами и сказала сама себѣ, что напрасно она завела этотъ разговоръ. Теперь, когда у Василія Михайловича завелось нѣсколько десятковъ рублей въ карманѣ и, кромѣ того, «есть въ виду кое-что», на него не могли уже подѣйствовать никакіе слова и доводы. Теперь оставалось только предоставить ему поступать по своему и терпѣливо дожидаться того времени, когда онъ или останется опять безъ денегъ и безъ всякихъ надеждъ на будущее, или ввалится въ какую нибудь яму, изъ которой не будетъ въ состояніи выбраться безъ посторонней помощи.

Черезъ нѣсколько дней, возвратившись изъ конторы домой и войдя въ столовую обѣдать, Осининъ увидѣлъ на своемъ приборѣ, на салфеткѣ, сѣрую визитную карточку. Оказалось, что это была карточка Полосова.

— Скажите, пожалуйста,—сказалъ Самосадовъ:—нѣсколько лѣтъ назадъ былъ здѣсь въ городѣ одинъ Полосовъ... не помню, какъ его звали... Это былъ ужасный господинъ, въ родѣ бандита..,

— Это онъ самый и есть, — съ усмѣшкой отвѣчалъ Осининъ, повертывая между пальцами карточку. — Только, говорятъ, будто онъ уже года два какъ преобразился и сдѣлался другимъ человѣкомъ.

Самосадовъ посмотрѣлъ на него и задумчиво погладилъ свою бороду.

Digitized by Google

— Что же, бываетъ и это,—сказалъ онъ.—Когда, напримѣръ, человѣкъ здоровый и, что называется, полный силы вдругъ начинаетъ похварывать и черезъ болѣе или менѣе продолжительное время видитъ себя на краю могилы... Преображаются, преображаются въ такихъ случаяхъ,—этому я самъ бывалъ свидѣтелемъ. Или, когда на человѣка обрушивается такой жестокій ударъ, что оставляетъ неизгладимый слѣдъ на каждой фибрѣ его существа... И въ этомъ случаѣ преображеніе является вполнѣ естественнымъ... Хоть рѣдко, но оно бываетъ,—повторилъ онъ и, хлебнувъ ложки двѣ супу, прибавилъ: — Только, ежели этотъ Полосовъ будетъ просить у васъ денегъ взаймы, вы бы все таки ему не давали... Онъ хотѣлъ опять зайти сегодня.

— Нѣтъ, нѣтъ... я далъ обѣщаніе, что денегъ не дамъ ему,—смѣясь, отвѣчалъ Осининъ.

Убѣдившись, что его жилецъ относится съ большимъ недовѣріемъ къ превращенію недавняго бандита въ порядочнаго человѣка, Самосадовъ нѣсколько успокоился, хотя все таки появленіе Полосова оставило въ немъ непріятное впечатлѣніе. За то время, которое Осининъ прожилъ у него, Самосадовъ настолько привыкъ къ нему, что былъ бы искренно огорченъ и поставленъ въ большое затрудненіе, еслибы этотъ порядочный во всѣхъ отношеніяхъ молодой человѣкъ запутался въ своихъ дѣлахъ, благодаря своему врожденному легкомыслію и благопріобрѣтеннымъ дрянным знакомымъ, въ родѣ Полосова. Что, въ самомъ дѣлѣ, сталъ бы дѣлать онъ, Самосадовъ, еслибы Осининъ оказался вдругъ не въ состояніи заплатить за свое содержаніе?.. Отказать ему отъ квартиры?.. Самосадовъ врядъ ли рѣшился бы на такую жосткую мѣру. Терпѣливо ждать, покуда человѣкъ приведетъ въ порядокъ свои дѣла? Но и въ этомъ было очень мало пріятнаго, тѣмъ болѣе, что легкомысленные люди, стараясь поправить свои запутавшіяся дѣла, очень часто достигаютъ только того, что запутываютъ ихъ еще хуже...

Вскорѣ послѣ обѣда, Полосовъ, дѣйствительно, пришелъ опять. Осининъ почти не сомнѣвался, что этотъ «бандитъ» явился съ намѣреніемъ занять у него денегъ, но скоро оказалось, что Полосовъ пришелъ просто пригласить его къ себѣ на маленькую вечеринку, которую онъ устраивалъ послѣ завтра, въ день рожденія Анны Васильевны.

Digitized by Google

— Вы у нея единственный здѣсь хорошій знакомый,—говорилъ онъ.—Будутъ ваши знакомые,—Телепневъ, Исполевъ и еще кое-кто, кого вы встрѣчали прежде... Пообѣдаемъ, чѣмъ Богъ послалъ, поговоримъ, а потомъ, если найдутся охотники, можно будетъ и побаловаться въ картишки... Сначала я хотѣлъ было устроить этотъ вечерокъ въ именины Анны Васильевны, девятаго сентября, но день оказался не такой подходящій. А послѣ завтра—суббота—самый удобный день. Если и засидимся немного поздно, то отъ этого не будетъ большаго неудобства: утромъ не идти на службу.

Осининъ обѣщалъ непремѣнно прійти, конечно, если не случится чего нибудь особеннаго.

— Вотъ и отлично... Очень вамъ благодаренъ,—съ искреннимъ удовольствіемъ сказалъ Полосовъ, отчасти хотѣвшій оказать вниманіе Аннѣ Васильевнѣ, пригласивъ на вечеринку ея стараго знакомаго, а отчасти разсчитывавшій выиграть у легко увлекавшагося за картами Осинина десятка полтора рублей.

— Конечно, говоря откровенно, когда я затѣялъ эту вечеринку, у меня были и другія соображенія,—продолжалъ онъ.—Человѣку, который ищетъ себѣ мѣста и безпокоитъ просьбами своихъ знакомыхъ, не лишнее и самому устроить что нибудь для этихъ знакомыхъ. Это такъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ хотѣлось также доставить хоть какое нибудь развлеченіе Аннѣ Васильевнѣ. Право, даже жаль ее иногда. Я, по крайней мѣрѣ, занятъ хоть бы тѣмъ, что рыскаю по городу съ утра до вечера. А она вѣдь цѣлые дни одна сидитъ въ своемъ нумерѣ. Съ матерью и отцомъ она и прежде была не въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Съ другими своими прежними знакомыми она тоже что-то не ладитъ... вѣроятно, изъ-за меня. Постоянно одна и одна... Положимъ, по ея характеру, и эта вечеринка не доставитъ ей много удовольствія, но все таки будетъ маленькое развлеченіе. Итакъ, въ субботу... мы васъ будемъ поджидать часамъ къ шести,—закончилъ онъ, поднявшись со стула и приводя въ порядокъ свою мягкую шляпу съ широкими полями.

Проводивъ его, Осининъ задумчиво возвратился въ свою комнату, думая о томъ, что этотъ «бандитъ», въ голосѣ котораго сейчасъ звучала такая неподдѣльная привязанность къ его любовницѣ, должно быть, и въ самомъ дѣлѣ несовсѣмъ испорченный человѣкъ.

Digitized by Google

XVIII.

Въ субботу, вечеромъ, Осинина задержали дѣла почти до семи часовъ, и когда онъ наконецъ освободился отъ нихъ и пришелъ къ Полосову, всѣ сидѣли уже за столомъ, накрытымъ въ свободномъ сосѣднемъ нумерѣ, и обѣдали.

— А мы васъ ждали, ждали... добрыхъ полчаса,—сказалъ Полосовъ, встрѣчая его.

— Какъ полчаса?.. Добрыхъ два часа!... Я привыкъ обѣдать въ пять часовъ... Семеро одного не ждутъ... Пускай вотъ онъ теперь и догоняетъ насъ во весь карьеръ,—прервалъ его, успѣвшій уже порядочно выпить, Исполевъ и счелъ нужнымъ обняться и поцѣловаться съ Осининымъ, такъ какъ не видался съ нимъ, по его выраженію, чуть ли не «со временъ своей юности»...

Всего собралось у Полосова человѣкъ двѣнадцать. Изъ нихъ Осининъ зналъ болѣе или менѣе только Телепнева, Исполева и еще Яшина, служившаго прежде кассиромъ у Спицына, а всѣ остальные или встрѣчались ему раза по два, по три, или совсѣмъ были незнакомы даже по фамиліямъ. Женщинъ, кромѣ Анны Васильевны, не было никого. Жена Телепнева обѣщала прійти, но не пришла, оттого,—какъ объяснилъ ея мужъ, — что у нея очень разболѣлась голова. Ея сестра, жена Яшина, тоже хотѣла быть, но еще утромъ забѣжала на минутку, чтобы извиниться и объяснить, что не можетъ прійти вечеромъ, потому что къ ней пріѣхала на цѣлый день изъ уѣзда старушка, родственница мужа, которую она никакъ не можетъ оставить одну... Анна Васильевна ни на одну минуту не повѣрила ни головной боли Телепневой, ни пріѣзду старой родственницы Яшиной. Она тотчасъ же поняла, что обѣ эти женщины даже и не думали показываться при постороннихъ людяхъ у нея,—случайной любовницы ихъ родственника, — и если обѣщали прійти къ ней сегодня, то сдѣлали это просто изъ вѣжливости и еще потому, что не видѣли надобности прерывать съ нею своего, такъ сказать, негласнаго знакомства. Это показалось Аннѣ Васильевнѣ до такой степени естественнымъ со стороны этихъ двухъ самыхъ обыкновенныхъ женщинъ, что она даже не обидѣлась и нисколько не разсердилась лично на

Digitized by Google

нихъ, но все таки ей сдѣлалось вдругъ очень тяжело и грустно.

— Сдѣлалъ глупость. Не слѣдовало и звать ихъ,—съ досадой сказалъ Полосовъ, обидѣвшійся за нее.

— Никакой не было глупости,—отвѣчала она.—Ты исполнилъ формальность,—пригласилъ ихъ; онѣ тоже исполнили формальность,—обѣщали прійти... вотъ и все.

Постепенно собиравшееся общество старыхъ знакомыхъ и пріятелей Полосова еще увеличивало тягость овладѣвшаго ею гнетущаго настроенія. Тѣ изъ этихъ людей, которые встрѣчались съ нею въ первый разъ, оглядывали ее такими глазами, какъ будто хотѣли откровенно сказать: «такъ себѣ, не уродъ, но что же Полосовъ нашелъ въ ней?» Одни изъ нихъ, раскланявшись съ нею, не обращали уже на нее больше никакого вниманія и, повернувшись спиной, толклись со своими знакомыми у нея подъ носомъ и только что не наступали каблуками ей на ноги. Другіе заговаривали съ нею, но такимъ противнымъ тономъ, такъ противно покручивая усы, выворачивая локти и усмѣхаясь, что она была душевно рада, когда освобождалась отъ нихъ. Сравнительно пріятное впечатлѣніе произвелъ на нее одинъ только Исполевъ, да и то ненадолго. Нѣсколько времени онъ говорилъ съ нею, какъ умный и деликатный человѣкъ, совсѣмъ не знающій ея и потому не считающій себя вправѣ думать о ней что нибудь дурное; потомъ она увидѣла почти со страхомъ, что онъ неподвижно сидитъ на подоконникѣ и, не мигая, смотритъ прямо передъ собой какими-то остекленившимися, совсѣмъ безумными глазами; а еще черезъ нѣсколько минутъ до нея долетѣла прямо грубая и вызвавшая громкій хохотъ шутка его по поводу сломанной ноги Полосова. У Анны Васильевны начали горѣть щоки отъ негодованія. И не онъ одинъ позволяетъ себѣ относиться такимъ образомъ къ дорогому для нея человѣку... Она видѣла, что всѣ, рѣшительно всѣ эти люди обращаются съ Полосовымъ такъ странно, что она не можетъ даже хорошенько истолковать себѣ смыслъ этого обращенія. Казалось, всѣ они не то, чтобы считали его ниже, хуже, глупѣе каждаго изъ нихъ, а какъ-то не находили возможнымъ относиться хоть сколько нибудь серьезно ни къ тому, что онъ служилъ помощникомъ капитана на пароходѣ, ни къ тому, что онъ домогается получить мѣсто

Digitized by Google

въ пароходномъ обществѣ, и ни къ чему изъ того, что онъ говорилъ, дѣлалъ или намѣревался дѣлать. Что это такое?.. И самъ Полосовъ не находилъ, повидимому, ничего особеннаго въ этомъ отношеніи къ нему. Отъ грубыхъ шутокъ онъ отшучивался также грубо, на смѣхъ отвѣчалъ смѣхомъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ не было ровно ничего серьезнаго въ томъ, напримѣръ, что онъ хлопоталъ о мѣстѣ завѣдывающаго какою-то «матерьяльною частью»... Что же это такое?

Среди этого общества она чувствовала себя словно въ толпѣ своихъ злѣйшихъ враговъ и, лишь только кончился обѣдъ, поспѣшила подойти къ Осинину, какъ бы отдаваясь подъ его защиту.

— Нѣтъ ли чего нибудь новаго?—спросилъ онъ, замѣтивъ ея разстроенное лицо.

— Вотъ новое, — тихо отвѣчала она, показавъ мрачными глазами на людей, толокшихся въ обѣихъ комнатахъ.

— А Василій Михайловичъ говорилъ, что хотѣлъ этой вечеринкой доставить вамъ развлеченіе,—усмѣхнувшись, сказалъ Осининъ.

— Развлеченіе... Я отдала бы годъ жизни, только бы не было этого дня развлеченія!—съ горечью отвѣчала она и хотѣла сказать еще что-то, но помѣшалъ Телепневъ, подошедшій къ нимъ въ это время.

— Вы знаете? — билеты поднялись сегодня до двухсотъ двадцати,—сказалъ онъ, дотронувшись до плеча Осинина.

— Я знаю. Они-то меня и задержали. Я сюда пріѣхалъ прямо отъ Епифанова, — отвѣчалъ Осининъ, машинально дотрогиваясь рукою до боковаго кармана, въ которомъ лежали деньги.

— Продали?

— Продалъ.

Телепневъ отошелъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ уже пересталъ думать объ Осининѣ и билетахъ, какъ вдругъ въ головѣ его точно самъ собою появился вопросъ: да неужто въ самомъ дѣлѣ этотъ легкомысленный молодецъ притащилъ съ собой сюда всѣ эти деньги, нимало не заботясь о томъ, что мало ли какія бываютъ случайности въ жизни?.. Если что случится, папенька заплатитъ... А если папенька возьметъ да и откажется платить? Тогда что?

Digitized by Google

Эта возможность какихъ бы то ни было случайностей, послѣдствіемъ которыхъ явилась бы утрата денегъ, лежавшихъ въ карманѣ Осинина, не только не тревожила Телепнева, но даже нѣсколько пріятно возбуждала его воображеніе. Онъ не то, чтобы не любилъ Осинина, не сдѣлавшаго ему ничего дурнаго, но просто какъ-то не могъ привыкнуть къ нему и постоянно смотрѣлъ на него со смутнымъ недовѣріемъ, какъ на совершенно чуждаго человѣка, съ совсѣмъ другимъ воспитаніемъ и какими-то странными понятіями. Учился въ университетѣ, читаетъ разныя мудреныя книги, смотритъ на все какъ-то не по людски и, повидимому, не понимаетъ даже той простой вещи, что каждому человѣку приходится прежде всего заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ, потому что если онъ самъ не будетъ пещись о нихъ, то кто же о нихъ позаботится?.. Богъ его знаетъ, что̀ онъ такое!.. Шелъ бы себѣ служить въ какое нибудь такое учрежденіе, гдѣ сидятъ такіе же, какъ онъ, образованные люди, а въ простую фабричную контору ему не слѣдовало и затесываться...

— Какъ ты думаешь: много ли у Осинина лежитъ денегъ въ карманѣ?—спросилъ онъ попавшагося ему на встрѣчу Полосова, который несъ въ рукахъ и подъ мышками съ полдюжины полуоткупоренныхъ бутылокъ.

— А что? Неужто ничего нѣтъ?—спросилъ, въ свою очередь, Полосовъ, не думавшій, чтобы у Осинина могло быть много денегъ, и истолковавшій вопросъ своего родственника въ томъ смыслѣ, что, можетъ быть, Осининъ, по своему легкомыслію, остался въ концѣ мѣсяца совсѣмъ безъ денегъ и занялъ у Телепнева рубля три.

Телепневъ молча вынулъ изъ кармана правую руку и тоже молча начертилъ на стѣнѣ указательнымъ пальцемъ сначала цифру 4, а потомъ отчетливо приставилъ къ ней одинъ за другимъ три нуля.

— Неужели четыре тысячи?

— Почти.

Продолжая держать въ рукахъ свои бутылки, Полосовъ прислонился плечемъ къ стѣнѣ и смотрѣлъ на своего родственника недоумѣвающими глазами.

— Экъ его!.. Откуда это?—спросилъ онъ.

Телепневъ въ немногихъ словахъ объяснилъ,—откуда. По-

Digitized by Google

лосовъ молча слушалъ, и лицо его принимало все болѣе и болѣе меланхолическое выраженіе. Четыре тысячи рублей!! Еслибы эти деньги были у Осинина не чужія!.. Онъ поигрывалъ въ карты съ изрядным увлеченіемъ и, еслибы эти деньги были его собственныя, по всей вѣроятности, не сталъ бы особенно церемониться съ ними. А теперь...

— Чего добраго, онъ совсѣмъ не станетъ играть сегодня, чтобы не увлечься. Вотъ и вся выгода,—сказалъ онъ съ огорченіемъ и досадой.

Телепневъ, признавая внутренно основательность этого соображенія своего родственника, только пожалъ плечами, а Полосовъ задумчиво и озабоченно пошелъ дальше со своими бутылками. Мысль объ этихъ четырехъ тысячахъ, находившихся всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, такъ крѣпко засѣла ему въ головѣ, что рѣшительно мѣшала думать о чемъ нибудь другомъ. Четыре тысячи, четыре тысячи!.. Переходя изъ комнаты въ комнату, отъ одной группы своихъ гостей къ другой, онъ встрѣтился съ выходившимъ изъ передней бѣлокурымъ, блѣднолицымъ господиномъ, чрезвычайно изысканно одѣтымъ, надушеннымъ и небрежно покручивавшимъ свои, вытянутые въ ниточку, свѣтло-русые усики. Это былъ нѣкто Зацѣпинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, недурно рисовавшій карикатуры, порядочно игравшій на скрипкѣ и иногда показывавшій, преимущественно въ женскомъ обществѣ, поразительные фокусы съ картами. Онъ служилъ въ какомъ-то банкѣ, получалъ около двухъ тысячъ жалованья, но такъ какъ у него на рукахъ была мать да засидѣвшаяся въ дѣвицахъ старшая сестра, и всѣ трое обладали довольно взыскательными вкусами, то къ этимъ двумъ тысячамъ приходилось каждогодно добавлять, можетъ быть, еще по стольку же. Сначала этотъ недочетъ кое-какъ покрывался остатками когда-то бывшаго у нихъ состоянія, потомъ пошла жизнь на половину въ долгъ; еще дальше стали поговаривать, что Зацѣпинъ не столько тратитъ денегъ на женщинъ, сколько получаетъ отъ нихъ, и, наконецъ, въ самое послѣднее время начали кое-у-кого возникать смутныя подозрѣнія, что главный ресурсъ этого молодаго человѣка заключается, повидимому, въ картахъ.

— Кто это такая живетъ почти напротивъ васъ, въ двадцатомъ нумерѣ?—спросилъ онъ Полосова.

Digitized by Google

— Я не знаю... Какая-то старуха изъ уѣзда пріѣхала посовѣтоваться съ докторами,—разсѣянно отвѣчалъ Полосовъ и потомъ уже прибавилъ:—Впрочемъ, если ты встрѣтилъ прехорошенькую барышню съ родинкой на щекѣ... это, кажется, ея племянница или что-то въ этомъ родѣ. Она живетъ не здѣсь, съ родителями.

— Да, съ родинкой... преинтересненькая. Гдѣ-то я ее встрѣчалъ уже,—задумчиво проговорилъ Зацѣпинъ, покручивая и завастривая усы.—Вотъ что я тебя попрошу: скажи ты своей барынѣ, чтобы она какъ нибудь поразспросила горничную, кто это такая...

— Хорошо, скажу... если не забуду, — равнодушно отвѣчалъ Полосовъ, не интересовавшійся въ эту минуту никакими барышнями.—Теперь, по правдѣ сказать, у меня въ головѣ сидитъ только одна мысль... Ты только представь себѣ, что здѣсь есть одинъ молодецъ, съ которымъ денегъ не меньше какъ четы-ре тысячи!..

«Четыре тысячи» произвели довольно чувствительное впечатлѣніе и на Зацѣпина, нерѣдко съ горечью говорившаго сестрѣ и матери, что нѣтъ, кажется, такого дня въ недѣлѣ и такого часа въ теченіе дня, когда бы ему не приходилось чувствовать нужду въ деньгахъ. Онъ оставилъ въ покоѣ усы и пристальнѣе вглядѣлся въ лицо Полосова своими бѣлесоватыми холодными глазами. Что еще за молодецъ нашелся, который таскаетъ съ собой такія деньги?

— Да, можетъ быть, онѣ у него зашиты въ подкладкѣ... Что же мы подѣлаемъ въ такомъ случаѣ? — пошутилъ онъ.

— Нѣтъ, не зашиты. А штука въ томъ, что онъ получилъ эти деньги какъ разъ въ то самое время, когда ему было пора идти сюда. Онъ и пришелъ съ ними.

— Кто же это «онъ»?

— Осининъ.

Покосившись на приближавшагося къ нимъ Исполева, они вышли въ коридоръ и тамъ продолжали свою бесѣду. Полосовъ объяснилъ, какія это были деньги у Осинина, а также высказалъ и свое опасеніе, что, пожалуй, онъ сегодня не рѣшится сѣсть за карты.

Зацѣпинъ насмѣшливо скривилъ губы.

Digitized by Google

— Отчего же не рѣшится, если любитъ играть? Вѣдь онъ же сядетъ играть не на эти чужія четыре тысячи, а на свои собственныя деньги. Это—первое... Второе,—нужно позаботиться, чтобы у него не было недостатка въ храбрости, и заставить его побольше выпить. Третье,—нужно не давать ему задумываться и слѣдуетъ не спрашивать его: не угодно ли ему пожаловать за карты? а прямо говорить: «пожалуйте». И пожалуетъ!.. Но прежде всего, разумѣется, надо позаботиться о томъ, чтобы онъ достаточно воодушевился. Пусть сначала выпьетъ за здоровье твоей барыни; недаромъ же онъ будетъ торчать около ея юбокъ... Потомъ ты съ нимъ выпьешь. Потомъ, пожалуй, я подойду,—сказалъ Зацѣпинъ насмѣшливо-снисходительнымъ тономъ учителя, разъясняющаго задачу ученику.

Вооружившись бутылками и стаканами, Полосовъ пошелъ къ Осинину, продолжавшему разговаривать съ Анной Васильевной. Вскорѣ къ нимъ троимъ присоединились еще Зацѣпинъ, Телепневъ, Исполевъ, и устроили такъ, что Осинину пришлось выпить отдѣльно съ каждымъ изъ нихъ, за исключеніемъ Исполева, приткнувшагося къ нимъ безъ всякихъ заднихъ мыслей и не желавшаго подпаивать кого бы то ни было. Голова Осинина отяжелѣла. Однако когда, черезъ нѣсколько времени начали устанавливать ломберные столы для игры, а потомъ Полосовъ, какъ бы мимоходомъ, пригласилъ его не терять «золотаго времени» и занимать мѣсто,—первою мыслью Осинина было: не лучше ли будетъ, если онъ поостережется сегодня играть и благоразумно удалится домой.

— Ахъ, еслибы вы могли хорошенько обыграть его... Такъ, чтобы у него не осталось ни копѣйки, никакой вещички, которую можно было бы заложить! — тихонько вскричала Анна Васильевна, поднимая и опуская руку, точно добивала кого нибудь.

— Кого «его»?—разсѣянно спросилъ Осининъ, все еще не зная,—играть ему или не играть.

— Его!—повторила она, тоже выпившая, почти по принужденію, больше чѣмъ могла пить, и показала на Полосова.—Пожалуйста... Постарайтесь какъ нибудь!..

Осининъ посмотрѣлъ на ея разгорѣвшееся лицо, пунцовыя губы, искрившіеся глаза, и вдругъ,—какъ и предвидѣлъ Зацѣпинъ,—рѣшилъ, что отчего бы ему не попробовать сегодня

Digitized by Google

счастья въ игрѣ, такъ какъ играть онъ будетъ, разумѣется, не на чужія же деньги, а на свои собственныя.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ.—Только дайте мнѣ руку на счастье.

Она крѣпко пожала ему руку. Рука у нея, какъ показалось Осинину, была слишкомъ горяча. Онъ сѣлъ къ столу. Анна Васильевна помѣстилась около него. Кто-то замѣтилъ, что у нихъ, такимъ образомъ, будутъ два счастья противъ одного, единственнаго, какимъ располагаетъ каждый изъ другихъ играющихъ,—шансы далеко не одинаковые.

— Счастья ли?—коротко отвѣчала она, вдругъ сдѣлавшись невеселой.

Сначала Осининъ игралъ довольно счастливо, но потомъ, понемногу, проигралъ почти все, что̀ успѣлъ выиграть.

— Дайте-ка еще разъ вашу руку,—сказалъ онъ, обернувшись къ Аннѣ Васильевнѣ.

Думавшая въ это время о томъ, что она приноситъ скорѣе несчастье, чѣмъ счастье, всѣмъ тѣмъ, къ кому приближается, Анна Васильевна неохотно исполнила его просьбу.

— Не будетъ ли хуже?—сказала она.—Лучше я уйду... Къ тому же у меня начинаетъ болѣть голова.

— Теперь у васъ рука совсѣмъ холодная,—замѣтилъ Осининъ и, всматриваясь въ ея лицо, увидѣлъ, что оно поблѣднѣло и какъ будто осунулось.

— Да... Болитъ голова... очень... Еще немного посмотрю и уйду,—отвѣчала она.

Еслибы она ушла сейчасъ, можетъ быть, ушелъ бы и онъ. А черезъ четверть часа, когда она, совсѣмъ блѣдная отъ быстро усиливавшейся головной боли, тихо встала и ушла изъ комнаты, онъ даже не замѣтилъ ея отсутствія. Щоки у него горѣли, въ вискахъ точно постукивали маятники, голова тоже начинала побаливать и, казалось, постепенно наполнялась какимъ-то горячимъ туманомъ, мѣшавшимъ ему понимать вещи такъ, какъ онъ понималъ ихъ въ обыкновенное время. Онъ игралъ теперь уже на спицынскія деньги, однако не хотѣлъ признавать ихъ чужими, которыми онъ не можетъ распоряжаться. Не все ли равно? Спицынъ свое получитъ... Ну, вотъ, онъ, Осининъ, проигралъ свое жалованье за мѣсяцъ, за два или хотя бы за три мѣсяца, какое до этого дѣло Спицыну? Спи-

Digitized by Google

цынъ можетъ требовать только, чтобы ему были возвращены деньги,—и онѣ будутъ возвращены...

Проклятое счастье! Какъ солнышко въ пасмурный день,—то покажется на нѣсколько минутъ, то опять скроется, выглянетъ и сейчасъ же снова уйдетъ за тучки... Хоть бы Анна Васильевна опять дала ему свою руку на счастье. Гдѣ Анна Васильевна?.. Ахъ, она уже ушла, а онъ и не замѣтилъ. У нея болитъ голова.... и у него тоже побаливаетъ... Проклятое счастье!..

Однако, если дѣла пойдутъ все также, ему придется поплатиться за это удовольствіе очень серьезно, такъ серьезно, какъ онъ и не ожидалъ. Положимъ, Полосовъ, какъ видно, рѣшительно не намѣренъ уѣзжать отсюда и, слѣдовательно, деньги, которыя обѣщаны Аннѣ Васильевнѣ, можно будетъ взять уже прямо для себя. Потомъ можно будетъ занять у Самосадова, обратиться къ Геласіеву... У Геласіева онъ никогда не занималъ ни гроша; Геласіевъ не такой человѣкъ, чтобы равнодушно оставилъ его въ трудную минуту. Въ крайнемъ случаѣ, наконецъ, можно будетъ попросить взаймы нѣсколько сотъ рублей и у отца. Деньги, вѣроятно, можно будетъ достать... Трудно, очень трудно будетъ только расплачиваться съ этими долгами! Да и то, пожалуй, не особенно трудно, если оставить дорогую квартиру у Самосадова и повести по старому такую жизнь, чтобы проживать на себя рублей сорокъ въ мѣсяцъ, а всѣ остальныя деньги отдавать на погашеніе долга.

Ну, не повезло ли ему, наконецъ, счастье? Нѣтъ... только поманило, проклятое!.. Съ сердцемъ оттолкнувъ отъ себя карты, Осининъ вдругъ подмѣтилъ, воровски скользнувшій по немъ и тотчасъ же словно спрятавшійся, насмѣшливый и злорадный взглядъ Телепнева. Что такое?.. Торжествуетъ, радуется... Кажется, онъ что-то такое спрашивалъ о билетахъ Спицына и, должно быть, догадался, что деньги за эти билеты лежатъ у него, Осинина, въ карманѣ... И теперь радуется, что человѣкъ, которому Спицынъ оказывалъ больше довѣрія, чѣмъ ему, такъ хорошо оправдываетъ это довѣріе. Гадина!.. И, можетъ быть, онъ еще сообщилъ другимъ, хотя бы тому же Полосову, что у Осинина лежатъ въ карманѣ четыре тысячи...

Лицо Осинина сдѣлалось угрюмымъ и, сжимая рукой все

Digitized by Google

сильнѣе и сильнѣе разбаливавшуюся голову, онъ отъ времени до времени взглядывалъ подозрительными глазами на окружающихъ его людей. Исполевъ... ну, это несомнѣнно честный человѣкъ. Онъ тоже проигрывается. Разница только въ томъ, что онъ, счастливецъ, проигрываетъ не чужія, а свои деньги. Онъ художникъ, иконописецъ, у него большая мастерская, ученики, много заказовъ... что ему?.. Полосовъ... ну, отъ этого можно ожидать всего, какъ бы ни вѣровала Анна Васильевна въ то, что онъ сдѣлался «совсѣмъ другимъ человѣкомъ». Вѣдь это, кажется, про него говорили, что онъ, когда былъ помощникомъ капитана на пароходѣ, подпоилъ и шулерски обыгралъ кого-то изъ пассажировъ... А этотъ блѣднолицый франтъ съ вытянутыми въ нитку усами и съ моноклемъ въ глазу?.. Онъ, Осининъ, уже гдѣ-то видѣлъ его, что-то слышалъ о немъ. Какъ его фамилія?.. Боже мой,—да вѣдь это Зацѣпинъ, о которомъ поговаривали, хотя и довольно неопредѣленно, что картами онъ добываетъ себѣ больше денегъ, чѣмъ получаетъ въ своемъ банкѣ. Зацѣпинъ!.. Слѣдовательно, и этотъ увивающійся около него красный, съ непріятными глазами, юноша, по всей вѣроятности, никто иной, какъ тотъ извѣстный «Лёва», который года два назадъ обокралъ воспитывавшую его тетку, былъ выгнанъ ею изъ дома, жилъ по ночлежнымъ пріютамъ, пропадалъ неизвѣстно куда; потомъ опять появлялся то писцемъ въ полицейскомъ управленіи, то актеромъ на выходныя роли; снова исчезалъ изъ виду и снова появлялся. Теперь онъ, какъ говорятъ, сошелся очень близко съ сестрой Зацѣпина и, при его посредствѣ, получилъ какое-то маленькое мѣсто въ томъ же банкѣ, въ которомъ служитъ самъ Зацѣпинъ. Ну, да, они—на «ты»... Цѣлая шайка!.. Нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что они нарочно подпоили его передъ началомъ игры и, можетъ быть, даже подсыпали ему чего нибудь въ вино, потому что никогда онъ не испытывалъ такой тяжелой головной боли и никогда не чувствовалъ себя такъ нехорошо... А онъ, дуракъ, все время не переставалъ надѣяться, что счастье, наконецъ, повернется и къ нему. Какое тутъ счастье!..

— Извините, господа,—сказалъ онъ вдругъ.—Я не могу больше играть. У меня невыносимо разболѣлась голова.

Всѣ посмотрѣли на него. Лёва досадливо крякнулъ; Зацѣпинъ переглянулся съ Полосовымъ и сдѣлалъ кислую гримасу;

Digitized by Google

Исполевъ и нѣкоторые другіе изъ игроковъ, недовольные тѣмъ, что увлекавшая ихъ игра на минуту пріостановилась, нахмурили брови. Однако, Осининъ былъ до такой степени блѣденъ и съ такимъ болѣзненнымъ выраженіемъ въ лицѣ отиралъ платкомъ холодный потъ, выступившій у него на лбу, что тотчасъ же вызвалъ нѣкоторое сочувствіе къ себѣ.

— Выпейте воды,—посовѣтовалъ Исполевъ.

— Откройте тамъ окно и посидите у него спокойно. Можетъ быть, еще отсидитесь,—сказалъ какой-то незнакомый Осинину высокій пожилой человѣкъ съ сѣдой головой и съ черными бровями.

Полосовъ принесъ воды. Пріотворивъ окно въ сосѣдней комнатѣ, Осининъ сѣлъ около него въ кресло. Еслибы онъ могъ сидѣть дѣйствительно «спокойно» или даже задремать, его головная боль, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ нѣсколько затихла бы, но онъ выходилъ изъ себя при мысли, что позволилъ обобрать себя, какъ дурака; сердце его билось, точно отъ угара, кровь стучала въ виски и, казалось, собиралась разломить ихъ. Нѣтъ, самое лучшее будетъ—уѣхать изъ этого вертепа... Ни съ кѣмъ не прощаясь, онъ прошелъ въ прихожую и началъ уже надѣяться, что ему удастся уйти не замѣченнымъ и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ кѣмъ бы то ни было. Однако, только что онъ принялся отыскивать свое пальто, какъ въ прихожую поспѣшно вошли Полосовъ и вертлявый Лёва. Послѣдній, кажется, даже прибѣжалъ въ припрыжку.

— Не лучше?—спросилъ Полосовъ, сдѣлавъ на скорую руку соболѣзнующее лицо.

— Все тоже,—нехотя пробормоталъ Осининъ сквозь стиснутые зубы.

Почти всѣ пальто оказались сваленными въ одну кучу на чемоданѣ, стоявшемъ у стѣны. Прошло нѣсколько минутъ, покуда Осинину и не столько помогавшимъ, сколько мѣшавшимъ ему Полосову и Лёвѣ, удалось разобраться въ этой кучѣ и найти то, что было нужно.

— Ты, все равно, не играешь... Проводи,—шепнулъ Полосовъ Лёвѣ.

— Ладно, ладно,—отвѣчалъ юноша.

Дѣйствительно, онъ вышелъ за Осининымъ въ коридоръ,

Digitized by Google

прошелъ за нимъ нѣсколько шаговъ, но потомъ свернулъ въ узенькій боковой коридоръ и скрылся въ немъ.

XIX.

Пріѣхавъ домой и пройдя въ свою комнату, Осининъ,—какъ былъ въ пальто,—сѣлъ, или лучше сказать, улегся въ кресло и закрылъ глаза. Однако, огонекъ свѣчи все таки нѣсколько безпокоилъ его. Пришлось приподняться съ кресла и потушить свѣчу. И когда, наконецъ, онъ остался въ темнотѣ, совсѣмъ одинъ, и не было больше надобности ни говорить, ни ходить, ни шевелиться,—мучительная головная боль сдѣлалась нѣсколько сноснѣе. Еслибы еще возможно было не думать о проигранныхъ деньгахъ и не волноваться... Но и это оказалось возможнымъ. Черезъ нѣсколько минутъ, все его вниманіе сосредоточилось на головной боли, точно угасавшей, какъ гаснетъ огонь, когда къ нему прекратился доступъ воздуха. Не нужно только шевелиться... Остерегаясь сдѣлать хоть сколько нибудь рѣзкое движеніе, боясь даже вздохнуть поглубже, словно онъ опасался разбудить заснувшаго звѣря, Осининъ осторожно умѣстилъ поудобнѣе больную голову на спинкѣ кресла и скоро задремалъ. Черезъ сколько-то времени онъ очнулся и перешелъ съ кресла на диванъ. Кровь опять начала постукивать въ виски, но черезъ минуту успокоилась, и Осининъ снова заснулъ.

Когда онъ проснулся, было уже совсѣмъ свѣтло. Стрѣлки на круглыхъ деревянныхъ часахъ, висѣвшихъ надъ письменнымъ столомъ, показывали шесть безъ десяти минутъ. Голова у него перестала болѣть. Правда, въ ней чувствовалась непріятная тяжесть, весь онъ былъ точно какой-то разбитый, по тѣлу безпрестанно пробѣгала лихорадочная дрожь, но все это были пустяки, сравнительно съ тою болѣзненною тяжестью, которая подавляла его сердце. Теперь онъ уже не обманывалъ себя, какъ вчера, несбыточными надеждами на то, что откуда-то достанетъ денегъ. Откуда онъ ихъ достанетъ? Пропалъ, вотъ и все... Рублей тысячу—это онъ могъ бы еще, пожалуй, собрать, хотя съ очень большимъ трудомъ, отъ разныхъ лицъ и не сейчасъ, а черезъ нѣсколько дней. Проигралъ же онъ, по его соображеніямъ, тысячи три...

Digitized by Google

Въ смутной надеждѣ, что, можетъ быть, проигрышъ окажется на самомъ дѣлѣ значительно меньше, Осининъ сталъ разыскивать свой бумажникъ. Въ боковомъ карманѣ сюртука—его не оказалось, въ пальто—тоже, на столѣ—тоже. Ощупавъ всѣ карманы, Осининъ осмотрѣлъ полъ, приподнялъ коверъ, обшарилъ кресло, обыскалъ и даже отодвинулъ отъ стѣны диванъ,—бумажника нигдѣ не было. Сочтя этотъ первый осмотръ нѣсколько торопливымъ и поверхностнымъ, Осининъ вторично обыскалъ бо́льшую часть комнаты,—но и на этотъ разъ его поиски не оказались успѣшнѣе. Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ и пріѣхалъ вчера домой уже безъ бумажника. Въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился по милости проигрыша и этой ужасной головной боли, — все было возможно. Онъ могъ уронить бумажникъ на полъ, когда вставалъ изъ-за игорнаго стола, могъ выронить его изъ кармана въ то время, когда разыскивалъ свое пальто въ грудѣ платья, наваленнаго въ прихожей, могъ потерять его, когда возвращался домой на извощикѣ... Что за проклятый вечеръ!.. Въ сущности, тысячей больше или тысячей меньше,—для него было все равно въ данную минуту, потому что три тысячи было также невозможно достать, какъ и четыре, однако же эта новая несчастная случайность въ конецъ подавила его. Теперь онъ уже безповоротно рѣшилъ, что «пропалъ».

Взявъ пледъ и закутавшись въ него, какъ въ одѣяло, чтобы хоть сколько нибудь согрѣться, онъ опять легъ на диванъ и, подобно тому, какъ нѣсколько минутъ назадъ обшаривалъ вторично всю комнату, въ надеждѣ найти бумажникъ, также принялся теперь еще разъ перебирать въ своемъ умѣ все то, на что можно было хоть сколько нибудь разсчитывать. Спицынъ за границей... Да еслибъ онъ и былъ здѣсь, нелѣпо было надѣяться на то, чтобы такой человѣкъ отнесся къ нему съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ и пошелъ бы на какую нибудь сдѣлку, — напримѣръ, согласился бы оставить его на прежней должности, съ тѣмъ чтобы вычитать у него хотя бы три четверти жалованья на погашеніе растраты. Объ этомъ глупо и думать! Геласіевъ... Геласіевъ, по всей вѣроятности, единственный человѣкъ на землѣ, который отъ всей души пожалѣетъ и серьезно задумается надъ тѣмъ, не слѣдуетъ ли его выручить. Если его хорошенько разжалобить, то отъ него, по-

Digitized by Google

жалуй, даже станется, что онъ попробуетъ у кого нибудь занять эти четыре тысячи. На это онъ способенъ, хотя самъ, съ своей газетой, насилу сводитъ концы съ концами и третій годъ все только собирается купить себѣ порядочные часы, на смѣну своимъ теперешнимъ «старымъ вралямъ»...

Отецъ... Когда-то, лѣтъ двадцать слишкомъ назадъ, покуда была жива мать Осинина, отецъ, можетъ быть, и любилъ его. Но, съ тѣхъ поръ какъ къ нимъ въ домъ переселилась Александра Михайловна со своимъ Адріаномъ, Осининъ не слышалъ больше отъ отца ни одного добраго слова. Во всѣхъ его безпрестанныхъ столкновеніяхъ со своднымъ братомъ отецъ всегда оправдывалъ Адріана и во всемъ обвинялъ его, Осинина,—«сквернаго, дерзкаго и завистливаго мальчишку». И когда, наконецъ, потерявшій терпѣніе Осининъ пришелъ въ одинъ прекрасный вечеръ къ отцу и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ ему, что хочетъ переѣхать на отдѣльную квартиру, отецъ послалъ ему, кончиками своихъ пальцевъ, воздушный поцѣлуй.

— Прекрасная мысль! — сказалъ онъ.—Я очень радъ, что тебѣ въ голову приходятъ не однѣ дурныя мысли. Сдѣлай милость, переѣзжай... Я съ удовольствіемъ буду давать тебѣ рублей по двадцати пяти въ мѣсяцъ, только бы избавиться отъ этихъ непріятныхъ домашнихъ исторій...

Да и откуда отецъ можетъ достать такія деньги? Лѣтъ десять назадъ, когда онъ проигралъ въ одинъ несчастный вечеръ въ клубѣ около полутораста рублей, Александра Михайловна такъ обошлась съ нимъ, что онъ съ тѣхъ поръ чуть ли не совсѣмъ пересталъ бывать въ клубѣ. Проживать они должны довольно много. Кромѣ Адріана, у нихъ есть еще двѣ дочери, изъ которыхъ старшей уже около семнадцати лѣтъ, а другой, должно быть, четырнадцать. Отецъ и мать, вѣроятно, уже подумываютъ о приданомъ для старшей дочери. Да, наконецъ, если у нихъ и скопились кое-какія сбереженія на всякій случай, то развѣ Александра Михайловна позволитъ тронуть ихъ для кого бы то ни было въ мірѣ, не только что для него, врага ея ненагляднаго сокровища Адріана?.. Она будетъ даже очень рада, что Осининъ такъ «блистательно» завершилъ свою карьеру. «Что я говорила всегда о немъ?!»—скажетъ она со злорадствомъ торжествомъ своему мужу. А тотъ, по всей вѣроят-

Digitized by Google

ности, пожметъ плечами и проговоритъ: «Да, нечего сказать, поддержалъ свое достоинство... одолжилъ!»

Нѣтъ, ужь къ нимъ-то онъ во всякомъ случаѣ не пойдетъ... Да и ни къ кому не пойдетъ. Даже къ Геласіеву не пойдетъ... Съ какой стати будетъ онъ запутывать людей въ непріятную и порядкомъ грязноватую исторію, которая произошла не по какому нибудь несчастному стеченію обстоятельствъ, а прямо по его винѣ. Еслибы онъ еще потерялъ эти деньги... а то проигралъ!.. Это все равно, какъ еслибы онъ взялъ да проигралъ вотъ эту картину на стѣнѣ, принадлежащую Самосадову... Онъ одинъ виноватъ въ этой гадости, — одинъ же и долженъ раздѣлываться...

XX.

Въ неплотно притворенную дверь его комнаты заглянулъ Самосадовъ. Увидѣвъ, что его жилецъ лежитъ на диванѣ совсѣмъ одѣтый и, кромѣ того, закутавшійся въ пледъ, Самосадовъ съ нѣсколько озабоченнымъ видомъ вошелъ въ комнату.

— Что еще такое? Изволили захворать? — спросилъ онъ, подходя поближе и вглядываясь въ блѣдное лицо Осинина.

— Нѣтъ, не то,—отвѣчалъ Осининъ и потомъ прибавилъ:— Прощайте, Ѳедоръ Ѳедоровичъ... Больше я у васъ не жилецъ. Пропалъ... Вчера я проигралъ четыре тысячи чужихъ денегъ.

Глаза у Самосадова сдѣлались чуть ли не вдвое больше. Онъ былъ пораженъ и неожиданностью этого сообщенія, и огромностью проигранной суммы, и тѣмъ, что это были чужія деньги, и тѣмъ, что теряетъ такого хорошаго жильца, и тѣмъ, что Осининъ говоритъ объ этой катастрофѣ съ такимъ страннымъ спокойствіемъ.

— Да какъ же... какъ же вы могли позволить себѣ играть на чужія деньги?!.—съ негодованіемъ вскричалъ онъ.

— Я и самъ до этого времени думалъ, что не способенъ на это. А вотъ, оказывается, что способенъ,—отвѣчалъ Осининъ, пожавъ плечами.

Самосадовъ продолжалъ разсматривать его суровыми глазами, какъ будто только теперь замѣтилъ въ его наружности нѣчто такое, чего до этого времени не видѣлъ.

— Все таки, какъ же... Ну, пошли вы играть... а прежде

Digitized by Google

зашли въ контору и взяли изъ кассы четыре тысячи... Такъ, что ли? Я ничего не понимаю,—сказалъ онъ, дѣйствительно не понимая, какъ могли быть у Осинина въ карманѣ тѣ четыре тысячи, которыя онъ проигралъ.

Осинину вовсе не доставляло удовольствія распространяться объ этой исторіи, и потому изложеніе ея произошло въ такой формѣ, что онъ произносилъ какую нибудь фразу, въ родѣ того, напримѣръ, что Спицынъ поручилъ продать ему столько-то билетовъ по такой-то цѣнѣ, и, произнеся эту фразу, останавливался. Взвѣсивъ эту фразу надлежащимъ образомъ, Самосадовъ или просто говорилъ: «ну»... приглашая его продолжать дальше, или задавалъ какой нибудь вопросъ, и такимъ образомъ,—фраза за фразой, отвѣтъ за отвѣтомъ,—получилось вполнѣ обстоятельное изложеніе того, что произошло вчера вечеромъ. Лицо Самосадова мало по малу утратило свое суровое и недоумѣвающее выраженіе. Теперь для почтеннаго Ѳедора Ѳедоровича все было понятно и просто. Разумѣется, самъ онъ ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ таскать въ карманѣ нѣсколько тысячъ чужихъ денегъ и, тѣмъ больше, сѣсть съ ними за игорный столъ, но для легкомысленнаго Осинина это было вполнѣ естественно. Для Самосадова оставалось непонятнымъ только странное спокойствіе Осинина. Онъ ни разу не улыбнулся, хотя бы съ горечью и насмѣшкой надъ самимъ собой, не сдѣлалъ ни одного рѣзкаго движенія, не проронилъ ни одной жалобы на свое несчастье или на шайку подпоившихъ и обобравшихъ его негодяевъ. Онъ былъ спокоенъ, сдержанъ, очень серьезенъ, и все время думалъ, казалось, совсѣмъ о другомъ.

— Бываютъ же такія несчастныя стеченія обстоятельствъ... Что же теперь дѣлать?—проговорилъ наконецъ Самосадовъ, посматривая на него изподлобья.

Осининъ, смотрѣвшій въ стѣну, пожалъ плечами.

— Что же мнѣ дѣлать?.. Остается только написать брату Спицына о томъ, что случилось. Напишу...

«Что же, онъ, какъ видно, не намѣренъ даже и попробовать, не удастся ли ему гдѣ нибудь достать денегъ»? подумалъ Самосадовъ, начиная тревожиться:—не замышляетъ ли его легкомысленный жилецъ выйти изъ своего скверная положенія съ помощью самоубійства?.. Этого еще не доставало!

Digitized by Google

— Пойдемте-ка, покуда, пить чай,—сказалъ онъ, вспомнивъ, наконецъ, что жена давно ждетъ ихъ къ чаю.

— Чаю я выпилъ бы съ удовольствіемъ. Только не сдѣлаете ли вы мнѣ такого одолженія,—не пришлете ли его мнѣ сюда. Право, я съ удовольствіемъ запрятался бы хоть подъ землю, только бы не показываться никому на глаза,—отвѣчалъ Осининъ, въ первый разъ обнаруживъ нѣкоторое волненіе.

— Хорошо,—согласился неохотно Самосадовъ, говоря самому себѣ, что было бы лучше не оставлять Осинина одного и въ то же время хорошо понимая, что нельзя же приставить къ нему караула.

Пройдя въ столовую, онъ въ нѣсколькихъ отрывистыхъ, вполголоса произнесенныхъ, фразахъ сообщилъ женѣ о случившемся. «Сквернѣйшее дѣло! Проигралъ чужія деньги. Подпоили, обыграли... Цѣлыхъ четыре тысячи»!..

Марья Николаевна всплеснула руками и поблѣднѣла.

— Что же будетъ съ нимъ теперь?!—вскричала она.

— Хорошаго мало... Прогонятъ съ мѣста, привлекутъ къ суду... если только онъ не приметъ раньше какихъ нибудь особенныхъ мѣръ. Я боюсь оставлять его одного; поэтому сдѣлай мнѣ милость,—одѣнься, пожалуйста, поскорѣе и поѣзжай къ Геласіеву...

Но Марья Николаевна уже не слушала его, потому что залилась слезами.

— Ахъ, Ѳедя, Ѳедя! — вскрикивала она тихонько между рыданіями. — Да неужели же никто не поможетъ ему?.. Вѣдь онъ же выплатитъ эти деньги. Неужели же ему погибать изъза нихъ?.. Да Богъ съ ними! Неужели ты не дашь ему ихъ?

Самосадовъ поморщился... На одну минуту его обыкновенно спокойное сердце пришло въ нѣкоторое смятеніе и преисполнилось той же жалостью къ легкомысленному молодому человѣку, какою дышало каждое слово чувствительной Марьи Николаевны. Но это продолжалось всего только одну минуту. Четыре тысячи!.. Эти четыре тысячи онъ скапливалъ по рублямъ, можетъ быть, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, лелѣя въ своемъ сердцѣ сладкую надежду, что подъ старость купитъ себѣ на родинѣ клочокъ земли и проживетъ спокойно остатокъ жизни въ своемъ собственномъ углу... Конечно, надо думать, что Осининъ постарается выплатить эти деньги, если только будетъ въ

Digitized by Google

состояніи... но въ томъ-то и вопросъ:—будетъ ли онъ въ состояніи? Мало ли что̀ можетъ случиться?.. Можетъ потерять свое теперешнее мѣсто, можетъ долго не найти другаго и совсѣмъ сбиться съ толку; можетъ захворать, умереть...

— Сдѣлай ты мнѣ одолженіе, поѣзжай, пожалуйста, къ Геласіеву, не теряй времени!—съ досадой сказалъ онъ.—Привези его... Если нѣтъ дома, загляни въ контору, въ типографію. А если не найдешь нигдѣ... ну, тогда скажи, чтобы его прислали немедленно, какъ только онъ покажется... Иди, иди скорѣе!

Наскоро одѣвшись и не успѣвъ еще какъ слѣдуетъ осушить слезъ, безпрестанно навертывавшихся ей на глаза, Марья Николаевна собралась уйти, но у двери опять пріостановилась.

— Ну, если ты не можешь рѣшиться одинъ, — нѣсколько безтолково сказала она,—сложитесь нѣсколько человѣкъ... Ты, Геласіевъ, еще кто нибудь. Геласіевъ—добрый человѣкъ...

Хмурый Самосадовъ молча отворилъ ей дверь. Марья Николаевна слегка всхлипнула еще разъ и ушла. Наливъ себѣ стаканъ чаю, Ѳедоръ Ѳедоровичъ пошелъ съ нимъ опять къ своему жильцу. Осининъ тоже пилъ чай.

— По настоящему, слѣдовало бы просто-на-просто обратиться къ полицмейстеру,—заговорилъ Самосадовъ, остановившись посрединѣ комнаты и прихлебывая изъ стакана чай.—Навалихинъ—человѣкъ неглупый и, конечно, знаетъ хорошо всѣхъ этихъ господъ...

— Помилосердствуйте, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Я не маленькій!—отвѣчалъ Осининъ, видимо даже обидѣвшись.—Никто меня не сажалъ насильно за карты,—я самъ сѣлъ. Положимъ, они меня подпоили, но вѣдь и на это была моя добрая воля,—пить или не пить... Да и съ какой стороны ни разсматривать эту исторію, а все таки выходитъ нѣчто въ родѣ того, какъ еслибы я взялъ и проигралъ кому нибудь изъ моихъ гостей эти ваши чайныя ложечки.

«Чайныя ложки... Самъ себя язвитъ и чернитъ»!.. Это обстоятельство показалось Самосадову тоже очень сквернымъ признакомъ, и онъ еще больше нахмурился, поглаживая свою длинную бороду. Скоро пріѣхалъ Геласіевъ.

— Что, батюшка, нарвались?!.— сказалъ онъ, войдя въ комнату.

Digitized by Google

Осининъ поднялъ на него свои задумчивые глаза, недоумѣвая, откуда Геласіевъ могъ узнать объ его проигрышѣ. Впрочемъ, ему сейчасъ же пришло въ голову, что, по всей вѣроятности, Геласіевъ, прежде чѣмъ дошелъ до его комнаты, встрѣтился съ Марьей Николаевной, и она разсказала ему все, что успѣла узнать отъ мужа.

— Да... попалъ подъ колеса,—проговорилъ онъ.

— Именно нарвался,—сказалъ Самосадовъ и принялся разсказывать, въ какую компанію занесло Осинина и какъ его угораздило, при этомъ, еще проговориться, что у него въ карманѣ нѣсколько тысячъ денегъ.

Самосадовъ говорилъ и разсказывалъ почти одинъ. Осининъ только изрѣдка прибавлялъ къ его повѣствованію нѣсколько словъ отъ себя. Геласіевъ задалъ два, три вопроса относительно нѣкоторыхъ неясныхъ для него обстоятельствъ, а затѣмъ молча слушалъ и все больше и больше задумывался. Много ли, мало ли былъ виноватъ Осининъ въ томъ, что проигралъ чужія деньги,—это почти нисколько не занимало въ настоящую минуту Геласіева, искренно любившаго своего бывшаго ученика и, къ тому же, находившагося еще подъ впечатлѣніемъ слезъ и нервныхъ восклицаній Марьи Николаевны, которая всю дорогу сюда терзалась мыслью:—неужели же никто не придетъ на помощь этому милому, доброму и во всѣхъ отношеніяхъ порядочному молодому человѣку? Вопросъ для Геласіева заключался не въ томъ,—слѣдуетъ или не слѣдуетъ выручить этого молодца, а въ томъ:—гдѣ достать такую чортову прорву денегъ? У него былъ одинъ старый знакомый и доброжелатель, постоянно ссужавшій его въ трудныя времена крупными и мелкими суммами, но теперь этотъ доброжелатель былъ не то въ Москвѣ, не то въ Нижнемъ, такъ что нельзя было съ нимъ снестись даже по телеграфу. Былъ и еще одинъ старый товарищъ, тоже довольно состоятельный человѣкъ, но у него вышла какая-то временная путаница въ дѣлахъ, такъ что онъ на дняхъ самъ искалъ денегъ.

— Дѣло въ томъ: гдѣ достать эти деньги? А также чрезвычайно важный вопросъ: скоро ли онѣ понадобятся и всѣ ли вдругъ, или по частямъ?—спросилъ онъ, выходя изъ своей задумчивости.

Блѣдныя щоки Осинина вдругъ покраснѣли. Растроганный

Digitized by Google

этою добротою своего бывшаго учителя, онъ, кажется, не съумѣлъ бы совладать со своими разстроенными нервами, еслибы въ комнатѣ не было Самосадова, глубокомысленно разглаживавшаго свою бороду.

— Ахъ, Игнатій Никитичъ!—сказалъ Осининъ нѣсколько дрожавшимъ голосомъ, и сейчасъ же прибавилъ уже нѣсколько спокойнѣе:—Нѣтъ, пожалуйста, не хлопочите объ этомъ. Я не хочу занимать денегъ.

И Геласіевъ, и Самосадовъ шире раскрыли глаза и съ любопытствомъ посмотрѣли на него.

— Это еще что такое?—спросилъ Геласіевъ.

— Я не хочу,—рѣшительно отвѣчалъ Осининъ и потрясъ головой.

При обыкновенномъ ходѣ его жизни, онъ былъ достаточно безалаберный человѣкъ, легко подававшійся въ какую угодно сторону, но когда жизнь его выходила изъ своей колеи и положеніе дѣлалось серьезнымъ, у него не оказывалось недостатка ни въ характерѣ, ни въ рѣшимости, ни даже въ нѣкоторомъ упрямствѣ. Десять лѣтъ назадъ, когда ему стало видно, что въ семьѣ смотрятъ на него, какъ на лишняго и непріятнаго человѣка, онъ не только не задумался уйти изъ своего роднаго дома, но даже отказался наотрѣзъ отъ всякой денежной помощи со стороны отца. Чужой—такъ чужой, и, какъ бы ему ни пришлось тяжело и трудно, онъ не приметъ никакой подачки отъ человѣка, смотрящаго на него только какъ на лишнюю обузу... Точно также и теперь: — дойдя до мысли, что онъ одинъ виноватъ во всемъ и одинъ же долженъ раздѣлываться за все, Осининъ упрямо уперся на этой мысли и не хотѣлъ сдвинуться съ нея. Ни къ кому онъ не обратится за помощью и ни отъ кого не приметъ ея. Онъ не хочетъ, чтобы его, какъ легкомысленнаго мальчишку, свалившагося въ грязную яму, вытаскивали изъ этой грязи другіе. Онъ не настолько безсовѣстенъ, чтобы закрывать глаза на то, что Геласіевъ, собираясь достать для него денегъ, рискуетъ тѣмъ, что уплачивать эти деньги придется ему самому. Нѣтъ, нѣтъ! Геласіевъ слишкомъ добрый человѣкъ, добротою котораго безъ церемоніи пользуются всѣ, кто только его знаетъ, но онъ, Осининъ, не намѣренъ примкнуть къ числу этихъ «всѣхъ»...

— Мы уже слышали, что вы не хотите. Но, можетъ быть, у

Digitized by Google

васъ имѣются и основанія для этого?.. Мнѣ кажется, не мѣшало бы возвратить проигранныя деньги, — нѣсколько насмѣшливо, но мягко замѣтилъ Геласіевъ.

— Я буду ихъ выплачивать изъ моихъ заработковъ, то есть изъ своего кармана, а не изъ чужаго,—угрюмо отвѣчалъ Осининъ.

— Прекрасно!—тѣмъ же тономъ продолжалъ Геласіевъ.— Но дѣло въ томъ, что если вы потеряете ваше теперешнее мѣсто, то еще неизвѣстно, какіе у васъ будутъ заработки и много ли вы окажетесь въ состояніи удѣлять изъ нихъ на уплату долга... Тогда какъ, сохранивъ при себѣ свое теперешнее жалованье и по возможности сокративъ расходы на себя, вы можете раздѣлаться съ этимъ долгомъ года въ три, четыре...

— Да, если не потеряю этого мѣста по капризу Спицына... если не захвораю надолго... если не сдѣлаю новаго долга... если не умру!.. А если случится что нибудь въ этомъ родѣ, тогда расплачиваться за меня будете вы?!—разгорячившись, вскричалъ Осининъ.

Геласіевъ пожалъ плечами и улыбнулся.

— А вы постарайтесь, чтобы ничего подобнаго не произошло,—пошутилъ онъ. — Но еслибъ даже и случилось такъ, что вы вздумали бы умереть раньше меня, то могу васъ увѣрить, что я гораздо больше пожалѣю о васъ, чѣмъ о тѣхъ деньгахъ, которыя мнѣ пришлось бы доплатить за васъ. Смущать вашъ покой упреками я не сталъ бы. Справился бы какъ нибудь. Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ... Къ тому же, эта свинья далеко ужь не такъ страшна, какъ она вамъ представляется. У меня есть одинъ человѣкъ, который, по всей вѣроятности, не откажется дать мнѣ эти деньги за тѣ же проценты, какіе онъ получаетъ со своихъ бумагъ,—то есть, процентовъ за пять годовыхъ. Горе только въ томъ, что этого человѣка нѣтъ теперь въ городѣ и воротится онъ недѣли черезъ двѣ, черезъ три. Вотъ на это-то время намъ и нужно какъ нибудь извернуться, хотя бы съ порядочными пожертвованіями въ пользу свиньи. Поэтому-то я васъ и спрашиваю: скоро ли понадобятся вамъ деньги, и по частямъ или всѣ вдругъ?..

Осининъ сидѣлъ, положивъ голову на ладони, такъ что

Digitized by Google

видны были только его нахмуренныя брови и глубокія морщины, сдвинувшіяся поперекъ лба. Представлявшаяся возможность избѣжать всего того, что угрожало ему,—скамьи подсудимыхъ, насмѣшекъ однихъ, злорадства другихъ, потери мѣста, потери своего положенія въ обществѣ,—не могла не соблазнять его...

Вдругъ всѣ трое повернули головы къ тихо отворявшейся двери. Въ ней показалась горничная и сказала Осинину, что съ фабрики пришелъ къ нему Евсеичъ съ какимъ-то порученіемъ.

— Что еще такое?—проговорилъ какъ бы про себя Осининъ.—Пусть придетъ сюда.

Черезъ полминуты, въ дверяхъ появился почтенный Евсеичъ. Объ объявилъ, что въ городъ пріѣхалъ ненадолго Петръ Яковлевичъ и проситъ Осинина зайти сегодня въ контору, часовъ въ одиннадцать.

— Хорошо,—сказалъ Осининъ и многозначительнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Геласіева.

— Что это за Петръ Яковлевичъ?—спросилъ тотъ, замѣтивъ особенность этого взгляда, а также и то, что лицо Осинина сдѣлалось какъ будто еще блѣднѣе.

— Спицынъ... Братъ хозяина фабрики и компаньонъ,—отвѣчалъ Осининъ и, взглянувъ на часы, прибавилъ:—Десять минутъ одиннадцатаго. Вотъ вамъ и отвѣтъ на вашъ вопросъ: деньги будутъ нужны черезъ пятьдесятъ минутъ... Это называется: судьба... Отъ нея, говорятъ, не уйдешь...

Лицо Геласіева дѣлалось все болѣе и болѣе серьезнымъ.

— Пустяки,—сказалъ онъ, хмурясь. — Въ теченіе пятидесяти минутъ мало ли что можетъ случиться съ человѣкомъ. Съ вами могутъ сдѣлаться спазмы, дурнота, обморокъ... можете слечь въ постель и послать за докторомъ... Такимъ образомъ, этому слишкомъ прыткому Петру Яковлевичу, волей-неволей, придется подождать до завтра, а къ этому времени, можетъ быть, удастся все устроить къ общему благополучію...

Осининъ всталъ и слегка отмахнулся рукой, какъ будто отгоняя отъ себя всѣ эти соблазны.

— Съ вашего позволенія, — рѣшительно сказалъ онъ,—я переодѣнусь, а потомъ пойду...

— На закланіе? — нѣсколько угрюмо пошутилъ Геласіевъ

Digitized by Google

и, пожавъ плечами, добавилъ уже совсѣмъ печально: — Воля ваша... только, признаться, я не понимаю, кому отъ этого будетъ хорошо...

— Нѣтъ... я, можетъ быть, и взялъ бы деньги, еслибъ не эта комедія,—откровенно сознался Осининъ.—Но играть ее... притворяться больнымъ... Да, къ тому же, если Спицыну такъ дорого время, то онъ, пожалуй, вздумаетъ пріѣхать ко мнѣ... Нѣтъ, нѣтъ!.. Я даже радъ, что еще какой нибудь часъ, и я сброшу съ себя это бремя...

— Большая радость, нечего сказать!—пробормоталъ Геласіевъ.

Осининъ ушелъ за драпировку—переодѣться. Геласіевъ задумался. Самосадовъ сидѣлъ, тоже наморщившись, и въ головѣ его какъ будто нерѣшительно и робко возникала мысль: не рискнуть ли ему и не выручить ли Осинина, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Геласіевъ непремѣнно возвратилъ эти деньги черезъ двѣ или черезъ три недѣли, когда пріѣдетъ тотъ его доброжелатель, о которомъ онъ говорилъ? Но только что̀ за человѣкъ, этотъ доброжелатель?.. Можетъ быть, онъ прежде былъ въ состояніи давать взаймы такія деньги, а теперь не можетъ. Можетъ быть, онъ, вмѣсто того чтобы пріѣхать сюда черезъ три недѣли, возьметъ да отправится на тотъ свѣтъ... Конечно, надо надѣяться, что Геласіевъ и самъ постарается выплатить эти деньги... Однако, если принять въ соображеніе, что онъ съ своей газетой насилу сводитъ концы съ концами, то на уплату этого посторонняго долга въ четыре тысячи ему понадобится, по всей вѣроятности, лѣтъ шесть, восемь... А въ теченіе этого времени мало ли что̀ можетъ случиться со всѣми ими?..

— Я иду,—сказалъ Осининъ, выходя изъ своей спальни.

— Иду и я съ вами,—отозвался Геласіевъ.

Онъ взялъ свою шляпу и пошелъ изъ комнаты, не простившись съ Самосадовымъ и даже не взглянувъ на него. Погруженный въ свои размышленія, Геласіевъ просто забылъ о немъ, но Самосадову вообразилось, что его старый товарищъ не хотѣлъ протянуть ему своей руки по чувству презрѣнія, за то, что онъ могъ выручить человѣка изъ бѣды и не сдѣлалъ этого. Глубокомысленное лицо Ѳедора Ѳедоровича сдѣлалось какъ будто нѣсколько краснѣе обыкновеннаго.

Digitized by Google

XXI.

— Мнѣ хотѣлось бы пройтись до фабрики пѣшкомъ,—сказалъ Осининъ Геласіеву, какъ бы извиняясь передъ нимъ.—Къ одиннадцати часамъ я успѣю... А между тѣмъ въ ходьбѣ я, можетъ быть, нѣсколько освѣжусь и успокоюсь...

— Да, да, я понимаю: вы чувствуете потребность, такъ сказать, разбѣжаться и съ разбѣгу прыгнуть въ ожидающій васъ костеръ,—съ усмѣшкой проговорилъ Геласіевъ.—Что жь, пойдемте; я еще несовсѣмъ разучился ходить.

— Хорошо, что вы не можете читать моихъ мыслей,—продолжалъ онъ, когда они перешли черезъ улицу.—Сейчасъ у меня промелькнула мысль, что хорошо было бы столкнуть васъ подъ который нибудь изъ экипажей, но только съ такимъ разсчетомъ, чтобы вы попали подъ колесо рукой или ногой. Тогда бы вамъ не пришлось играть комедіи, а совершенно серьезно отправиться въ постель. Ногу или руку вамъ не замедлили бы починить черезъ нѣсколько недѣль. А между тѣмъ мы выиграли бы достаточно времени и прекрасно обладили бы наше непріятное дѣло.

Осининъ засмѣялся.

— Нѣтъ, покорно благодарю,—отвѣчалъ онъ.—Вы могли немножко ошибиться въ вашемъ разсчетѣ и пустить меня на всю жизнь калѣкой. Это вышло бы совсѣмъ некстати. Именно теперь-то я и хотѣлъ бы быть настолько сильнымъ и здоровымъ, чтобы по возможности терпѣливо пройти черезъ всѣ мытарства, какія предстоятъ мнѣ... потомъ работать за четверыхъ... какъ можно скорѣе выплатить этотъ долгъ... и вообще доказать людямъ, что я еще несовсѣмъ негодный человѣкъ. Пожалуй, даже не столько людямъ, сколько самому себѣ. Вы не повѣрите, до какой степени уронила меня эта исторія въ моихъ собственныхъ глазахъ... какъ мнѣ стыдно за самого себя!

— Хорошо, хорошо... Если вамъ удастся выполнить эту программу, вы докажете лишній разъ ту утѣшительную истину, что нѣтъ худа безъ добра. Однако, осуществленію этой программы нисколько не помѣшаетъ, если вы окажете мнѣ нѣкоторое одолженіе, послушаетесь меня. Не упрямьтесь!.. Если

Digitized by Google

вы не хотите играть комедію, то и не играйте, не нужно... говорите одну только правду, но всю правду... Говорите вашему Спицыну, что вы проиграли его деньги, но скажите также и то, что недѣли черезъ три, черезъ двѣ, а, можетъ быть, и еще раньше вы будете въ состояніи возвратить ему все до послѣдней копѣйки... Слышите?

Застигнутый въ расплохъ этой новой перетасовкой его предположеній, Осининъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— Не все ли равно?—проговорилъ онъ.

— Далеко не все равно,—горячо возразилъ Геласіевъ.— Однѣ деньги—растраченныя, другія—занятыя... Разница! Первыя нужно возвратить какъ можно скорѣе, вторыя вамъ ссужаются на неопредѣленный срокъ. Ваши Спицыны, если вы затянете уплату имъ денегъ на цѣлые годы, будутъ кричать на каждомъ перекресткѣ, что вы ихъ обобрали, поставили въ затруднительное положеніе, только что не разорили... А я не буду ничего кричать... Тоже разница!.. Къ тому же—кто ихъ знаетъ?—можетъ быть, четыре лишнія тысячи и въ самомъ дѣлѣ спутаютъ ихъ дѣла. Скажите Спицыну, что если не всѣ эти деньги, то половину ихъ вы доставите, можетъ быть, завтра же. Такъ будетъ еще лучше... Не знаю, достану ли я всѣ четыре тысячи, а двѣ, вѣроятно, достану. Дѣлать нечего, не будемъ скаредничать, не пожалѣемъ процентовъ.

Замѣтивъ, что растроганный его участіемъ Осининъ намѣревается что-то сказать, но, какъ видно, не можетъ справиться съ своими взбунтовавшимися нервами, онъ остановился на углу перекрестка и закончилъ:

— Ну, теперь ступайте... Я ужь порядочно задохнулся, шагая съ вами. Возьму извощика.

XXII.

Осининъ пришелъ въ контору почти ровно въ одиннадцать часовъ, а черезъ нѣсколько минутъ послѣ него пріѣхалъ и Петръ Яковлевичъ, господинъ лѣтъ тридцати пяти, прежде жившій постоянно въ Петербургѣ, но года три назадъ переселившійся въ провинцію, чтобы привести въ порядокъ доставшееся ему за женой имѣніе. Безукоризненно одѣтый, чисто вымытый, акуратно подстриженный, подбритый, накрахмаленный,—

Digitized by Google

Спицынъ-младшій съ нѣсколько кислой гримасой посматривалъ направо и налѣво, проходя по фабричному двору. Онъ не любилъ этой фабрики, то есть, въ сущности, не ее саму по себѣ,— потому что она приносила ему довольно порядочный доходъ,— а порядки, заведенные на ней старшимъ братомъ и ея далеко не представительную внѣшность. Ворота у фабрики были простыя деревянныя, какъ въ любомъ мѣщанскомъ домѣ; хода съ улицы не было въ нее; обширный дворъ на половину заросъ травой и въ одномъ углу его была свалена цѣлая гора мусора, оставшагося отъ какихъ-то передѣлокъ. Сама фабрика, какъ была сложена изъ краснаго кирпича, связаннаго бѣлою известью, такъ и осталась не оштукатуренной и не выкрашенной, и поэтому представлялась глазу весьма непривлекательнымъ краснымъ зданіемъ, загаженнымъ птицами.

Лѣстница въ контору была темна, узка, и, къ тому же, на ней скверно пахло. Проходя по ней и морщась, Петръ Яковлевичъ подумалъ, что если онъ когда нибудь сдѣлается хозяиномъ этой фабрики, то прежде всего преобразуетъ контору и позаботится о томъ, чтобы въ нее былъ приличный ходъ съ улицы. А теперь какая же это контора! Это какая-то мурья, въ которой нѣтъ даже отдѣльнаго рабочаго кабинета для хозяина фабрики и всѣ служащіе сбиты въ кучу, точно овцы въ одномъ общемъ загонѣ. Хаосъ!.. Корреспонденцію ведетъ какой-то малограмотный писарь; хозяйственною частью завѣдуетъ какая-то темненькая личность; счетныя книги находятся на рукахъ у человѣка незнакомаго съ бухгалтеріей; касса—въ распоряженіи господина, не представившаго ни залога, ни какого бы то ни было поручительства, а техникомъ состоитъ недоучившійся технологъ... Положимъ, всѣ эти набранные съ борку да съ сосенки люди обходятся дешевле, чѣмъ обошелся бы вполнѣ приличный персоналъ конторы; но, во-первыхъ, на эту кажущуюся дешевизну нельзя полагаться, потому что она сплошь и рядомъ оказывается убыточною, а, во-вторыхъ, нельзя же ходить въ лаптяхъ изъ-за того, что они дешевле сапогъ!..

Войдя въ контору и поклонившись на ходу Осинину, Петръ Яковлевичъ положилъ на столъ шляпу и принялся снимать перчатки.

— Братъ передъ отъѣздомъ написалъ мнѣ о положеніи

Digitized by Google

дѣлъ,—заговорилъ онъ, смотря не на Осинина, а на свои руки,—но только въ общихъ чертахъ. Деталей я не знаю. Теперь мнѣ нужно познакомиться съ ними, а главнымъ образомъ съ предстоящимъ движеніемъ суммъ по приходу и расходу...

Осининъ придвинулъ ближе къ себѣ одну изъ приходо-расходныхъ книгъ, счеты, и принялся знакомить его съ «деталями движенія суммъ». Другой человѣкъ на мѣстѣ Петра Яковлевича, по всей вѣроятности, тотчасъ же обратилъ бы вниманіе на то, что Осининъ очень блѣденъ, говоритъ какъ бы съ усиліемъ, и руки у него замѣтно дрожатъ. Но Петръ Яковлевичъ не замѣчалъ ничего этого. Ему бросилось въ глаза только то, что сукно на письменномъ столѣ совсѣмъ вытерлось и полиняло, счеты были безобразной топорной работы и, вообще, вся обстановка конторы представлялась набранною по самой дешевой цѣнѣ съ толкучаго рынка. Ужасная мурья!..

— Хорошо-съ,—сказалъ онъ. — Такимъ образомъ, эта небольшая сумма... а затѣмъ, въ вашемъ распоряженіи имѣются еще билеты... Продали вы ихъ?..

— Да, вчера, — отвѣчалъ Осининъ и, переведя стѣснившееся дыханіе, прибавилъ:—Но я долженъ вамъ сказать... что этихъ денегъ нѣтъ въ кассѣ.

Только теперь Петръ Яковлевичъ почувствовалъ что-то особенное въ голосѣ Осинина и внимательнѣе посмотрѣлъ на него.

— Я... проигралъ ихъ,—закончилъ Осининъ.

Пораженный неожиданностью, Петръ Яковлевичъ вòззрился на него, потомъ точно отшатнулся назадъ и сдѣлалъ нѣчто вродѣ насмѣшливаго поклона.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю!.. Съ чѣмъ и имѣю честь васъ поздравить!—язвительно сказалъ онъ.

Бѣлый лобъ его покрылся легкою краскою. Въ мозгу у него произошло какъ бы нѣкоторое столкновеніе разнообразныхъ мыслей. Первою изъ нихъ была та злорадная мысль, что вотъ и прекрасный урокъ Дмитрію Яковлевичу, вручившему распоряженіе кассой никому неизвѣстному господину безъ всякаго залога и поручительства. Второю была та мысль, что этотъ господинъ Осининъ, можетъ быть, просто прикарманилъ себѣ эти деньги и теперь разыгрываетъ одну только комедію.

Digitized by Google

— Поздравляю, поздравляю!—продолжалъ онъ задрожавшимъ отъ гнѣва голосомъ.—Превосходно оправдали оказанное вамъ довѣріе... какъ нельзя лучше выполнили возложенное на васъ порученіе. Взяли и проиграли... Взяли изъ нашего сундука и изволили проиграть. Съ полною добросовѣстностью, всѣ четыре тысячи до послѣдняго рубля?.. Великолѣпно!.. И, слѣдуетъ предполагать, не находите никакой возможности возвратить эти деньги въ скоромъ времени?.. Не такъ ли?.. Вы разсчитываете уплатить ихъ по мѣрѣ своихъ средствъ, то есть рубля по полтора въ годъ? Не правда ли?

Осининъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, задыхался отъ волненія и стискивалъ въ рукахъ неуклюжіе счеты «топорной работы». До этого времени онъ не былъ бы въ состояніи даже представить себѣ, что ему когда нибудь придется выслушивать нѣчто подобное и молчать, молчать, потому что все это было совершенно заслужено и справедливо. Еслибы Спицынъ вздумалъ даже прямо назвать его негодяемъ и воромъ, то пришлось бы перенести, такъ какъ и это было бы справедливо... Осининъ нѣсколько пришелъ въ себя только при послѣднихъ словахъ Спицына объ уплатѣ растраченныхъ денегъ.

— Нѣтъ, извините... въ этомъ отношеніи вы ошибаетесь,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ, звучавшимъ точно откуда-то изъ-за стѣны.—Деньги вамъ будутъ возвращены... скоро... можетъ быть, завтра же... Завтра я возвращу половину, а остальныя на дняхъ. Въ самомъ крайнемъ случаѣ, не позже какъ черезъ двѣ или три недѣли.

Онъ говорилъ съ трудомъ, припоминая только тѣ слова, которыя слышалъ отъ Геласіева. На лицѣ его отразилось такое глубокое душевное страданіе, что даже Петръ Яковлевичъ, не отличавшійся способностью разбирать выраженія человѣческихъ лицъ, пришелъ въ недоумѣніе. Осинина онъ совсѣмъ не зналъ и хотя когда-то слышалъ о немъ, но ничего не могъ теперь припомнить. Отнестись къ нему съ нѣкоторымъ участіемъ и, хотя бы изъ одного только любопытства, разспросить его о «деталяхъ» исторіи съ проигранными чужими деньгами,—это не приходило даже въ голову Петру Яковлевичу. Онъ ограничивался только тѣмъ, что недоумѣвалъ. Можетъ быть, Осининъ говоритъ и правду, а, можетъ быть, продолжаетъ разыгрывать комедію, разсчитывая этими неопредѣлен-

Digitized by Google

ными то «завтра», то «на дняхъ», то «черезъ двѣ или три недѣли»—только выиграть время.

— Это—дѣло другое,—сказалъ онъ наконецъ, найдя, какъ ему казалось, самый надлежащій путь для себя. — Если вы, дѣйствительно, внесете растраченныя деньги завтра и потомъ на дняхъ, то, разумѣется, до нѣкоторой степени загладите свою вину... Однако, все таки я долженъ вамъ сказать напередъ: я отстраняюсь отъ этого дѣла. Я совсѣмъ не имѣю удовольствія знать васъ. Пригласилъ васъ на службу въ нашу контору не я, а братъ. Ввѣрилъ въ ваше завѣдываніе деньги тоже не я, а онъ. Поэтому, я считаю за самое лучшее—предоставить всю эту исторію на его усмотрѣніе. Я ему телеграфирую объ этомъ инцидентѣ, а затѣмъ... захочетъ братъ сдѣлать вамъ какое нибудь снисхожденіе или не захочетъ, это будетъ зависѣть уже отъ него. Я умываю руки.

— Да я ничего и не прошу,—сказалъ Осининъ.

XXIII.

Геласіеву посчастливилось достать всѣ четыре тысячи еще въ тотъ же день, и такимъ образомъ Осининъ могъ на слѣдующее утро явиться въ контору уже со значительно облегченнымъ сердцемъ.

— Очень хорошо-съ, — сказалъ Петръ Яковлевичъ, принявъ отъ него деньги. — А теперь я попрошу васъ явиться сюда еще завтра, чтобы сдать дѣла и кассу господину, котораго я пригласилъ служить у меня кассиромъ. Братъ умеръ,— прибавилъ онъ какъ бы въ скобкахъ и отошелъ къ конторкѣ, чтобы написать какую-то записку.

На другой день, сдавъ дѣла своему преемнику и возвращаясь домой, Осининъ встрѣтился на улицѣ со своимъ отцомъ. Благообразный старикъ Осининъ съ длинными полусѣдыми волосами ѣхалъ на извощикѣ и, остановивъ его, поманилъ къ себѣ сына пальцемъ.

— Ты, я слышалъ, проигралъ хозяйскія деньги,—сказалъ онъ еще болѣе холодно, чѣмъ говорилъ обыкновенно со своимъ первенцемъ.

— Къ несчастію, это правда, — тихо проговорилъ покраснѣвшій Осининъ, находя, что со стороны отца было, пожалуй,

Digitized by Google

нѣсколько жестоко заводить этотъ разговоръ въ присутствіи извощика и на виду у людей, проходившихъ въ трехъ шагахъ отъ нихъ по тротуару.

— Благодарю... хотя и ожидалъ чего нибудь въ этомъ родѣ,—жостко сказалъ старикъ.—Значитъ, скоро мы доживемъ и до того, что насъ будутъ судить?

— Нѣтъ, до этого не дойдетъ... Мнѣ представилась возможность уплатить всѣ деньги.

— Ну, слава тебѣ Господи, что хоть до этого еще не дошло покуда!—ядовито замѣтилъ отецъ и, слегка перекрестившись и тронувъ извощика за плечо, сказалъ:—Поѣзжай, братецъ!

Осининъ ожидалъ заранѣе, что многіе изъ наиболѣе близкихъ ему людей не будутъ щадить его. Онъ согласился внутренно, что щадить его, пожалуй, и не за что. Кромѣ того, онъ догадывался, что его отецъ—въ сущности, далеко не злой человѣкъ—долженъ былъ чувствовать себя въ глубинѣ своей души много виноватымъ передъ нимъ и именно поэтому относился къ нему всегда съ такою раздражительностью и суровостью... Однако, не смотря на все это, на сердцѣ Осинина сдѣлалось едва ли не тяжелѣе, чѣмъ два дня назадъ, въ конторѣ, когда Спицынъ безъ милосердія хлесталъ его своими грубо-язвительными фразами.

Придя домой и послонявшись изъ угла въ уголъ, Осининъ опять одѣлся и пошелъ къ Геласіеву, единственному человѣку, который умѣлъ не только успокоить, но до нѣкоторой степени даже пріободрить его.

— А я думалъ, вы чувствуете себя теперь нѣсколько полегче,—сказалъ Геласіевъ, сразу замѣтивъ его удрученное душевное состояніе.

— Нѣтъ, не легко,—отвѣчалъ Осининъ.—Знаете ли, я начинаю думать,—не лучше ли мнѣ перебраться отсюда въ какой нибудь другой городъ, подальше...

Геласіевъ посмотрѣлъ на него своими блестящими глазами и укоризненно покачалъ головой.

— А, батюшка, батюшка!.. Вѣдь это называется бѣжать съ поля битвы... Не посрамимъ земли русской! Несчастіямъ, какъ врагамъ и опасностямъ, надо тоже смотрѣть прямо въ лицо,—сказалъ онъ.—Да наконецъ,—если посмотрѣть на дѣло

Digitized by Google

не съ такой отвлеченной точки зрѣнія, — какая выгода отъ этого передвиженія въ другой городъ? Если вы собираетесь бѣжать отъ послѣдствій этой исторіи съ проигранными деньгами, то куда же вы убѣжите отъ нихъ? Вѣдь очень легко можетъ случиться, что только что вы начнете устраиваться въ этомъ новомъ городѣ, какъ вдругъ какая нибудь сорока на хвостѣ принесетъ туда извѣстіе о вашей здѣшней исторіи... да еще перековеркаетъ и изуродуетъ ее до полнаго безобразія. Попробуйте, оправдывайтесь и возстановляйте истину, когда тамъ васъ никто не знаетъ и о вашей прошлой жизни не имѣетъ понятія!.. Что же, будете судиться съ этими сороками за клевету... или драться на дуэли... или переселитесь опять въ новый городъ? Во всякомъ случаѣ, терзаться внутренно придется вамъ еще побольше, чѣмъ здѣсь. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, хоть не клевета, а одна только правда... ну, допустимъ, съ незначительною примѣсью сплетни для вкуса... Здѣсь—немалое количество людей, которые знаютъ васъ съ дѣтства за порядочнаго человѣка и должны понимать, что эта ваша исторія—несчастная случайность... ну, увлеченіе... ну, ужь въ самомъ крайнемъ случаѣ, «нечаянный грѣхъ»... Съ кѣмъ грѣха не бываетъ? Посмотрятъ нѣсколько времени, какъ вы поведете себя дальше, а потомъ и забудутъ объ этомъ прегрѣшеніи. Быль молодцу не укоръ...

— Да, пожалуй, въ этомъ отношеніи вы и правы,—согласился Осининъ.—Но дѣло также и въ томъ, что мнѣ теперь совсѣмъ неловко искать себѣ мѣста.

— Сказать по правдѣ, у меня уже дня два назадъ начала складываться въ головѣ довольно привлекательная для меня комбинація,—заговорилъ Геласіевъ, подумавъ съ минуту.—Дѣло въ томъ, что я замучился съ корректорами. На мое несчастье, мнѣ попадаются только три сорта этихъ господъ. Одни и хотѣли бы работать, да, на горе, не получили почти никакого образованія и малограмотны. Другіе и съ образованіемъ, и грамоту знаютъ, да не хотятъ или не умѣютъ работать. А третьи, наконецъ, и грамоты не знаютъ, и работать не умѣютъ. Насколько я теперь припоминаю, вы пробыли у меня корректоромъ что-то очень недолго,—мѣсяца два, если не меньше,—но все таки были, сравнительно, прекраснымъ корректоромъ. Вотъ еслибы вы теперь вспомнили старину и, покуда не пред-

Digitized by Google

ставится лучшаго занятія, поступили опять ко мнѣ на службу. Все таки я хоть на нѣкоторое время пересталъ бы злиться и поминать чертей...

— Да мнѣ и не нужно никакого лучшаго мѣста!.. Что можетъ быть лучше этого?—вскричалъ Осининъ, точно воскресшій отъ одной мысли о томъ, что ему придется имѣть дѣло не съ какими нибудь чужими и предубѣжденными противъ него людьми, а почти съ однимъ только Геласіевымъ.

— Ну... тоже не находка,—проворчалъ Геласіевъ. — Безтолковая работа... и днемъ, и ночью, въ препорядочной грязи и вони, а зимой пойдутъ еще холода и угары. Пожалуй, опять наживете себѣ лихорадку, какъ и въ тотъ разъ. Да къ тому же, и жалованье вовсе не подходящее для человѣка, которому приходится уплачивать довольно крупный долгъ. Положимъ, къ этой комбинаціи у меня присоединяется еще другая: я могу вамъ предоставить обозрѣніе журналовъ и рецензіи. Селиверстовъ, писавшій журнальное обозрѣніе, переводится вмѣстѣ со своимъ начальникомъ куда-то въ Сибирь, и, говоря между нами, я не особенно сокрушаюсь объ этомъ, потому что, хотя онъ и служитъ по акцизу, но въ его статейкахъ было больше воды, чѣмъ спирту. Ваши случайныя рецензіи всегда мнѣ нравились несравненно больше.

Осининъ въ волненіи всталъ со стула.

— Такъ чего же лучше, чего же лучше?—вскричалъ онъ,— Ахъ, Игнатій Никитичъ! Да еслибы вы предложили мнѣ это, когда я еще служилъ у Спицыныхъ, я и тогда, ни минуты не думая, бросилъ бы ихъ и перебѣжалъ бы къ вамъ. А теперь... теперь...

— Ну, посмотримъ и, можетъ быть, что нибудь увидимъ,— нѣсколько насмѣшливо сказалъ Геласіевъ. — Работы будетъ у васъ значительно больше, чѣмъ было у Спицыныхъ, вознагражденія меньше, а ворчать, вы сами знаете, и я при случаѣ умѣю не хуже вашего покойнаго Спицына... царство ему небесное!.. Теперь же, — если васъ ужь такъ обрадовали мои предложенія,—не мѣшало бы вамъ переселиться куда нибудь поближе ко мнѣ и къ типографіи. Признаться, у меня уже есть на примѣтѣ и помѣщеніе для васъ,—правда, не во всѣхъ отношеніяхъ удобное,—но вы и сами знаете, что совершенство трудно найти. Помѣщеніе это у моей пріятельницы, которую и вы, кажется, встрѣчали у меня... у Сафировой.

Digitized by Google

Эта фамилія показалась Осинину знакомой, но онъ рѣшительно не могъ припомнить, когда и гдѣ слышалъ ее.

— Ну, можетъ быть, и не встрѣчались,—сказалъ Геласіевъ.— Есть старикъ Сафировъ, отецъ, отставной военный, въ родѣ моего Мелентьева... тоже не золото—порядочный пьянчуга. У него есть незаконная дочь, молоденькая дѣвушка, учительница въ городской школѣ... Она-то и есть моя пріятельница. А онъ мнѣ вовсе не пріятель. Онъ показывается у меня только тогда, когда ему и море дѣлается по колѣно. Именно вотъ въ немъ-то и заключается нѣкоторое неудобство этого помѣщенія. Положимъ, онъ мало бываетъ дома, но все таки его придется иногда безъ церемоніи прогонять, чтобы не мѣшалъ вамъ работать. А удобства — тѣ, что, во-первыхъ, ваша комната съ отдѣльнымъ ходомъ, такъ что вамъ не придется никого безпокоить, когда вы будете ночью приходить изъ типографіи. Во-вторыхъ, вы будете на одномъ дворѣ со мной. Въ третьихъ, комната теплая и уютная. Въ четвертыхъ, ваша молодая хозяйка—премилая дѣвушка, съ которой ни у одного порядочнаго человѣка не можетъ быть никакихъ непріятностей и недоразумѣній. Наконецъ, у нихъ живетъ,—тоже нанимаетъ комнату,—пріятельница Сафировой, фельдшерица, также славная дѣвушка, только нѣсколько въ другомъ родѣ: задира и забіяка. Ну, да вы и сами можете посмотрѣть на всѣхъ ихъ... Пойдемте, если хотите.

XXIV.

Они вышли черезъ черный ходъ во дворъ. По другую сторону воротъ тянулся довольно длинный одноэтажный каменный домъ, который въ прежніе годы хозяева сами занимали весь, а потомъ сочли за лучшее раздѣлить его на три квартиры и построили нѣсколько новыхъ крылецъ. Когда Осининъ и Геласіевъ подходили къ самому дальнему крыльцу, изъ-за него выскочила и почти натолкнулась на нихъ молоденькая дѣвушка въ домашнемъ платьѣ, съ непокрытою головою, въ туфляхъ и съ кнутикомъ въ рукѣ, сдѣланнымъ, повидимому, изъ ручки стараго зонтика и шнурка.

— Ахъ... Игнатій Никитичъ! Здравствуйте... Вы къ намъ?— нѣсколько сконфуженно сказала она, увидѣвъ съ Геласіевымъ еще незнакомаго ей человѣка.

Digitized by Google

Геласіевъ взялъ изъ ея руки кнутъ, съ нѣкоторымъ любопытствомъ осмотрѣлъ его и постегалъ имъ по воздуху.

— Что, опять Васька затѣялъ драку?—спросилъ онъ.

— Ужасную,—и смѣясь, и конфузясь, отвѣчала она. — У него и такъ изорвано ухо и расцарапана лапа, а онъ опять дерется съ какимъ-то котомъ... Такъ, кубаремъ, и скатились оба съ забора въ сосѣдній садъ.

— Все это хорошо. А все таки вамъ не мѣшало бы для этихъ экспедицій накидывать себѣ что нибудь на голову и надѣвать калоши. Вѣдь накрапываетъ дождикъ... простудитесь,—сказалъ Геласіевъ, указывая глазами на ея легкую туфлю, виднѣвшуюся изъ подъ платья, которое дѣвушка подобрала и держала въ рукѣ.

— Да когда ужь тутъ, когда я вижу, что съ нихъ и безъ того летитъ шерсть клочьями!—все тѣмъ же и смущеннымъ, и смѣющимся тономъ возразила она.

— Ну, хорошо, хорошо... пойдемте. Рекомендую вамъ моего пріятеля, Николая Петровича Осинина. Я хочу его пристроить къ вамъ въ свободную комнату. А это Артемія Андреевна Сафирова,— прибавилъ Геласіевъ, обращаясь уже къ Осинину.

Они вошли въ комнату. Недалеко отъ окна, вблизи котораго было еще довольно свѣтло, сидѣла за раскрытой книгой тоже очень еще молодая дѣвушка, высокая, тонкая, съ выгнутыми дугой бровями, придававшими ея лицу нѣсколько изумленное выраженіе. Это была жиличка и пріятельница Сафировой, съ годъ назадъ пріѣхавшая изъ уѣзда на фельдшерскіе курсы. Увидѣвъ входившаго въ комнату Геласіева, она слегка двинула губами, не то усмѣхнувшись, не то сдѣлавъ гримасу. Дня два назадъ, онъ тоже заходилъ сюда, и когда фельдшерица весьма безцеремонно оборвала при немъ немного выпившаго Сафирова, Геласіевъ довольно тонко и язвительно намекнулъ ей, что отсутствіе церемоній—далеко не всегда бываетъ добродѣтелью, въ особенности у женщинъ. Дѣвушка припомнила теперь этотъ, нѣсколько смутившій ее, намекъ и приготовилась «напомнить» его Геласіеву.

— Какая пріятная неожиданность!—сладчайшимъ голосомъ заговорила она, поднимаясь со своего мѣста и продѣлывая самый глубокій реверансъ.—Какъ давно я не имѣла удоволь-

Digitized by Google

ствія видѣть васъ... Позволю себѣ надѣяться, что время и труды не отразились вредно на вашемъ здоровьѣ.

— Чувствительно вамъ признателенъ!—въ томъ же тонѣ отвѣчалъ Геласіевъ, низко кланяясь.—Смѣю васъ увѣрить, что еслибы мои слабыя силы и начали измѣнять мнѣ, то одно ваше драгоцѣнное участіе тотчасъ же возстановило бы ихъ.

Все въ томъ же тонѣ они обмѣнялись еще нѣсколькими вопросами и отвѣтами о благополучіи газеты Геласіева, объ успѣшности научныхъ занятій фельдшерицы, и успѣли еще нѣсколько разъ поклониться другъ другу. Наконецъ, Геласіевъ представилъ ей Осинина.

— Позвольте мнѣ представить вашему вниманію моего молодаго друга, Николая Петровича Осинина.

— Осинина?—переспросила дѣвушка, постаравшись изобразить на своемъ лицѣ нѣчто въ родѣ пріятнаго изумленія).—Слѣдовательно, мы съ вами, въ нѣкоторой степени, родственники... по ботаникѣ. Я—Липина.

— Къ сожалѣнію, очень дальніе,—сказалъ Осининъ, и съ усмѣшкой покосился на Артемію Андреевну, которая до этого времени тоже стояла, какъ всѣ другіе, а теперь вдругъ сѣла на диванъ и откинулась къ его спинкѣ, хохоча, какъ ребенокъ, и блестя своими бѣлыми, мелкими зубами.

— Да, не близкіе,—серьезно согласилась Липина.—Но все таки большая радость встрѣтить на чужой сторонѣ своего человѣка. Я ужь сколько времени вижу только Сафировыхъ, Геласіевыхъ, Ивановыхъ или, и того хуже, Топорковыхъ и Огневыхъ. Ну, что можетъ быть общаго?..

— Я прожилъ два года у Самосадовыхъ,—сказалъ Осининъ.—Мнѣ думалось, что это тоже родственныя мнѣ натуры...

— Самосадовы,—съ задумчивымъ видомъ повторила Липина.—Очень, очень двусмысленная фамилія... Конечно, могутъ быть и изъ нашихъ, а, можетъ быть, и нѣтъ. Есть, напримѣръ, какая-то самосадочная соль...

Геласіевъ, наконецъ, махнулъ на нее рукой и попросилъ Артемію Андреевну зажечь огонь и показать имъ комнату. Когда была зажжена лампа, Осинина опять поразило, бросившееся ему въ глаза и прежде, довольно большое сходство Артеміи съ Анной Васильевной. Тотъ же ростъ, тѣ же очертанія покатыхъ плечъ, тотъ же цвѣтъ волосъ, то же блѣдноватое, но

Digitized by Google

миловидное лицо, тѣ же темные глаза, только не тревожные и мрачные, какъ у Анны Васильевны, а болѣе спокойные и ясные.

— Пойдемте?—спросила она, взявъ лампу.

— Пойдемте,—сказалъ Геласіевъ, но прежде отобралъ у нея лампу и самъ понесъ ее.

Отдававшаяся внаймы, свободная комната оказалась въ дальнемъ концѣ коридора. Въ ней были два окна, двѣ двери, изразцовая печь, старый турецкій диванъ вмѣсто постели, старый ломберный столъ вмѣсто письменнаго, потертый комодъ, шкафъ, умывальный приборъ на желѣзномъ треножникѣ, этажерка и нѣсколько стульевъ. Все было старенькое, дешевое, разношерстное, нисколько не похожее на ту сравнительно богатую обстановку, въ которой Осининъ жилъ за послѣдніе годы. Но ему, собиравшемуся начать совершенно новую жизнь, эта комната очень понравилась, потому что она живо напоминала ему тѣ убогія комнатки, въ которыхъ онъ жилъ первое время, послѣ того какъ ушелъ отъ отца.

— Именно такая комната мнѣ и нужна,—сказалъ онъ.

— Есть все, что̀ требуется,—нѣсколько насмѣшливо замѣтилъ Геласіевъ, мысленно сравнивая эту канурку съ тѣмъ помѣщеніемъ, какое Осининъ занималъ у Самосадова.—Вотъ и отдѣльный ходъ въ сѣни... Большое удобство для человѣка, которому придется иногда приходить домой часовъ въ пять утра,—прибавилъ онъ, растворяя устроенную въ углу двойную дверь, обитую желтой клеенкой.

«Задира» Липина, сдѣлавъ тревожно-вопросительные глаза, посмотрѣла поочередно на всѣхъ троихъ.

— Однако, тебѣ, какъ хозяйкѣ, не мѣшало бы полюбопытствовать: чѣмъ же это онъ занимается по ночамъ?—замѣтила она Сафировой довольно тихо, но не настолько, чтобы ея замѣчанія не могли услышать другіе.

— Онъ будетъ у меня корректоромъ,—отвѣчалъ Геласіевъ.

— А! Ну, это ничего... Это, кажется, терпимое законами занятіе, точно также, какъ и литература,—проговорила Липина съ совершенно серьезнымъ видомъ.—Однако, вы какъ будто сказали, что находитесь съ monsieur Осининымъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Вы не опасаетесь за эти отношенія?.. Не такъ давно,—продолжала она, обращаясь уже къ Осинину,—онъ

Digitized by Google

хотѣлъ поощрить какую-то актрису за ея игру и, между прочимъ, написалъ по поводу одной сцены: «превосходное мѣсто»!.. А въ газетѣ взяли да и напечатали: «превосходное тѣсто»!.. Еслибы вы видѣли, какіе у него сдѣлались глаза, когда я попросила у него объясненія, за что онъ назвалъ эту актрису «тѣстомъ»!.. Я думала, онъ сейчасъ побѣжитъ и, по крайней мѣрѣ, зарѣжетъ своего корректора.

Покосившись на нее и взявъ со стола лампу, чтобы идти обратно, Геласіевъ проворчалъ нѣчто въ родѣ того, что это еще ничего, а вотъ когда Липина сдѣлается настоящей фельдшерицей, то она навѣрное будетъ давать своимъ больнымъ наружныя лѣкарства внутрь, а внутреннія—для наружнаго употребленія.

— А между тѣмъ,—продолжала спокойно Липина, идя по коридору,—я тогда же говорила ему, что очень легко исправить эту ошибку. Стоитъ только, въ слѣдующемъ же нумерѣ, помѣстить на видномъ мѣстѣ и крупными буквами заявленіе, что мы, молъ, желали напечатать: «превосходное мѣсто»! а судьба, помимо нашего желанія, распорядилась и напечатала: «превосходное тѣсто»!.. Въ этомъ мы, молъ, совершенно не согласны съ нею и остаемся при нашемъ прежнемъ мнѣніи.

Когда они возвратились въ прежнюю комнату, послышалось, что кто-то вошелъ въ прихожую, и почти вслѣдъ затѣмъ изъ нея выглянулъ старикъ въ длиннополой военной шинели. Съ перваго же взгляда на эту шинель, на длинные полусѣдые волосы и черные усы старика, Осининъ узналъ въ немъ того пьяненькаго отставнаго военнаго, который, нѣсколько недѣль назадъ, упалъ, выходя изъ калитки, и, разсерженный этою несчастною случайностью, вызывалъ его на дуэль.

— Вотъ и папа,—тихо проговорила Артемія Андреевна.

Сафировъ снялъ въ прихожей свою шинель и, войдя въ комнату, оказался на этотъ разъ совсѣмъ тихимъ и скромнымъ старичкомъ. Геласіева, относившагося къ нему довольно сурово, Сафировъ побаивался; въ Липиной привыкъ видѣть почти врага; Осинина совсѣмъ не зналъ; передъ дочерью ему было совѣстно, потому что онъ со вчерашняго вечера не показывался дома, а теперь пришелъ несовсѣмъ трезвымъ. Вслѣдствіе этого, онъ чувствовалъ себя какъ будто виноватымъ передъ всѣми, лишнимъ въ этомъ обществѣ, и счелъ за лучшее отойти въ

Digitized by Google

дальній темный уголокъ и сидѣть смирно. Нѣкоторое, таившееся въ немъ, внутреннее возбужденіе проявлялось только въ томъ, что онъ не могъ долго усидѣть на мѣстѣ и то принимался разыскивать по окнамъ свою коробку съ табакомъ, то подсаживался къ дочери и самымъ тихимъ шопотомъ освѣдомлялся у нея,—не приходилъ ли кто нибудь сегодня къ нимъ и не спрашивалъ ли его.

— Развѣ вы ждали кого нибудь?—спросила она, нѣсколько встревоженная таинственностью этихъ разспросовъ, которые, повидимому, были очень важны для него, потому что иначе, зачѣмъ бы ему было приставать къ ней въ то время, когда разговоръ идетъ совсѣмъ о другихъ вещахъ.

— Нѣтъ, я такъ... Я только къ тому, что долго не былъ дома... Задержали,—смущенно отвѣчалъ онъ и опять удалялся на свое прежнее мѣсто, чувствуя себя еще больше виноватымъ теперь, потому что совершенно напрасно встревожилъ дочь своими таинственными разспросами.

XXV.

Перебравшись къ Сафировымъ, Осининъ сразу почувствовалъ себя какъ будто за тысячу верстъ отъ своей прежней жизни. Новая обстановка, новая работа, новое распредѣленіе дня, новые люди,—все новые люди, такъ что иногда онъ по цѣлымъ днямъ не встрѣчалъ даже на улицѣ ни одного знакомаго или хоть просто попадавшагося прежде человѣка. Среди этой новой обстановки начало слагаться нѣчто новое и въ немъ самомъ. Правда, на сердцѣ у него было все таки тяжело, и не проходило сутокъ безъ того, чтобы онъ иногда по нѣскольку разъ не вспоминалъ, съ краской стыда на щекахъ, то о своемъ объясненіи со Спицынымъ, то о встрѣчѣ съ отцомъ на улицѣ, или не думалъ о томъ: что говорятъ теперь о немъ прежніе знакомые. Однако, и эти воспоминанія и размышленія уже не волновали его такъ, какъ волновали прежде. Онъ начиналъ примиряться со своимъ положеніемъ. И Спицынъ былъ правъ, и отецъ былъ правъ, и знакомые, если они теперь стыдятся своего прежняго знакомства съ нимъ, Осининымъ, тоже правы! Онъ одинъ виноватъ во всемъ.

Digitized by Google

До этого времени Осининъ, хотя и не былъ особенно высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, все же цѣнилъ себя нѣсколько выше, чѣмъ имѣлъ на это право. Теперь онъ сталъ цѣнить себя даже ниже, чѣмъ стоилъ на самомъ дѣлѣ. Прежде онъ, хотя и ни къ кому не относился высокомѣрно или пренебрежительно, все таки ставилъ другихъ людей нѣсколько ниже, чѣмъ они того заслуживали. Теперь онъ почувствовалъ свою ошибку и сразу поставилъ ихъ на нѣсколько ступеней выше мѣста, принадлежавшаго имъ по праву. Что добраго сдѣлалъ онъ въ жизни для своихъ ближнихъ?—и однако же, при первой случившейся съ нимъ бѣдѣ, немедленно нашлись люди, которые поспѣшили къ нему на помощь. Что хорошаго сдѣлалъ онъ для Геласіева, принявшаго въ немъ такое сердечное участіе и сдѣлавшаго для него такъ много? Что сдѣлалъ онъ для Самосадовой, которая, какъ оказывается, терзалась по поводу обрушившагося на него несчастія, точно оно обрушилось на кого нибудь изъ самыхъ близкихъ ей людей?..

Унизивъ, такимъ образомъ, себя и возвысивъ въ своемъ мнѣніи другихъ людей, Осининъ уже не могъ не относиться снисходительнѣе прежняго къ ихъ недостаткамъ и слабостямъ; сдѣлался болѣе чуткимъ къ ихъ печалямъ и огорченіямъ. Такъ напримѣръ, переселившись къ Сафировымъ, онъ съ первыхъ же дней понялъ, что у его молоденькой хозяйки есть на сердцѣ одно большое горе:—это ея отецъ, очевидно любимый ею и доставляющій ей одни только терзанія—то тѣмъ, что къ нему никто не относится съ уваженіемъ, то тѣмъ, что онъ иногда возвращается домой пьяный, то, еще больше, тѣмъ, что по временамъ пропадаетъ изъ дому на цѣлыя сутки. Когда наступала ночь, а старикъ не возвращался домой, привыкшая сдерживаться дѣвушка ни словомъ не упоминала о немъ, вѣроятно, опасаясь услышать какое нибудь насмѣшливое замѣчаніе со стороны Липиной, но, прислушиваясь ко всякому шуму на улицѣ, безпрестанно посматривала въ окна, дѣлалась молчаливой и видимо вся была поглощена одной только заботой: «Гдѣ отецъ? не случилось ли съ нимъ чего нибудь?.. Не свалился ли онъ гдѣ нибудь, выпивъ лишнее, и не сломалъ ли себѣ ногу? Не попалъ ли подъ лошадь?»

— Она очень любитъ отца,—сказалъ однажды Осининъ Геласіеву, возвращаясь вмѣстѣ съ нимъ домой изъ типографіи.

Digitized by Google

Геласіевъ пожалъ плечами.

— Развѣ оттого, что ей некуда дѣвать любви,—отвѣчалъ онъ.—За что его любить? Ея безпутный котъ—и тотъ заслуживаетъ больше уваженія и любви: онъ, по крайней мѣрѣ, хоть мышей пугаетъ и, къ тому же, ласковъ.

— У Сафирова есть какое нибудь занятіе?..

— Какъ же!.. Съ утра до ночи таскается по трактирамъ. Тамъ рюмочку, тамъ другую, тамъ третью. Одному дураку дастъ какой нибудь юридическій совѣтъ сомнительнаго достоинства, другому настрочитъ кляузническое прошеніе или просительную кляузу... Глядишь, обезпечено и еще нѣсколько хорошихъ рюмокъ, если не стакановъ. Кабацкій адвокатъ—и ничего больше... Прежде онъ еще хоть что нибудь дѣлалъ и служилъ съ грѣхомъ пополамъ то смотрителемъ какого нибудь заведенія, то управляющимъ домами. А съ тѣхъ поръ какъ дочь получила свое теперешнее мѣсто и ему представилась возможность жить на ея счетъ, онъ тотчасъ же и воспользовался этою прекрасною возможностью.

— Развѣ у него нѣтъ пенсіи?—спросилъ Осининъ.

— Нѣтъ у него никакой пенсіи. Когда-то мнѣ разсказывали его исторію со всѣми подробностями, именами и годами, да я теперь перезабылъ всѣ эти подробности, — хмуро сказалъ Геласіевъ, видимо не любившій Сафирова. — Въ молодости онъ служилъ въ военной службѣ. Потомъ, годамъ къ тридцати, женился, вышелъ въ отставку и поступилъ управляющимъ заводомъ или имѣніемъ къ своему бывшему начальнику, кажется, дивизіонному командиру. Разсказываютъ, будто въ то время онъ былъ еще довольно добропорядочнымъ человѣкомъ. Кто его знаетъ!.. А затѣмъ произошла исторія такого рода: черезъ нѣсколько времени, когда у него было уже двое или трое дѣтей, генералъ-хозяинъ послалъ его за границу съ порученіемъ осмотрѣть и закупить тамъ какія-то новыя машины,—хорошенько не помню. Поѣхать Сафировъ поѣхалъ и машины осмотрѣлъ, и прислалъ самое подробное описаніе всего имъ видѣннаго, но только, когда ему выслали деньги на покупку этихъ машинъ, онъ немножко увлекся рулеткой и проигралъ всѣ эти деньги...

— Какъ я же,—сказалъ Осининъ.

— Несовсѣмъ какъ вы. Вмѣсто того чтобы чистосердечно

Digitized by Google

повиниться въ своемъ прегрѣшеніи, онъ принялся оттягивать время и путать... То ничего не писалъ своему генералу, то писалъ, что былъ тяжело боленъ и цѣлыхъ двѣ недѣли не могъ подняться съ кровати; то увѣдомлялъ его, что машины были уже совсѣмъ готовы къ отправкѣ, но случился пожаръ и повредилъ ихъ... Путалъ, путалъ и допутался до того, что генералъ потерялъ, наконецъ, терпѣніе и послалъ за границу какого-то своего родственника разслѣдовать эту исторію. Ну, конечно, тотчасъ же все и обнаружилось во всей своей наготѣ... Не знаю, совѣстно ли было Сафирову воротиться на родину, или страшно, или, можетъ быть, припутались еще какія нибудь постороннія причины, только онъ остался за границей еще лѣтъ на шесть... А черезъ шесть лѣтъ, когда онъ прибылъ наконецъ въ Россію, дѣти, разумѣется, встрѣтили его, какъ незнакомаго человѣка; жена упала въ обморокъ и затѣмъ объявила, что, послѣ всего перенесеннаго ею, не хочетъ больше и видѣть его... Такъ онъ и остался мужемъ и отцомъ, котораго жена и дѣти не намѣрены пускать на порогъ своего дома.

— Жестоко, черезчуръ жестоко!—искренно сказалъ Осининъ.—Тѣмъ болѣе, вы сами же сказали, что до этой исторіи онъ былъ довольно порядочнымъ человѣкомъ.

— Слылъ,—поправилъ Геласіевъ,—не былъ, а слылъ... Очень можетъ быть, что до этой исторіи ему не представлялось только подходящаго случая проявить себя въ своемъ надлежащемъ видѣ. По крайней мѣрѣ, и теперь, на старости лѣтъ, онъ остался именно такимъ же, какимъ зарекомендовалъ себя въ этой своей заграничной исторіи: блудливымъ и трусливымъ. Наблудитъ что нибудь покрупнѣе—и тотчасъ же примется вилять хвостомъ и лгать, и вывертываться. А если видитъ, что это не помогаетъ,—ну, тогда притворится больнымъ и голосомъ умирающаго заговоритъ о смерти. Препоганый старикашка!.. По мнѣ, разумѣется, чортъ съ нимъ; жаль только Артемію,—сердито закончилъ Геласіевъ, дѣйствительно, очень жалѣвшій Артемію Андреевну и именно потому не щадившій ея отца.

Но Осининъ, точно также жалѣвшій дѣвушку, успѣлъ подмѣтить нѣчто, ускользнувшее отъ вниманія прямолинейнаго Геласіева, именно то, что̀ для нея, можетъ быть, всего тяжелѣе пренебрежительное отношеніе всѣхъ окружающихъ къ ея отцу. Почти совсѣмъ не зная Сафирова, Осининъ согла-

Digitized by Google

шался внутренно, что, пожалуй, старикъ и въ самомъ дѣлѣ не заслуживаетъ лучшаго обращенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что она-то несомнѣнно заслуживаетъ, чтобы, ради нея, хоть сколько нибудь пощадили ея отца. Ради нея, Осининъ постарался въ первую же встрѣчу со старикомъ обойтись съ нимъ точно также, если еще не лучше и предупредительнѣе, чѣмъ обходился со всѣми своими хорошими знакомыми, и за это имѣлъ удовольствіе видѣть, что Артемія Андреевна смотрѣла на него такими глазами, какъ будто онъ доставилъ ей большую, очень большую радость.

— Сейчасъ видно человѣка, получившаго хорошее воспитаніе,—сказалъ, проводивъ его до двери, Сафировъ и многозначительно покосился на Липину, которая обращалась съ нимъ обыкновенно еще рѣзче, чѣмъ Геласіевъ.

— А развѣ вы имѣете какое нибудь понятіе о хорошемъ воспитаніи?—ядовито спросила фельдшерица, раздраженная какими-то непріятностями въ школѣ на лекціяхъ.

Старикъ серьезно обидѣлся и покраснѣлъ.

— Вы меня обижаете-съ!—сказалъ онъ, укоризненно потрясая подбородкомъ. — Не будь вы женщина, вы бы не позволили себѣ говорить такія вещи!..

— Потому что вы бы вызвали меня на дуэль. Я знаю—съ пренебрежительнымъ равнодушіемъ отвѣчала Липина.—Но и послѣ дуэли я все таки сказала бы вамъ, что еслибъ вы имѣли понятіе о хорошемъ воспитаніи, то не позволяли бы себѣ дѣлать то, что дѣлаете теперь. Не таскались бы по кабакамъ и трактирамъ, не падали бы на улицахъ въ грязь, не приходили бы домой съ разорванными рукавами, не теряли бы часовъ... и мало ли что еще!..

Исторія съ дешевенькими серебряными часами, подаренными ему дочерью и вскорѣ послѣ этого «потерянными» имъ, была еще такъ свѣжа, что напоминаніе о ней смутило Сафирова и сразу охолодило его стремленіе продолжать этотъ разговоръ.

— Когда вы переживете хоть половину того, что пережилъ я, тогда мы посмотримъ, что изъ васъ выдетъ,—угрюмо сказалъ онъ.

— Тогда она будетъ приходить домой не съ разорванными рукавами, а вовсе безъ рукавовъ,—прибавила отъ себя Артемія Андреевна.

Н. Бажинъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Заглохшая усадьба.

Полуразрушенъ барскій домъ...
Склонились вѣтлы надъ прудомъ,
Покрытымъ плѣсенью болотной...
Заросъ крапивой старый садъ;
Кайму узорчатыхъ оградъ
Смѣнилъ плетень—и беззаботно
Глядитъ на жалкіе кусты...
А ты, бесѣдка!.. Гдѣ же ты,
Свидѣтель «сладостныхъ» признаній?
Не стало!.. Только два столба,
Какъ два служителя-раба,
Еще зачѣмъ-то уцѣлѣли.
Когда-то здѣсь лилось вино,
Сердца горячія пьянѣли
Въ порывахъ страсти... Но давно
Прошли тѣ годы. Все умчалось!..
«Блаженствъ» минувшихъ не осталось;
И надъ усадьбой богача,
Гдѣ страсть была такъ горяча,
Теперь могильный холодъ вѣетъ:
Отжившее безплодно тлѣетъ...
А были дни!.. Свистъ розогъ, стонъ,
Страданья сдавленнаго шопотъ,
Грабежъ, развратъ со всѣхъ сторонъ—
Обидой вымученный ропотъ...

Свершилось!.. Мрачно и тоскливо
Тотъ домъ глядитъ на божій міръ...
Ему, обросшему крапивой,
Какъ будто жаль, что прежній пиръ
Не зашумитъ и не застонетъ
Въ его ободранныхъ стѣнахъ...

Digitized by Google

Какъ будто жаль, что рабскій страхъ
Исчезъ навѣкъ...
Какъ будто жаль ему тѣхъ дней
Обидъ и рабства, и плетей.
Печальный видъ... Года пройдутъ,—
Они съ лица земли сотрутъ
Унылый слѣдъ пировъ минувшихъ,
Глухой суровости печать...
Но долго будутъ вспоминать
О жертвахъ, въ рабствѣ потонувшихъ!..

В. Булгаковъ.

Digitized by Google

Фальсификація пищи и напитковъ, и мѣры борьбы съ нею.

«До сихъ поръ публика, даже по отношенію къ поддѣлкѣ наиболѣе употребительныхъ пищевыхъ веществъ, находится въ болѣе или менѣе безпомощномъ положеніи... Казалось бы, что всѣ, какъ одинъ человѣкъ, должны подняться противъ систематическаго изуродованія продуктовъ первой необходимости. Но на самомъ дѣлѣ встрѣчается какой-то странный индиферентизмъ, какая-то удивительная покорность и возмутительное подчиненіе волѣ фальсификаторовъ. Говорятъ, правда, много; жалуются часто, но дѣлаютъ мало. Отчасти это объясняется традиціонной инерціей человѣка, даже культурнаго; отчасти оно обусловливается тѣми затрудненіями, съ которыми сопряжена правильная и успѣшная борьба съ фальсификаціей. Дѣло въ томъ, что каждый потребитель въ отдѣльности, какъ бы его ни надували, какъ бы онъ ни страдалъ, въ этой борьбѣ совершенно безсиленъ. Фальсификація съѣстныхъ продуктовъ и вкусовыхъ веществъ — зло общественное, требующее не единоличнаго сопротивленія, всегда случайнаго и слабаго, а систематической борьбы соединенными силами всего общества и государства».

Проф. Ѳ. Ѳ. Эрисманъ.

Правильная постановка дѣла борьбы съ фальсификаціей должна быть неотложно предпринята. Послѣдніе годы—тяжелые годы борьбы съ голодомъ и все еще продолжающейся холерной эпидеміей—заставили каждаго хоть сколько нибудь подумать о томъ, что необходимо для охраны здоровья. Взрывы общественнаго негодованія противъ тѣхъ, кто за это именно время попадался въ покушеніяхъ на здоровье ближняго, путемъ продажи поддѣльныхъ или испортившихся продуктовъ, были особенно сильны. Немало суровыхъ каръ обрушилось на головы фальсификаторовъ, продавцевъ разной гнили и пр. со стороны усилившей свою бдительность администраціи. Но неослабный надзоръ за тѣмъ, чтобы здоровью и благосостоянію населенія не грозило опасности отъ поставщиковъ различныхъ предметовъ потребленія, долженъ быть плодомъ неминутнаго только настроенія, вызваннаго совершенно исключительными обстоятельствами, а постоянною, нормальною принадлежностью благоустроеннаго государства. Между тѣмъ, при обычномъ порядкѣ вещей, мы проявляемъ удивительную наклонность смотрѣть

Digitized by Google

сквозь пальцы и выказываемъ совсѣмъ неумѣстную снисходительность по отношенію къ сбытчикамъ фальшивыхъ и испортившихся припасовъ. Такая снисходительность проглядываетъ и въ нашемъ законодательствѣ. Даже по измѣненнымъ, годъ тому назадъ,—въ смыслѣ усиленія строгостей,—карательнымъ постановленіямъ объ охраненіи народнаго здравія, «за приготовленіе для продажи, храненіе въ торговомъ или промышленномъ помѣщеніи или продажу съѣстныхъ припасовъ или напитковъ, вредныхъ для здоровья или испортившихся, виновные подвергаются аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, *или* денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей». Правда, что широкое примѣненіе этой статьи закона даетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма дѣйствительное орудіе для борьбы съ торговцами-отравителями, но какъ-то всегда выходитъ, что въ приговоры попадаетъ постановленіе не объ арестѣ, а о штрафѣ, да притомъ зачастую назначаемомъ въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ. А между тѣмъ именно въ дѣлахъ о сбытѣ недоброкачественныхъ продуктовъ вѣжливое «битье рублемъ» совсѣмъ не достигаетъ цѣли. Кромѣ того, нетрудно понять, что, собственно говоря, указываемою статьею исключается изъ числа наказуемыхъ масса случаевъ фальсификаціи,—понятіе о которой вообще не опредѣлено въ нашихъ законахъ,—исключается прежде всего тѣмъ, что для примѣненія кары необходимо установить, что отъ даннаго продукта произошелъ или можетъ происходить вредъ для здоровья. Такимъ образомъ, вредъ экономическій въ данномъ случаѣ нейдетъ въ счетъ. Благодаря этому, создается совсѣмъ особаго рода привилегія для фальсификатора. Человѣкъ, подъ вліяніемъ голода и нищеты покусившійся на чужую собственность, совершившій самую ничтожную кражу, платится тюремнымъ заключеніемъ, а такой же воръ, совершившій гораздо бо́льшую кражу изъ вашего кошелька путемъ сбыта листьевъ капорской травы за цѣну чая, воды—за цѣну вина или молока, древесныхъ опилокъ—вмѣсто перцу; песку вмѣсто муки и. т. д., можетъ еще спорить о вредѣ и наказуемости своего поступка и даже остаться совершенно безнаказаннымъ. Измѣнить такое положеніе дѣла необходимо, и, быть можетъ, при происходящихъ теперь обширныхъ работахъ комисіи т. с. Муравьева, будетъ сдѣланъ и дальнѣйшій шагъ нашего законодательства на пути къ полной охранѣ народнаго здравія. Такимъ шагомъ было бы прежде всего введеніе въ число караемыхъ проступковъ *всякой поддѣлки предметовъ потребленія*.

Но, само собой разумѣется, было бы наивно думать, что однѣми карами, хотя и самыми строгими, можно справиться съ тѣмъ зломъ, о которомъ мы говоримъ. Еслибы не принималось мѣръ къ пресѣченію преступленій, еслибъ не было спеціальныхъ органовъ, которые, основываясь на ясномъ законѣ, могутъ въ той или иной формѣ требовать отвѣта отъ его нарушителей,—масса всевозможныхъ преступленій оставалась бы неизвѣстной и не наказанной, и страхъ наказанія не игралъ бы настоящей предостерегающей роли. Какъ видно по заголовку настоящей статьи, наша цѣль и заключается въ изложеніи того, что должно явиться одновременно съ карами закона на защиту обывательскаго здоровья отъ зла фальсификаціи. Но,

Digitized by Google

прежде чѣмъ заняться этимъ изложеніемъ, позвольте представить нѣсколько данныхъ, характеризующихъ размѣры и разнообразіе фальсификаціи. По размѣрамъ зла можно судить отчасти о настоятельности мѣръ противъ него. Кромѣ того, принимая въ разсчетъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ мы будемъ говорить о фальсификаціи въ Россіи по даннымъ, на которыхъ мы сейчасъ остановимся,—можно будетъ рѣшить, что мы и теперь уже обладаемъ средствами и силами для изобличенія фальсификаторовъ. Законодательству есть уже, стало быть, на что опираться въ своихъ требованіяхъ, ставя вопросъ о борьбѣ съ фальсификаціей; есть уже на что направить прежде всего свое вниманіе. Если въ выбранномъ нами эпиграфѣ къ настоящей статьѣ справедливо говорится объ индифферентизмѣ, какъ о явленіи общемъ, то въ видѣ исключенія ему можно противопоставить,—какъ мы узнаемъ ниже,—энергичную работу цѣлаго ряда дѣятелей науки, подготовлявшихъ матеріалъ для борьбы съ фальсификаціей и сбытомъ недоброкачественныхъ продуктовъ. Одинъ изъ этихъ дѣятелей унесъ въ могилу значительную долю своихъ добрыхъ пожеланій. Мы говоримъ о покойномъ русскомъ гигіенистѣ, незабвенномъ профессорѣ А. П. Доброславинѣ. Другіе, съ одесскимъ профессоромъ А. А. Вериго и московскимъ профессоромъ Ѳ. Ѳ. Эрисманомъ во главѣ, продолжаютъ свою трудную работу. Заняться подведеніемъ итоговъ именно въ настоящій моментъ какъ нельзя болѣе кстати и потому еще, что подъ вліяніемъ холерной эпидеміи появились въ нѣкоторыхъ пунктахъ такія временныя организаціи санитарнаго надзора, которыя при условіи ихъ постояннаго существованія могутъ сослужить службу и въ дѣлѣ борьбы съ фальсификаціей. Примѣръ—институтъ временныхъ торгово-санитарныхъ врачей въ Петербургѣ. Кромѣ того, въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о борьбѣ съ фальсификаціей и сбытомъ недоброкачественныхъ продуктовъ съ разныхъ сторонъ выдвинутъ на очередь. Обновленному ученому комитету обновленнаго же министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ вмѣнено въ обязанность заботиться объ изысканіи мѣръ противъ фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ. Министерство финансовъ въ своихъ законопроэктахъ—изъ которыхъ одинъ уже принятъ (о казенной продажѣ вина), а другой еще изготовляется (объ акцизѣ на виноградное вино)—заботится также о защитѣ населенія отъ фальсификаторскихъ набѣговъ. Словомъ, существуетъ, такъ сказать, атмосфера, до извѣстной степени благопріятная для созиданія болѣе или менѣе стройной системы учрежденій, которыя стояли бы на стражѣ народнаго здоровья.

I.

Типичнѣйшимъ примѣромъ, до чего можетъ доходить фальсификаторская изобрѣтательность, является все обнаруженное до сихъ поръ относительно фальсификаціи вина, извѣстной еще въ глубокой древности. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ не только фальсификаторовъ невѣжественныхъ, но и фальсификаторовъ, такъ сказать, просвѣщенныхъ, пользующихся данными науки въ интересахъ

Digitized by Google

своего позорнаго ремесла. Фальсификаторы слѣдятъ за развитіемъ научныхъ знаній и, параллельно съ усовершенствованіемъ способовъ для обнаруженія той или иной поддѣлки, видоизмѣняютъ и способы своей поддѣлки, стараясь всячески запутать изслѣдователя. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ наиболѣе преднамѣреннымъ обманомъ, скрывающимъ себя съ изумительною ловкостью, посредствомъ сообщенія продукту поддѣльному—внѣшнихъ качествъ продукта настоящаго. Изобрѣтательность дошла уже до того, что научились приготовлять вина, не содержащія въ себѣ ни одной капли виноградnаго сока. Мало того, эта фабрикація *виноградныхъ винъ безъ виноградnаго сока* нашла даже своихъ особыхъ поклонниковъ, которые пропагандируютъ способы полученія хереса, мадеры, рома изъ простой водки! Устраиваются, какъ мы увидимъ ниже, цѣлыя фабрики для изготовленія тѣхъ суррогатовъ, которые прибавляются къ очищенной водкѣ, чтобы придать ей вкусъ, ароматъ и цвѣтъ натуральнаго виноградnаго вина. На это обстоятельство, еще семь лѣтъ тому назадъ, указывалъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, бывшій прежде довольно ярымъ обличителемъ фальсификаторовъ вина, г. Альмединген. Съ тѣхъ поръ измѣнилось многое, но лишь къ худшему. Число фабрикъ для приготовленія виноградныхъ винъ безъ виноградnаго сока стало не меньше, а ряды защитниковъ и противниковъ фальсификаціи спутались. За послѣднее время сдѣлано уже немало для раскрытія размѣровъ фальсификаціи вина и главнѣйшихъ ея пріемовъ, и въ частности русскія работы въ этомъ направленіи занимаютъ весьма почетное мѣсто.

Чтобы охарактеризовать размѣры фальсификаціи вина, мы остановимся хотя бы на цифрахъ, терпѣливо собранныхъ за послѣдніе годы г. Гулишамбаровымъ, относительно перевозки вина по желѣзнымъ дорогамъ [1]). Эти цифры обнаружили прежде всего, что пункты, продовольствующіе виномъ обширные районы, лежатъ внѣ полосы произрастанія виноградной лозы. Такъ, главнѣйшимъ пунктомъ, продовольствующимъ имперію виномъ, является Москва, непосредственно слѣдующая, въ этомъ отношеніи, за Кишиневомъ: послѣдній отправляетъ 13% всего разсылаемаго по имперіи вина, а Москва болѣе 12%. Уже одно это обстоятельство само по себѣ можетъ навести на большія сомнѣнія; но дальнѣйшее знакомство съ цифрами вызываетъ еще на бо̀льшія сомнѣнія. Оказывается, что, напр., въ 1890 году Москва получила для своего милліоннаго населенія и ближайшихъ окрестностей 510,600 пуд. вина, а вывезла въ разныя губерніи Россіи 679,600 пуд. Въ 1891 году излишекъ вывоза надъ ввозомъ составлялъ 53,400 пуд., а въ 1892 году—187,700 пудовъ. Цифры эти не случайныя, и справка за годы, предшествовавшіе только что указаннымъ, свидѣтельствуетъ о томъ же странномъ фактѣ, вошедшаго въ правило, *превышенія вывоза вина изъ Москвы надъ ввозомъ*. Въ среднемъ, за четыре года, Москва получала по 450 т. пудовъ вина, а вывозила по 790 т. пуд. Такимъ образомъ, на основаніи цифръ приходится прійти къ безспорному заключенію, что *Москва является главнѣйшимъ пунктомъ фальсификаціи вина* въ громадныхъ размѣрахъ. Отправка около 135%

[1]) «Вѣстникъ винодѣлія» за 1893 г., №№ 1, 2 и 3, и за 1894 г. № 1.

Digitized by Google

полученія, какъ это было въ 1892 г.,—принимая въ разсчетъ громадныя потребности самой Москвы, какъ извѣстно, любящей, по русскому обычаю, выпить,—слишкомъ рѣзко говоритъ за себя, чтобы можно было думать о какихъ нибудь «смягчающихъ вину обстоятельствахъ». Не можетъ не внушать подозрѣнія и тотъ странный фактъ, что Москва не имѣетъ *прямыхъ сношеній* съ крупными винодѣльческими пунктами имперіи: Кишиневъ изъ 696 т. п. посылаетъ въ Москву лишь 20 т. п., а другіе пункты, какъ Страшены, Каларашъ, Елисаветполь, Незлобная, Квирилы, Кюрдамиръ, совсѣмъ не ведутъ дѣлъ съ Москвою. Изъ Тифлиса въ Москву идетъ лишь около $6^1/_2$ т. п. вина. Петербургъ также отправляетъ вина больше, чѣмъ получаетъ по желѣзнымъ дорогамъ, но эта разница можетъ, хотя отчасти, покрываться привозомъ вина моремъ изъ-за границы. Варшава получаетъ вина больше, чѣмъ отправляетъ; но если принять въ разсчетъ, что, за вычетомъ отпуска, на ея собственное потребленіе остается лишь 80—90 т. пуд., при полмилліонномъ населеніи, то едва ли можно говорить объ отсутствіи фальсификаціи вина въ значительныхъ размѣрахъ и въ этомъ третьемъ большомъ городѣ россійской имперіи. Но Москвѣ, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ несомнѣнно пальма первенства по части фальсификаціи вина. Цифры обнаруживаютъ при этомъ еще одно интересное обстоятельство: наибольшее движеніе вина происходитъ по московско-нижегородской дорогѣ, находящейся въ сторонѣ отъ всѣхъ винодѣльческихъ районовъ. Дорога эта, напр., въ 1892 году, отправила въ одну сторону 330,800 п., а въ другую—307,700 пуд. Дѣло представлялось въ такомъ видѣ: Нижній, получая вино водой съ низовьевъ Волги (вино астраханское, дагестанское или терское), передавалъ его Москвѣ; тамъ надъ нимъ производили свои манипуляціи гг. фальсификаторы и затѣмъ отправляли его обратно въ Нижній, откуда оно слѣдовало опять по водному пути. Приволжскіе города, такимъ образомъ, *только видѣли, какъ провозилось чистое вино*, а пили вина московской выдѣлки. Получалось вино въ Москвѣ и по московско-ярославско-вологодской дорогѣ, и въ этомъ случаѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что, Москва, въ свою очередь, получала продуктъ фальсифицированный: астраханское вино могло подвергаться передѣлкѣ въ Ярославлѣ, Кашинѣ или Рыбинскѣ. Петербургъ, какъ сказано, въ общемъ, получаетъ вина больше, чѣмъ отправляетъ. Но если мы прибавимъ къ этому, что разность не достигаетъ и 100 т. п. въ годъ, то нельзя будетъ спорить даже противъ апріорнаго предположенія, что невская вода оказываетъ такую же услугу гг. фальсификаторамъ, какъ вода Москвы-рѣки.

Весьма поучительныя указанія даютъ далѣе цифры ввоза и вывоза вина изъ Тифлиса. Во-первыхъ, оказывается, что Тифлисъ, находясь въ центрѣ винодѣльческаго района, не довольствуется своимъ виномъ и получаетъ,—хотя въ незначительномъ, но изъ году въ годъ возрастающемъ количествѣ,—вино иностранное; а, во-вторыхъ, получаетъ русскія вина изъ внутреннихъ губерній Россіи. Третье обстоятельство еще интереснѣе. Тифлисъ получаетъ гужемъ почти все вино, производимое въ Кахетіи (долина р. Алазани), а кромѣ

Digitized by Google

того, около 300 т. пуд. по линіи желѣзной дороги. Между тѣмъ, отправка изъ него весьма незначительна, а отправки на далекое разстояніе совершенно ничтожны: онѣ не достигаютъ и 40 т. пуд. въ годъ. Если мы сопоставимъ съ этимъ обильное предложеніе кахетинскаго вина во всѣхъ крупныхъ городахъ, со столицами во главѣ, то ясно будетъ, что подъ именемъ якобы «кахетинскаго вина» потребляется все, кромѣ продукта, носящаго это названіе по праву, и что алазанская долина совсѣмъ не повинна въ столь широкомъ распространеніи ея винъ. Продажныя кахетинскія вина въ массѣ случаевъ являются разбавленными, сдобренными винами сѣвернаго Кавказа, Донской области, Бессарабіи или же, просто, смѣсью вина съ водою, спиртомъ и разными красящими и ароматическими веществами. Въ лучшемъ случаѣ, за кахетинскія вина сбываются вина имеретинскія, послѣ обработки ихъ въ Тифлисѣ. Кромѣ своего поддѣльнаго вина, въ которое слѣдуетъ включить и вино, идущее изъ Финляндіи, мы безспорно получаемъ массу поддѣльнаго вина изъ-за границы и, прежде всего, изъ тѣхъ странъ, которыя, какъ Швеція, Норвегія или Данія, не видятъ у себя виноградной лозы. Весьма значителенъ привозъ вина изъ Испаніи, этой классической страны всяческаго сдабриванія винъ. Для этого сдабриванія, Испанія и беретъ отъ насъ массу спирта, а затѣмъ этотъ спиртъ и возвращаетъ намъ въ своихъ винахъ. Въ этомъ случаѣ вся страна наша оказывается въ печальномъ положеніи, аналогичномъ съ тѣмъ, въ какомъ находятся наши винодѣльческіе районы, получающіе иногда свой продуктъ въ сдобренномъ видѣ изъ разныхъ передѣлочныхъ пунктовъ. О степени распространенности фальсифицированнаго вина за границею можно бы привести массу данныхъ. Слѣдующій характерный анекдотъ-фактъ поясняетъ дѣло. Въ одномъ изъ городовъ Германіи, какой-то химикъ, проанализировавъ купленное имъ вино и найдя въ немъ какую-то вредную примѣсь, помѣстилъ въ мѣстной газетѣ объявленіе такого рода: «Одинъ изъ виноторговцевъ нашего города отпустилъ мнѣ фальсифицированное вино; если онъ не доставитъ мнѣ сегодня, взамѣнъ отпущеннаго вина, бутылку натуральнаго, то я завтра опубликую его имя въ этой же газетѣ». Химикъ получилъ въ тотъ же день 21 бутылку хорошаго вина, т. е. по бутылкѣ отъ всѣхъ находившихся въ городѣ виноторговцевъ. Если же мы обратимся къ свидѣтельству цифръ, то узнаемъ, напр., слѣдующее. Ежегодно изготовляемое на мѣстѣ количество такихъ общеупотребительныхъ винъ, какъ мадера, хересъ, портвейнъ, лафитъ, медокъ, бургонское, Chambertin, Clos de Vougeot—ничтожно. Островъ Мадера доставляетъ вина около 200 т. гектолитровъ въ годъ и изъ нихъ собственно мадеры до $10^1/_2$ т. гектолитровъ, или 83 т. вед.; хересу получается до 660 т. гектолитровъ; виноградникъ Clos de Vougeot производитъ около 250 бочекъ (18,000 в.), а между тѣмъ, почти во всякомъ погребѣ можно достать вина съ этими названіями и притомъ по дешевой цѣнѣ. Въ послѣдніе годы, предложеніе фальсифицированнаго вина во Франціи, благодаря строгому санитарному надзору, значительно уменьшилось. Но отъ этого не выгадали другія страны. Фальсифицкаторы не перестали заниматься своимъ позорнымъ дѣломъ. Они только

Digitized by Google

сдѣлали мѣстомъ сбыта своей работы другія государства и, главнымъ образомъ, Россію. Фактъ фальсификаціи вина констатируется и въ полуофиціальныхъ, и въ офиціальныхъ изданіяхъ. Такъ, въ громадномъ трудѣ г. Петлина, напечатанномъ съ разрѣшенія министра финансовъ: «Опытъ описанія губерній и областей Россіи въ статистическомъ и экономическомъ отношеніяхъ» (часть I, стр. 36) указывается, что у крестьянъ-винодѣловъ бессарабской губерніи, въ силу разныхъ причинъ, а—главное—за недостаткомъ средствъ, укоренился обычай сбывать вино немедленно послѣ выдѣлки, не выдерживая его въ погребахъ, даже иногда не слитое съ дрожжей. Вино это раскупается одесскими, харьковскими, варшавскими, московскими и петербургскими виноторговцами, которымъ оно служитъ для приготовленія смѣсей, выпускаемыхъ въ продажу подъ громкими французскими названіями. Что это такъ, еще раньше указано въ изслѣдованіи проф. Архипова, нынѣшняго предсѣдателя ученаго комитета министерства земледѣлія. «Въ Одессѣ,—пишетъ проф. Архиповъ, на стр. 81 своей книги [1]),—съ давнихъ поръ существуетъ фирма, спеціально занимающаяся переработкою бессарабскаго вина. Фабрикація и способы тщательно скрываются ея представителями, но тѣмъ не менѣе, при осмотрѣ помѣщенія и всѣхъ принадлежностей, при видѣ громадныхъ размѣровъ чановъ, посуды, заключавшей глицеринъ, и различныхъ стклянокъ съ sève-arome'ами, съ увѣренностью можно сказать, что обстановка вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе, составившееся о винахъ фирмы». Тотъ же проф. Архиповъ указываетъ, что бессарабскія вина въ большихъ количествахъ скупаются евреями, по баснословно дешевой цѣнѣ,—50—70 коп. ведро,—и отправляются въ польскія губерніи и въ Ригу для приготовленія изъ нихъ всѣхъ сортовъ винъ европейскихъ. Въ запискѣ, напечатанной недавно въ «Вѣстникѣ финансовъ, промышленности и торговли», по вопросу объ обложеніи акцизомъ напитковъ, содержащихъ алкоголь, о фальсификаціи вина говорится, какъ о несомнѣнномъ фактѣ. «Имѣются основанія съ увѣренностью сказать, что *общее количество поддѣльнаго вина, производимаго въ Россіи, по меньшей мѣрѣ, равняется количеству вина, вывозимаго изъ винодѣльческаго района, т. е. 9.000,000 ведеръ*» (!!). Въ той же запи-

[1]) «*О фальсификаціи винъ*». Изслѣдованіе это произведено было по порученію министра госуд. имущ., М. Н. Островскаго. Въ предисловіи къ труду г. Архипова говорится: «Къ числу условій, особенно неблагопріятно дѣйствующихъ и подавляющихъ развитіе винодѣлія, относится фальсификація винъ, на которую, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Передѣлка винъ, въ особенности распространенная у насъ, вредно дѣйствуя на здоровье и порождая разныя болѣзни, препятствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и распространенію русскихъ натуральныхъ винъ—крымскихъ, кавказскихъ, донскихъ и бессарабскихъ; уничтожаетъ у владѣльцевъ виноградныхъ садовъ стремленіе къ улучшенію культуры виноградныхъ ловъ и всякое желаніе продолжать дѣло, отъ развитія котораго зависитъ не только благосостояніе южныхъ окраинъ Россіи, но и общее улучшеніе нашего экономическаго быта. Подавленіе фальсификаціи винъ принадлежитъ къ числу мѣръ, безъ принятія которыхъ трудно достигнуть поднятія винодѣлія».

Digitized by Google

скѣ, напечатанной въ органѣ министерства финансовъ, категорически указывается, что отъ фальсификаціи вина терпятъ и церкви. Церковь покупаетъ въ годъ не менѣе 200,000 ведеръ, или $^1/_{90}$ часть всего натуральнаго вина, потребляемаго въ Россіи. «Не смотря на такіе размѣры потребленія, вино церковное и дорого, и плохаго качества; *не смотря на назначеніе церковнаго вина, торговля имъ находится зачастую въ еврейскихъ рукахъ, а химическій его составъ часто ничего общаго съ виноградным виномъ не имѣетъ*».

Къ приведеннымъ цифровымъ доказательствамъ и офиціальнымъ свидѣтельствамъ, относительно фальсификаціи вина, а также къ даннымъ повседневнаго опыта прибавимъ теперь еще болѣе точное свидѣтельство научнаго изслѣдованія продаваемыхъ винъ. По этимъ даннымъ, мы узнаёмъ не только о фактѣ фальсификаціи, но и объ ея способахъ. Виноградное вино, какъ продуктъ самоброженія винограднаго сока, безъ всякой примѣси постороннихъ веществъ, заключаетъ въ себѣ алкоголь, сахаръ, глицеринъ, эфиры, азотистыя и др. вещества, и потому является весьма полезнымъ питательнымъ продуктомъ. Одного разбавленія водою достаточно, чтобы отнять у этого продукта значительную долю его цѣнности. Но разжиженіемъ вина дѣло фальсификаціи не ограничивается. Фальсификаторы прибѣгаютъ къ подмѣси разныхъ веществъ, до ядовитыхъ включительно: *картофельный сахаръ*, *хлѣбный спиртъ съ сивушнымъ масломъ*, *глицеринъ*, *сахаринъ*, *кислоты силициловая*, *сѣрная* и др., *анилиновыя краски*, *кампешъ*, *свекла*, *бузина*, *черника*, *индиго*, *карминъ*, *орсейль*, *или французскій пурпуръ*, *фернамбукъ*, получаемый изъ краснаго дерева, *пикриновая кислота* и разныя эссенціи—вотъ обычные матеріалы въ лабораторіи фальсификаторовъ.

Анализы продажныхъ русскихъ винъ начаты съ легкой руки проф. Вериго въ Одессѣ, а за послѣдніе годы производятся и въ городскихъ лабораторіяхъ другихъ городовъ: Москвы, Петербурга, Риги, Тифлиса. Обратимся сначала къ тому, что̀ сообщаетъ проф. Вериго. Прежде всего, ему пришлось констатировать присутствіе салициловой кислоты. Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорной борьбы съ этой примѣсью, проф. Вериго могъ заявить, что салициловой кислоты въ обращавшихся въ одесской торговлѣ винахъ не найдено. Но съ изгнаніемъ салициловой кислоты не удалось освободиться отъ другихъ элементовъ фальсификаціи. Въ красномъ винѣ продолжали до послѣдняго времени встрѣчаться каменноугольныя краски. Послѣднія особенно часто прибавляются къ фабрикуемому на мѣстѣ изюмному вину, которое имѣетъ громадный сбытъ, подъ названіемъ церковнаго вина. Безъ каменноугольныхъ красокъ изюмное вино имѣетъ непріятный для глаза цвѣтъ, который, если и измѣняется, то ненадолго, отъ безвредныхъ красокъ растительнаго происхожденія. Вслѣдъ за каменноугольными красками, пытался проникнуть въ область южно-русскаго винодѣлія и въ одесскіе винные погреба сахаринъ, дѣйствіе котораго на человѣческій организмъ было признано вреднымъ, и ввозъ воспрещенъ постановленіемъ высшаго учрежденія по вопросамъ общественнаго здравія во

Digitized by Google

Франціи: Comité consultatif d'hygiène publique. Въ Аккерманѣ, Кишиневѣ и Одессѣ появились въ 1890 г. рекламы, рекомендовавшія употребленіе въ винодѣліи сахарина, какъ вещества въ 300 разъ болѣе сладкаго, чѣмъ сахаръ. Но, по докладу проф. Вериго въ одесскомъ обществѣ садоводства, было возбуждено ходатайство передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; въ результатѣ этого состоялось запрещеніе примѣшивать сахаринъ къ пищевымъ веществамъ. Тѣмъ не менѣе, въ винахъ сахаринъ и до сихъ поръ встрѣчается, особенно въ сладкихъ десертныхъ.

Въ первомъ и единственномъ, опубликованномъ до сихъ поръ, отчетѣ петербургской городской лабораторіи, начавшей свою работу лишь съ 1892 г., по вопросу о фальсификаціи вина мы находимъ лишь нѣсколько общихъ соображеній относительно трудности борьбы съ этимъ зломъ и результаты анализа нѣсколькихъ образцовъ натуральныхъ бѣлыхъ крымскихъ винъ. Зато богатый матеріалъ представляютъ отчеты московской городской санитарной станціи, начавшей свою дѣятельность въ 1891 г. Лабораторія старалась найти отвѣтъ на два вопроса: не содержатъ ли вина, продаваемыя въ Москвѣ, вредныхъ для здоровья потребителя началъ, и можно ли считать ихъ натуральными? Рѣшеніе втораго вопроса встрѣчаетъ большія затрудненія, потому что до сихъ поръ еще очень мало извѣстно о нормальномъ составѣ чистыхъ натуральныхъ русскихъ винъ, и анализы, въ родѣ произведенныхъ спб. лабораторіею, являются еще разрозненными попытками въ этомъ направленіи. Въ первый годъ московская лабораторія произвела лишь 20 анализовъ русскихъ виноградныхъ винъ, но и при этомъ ей удалось обнаружить разбавку водой, прибавленіе алкоголя и подкрашиваніе жженымъ сахаромъ, сафраниномъ и черникой, а также прибавленіе искусственнаго букета, состоящаго изъ мускатной и лавро-вишневой эссенціи. Двѣ изъ пробъ даже оказались *совсѣмъ не содержащими настоящаго виноградного вина*. Установивъ въ первый годъ фактъ грубой фальсификаціи вина, московская станція на второй годъ, какъ видно по второму ея отчету, составляющему объемистое изданіе въ 446 страницъ [1]), сочла безполезнымъ продолжать дальнѣйшее констатированіе этого факта и рѣшила приступить къ изслѣдованію завѣдомо натуральнаго виноградного вина, чтобъ имѣть, такимъ образомъ, твердую опору при оцѣнкѣ виноградныхъ винъ. Въ результатѣ мы имѣемъ теперь образцовую работу, часть которой составила докторскую диссертацію [2]). Въ этой работѣ представленъ процессъ приготовленія вина; описаны происходящія при этомъ химико-біологическіе процессы; указаны наиболѣе употребительные пріемы сдабриванія вина; подробно разъяснено, каковы должны быть законныя соотношенія отдѣльныхъ составныхъ частей вина, а также подробно изложены (на 50 страницахъ мелкаго шрифта) методы изслѣдованія. Послѣднее является

[1]) «Второй годовой отчетъ московской «городской санитарной станціи», устроенной при гигіеническомъ институтѣ московскаго университета». Май 1892—май 1883 г., составленъ подъ редакціей пр. *Ѳ. Ѳ. Эрисмана.*

[2]) *Магнусъ Блаубергъ*: «Русское виноградное вино и хересъ».

Digitized by Google

тѣмъ болѣе цѣннымъ, что до сего времени вся существующая литература по химическому анализу вина заключалась въ нѣсколькихъ маленькихъ брошюркахъ, составлявшихъ почти дословный переводъ старыхъ иностранныхъ сочиненій, съ неумѣлыми пропусками и неумѣлыми же добавленіями.

Кромѣ анализа завѣдомо натуральныхъ винъ (изъ складовъ департамента удѣловъ и князя Л. С. Голицына) въ московской лабораторіи производились спеціальныя изслѣдованія продаваемыхъ въ Москвѣ «хересовъ», употребленіе которыхъ столь распространено. Сообщеніе результатовъ изслѣдованія «хересовъ» сопровождается общими замѣчаніями о сладкихъ винахъ вообще, о хересѣ въ частности, и о методахъ изслѣдованія. Но мы займемся лишь его печальными результатами. Оказалось, что вращающіеся на московскихъ рынкахъ дешевые сорта хереса—продукты грубой фальсификаціи. Они представляютъ или смѣсь незначительнаго количества виноградnаго вина, воды, спирта и сахара, сдобренную Scherry Essenz, или же приготовлены по извѣстнымъ рецептамъ, которыхъ существуетъ очень много, *безъ всякой примѣси виноградnаго вина.* Болѣе дорогіе сорта (начиная съ 2 р.) приготовлены изъ сильно гипсованнаго вина. Содержаніе сѣрнокислаго калія въ нихъ превышаетъ болѣе, чѣмъ въ три раза, тотъ maximum, который установленъ для гипсованнаго вина вообще. Такимъ образомъ, заграничные производители сильно злоупотребляютъ отсутствіемъ у насъ закона о гипсованныхъ винахъ. Произведенные прежде проф. Коноваловымъ, анализы петербургскаго хереса также установили значительное противъ нормы превышеніе количества вредной для здоровья сѣрно-каліевой соли, но все же это превышеніе было ниже московскаго. Проф. Коноваловъ сообщалъ о 4,8 грамм. въ литрѣ, а отчетъ московской лабораторіи говоритъ о 6,74 грамм., тогда какъ норма допускаетъ лишь 2 грамма. Слѣдуетъ пояснить, что уже на своей родинѣ, въ Испаніи, хересъ подвергается фальсификаціи. Молодой хересъ обыкновенно поступаетъ въ руки алмасенистовъ (владѣльцевъ погребовъ) которые его и выдерживаютъ. У каждаго алмасениста имѣется нѣсколько бочекъ наилучшаго хереса, которыя стоятъ въ подвалахъ отдѣльными рядами — solera. Этотъ-то наилучшій хересъ прибавляютъ въ размѣрѣ 1—10% къ молодому хересу, послѣ чего и продаютъ его за старый. Наши же торговцы приготовляютъ свои «хереса», въ лучшемъ случаѣ, разбавленіемъ испанскихъ хересовъ помощью виноградnаго или нормальнаго вина. Но, кромѣ настоящаго хереса, за границей приготовляется хересъ искусственный; особенно много готовится его въ Гамбургѣ, Германіи и Англіи. Гамбургскій хересъ, извѣстный подъ названіемъ Scherry, представляетъ напитокъ, приготовленный изъ винныхъ ягодъ и финиковъ, и сдобренный спиртомъ. Кромѣ того, къ этому хересу прибавляется большое количество хлористыхъ солей (особенно хлористаго натрія), ароматической эссенціи, Scherry-Essenz, состоящей изъ уксусно-кислаго эфира, лавро-вишневой воды и пр. Одинъ изъ безчисленныхъ англійскихъ рецептовъ для приготовленія хереса заключаетъ въ себѣ: орѣховую эссенцію, малиновую эссенцію, горько-миндальную эссенцію, уксусно-кислый эфиръ, глицеринъ, карамель и пр.

Digitized by Google

Отъ хереса перейдемъ къ другимъ «сладкимъ винамъ», подъ которыми подразумѣвается цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ сортовъ винъ, характеризующихся высокимъ содержаніемъ алкоголя или экстракта. Они получаются или сгущеніемъ виноградного сока, или же искусственнымъ прекращеніемъ броженія. Первое достигается, въ свою очередь, вяленіемъ винограда на лозахъ, или же сгущеніемъ сусла, при помощи выпариванія его до большей или меньшей густоты. По первому способу приготовляется, напр., токайское вино, а по второму — малага. Но оба эти способа требуютъ тщательнаго ухода, а потому, во избѣжаніе порчи, зачастую прибѣгаютъ къ прибавленію салициловой или сѣрнистой кислоты. Искусственное прекращеніе броженія достигается прибавленіемъ алкоголя раньше, чѣмъ весь сахаръ успѣваетъ перебродить. Такъ приготовляются: портвейнъ, хересъ, марсала, мадера. Упомянувъ объ этихъ винахъ, замѣтимъ, что съ самаго распространенія русскихъ виноградныхъ винъ, т. е. съ конца 70-хъ годовъ, у насъ началъ появляться кавказскій хересъ, бессарабскій портвейнъ, крымская мадера, донская марсала и т. д. Всѣ эти названія, по замѣчанію г. Альмединген а («Наша пища», 1891 г., № 4) заставляютъ удивляться какъ наглости виноторговцевъ и возможности открыто, среди бѣлаго дня, безсовѣстно обманывать потребителя, такъ и полному невѣдѣнію этого потребителя. Дѣло въ томъ, что русскіе виноградники пока не даютъ намъ такихъ винъ, какъ хересъ, мадера и портвейнъ. Наши виноградники даютъ лишь красное и бѣлое столовое вино, съ содержаніемъ отъ 8 до 14% алкоголя, и получить съ нихъ ликерное вино, содержащее отъ 15—22% алкоголя, можно лишь путемъ дальнѣйшаго искусственнаго приготовленія, т. е. поддѣлки. Такъ и поступаютъ обыкновенно. Берутъ, напр., особый сортъ кавказскаго желтаго вина, прибавляютъ къ нему спирту, чтобъ крѣпость вина поднять до 16—18%, или вообще до желаемаго градуса; потомъ прибавляютъ сахарнаго сиропа или, просто, сахарнаго песку, а затѣмъ иностраннаго крѣпкаго вина — хереса, мадеры или портвейна. Но это въ лучшемъ случаѣ, а въ худшемъ, и притомъ обыкновенномъ, роль иностраннаго вина играетъ соотвѣтствующая эссенція.

Съ аналогическимъ явленіемъ встрѣчаемся мы и по отношенію къ русскимъ шипучимъ винамъ, когда ихъ называютъ «шампанскими». Образцовые виноградники Шампани засажены почти исключительно лозами краснаго пино (pinot rouge) и гамэ (gamay) и хотя эти лозы прививаются въ другихъ странахъ, но вино изъ гамэ и краснаго пино, выросшихъ въ Австріи или Крыму, совсѣмъ не то, по своимъ свойствамъ, что вино изъ тѣхъ же лозъ, растущихъ въ Шампани. Для шампанскаго берутъ смѣсь винограда названныхъ сейчасъ лозъ и бѣлыхъ лозъ—пино гри (pinot gris) и эпинетъ (épinette). Способъ выработки шампанскаго очень сложенъ. Производство же нашихъ шипучихъ винъ почти не отличается отъ производства лимонадовъ, фруктовыхъ водъ и пр.

Анализы винъ, произведенные на варшавской гигіенической станціи, подтвердили фактъ фальсификаціи. Но еще характернѣе, что въ Севастополѣ, окруженномъ цвѣтущими виноградниками,

Digitized by Google

обыватели должны пить, вмѣсто вина, нѣчто до нельзя мерзкое. Назначенная севастопольскимъ градоначальникомъ, контръ-адмираломъ Лавровымъ, комисія [1]) изъ мѣстныхъ докторовъ и химиковъ, для изслѣдованія мѣстныхъ винъ, нашла, что большинство винъ, притомъ взятыхъ изъ крупныхъ складовъ, разбавлено колодезною и фонтанною водою, содержитъ спиртъ съ сивушнымъ масломъ, салициловую, азотную и сѣрную кислоты (послѣднюю въ количествѣ, въ 10 разъ большемъ максимальной нормы) и пр. Въ городѣ Николаевѣ одинъ изъ мѣстныхъ провизоровъ (г. Коганъ) произвелъ анализъ 50 образцовъ мѣстнаго продажнаго бѣлаго и краснаго вина. Въ 32 образцахъ ему удалось обнаружить присутствіе квасцовъ, въ двухъ—присутствіе салициловой кислоты. Почти всѣ красныя вина были подкрашены разными растительными красками. Попадались и такія вина, которыя вовсе не содержали виноградnаго сока, а были сфабрикованы при помощи спирта, сахара, уксуса и красящаго вещества изъ черныхъ сѣмячекъ. Болѣе дорогія вина подвергаются болѣе сложнымъ манипуляціямъ. Марсала подмѣшивается крымскимъ виномъ. «Налитыя бутылки — говоритъ г. Коганъ—стоятъ большею частію безъ этикетовъ, которые наклеиваются во время отпуска, смотря по названію, требуемому покупателемъ, и вино изъ одной бочки отпускается подъ различными названіями. Мнѣ, напр., приходилось изслѣдовать вино изъ погребовъ, которое представляло собою ничто иное, какъ самый плохой сортъ вина, разбавляемый водою, или скорѣе воду, разбавленную виномъ, а носило оно названіе: токай, аликанте, мускатъ и пр. Такъ называемые «выморозки» приготовляются даже лѣтомъ, простымъ прибавленіемъ алкоголя къ обыкновенному вину».

Для полноты картины слѣдуетъ напомнить еще о прославившемся фальсификаціею винъ градѣ Кашинѣ, тверской губ. Сатира Гоголя и Щедрина отмѣтила этотъ русскій городъ, совмѣщающій въ себѣ одновременно Опорто, Малагу, Лиссабонъ, Марсалу и пр., и отстоящій за двѣ тысячи верстъ отъ виноградныхъ плантацій. Въ «Историко-статистическомъ описаніи тверской губерніи», В. Преображенскаго, указано, напр., что водочный заводъ фирмы «М. Зызыкина сыновья», въ концѣ 70 годовъ, имѣлъ при себѣ мастерскую искусственныхъ винъ, занимавшую до 60 рабочихъ и выдѣлывавшую 15,000 ведеръ красныхъ винъ, 25,000 вед. бѣлыхъ и 75,000 бут. шипучаго. Матеріаломъ для всего этого служилъ, по увѣренію позднѣйшаго историка кашинскаго винодѣлія, г. Субботина («Сѣв. В.» 1893 г., февраль), разбавленный чихирь, т. е. плохо выбродившее кизлярское вино, подвозимое водою изъ Астрахани, съ прибавленіемъ разныхъ спецій.

Многочисленные процессы послѣднихъ годовъ останавливали вниманіе русскаго общества на нѣсколькихъ фабрикахъ, занимавшихся en grand фальсификаціею винъ. Напомнимъ хотя бы о поддѣлкѣ въ большомъ количествѣ редереровскаго шампанскаго въ Пе-

[1]) Комисія эта, начавшая свои работы 15 окт. 1892 г., упразднена въ февралѣ прошлаго года, по случаю устройства при севастопольскомъ городск. обществ. управленіи постоянной аналитической станціи.

Digitized by Google

тербургѣ, за которую попали въ тюрьму владѣлецъ склада «Слава», купецъ Дензовъ, и его соратники. Затѣмъ, изъ другихъ процессовъ можно отмѣтить дѣло о фальсификаціи винъ разлива бр. Елисѣевыхъ, въ погребахъ купца Москвина. Въ этихъ погребахъ были найдены капсюли, сходныя съ накладываемыми на бутылки бр. Елисѣевыхъ, и пробки съ марками той же фирмы. Экспертиза болѣе 1,000 бутылокъ изъ погребка Москвина выяснила, что въ этихъ бутылкахъ заключаются вина низшаго сорта, не соотвѣтствующаго цѣнамъ. Такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ, было произведено переливаніе винъ изъ однѣхъ бутылокъ въ другія.

Въ широкихъ размѣрахъ производится за границею поддѣлка коньяка. Въ большинствѣ случаевъ, подъ этимъ именемъ продается продуктъ, который вовсе не содержитъ коньяка. Всего чаще коньякъ выдѣлывается изъ германской картофельной водки, подобно тому, какъ бѣлое якобы виноградное вино дѣлается изъ ячменя, а красное—уже изъ этого бѣлаго съ прибавкой подходящихъ красокъ. Наши фальсификаторы ухитряются производить совсѣмъ особаго рода фальсификацію коньяка. Они готовятъ коньякъ и ромъ изъ «ароматическихъ соковъ, получаемыхъ исключительно изъ ягодъ, плодовъ, травъ и кореньевъ».

Здѣсь какъ разъ умѣстно будетъ указать, что за послѣдніе годы у насъ развилось, даже въ формѣ правильнаго производства, приготовленіе эссенцій, порошковъ, лепешекъ, сгущенныхъ соковъ, при помощи которыхъ приготовляются разныя вина. Объявленіями о всѣхъ этихъ вспомогательныхъ для фальсификаторовъ средствахъ пестрятъ и столичныя, и провинціальныя изданія, начиная съ появленія въ 1892 г. первыхъ «привилегированныхъ ароматическихъ лепешекъ». Изобрѣтатели этихъ лепешекъ выхлопотали себѣ, какъ водится, благосклонное «разрѣшеніе врачебнаго управленія» на пользованіе правомъ соблазнять обывателя возможностью за 15 коп. получать изъ водки любое вино, ликеръ и пр. Вслѣдъ за петербургскою фабрикою появилась фабрика въ Москвѣ, занявшаяся приготовленіемъ сгущенныхъ эссенцій въ порошкахъ. Варшава не отстала отъ столицъ, и тамъ появились двѣ фабрики эссенцій. Въ то же время выступила съ новинкою старѣйшая лабораторія эссенцій и экстрактовъ А. Визенталя, нынѣ С. Фридмана. Она начала рекламировать свои «флаконы жидкой эссенціи для приготовленія ликеровъ, спеціальныхъ водокъ, фруктовыхъ водъ, лимонадовъ, вина и виннаго уксуса». Но и у нея нашлись соперники въ лицѣ рузановской фабрики, которая также не замедлила сообщить къ свѣдѣнію фальсификаторовъ вина, что ею изготовляются «сгущенные ароматическіе соки для водокъ и ликеровъ», и притомъ «изъ натуральныхъ продуктовъ», на самомъ дѣлѣ оказывающихся, смѣсью эссенцій, красокъ и спирта. Подобная же фабрика существуетъ и въ Одессѣ, такъ что всего насчитывается уже около десятка лабораторій различныхъ эссенцій для поддѣлки вина, не считая тѣхъ, которыя дѣйствуютъ негласно и извѣстны не всей публикѣ, а лишь тѣмъ фальсификаторамъ, пособниками которыхъ они являются. Для того чтобъ не оставалось сомнѣній въ настоящихъ цѣляхъ фабрикантовъ эссенцій, они въ своихъ объявленіяхъ сами особенно

Digitized by Google

рекомендуютъ свои продукты для водочныхъ заводовъ, а къ флакону эссенцій заботливо прилагаютъ соотвѣтствующій этикетъ для наклейки его на бутылку съ тѣмъ виномъ или ликеромъ, которые будутъ сфабрикованы. Мало того, однимъ изъ фабрикантовъ былъ предпринятъ даже объѣздъ провинціи съ цѣлью пропагандировать свои продукты.

Въ своихъ рекламахъ гг. фабриканты уже совершенно перестали стѣсняться, о чемъ можно судить хотя по слѣдующему документу—письму, полученному однимъ изъ крымскихъ садовладѣльцевъ и напечатанному въ № 1 «Вѣстника винодѣлія» за текущій годъ. «Милостивый государь! Честь имѣю почтительнѣйше сообщить, что, открывъ фабрику окраски вина (красно-винная окраска) Teinte rouge bordelaise, первую и единственную въ Россіи, я позволяю себѣ, между прочимъ, упомянуть, что мой матеріалъ для окрашиванія винъ, ликеровъ и проч. производится исключительно изъ самаго чистаго растительнаго матеріала, безъ всякой вредной посторонней примѣси. При этомъ считаю долгомъ присовокупить, что доброкачественность и безвредность вышеупомянутаго матеріала удостовѣрена и одобрена врачебно-медицинскимъ управленіемъ. Одно ведро этого колера равняется 6—8 ведрамъ черничнаго экстракта и обходится гораздо дешевле, чѣмъ нынѣ фабрикуемые; онъ даетъ вину, кромѣ красиваго, свѣтлаго и прозрачнаго цвѣта, особенно утонченную мягкость вкуса; не измѣняетъ характера вина и превосходитъ своимъ качествомъ всѣ, до сего времени употребляемыя, краски. Преимущество моего матеріала отличается еще тѣмъ, что онъ не производитъ мути въ окрашиваемыхъ продуктахъ и цвѣтъ его долгое время не измѣняется. Надѣюсь что вы, милостивый государь, обратите должное вниманіе на всѣ достоинства моего окрашивающаго матеріала, превосходящаго по своимъ качествамъ всѣ донынѣ изобрѣтенные,—стоитъ только 32 рубля пудъ. Ю. К. Кирштейнъ».

Прейсъ-курантъ «петербургской лабораторіи эссенцій и экстрактовъ», не стѣсняясь, рекомендуетъ винные букеты: бишофъ, бордо, бургондское, малага, медокъ, мадера, марсала, портвейнъ, токайское, хересъ и пр., добавляя, что всѣ эти букеты разрѣшены спб. врачебнымъ управленіемъ. Надо ли пояснять, что пора же перестать давать подобныя разрѣшенія и вообще избавиться отъ той мягкости и даже какой-то особаго рода галантности по отношенію къ фальсификаторамъ и ихъ пособникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничѣмъ инымъ, какъ неумѣстною галантностью, можно объяснить хотя бы такіе факты, какъ появленіе продуктовъ упомянутыхъ сейчасъ лабораторій и даже книжки «Рецептовъ для приготовленія винъ помощью эссенцій» на гигіенической выставкѣ, и притомъ не въ тѣхъ ея отдѣлахъ, которые должны были показать, чему не слѣдуетъ быть въ жизни. Проф. Архиповъ, въ своей книжкѣ «О фальсификаціи вина» (стр. 54), по поводу объявленій химической лабораторіи эссенцій Визенталя, замѣчалъ, что «едва ли во Франціи и Германіи могли бы появиться подобныя объявленія: тамъ закономъ строго запрещается прибавлять къ винамъ эфирныя вещества и эссенціи». Съ тѣхъ поръ прошло уже семь лѣтъ, а мы все еще продолжаемъ читать подобныя объявленія. Гг. фальсификаторы становятся даже все

Digitized by Google

наглѣе и наглѣе. Нѣкто г. Высоцкій изъ Варшавы дошелъ, напр., до того, что предлагалъ въ *тифлисскихъ* газетахъ «винныя ягоды для выдѣлки винограднаго вина».

Помимо фальсификаціи въ мѣстахъ продажи, существуетъ несомнѣнно, какъ уже указано выше, фальсификація и на мѣстѣ самаго производства вина. Изъ ходатайствъ южно-русскихъ и кавказскихъ садовладѣльцевъ объ облегченіи имъ пользованія спиртомъ, видно, что процессъ сдабриванія хорошо извѣстенъ и нашимъ производителямъ винъ. Затѣмъ, при самомъ производствѣ винъ производится рядъ манипуляцій; практикуется рядъ пріемовъ, между которыми находятся очень и очень близкіе къ фальсификаціи. Въ виду различія качествъ винограднаго сока, производится такъ называемое смѣшеніе винъ (coupage), дающее возможность исправить цвѣтъ краснаго вина, увеличить крѣпость мало спиртуознаго и т. д. Затѣмъ производятся: прибавки спирта до 1%; практикуется окуриваніе бочекъ сѣрой для предохраненія вина отъ порчи, производится такъ называемая *пастеризація*, то есть нагрѣваніе до 60—70° Ц. и быстрое охлажденіе, также съ цѣлями предохраненія отъ порчи; *вымораживаніе* воды, практикуемое въ Бессарабіи и на Дону, и пр. Эти операціи повсюду въ винодѣльческихъ странахъ разрѣшены законами. Кромѣ ихъ, однако, существуютъ еще: *гипсованіе* винъ (виноградъ посыпаютъ, до прессованія, жженымъ гипсомъ или прибавляютъ гипсу къ виноградному соку до броженія) для отнятія кислоты; *шеелизація* винъ [1]) (прибавленіе глицерина) для уменьшенія кислаго и горькаго вкуса и для увеличенія сладости; *шаптализація* (прибавленіе мрамора и сахара); *галлизація* (прибавленіе воды, до извѣстныхъ предѣловъ кислотности сока, и сахара); *петіотизація* (прибавленіе воды и сахара къ виноградным выжимкамъ) и т. д. Фальсификаторскія операціи, при самомъ приготовленіи вина, касаются и главнаго, что цѣнится въ винѣ,—его букета, зависящаго отъ цѣлаго ряда сложныхъ эфировъ, образующихся весьма *медленно*, при взаимодѣйствіи алкоголя и кислотъ. Во Франціи существуютъ заводы для приготовленія букетовъ вина, а въ Австріи сами винодѣлы приготовляютъ такіе букеты. У насъ эту роль, какъ мы видѣли, выполняютъ описанныя выше фабрики эссенцій и экстрактовъ.

Вслѣдъ за поддѣлкой вина, умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о поддѣлкѣ водочныхъ издѣлій, т. е. водокъ, наливокъ и ликеровъ. Соотвѣтствующія разоблаченія, изложенныя въ извѣстной системѣ, мы находимъ, между прочимъ, въ статьяхъ, помѣщавшихся въ «Нашей пищѣ» за 1891 г. Авторъ ихъ г. А. А—нъ производилъ анализъ тѣхъ разноцвѣтныхъ жидкостей, которыя выпускаются во множествѣ нашими водочными заводами и въ массѣ же потребляются нашимъ среднимъ классомъ. На нѣкоторыхъ заводахъ ему удалось воочію убѣдиться, что водочныя издѣлія готовятся безъ

[1]) Названіе это представляетъ примѣръ неуваженія къ памяти ученаго. Шведскій химикъ прошлаго столѣтія *Шееле* виноватъ только въ томъ, что открылъ глицеринъ, и его именемъ называютъ теперь безобразнѣйшій способъ фальсификаціи вина!

Digitized by Google

всякаго участія фруктоваго или ягоднаго сока, и тѣхъ травъ, которыя нужны для приготовленія того или другаго сорта водки. Результаты же анализа приводили къ самымъ неожиданнымъ открытіямъ. Такъ, въ полынной водкѣ находился растворъ краски индиго и шафрана, но не оказывалось полыни. Дѣло въ томъ, что такъ называемую полынную водку готовятъ въ массѣ, а время, употребляемое на это, считается минутами, между тѣмъ для полученія настоя полыня необходимо нѣсколько недѣль. Съ другой стороны, смѣсь индиго съ шафраномъ даетъ соблазнительный изумрудно-зеленый цвѣтъ. Горечь достигается ничтожнымъ прибавленіемъ полыннаго масла или вытяжки корня горечавки (Sentiana lutea), калгана и пр. Перцовая водка, которая должна бы быть настоемъ неопредѣленной крѣпости на стручковомъ перцѣ, представляетъ на самомъ дѣлѣ жидкость самаго сложнаго и разнообразнаго состава, потому что является отбросомъ всего попортившагося при производствѣ водочныхъ издѣлій: перецъ все можетъ прикрыть и пересилить какой бы то ни было вкусъ. Въ виду этого, для перцовки обыкновенно употребляется водка, дурно очищенная, съ большимъ количествомъ сивушнаго масла. Въ нѣкоторыхъ пробахъ перцовки г. А. А—нъ нашелъ до 1,3% сивушнаго масла. Прозрачная «рябиновая водка» содержитъ зачастую фуксинъ, свинцовый сахаръ, квасцы: натуральная рябиновая водка не отличается прозрачностью. Яркій золотисто-желтый цвѣтъ лимонной водки получается при помощи нафталиновыхъ желтыхъ красокъ. Но и эти краски, получаемыя изъ продуктовъ перегонки тяжелаго каменноугольнаго масла, въ лимонной водкѣ еще «изъ худшихъ золъ лучшее». Попадаются образчики лимонной водки, подкрашенные прямо настоемъ куркумы. Въ ананасной водкѣ ананасъ только на этикетѣ. Ароматъ же ея зависитъ отъ ананасной эссенціи, въ которой заключаются такія вещества, какъ этилоуксусный эфиръ, добываемый изъ сивушнаго масла и уксусной кислоты, амило-масляный эфиръ, хлороформъ и пр. Подкрашиваніе ананасныхъ водокъ производится также каменноугольными красками, а подслащиваніе—глицериномъ. Киршвассеръ, приготовляемый изъ вишневыхъ косточекъ и хорошо очищеннаго спирта, оказался содержащимъ, вмѣсто первыхъ, мирбановую эссенцію, получаемую изъ карболовой кислоты при обработкѣ ея азотной. Особенной виртуозности достигаетъ фальсификаторская изобрѣтательность въ приготовленіи бальзама. Въ немъ *находили* и сѣрный эфиръ, и азотисто-этильный эфиръ, и лакрицу, и перецъ, и безконечное число другихъ веществъ.

О поддѣлкѣ водокъ, даже такихъ, какъ рябиновая настойка, и притомъ крупнѣйшими московскими заводами, сообщаетъ московская городская станція проф. Эрисмана. Уже въ первомъ отчетѣ станціи было указано, что почти всѣ изслѣдованныя водки содержали сивушное масло въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ. Оказалось затѣмъ сивушное масло и въ наливкахъ. Кромѣ того, всѣ изслѣдованныя наливки оказались такъ или иначе фальсифицированными, главнымъ образомъ, въ смыслѣ искусственнаго подкрашиванія: такъ, въ малиновой наливкѣ было констатировано присутствіе фуксина; рябиновая наливка всѣхъ цѣнъ подкрашена подкис-

Digitized by Google

леннымъ отваромъ кошенили, причемъ въ нѣкоторыхъ сортахъ рябина совсѣмъ отсутствовала; наливки зеленаго цвѣта подкрашены смѣсью шафранной тинктуры съ индиго-карминомъ; смородиновая наливка заключала искусственную эссенцію рома. Во второмъ годовомъ отчетѣ московской станціи говорится объ анализахъ болѣе дорогихъ сортовъ водокъ московскихъ заводовъ, — но выводы сообщаются столь же неутѣшительные.

Чтобъ покончить со спиртными и близкими къ нимъ напитками, скажемъ еще, что были и многіе случаи фальсификаціи пива. Обыкновенно эта фальсификація заключается въ прибавленіи воды, въ примѣненіи крахмальнаго сахара и въ подкраскѣ. При изслѣдованіи портера петербургскою лабораторіей, въ одномъ случаѣ была обнаружена подкраска его фуксиномъ, а о квасѣ та же лабораторія дала вообще непохвальный отзывъ. Въ Москвѣ, во многихъ пробахъ пива оказалось присутствіе сѣрнистой кислоты, а въ одномъ случаѣ—кислоты салициловой. Въ одесскихъ фруктовыхъ квасахъ обнаружено присутствіе каменноугольныхъ красокъ.

II.

Фальсификація молока—фактъ болѣе, чѣмъ общеизвѣстный. Всякій знаетъ доподлинно, что вода играетъ въ этомъ случаѣ роль безотвѣтнаго пособника фальсификаторовъ. Недаромъ кто-то замѣтилъ, что, *еслибы было возможно собрать все количество воды, употребляемой для разбавленія молока, то образовалось бы море, по которому могли бы совершать прогулки флоты всего міра.* Профессоръ Пель, предполагая, что только третья часть всего молока, продаваемаго въ Петербургѣ на рынкахъ, разбавляется водою; что воды прибавляется лишь 10%, и что на 5 жителей приходится по 1 бут. въ день, вычислилъ, что за одну воду, содержащуюся въ фальсифицированномъ молокѣ, населеніе Петербурга платитъ въ годъ около четверти милліона рублей. Вслѣдъ за разбавленіемъ водой, приходится считаться, при фальсификаціи молока, съ извлеченіемъ жира и замѣной его крахмальнымъ клейстеромъ, гипсомъ, камедью, слизью изъ льняныхъ сѣмянъ и пр. Оцѣнивая продажное молоко по содержанію въ немъ жира, наши санитарныя станціи приходятъ къ самымъ печальнымъ заключеніямъ: имъ приходится признать почти 60% молока фальсифицированными. Изъ перваго отчета московской санитарной станціи мы узнаёмъ, что около $^1/_3$ продажнаго московскаго молока испорчено фальсификаціей, которая производится, главнымъ образомъ, путемъ уменьшенія питательной стоимости молока, — снятіемъ сливокъ и разбавленіемъ водою. Во второмъ отчетѣ указано, что въ большинствѣ изслѣдованныхъ пробъ молока сливки оказались снятыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлено воды; въ нѣкоторыхъ образцахъ обнаружено присутствіе консервирующихъ веществъ,—соды и борной кислоты. Въ частности прибавленіе соды производится, или, по крайней мѣрѣ, производилось еще недавно безъ особаго стѣсненія прямо на глазахъ у всѣхъ, на рынкахъ, напр., въ Петербургѣ. Доморощенные химики-молочники тутъ же рѣшаютъ по собственному вкусу, достаточно ли воздѣйствовали

Digitized by Google

они прибавленіемъ щелочи для уничтоженія кислоты. Слѣдуетъ прибавить къ слову, что прибавленіе соды весьма вредно въ томъ отношеніи, что, благодаря образованію изъ молочнаго сахара молочной кислоты, *образуется молочно-кислый натръ, разстраивающій пищеварительные органы.* Съ цѣлями же консервированія, среди торговцевъ въ окрестностяхъ Петербурга существуетъ обычай пускать въ молоко лягушку: кожныя выдѣленія лягушекъ обладаютъ иногда щелочной реакціей и могутъ противодѣйствовать закисанію молока — этимъ только и можно объяснить указываемый дикій обычай.

Фальсификація сливокъ производится на самые разнообразные лады. Въ первый годъ существованія аналитической станціи проф. Доброславина было обнаружено, напр., что одна проба сливокъ состояла изъ смѣси клея, свинаго сала и небольшаго количества молока.

Продукты, получаемые изъ молока, также представляются объектомъ фальсификаціи. Въ одной изъ докторскихъ диссертацій, вышедшихъ изъ лабораторіи проф. А. П. Доброславина (посвященной изслѣдованію творога, сметаны и простокваши съ петербургскаго рынка), указывается, напр., на такого рода фальсификацію сметаны: къ сметанѣ прибавляется творогъ и простокваша, а утраченный при этомъ сметаною цвѣтъ возвращается прибавленіемъ морковнаго сока. «Объ этомъ способѣ подкрашиванія,—говоритъ авторъ диссертаціи, г. Пиперъ,—мы узнали отъ торговцевъ, которые мотивируютъ эту фальсификацію цвѣта тѣмъ, что покупатели постоянно требуютъ желтаго масла и сметаны, а также ссылаются и на то, что этотъ «подкрасъ» (?) не ядовитъ». Изъ веществъ растительнаго происхожденія въ сметану кладутъ муку. Фальсификація масла представляетъ также предметъ общеизвѣстный. Самою невинною фальсификаціей является придаваніе маслу желтаго цвѣта, требуемаго покупателями, даже тогда, когда масло такого цвѣта (зимою) и не имѣетъ, Въ одной глухой деревенькѣ ярославской губ. мнѣ самому приходилось слышать отъ бабъ, продающихъ масло въ городъ, что иногда онѣ прибавляютъ къ молоку яичный желтокъ. Но это, конечно, лишь невинные цвѣточки фальсификаціи, и можно горевать лишь о томъ, что эти цвѣточки, попадая въ деревню, дадутъ и болѣе вредные плоды. Въ другихъ случаяхъ, для окраски примѣняются: шафранъ, куркума, морковь; обнаружены были и такія ядовитыя краски, какъ хромовыя и бинитрокресолъ. Обыкновеннымъ способомъ фальсификаціи масла служитъ прибавленіе жира и пр., вплоть до полной заамѣны масла маргариномъ въ худшемъ значеніи этого слова. О маргаринѣ въ свое время очень много говорилось, съ легкой руки «Новаго Времени», создавшаго «маргариновый вопросъ». Теперь маргариновое производство отживаетъ свой вѣкъ, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ; во всякомъ случаѣ, по отношею къ этому производству, у насъ приняты положительныя мѣры, гарантирующія въ нѣкоторой степени обывателя отъ потребленія маргарина противъ воли. Припомнимъ, что на лавкахъ, гдѣ продается маргаринъ, должна быть вывѣска съ надписью на красномъ фонѣ бѣлыми буквами: «продажа маргарина»; на всѣ по-

Digitized by Google

мѣщенія съ маргариномъ должна быть прикрѣплена дощечка съ надписью крупнымъ шрифтомъ краснаго цвѣта: «искусственное маргариновое масло», а самыя помѣщенія должны быть окрашены въ красный цвѣтъ. Напомнимъ, что въ тотъ моментъ, когда столь шумно былъ поднятъ маргариновый вопросъ, было уже доказано, что собственно маргарина по способу Межъ-Мурье вовсе не приготовлялось, и съ маргариновыхъ заводовъ выпускали, такъ называемое, русское масло—смѣсь маргарина съ коровьимъ натуральнымъ масломъ [1]). Для приданія салу вкуса, запаха и цвѣта коровьяго масла, къ этой смѣси прибавляли разныхъ веществъ, въ родѣ масляной эссенціи, содержащей вредную для организма масляную кислоту, хромо-кислаго свинца и т. д. Обнаружено было въ продуктахъ, продаваемыхъ съ маргариноваго завода, и присутствіе растительныхъ маслъ съ добавленіемъ ядовитыхъ красокъ. Въ докладѣ проф. Пеля комисіи для обсужденія вопроса о маргариновомъ маслѣ указано было, что исходнымъ матеріаломъ для приготовленія петербургскаго маргарина служилъ чрезвычайно грязный жиръ, добываемый преимущественно изъ внутренностей животныхъ: сальника, желудка, кишекъ и т. д,, причемъ изъ пищеварительныхъ органовъ не удаляется ихъ содержимое. Вдобавокъ оказалось, что къ салу примѣшанъ соръ съ половъ бойни и что подобный грязный матеріалъ не подвергался промывкѣ... Раствореніе бѣлковыхъ веществъ путемъ пептонизаціи и послѣдующаго ихъ удаленія изъ олео-маргарина не производилось. Такимъ образомъ, не соблюдались важнѣйшіе пункты, требуемые отъ производства по способу Межъ-Мурье.

Фальсификація настоящаго коровьяго масла часто заключается въ прибавкѣ воды до 35%. Въ Америкѣ масло начали уже дѣлать изъ смѣси свинаго сала, стеарина и масла хлопковыхъ сѣмянъ, выпуская его въ свѣтъ подъ названіемъ «рафинированнаго сала». Одна только фирма Armour et C° употребляетъ ежегодно для производства этого продукта около 30 милл. фунт. масла хлопковыхъ сѣмянъ. Для того чтобы покупатель могъ подозрѣвать присутствіе хоть капельки коровьяго масла, американскіе фальсификаторы прибавляютъ къ своей смѣси коровьи волоски.

По отношенію къ мясу,—не говоря уже о приготовленіи колбасъ изъ разныхъ отбросовъ и загнившаго мяса, съ прибавленіемъ крахмальнаго клейстера и окраской фуксиномъ,—фальсификація также практикуется въ широкихъ размѣрахъ. Упомянемъ, напр., о надуваніи поросятъ, совершаемомъ ртомъ мясо-

1) Разница въ составѣ маргарина и коровьяго масла заключается въ томъ, что въ первомъ преобладаютъ стеаринъ и вообще твердые жиры и жировыя кислоты, а во второмъ—жиры съ болѣе низкой точкой плавленія, и летучіе жиры (около 8%), которыхъ вовсе нѣтъ въ чистомъ маргаринѣ. Большинство медицинскихъ авторитетовъ, а въ томъ числѣ наши профессора,—покойный Доброславинъ и нынѣ здравствующій кн. Тарханъ-Моуравовъ,—признали употребленіе маргарина прямо вреднымъ и высказались за полное воспрещеніе маргариноваго производства. За такое воспрещеніе высказался еще въ 1887 году и нашъ медицинскій совѣтъ.

Digitized by Google

торговца черезъ надрѣзы и продѣланные проволокой ходы въ подкожной клѣтчаткѣ. Благодаря этой операціи, поросенокъ увеличивается въ объемѣ и сходитъ за хорошо откормленнаго, будучи на самомъ дѣлѣ совершенно тощимъ. «Не надуешь — не продашь», общій оправдательный мотивъ этой, въ буквальномъ смыслѣ, *надувательной* системы. Другой шедѣвръ фальсификаторской изобрѣтательности представляетъ приготовленіе шпигованныхъ мясныхъ тушъ. Такая шпиговка происходитъ на мѣстѣ отправки тушъ, зимою, въ замороженномъ видѣ: широкій ножъ вонзаютъ въ разныя части туши и въ полученныя отверстія втыкаютъ мелкія части разныхъ внутренностей животнаго. Нѣчто подобное продѣлываютъ съ рыбою, какъ описываетъ санитарный врачъ г. Ростова-на-Дону, г. Щербаковъ: икра и внутренности въ рыбѣ замѣняются тряпками, мокрой соломой, кусками шерсти и камышемъ. Продѣлываютъ эту операцію сами рыбаки, вытаскивая черезъ отверстія въ жабрахъ маленькими крючками икру, которую употребляютъ себѣ на кашу, и замѣняя ее всѣмъ, что̀ попало.

Мука фальсифицируется всего чаще прибавленіемъ разнаго сора и минеральныхъ примѣсей. Объ этомъ достаточно говорятъ хотя бы знаменитая пухертовская исторія и дѣло самарскаго купца Шихобалова, поставившаго для голодающаго самарскаго населенія муку, отъ которой начались повальныя заболѣванія. По отношенію къ печеному хлѣбу, самая обыкновенная фальсификація касается вѣса: многочисленныя провѣрки обнаруживали, что обыкновенныя булки вѣсятъ гораздо меньше, чѣмъ должны бы вѣсить. Жадность фальсификаторовъ изобрѣла и еще одинъ способъ—это мочку хлѣба, т. е. приготовленіе его изъ отбросовъ: кусковъ и объѣдковъ хлѣба, остающихся въ богадѣльняхъ и трактирахъ, скупаемыхъ у нищихъ, и пр. Въ Москвѣ такая мочка воспрещена уже, кажется, года два. Въ Петербургѣ же такое запрещеніе состоялось лишь въ самое послѣднее время. При этомъ произошелъ весьма любопытный инцидентъ [1]), характеризующій существующую путаницу понятій. Полицейскій врачъ, свидѣтельствовавшій хлѣбъ, приготовленный изъ стараго, далъ такое заключеніе: «Представленный такимъ-то, ржаной хлѣбъ оказался хорошо выпеченнымъ и хотя, дѣйствительно, содержалъ въ себѣ кусочки корочекъ отъ стараго хлѣба, но также хорошо выпеченнаго. А потому представленный хлѣбъ нужно считать доброкачественнымъ и для здоровья совершенно безвреднымъ». Одновременно съ этимъ послѣдовало авторитетное разъясненіе проф. военно-медицинской академіи и завѣдывающаго собственной городской лабораторіей г. Пржибытека, что приготовленный подобнымъ образомъ хлѣбъ безусловно недоброкачественъ и для здоровья вреденъ.

Къ числу наиболѣе распространенныхъ фальсификаторскихъ операцій относится фальсификація *чая*. Она начинается собственно еще въ Китаѣ; справедливость требуетъ сказать, что китайскіе фальсификаторы были еще похуже нашихъ въ смыслѣ безцеремонности. Говоримъ — «были», потому что съ теченіемъ времени, благодаря вмѣшательству европейскихъ консуловъ и строгимъ мѣрамъ мѣст-

[1]) «Наша пища», 1893 г., № 17.

Digitized by Google

ныхъ властей, а также въ виду конкурренціи чаевъ индійскихъ и цейлонскихъ, положеніе дѣла улучшилось. До Россіи, впрочемъ, китайская фальсификація мало касалась, такъ какъ у насъ потребляются сравнительно дорогіе сорта чаю, до которыхъ обыкновенно рука фальсификаторовъ въ самомъ Китаѣ не касалась.

Европейскіе пріемы фальсификаціи чая весьма разнообразны. За границей пользуются листьями шиповника, ивы, терновника, вяза, сирени и пр. У насъ, главнымъ образомъ, прибѣгаютъ къ листьямъ капорской травы (epilobium angustifolium) и листьямъ кавказской брусники (vaccinium autostaphylos), а также къ примѣшиванью спитаго чая. Въ ярославской губерніи распространенъ такъ называемый «земляничный чай», а въ поволжскомъ краѣ— смѣсь богородской травы съ солодковымъ корнемъ; въ Туркестанѣ и Семирѣчьѣ употребляется «чай» изъ мѣстныхъ травъ, преимущественно изъ растенія «душицы» [1]). Пригодились и разные сушеные фрукты, и въ продажѣ успѣли уже появиться разные сорта «чая фруктоваго». Словомъ, разыгралась обычная исторія: названіе, принадлежащее по праву лишь одному продукту, начали придавать продуктамъ, нечего общаго съ нимъ не имѣющимъ, а въ этой мутной водѣ ловкіе фальсификаторы успѣваютъ ловить свою добычу, прибавляя разныхъ суррогатовъ чая къ чаю настоящему.

Сбытомъ спитаго чая славится особенно Москва, а Петербургъ завоевалъ себѣ извѣстность сбытчика въ Россію и за границу (въ Пруссію) «капорскаго чая», для производства котораго служитъ далеко не одна капорская трава, названная такъ по имени одной изъ волостей петербургской губерніи. Высушенные листья обвариваютъ кипяткомъ и, когда они разопрѣютъ, перекладываютъ и перетираютъ съ черноземомъ или болотною землею; отъ содержащихся въ ней кислотъ «чай» дѣлается бурымъ, послѣ чего его сушатъ въ жарко-истопленной русской печи. Приготовленіе спитаго чая описано въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ отчетовъ проф. Вериго: «Спитый чай собирается дворниками изъ отбросовъ чайныхъ, трактировъ, и продается скупщикамъ, которые доставляютъ его въ заведенія, спеціально занимающіяся обработкой чайной трухи. Еще влажный или же смоченный водою, чай разсыпается по полу, гдѣ свертываютъ его при помощи голыхъ ногъ, обливаютъ сахарнымъ кулеромъ, послѣ чего чай подвергается сушкѣ, сортировкѣ, разсыпается и укупоривается въ бумагу съ подходящими этикетами». Кавказская брусника сначала намѣревалась фигурировать въ качествѣ суррогата чая, но, получивъ разрѣшеніе продавать ее лишь подъ названіемъ «брусничныхъ листьевъ», торговцы сочли за лучшее воспользоваться ею для подсыпки къ настоящему чаю и не преминули поставить дѣло на возможно широкую ногу. Одинъ изъ одесскихъ торговцевъ брусничными листьями обратился даже къ торговцамъ настоящимъ чаемъ съ соотвѣтствующимъ циркулярнымъ предложеніемъ, содер-

[1]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ вѣрненскій купецъ подавалъ даже въ департаментъ торговли и мануфактуръ прошеніе о выдачѣ ему привилегіи на приготовленіе чая изъ листьевъ этой «душицы» (Anthoxanthum odoratum), принадлежащей къ числу хорошихъ кормовыхъ травъ.

Digitized by Google

жаніе котораго приводитъ журналъ «Наша пища» (№ 2 за 1893 г.). Выхваляя достоинства «кавказскаго брусничнаго чая»—его сходство съ чаемъ натуральнымъ по внѣшнему виду, цвѣту и запаху—торговецъ предлагалъ этотъ чай въ ящикахъ и цибикахъ, и добавлялъ, что въ продажѣ имѣются нѣсколько сортовъ. Коментаріи къ этому излишни. Посѣщеніе одной лабораторіи петербургскаго торговца брусничными листьями описывается въ слѣдующихъ строкахъ въ «Нашей пищѣ»: «Въ первый визитъ мы узнали очень немного. На всѣ вопросы отвѣчали намъ, что многіе торговцы берутъ «нашъ чай» и очень довольны. Во второй нашъ визитъ, когда мы заявили, что «тятенька нашелъ вашъ чай подходящимъ», торговецъ былъ гораздо откровеннѣе и на наше замѣчаніе, что настой брусничныхъ листьевъ все таки очень киселъ, отвѣчалъ: «Еслибы нашъ чай вкусомъ вышелъ, то не 40 к. мы бы съ васъ брали, а 1 р. 40 к. Все таки 10 ф. на пудъ можете класть смѣло. И то посчитайте, сколько вамъ барышей останется»! Затѣмъ, въ тотъ же визитъ было сообщено еще, что «покупатели обижаются» на то, что брусничный чай очень крупенъ и потому въ складѣ работаетъ до 15 женщинъ, которыя перетираютъ брусничные листья, отвѣваютъ ихъ отъ образующейся при этомъ пыли и сортируютъ. Оказалось даже, что торговцы приглашали химика, чтобы отбить кислоту отъ брусничныхъ листьевъ».

Въ Кишиневѣ была обнаружена поддѣлка брусничными листьями чаевъ одной извѣстной фирмы. У занимавшагося такой поддѣлкой нѣкоего Бронфмана (все еврейскіе гешефтмахеры!) были найдены этикеты фирмы, казенныя бандероли и брусничный листъ. Оказалось, что онъ работалъ въ сообществѣ съ владѣльцемъ бакалейнаго магазина, купцомъ Нухимомъ Бѣльцкимъ, отъ котораго получалъ настоящій чай извѣстной фирмы и, осторожно отклеивая бандероль, разбавлялъ брусничными листьями. Такой разбавленный чай и былъ найденъ въ магазинѣ Бѣльцкаго. Въ значительномъ количествѣ брусничные листья отправляются на пароходахъ въ Узунъ-Ада, смѣшиваются съ индійскимъ чаемъ и расходятся затѣмъ уже подъ видомъ чая китайскаго по закаспійской области и въ предѣлахъ Закавказья. Въ Кіевѣ былъ обнаруженъ санитарной станціей совсѣмъ особый видъ фальсификаціи чая, сначала было поставившей втупикъ изслѣдователей. По виду, чай совершенно походилъ на настоящій цвѣточный. Микроскопическій анализъ не обнаруживалъ никакихъ постороннихъ примѣсей; между тѣмъ вкусъ чая и осадокъ, который образовался послѣ того, какъ чай отстоялся, убѣждалъ въ наличности фальсификаціи. Лишь послѣ долгихъ видоизмѣненій изслѣдованія и соотвѣтствующихъ опытовъ удалось установить, что въ данномъ случаѣ былъ спитой чай, обработанный дубильными веществами. По анализамъ с.-п.б. городской лабораторіи значительная часть изслѣдованныхъ образцовъ чая оказалась содержащей примѣсь листьевъ кавказской брусники. Въ Москвѣ половина пробъ чая, взятаго изъ мелочныхъ лавокъ, оказалась подмѣшанной спитымъ чаемъ и посторонними листьями (главнымъ образомъ, листьями земляники). Въ Одессѣ спитые чаи составляли громадный процентъ изслѣдованныхъ въ лабораторіи проф. Вериго продажныхъ чаевъ.

Обращаясь къ *кофе*, замѣтимъ, что уже a priori можно подо-

Digitized by Google

зрѣвать присутствіе подмѣсей въ молотомъ кофе, который продается въ болѣе или менѣе изящныхъ, плотно закупоренныхъ коробкахъ, или просто на вѣсъ въ обыкновенныхъ бумажныхъ мѣшкахъ. Проф. Пель справедливо совѣтуетъ считать за общее правило, что всякій товаръ, который теряетъ свой внѣшній видъ вслѣдствіе измельченія, весьма часто подвергается фальсификаціи [1]). Продавцы не стѣсняются даже назначать за измельченный товаръ значительно низшія цѣны, чѣмъ за цѣльный. А, между тѣмъ, измельченіе вообще, а тѣмъ болѣе измельченіе пряностей, какъ веществъ, содержащихъ древесину, требуетъ затраты времени и капитала. Въ измельченномъ жареномъ кофе приходилось уже много разъ обнаруживать, въ лучшемъ случаѣ, присутствіе подмѣси жареной рѣпы, моркови, гороха, желудей, ячменя, ржи, сахара, сухарей, а въ худшемъ—разныхъ минеральныхъ веществъ: песку, тяжелаго шпата, гипса, охры, измельченной глины. Не преминули бы, конечно, торговцы кофе воспользоваться (и пользовались) случаемъ продать кофе спитой (кофейную гущу). Только на этотъ продуктъ есть другіе охотники. Онъ идетъ на фальсификацію же другаго сорта—на фальсификацію нюхательнаго табаку. То же самое, что о кофе, слѣдуетъ сказать и о *какао* съ однимъ еще добавленіемъ: зачастую изъ какао извлекаютъ предварительно одну изъ его наиболѣе цѣнныхъ составныхъ частей — какаовое масло — и замѣняютъ его саломъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ мѣсячныхъ отчетовъ московской городской санитарной станціи недостатокъ жира въ изслѣдованной пробѣ какао опредѣленъ въ 12%, а примѣсь сахара въ 10%. Но здѣсь идетъ рѣчь объ измельченномъ продуктѣ. Фальсификаторы, однако, не довольствуются этимъ: имъ нужно нажить и на зернахъ кофе. И вотъ создались даже цѣлыя фабрики искусственныхъ зеренъ кофе. Такія зерна дѣлаются изъ пшеничнаго, ячменнаго, бобоваго, маисоваго тѣста, при помощи особыхъ аппаратовъ; затѣмъ ихъ поджариваютъ, съ подмѣсью паточнаго сахара, и въ большемъ или меньшемъ количествѣ подбавляютъ къ натуральнымъ зернамъ. Въ худшемъ случаѣ, матеріаломъ для приготовленія искусственныхъ зеренъ кофе служатъ *глина* (!) и трагантъ. Лѣтъ десять тому назадъ, въ Петербургѣ былъ обнаруженъ сбытъ искусственныхъ зеренъ кофе изъ мастики. Совсѣмъ особаго рода фальсификаторское производство, имѣющее своимъ объектомъ кофе, представляетъ такъ называемая окраска кофейныхъ зеренъ. Съ подробностями, касающимися соотвѣтствующихъ промышленныхъ предпріятій, не особенно давно познакомилъ публику журналъ «Наша пища» (№ 21 за 1893 г. и № 3 за 1894 г.). Одна изъ фабрикъ для окраски зеренъ находится въ Петербургѣ: болѣе 30 человѣкъ рабочихъ, при помощи 13 машинъ, въ теченіе дня успѣваютъ окрасить въ желательный цвѣтъ много сотенъ пудовъ кофейныхъ зеренъ. Возникновеніе этого своеобразнаго производства представляетъ плодъ столько же преступности фальсификаторовъ, сколько и невѣжества потребителей. Дѣло въ слѣдующемъ. Зерна кофе получаются въ зависимости отъ пріемовъ ихъ извлеченія изъ плода кофе [2]) зеленаго или

[1]) Проф. Пель: «Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними», стр. 21 и пр.

[2]) Въ одномъ слу́чаѣ, при такъ называемомъ «мокромъ способѣ», раздавлен-

Digitized by Google

желтаго цвѣта. Публика относится съ бо̀льшимъ сочувствіемъ къ зеленымъ зернамъ, и продавцамъ пришлось позаботиться о переработкѣ желтыхъ зеренъ въ зеленыя. На помощь имъ и пришли фабрики окраски зеренъ, которыя за какія нибудь 35 к. съ пуда превращаютъ кофе желтаго цвѣта въ кофе, имѣющій вполнѣ привлекательный видъ. Иногда требуется придать зернамъ лишь извѣстный оттѣнокъ. Въ виду этого, въ распоряженіи фабрикантовъ имѣется три краски: синяя, зеленая и черная. Для послѣдней берется графитъ, а въ составѣ первыхъ двухъ спб. городскою лабораторіею было обнаружено присутствіе берлинской лазури и хромовокислаго свинца. Для того же, чтобы зерна кофе казались жирными на ощупь и блестѣли, къ краскѣ прибавляется порошокъ талька. Практикуется и подкраска мѣднымъ купоросомъ, малахитовой зеленью, желѣзной окисью и пр. Такимъ образомъ, покупая кофе «мокка», вы не только рискуете получить товаръ, приходящій вовсе не изъ Мокко, а съ Явы, Порторико, Гаити и пр.,—а еще заплатить извѣстную сумму денегъ спеціально за возможность отравиться свинцомъ и другой мерзостью, прибавляемой къ кофейнымъ зернамъ на фабрикахъ, о которыхъ сейчасъ вкратцѣ сказано.

Громадный вредъ представляетъ появленіе на рынкѣ различныхъ суррогатовъ, которымъ, зачастую безъ должнаго права, приписываются различныя питательныя качества и ужь совсѣмъ безъ всякаго права дается названіе кофе. Мы разумѣемъ такъ называемые: «ячменный кофе», «желудковый кофе» и т. д., отличающіеся отъ настоящаго кофе прежде всего уже тѣмъ, что они не содержатъ двухъ характерныхъ составныхъ частей кофе—кофеина и кофеола, которыми обусловливается возбуждающее дѣйствіе кофе на центральную нервную систему. Суррогаты эти должны продаваться самостоятельно и лишь для такой продажи приготовляться. На самомъ же дѣлѣ они идутъ главнымъ образомъ на подмѣсь къ натуральному кофе. Продавцы, совершающіе такую подмѣсь, чувствуютъ себя создателями особаго сорта кофе, нерѣдко выпуская въ свѣтъ такіе фантастическіе товары, какъ «чистѣйшій восточный кофе», «чистѣйшій мокко», «гигіеническій кофе» и пр. Вообще поддѣлка кофе столь же распространена, какъ и поддѣлка вина, и притомъ поддѣлка эта съ каждымъ днемъ все совершенствуется и совершенствуется. Богатый матеріалъ свѣдѣній на этотъ счетъ заключаетъ часть втораго годоваго отчета московской санитарной станціи, посвященная кофе и его суррогатамъ.

Мы находимъ тутъ сводъ данныхъ иностранной практики и обстоятельное изложеніе собственныхъ опытовъ и изслѣдованій станціи. Не имѣя возможности передавать здѣсь указываемаго мате-

---

ные кофейные плоды, по внѣшнему виду напоминающіе вишню, вымачиваются въ водѣ въ теченіе сутокъ; мякоть такимъ образомъ удаляется, а высушенныя затѣмъ зерна пріобрѣтаютъ зеленый цвѣтъ. Въ другомъ—при сухомъ способѣ—плодъ предварительно высушиваютъ, затѣмъ его раскалываютъ и провѣиваніемъ отдѣляютъ отъ зеренъ все остальное. Зёрна получаются желтаго цвѣта.

Digitized by Google

ріала и обращая на него особенное вниманіе публики, мы остановимся лишь на одномъ выводѣ лабораторіи. Оказывается, что являющійся въ продажѣ въ готовомъ видѣ жженый и молотый кофе всегда представляется фальсифицированнымъ—главнымъ образомъ—винными ягодами и цикоріемъ, причемъ % подмѣси колеблется отъ 30 до 70. Въ виду этого, лабораторія совѣтуетъ прибѣгнуть къ такой радикальной мѣрѣ, какъ *совершенное изъятіе изъ продажи жженаго и молотаго кофе.* Обязательныя въ этомъ отношеніи постановленія,—по мнѣнію лабораторіи,—нисколько не стѣснили бы даже и не живущихъ своимъ хозяйствомъ лицъ, которымъ во всякомъ случаѣ было бы выгоднѣе запастись недорого стоющей кофейной мельницей, чѣмъ переплачивать каждый разъ, при покупкѣ кофе въ готовомъ видѣ, за его суррогаты. Оберечь кофе отъ фальсификаціи въ высшей степени важно, еще и потому, что это вещество можетъ сыграть вмѣстѣ съ чаемъ большую роль въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.

В. Швецовъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Осенняя грусть.

Нисходитъ ночи мракъ на рдѣющія сѣни,
На задремавшій садъ,—
Я радъ и сумеречной тѣни,
И тихой осени я радъ.

Листва, шуршащая уныло подъ ногами
Желтѣющимъ ковромъ,
Когда-то свѣжая надъ нами
Шумѣла праздничнымъ шатромъ.

Въ кустахъ черемухи звенѣли дружно птицы,
А вечеромъ, въ тѣни,
Мигали бѣлыя зарницы,
Какъ сладострастные огни!

Оконченъ свѣтлый пиръ, зеленый праздникъ лѣта,
До вспышки новыхъ грозъ.
И пѣснь послѣдняя допѣта
Съ дыханьемъ запоздалыхъ розъ.

Веселье и любовь весну отпировали—
И сброшены цвѣты...
Лишь въ сердцѣ позднія печали
Рождаютъ раннія мечты.

Повсюду тишина, повсюду запустѣнье,—
И только жадный умъ
Ждетъ молодаго сновидѣнья,
Внимая мертвыхъ листьевъ шумъ.

К. Фофановъ.

Digitized by Google

ДѢТИ НЕ ОТКАЗАЛИ.

(Изъ жизни интеллигентныхъ людей).

I.

«Нужно же было ему пріѣхать опять!» Слова эти были сказаны про себя Надеждой Павловной Манзуровой, женщиной уже не молодой, но красивой, хорошо сохранившейся, которая въ эту минуту сидѣла въ своемъ кабинетикѣ, у окна, выходившаго на одну изъ тихихъ улицъ губернскаго городка, живописно раскинувшагося на правомъ, нагорномъ, берегу Волги.

Комната, въ которую теперь мы такъ нескромно вошли, не представляла ничего особеннаго—это была небольшая комната, обставленная очень просто, но здѣсь все какъ бы наглядно говорило объ акуратности, о порядочности и о дѣловитости жилицы. Прямо противъ двери, ведущей изъ гостинной... Ахъ, виноватъ, ни залы, ни гостинной тутъ не было; тутъ были на первомъ планѣ дѣти, а потому и гостинная, какъ лучшая, самая теплая и самая свѣтлая комната, была сначала дѣтской, а теперь стала комнатой дочери. Такъ вотъ, прямо противъ двери, ведшей изъ комнаты дочери, у стѣны стоялъ письменный столикъ, на которомъ, кромѣ чернильницы, письменныхъ принадлежностей и разныхъ бумагъ и книгъ, стояло еще нѣсколько фотографическихъ портретовъ: справа—стоялъ портретъ молодаго, но некрасиваго мужчины, со спущенными на лобъ волосами, отчего лобъ его казался узкимъ, съ густыми сросшимися бровями, изъ подъ которыхъ, впрочемъ, смотрѣли добрые, выразительные глаза, нѣсколько смягчавшіе строгость и суровость этого лица; слѣва—стояли портреты дѣтей: мальчика и дѣвочки, лѣтъ десяти, много двѣнадцати. Дѣти были сняты въ форменномъ гимназическомъ платьѣ: на мальчикѣ былъ вицъ-мундиръ, ловко облегавшій стройную фигурку ребенка, только что перешедшаго въ отроческій возрастъ; на дѣвочкѣ—темное платьице, съ бѣлой пелеринкой и съ такимъ же фартучкомъ. Послѣдніе два портрета были вставлены въ двойную складную рамку, которая помѣщалась на

Digitized by Google

маленькомъ ажурномъ мольбертѣ. Дѣти были, очевидно, Надежды Павловны и того мужчины, портретъ котораго стоялъ тутъ же на столѣ,—сомнѣваться въ этомъ было нельзя, потому что овалъ лица, носъ съ полугорбинкой и маленькій хорошенькій ротикъ у дѣвочки были чисто материнскіе, тогда какъ глаза и лобъ мальчика были точь въ точь, какъ у отца. Дѣйствительно, портретъ мужчины былъ портретъ покойнаго мужа Надежды Павловны и отца этихъ самыхъ дѣтишекъ. Надъ этимъ столомъ, на стѣнѣ, въ дорогой рамѣ висѣла прекрасная заграничная фотографія—снимокъ съ одной изъ мадоннъ Рафаэля. Эта картина, пожалуй, была единственною роскошью, единственнымъ украшеніемъ комнаты, да и то она была подаркомъ дѣтей матери, купленнымъ ими въ складчину, на скопленныя въ нѣсколько лѣтъ деньги. Затѣмъ, тутъ же, у правой стѣны стояли: большая, покойная кушетка, обитая уже потершимся сафьяномъ, на которой въ послѣднее время и спала Надежда Павловна; шкафъ, со стеклянными дверцами, полный книгами, разставленными въ порядкѣ—книги были все больше англійскія и французскія. У оконъ, которыхъ было два въ комнатѣ, у одного—стояла швейная машина, у другаго — рабочій столикъ и то кресло, на которомъ теперь сидѣла хозяйка.

Прошелъ почти часъ, какъ Надежда Павловна сидитъ тутъ, задумавшись. Времени, конечно, не много, но въ это недолгое время она мысленно пережила все, рѣшительно все, свое прошлое: дѣтство, юность, недолгую свою жизнь съ мужемъ и наконецъ свое долгое вдовство. Воспоминанія объ отцѣ, о матери промелькнули у нея мимолетно—оно и немудрено, потому что Надежда Павловна дѣвочкой росла внѣ всякаго вліянія ихъ: они занимались больше выѣздами и пріемами, а дочь находилась постоянно подъ наблюденіемъ бонны и гувернантокъ. Зато свѣтлый образъ пожилой гувернантки-англичанки, миссъ Боссе, которая долго жила у Бровницыныхъ, точно живой, часто воскресаетъ въ воспоминаніи Манзуровой. Вспомнила она объ этой доброй, честной женщинѣ и сейчасъ.

«Ей я обязана всѣмъ: она пріучила меня къ труду и къ усидчивости, она научила меня рукодѣльямъ,—чего, чего только она не умѣла дѣлать? Она пріохотила меня къ чтенію—ей обязана я моими знаніями, да, наконецъ, не ей ли обязана и моимъ здоровьемъ?» Припомнились Манзуровой и холодные «души», которые брала англичанка, заставляя и ее окачиваться каждый день холодной, нерѣдко снѣговой водой. «Сколько, бывало, споровъ-то съ ней, сколько слезъ пролито было мною изъ-за этихъ самыхъ холодныхъ «душъ»! Припомнились Надеждѣ Павловнѣ и далекія прогулки съ миссъ, прогулки, не смотря ни на какую непогодь—лѣтомъ, осенью,

Digitized by Google

зимой—въ дождь, слякоть и холодъ. «Изъ-за этихъ прогулокъ развѣ мало было исторій и непріятностей у миссъ съ отцомъ, съ матерью—много разъ изъ-за этихъ прогулокъ собирались даже прогнать ее. А какъ эти прогулки были веселы, какъ содержательны, какъ для меня полезны — бывало, во время ихъ она все говоритъ, разсказываетъ, объясняетъ мнѣ что нибудь: лѣтомъ—ведутся ботаническія бесѣды или миссъ, въ разсказахъ своихъ, заведетъ меня подъ самые тропики, подъ экваторъ; зимой шла рѣчь про полярныя страны, про Альпы, про какіе нибудь Кордильеры или про сенъ-бернардскихъ собакъ. А дома, по вечерамъ, наши чтенія—вѣдь это были цѣлыя лекціи: по исторіи, литературѣ, или опять по той же географіи, которую миссъ такъ любила... А еще не она ли, эта самая англичанка, научила меня съ любовью и уваженіемъ относиться къ простымъ людямъ?» И опять вспомнилось Надеждѣ Павловнѣ, какъ онѣ съ миссъ хаживали въ ближайшую отъ города деревню и носили туда, бывало, то лѣкарство, то хлѣба или какого нибудь кушанья. Все это, конечно, дѣлалось ими тихонько, чтобы никто не зналъ, никто не видѣлъ, а то была бы бѣда!

Англичанка покинула семью Бровницыныхъ лишь тогда, когда дѣла отца Надежды Павловны пошатнулись окончательно, такъ что ему самому, не служившему никогда прежде, пришлось искать для себя мѣста, а дочь было рѣшено отдать въ гимназію, въ ту гимназію, куда теперь принимались дѣти не только мѣщанъ, но и простыхъ мужиковъ. Вспомнивъ прощаніе съ миссъ Боссе, которая уѣхала въ Англію, Манзурова даже прослезилась.

Благодаря хорошей подготовкѣ, Надя Бровницына и въ гимназіи пошла хорошо; но теперь Надежда Павловна припомнила не это, не гимназическія занятія, не ученье, не учителей, въ массѣ которыхъ были и очень хорошіе, и очень способные люди, а жизнь внѣ стѣнъ этой гимназіи, разныя новыя знакомства, сдѣланныя послѣ поступленія туда, и прежде всего знакомство съ Сашей Несвѣтовымъ—съ гимназистикомъ, двумя, много тремя годами старше Нади Бровницыной.

«Это было, кажется, на вечерѣ у Злотницкихъ», — подумала Манзурова, припоминая, гдѣ, у кого она въ первый разъ встрѣтилась съ Несвѣтовымъ. «Да, у нихъ»!—рѣшила она. «Какой робкій, какой застѣнчивый онъ былъ тогда—можно ли было ожидать, что изъ него выдетъ то, что мы видимъ теперь?—А какой былъ хорошенькій»,—добавила она мысленно, воскрешая въ своей памяти наружность шестнадцати или семнадцатилѣтняго гимназиста Саши.

— Да, это была моя первая и единственная любовь,—прого-

Digitized by Google

ворила тихо Надежда Павловна, потомъ улыбнулась, припомнивъ подробности объясненія въ любви юнаго Несвѣтова. Теперь это было, конечно, смѣшно, но тогда, слушая признаніе Саши, сердечко юной гимназистки, точно пойманная птичка, чуть не выскочило изъ груди, да и сейчасъ недаромъ Манзурова улыбнулась и покраснѣла, покраснѣла, какъ говорится, до самыхъ корней волосъ — видно, въ этомъ объясненіи она вспомнила что нибудь и несмѣшное. Три года неизмѣнно продолжалась эта взаимная привязанность другъ къ другу, продолжалась вплоть до окончанія курса Несвѣтовымъ, когда тотъ, поступивши въ университетъ, уѣхалъ наконецъ въ Питеръ. Прощаніе молодыхъ людей было самое трогательное—со слезами, съ робкимъ цѣломудреннымъ поцѣлуемъ и съ клятвами въ вѣчной, неизмѣнной любви.

«И вдругъ послѣ этого выйти замужъ за другаго! выйти безъ любви, даже, пожалуй, безъ увлеченія, которое, говорятъ, какъ огонь, иной разъ охватываетъ и сжигаетъ человѣка. Какъ могло это случиться»? Вопросъ этотъ Надежда Павловна уже не разъ задавала себѣ, задала она его и теперь, но отвѣта, такого отвѣта, который удовлетворилъ бы ее, не нашлось и сейчасъ, какъ не находилось его и прежде. «Молода была, тогда вѣдь мнѣ только что исполнилось семнадцать лѣтъ». Вотъ все, что могла сказать себѣ Манзурова въ объясненіе того рискованнаго шага, который она сдѣлала, выходя замужъ за покойнаго своего мужа.

Рискованный шагъ, впрочемъ, оказался довольно удачнымъ, въ томъ смыслѣ, что мужъ попался Надеждѣ Павловнѣ хорошій, честный, безъ ума любившій свою Надю; жизнь съ нимъ если и не была радужно-счастливой, какъ впослѣдствіи представляла она себѣ вполнѣ счастливую супружескую жизнь, но она не могла пожаловаться и на свое несчастье, потому что, живя съ Манзуровымъ, не видѣла никакого горя. Къ тому же, у нея скоро пошли дѣти: въ концѣ перваго года замужства родилась дочь, потомъ, еще черезъ годъ, родился сынъ — на нихъ-то, на дѣтяхъ, и сосредоточились теперь все вниманіе и вся любовь молодой жены-матери.

Супруги Манзуровы были оба настолько хорошіе, настолько «порядочные» люди (въ лучшемъ смыслѣ этого избитаго до пошлости слова), что они, вѣроятно, весь свой вѣкъ прожили бы мирно и согласно; съ годами привязанность жены къ мужу могла бы еще возрасти и перейти наконецъ въ ту тихую, спокойную любовь, съ которой обыкновенно доживаютъ свой вѣкъ и горячо, страстно любившіе другъ друга, супруги;—но здѣсь судьба распорядилась нѣсколько иначе. Въ концѣ четвертаго года супружества, мужъ Надежды Павловны, Михаилъ Осиповичъ Манзуровъ, вдругъ заболѣлъ

Digitized by Google

острой болѣзнью, а спустя нѣсколько дней волею божіею скончался, оставивъ красивую, молодую вдову съ двумя дѣтьми-сиротами.

Только теперь началась настоящая трудная жизнь для молодой женщины:—кромѣ заботъ о дѣтяхъ, о домѣ, которыя съ этого времени всею тяжестью ложились на нее одну, самое ея положеніе, какъ хорошенькой, молоденькой вдовушки, удесятеряло трудность и рискъ жизни, особенно при распущенности нашей молодежи, при растлѣніи нашихъ нравовъ вообще. Явились и у Надежды Павловны ухаживатели, явились, какъ и всегда, подъ скромной личиной честныхъ, искренно преданныхъ людей, подъ которой трудно бываетъ даже опытной женщинѣ отличить честнаго человѣка отъ негодяя; между ними были и люди пожилые, солидные, пользовавшіеся уваженіемъ въ обществѣ — всѣ они наперерывъ старались услужить, угодить, предупредить малѣйшія желанія молодой женщины. Соблазновъ было много, возможность увлечься, даже пасть, встрѣчалась не разъ,—но все это миновало, все прошло для Манзуровой совершенно благополучно: ее и на этотъ разъ спасли дѣти; привычки же и знанія, усвоенныя въ дѣтствѣ, съ миссъ Боссе, помогли Надеждѣ Павловнѣ въ трудномъ дѣлѣ воспитанія.

«Ну, что бы я дѣлала теперь, съ однимъ умѣньемъ присѣдать, да держаться на паркетѣ, что бы я дѣлала, еслибы не моя милая, моя дорогая миссъ?» думала часто Надежда Павловна, вспоминая съ чувствомъ глубой признательности свою гувернантку.

Дочь свою Маню она сама научила играть на фортепіано; Маня и Петя знали прекрасно два языка: англійскій и французскій. По вечерамъ, по примѣру миссъ, она сообщала своимъ дѣтямъ и другія знанія, читала съ ними, а когда они поступили въ гимназію, то и тамъ помогала имъ.

— Знаете ли, съ Маней я снова повторяю курсъ женской гимназіи, а съ Петей, вѣроятно, окончу курсъ мужской, классической— въ настоящее время, я съ нимъ изучаю древніе языки: латинскій и греческій.—Такъ говаривала не разъ Надежда Павловна, разсказывая кому нибудь о своихъ занятіяхъ съ дѣтьми.

Переживая мысленно этотъ періодъ своей жизни, Надежда Павловна вспомнила нѣсколько сценъ и картинокъ изъ жизни своихъ дѣтей. Вотъ они совсѣмъ еще крошки—няня пошла ужинать, дѣти остались съ ней; оба въ однѣхъ рубашонкахъ, у нея на диванѣ: Петя прикурнулъ къ ней на колѣни и дремлетъ, тогда какъ Маня, какъ говорится, во всѣ глаза глядитъ и болтаетъ безъ умолка.— Мама! гдѣ же Богъ-то?—спрашиваетъ дѣвочка.—Вездѣ, милочка,— отвѣчаетъ она.—Какъ же, мама, вездѣ, когда онъ вонъ тамъ виситъ?— Ребенокъ, говоря это, показываетъ ручонкой на уголъ комнаты,

Digitized by Google

гдѣ виднѣется икона.—Онъ и тутъ, и вездѣ.—Другая сцена: лѣто, дѣти подросли, бѣгаютъ по двору, играютъ—дворъ большой, чистый; на это Манзурова обращала особенное вниманіе при выборѣ себѣ квартиры. Она говорила: «если есть садикъ, да просторный хорошій дворъ, гдѣ дѣтямъ свободно можно рѣзвиться, то, пожалуй, можно помириться и съ маленькими комнатками». Вотъ на такомъ-то именно дворѣ рѣзвились ея дѣти, а сама она сидѣла на крылечкѣ и читала какой-то англійскій романъ, да такъ увлеклась, что на минуту совсѣмъ забыла о дѣтяхъ.—Мама, мама! посмотри-ка, посмотри, что Петя-то дѣлаетъ!—кричитъ вдругъ Маня. Надежда Павловна подняла голову, взглянула и обомлѣла отъ ужаса. «Богъ мой! да она вѣдь его съѣстъ». Мальчикъ взобрался на Барбоса, на большую цѣпную собаку, которой всѣ боялись на дворѣ, и преспокойно сидитъ на ней верхомъ. Въ одно мгновеніе она бросилась было спасать ребенка, но собака свирѣпо зарычала на нее, а Петя продолжаетъ сидѣть и посмѣиваться.—Ничего, ничего, мамочка—она смирная, гляди! — говоритъ онъ, да еще хлопаетъ, гладитъ страшнаго Барбоса. Что было дѣлать?—мать только всплеснула руками.

Когда дѣти подросли, жизнь стала полнѣе, оживленнѣе: въ домѣ Манзуровыхъ собиралась по временамъ большая компанія—подруги дочери, товарищи сына;—тогда, по вечерамъ, кромѣ чтеній и бесѣдъ, затѣвались еще игры, даже танцы, въ которыхъ принимали участіе и взрослые. Знакомство Манзуровой, впрочемъ, было не большое: оно ограничивалось старикомъ-докторомъ и его женой (старикъ докторъ лѣчилъ еще саму Надежду Павловну, когда она была ребенкомъ) молодымъ священникомъ и его женой, «духовенкой», которая была сестрою одной изъ бывшихъ подругъ ея, да еще двумя такими же вдовушками, какою была и она сама.

Изъ гимназической жизни дѣтей былъ особенно памятенъ Манзуровой одинъ вечеръ. Она уже одѣлась, чтобы идти на именины къ знакомой, и пошла проститься съ дѣтьми. Петя сидѣлъ за рѣшеніемъ, заданной къ слѣдующему дню, задачи; сидѣлъ сильно озабоченный.—Ты что?—спросила мать.—Задачу никакъ не могу рѣшить, мамочка,—говоритъ сынъ, и рожица у него такая жалкая, печальная.—Какъ не можешь рѣшить? Дай-ка я посмотрю.—Надежда Павловна присѣла и принялась сама ее дѣлать—не выходитъ. «Какъ тутъ нужно рѣшить?»—сказала она себѣ и, забывши именины, принялась за работу. Давно уже спалъ маленькій гимназистъ Петя, когда мать его добилась, наконецъ, толку:—дѣло въ томъ, что оказалась опечатка въ задачникѣ. На слѣдующій день, въ гимназіи произошла такая сцена:—Ваше рѣшеніе невѣрно,—сказалъ учитель, просмотрѣвши тетрадку Манзурова.—Нѣтъ, вѣрно-съ,—отвѣчалъ

Digitized by Google

утвердительно мальчикъ.—А я вамъ говорю, что нѣтъ,—повторилъ строго учитель.—Вѣрно, потому что и мама моя рѣшила, и у нея выходило также,—смѣло стоялъ ученикъ на своемъ. Подтвердили и товарищи Манзурова, что рѣшеніе и у нихъ вышло то же самое. Учитель былъ сконфуженъ и поставилъ въ вину Петѣ, что задачи ему рѣшаетъ мать.

Вообще жизнь Манзуровой въ это время текла тихо и спокойно Дѣти росли и учились—Маня окончила курсъ, Петя перешелъ въ седьмой классъ, а для самой Надежды Павловны былъ уже близокъ тотъ рубиконъ, за которымъ страсти обыкновенно утихаютъ и человѣкъ, переставая думать о будущемъ, все чаще и чаще начинаетъ оглядываться назадъ на свое прошлое... Въ это-то время, вдругъ, нежданно-негаданно, точно снѣгъ на голову, явился Несвѣтовъ,—тотъ самый Саша Несвѣтовъ, котораго знала и даже любила Надежда Павловна во дни самой ранней своей юности...

II.

Въ большинствѣ случаевъ, первая—юношеская—любовь бываетъ очень сильна, и оставляетъ иногда слѣдъ на всю жизнь человѣка. Такою именно и была любовь Саши Несвѣтова къ гимназисткѣ Бровницыной. Когда вѣсть объ измѣнѣ возлюбленной и о выходѣ ея замужъ за Манзурова дошла до Александра Петровича въ Петербургъ, то въ первое время онъ чуть съ ума не сошелъ: образъ свѣтлокудрой блондинки, съ темными, почти черными глазами и такими же темными бровями, просто преслѣдовалъ его. Несвѣтовъ бросилъ занятія, слонялся изъ угла въ уголъ, мѣста себѣ нигдѣ не находилъ. Но это продолжалось недолго: «Будетъ, довольно»!—сказалъ онъ, наконецъ, самъ себѣ и снова принялся за свои занятія,—принялся еще съ бо́льшимъ рвеніемъ, чѣмъ занимался до тѣхъ поръ. Говорятъ, такъ бываетъ всегда съ характерами сильными; всякая неудача, даже самое сильное горе, у этихъ людей, какъ глубокая рана въ здоровомъ организмѣ, мучительно-долго болитъ, но потомъ затягивается и быстро заживаетъ. Нѣкоторое время, Несвѣтовъ, въ замужствѣ Наденьки Бровницыной, интересовался еще однимъ вопросомъ: что́ она нашла, чѣмъ увлеклась въ Манзуровѣ? — Манзурова Александръ Петровичъ зналъ хорошо. «Ни кожи, ни рожи»!—думалъ онъ:—«Правда, человѣкъ недурной, но совсѣмъ заурядный—поѣду, разузнаю самъ». Однако жь, когда наступило время каникулъ и Александръ Петровичъ очутился въ родномъ городѣ, отъ тотчасъ же измѣнилъ свое намѣрніе и не только не собиралъ никакихъ свѣдѣній, но и не пошелъ даже къ Манзуровымъ. «Къ чему, за-

Digitized by Google

чѣмъ я пойду? Все кончено—зачѣмъ я буду нарушать ея спокойствіе, зачѣмъ буду напоминать ей о себѣ? Пусть будетъ счастлива»—думалъ Несвѣтовъ и, чтобы не встрѣтиться какъ нибудь съ предметомъ своей страсти, тотчасъ же, на все остальное каникулярное время, уѣхалъ въ деревню къ одному изъ своихъ товарищей. Такъ поступилъ Александръ Петровичъ въ этотъ разъ, такъ поступалъ и въ послѣдующіе годы, когда пріѣзжалъ на родину. Одинъ разъ, при переходѣ съ третьяго на четвертый курсъ, онъ даже встрѣтился съ Надеждой Павловной въ одномъ знакомомъ домѣ, поздоровался съ ней; но, замѣтивъ, что она при этомъ какъ бы сконфузилась, тотчасъ же, подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, ретировался, хотя и разсчитывалъ провести тутъ весь вечеръ. Предъ окончаніемъ университетскаго курса, Несвѣтовъ узналъ, что Манзурова овдовѣла. «Можно бы попробовать»,—подумалъ онъ, но при этомъ зналъ также, что у Надежды Павловны остались на рукахъ дѣти. «Какъ будешь воспитывать чужихъ дѣтей? А женись-ка, отстранить себя отъ этого будетъ невозможно. А потомъ, когда дѣти эти выростутъ, что-то изъ нихъ выдетъ; богъ знаетъ еще, въ какія отношенія къ нимъ станешь, особенно если будутъ и свои дѣти»? Поймавши себя на этихъ мысляхъ, онъ расхохотался. «Александръ Петровичъ, стыдитесь»!—проговорилъ онъ уже громко. «О такихъ вещахъ можно было думать, когда вы были еще гимназистомъ, да и то, пока не получили аттестата зрѣлости, а не теперь... Теперь вамъ слѣдуетъ думать не о женитьбѣ, а о другомъ... Дипломъ вашъ пока не больше, какъ патентъ на службу, на легкій заработокъ, а вы мечтали не объ этомъ. Вамъ слѣдуетъ подумать о томъ, чтобы докончить ваше образованіе, а затѣмъ приняться за трудъ, за производительный трудъ, чтобы приносить существенную пользу обществу».

Думая такъ, Несвѣтовъ ходилъ взадъ и впередъ по той комнаткѣ, въ которой провелъ все свое дѣтство, которую и теперь во время своихъ пріѣздовъ постоянно занималъ въ небольшомъ флигелькѣ матери. Здѣсь на всемъ лежала печать заботливой руки нѣжно любящей женщины: на окнахъ висѣли чистенькія занавѣски; на стѣнѣ, около кушетки, былъ повѣшенъ большой, искусно вышитый шерстями, коверъ; на той же кушеткѣ лежала такая же подушка, да такъ и вездѣ кругомъ. Въ этой комнатѣ господствовали чистота и порядокъ—за этимъ наблюдала уже сама Анна Ивановна, мать Несвѣтова, у которой ея Саша теперь остался единственной отрадой. Былъ у нея еще мужъ, котораго она страстно любила, но онъ давно умеръ; были и другія дѣти, но тоже всѣ перемерли. Что жь мудренаго, что Анна Ивановна чуть не боготворила своего сына?

Digitized by Google

«Да и какая она мнѣ жена?—сказалъ снова вслухъ Александръ Петровичъ.—Бар-рыня, и больше ничего! Развѣ мнѣ такая жена нужна? Мнѣ нужна вонъ такая, какъ, напримѣръ, моя мать, которая всю свою жизнь трудилась, не покладая рукъ. Если теперь она иной разъ и пустяками занята, какимъ нибудь ненужнымъ вязаньемъ—дѣло не въ томъ, значитъ другаго дѣла у нея нѣтъ, силъ становится мало. Дѣло — въ усидчивости, въ привычкѣ къ труду, безъ котораго она жить не можетъ. Эхъ, кабы ей, съ ея природнымъ умомъ, съ ея простотой и чистотой душевной, дать еще настоящее образованіе,—что бы изъ нея вышло? А то вѣдь она воспитывалась на мѣдные гроши».

Несвѣтовъ окончилъ курсъ по математическому факультету; этотъ факультетъ былъ имъ выбранъ еще тогда, когда онъ былъ совсѣмъ юношей. Тогда онъ мечталъ заняться астрономіей, но потомъ, съ годами, рѣшилъ, что чѣмъ звѣзды считать на небѣ, не лучше ли спуститься на землю, да и заняться этой самой землей—для настоящаго времени трудъ этотъ будетъ гораздо производительнѣе, особенно для земли русской, которая до сихъ поръ обработывается самымъ примитивнымъ способомъ, если не сказать: «допотопнымъ»? Рѣшивши такъ, онъ добылъ всевозможныхъ книгъ по сельскому хозяйству, прочиталъ ихъ, но этого оказалось, конечно, мало. «Нужно изучить предметъ, изучить его теоретически и практически—нужно ѣхать за границу»,—рѣшилъ онъ.

Мысль о поѣздкѣ за границу давно засѣла въ голову молодаго человѣка—средствъ только у него не было, кромѣ 300—400 рублей, которые онъ скопилъ по грошамъ отъ уроковъ, да изъ тѣхъ крохъ, которыя присылались ему въ Петербургъ матерью.

«Денегъ только мало у меня,—продолжалъ онъ свои размышленія.—Съ матерью развѣ поговорить, у нея сколько нибудь найдется—взять можно. На ноги стану, возвращу ей — а, впрочемъ, на что ей тогда и деньги, развѣ я не успокою ея старость»?

Между матерью и сыномъ были самыя дружескія, самыя лучшія отношенія. Отца Александръ Петровичъ не помнилъ; говорили, что это былъ хорошій, честный человѣкъ, но чиновникъ,—чиновникъ-труженикъ не больше. Мать подняла на ноги и воспитала сына, послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что сынъ питалъ къ ней самыя нѣжныя чувства.

Вечеромъ въ тотъ же день Несвѣтовъ зашелъ въ комнату своей матери; комната небольшая, но тутъ была и спальня, и кабинетикъ, и молельня Анны Ивановны. Два угла комнаты были сплошь увѣшаны образами, передъ которыми теплились двѣ неугасимыя лампады; по праздникамъ зажигалась третья, а иногда и четвертая.

Digitized by Google

Послѣ смерти мужа, старушка сдѣлалась очень религіозна, соблюдала не только посты по правиламъ церкви, но и по средамъ и пятницамъ не ѣла скоромнаго. Теперь она сидѣла въ креслѣ, у окна, выходившаго въ садикъ, который былъ насаженъ и выращенъ ею самой и ея покойнымъ мужемъ. Это было ея любимое мѣсто. Одѣта она была въ темный драдедамовый капотъ, на головѣ былъ чепчикъ, отдѣланный рюшемъ, обрамлявшимъ желтое, точно восковое, морщинистое лицо. Анна Ивановна сидѣла за работой.

— Мама, я къ тебѣ,—сказалъ сынъ, войдя въ комнату и усаживаясь на стулъ противъ матери.

— Что, мой милый? — спросила она, любовно взглядывая изъ-подъ очковъ на своего Сашу.

— Есть у тебя деньги, мама?

— Есть, мой милый,—отвѣчала она, выпрямляясь и кладя свою работу на окно.

— А сколько, мамочка?

— Есть,—повторила еще разъ старушка.—А сколько, мой милый, я, право, сказать не могу. Постой, сейчасъ посмотрю и скажу тебѣ.

Сынъ въ первый разъ заговорилъ о деньгахъ. Мать встала, подошла къ шкатулкѣ, которая стояла на столикѣ, въ головахъ постели—въ этой шкатулкѣ хранилось все богатство Анны Ивановны. Она отперла ее, достала снизу, изъ подъ разныхъ бумагъ и вещицъ, большой конвертъ и принялась считать деньги и бумаги.

— Вотъ два выигрышныхъ билета, мой другъ. Одинъ — купленъ мнѣ еще покойнымъ отцомъ твоимъ —тогда они были дешевы; онъ и купилъ его на скопленныя деньги; другой — купила ужь я сама, въ разсрочку, на твое счастье купила,—поясняла Анна Ивановна.—А вотъ и деньги: разъ, два, три... семнадцать, двадцать... Всего 700 рублей—добавила она, пересчитавъ и кредитки, которыя были сложены по ихъ цѣнности.

— Нужно? возьми! — съ этими словами старушка протянула руку съ деньгами къ сыну. Она даже не спросила его, на что ему нужны деньги.—У меня на расходъ еще есть, — 80 рублей, кажется.—Доставши портмонэ, она начала считать и эти деньги.

Сынъ молчалъ. Онъ любовался матерью, любовался ея лицомъ, которое выражало лишь безпредѣльную материнскую любовь.

— А эти я берегла, дружокъ,—сказала Анна Ивановна, показывая опять на пачку кредитокъ, которая лежала на окнѣ,—берегла, чтобы поправить вотъ кое-что въ домѣ, да во дворѣ:—у насъ вѣдь разваливается. Когда ты учился, не до того мнѣ было, чтобы поправлять, нужно было посылать кое-что и тебѣ,—добавила она та-

Digitized by Google

кимъ тономъ, точно чувствовала себя виноватой, что не посылала всѣхъ денегъ сыну.

— На, возьми, мой другъ, если онѣ тебѣ нужны,—повторила еще разъ мать.—Поправки по дому можно и отложить.

При взглядѣ на треснувшую мѣстами штукатурку и на грязные обои въ комнатѣ матери, у Александра Петровича не хватило, однако, духу взять эти деньги; онъ только крѣпко обнялъ и поцѣловалъ мать.

— Нѣтъ, мама, сейчасъ деньги мнѣ не нужны, а если будутъ нужны, тогда возьму, да и то немного, — сказалъ онъ, думая про себя: «Со своими поѣду, возьму развѣ рублей двѣсти—не хватитъ, заработаю и тамъ какъ нибудь».

Немало есть людей, которыхъ неудачи и всякаго рода несчастія преслѣдуютъ чуть не съ колыбели и до самой могилы; напротивъ, есть и такіе люди, которымъ та же самая «судьба» какъ бы благоволитъ всю жизнь: нѣтъ чего у нихъ — нужное тотчасъ является, какъ по волшебству; случайныя обстоятельства складываются непремѣнно такъ, что улучшаютъ самое безвыходное положеніе. Такое благоволеніе судьбы чаще всего выпадаетъ, однако, на долю тѣхъ именно личностей съ сильнымъ характеромъ, которыя, пожалуй, и безъ покровительства судьбы съумѣли бы справиться со всякими невзгодами и побороть всѣ неудачи. Точно судьба сама боится этихъ сильныхъ людей и, боясь, сама имъ помогаетъ. Молодой Несвѣтовъ принадлежалъ къ числу этихъ послѣднихъ счастливцевъ. Когда онъ былъ еще въ гимназіи, почти ребенкомъ, вдругъ ему страстно захотѣлось побывать на Кавказѣ, захотѣлось взглянуть въ натурѣ на горы, видѣнныя имъ много разъ на картинкахъ. Желаніе совсѣмъ уже несбыточное въ то время, но нужно же было такъ случиться, что одинъ изъ его товарищей предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ именно туда. — «Поѣдемъ со мной. Все равно, мнѣ тамъ придется же взять репетитора, чтобы приготовиться къ переэкзаменовкамъ; репетитору нужно будетъ платить деньги, а ты со мной займешься даромъ, а, кстати, повидаешь и Кавказъ». Предложеніе, конечно, было принято и несбыточная мечта осуществилась. Вотъ и теперь, при поѣздкѣ за границу, явилось немалое затрудненіе въ недостаткѣ денегъ. Правда, онъ говорилъ: «Поѣду на свои, возьму еще рублей 200 у матери»—но развѣ этихъ денегъ было бы достаточно? Но какъ разъ въ это самое время умираетъ какая-то его двоюродная тетка со стороны отца,—которую онъ никогда не зналъ, — и оставляетъ ему вдругъ наслѣдство,—небольшое, всего 200 рублей, но этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы осуществить задуманный планъ. Могла быть еще помѣха,—

Digitized by Google

это мать... ну, какъ оставить одну больную старуху, которая въ немъ души не чаяла, оставить ее на нѣсколько лѣтъ? Но мать Несвѣтова была одною изъ тѣхъ женщинъ, которыя для пользы сына готовы на всевозможныя жертвы. «Поѣзжай, поѣзжай, голубчикъ; будь только здоровъ, а обо мнѣ не думай»,—говорила она, когда сынъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи ѣхать за границу; то же самое повторила она, благословляя сына и прощаясь съ нимъ, быть можетъ, навсегда.

Цѣлыхъ три года провелъ Несвѣтовъ за границей—жилъ долго въ Германіи, въ Бельгіи, былъ не разъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ; былъ въ Англіи и въ Швейцаріи—быть можетъ, и дольше пробылъ бы тамъ; хотѣлось ему побывать еще за океаномъ, взглянуть на жизнь янки,—да вотъ бѣда: финансы его истощились; изъ дома получались вѣсти о болѣзни матери; къ тому же, ему предлагали въ Россіи очень выгодное мѣсто въ одной изъ центральныхъ губерній, и какъ разъ такое мѣсто, какого онъ желалъ—устройство одного большаго имѣнія. Понятно, по возвращеніи въ Россію, прежде чѣмъ ѣхать на мѣсто, Несвѣтовъ завернулъ на родину, къ матери; старушку нашелъ онъ здоровой и бодрой, — свиданіе съ сыномъ поставило ее совсѣмъ на ноги, такъ что, поживши съ ней, онъ могъ уѣхать опять совершенно спокойнымъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ—много воды утекло въ это время—Александръ Петровичъ, устроивши одно имѣніе, переѣхалъ въ другое, потомъ въ третье. Въ это время не разъ онъ бывалъ и у матери, и всякій разъ приглашалъ старушку ѣхать съ собой.

— Поѣдемте, мама; право, вамъ будетъ тамъ хорошо: я успокою васъ,—говорилъ онъ не разъ матери.

— Нѣтъ, милый, оставь ужь меня здѣсь доживать свой вѣкъ—привыкла я къ своему уголку. Ну, да, по правдѣ сказать, тяжело мнѣ разстаться и съ могилкой твоего покойнаго отца. Хорошо мы вѣдь съ нимъ жили, душа въ душу—знаешь ли, часто и мысли-то у насъ съ нимъ бывали одни.—Говоря это, Анна Ивановна разсказывала нѣсколько случаевъ, иллюстрировавшихъ дружную, согласную супружескую жизнь ея съ покойнымъ мужемъ, причемъ, бывало, всякій разъ и прослезится.—Нѣтъ ужь, оставь меня здѣсь,—повторяла она.—Да и что я тебѣ? свяжу только тебя съ моими немощами да съ моими привычками. Нѣтъ, вотъ ты, мой другъ, пріѣзжай-ка лучше къ намъ сюда, да женись. Глядя на твою жизнь, и я, старуха, порадуюсь. А тамъ—какъ знать? можетъ, Господь Богъ пошлетъ тебѣ и дѣтокъ... Ахъ, какъ люблю я дѣтей-то! поняньчилась бы и съ внучатами.

Такимъ образомъ, Анна Ивановна подговаривалась къ своей

Digitized by Google

завѣтной мечтѣ—видѣть своего Сашу женатымъ и поняньчить своихъ внучатъ. Но самъ Александръ Петровичъ пока не думалъ о женитьбѣ. Скитаясь за границей, скитаясь долго и по матушкѣ Россіи, онъ видѣлъ немало и хорошихъ женщинъ, и симпатичныхъ дѣвушекъ, но, обжогшись разъ, обжогшись въ пору ранней своей юности, онъ и теперь относился къ женщинамъ съ какимъ-то предубѣжденіемъ; о переѣздѣ же въ родныя палестины подумывалъ уже не разъ.

«Нужно ѣхать къ себѣ, нужно ѣхать, да мать успокоить—стара, слаба стала! Тамъ можно будетъ свое хозяйство завести—правда, участокъ матери небольшой, но къ нему можно будетъ земли прикупить; тамъ смежный участокъ есть и, кажется, онъ продается. Капиталецъ только малъ еще у меня». Такъ разсуждалъ Несвѣтовъ и дѣло откладывалось въ ожиданіи приращенія капитала. Быть можетъ, оно откладывалось бы и дольше, но полученная вѣсть о болѣзни матери заставила его ускорить рѣшеніемъ. Заболѣвши безъ сына, Анна Ивановна дождалась таки его, и у него на рукахъ скончалась. Картина этой смерти навсегда врѣзалась въ памяти Несвѣтова. Была ночь; онъ спалъ, не раздѣваясь, на диванѣ, рядомъ съ той комнатой, гдѣ лежала больная.

— Александръ Петровичъ! Александръ Петровичъ, пожалуйте,—разбудила его осторожно Ильинишна, старая, преданная слуга семьи Несвѣтовыхъ.—Мамашенькѣ нехорошо, онѣ васъ зовутъ, — пояснила она и скрылась въ дверь спальни, которая была слабо освѣщена.

Онъ вскочилъ и пошелъ слѣдомъ за Ильинишной.

Въ комнатѣ царствовалъ полумракъ; она была освѣщена только двумя лампадами, огонь которыхъ, мерцая, освѣщалъ и мать, лежавшую какъ разъ лицомъ къ образницѣ.

— Ну, Саша, я умираю,—сказала она, замѣтивъ вошедшаго въ спальню сына.

— Что вы, мама, что вы! Богъ дастъ, поживете еще,—говорилъ онъ, чтобы успокоить, чтобы сказать что нибудь въ утѣшеніе умирающей матери и дѣлая въ то же время знаки Ильинишнѣ, чтобы та поскорѣе послала за докторомъ.

— Нѣтъ, милый... Я чувствую, что она вотъ уже тутъ... — продолжала умирающая, блуждая глазами, какъ бы ища кого-то, кто тутъ присутствуетъ, но кого она не видитъ, а чувствуетъ.

— Ну, что жь, такъ Богу угодно... Его святая воля... Да мнѣ и пора, мой другъ. Петръ...—такъ назвала Анна Ивановна своего покойнаго мужа—Петръ, чай, давно уже ждетъ меня тамъ. Слава богу, пожила,—продолжала она послѣ долгой паузы, трудно и тя-

Digitized by Google

жело дыша.—Ты на ногахъ теперь... Благодарю Его, Создателя, что онъ помогъ мнѣ возрастить тебя.—Все это было проговорено громко, довольно ясно, хотя и медленно.

Сынъ нѣсколько разъ думалъ прервать эту рѣчь, сказать что нибудь, но не могъ: слезы буквально душили его.

— Помни, другъ мой... Помни все, чему я учила тебя: будь честенъ, не будь гордъ, жестокосердъ, особенно съ людьми низшими тебя...—Голосъ старушки постепенно слабѣлъ, начиналъ хрипѣть, дѣлаться какимъ-то беззвучнымъ.

— Дай я тебя благословлю...

Къ утру старушки Несвѣтовой не стало—она умерла, держа въ рукѣ руку своего Саши. Схоронивши мать, Александръ Петровичъ безповоротно уже порѣшилъ бросить скитальческую жизнь и поселился навсегда въ родныхъ палестинахъ.

III.

Прошло два года, съ тѣхъ поръ какъ Александръ Петровичъ Несвѣтовъ живетъ на своемъ хуторѣ—хуторъ былъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, гдѣ у него былъ и небольшой домикъ съ отличнымъ садомъ, доставшійся по смерти матери. Предположеніе о покупкѣ смежной земли также осуществилось, такъ что теперь участокъ его былъ хотя и небольшой, но кругленькій, со всѣми угодьями: съ пашней, съ лугами, лѣсочкомъ; протекала по немъ даже небольшая рѣчка.

— Теперь хозяйничать можно,—сказалъ онъ себѣ, и принялся за дѣло съ желаніемъ посвятить ему всѣ свои силы. Впрочемъ, пока онъ начиналъ только устраиваться: выстроилъ самыя необходимыя постройки, поставилъ плотину, засѣялъ хлѣба, приготовилъ мѣсто для питомника; въ будущемъ онъ разсчитывалъ обратить свой хуторъ въ настоящую образцовую ферму.

«Я улучшу сорта хлѣбовъ въ цѣломъ околодкѣ»,—думалъ онъ: «Я разведу сѣмяна высшихъ культурныхъ сортовъ и буду продавать ихъ или обмѣнивать крестьянамъ, а то чортъ знаетъ, что они сѣятъ теперь. Потомъ я разведу улучшенный рогатый скотъ, рабочихъ лошадей хорошей породы—послѣднее повліяетъ на улучшеніе всего мѣстнаго скота. Затѣмъ заведу питомникъ фруктовыхъ и простыхъ деревьевъ—это также необходимо при нашемъ безлѣсьѣ... Наконецъ, можно будетъ устроить пасѣку, а тамъ... тамъ можно будетъ похлопотать уже о разрѣшеніи открыть для крестьянъ земледѣльческіе классы... Такіе классы необходимы для распространенія

Digitized by Google

въ народѣ практическихъ знаній». Такъ думалъ Несвѣтовъ, такъ и говорилъ, когда рѣчь заходила объ его будущихъ планахъ.

— Ничего, ничего изъ этого не выдетъ,—возражали ему скептики.—Вы не знаете еще нашего мужика!

— Знаю-съ! Вы бы этого не говорили, еслибы знали, какъ я росъ—все лѣто, бывало, на рѣкѣ съ рыбаками или въ полѣ съ крестьянами. Вотъ потому-то, что я нашего крестьянина знаю, я и утверждаю, что изъ этого выдетъ очень много, хотя, быть можетъ, и не столько, сколько бы я хотѣлъ.

— Нужно только оставить мужику его самобытность,—продолжалъ Несвѣтовъ черезъ минуту.—Не смѣшивайте только—самобытность, а не невѣжество. Не навязывайте ему ничего насильно — мужикъ, что ребенокъ, этого не любитъ!—пускай онъ самъ придетъ къ вамъ. А онъ, повѣрьте, придетъ, и когда придетъ, то смотрите, не отталкивайте его отъ себя. Потомъ говорите ему лишь то, что вы можете доказать—доказать безошибочно, наглядно. Оборветесь—не взыщите: престижъ вашъ будетъ поколебленъ, довѣріе потеряно навсегда. Не давайте также обмануть ему себя—бѣда! вы навѣки въ глазахъ его очутитесь дуракомъ, а это въ его глазахъ еще хуже. У насъ вообще выработался неправильный взглядъ на крестьянина: одни—считаютъ его за скота, просто за рабочую силу; другіе, напротивъ, чуть не за ребенка, котораго нужно водить на помочахъ, тогда какъ онъ такой же человѣкъ, какъ и мы всѣ, человѣкъ вполнѣ взрослый, только человѣкъ-то темный, невѣжественный, котораго просвѣщать нужно.

Обстановка и та среда, въ которую теперь сразу попалъ Александръ Петровичъ, помогли ему всецѣло отдаться осуществленію предначертаннаго имъ плана для своей дальнѣйшей дѣятельности.

Пріѣхавъ къ себѣ на родину и поселившись пока въ городѣ, Несвѣтовъ рѣшилъ возобновить старыя знакомства и сдѣлать нѣсколько новыхъ.

«Съ людьми жить, нельзя ихъ чураться. Будетъ нужда, какъ ты пойдешь къ незнакомому человѣку? Наконецъ, не зная людей, какъ ты ихъ узнаешь? Полагаться на слова другихъ—опасно, какъ разъ впросакъ попадешь, потому что каждый смотритъ на людей и судитъ ихъ съ своей точки зрѣнія. А бываетъ и такъ: иной человѣкъ, повидимому, дурной, а въ немъ такой талисманъ сидитъ, какого и въ хорошемъ-то человѣкѣ не встрѣтишь: нужно только раскопать его въ мусорѣ, да показать, — глядишь, онъ и засіяетъ. Такимъ образомъ, иной разъ и изъ дурнаго человѣка можно сдѣлать хорошаго, поддержавши его». Вотъ какія мысли бродили въ головѣ Александра Петровича, когда онъ одѣвался въ первый разъ,

Digitized by Google

чтобы ѣхать съ визитами; но съ перваго же дня началось и разочарованіе, которое затѣмъ все росло и укрѣплялось.

— Никакихъ интересовъ — ни къ общественнымъ дѣламъ, ни къ общечеловѣческимъ стремленіямъ!—говорилъ съ раздраженіемъ Несвѣтовъ, спустя какой нибудь мѣсяцъ.—Эгоизмъ вообще губитъ человѣчество, а насъ, русскихъ, губитъ еще невѣжество,—невѣжество не темныхъ массъ, а нашей интеллигенціи. Богъ мой! Что это за люди?

Въ воспоминаніи Александра Петровича, точно въ какой нибудь панорамѣ, прошли всѣ тѣ люди, которыхъ онъ видѣлъ, съ которыми познакомился въ послѣднее время: Трегубовъ—расписывавшій ему чуть не цѣлый часъ, какъ онъ подтянулъ всѣхъ и какой водворилъ «порядокъ»; Грушинъ, помощникъ Трегубова, разсказывавшій ему, какую онъ мебель завелъ у себя въ правленіи, какую обстановку съ электрическими звонками; юный прокуроръ, во все время визита склонявшій одно слово: «законъ», который изъ его словъ выходилъ чѣмъ-то мертвымъ и неприложимымъ къ жизни. Затѣмъ шелъ остальной чиновный людъ; земскіе дѣятели «послѣдней формаціи»; городскіе самоуправители; люди свободныхъ профессій; люди—дѣлающіе что нибудь и люди ничего не дѣлающіе. Всѣ они снова прошли у него передъ глазами.

«Богъ мой! Мы, право, еще недалеко ушли ни отъ фонъ-визиновскаго «Недоросля», ни отъ грибоѣдовскихъ героевъ. Забота у этихъ господъ все объ одномъ только мамонѣ; темы разговоровъ: сплетни да пересуды другъ друга. Нигдѣ, нигдѣ рѣшительно, я даже словъ путныхъ не слыхалъ»—думалъ Александръ Петровичъ.

Дѣйствительно, тотъ городокъ, гдѣ было суждено родиться Несвѣтову и куда теперь онъ попалъ, былъ городъ исключительный—такихъ городовъ, къ несчастію, еще много у насъ на Руси. Въ немъ было все, что необходимо для кавалерско-дамскаго обихода; не было въ немъ только живой человѣческой мысли, да живаго человѣческаго слова. Но больше всего возмущали Александра Петровича его бывшіе товарищи: Зайсановъ—пить началъ; Ивановъ—уже спился; Петряковъ—изъ-за карточнаго стола не вылѣзаетъ.

«А вѣдь ребята-то какіе славные были—чудо! Куда дѣвались благородные порывы, куда дѣвались мечты этихъ людей служить правдѣ и справедливости?»

Особенно жалко было Гардера, котораго всѣ товарищи звали Михелемъ—это былъ нѣмецъ по фамиліи и русакъ въ душѣ—товарищъ Несвѣтова по университету, котораго онъ очень любилъ. Теперь этотъ бывшій студентъ обратился въ настоящаго кулака. Александръ Петровичъ не выдержалъ и заговорилъ какъ-то разъ съ нимъ по старому, по товарищески.

Digitized by Google

— Эхъ! Все это, другъ мой, были однѣ только юношескія мечты, отъ которыхъ ты, кажется, и до сихъ поръ не излѣчился. Прописная мораль говоритъ, братъ, одно, а жизнь требуетъ другаго. Попробуй-ка ты жить по этой прописной морали,—тебя просмѣютъ тѣ же самые наставники, которые внушали ее, да если только просмѣютъ, то хорошо еще будетъ, а то просто сочтутъ за сумашедшаго, да, пожалуй, и посадятъ въ желтый домъ, — отвѣчалъ съ усмѣшкой Михель.

Въ другой разъ онъ заговорилъ съ Зайсановымъ, съ которымъ тоже былъ на ты.

— Слушай, дружище! человѣкъ—животное; такимъ онъ и останется навсегда, а жизнь — есть борьба, борьба за существованіе...

— Такъ по твоему, значитъ, ни чести, ни правды, ни совѣсти нѣтъ на землѣ?..

— Какъ нѣтъ? Есть!—перебилъ Зайсановъ.—Честь вонъ, напримѣръ, есть военная, есть гражданская, а, слѣдовательно, есть еще и партикулярная. Точно также и правда—есть правда юридическая, есть правда общечеловѣческая, есть, наконецъ, правда божеская. Что же касается совѣсти, то о ней я, право, не знаю, что̀ и сказать тебѣ—дѣйствительно, совѣсть у насъ не въ авантажѣ обрѣтается. Оно и немудрено, потому что вѣдь это незаконнорожденное дитя, давно лишенное своихъ гражданскихъ правъ.

— Шутъ гороховый! да вѣдь я съ тобой серьезно говорю,—замѣтилъ Несвѣтовъ.

— А ты думаешь, что я шучу? Могу тебя увѣрить, что и я говорю совершенно серьезно.

Александръ Петровичъ махнулъ рукой. Послѣ этого онъ пересталъ не только говорить, но даже видѣться со всѣми съ ними, и замкнулся съ своими книгами,—замкнулся до самой весны, когда переѣхалъ жить на хуторъ. Здѣсь онъ былъ занятъ съ утра до вечера—вездѣ былъ нуженъ хозяйскій глазъ, вездѣ нужны были его указанія. Впрочемъ, самъ онъ никогда не занимался черной работой. «Найдутся, кто это и безъ меня сдѣлаетъ», — говорилъ онъ обыкновенно, когда указывали ему на графа Толстаго, который самъ пашетъ, самъ печки кладетъ, и самъ въ Москвѣ за водой ѣздитъ.

— Право, не вѣрю я, чтобы и Толстой-то все это въ «сурьезъ» продѣлывалъ! Поѣхалъ онъ попахать землю, клалъ печку какой-то старухѣ, ну, просто потому, что ему хотѣлось испробовать всякую работу; одни—подняли это на смѣхъ; другіе—пришли въ умиленіе; третьи—въ изумленіе. Тогда графъ сталъ ѣздить по Москвѣ за водой.—«На-те, дескать, смотрите, дураки!» Это ужь было не больше,

Digitized by Google

какъ только глумленіемъ его надъ человѣческой глупостью. Право, такъ! Но если я ошибаюсь,—продолжалъ Несвѣтовъ,—если его сіятельство и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что это его призваніе, тогда и книги ему въ руки:—его дѣло, его и отвѣтъ; а я слуга покорный, я найду для себя и такую работу, которая простому водовозу и не по уму, и не по умѣнью.

Не смотря на это, Александръ Петровичъ зналъ самъ всякую простую работу и могъ не только разсказать, но и показать, какъ ее сдѣлать. Примѣровъ можно найти много:

— Иванъ! Что это у тебя какая пашня? Что это какъ плугъ-то у тебя идетъ?—спрашиваетъ Несвѣтовъ работника, видя дурную пашню и неправильный ходъ плуга.

— Не знаю, Александръ Петровичъ... кажись, хорошо,—говоритъ тотъ, останавливая лошадей и здороваясь съ хозяиномъ.

Хозяинъ подходитъ къ Ивану.

— Чего хорошо? совсѣмъ дрянно. Подними лемехъ-то,—указываетъ онъ, сообразивъ, отчего плохо забираетъ плугъ.

Работникъ начинаетъ отвертывать винтъ.

— Не такъ, дай-ка мнѣ ключъ-то, я самъ установлю тебѣ.

Иванъ подалъ ключъ и отошелъ отъ плуга; черезъ минуту все было исправлено. Александръ Петровичъ тронулъ лошадей и самъ пошелъ за плугомъ по бороздѣ.

«Лѣшакъ его далъ: лучше нашего пашетъ», подумалъ Иванъ, почесывая затылокъ и глядя на ровную, глубокую пашню.

Пройдя кругъ, Несвѣтовъ остановился, сдалъ плугъ работнику, посмотрѣлъ, какъ тотъ началъ пахать, и пошелъ на мельницу, гдѣ у него заканчивались земляныя работы.

— Эй-ты, какъ тебя звать-то? — Вопросъ былъ обращенъ къ мужику, копавшему землю.

— Михайло,—отвѣчалъ тотъ.

— Михайло, Михайло, не Михайло ты, а Аѳоня!—развѣ такъ копаютъ-то?—Говоря это, Несвѣтовъ взялъ изъ рукъ крестьянина лопату и самъ принялся копать ею. Ровно, пластъ за пластомъ, забираетъ землю лопата, точно сама тонетъ, запускается въ глубь. Любо смотрѣть, какъ споро и легко идетъ работа—мужикъ глядитъ и только руками разводитъ отъ удивленія.

— Ну, Лександръ Петровичъ, мастакъ же ты!—говоритъ Михайло вслѣдъ уходящему барину, который, отдавши лопату, шелъ уже въ мельничный амбаръ взглянуть, что тамъ дѣлается.

Мельникъ пробивалъ камень.

— Иванъ Григорьевичъ! да развѣ такъ пробиваютъ-то?—гово-

Digitized by Google

ритъ Несвѣтовъ, и опять, не говоря больше ни слова, беретъ «струментъ» и самъ принимается за работу.

И такъ вездѣ, каждый день—всѣ работы обойдетъ: гдѣ разскажетъ, а гдѣ и самъ покажетъ, какъ и что̀ нужно дѣлать.

Александръ Петровичъ одѣвался просто; формѣ одежды онъ не придавалъ никакого значенія: на хуторѣ, напримѣръ, лѣтомъ онъ постоянно ходилъ въ блузѣ и въ какихъ-то башмакахъ, вывезенныхъ имъ изъ-за границы; въ городѣ—носилъ «нѣмецкое платье», но всегда въ высокихъ сапогахъ. «Такъ удобнѣе»,—говорилъ онъ. Впрочемъ, его и въ городѣ иногда можно было встрѣтить въ хуторскомъ костюмѣ.

«Пора намъ, наконецъ, дожить хоть до такой свободы, чтобы каждый былъ воленъ одѣваться такъ, какъ хочетъ, и находитъ для себя удобнѣе». Это былъ постоянный отвѣтъ Несвѣтова на замѣчанія объ его блузѣ и башмакахъ.—Отъ одежды я требую одного: чтобы она была только удобна и опрятна; къ несчастію, у насъ, русскихъ, на послѣднее меньше всего обращаютъ вниманія,—добавлялъ при этомъ Александръ Петровичъ.

IV.

Дѣлая визиты, Несвѣтовъ былъ и у Надежды Павловны. Она приняла его очень любезно, пригласила къ себѣ обѣдать, и во время этого обѣда Александръ Петровичъ познакомился и съ молодыми Манзуровыми. Оба они очень понравились ему, особенно своими отношеніями къ матери, простыми, чисто дружескими, но безъ фамильярности. Маня была совсѣмъ уже взрослая дѣвушка, красивая и очень похожая на мать; она готовилась дома, чтобы ѣхать потомъ за границу доканчивать свое образованіе; Петя былъ скромный, молчаливый юноша.

Спустя нѣсколько времени, Несвѣтовъ опять былъ у Манзуровыхъ, но теперь уже вечеромъ; потомъ былъ и еще разъ; наконецъ, попалъ къ нимъ, когда у нихъ собралась молодежь. Было оживленно и весело. «Э, да здѣсь хорошо—здѣсь живые люди живутъ! Какая славная, какая хорошая молодежь!»—думалъ онъ и сталъ бывать чаще. Теперь, по временамъ, онъ любовался здѣсь уже не одной молодежью, но и хозяйкой дома, около которой группировалась эта молодежь, полная жизненныхъ силъ, надеждъ и свѣтлыхъ идеаловъ.

«Такъ вотъ какая она!»—думалъ Несвѣтовъ не разъ, глядя на Надежду Павловну или слушая ее. «Вѣдь, значитъ, и тогда, когда зналъ ее еще дѣвочкой, когда я такъ люб... любилъ ее,—въ ней

Digitized by Google

уже были, по крайней мѣрѣ, чувствовались тѣ задатки, которые потомъ развились и созрѣли... Теперь понятно, чѣмъ я увлекался тогда; и тогда вѣдь я не любилъ этихъ куколокъ, изъ которыхъ обыкновенно выходятъ только бабочки».

Послѣ этого, Несвѣтовъ участилъ еще свои посѣщенія — онъ сталъ бывать у Манзуровыхъ каждый праздникъ, иногда цѣлые дни просиживалъ у нихъ; будни же проводилъ на хуторѣ, гдѣ съ каждымъ днемъ дѣла становилось все больше и больше. Александръ Петровичъ внесъ новую струю въ жизнь семьи Манзуровыхъ— жизнь эта стала еще полнѣе, еще содержательнѣе. То онъ дѣлился тамъ своими знаніями, то сообщалъ свои наблюденія, то, наконецъ, просто разсказывалъ что нибудь изъ своей жизни за границей. Одинъ разъ разсказывалъ онъ о Швейцаріи, въ другой—о Бельгіи, гдѣ на одной фабрикѣ онъ нѣсколько мѣсяцевъ работалъ мастеромъ; въ третій разъ—о Франціи, гдѣ около Парижа болѣе мѣсяца жилъ простымъ работникомъ у одного огородника. Разсказывалъ Несвѣтовъ мастерски: при описаніи природы Швейцаріи, красоты этой страны во всемъ своемъ величіи выступали передъ слушателемъ, точно онъ, слушатель, самъ былъ тамъ и видѣлъ своими глазами тѣ самые виды и ландшафты, о которыхъ говорилъ разсказчикъ. Затѣмъ онъ умѣлъ очень метко охарактеризовать тѣхъ лицъ, съ которыми жилъ и встрѣчался.

Разговорились какъ-то о національностяхъ. Несвѣтовъ особенно хвалилъ французовъ.

— Что за живой, что за способный народъ!—сказалъ онъ.

— А мнѣ такъ французы не нравятся,—замѣтила Надежда Павловна, сидѣвшая на этотъ разъ сама за самоваромъ.

— Что такъ, мама? Что такъ?—спросили за разъ и дочь, и Александръ Петровичъ.—Это народъ самый передовой, имѣвшій цивилизующее вліяніе на все человѣчество,—добавилъ послѣдній.

— Это я знаю, но цивилизація-то у нихъ какая-то странная: галантереи — на первомъ планѣ; положеніе женщины, какъ вы и сами говорили, Александръ Петровичъ, во Франціи несравненно хуже, чѣмъ у насъ въ Россіи. Затѣмъ... на что это похоже?—каждый французъ мечтаетъ о ленточкѣ своего почетнаго легіона и радуется ей, если получитъ, точно маленькій ребенокъ игрушечному барабану. Наконецъ, это стремленіе къ возмездію нѣмцамъ— кто же виноватъ, какъ не они сами, что посадили и столько лѣтъ терпѣли Наполеона, который привелъ ихъ къ Седану?

— Что же, вамъ нѣмцы больше нравятся, Надежда Павловна,— сказалъ Несвѣтовъ.

— Нѣтъ, ихъ также не поймешь—Шиллеръ, Гёте, Лютеръ, Ге-

Digitized by Google

гель и другіе философы-гуманисты, а вдругъ, рядомъ съ ними, какой-то Бисмаркъ, которому нѣмцы поклоняются, какъ Богу. Затѣмъ, они хотятъ прибрать къ своимъ рукамъ чуть не весь міръ божій. Имъ мало Эльзаса и Лотарингіи, они мечтаютъ о Даніи, съ присоединеніемъ къ ней Норвегіи; они мечтаютъ урѣзать Россію, а чрезъ Австрію пробраться на югъ.

— Значитъ, лучше другихъ, по вашему мнѣнію, англичане?

— Да, эти, пожалуй, лучше,—отвѣчала Манзурова.

— Это ужь вліяніе миссъ Боссе! — сказалъ съ улыбкой Александръ Петровичъ.

— Можетъ быть, и ея,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Эксплуататоры—вотъ что такое англичане.

— Практическій народъ!—замѣтила Надежда Павловна, перебивая Несвѣтова.—Голландцы, португальцы, испанцы—всѣ они, когда были сильны, были такими же эксплуататорами, какъ и англичане. Да и теперь развѣ они лучше англичанъ ведутъ себя въ своихъ колоніяхъ? Эксплуататорскія наклонности, къ несчастію, сидятъ въ самой крови человѣка. А если мы, русскіе, меньше другихъ эксплуатируемъ, то это происходитъ оттого, что мы не умѣемъ этого дѣлать и насъ самихъ эксплуатируютъ другіе.

Несвѣтовъ хотѣлъ было горячо возразить, но Надежда Павловна опять продолжала.

— Зато не забывайте: вмѣстѣ съ эксплуатаціей англичане всюду несутъ съ собой и цивилизацію. Достаточно привести въ примѣръ Австралію. Что такое она была менѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ и что она теперь?

— Я думаю, Александръ Петровичъ, что всѣ эти переѣзды изъ одного мѣста въ другое вамъ дорого стоили?—спросила Марья Михайловна, мѣняя тему разговора. Вопросъ этотъ интересовалъ ее въ виду сборовъ за границу.

— Не скажу. Швейцарію я вѣдь обошелъ всю пѣшкомъ, потомъ ѣздилъ много на велосипедѣ—это очень удобно. Велосипедъ за границей все больше и больше входитъ въ употребленіе; много есть маленькихъ городковъ, въ которыхъ существуютъ «общества велосипедистовъ», имѣющихъ свои собственные клубы—тамъ всякій велосипедистъ можетъ остановиться и его примутъ, какъ товарища: дадутъ совѣтъ, укажутъ лучшій путь—а это очень важно, потому что на велосипедѣ не вездѣ одинаково удобно проѣхать.

— Но можно вездѣ?—послѣдовалъ новый вопросъ.

— Да, по заграничнымъ дорогамъ почти вездѣ.

— Какъ же по горамъ, по неровностямъ? — спросила опять Марья Михайловна.

Digitized by Google

— По неровностямъ велосипедъ идетъ легко, если возвышенія небольшія. На горы поднимаешься зигзагами. Впрочемъ, ѣхавши въ Швейцарію, мнѣ и одному моему спутнику пришлось велосипеды нести на себѣ, хотя и недолго.

Въ другой разъ зашла рѣчь о цивилизаціи вообще.

— Знаете ли, Александръ Петровичъ, я какъ-то вообще плохо вѣрю въ прогрессъ и въ нашу пресловутую цивилизацію,—сказала Надежда Павловна.

— Вы, вы плохо вѣрите въ цивилизацію?—перебилъ съ удивленіемъ Несвѣтовъ, не слышавшій до сихъ поръ ничего подобнаго отъ Манзуровой.

— Я не такъ выразилась. Но знаете ли, какъ-то наша цивилизація странно идетъ, какъ-то странно проявляется ея прогрессирующее вліяніе. Возьмите работы Пастера, открытія Эдиссона, и еще мало ли какихъ открытій и изобрѣтеній, которыми кичится нашъ вѣкъ, а рядомъ со всѣмъ этимъ, что же мы видимъ? Что человѣчество не могло до сихъ поръ додуматься до справедливости уничтоженія смертной казни, этой высшей человѣческой несправедливости, и весь прогрессъ ограничивается лишь тѣмъ, что въ Америкѣ измышляется какое-то замысловатое кресло, убивающее человѣка мгновенно электричествомъ,—продолжала она черезъ минуту.— А эти вооруженія, эти расходы на содержаніе многомилліонныхъ армій? На что тратятся такіе страшные капиталы, на которые можно было бы не только прокормить всѣхъ, рѣшительно всѣхъ бѣдняковъ, но чуть ли не все населеніе земнаго шара.

Новая пауза.

— Гдѣ, наконецъ, пресловутая вѣротерпимость, когда мы видимъ, что люди одной даже религіи, какъ напримѣръ, католики и старо-католики, изъ какихъ-то самыхъ пустыхъ религіозныхъ распрей готовы каждую минуту начать братоубійственную борьбу.

— Не странно, а тихо идетъ прогрессъ, идетъ медленно. Но это оттого, что трудно отрѣшиться человѣчеству отъ его вѣковыхъ предразсудковъ. Это дѣйствительно такъ. Но отвергать плоды прогресса, не замѣчать ихъ, по моему мнѣнію, все таки невозможно. — Проговоривши это, Несвѣтовъ началъ перечислять все то, въ чемъ выразилось поступательное движеніе прогресса. Онъ указалъ на сближеніе народовъ, на разные съѣзды, конгрессы ученыхъ, экономическихъ и соціальныхъ обществъ...

— Не больше, какъ пріятное времепровожденіе: балы, рауты, прогулки, обѣды, завтраки, съ пустозвонными спичами, которые потомъ пережевываетъ пресса. И никто, рѣшительно никто, не думаетъ серьезно и искренно объ общечеловѣческихъ интересахъ,—

Digitized by Google

ввернула опять Надежда Павловна, тогда какъ Александръ Петровичъ продолжалъ говорить объ объединеніи почтъ, телеграфовъ, о проведеніи повсюду желѣзныхъ дорогъ...

— Теперь на очереди вотъ и постройка нашей сибирской дороги, которая, знаете ли, вѣдь будетъ имѣть міровое значеніе,— говорилъ Несвѣтовъ, рисуя затѣмъ будущее Сибири, которая, какъ онъ выразился: «съ проведеніемъ этого рельсоваго пути воспрянетъ къ жизни».

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ!—«по вѣрѣ вашей, какъ говорится въ писаніи, будетъ вамъ»,—сказала съ улыбкой Манзурова.

— Только ни мы, ни даже они, пожалуй, не доживутъ до этого золотаго вѣка,—добавилъ Александръ Петровичъ, показывая на молодыхъ людей, находившихся тутъ же, въ комнатѣ, и слушавшихъ со вниманіемъ все, что говорилось матерью и Несвѣтовымъ.

— И то хорошо, Александръ Петровичъ, если будущія поколѣнія увидятъ, наконецъ, этотъ земной рай.

Подобныя бесѣды теперь часто происходили въ домѣ Манзуровой. Петя, или Петръ Михайловичъ, рѣдко принималъ въ нихъ участіе; онъ больше слушалъ. Маня же иногда вступала въ споръ. Случалось, что мать или дочь играли иногда на фортепіано—Несвѣтовъ очень любилъ музыку; только серьезную, классическую, онъ не понималъ, въ чемъ и сознавался откровенно. Иногда всей компаніей отправлялись куда нибудь за городъ, а то и на хуторъ къ Александру Петровичу; тамъ пѣли, играли, а то и здѣсь, бывало, заведутъ серьезную бесѣду или молодежь затѣетъ споръ.

Чѣмъ чаще бывалъ Несвѣтовъ у Манзуровыхъ, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе тянуло его опять туда:—нравились ему тишина и согласіе, царившія въ этой семьѣ; нравились дѣти, но всего больше нравилась ему теперь сама хозяйка, мать этихъ дѣтей, создавшая все это вокругъ себя, задававшая тонъ въ своемъ домѣ.

«Вотъ какую бы мнѣ жену-то нужно: на этой женщинѣ, пожалуй, и жениться бы можно»,—подумалъ онъ какъ-то разъ, любуясь еще стройной фигурой и свѣжимъ, оживленнымъ лицомъ Надежды Павловны.

Съ тѣхъ поръ мысль эта гвоздемъ засѣла въ головѣ Александра Петровича. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и Манзурова была совершенно равнодушна, глядя на мощную фигуру и чисто русское лицо Несвѣтова, и въ ея головѣ все чаще и чаще воскресала сцена объясненія въ любви юнаго гимназиста Саши. Но у нея пока это были только вспышки, которыя какъ скоро загорались, также скоро и потухали, по винѣ самого Александра Петровича, который въ своихъ сношеніяхъ съ Надеждой Павловной оставался всегда

Digitized by Google

вѣжливымъ, деликатнымъ, предупредительнымъ, но въ то же время ровнымъ и спокойнымъ. Онъ не только любилъ эту женщину, но и уважалъ ее.

Понятно, что короткость молодаго холостяка съ молодой вдовой, какъ и слѣдовало ожидать, возбудила въ провинціальномъ городѣ массу толковъ, сопровождавшихся, при встрѣчахъ, то саркастической улыбкой, то многозначительными взглядами. Вскорѣ, однако жь, благодаря Александру Петровичу, и эти взгляды, и эти улыбки прекратились; мало того, всѣ стали особенно осторожно говорить о вдовѣ Манзуровой. Случилось это послѣ одной исторіи, надѣлавшей немало шума въ средѣ провинціальнаго общества, когда Несвѣтовъ «проучилъ» одного негодяя, дозволившаго себѣ при немъ двусмысленно выразиться про Надежду Павловну. Дѣло произошло въ общественномъ саду во время гулянья. Александръ Петровичъ, услышавши такой разговоръ, не говоря ни слова, подошелъ къ говорившему господину, взялъ изъ его рукъ толстую трость, легко разломилъ ее на четыре части и, подавая въ такомъ видѣ обратно, крикнулъ ему:—«Если вы когда нибудь еще позволите себѣ выразиться такъ, какъ вы сейчасъ выразились, не только о Манзуровой, но и вообще о какой либо женщинѣ, то, помните, я съ вами сдѣлаю то же самое, что̀ сдѣлалъ сейчасъ съ вашей палкой. Возьмите ее»! Слова эти были сказаны такъ внушительно, что господинъ не только не отвѣтилъ ничего, но не осмѣлился даже ослушаться Несвѣтова, покорно взялъ протянутые ему обломки и, точно напуганный заяцъ, быстро юркнулъ въ ближайшую глухую аллейку...

V.

Однако жь, какъ ни маскировался Несвѣтовъ, какъ ни велъ себя тактично и сдержанно, чтобы скрыть отъ Надежды Павловны вновь зарождавшееся въ немъ чувство,—скрыть этого онъ не могъ. Сначала она только подозрѣвала, потомъ подмѣтила кое-что, подтверждавшее ея догадки, и наконецъ убѣдились вполнѣ, что Александръ Петровичъ любитъ ее. О! это былъ день ея торжества, какъ женщины.

«Кажется, этотъ холодный, невозмутимый, бездушный... (такъ и назвала въ этотъ разъ Несвѣтова Надежда Павловна)... кажется, и этотъ холодный человѣкъ наконецъ растопился»,—подумала она. И она особенно оживилась—оживилась до игривости, точно вдругъ съ ея плечъ соскочилъ цѣлый десятокъ лѣтъ.

Digitized by Google

Александръ Петровичъ, впрочемъ, не замѣтилъ этого, вѣроятно, потому, что Манзурова и такъ была постоянно въ веселомъ настроеніи. Къ вечеру барометръ душевнаго состоянія Манзуровой опять понизился: мало того, даже упалъ ниже нормальной, обыкновенной своей высоты. Нѣсколько часовъ тому назадъ, мечты унесли богъ знаетъ куда эту женщину, чуть не за облака; теперь она спустилась опять на землю и совсѣмъ уже иныя мысли проникли въ ея голову.

«Ну, куда, куда ужь мнѣ, старухѣ, думать о любви? мнѣ вѣдь ужь за тридцать пять лѣтъ. Богъ мой, какъ скоро время-то миновало, какъ скоро жизнь-то прошла! А я еще думаю о любви. Наконецъ, у меня есть дѣти... подумали ли вы объ этомъ, Надежда Павловна? Мои дѣти уже большія, но развѣ они не требуютъ еще моей поддержки, моего руководства? Дѣти... ну, что̀ сказали бы они, что̀ подумали, еслибы что нибудь такое приключилось съ ихъ матерью? «Хороша наша маменька-то,—на старости лѣтъ объ амурахъ, о замужствѣ думаетъ». Нѣтъ, прочь эти мысли! Молоды были вы, Надежда Павловна, и тогда сберегли себя отъ всякихъ соблазновъ, не осрамитесь же теперь».—Дѣти, неминуемость ихъ суда и приговора, привели просто въ ужасъ Манзурову.—Да я не посмѣю взглянуть тогда въ глаза моимъ дѣтямъ, — говорила она и, переживши всѣ эти мысли, успокоилась; жизнь ея опять вошла въ обычную колею. Такъ продолжалось недолго, да и не могло быть иначе: природа, съ которой нелегко бороться, въ концѣ концовъ, брала таки свое. Надежда Павловна похудѣла, лишившись сна и апетита; характеръ ея испортился, сдѣлался нервнымъ: то она была слишкомъ оживлена, то вдругъ впадала въ угнетенное, болѣзненное состояніе.

— Мама, ты больна?—не разъ уже говорила Маня своей матери.

— Мама, тебѣ бы посовѣтоваться съ докторомъ, — предлагала она же.

Даже Петя ходилъ нахмуренный, заложивши палецъ за бортъ вицъ-мундира.

Перемѣну эту замѣтилъ, конечно, и Александръ Петровичъ; онъ успокоивалъ дѣтей и самъ нисколько не безпокоился, потому что понялъ причину перемѣны, происшедшей въ Манзуровой. Любящее сердце всегда чутко и прозорливо ко всему, что̀ только касается любимаго человѣка. Такая перемѣна даже радовала Несвѣтова—таковъ ужь эгоизмъ человѣка—и онъ давно говорилъ себѣ: «Жениться нужно на Надеждѣ Павловнѣ! Не пойдетъ только, пожалуй. Можно попробовать... а что? не попробовать ли въ самомъ дѣлѣ». Теперь

Digitized by Google

онъ повторялъ это чуть ли не каждый день, но только уже съ небольшой варіаціей, съ нѣкоторой увѣренностью, что Манзурова согласится сдѣлаться его женой.

Мысль о сожительствѣ внѣ брака съ Надеждой Павловной пришла только разъ въ голову Несвѣтова, да и то онъ тотчасъ же отогналъ ее прочь. «Съ такимъ положеніемъ, какъ внѣбрачная жизнь, можно мириться при непреодолимыхъ юридическихъ препятствіяхъ, да и при этомъ необходимо всесторонне взвѣсить, не лучше ли совсѣмъ отказаться отъ такого сожительства, чѣмъ ставить себя, любимую женщину и будущихъ дѣтей своихъ внѣ покровительства закона. Такихъ препятствій въ данномъ случаѣ нѣтъ, а безъ этого, при настоящихъ понятіяхъ общества, на это можно рѣшиться только не любя и не уважая той женщины, съ которой думаешь жить».

«Нѣтъ, нужно жениться на ней»,—рѣшилъ онъ, наконецъ, безповоротно.—«Нужно будетъ переговорить съ ней. А, впрочемъ, не лучше ли подождать, когда вотъ Петя—дѣтей Надежды Павловны Несвѣтовъ заглазно называлъ всегда уменьшительными именами—окончитъ курсъ гимназіи; ждать недолго, до лѣта только, а теперь весна на носу. Да, такъ будетъ лучше—Петя уѣдетъ въ университетъ, сестра собирается ѣхать съ нимъ, а потомъ за границу. Тогда мать будетъ свободна, а теперь подождать нужно».

И Александръ Петровичъ началъ ждать, удвоивъ только свое вниманіе къ «больной женщинѣ».

Окончилась русская непривѣтливая зима, съ буранами и чуть не полярными морозами; быстро промелькнула, точно мимолетная улыбка, короткая, но очаровательная весна; наступило и лѣто; подошла къ концу гимназическая «страда»—Петя Манзуровъ окончилъ курсъ и получилъ аттестатъ зрѣлости.

«Пора! Теперь можно»,—сказалъ наконецъ себѣ Несвѣтовъ, и пошелъ къ Манзуровымъ. На это объясненіе съ Надеждой Павловной онъ шелъ безъ страха, но все таки минутами зарождалось въ немъ сомнѣніе: «А ну, какъ да откажетъ»?

День былъ праздничный. Александръ Петровичъ, какъ и почти всегда, обѣдалъ въ этотъ день у Манзуровыхъ; послѣ обѣда, по обыкновенію, пили чай въ столовой, а потомъ Маня и Петя простились съ матерью и куда-то ненадолго ушли. Несвѣтовъ и Надежда Павловна остались одни.

«Прекрасно, теперь намъ никто не помѣшаетъ»,—сказалъ онъ про себя и пересѣлъ поближе къ Манзуровой.

«Фу, какая тишина»... Дѣйствительно, въ залѣ въ эту минуту былъ слышенъ даже ходъ маятника часовъ, который мѣрно от-

Digitized by Google

считывалъ секунду за секундой ...«А сердце, должно быть, у меня того... несовсѣмъ въ порядкѣ—чу, какъ бьется оно», — подумалъ Александръ Петровичъ, прислушиваясь къ біенію своего собственнаго сердца и глядя на задумчиво сидѣвшую Манзурову.

Она сидѣла въ это время, безцѣльно смотря на улицу и думая о дѣтяхъ, о предстоявшей разлукѣ съ ними. «Не ѣхать ли мнѣ съ ними?—ну, хоть до Петербурга, съ Петей—онъ такой нелюдимый, застѣнчивый... какъ онъ тамъ будетъ жить одинъ»?

— Надежда Павловна,—началъ тихо Несвѣтовъ, началъ въ ту минуту, когда она забыла даже о присутствіи его въ этой комнатѣ.

Услыхавши свое имя, она взглянула въ сторону Несвѣтова, взглянула на него, и тотчасъ же поняла, что это начинается объясненіе, то объясненіе, котораго она давно ждала и даже желала— и вдругъ, все лицо ея залило яркимъ, точно дѣвическимъ, румянцемъ.

— Надежда Павловна,—повторилъ онъ опять, думая въ то же время про себя: «Богъ мой, какъ еще она хороша, какъ сохранилась—ну, кто ее приметъ за мать Мани... точно родная сестра ей».

— Я давно собирался говорить съ вами,—продолжалъ между тѣмъ Несвѣтовъ,—мое объясненіе будетъ коротко: вы меня знаете, я васъ знаю—будьте моею женой.

Слово въ слово, какъ Манзурова и предполагала: ей казалось, что иначе, какъ коротко и прямо, этотъ прямой и цѣльный человѣкъ и объясниться не могъ. Но отчего, отчего теперь это объясненіе не радовало ея? напротивъ, сердце у нея болѣзненно сжалось и замерло. Она разомъ поблѣднѣла.

— Александръ Петровичъ, не могу вамъ выразить, какъ я силь...—хотѣла она сказать «какъ сильно люблю», но тотчасъ же поправилась:—какъ я глубоко уважаю васъ, но принять вашего предложенія не могу. — Послѣднія слова едва сорвались съ языка: видно было, что ихъ нелегко было произнести Надеждѣ Павловнѣ.

«Что это такое со мной? Никогда этого не было», — подумалъ опять Несвѣтовъ, чувствуя нервную дрожь.

— Почему?—спросилъ онъ, блѣднѣя отъ удивленія и неожиданности.—Почему, Надежда Павловна?—повторилъ онъ еще разъ свой вопросъ, точно Манзурова могла вопросъ этотъ плохо или совсѣмъ даже не разслышать.

— Ну, подумайте, Александръ Петровичъ, какая жена буду я вамъ? я вѣдь ужь старуха,—сказала Манзурова и сама улыбнулась, говоря это.

Несвѣтовъ даже засмѣялся, глядя на цвѣтущее, полное жизни, лицо Надежды Павловны; на ея глаза, горѣвшіе полнымъ блескомъ, когда она вздумала назвать себя старухой.

Digitized by Google

— Вы, вы старуха?—сказалъ онъ.

— А что же? Мнѣ ужь не далеко до сорока лѣтъ — знаете ли вы это? 40 лѣтъ! вѣдь это называется бабьимъ вѣкомъ.

— Что вы, Надежда Павловна? вы еще смотрите совсѣмъ молодою. Я только сейчасъ думалъ, глядя на васъ, что вы не похожи на мать Марьи Михайловны, а скорѣе на ея сестру. Наконецъ, вы еще не жили, вамъ жить нужно, а вы говорите о старости.—Голосъ Несвѣтова чѣмъ дальше, тѣмъ становился все нѣжнѣе и нѣжнѣе.—Не отказывайте мнѣ, вспомните, вѣдь я чуть не съ дѣтства любилъ...

— Не напоминайте бога ради—помню и безъ того! — сказала она съ отчаяніемъ, хватаясь за голову, точно вдругъ почувствовала въ ней страшную, мучительную боль.

Глядя теперь на любимую женщину, Несвѣтовъ не могъ произнести ни одного слова и сидѣлъ молча. Между тѣмъ Надежда Павловна немного оправилась, опустила руки и, положивши ихъ на столъ, продолжала:

— А, главное, у меня дѣти, Александръ Петровичъ—для нихъ я должна жить, не думая о замужствѣ.

— Ваши дѣти большія, они на своихъ ногахъ—теперь можно пожить и для себя...

— Я и сейчасъ нужна имъ,—замѣтила Манзурова.

— Вы для нихъ и такъ пожертвовали своею молодостью, всей своею жизнью—продолжалъ между тѣмъ Несвѣтовъ.

— Это была моя обязанность, мой долгъ.

— Вѣрно, Надежда Павловна: все, что̀ вы сдѣлали для вашихъ дѣтей, дѣйствительно было вашимъ долгомъ, но дальше... не могутъ же они требовать отъ васъ, чтобы вы пожертвовали имъ и всей остальной вашей жизнью? Наконецъ, спросите вы ихъ, — сказалъ онъ, поднимаясь съ своего мѣста.—Я знаю, что̀ они скажутъ: они не эгоисты у васъ...

Какъ разъ въ эту минуту послышался звонокъ въ передней.

— Какъ спросить ихъ? Да у меня языкъ не повернется говорить съ ними объ этомъ, не только спрашивать ихъ, — сказала Надежда Павловна.

Между тѣмъ звонъ колокольчика продолжался.

— Очень просто, Надежда Павловна, — сказалъ Несвѣтовъ и пошелъ самъ въ переднюю отпереть дверь.

Все это было дѣломъ одной минуты. Оказалось, что возвратились молодые Манзуровы.

— Какъ вы кстати!—сказалъ Несвѣтовъ, встрѣчая ихъ.

Всѣ вошли въ залу, но Надежды Павловны тамъ уже не было; она сидѣла въ своемъ кабинетикѣ около письменнаго стола.

Digitized by Google

— Марья Михайловна! Петръ Михайловичъ! Разрѣшите вопросъ,—сказалъ Несвѣтовъ, когда всѣ они вошли въ комнату Надежды Павловны.

Мать тотчасъ же поняла, о чемъ хочетъ говорить Несвѣтовъ.

— Не надо, не нужно... Не говорите, Александръ Петровичъ!

Но тотъ уже продолжалъ:—Сейчасъ я сдѣлалъ предложеніе и просилъ руки вашей матушки, что̀ вы на это скажете?

Не успѣлъ онъ докончить послѣдней фразы, какъ дочь бросилась уже на шею къ матери, а сынъ сталъ крѣпко жать руку Александра Петровича.

— Мама, мама, какъ я рада!—говорила Марья Михайловна.

Радость была замѣтна и на лицѣ Петра Михайловича.

Дѣти были искренни, но странно: матери показалось, что въ голосѣ дочери звучитъ фальшивая нота, а радость сына неестественна.

— Да, друзья мои,—сказала Надежда Павловна, поцѣловавши дѣтей,—нашъ общій другъ, Александръ Петровичъ... — при этомъ она показала на Несвѣтова,—дѣйствительно сдѣлалъ мнѣ предложеніе, но я принять его не могу...—Проговоривши это, Манзурова обвела своимъ взглядомъ всѣхъ находившихся въ комнатѣ: лица Мани и Пети выражали удивленіе, лицо первой—даже испугъ; что же касается Несвѣтова, то на немъ, какъ говорится, лица не было: онъ былъ просто убитъ, уничтоженъ.

— ... Потому что я нужна еще вамъ,—продолжала она. «Нѣтъ, не могу—силъ нѣтъ»,—подумала Манзурова, взглянувши еще разъ на жалкую фигуру любимаго, дорогаго человѣка.—Я рѣшила, дѣти, ѣхать съ вами...

— Зачѣмъ, зачѣмъ, мама?—послышались голоса, но Надежда Павловна какъ бы не слыхала ихъ и продолжала свое; только теперь она продолжала какъ-то особенно торжественно, точно вдругъ съ ея плечъ свалилась тяжелая ноша.—Сначала до Петербурга, а потомъ, устроивши Петю, мы вмѣстѣ съ тобой, Маня, проѣдемъ за границу; тамъ, быть можетъ, найдемъ слѣды миссъ Боссе или кого нибудь изъ ея родныхъ; у нихъ я устрою тебя, а тогда... тогда, Александръ Петровичъ, если только будетъ не поздно для васъ, тогда я могу быть и вашей женой.

— Мама, мама! Ты... ты настоящая у насъ мать, — сказалъ Петръ Михайловичъ.

— Каково, Александръ Петровичъ!—даже молчальникъ нашъ наконецъ заговорилъ; это хорошій знакъ,—сказала Надежда Павловна, цѣлуя сына, дочь, и протягивая руку Несвѣтову.

П. Добротворскій.

Digitized by Google

ЕВРОПЕЙЦЫ ВЪ ПЕКИНѢ.

I.

При взаимномъ непониманіи китайцевъ и европейцевъ, питающихъ другъ къ другу непроизвольное и нескрываемое отвращеніе, совмѣстная жизнь въ одномъ городѣ, бокъ-о-бокъ, не можетъ представлять и не представляетъ для нихъ ничего привлекательнаго. Непривлекательность такого сожительства, однако, гораздо менѣе ощущается китайцами, живущими у себя дома, занимающими положеніе хозяевъ, а, слѣдовательно, и располагающими всѣми средствами, для того чтобы сдѣлать жизнь гостей нестерпимою. Представители желтой расы отлично понимаютъ это и всячески стараются дать понять «заморскимъ чертямъ» и варварамъ, что ихъ только терпятъ въ Китаѣ. Особенно чувствуется китайская враждебность въ Пекинѣ, гдѣ подавляющая масса желтокожихъ окружаетъ ничтожную горсть европейцевъ (не больше 200 человѣкъ) разбросанныхъ по трущобамъ и закоулкамъ города, отрѣзанныхъ отъ моря и спасительныхъ канонерокъ, и не имѣющихъ подъ рукою ни пушекъ Гонкиса, ни магазинокъ [1]).

Еслибы въ 1860 году,—когда союзная англо-французская армія занимала Пекинъ, и одинъ изъ начальниковъ ея, баронъ Гро, разъѣзжалъ въ экипажѣ по городской стѣнѣ, — европейскіе дипломаты позаботились о будущемъ, то избавили бы своихъ соотечественниковъ отъ многихъ униженій и неудобствъ. У напуганныхъ военною силою китайцевъ вырвали трактатомъ право на пребываніе иностранныхъ посланниковъ въ столицѣ, ничѣмъ не обезпечивъ должнаго осуществленія этого права и даже не добившись отъ китайскаго правительства участка земли для устройства европейскаго квартала. Дипломаты того времени полагали, что, получивъ доступъ въ столицу, такъ сказать, ставъ тамъ одною ногою, они достигли уже многаго, и что дальнѣйшее внѣдреніе, т. е. дозволеніе устроить свой кварталъ съ настоящими домами, мостовою, освѣщеніемъ, канализаціею и пр. сдѣлается само собою, исподволь, и не встрѣтитъ препятствій со стороны мѣстнаго правительства. Европейцы поплатились, однако, за свой оптимизмъ и недальновидность, ибо хотя китайцы, скрѣпя сердце и придерживаясь буквы трактатовъ, впустили ихъ въ Пекинъ, но не захотѣли ни продать, ни уступить

[1]) Въ торговыхъ городахъ европейцамъ принадлежатъ отдѣльные кварталы, гдѣ они живутъ вполнѣ самостоятельно, подъ защитою собственной милиціи.

Digitized by Google

отдѣльной улицы или участка, а предоставили имъ селиться и устраиваться, какъ сами знаютъ. Съ той поры минуло слишкомъ 30 лѣтъ, въ теченіе которыхъ, при тайномъ и явномъ недоброжелательствѣ мѣстной власти и непріязненности народа, поддерживаемой чиновничествомъ и учеными, образовалась и устроилась маленькая европейская колонія.

Затерянная, какъ островокъ, среди океана желтокожихъ, иностранная колонія живетъ своею самостоятельною жизнью, оставаясь чуждою окружающей средѣ. Подобная разобщенность понятна: точекъ соприкосновенія, общихъ интересовъ — почти никакихъ; къ тому же понятія, нравы, вкусы, міровоззрѣніе тѣхъ и другихъ слишкомъ разнородны и противоположны, чтобы возможно было найти почву для сближенія. Китайскій дворъ и знать, а за ними ученые и чиновничество, даютъ тонъ и показываютъ примѣръ того, какъ должно относиться къ иностранцамъ—прежде всего избѣгать съ ними сношеній, а, въ случаѣ таковыхъ, держать себя съ чванливымъ, пѣтушьимъ высокомѣріемъ. Само собою разумѣется, что положеніе, занятое правительствомъ и гражданами Срединной имперіи, отбило всякую охоту къ сближенію у европейцевъ, которымъ приходится знакомиться съ представителями желтой расы на низшихъ рангахъ—на слугахъ, продавцахъ, поставщикахъ и сяньшенахъ[1]). Посланники европейскихъ державъ и переводчики, правда, находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ китайскими сановниками, но сношенія эти исключительно дѣловыя, неизбѣжныя. Кромѣ официальныхъ посѣщеній цзунъ-ли-ямыня (министерство иностранныхъ дѣлъ) для дѣловыхъ переговоровъ, европейскіе дипломаты и китайскіе сановники дѣлаютъ другъ другу рѣдкіе визиты, напр., для поздравленія съ новымъ годомъ. Визиты совершаются «in corpore», десятью, пятнадцатью сановниками, пріѣзжающими съ великою помпою, въ парадныхъ нарядахъ, и длятся не болѣе получасу; разговоръ во время подобныхъ пріемовъ заключается въ обмѣнѣ холодныхъ учтивостей и банальныхъ вопросовъ, нисколько не интересующихъ собесѣдниковъ. Сановниковъ угощаютъ сластями, ликерами и сладкимъ шампанскимъ, до котораго китайцы большіе охотники. Та же самая процедура, съ тѣмъ же этикетомъ, продѣлывается при посѣщеніи ямыня европейцами. Рѣдкій китайскій сановникъ, или дорожащій репутаціею китаецъ, рѣшится осквернить свое жилище приглашеніемъ туда кого бы то ни было изъ членовъ европейской колоніи. Сдѣлавъ это, онъ прорвалъ бы карантинъ, въ которомъ рѣшено держать иностранцевъ, и возстановилъ бы противъ себя рѣшительно всѣхъ. Маркизъ Цзенгъ, бывшій долгое время посланникомъ въ Европѣ и имѣвшій смѣлость, по возвращеніи въ отечество, выказывать свои симпатіи къ нѣкоторымъ обычаямъ запада (между прочимъ, онъ обзавелся европейскою мебелью и показалъ свою жену иностранцамъ) встрѣтилъ такое порицаніе и протестъ

---

[1]) *Сяньшенъ*—значитъ учитель. Такихъ сяньшеновъ обыкновенно состоитъ нѣсколько при каждой миссіи, для обученія и практики въ китайскомъ языкѣ и для рисованія («словописаніе» къ китайскимъ іероглифамъ непримѣнимо) отвѣтовъ и запросовъ, адресуемыхъ китайскому правительству.

Digitized by Google

со стороны соотечественниковъ, что принужденъ былъ умѣрить свои прогрессивныя стремленія [1]).

Въ настоящее время, среди сыновъ небесной имперіи найдется немало людей, побывавшихъ въ Европѣ и даже нерѣдко прожившихъ въ ней нѣсколько лѣтъ. Живя на западѣ, они невольно заимствуютъ европейскія привычки, пріобрѣтаютъ нѣкоторый наружный лоскъ, а иногда испытываютъ и умственный переломъ; но, по возвращеніи въ отечество, господа эти, дабы не навлечь на себя обвиненія въ неблагонадежности и въ измѣнѣ традиціямъ, сразу сбрасываютъ весь наносный европеизмъ, какъ грязную сорочку. Чтобы показать, что ихъ вовсе не коснулась поганая, варварская цивилизація, они даже утрируютъ свои національныя тенденціи, напропалую ругаютъ все иностранное и превозносятъ свое: такъ великъ страхъ, внушаемый кликою обскурантовъ и невѣждъ, именующею себя ученымъ сословіемъ.

По составу своему, европейская колонія распадается на три части: на дипломатическій корпусъ, на служащихъ въ китайской таможнѣ и на миссіонеровъ—католическихъ и протестантскихъ. Ядромъ колоніи, ея руководящимъ элементомъ является безспорно дипломатическій корпусъ. Что касается миссіонеровъ, то они, въ особенности католики, держатся особнякомъ и почти не принимаютъ участія въ жизни остальнаго европейскаго общества, занимаясь своею неблагодарною задачею пропаганды и просвѣщенія [2]). Европейско-китайская таможня, какъ весьма характерное учрежденіе, заслуживаетъ того, чтобы объ ней сказать нѣсколько словъ. Первый толчокъ къ образованію смѣшанной таможни данъ былъ тайпингскимъ возстаніемъ, когда китайцы, терпя убытокъ въ торговлѣ, вслѣдствіе смутнаго времени, просили европейцевъ взимать пошлину съ товаровъ своихъ соотечественниковъ, за счетъ китайскаго правительства. Опытъ оказался удаченъ и таможенный доходъ въ портахъ сразу увеличился, ибо деньги, вмѣсто того чтобы попадать въ карманы воровatыхъ китайскихъ чиновниковъ, черезъ европейскихъ служащихъ стали полностью поступать въ казну. Въ настоящемъ своемъ видѣ таможня имѣетъ вполнѣ космополитическій характеръ,

---

[1]) Мнѣ передавали также, что маркизъ Цзенгъ, ради удобства и въ подражаніе иностранцамъ, устроилъ въ своей телѣгѣ углубленіе для ногъ (китайская телѣга дѣлается обыкновенно съ плоскимъ дномъ и въ ней сидятъ на корточкахъ, или по турецки, вслѣдствіе чего ноги скоро затекаютъ). Эта смѣлая попытка эмансипировать ноги отъ неудобной позы возбудила ожесточенные крики въ консервативномъ лагерѣ, къ которому, кстати сказать, принадлежитъ 99% населенія. Чтобы успокоить общественное мнѣніе, Цзенгъ прибѣгнулъ къ остроумному обману; сидя въ телѣгѣ, онъ опускалъ ноги въ углубленіе, а пріѣзжая въ ямынь или въ гости, закрывалъ углубленіе доскою. На вопросъ же, почему у него углубленіе, какъ у заморскихъ дьяволовъ, отвѣчалъ, что туда онъ прячетъ дорожныя вещи.

[2]) Католики имѣютъ въ столицѣ четыре собора довольно внушительной архитектуры. При соборахъ есть госпиталь, типографія, школа и пріютъ для дѣтей. Католическіе миссіонеры одѣваются въ китайское платье и носятъ косы.

Digitized by Google

такъ какъ въ ней служатъ лица почти всѣхъ національностей (въ томъ числѣ 4 русскихъ). Главное управленіе съ инспекторомъ во главѣ (Inspector general) находится въ Пекинѣ и подчиняется цзунъ-ли-ямыню, личный же составъ и вообще всѣ внутренніе распорядки, также какъ и состоящія при таможнѣ учрежденія [1]), зависятъ исключительно отъ инспектора, дѣйствующаго безконтрольно. Общее число служащихъ въ таможнѣ равняется четыремъ тысячамъ, изъ которыхъ европейцевъ свыше 700 человѣкъ. Портовыми таможнями управляютъ комисары (commissioners of customs), которые въ крупныхъ портахъ имѣютъ помощниковъ (deputy commissioners). Дѣловыхъ языковъ въ таможенномъ управленія два—англійскій и китайскій; переписка между служащими ведется на первомъ, а счеты, бухгалтерскія книги и другіе документы—на томъ и на другомъ. Жалованье, получаемое европейцами на таможенной службѣ, очень велико; commissioner получаетъ отъ 3 до 4 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (40,000 р.) самъ же инспекторъ—около 200 тысячъ рублей. Своимъ нынѣшнимъ блестящимъ состояніемъ (таможенный доходъ составляетъ четвертую часть общаго дохода имперіи) таможня обязана способностямъ и уму своего инспектора, сэра Роберта Харта, занимающаго этотъ постъ съ 1863 года. За время своего управленія таможнею, сэръ Хартъ съумѣлъ оказать китайскому правительству не только финансовыя, но и политическія услуги: такъ, при его посредничествѣ, заключенъ миръ между Франціею и Китаемъ. Правительство богдыхана, желая показать, что оно умѣетъ цѣнить услуги даже европейца, въ знакъ особаго благоволенія, пожаловало ему желтую курму (почетная награда, очень цѣнимая въ Китаѣ) и возвело его въ княжеское достоинство. Среди европейской колоніи, сэръ Хартъ пользуется заслуженною популярностью, какъ гостепріимный и любезный хозяинъ, вносящій крупную лепту въ дѣло здѣшнихъ развлеченій.

Дипломатическій корпусъ состоитъ изъ десяти миссій: русской (представляющей также Данію), французской, германской, американской, англійской, японской, испанской, итальянской, бельгійской и голландской. Перечисленныя миссіи почти всѣ сосредоточены на одной улицѣ, въ южной части манчжурскаго города, около городской стѣны [2]). Каждая миссія окружена довольно высокою стѣною; къ сожалѣнію, стѣны миссій не соприкасаются, а промежутки между ними застроены грязными китайскими домами и вонючими лавчонками. Въ одномъ мѣстѣ улицу пересѣкаетъ зловонная канава, на днѣ которой журчитъ ручеекъ изъ нечистотъ, а въ

[1]) Въ завѣдываніи таможни находятся маяки китайскаго побережья. Для подготовки китайцевъ, знающихъ европейскіе языки, ею устроена въ столицѣ особая коллегія, гдѣ преподавателями состоятъ иностранцы.

[2]) Пекинъ состоитъ изъ 3 частей: 1) манчжурскій городъ, окруженный стѣною въ 21 версту длиною; 2) китайскій городъ, прилегающій къ южной стѣнѣ манчжурскаго города и также окруженный стѣною; и 3) императорскій городъ, обведенный каналомъ и неизбѣжною стѣною—здѣсь находятся храмы и дворцы богдыхана. Всѣ эти многочисленныя стѣны имѣютъ массу воротъ, которыя на ночь запираются.

Digitized by Google

нихъ полощатся китайчата. Черезъ канаву перекинутъ горбатый мостъ, называемый «яшмовымъ», хотя онъ выстроенъ изъ простаго камня; но ужь таковы китайцы: они любятъ метафоры и даютъ поэтическія названія даже самымъ гадкимъ и гнуснымъ мѣстамъ. Въ виду того, что улица не сплошь занята домами иностранцевъ и служитъ крупною артеріею городскаго движенія, упорядочить ее и содержать въ чистотѣ не представляется никакой возможности, и она сохраняетъ свой китайскій характеръ и омерзительный запахъ. La Grande Rue des Légations, какъ ее съ ироніею называютъ европейцы, представляетъ изъ себя грунтовую дорогу—отъ 4 до 8 сажень ширины, съ выемками, горбами и ямами по бокамъ,—дорогу, покрытую, смотря по сезону, густою грязью или глубокою пылью. Такъ какъ о стокахъ и канализаціи на счастливой родинѣ Конфуція не имѣютъ понятія, то всѣ нечистоты сваливаются на эту злосчастную улицу и здѣсь пожираются живущими на ней паршивыми псами или коршунами и воронами, во множествѣ рѣющими надъ городомъ. Проходящій по дипломатической улицѣ наталкивается на отвратительныя, по крайнему реализму, сцены и испытываетъ тошноту отъ всевозможныхъ гадкихъ запаховъ. На улицѣ этой, напримѣръ, имѣется лавка мясника, который здѣсь же рѣжетъ барановъ, свиней и иную живность, и раскладываетъ трепещущія туши посреди дороги. Около домовъ, а иногда и посреди улицы, почти всегда можно видѣть группы желтокожихъ, скорченныхъ въ классическихъ позахъ совершившагося пищеваренія; окруженные стаями голодныхъ псовъ, ожидающихъ поживы, — съ тупою сонливостью поглядываютъ они на быстро шагающихъ мимо нихъ европейцевъ съ зажатыми носами. Простой народъ, никѣмъ не стѣсняемый, занимается каждый своимъ дѣломъ; нѣкоторые спятъ, покрывшись лохмотьями; другіе закусываютъ подъ навѣсами чадныхъ кухонь ресторановъ; иные услужливо ищутъ другъ у друга насѣкомыхъ и тутъ же ихъ поѣдаютъ; нѣкоторые брѣются, а многіе просто сидятъ въ любимой позѣ китайцевъ—на корточкахъ, покуривая трубки и вперивъ глаза въ пространство. Нагіе нищіе, покрытые корою грязи, проказою и паршею, образуютъ живописныя группы. По улицѣ бродятъ тряпичники, золотари и дѣти, и вмѣстѣ съ разными домашними животными роются въ навозѣ. Однимъ словомъ, жизнь на нашей улицѣ бьетъ ключемъ, но жизнь, какъ видите, несимпатичная, мимо проявленій которой европеецъ проносится вихремъ, чтобы поскорѣе скрыться за воротами гостепріимной миссіи.

На Grande Rue des Légations расположено также нѣсколько домовъ для служащихъ въ таможнѣ, два европейскихъ магазина, столько же гостинницъ (въ обѣихъ, кажется, не болѣе 6 нумеровъ), отдѣленіе гонконгъ-шанхайскаго банка и пекинскій клубъ — ресурсъ здѣшнихъ холостяковъ. Въ небольшомъ зданіи клуба имѣются: биліардъ, читальня (съ преобладаніемъ англійскихъ книгъ и журналовъ) и «bar» т. е. буфетъ съ прохладительными и горячительными напитками. Зимою, во дворѣ клуба устраивается весьма сносный катокъ, а лѣтомъ играютъ въ tennis. Общій типъ и устройство миссій, въ главныхъ чертахъ, одинаковъ. Входъ—съ улицы, черезъ монументальныя, неуклюжія ворота, поддерживаемыя толстыми столбами

Digitized by Google

краснаго цвѣта. Передъ нѣкоторыми воротами поставлены грубо высѣченныя изъ камня фигуры, — не то львовъ, не то бегемотовъ. Почти всѣ дома, занимаемые персоналомъ миссіи, какъ-то секретарями, драгоманами, докторами и студентами [1])—одноэтажные, выстроенные изъ сѣраго кирпича и крытые черепицею. Между домиками пролегаютъ мощеныя дорожки, обсаженныя чахлою и всегда пыльною растительностью. Вообще деревья и трава плохо или совсѣмъ не принимаются въ Пекинѣ, отчасти вслѣдствіе сухости, а также потому, что почва города, на большую глубину состоящая изъ извести и щебня, не даетъ достаточнаго питанія корнямъ. Сады имѣются только во французской миссіи и у инспектора таможни; здѣсь лѣтомъ еженедѣльно играетъ китайскій духовой оркестръ.

Бо̀льшая часть миссій передѣлана изъ китайскихъ домовъ и кумирень, т. е. въ нихъ устроены полы, двери, окна, а въ нѣкоторыхъ потолки (у китайцевъ—бумажные потолки и каменные полы). Новыхъ домовъ, приспособленныхъ къ условіямъ современнаго комфорта, немного—таковые имѣются въ миссіяхъ—японской, англійской, отчасти нашей (домъ посланника) и у служащихъ въ таможнѣ. Хотя въ наружномъ устройствѣ дворовъ и домовъ нѣкоторыя миссіи европеизировались, но почти во всѣхъ сохранились особенности китайской архитектуры—затѣйливые проходы между дворами, круглой, овальной и шестиугольной формы; стѣнки-ширмы для защиты отъ злаго духа; навѣсы на красныхъ столбахъ, искусственные гроты, колонады, галерейки съ прихотливой рѣзьбою и т. д. Во всѣхъ миссіяхъ имѣются колодцы, но вода въ нихъ, также какъ и въ тѣхъ, что̀ находятся на улицѣ, крайне загрязнена и безъ фильтрованія и кипяченія не годится для питья. Дома освѣщаются керосиномъ американскимъ и русскимъ, стоющими очень дорого; въ таможнѣ есть маленькій газовый заводъ, но газъ, въ немъ приготовляемый, идетъ лишь на освѣщеніе таможенныхъ зданій. Читателямъ, вѣроятно, небезъинтересно будетъ узнать, что для всѣхъ иностранцевъ печется ежедневно одинъ сортъ хлѣба изъ европейской муки, причемъ обязанности булочниковъ исполняютъ содержатели двухъ пекинскихъ отелей. Для европейцевъ содержатся нѣсколькими китайцами коровы, дающія довольно плохое молоко, ибо бѣдныя животныя никогда не имѣютъ свѣжаго корма и всю жизнь проводятъ на привязи, на открытомъ воздухѣ. Сами китайцы коровьяго молока совсѣмъ не употребляютъ въ пищу и вообще не знакомы съ молочнымъ хозяйствомъ. Свѣжаго масла, поэтому, достать трудно и для приготовленія кушаній мы пользуемся консервированнымъ гамбургскимъ или французскимъ [2]). Дома̀ отапливаются чу-

[1]) Всего въ Пекинѣ три доктора: нашъ, англійскій и французскій; они же и аптекари. У протестантскихъ миссіонеровъ есть свой врачъ. Студентами миссій называются кандидаты на мѣста переводчиковъ, изучающіе восточные языки.

[2]) Мой знакомый передавалъ мнѣ такой случай. Путешествуя недалеко отъ Пекина, онъ остановился на ночлегъ въ постояломъ дворѣ и тамъ увидѣлъ корову, принадлежавшую, какъ оказалось, хозяину. Желая полакомиться молокомъ, онъ попросилъ хозяина позволить ему подоить корову; но хозяинъ, не

Digitized by Google

гунными печками и каминами; дровяныхъ печей мало, вслѣдствіе дороговизны и рѣдкости дровъ, продающихся на фунты. Уголь привозится изъ окрестныхъ горъ на верблюдахъ и также обходится дорого. Китайская прислуга въ миссіяхъ чрезвычайно многочисленна;—этого требуетъ этикетъ и высокое положеніе посланника, даженя (великій человѣкъ), какъ его называютъ китайцы. Кромѣ поваровъ, старшихъ и младшихъ слугъ, ночныхъ сторожей, каймындъ (привратники), мафу (конюха) дворниковъ, садовниковъ и т. д., имѣется еще цѣлая плеяда куліевъ, помогающихъ перечисленнымъ слугамъ. При нашей миссіи, для цѣлей самозащиты состоитъ, кромѣ того, конвой изъ трехъ казаковъ и одного урядника, присылаемыхъ изъ Сибири на двухлѣтній срокъ. При англійской миссіи, также на случай нападенія, живутъ два старыхъ констэбля. Отъ всѣхъ этихъ туземныхъ слугъ европеецъ (въ особенности, если онъ незнакомъ съ языкомъ) находится въ полной зависимости; они служатъ посредниками между нимъ и другими китайцами, и пользуются своимъ положеніемъ, чтобы эксплуатировать бѣднаго заморскаго варвара. Если вы что нибудь покупаете, то извѣстный процентъ съ заплаченной суммы поступаетъ въ пользу старшаго слуги, «head boy'я», какъ его называютъ англичане; кромѣ того, небольшой процентъ берется младшими слугами, привратникомъ, мафу и др. «Squeeze» (по нашему: выжимка) берется рѣшительно со всего и притомъ съ поразительнымъ цинизмомъ, оправдываемымъ развѣ тѣмъ, что этотъ своеобразный родъ хищенія узаконенъ обычаемъ и открыто практикуется всѣми, начиная съ высшихъ сановниковъ. Слуги берутъ «squeeze» съ купленнаго вами «curio», съ платы за телѣгу или мула, съ цирюльника, обрившаго вамъ бороду. Плотникъ, чинившій вамъ полъ; портной, принесшій вамъ пару «невыразимыхъ»,—всѣ рѣшительно платятъ слугамъ налогъ, возмѣщаемый, конечно, изъ вашего кармана. При этомъ, чѣмъ выше поставленъ европеецъ въ служебномъ отношеніи, тѣмъ больше взимаемый съ него squeeze. Для каждаго—своя такса, и уменьшить ее, или совсѣмъ упразднить, до сихъ поръ не удавалось.

Наша дипломатическая миссія, не отличающаяся ничѣмъ особеннымъ, расположена на вышеупомянутой улицѣ, на мѣстѣ, занятомъ нѣкогда русскою духовною миссіею, перенесенною въ 1861 году въ сѣверо-восточный уголъ столицы. Духовная миссія извѣстна среди русскихъ подъ именемъ сѣвернаго подворья, въ отличіе отъ миссіи дипломатической, называемой южнымъ подворьемъ. Духовная миссія, образовавшаяся первоначально въ XVII вѣкѣ, для нуждъ при-

---

смотря на всѣ поясненія, не могъ понять, чего отъ него хотятъ. Между тѣмъ, собравшаяся вокругъ нихъ толпа начала говорить, что заморскій дьяволъ хочетъ отравить или околдовать животное. Оказалось, что никто изъ мѣстныхъ жителей не зналъ, что коровъ можно доить! Видя столь глубокое невѣжество и не зная, какъ побѣдить страхъ и суевѣріе владѣльца,—мой знакомый предложилъ за корову залогъ въ размѣрѣ ея стоимости, съ тѣмъ чтобы ему разрѣшено было ее подоить. Взглянуть на доеніе собралась вся деревня, но никто не рѣшился попробовать молока, между тѣмъ нѣтъ такой гадости, которую бы не ѣли китайцы.

Digitized by Google

веденныхъ въ столицу плѣнныхъ казаковъ (въ числѣ ихъ былъ священникъ) захваченныхъ китайцами при взятіи крѣпости Албазина, существуетъ здѣсь безъ перерыва слишкомъ 200 лѣтъ [1]). Въ настоящее время, духовная миссія состоитъ изъ четырехъ лицъ—архимандрита и трехъ іеромонаховъ. На обязанности членовъ духовной миссіи лежитъ совершеніе службы въ церквяхъ сѣвернаго и южнаго подворій, и поддержаніе православія среди потомковъ албазинцевъ, которыхъ насчитывается до 400 человѣкъ [2]).

II.

Не смотря на неудобства и непріятныя стороны здѣшней жизни, европейцы веселятся въ Пекинѣ навѣрное болѣе, чѣмъ во многихъ благоустроенныхъ и цивилизованныхъ центрахъ запада. Въ одномъ отношеніи здѣсь плохо,—умственные и духовные интересы, а также и эстетическія развлеченія колоніи, крайне скудны и, по временамъ, нѣкоторая пустота ощущается даже окитаившимися европейцами. Знакомые съ китайскимъ языкомъ или изучающіе его имѣютъ возможность наполнить свое время бесѣдами и занятіями съ сяньшенами, черезъ которыхъ иногда узнаютъ новости придворныя или правительственныя. Профаны же должны довольствоваться чтеніемъ двухъ-трехъ англійскихъ газетъ, издаваемыхъ въ Шанхаѣ, столбцы которыхъ наполнены неинтересными отчетами о засѣданіяхъ тамошнихъ консульскихъ судовъ, преніями муниципалитета, торговыми и морскими извѣстіями, да объявленіями объ аукціонахъ и лучшихъ консервахъ. Изрѣдка шанхайскіе политики разражаются яростными статьями о властолюбіи, вѣроломствѣ и варварствѣ Россіи, и предостерегаютъ Китай противъ козней сосѣдки. Европейскія газеты получаются въ Пекинѣ на 45—50-ыя сутки, а зимою, когда тянь-цзинскій портъ замерзаетъ и почта идетъ съ коннымъ курьеромъ изъ Шанхая,—то и черезъ два мѣсяца. О телеграфѣ лучше не упоминать, ибо пользоваться подводнымъ кабелемъ, при стоимости слова около 4 рублей, можно лишь въ случаѣ крайней необходимости.

Русская почта, черезъ Сибирь и Монголію, приходитъ въ миссію каждые 10 дней. Эта почта находится въ пути между Пекиномъ и Петербургомъ отъ 45 дней до 2-хъ мѣсяцевъ, и называется «легкою», въ отличіе отъ другой, тяжелой, дѣлающей пробѣгъ въ 2 съ половиною мѣсяца и перевозящей болѣе громоздкіе предметы. Какъ легкая, такъ и тяжелая почта, на длинномъ пути изъ Европы въ Азію, испытываетъ множество перегрузокъ и передрягъ. По Монголіи почты идутъ на верблюдахъ, мулахъ, ослахъ и лошадяхъ; по Сибири—въ кибиткахъ, на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ, подвер-

---

[1]) Интересующіеся исторіею нашей духовной миссіи въ Китаѣ могутъ найти свѣдѣнія объ этомъ предметѣ въ статьяхъ бывшаго іеромонаха миссіи, о. Николая Адоратскаго, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1886 и 1887 гг.

[2]) Должность настоятеля нашей духовной миссіи занимаетъ съ 1884 г. архимандритъ Амфилохій Лутовиновъ.

Digitized by Google

гаясь, въ особенности въ пустынѣ Гоби, задержкамъ отъ непогодъ, распутицы, снѣжныхъ заносовъ и иныхъ случайностей. Легкую почту отъ границы Сибири везетъ монголъ, а отъ Калгана—китаецъ; тяжелая слѣдуетъ подъ охраною казаковъ казачьяго забайкальскаго войска. Съ легкою почтою отправляются также телеграммы, которыя попадаютъ на телеграфный аппаратъ въ Троицкосавскѣ на 12—18-ый день по выходѣ изъ Пекина. Конечнымъ пунктомъ русской сухопутной почты въ Китаѣ является Тянцзинъ, а нашимъ почтовымъ и телеграфнымъ дѣломъ завѣдуетъ особый почтовый чиновникъ, состоящій при миссіи. Въ Калганѣ, гдѣ живутъ русскіе купцы, также имѣется русское почтовое отдѣленіе. Эти три пункта—Калганъ, Пекинъ и Тянцзинъ—считаются какъ бы въ предѣлахъ Россіи, и взимаютъ за почтовую корреспонденцію, отправляемую отсюда въ отечество, по внутреннему тарифу.

Какъ видите, новости, получаемыя въ Пекинѣ—не первой свѣжести, но пекинцы не горюютъ и, за неимѣніемъ свѣжаго, довольствуются подогрѣтымъ. Къ тому же, интересъ къ Европѣ, къ тамошнимъ мелкимъ и даже крупнымъ событіямъ, послѣ 2—3 лѣтъ пребыванія на дальнемъ востокѣ, значительно ослабѣваетъ. По пріѣздѣ сюда, удивляешься, какъ могутъ люди, по большей части привыкшіе къ живой лихорадочной жизни запада, находить удовлетвореніе въ здѣшнемъ будничномъ, безцвѣтномъ прозябаніи. Но, съ теченіемъ времени, начинаешь понимать даже такого матёраго старожила, который заявляетъ, что безвыѣздно прожилъ 15 лѣтъ въ китайской столицѣ и что его вовсе не тянетъ на родину. Дѣло въ томъ, что жизнь на востокѣ,—Пекинъ не составляетъ исключенія,—имѣетъ свои преимущества, искупающія многое. Прежде всего, жизнь эта шире въ матеріальномъ отношеніи; а, кромѣ того, представляетъ и нѣкоторое нравственное удовлетвореніе. Всякій европеецъ, какое бы ничтожное соціальное положеніе онъ ни занималъ, по пріѣздѣ сюда, становится чѣмъ-то, только потому что онъ европеецъ. Самая мелкая сошка, не игравшая на родинѣ никакой роли, исчезавшая въ толпѣ—здѣсь, вслѣдствіе малочисленности общества, обособляется, дѣлается не только полноправною, но даже извѣстною и замѣтною. Почти всѣ европейцы, возвращающіеся на родину, единодушно говорятъ, что первое впечатлѣніе, испытываемое ими,—очень непріятно. Тамъ они были на виду и всѣ ихъ знали—на родинѣ же ихъ никто не замѣчаетъ, и такое равнодушіе кажется обиднымъ даже умнымъ людямъ. Подобное ощущеніе должно быть особенно замѣтно послѣ возвращенія изъ Пекина, гдѣ вы пользуетесь даже чрезмѣрнымъ вниманіемъ китайцевъ. Не скажу, чтобы вниманіе это, въ той формѣ, въ которой оно выражается, было всегда пріятно. При проходѣ европейца, китайцы выпучиваютъ глаза, забѣгаютъ впередъ, кривляясь; заглядываютъ ему въ лицо, сопровождая заглядываніе жестами, а иногда и нелестными эпитетами, въ родѣ: «какой скверный чортъ!» или: «посмотрите, у чорта чужая кожа на рукахъ»! (китайцамъ не извѣстны перчатки).

Недостатокъ умственной жизни и эстетическихъ удовольствій пекинцы замѣняютъ иными средствами. Зимою—обѣды, визиты, домашніе спектакли, концерты, балы, костюмированные и простые,

Digitized by Google

чередуются съ головокружительною быстротою. Спортсмены играютъ въ «tennis» и ѣздятъ верхомъ по окрестностямъ,—осматривая ихъ достопримѣчательности. Районъ экскурсій, впрочемъ, значительно сократился, съ тѣхъ поръ какъ правительство богдыхана закрыло иностранцамъ доступъ во всѣ кумирни, представляющія хоть какой нибудь интересъ. Не имѣя въ предѣлахъ столицы другаго мѣста для прогулки, кромѣ описанной Grande Rue des Légations, изобрѣтательные европейцы гуляютъ по городской стѣнѣ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, не видишь отвратительныхъ уличныхъ сценъ, не вдыхаешь ужасныхъ міазмовъ и ходишь, не подвергаясь издѣвательствамъ и наглымъ приставаніямъ желтокожихъ. Стѣна, окружающая Пекинъ, имѣетъ сажень восемь въ вышину и столько же въ ширину. Она возведена около 500 лѣтъ тому назадъ и довольно акуратно ремонтируется. У покатаго подъема на стѣну (такихъ подъемовъ нѣсколько, но всѣ они заложены камнемъ или закрыты рѣшетками), стоитъ развалившаяся фанза сторожа, который, за скромное вознагражденіе въ 10, 15 коп., позволяетъ иностранцамъ взбираться на верхъ. Стѣна заросла деревцами и густымъ терновникомъ, а среди него вьется, переходя справа налѣво, узкая тропинка. Здѣсь-то и прохаживаются, къ великому удивленію китайцевъ, непосѣдливые европейцы, любуясь картиною разстилающагося у ногъ ихъ пыльнаго города, желтыми крышами запрещенной его части (резиденціи императора) и лиловыми зигзагами холмовъ на горизонтѣ. Если на стѣнѣ европейцы избавлены отъ назойливости туземцевъ, зато подъ стѣною должны опасаться ихъ непріязни. Желтокожіе часто забавляются тѣмъ, что бросаютъ въ проходящихъ или проѣзжающихъ иностранцевъ камни, иногда довольно увѣсистые. Этотъ родъ спорта, не смотря на афиши цзунъ-ли-ямыня, въ которыхъ виновнымъ угрожаютъ наказаніемъ (а подъ рукою ихъ поощряютъ), не прекращается. Прогулки по стѣнѣ пріятны, но—какъ пойметъ читатель—крайне монотонны, а потому многіе члены колоніи, превозмогая отвращеніе къ городскимъ клоакамъ, предпочитаютъ ходьбѣ—ѣзду верхомъ. Въ столицѣ Срединной имперіи ѣзда верхомъ служитъ не только полезнымъ моціономъ, но и средствомъ передвиженія, болѣе удобнымъ и пріятнымъ, чѣмъ безресорная двухколесная китайская телѣга. У нѣкоторыхъ европейцевъ, кромѣ телѣгъ, закрытыхъ и открытыхъ носилокъ, имѣются спеціально фабрикуемые для здѣшняго бездорожья догъ-карты и такъ называемыя сибирки—двухколесныя таратайки безъ ресоръ. Вообще ресоры здѣсь не ко двору; даже и въ безресорномъ экипажѣ приходится лавировать съ большой осмотрительностью, чтобы избѣжать огромныхъ ямъ, камней и далеко выдающихся осей китайскихъ телѣгъ.

Пекинцы ѣздятъ на монгольскихъ лошадкахъ (для упряжки употребляютъ муловъ) пригоняемыхъ ежедневно изъ степей. По типу эти лошади не походятъ на своихъ западныхъ собратьевъ; онѣ низкорослы, съ толстою, короткою шеею, и болѣе всего напоминаютъ нашихъ шведокъ. Англичане не удостоиваютъ ихъ даже имени лошади и называютъ пони. Въ Пекинъ для продажи приводятся почти исключительно меринны, не моложе 5—6 лѣтъ. Мнѣ здѣсь часто приходилось видѣть лошадей съ русскимъ товаромъ, вѣроятно, украден-

Digitized by Google

ныхъ у нашихъ пограничныхъ казаковъ и бурятъ. Европеецъ, покупающій «griffin'a» (названіе, даваемое въ Китаѣ лошадямъ, не бывшимъ въ рукахъ иностранцевъ) имѣетъ дѣло съ сырымъ матеріаломъ въ полномъ смыслѣ слова. Покупателю приходится, въ большинствѣ случаевъ, вступать въ борьбу съ четвероногимъ, исподволь пріучать его къ своей наружности, голосу, а, главное, запаху, почему-то дѣйствующему на животное раздражительнымъ образомъ. При первомъ приближеніи европейца, а иногда и китайца, монгольская лошадь почти всегда выказываетъ непріязненность—храпитъ, дергаетъ ушами и, подобно злой собакѣ, бросается укусить. При попыткѣ сѣсть на нее, сопротивленіе становится еще болѣе активнымъ и часто, для приведенія этого въ исполненіе, приходится прибѣгать къ скручиванію ноздрей и къ ущемленію уха.

Лѣтъ 20 тому назадъ, пекинскіе спортсмены, преимущественно англичане, въ подражаніе портовымъ городамъ—Шанхаю, Тянцзину и другимъ—организовали скачки любителей. Въ настоящее время, означенная затѣя получила правильное устройство; скачки происходятъ дважды въ годъ и составляютъ одно изъ любимыхъ развлеченій здѣшней маленькой колоніи. Въ окрестностяхъ города устроенъ ипподромъ съ каменною бесѣдкою, и здѣсь-то члены миссій и служащіе въ таможнѣ, одѣтые въ жокейскія куртки, занимаются благороднымъ состязаніемъ. Въ дни скачекъ, на ипподромъ пріѣзжаютъ рѣшительно всѣ европейцы и нѣкоторые китайскіе сановники, (изъ любителей)—позавтракать на воздухѣ и поиграть на тотализаторѣ. Окрестные холмики и самый кругъ представляютъ довольно оживленный видъ, благодаря множеству китайцевъ, стекающихся поглазѣть, какъ скачутъ заморскіе дьяволы [1]). Китайская публика ведетъ себя шумно, провожая и встрѣчая жокеевъ визгомъ, гикомъ и завываніемъ, но видимо интересуясь рѣдкимъ для нея зрѣлищемъ. Сами китайцы—плохіе кавалеристы, и если ѣздятъ верхомъ, то предпочитаютъ мула или ослика; изъ лошадей же признаютъ только иноходцевъ, за которыхъ платятъ большія деньги. Уходъ китайцевъ за лошадьми ниже всякой критики и это благородное животное, въ ихъ рукахъ, вскорѣ обращается въ какого-то апокалипсическаго звѣря.

При описаніи дипломатической улицы, я упомянулъ о двухъ

---

[1]) Правила скачекъ, установленныя для ипподромовъ въ Китаѣ, взяты изъ общей регламентаціи скачекъ въ Англіи и соблюдаются съ большою строгостью, даже въ Пекинѣ. Вѣсъ, носимый лошадьми, чрезвычайно великъ (4 пуда) и, во всякомъ случаѣ, непропорціоналенъ ихъ росту. Тяжелый вѣсъ объясняется тѣмъ, что всѣ скачки исключительно джентльменскія, и профессіональные жокеи на нихъ не допускаются. Призы образуются изъ подписныхъ денегъ, а также жертвуются посланниками, консулами и китайскими властями, напр., генералъ-губернаторами: «Vice-Roy-Cup», «Taotai-Cup», т. е. чаша вице-короля, чаша даотая. Лучшая рѣзвость монгольской лошади, наблюдавшаяся за послѣднія 20 лѣтъ на китайскихъ ипподромахъ—1 миля (1,600 метровъ) въ 1 м. 59 сек.—Это нельзя не признать весьма удовлетворительною скоростью, въ особенности принявъ во вниманіе ростъ лошадей, несомый ими вѣсъ и то, что скакуны выросли на травѣ и почти не имѣли тренировки.

Digitized by Google

европейскихъ магазинахъ. Хотя магазины дозволены трактатами, чтобы удовлетворять потребностямъ иностранной колоніи, но въ нихъ покупаютъ также и китайцы, для которыхъ въ Европѣ, преимущественно въ Германіи, фабрикуется особый сортъ вещей, приноровленныхъ къ ихъ вкусамъ. Угождать же вкусамъ китайскихъ покупателей нетрудно:—все, что̀ бракуется европейцами за безвкусіе, аляповатость и мишурность, всякая camelotterie, разбирается китайцами, понятія которыхъ о вкусѣ и изяществѣ находятся въ младенческомъ состояніи. Въ этихъ магазинахъ можно найти почти все нужное, но цѣны, благодаря отсутствію конкуренціи—чудовищныя. Многія миссіи, не желая переплачивать 50, 100 %, выписываютъ предметы необходимости, вина и консервы непосредственно изъ Европы. Высокія цѣны здѣшнихъ магазиновъ кажутся еще болѣе высокими отъ способа уплаты; все покупаютъ въ кредитъ и расплачиваются помѣсячно или полугодично чеками. Въ Пекинѣ мало кто изъ иностранцевъ носитъ съ собою деньги:—тяжелые мексиканскіе доллары, обращающіеся въ портахъ и въ столицѣ, прорываютъ карманы, а каракули нечистоплотныхъ бумажныхъ ланъ не всѣмъ понятны, къ тому же среди нихъ много фальшивыхъ [1]). Что же касается китайскихъ чековъ,—мѣдяшекъ съ четырехугольной дырой, то, въ виду ничтожной стоимости (меньше 1/4 коп.), онѣ совсѣмъ неудобны.

Вслѣдствіе малочисленности и моральной замкнутости, въ которой живетъ здѣсь европейская колонія, она раздѣляетъ участь многихъ захолустныхъ провинціальныхъ городковъ, а именно, въ средѣ ея процвѣтаютъ сплетни и доходящее до комизма заглядываніе въ чужую жизнь. По той же причинѣ, пріѣздъ свѣжаго лица—будь то globetrotter, ученый изслѣдователь или вновь назначенный членъ миссіи или таможни, возбуждаетъ всеобщій интересъ. Туристы въ Пекинѣ—рѣдкое явленіе, а тѣ, что̀ появляются, обыкновенно ограничиваются поѣздкою на «великую стѣну» и на кладбища, послѣ чего спѣшатъ покинуть столицу смрада и запустенія. Пріѣздъ или отъѣздъ служащихъ въ миссіяхъ или въ таможнѣ еще потому интересенъ, что вызываетъ устройство аукціоновъ. Послѣдніе являются своего рода раутами, на которыхъ, рядомъ съ иностранцами, пополняющими свою обстановку довольно разношерстными предметами, толпятся, заражающіе воздухъ чесночнымъ запахомъ, косоносцы.

Нѣкоторою эпохою въ жизни колоніи служитъ весенній и осенній пріѣздъ прикащиковъ шанхайскихъ и тянцзинскихъ торговыхъ фирмъ съ товарами. Эти господа, извѣстивъ широковѣщательными рекламами о своемъ прибытіи, къ великой досадѣ пекинскихъ магазиновъ, останавливаются въ гостинницѣ, гдѣ раскладываютъ залежалые предметы, смотрѣть и покупать которые приходятъ почти всѣ. Съ неменьшимъ нетерпѣніемъ выжидается пріѣздъ въ столицу лицъ профессіональныхъ, какъ-то настройщиковъ и дантистовъ, не смотря на то, что эти благодѣтели цѣнятъ трудъ свой ужь черезчуръ высоко. За настройку піанино взимается отъ 15 до 25 рублей, а самое несложное пломбированіе зуба обходится не меньше

[1]) Каждый китайскій банкъ или мѣняльная лавка имѣетъ право выпускать свои деньги, но деньги эти обезпечены только личнымъ довѣріемъ къ банкиру.

Digitized by Google

30 рублей. Что̀ дѣлать, зубная боль—не свой братъ! Артисты и лицедѣи почему-то обѣгаютъ Пекинъ, вѣроятно, боясь путевыхъ трудностей и издержекъ, а, можетъ быть, предполагая, что найдутъ здѣсь мало цѣнителей искусства. По крайней мѣрѣ, за двухлѣтнее пребываніе въ китайской столицѣ мнѣ пришлось видѣть только двухъ артистовъ — русскую піанистку г-жу Дюбуэнъ и какого-то американскаго фокусника.

Перечисляя развлеченія и способы убивать скуку здѣшнихъ европейцевъ, нельзя не упомянуть о коллекціонированіи китайскихъ «curio». Этому интересному занятію предаются почти всѣ: одни собираютъ безъ разбора, какъ попало, чтобы украсить гостинную; другіе—систематически и съ толкомъ, съ цѣлью продать коллекціи въ Европѣ. Пекинъ представляетъ довольно обширное поле для коллекціонеровъ, ибо, кромѣ пріобрѣтенія вещей обыкновеннымъ путемъ, въ лавкахъ, ихъ добываютъ черезъ комисіонеровъ, изъ домовъ и дворцовъ нуждающихся мандариновъ и князей, изъ кумиренъ (Будды), черезъ бонзъ, и изъ закладныхъ лавокъ. Немало curio расхищается слугами послѣ смерти какого нибудь знатнаго лица и затѣмъ перепродается иностранцамъ. Общей участи обкрадыванія не избѣгаетъ и монархъ Срединной имперіи, и, вѣроятно, немало дворцовыхъ вещицъ и вышивокъ фигурируетъ нынѣ въ частныхъ коллекціяхъ европейцевъ. Изъ curio и bibelots цѣнятся больше всего принадлежащія къ древней эпохѣ (временъ богдыхановъ Канси и Цянлунь), ибо граждане Небесной имперіи,—наперекоръ теоріи прогресса,—въ искусствѣ, какъ и во всемъ прочемъ, не усовершенствовались, а ухудшались и, въ концѣ концовъ, вѣроятно, дойдутъ до нуля. Дренажъ китайскихъ curio и вывозъ ихъ изъ страны производится въ обширныхъ размѣрахъ, вотъ уже болѣе 30 лѣтъ, и по нѣкоторымъ отдѣламъ запасъ замѣтно истощился.

Кромѣ произведеній чисто китайскаго искусства — вышивокъ, бронзовыхъ и мѣдныхъ курильницъ, cloisonnés, вещицъ изъ слоновой кости, яшмы, хрусталя, дерева и разнообразнаго фарфора,—встрѣчаешь иногда прекрасную европейскую эмаль. Умѣнье приготовлять эмаль, также какъ множество другихъ ремеслъ и искусствъ, проникло сюда съ іезуитами, но заглохло послѣ ихъ изгнанія изъ страны.

Тѣмъ не менѣе, кое-что уцѣлѣло и теперь старательно разыскивается иностранцами-любителями, изъ которыхъ иные, пользуясь невѣжествомъ китайцевъ, успѣли собрать весьма порядочныя коллекціи эмальированныхъ часовъ, табакерокъ и вазъ. Въ продажѣ имѣются также драгоцѣнные камни, конечно, безъ оправы, ибо этотъ народъ до сихъ поръ не умѣетъ плавить драгоцѣнныхъ металловъ съ лигатурою, и всѣ ихъ золотыя и серебряныя вещи гнутся, какъ воскъ. Къ сожалѣнію, почти всѣ китайскіе жемчуга, рубины и сапфиры просверлены и потому потеряли три четверти цѣнности [1]). По утрамъ, во всѣхъ миссіяхъ появляются торговцы

[1]) Въ отверстія продѣваются нитки, которыми камни прикрѣпляются къ кольцу, серьгѣ, шляпѣ или одеждѣ. Нитка замѣняетъ оправу.

Digitized by Google

съ вышивками, матеріями и «curio», и идетъ торгъ. Торговцы особенно любятъ вновь пріѣзжихъ, не знающихъ толку въ вещахъ, и спускаютъ имъ всякую китайскую дрянь. Само собою разумѣется, что обитатель миссій платитъ за все гораздо больше другихъ европейцевъ.

Зимою и весною, благодаря холоду (до 15° Реомюра) и постояннымъ сильнымъ вѣтрамъ, дующимъ изъ Монголіи, воздухъ столицы, не смотря на неблагопріятныя санитарныя условія—довольно здоровъ; лѣтомъ же, когда начинается дождливый періодъ и почва, состоящая изъ всякой гнили, выдѣляетъ отвратительныя міазмы, Пекинъ становится нестерпимъ, даже для привычныхъ старожиловъ. Иностранцы спасаются отъ городскаго зловонія въ окрестностяхъ, нанимая на 3—4 лѣтнихъ мѣсяца буддистскія кумирни и устраиваясь въ нихъ съ возможнымъ комфортомъ.

Окрестности города, съ юга и юго-востока, довольно безотрадны, въ особенности зимою, когда деревья и земля, лишенные зеленаго убора, представляются взору общипанными и омертвѣлыми. Отсутствіе снѣга придаетъ природѣ еще болѣе обнаженный и жалкій видъ. Вообразите себѣ желтосѣрую (отъ наносной почвы) равнину, усѣянную конусообразными могильными курганчиками, изрытую оврагами и канавами, и пересѣченную во всѣхъ направленіяхъ дорогами, въ видѣ глубокихъ желобовъ. Двигаясь по такой дорогѣ, превращающейся во время дождей въ канаву, не видишь ничего, кромѣ неба и обвалившихся земляныхъ боковъ. По дорогамъ тянутся безконечными вереницами поѣздà Китая—караваны верблюдовъ, нагруженныхъ всевозможными вьюками; трусятъ ослики, скрипятъ тачки и ныряютъ въ глубокихъ ухабахъ громоздкія, безобразныя колымаги, запряженныя дохлыми, замученными мулами. Мѣстность повсюду густо населена; одна деревня почти сливается съ другою, а, кромѣ того, на каждомъ шагу встрѣчаются отдѣльныя фермы, мазанки и постоялые дворы, вокругъ которыхъ всегда толпится много людей и четвероногихъ. Но все это—люди, дома, деревья, дороги—сѣро, бѣдно и дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на самое жизнерадостное настроеніе духа. Монотонность пейзажа нѣсколько оживляется темною зеленью елокъ, осѣняющихъ многочисленныя кладбища, могильными памятниками въ видѣ колоссальныхъ черепахъ или львовъ, мраморными пайлоу (арки) и полуразрушенными кумирнями.

На сѣверѣ и сѣверо-западѣ отъ Пекина окрестности глядятъ живописнѣе; мѣстность становится волнистою и на горизонтѣ вырисовываются очертанія западныхъ холмовъ. Въ этомъ районѣ расположены лѣтній дворецъ императора и паркъ Юань-минъ-юань, гдѣ въ 1860 г. стоялъ лагеремъ англійскій главнокомандующій лордъ Эльджинъ; здѣсь же возвышается поэтическая вершина Ванъ-шушань, съ кумирнею, разрушенною англійскими ядрами, съ безчисленными кіосками, кумиренками, мраморными мостами, арками, пàгодами и иными произведеніями китайской архитектуры, и разстилается озеро лотосовъ—Гунъ-минъ-ху. Кромѣ названныхъ придворныхъ резиденцій, въ долинѣ и по склонамъ холмовъ разбросано большое число буддистскихъ и таоистскихъ кумирень всевозможныхъ величинъ и наименованій. Всѣ онѣ построены въ болѣе или

Digitized by Google

менѣе глубокой древности въ честь разныхъ божествъ китайскаго пантеона — государей, проповѣдниковъ и безкорыстныхъ чиновниковъ, и почти всѣ находятся въ состояніи крайняго запустѣнія. Есть кумирня Великой радости, кумирня Восьми драгоцѣнныхъ вещей, Большаго колокола, Лежащаго Будды, Чернаго дракона и т. под. Устройство и расположеніе этихъ разсадниковъ лѣни и суевѣрія,—да простятъ мнѣ поклонники китайскихъ религіозныхъ культовъ!—за небольшими различіями почти одинаковы. Всѣ кумирни, какъ частныя, такъ и казенныя, состоятъ изъ множества мощеныхъ двориковъ, съ небольшими храмиками посрединѣ, въ которыхъ возсѣдаютъ или возлегаютъ по большей части безобразныя изображенія божествъ изъ глины, дерева, мѣди, иногда колоссальной величины [1]). Передъ этими идолами, въ извѣстные часы дня и ночи, нѣсколько неряшливыхъ хешеновъ (монахи), въ грязныхъ хламидахъ, выкрикиваютъ или читаютъ молитвы подъ акомпанементъ барабана и цимбалъ. Боковыя зданія внутри кумирни, предназначенныя для жилья, устроены, какъ обыкновенные китайскіе дома, съ бумажными окнами и дверьми, кирпичнымъ каномъ (лежанка) и дырявымъ бумажнымъ потолкомъ, по которому галопируютъ крысы, сваливаясь иногда на головы сидящихъ. Такъ какъ почти всегда крыши въ плохомъ состояніи, то во время лѣтнихъ ливней комнаты превращаются въ акваріумы и жильцамъ приходится спасаться отъ наводненія подъ зонтиками или брезентами. Кумирни являются также излюбленнымъ мѣстомъ разныхъ зловредныхъ насѣкомыхъ, какъ-то: скорпіоновъ, угуновъ, стоножекъ, мокрицъ и пр., привлекаемыхъ сыростью [2]).

Не смотря на некомфортабельность жизни въ кумирняхъ, пекинскіе европейцы стремятся туда, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и погулять на просторѣ — удовольствіе, совершенно недоступное въ столицѣ. Число порядочныхъ кумирень, т. е. расположенныхъ на холмахъ и несовсѣмъ развалившихся, ограничено, вслѣдствіе чего, а также вслѣдствіе конкуренціи между собою самихъ иностранцевъ, цѣна на этого рода жилища сильно поднялась [3]). Китайскія же власти, не желая съ своей стороны упустить случая подгадить варварамъ, запретили хешенамъ многихъ кумирень отдавать ихъ внаймы иностранцамъ. Если такое положеніе вещей не измѣнится, т. е. цѣны и непріязнь китайцевъ будутъ идти crescendo, то не далеко время, когда европейцы совсѣмъ лишатся возможности проводить лѣто въ кумирняхъ.

Пекинъ. **И. Коростовецъ.**

---

[1]) Европейцы предпочитаютъ нанимать частныя кумирни; въ нихъ можно жить болѣе самостоятельнымъ образомъ и нѣтъ шумной ночной службы.

[2]) Другое весьма крупное неудобство, которое приходится терпѣть безропотно даже посланникамъ, есть изгнаніе изъ кумирни. Случается, что кому нибудь изъ членовъ императорскаго дома, или изъ князей, приходитъ на умъ посѣтить, ради молитвы, а то просто для пикника, кумирню, въ которой расположился иностранный посланникъ съ своимъ персоналомъ. Европейцевъ, недолго думая, изгоняютъ на день или на два изъ занимаемаго помѣщенія, послѣ чего свита и челядь князя или мандарина, пользуясь отсутствіемъ хозяевъ, конечно, не лишаютъ себя удовольствія порыться въ ихъ вещахъ, все разбросать, разломать, а то и стащить.

[3]) Такъ напримѣръ, русскій посланникъ заплатилъ за наемъ не особенно большой кумирни—525 долларовъ за лѣто, что составитъ около 800 рублей.

Digitized by Google

„Изъ-подъ сѣвернаго неба"...

Изъ-подъ сѣвернаго неба я ушелъ на свѣтлый югъ,
Гдѣ звучнѣе поцѣлуи, гдѣ пышнѣй цвѣтущій лугъ.
Я хотѣлъ забыть о смерти, я хотѣлъ убить печаль,
И умчался беззаботно въ неизвѣданную даль.
Отчего же здѣсь на югѣ мнѣ мерещится мятель,
Снятся снѣжные сугробы, тусклый мѣсяцъ, сосны, ель?
Отчего же здѣсь на югѣ, гдѣ широкъ мечты полетъ,
Мнѣ такъ хочется увидѣть воды, убранныя въ ледъ?
Ахъ, не понялъ я, не понялъ, что съ тоскливою душой
Не должны мы въ даль стремиться, въ край волшебный и чужой!
Ахъ, не понялъ я, не понялъ, что родимая печаль
Лучше, выше и волшебнѣй, чѣмъ чужбины ширь и даль!
Полнымъ слезъ, туманнымъ взоромъ я вокругъ себя гляжу,
Съ юга, съ пламеннаго юга вновь на сѣверъ ухожу.
И какъ узникъ, полюбившій долголѣтній мракъ тюрьмы,
Я отъ солнца удаляюсь, возвращаясь въ царство тьмы.

К. Бальмонтъ.

Digitized by Google

ЛУРДЪ.

Романъ **Эмиля Золя.**

День второй.

V.

Около одиннадцати часовъ вечера, оставивъ де-Герсена у себя въ комнатѣ, въ отелѣ «Явленій», Пьеръ вздумалъ вернуться на минуту въ больницу Скорбящей Божьей Матери, прежде чѣмъ лечь спать. Онъ оставилъ Мари въ такомъ отчаяніи, погруженной въ такое суровое молчаніе, что не на шутку безпокоился, а, разспросивъ г-жу де-Жонкьеръ у дверей палаты св. Гонорины, окончательно испугался, такъ какъ извѣстія были неблагопріятны. Молодая дѣвушка, по словамъ директрисы, не разжимала губъ, не отвѣчала никому, отказываясь даже ѣсть. Поэтому дама-попечительница непремѣнно хотѣла, чтобы Пьеръ вошелъ. Женскія палаты закрыты для мужчинъ въ ночное время, но священникъ—не мужчина.

— Она любитъ васъ, и васъ одного послушается,—прибавила г-жа де Жонкьеръ. — Пожалуйста, войдите, присядьте у ея постели и подождите аббата Жюдена. Онъ долженъ прійти около часу пополуночи пріобщать самыхъ трудныхъ изъ нашихъ больныхъ, которыя не могутъ двигаться и просятъ ѣсть съ самаго утра. Вы поможете аббату.

Пьеръ пошелъ за попечительницей, которая и усадила его у изголовья Мари.

— Милое дитя мое, я привела къ вамъ кого-то, кто очень любитъ васъ. Вѣдь вы поговорите съ нимъ и будете умницей, не такъ ли?

Но больная, узнавъ Пьера, посмотрѣла на него со своимъ страдальческимъ видомъ, полнымъ отчаянія. Ея мрачное, суровое лицо выражало протестъ.

— Хотите, г. аббатъ почитаетъ вамъ что нибудь прекрасное, утѣшительное, какъ тогда въ вагонѣ?.. Нѣтъ? Это не развлечетъ васъ, вамъ не до того?.. Ну, хорошо! Мы посмотримъ потомъ. Я оставляю васъ съ нимъ и увѣрена, что черезъ минуту вы будете совсѣмъ другою.

Digitized by Google

Напрасно Пьеръ заговорилъ съ Мари потихоньку, высказалъ ей все, что̀ братская нѣжность внушила ему добраго и ласковаго, и умолялъ молодую дѣвушку не впадать въ уныніе. Если пресвятая Дѣва не исцѣлила ее въ первый же день, то, вѣроятно, она желаетъ совершить надъ ней какое нибудь поразительное чудо. Но больная отвернула голову и, казалось, даже не слушала, горько сжавъ губы и уставившись раздраженными глазами въ пустое пространство. И Пьеръ принужденъ былъ замолчать; онъ сталъ осматриваться въ палатѣ.

Она представляла страшную картину. Никогда еще не было ему такъ тошно отъ жалости и ужаса. Обѣдъ давно прошелъ, но порціи, принесенныя изъ кухни, валялись на постеляхъ. Въ продолженіе цѣлой ночи нѣкоторыя больныя ѣли, другія безпрестанно охали, прося, чтобы ихъ перевернули на другой бокъ или подали имъ что нибудь. По мѣрѣ того какъ время подвигалось къ полуночи, всѣ онѣ впадали въ легкій бредъ; очень немногія спали спокойно, нѣкоторыя раздѣвались подъ простынями, но большинство лежало прямо сверхъ одѣялъ; ихъ было такъ трудно раздѣть, что слабыя больныя даже не перемѣняли бѣлья во всѣ пять дней богомолья. И тѣснота въ палатѣ казалась какъ будто ещѐ больше въ этой полутьмѣ: пятнадцать коекъ вдоль стѣнъ, семь матрацевъ въ центральномъ проходѣ, еще другія постели, прибавленныя послѣ, груда тряпья безъ названія, посреди котораго громоздился багажъ: старыя корзинки, ящики, чемоданы. Трудно было пробраться между этимъ хламомъ. Два чадныхъ фонаря едва освѣщали этотъ бивакъ умирающихъ; въ особенности запахъ въ палатѣ становился невыносимымъ, не смотря на полуотворенныя окна, откуда проникала только томительная жара августовской ночи. Тѣни, вопли кошмара проносились тутъ, населяли этотъ адъ, въ ночной агоніи столькихъ страданій.

Но вотъ Пьеръ узналъ Реймонду; отбывъ свое дежурство, она зашла проститься съ матерью, прежде чѣмъ отправиться на верхъ, въ одну изъ мансардъ, предназначенныхъ для ночлега сестеръ. Г-жа де Жонкьеръ, принимая близко къ сердцу свои обязанности надзирательницы, не смыкала глазъ всѣ три ночи подъ рядъ. Хотя ей поставили кресло, на которомъ было удобно отдохнуть, но едва она успѣвала присѣсть, какъ ужь ее опять безпокоили. Впрочемъ, ей добросовѣстно помогала маленькая г-жа Дезаньо, одушевленная такимъ восторженнымъ рвеніемъ, что сестра Гіацинта замѣтила ей, улыбаясь:—Отчего бы вамъ не пойти въ монахини?—И та отвѣтила съ растерянным видомъ:—«Ахъ, мнѣ нельзя! Я замужемъ и обожаю моего мужа». Г-жа Вольмаръ такъ и не показывалась. Говорили, что г-жа де-Жонкьеръ отослала ее спать,—до того она жаловалась на жестокую головную боль,—причемъ г-жа Дезаньо сказала,

Digitized by Google

что не надо браться за такое дѣло, какъ уходъ за больными, если не чувствуешь въ себѣ достаточно силы. Однако и у нея руки и ноги были, какъ разбитыя, хотя она не хотѣла въ томъ сознаться, бросаясь къ больнымъ при малѣйшемъ стонѣ и вѣчно готовая на помощь. Эта изнѣженная женщина, которая въ своей квартирѣ въ Парижѣ позвонила бы слугу, еслибъ ей понадобилось переставить съ мѣста на мѣсто подсвѣчникъ, таскала умывальники, выливала тазы, поддерживала больныхъ, беря ихъ въ охабку, пока г-жа де-Жонкьеръ подкладывала имъ за спину подушки. Но когда пробило одиннадцать часовъ, усталость подкосила ее. Неосторожно позволивъ себѣ на минуту вытянуться въ креслѣ, она тотчасъ заснула, какъ убитая, уронивъ на плечо хорошенькую головку съ растрепавшимися восхитительными бѣлокурыми локонами. И уже ни стоны, ни зовъ, никакой шумъ не могли больше ее разбудить.

Г-жа де-Жонкьеръ на цыпочкахъ подошла къ молодому священнику и сказала:

— Я хотѣла послать за Ферраномъ, знаете, за тѣмъ докторомъ, который сопровождаетъ насъ: онъ могъ бы дать бѣдной барышнѣ чего нибудь успокоительнаго. Къ несчастью, Ферранъ занятъ внизу, въ палатѣ семейныхъ, при братѣ Изидорѣ. Кромѣ того, вѣдь вамъ извѣстно, что здѣсь мы не лѣчимъ, а просто сдаемъ нашихъ дорогихъ больныхъ на попеченіе пресвятой Дѣвѣ.

Сестра Гіацинта, рѣшившая провести ночь съ надзирательницей, приблизилась къ говорившимъ.

— Я сейчасъ снизу изъ семейной палаты, куда обѣщала принести апельсиновъ г-ну Сабатье, и видѣла Феррана, которому удалось таки привести въ чувство брата Изидора... Хотите, я схожу за нимъ?

Пьеръ не позволилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Мари образумится. Сейчасъ я ей прочту что нибудь интересное, а потомъ она уснетъ.

Мари по прежнему упорно молчала. Одинъ изъ двухъ фонарей стоялъ по близости, у стѣны, и Пьеръ могъ ясно видѣть ея худенькое личико, точно окаменѣвшее въ своей неподвижности. На койкѣ, рядомъ съ нею, виднѣлась голова Элизы Рукэ, спавшей мертвымъ сномъ, безъ косынки, повернувъ къ верху свое чудовищное лицо, причемъ безобразившая его страшная язва продолжала однако блѣднѣть. По лѣвой сторонѣ отъ Мари лежала г-жа Ветю, ослабѣвшая, отпѣтая, которая не могла заснуть ни на минуту, дрожа въ безпрерывномъ ознобѣ. Аббатъ сказалъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ; она поблагодарила его кивкомъ головы и, собравъ послѣднія силы, прошептала:

— Сегодня совершилось много исцѣленій: я была очень рада.

Digitized by Google

Дѣйствительно, Гривоттъ, которая лежала на матрацѣ, разостланномъ тутъ же на полу у койки г-жи Ветю, то и дѣло вскакивала въ приливѣ лихорадочнаго возбужденія, чтобы повторять всѣмъ и каждому:

— Я исцѣлилась... я исцѣлилась...

И она разсказывала, что съ жадностью съѣла полъ-цыпленка, тогда какъ ничего не брала въ ротъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ, въ продолженіе двухъ часовъ, она шла пѣшкомъ за процессіей съ факелами. Она проплясала бы навѣрно до утра, еслибъ давали балъ.

— Я исцѣлилась, о, совсѣмъ, совсѣмъ исцѣлилась!

Тутъ съ дѣтской ясностью души, съ улыбкой полнаго самоотреченія, г-жа Ветю нашла еще силы замѣтить:

— Пресвятая Дѣва была права, исцѣливъ ее, потому что Гривоттъ бѣдна. Это мнѣ пріятнѣе, чѣмъ еслибъ я выздоровѣла сама; вѣдь у меня есть пока часовой магазинъ и я могу подождать... Каждой своя очередь, каждой своя очередь!

И почти всѣ выказывали то же милосердіе, то же невѣроятное счастье при видѣ исцѣленія другихъ. Больныя рѣдко завидовали; онѣ поддавались чему-то въ родѣ счастливой эпидеміи, заразительной надежды быть исцѣленными, когда святая Дѣва захочетъ этого. Не слѣдовало прогнѣвлять ее, обнаруживать слишкомъ много нетерпѣнія, такъ какъ навѣрно у нея были свои причины начинать съ той страдалицы, а не съ этой. И самыя трудныя больныя молились за своихъ сосѣдокъ, изъ братскаго чувства, порождаемаго страданіемъ и надеждой. Каждое новое чудо было залогомъ слѣдующаго и ихъ вѣра возрождалась непоколебимой. Разсказывали исторію объ одной дѣвушкѣ съ фермы, разбитой параличемъ, которая сверхъестественнымъ усиліемъ воли сдѣлала въ гротѣ нѣсколько шаговъ; потомъ, вернувшись въ госпиталь, она захотѣла опять спуститься, чтобы снова припасть къ стопамъ лурдской Богоматери, но на половинѣ дорогѣ вдругъ зашаталась, стала тяжело дышать, поблѣднѣла; ее принесли обратно на носилкахъ и она умерла, «исцѣлившись», какъ говорили ея сосѣдки въ палатѣ. Каждой свое время! Пресвятая Дѣва не забывала ни одной изъ своихъ любезныхъ дщерей, если только не отверзала немедленно рай своей избранницѣ.

Вдругъ въ ту минуту, когда Пьеръ наклонился къ Мари, предлагая почитать ей вслухъ, она разразилась безумными рыданіями. Дѣвушка уронила голову на плечо своего друга и высказывала свои мятежныя чувства глухимъ, страшнымъ шопотомъ посреди смутныхъ тѣней ужасной палаты. То была,— какъ это иногда случалось съ Мари,—потеря вѣры, внезапный упадокъ мужества, приливъ бѣшенства страждущаго существа, которое не могло больше ждать.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, она не справедлива, если не исцѣлила меня сейчасъ. Я была такъ увѣрена, что она услышитъ меня сегодня! Никогда я не выздоровлю, потому что этотъ первый день теперь кончается. То была суббота, я была увѣрена, что она исцѣлитъ меня именно въ субботу... Я не хотѣла больше говорить, потому что мнѣ слишкомъ тяжело и я наскажу лишняго.

Пьеръ, по братски, съ живостью охватилъ руками ея голову и старался заглушить этотъ мятежный вопль.

— Мари, замолчите, ради бога! Не надо, чтобы васъ слышали... Вы такая набожная, неужели вы хотите привести въ соблазнъ всѣ эти души?

Но она не могла молчать, не смотря на всѣ усилія.

— Нѣтъ, тогда я задохнусь, я должна высказаться... Все это ложь, что̀ разсказываютъ здѣсь: ничего нѣтъ!.. Я хочу уѣхать тотчасъ. Уведите меня отсюда, унесите сейчасъ на рукахъ, чтобы я умерла на улицѣ, гдѣ прохожіе, по крайней мѣрѣ, сжалятся надъ моими страданіями.

Мари ослабѣвала; она опрокинулась навзничъ, съ несвязнымъ лепетомъ, какъ ребенокъ.

— И потомъ никто меня не любитъ. Даже моего отца не было здѣсь. Вы, мой бѣдный другъ, покинули меня. Когда я увидала, что другой везетъ мою тележку къ купелямъ, я почувствовала холодъ во всѣхъ членахъ. Да, то былъ холодъ сомнѣнія, который я часто испытывала въ Парижѣ. И это вѣрно, что я усомнилась и потому не была исцѣлена. Я плохо молилась, я недостаточно праведна...

Мари больше не гнѣвалась, она находила оправданіе небу. Но ея лицо оставалось возбужденнымъ въ этой борьбѣ противъ высшей силы, которую она такъ горячо любила, такъ умоляла и которая не хотѣла ее послушаться. Когда съ больными случались подобныя вспышки бѣшенства и на больничныхъ койкахъ происходили своего рода мятежи, прорывалось отчаяніе, рыданія, даже брань,—дамы-попечительницы и сестры, немного опѣшивъ, ограничивались тѣмъ, что задергивали занавѣси кровати. Благодать удалялась, надо было ожидать ея возвращенія. И потомъ все стихало, умирало на нѣсколько часовъ, въ глубокомъ горестномъ молчаніи.

— Успокойтесь, успокойтесь, заклинаю васъ,—потихоньку повторялъ Пьеръ взволнованной Мари, видя, что съ нею начинается новый кризисъ, припадокъ сомнѣнія въ самой себѣ, боязни не оказаться достойной.

Сестра Гіацинта опять подошла къ нимъ.

— Вамъ нельзя будетъ сейчасъ пріобщиться, если вы не постараетесь выйти изъ этого состоянія, дитя мое... Послушайте, если мы позволяемъ г-ну аббату почитать вамъ книгу, отчего вы не хотите этого?

Digitized by Google

Больная съ видомъ усталости махнула рукой въ знакъ согласія, и Пьеръ поспѣшилъ вынуть у нея изъ чемодана книжечку въ синей оберткѣ, гдѣ была наивно разсказана исторія Бернадетты. Но, какъ и въ предшествующую ночь, на поѣздѣ, онъ не придерживался сокращеннаго текста брошюрки, а разсказывалъ отъ себя, воскрешалъ факты на свой ладъ, чтобы заинтересовать слушавшія его безхитростныя души. Только резонеръ и анализаторъ, сидѣвшій въ немъ, не могъ не возстановлять истины, мысленно передѣлывая по человѣчески для одного себя эту легенду, полную безпрерывныхъ чудесъ, способствовавшихъ исцѣленію больныхъ. Вскорѣ женщины приподнялись со всѣхъ сосѣднихъ матрацевъ. Онѣ хотѣли знать продолженіе разсказа, такъ какъ страстное ожиданіе причастія мѣшало имъ заснуть. И Пьеръ при тускломъ свѣтѣ фонаря, повѣшеннаго на стѣну, мало по малу возвышалъ голосъ, чтобы вся палата могла слышать его чтеніе.

«Съ первыхъ же чудесъ начались преслѣдованія: Бернадетту называли лгуньей, сумашедшей и грозили ей тюрьмою. Аббатъ Пейрамаль, приходскій священникъ Лурда, и монсеньоръ Лорансъ, епископъ тарбскій, какъ и все прочее духовенство, держались въ сторонѣ, съ величайшей осторожностью выжидая, что будетъ дальше; зато гражданскія власти—префектъ, императорскій прокуроръ, мэръ, полицейскій комисаръ—высказывали самое прискорбное рвеніе, позволяя себѣ рѣзкія нападки на религію»...

Пока Пьеръ продолжалъ такимъ образомъ, онъ мысленно видѣлъ настоящую исторію, неотвязно возставшую передъ нимъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Онъ возвращался немного назадъ и представлялъ себѣ Бернадетту въ моментъ первыхъ явленій, такую невинную, прелестную въ своемъ невѣдѣніи, чистосердечіи и страданіи. Да, она была ясновидящей, святою; ея лицо въ минуты экстаза преображалось неземной красотой: чело сіяло, черты одушевлялись, глаза проникались свѣтомъ, тогда какъ полураскрытыя уста пылали любовью. Какое величіе было во всей ея фигурѣ; необыкновенно благородно, медленно творила она крестное знаменіе, какъ будто охватывая этимъ жестомъ весь горизонтъ. Въ сосѣднихъ долинахъ, деревняхъ, городахъ только и толковали о Бернадеттѣ. Въ слѣдующій базарный день сошлось столько народу, что Лурдъ не могъ вмѣстить его. Всѣ желали видѣть благословеннаго ребенка, избранницу царицы ангеловъ, становившуюся такой прекрасной, когда небеса отверзались передъ ея восхищеннымъ взоромъ. Каждое утро толпа увеличивалась на берегу Гава и тысячи собравшихся кончали тѣмъ, что располагались тамъ и тѣснили другъ друга, чтобы не пропустить ничего изъ интереснаго зрѣлища. Едва появлялась Бернадетта, какъ по рядамъ пробѣгалъ

Digitized by Google

восторженный шопотъ:—«Вотъ святая, святая, святая»! Къ ней бросались, лобызали ея одежду. То былъ Мессія, вѣчный Мессія, ожидаемый народами, потребность въ которомъ возрождается безпрестанно черезъ всѣ поколѣнія. Тутъ повторялось опять обычное приключеніе: явленіе Божьей Матери пастушкѣ, голосъ, призывавшій міръ къ покаянію, источникъ, брызнувшій изъ земли, чудеса, которыя удивляли и поражали несмѣтныя толпы, возраставшія все болѣе и болѣе.

Ахъ, эти первыя лурдскія чудеса, какой это былъ весенній расцвѣтъ утѣшенія и надежды въ сердцѣ убогихъ, снѣдаемыхъ нищетой и болѣзнью! Исцѣленный глазъ старика Бурріэта, мальчикъ Бугогоръ, воскресшій въ ледяной водѣ, глухіе, получавшіе слухъ, хромые, принимавшіеся ходить, становились предметомъ безконечныхъ разговоровъ, возбуждали сладкія мечты во всѣхъ тѣхъ, кто страдалъ душевно или тѣлесно. Въ четвергъ, 4-го марта, въ послѣдній день пятнадцати посѣщеній, которыхъ потребовала Богородица, собралось болѣе двадцати тысячъ народа передъ пещерой; все населеніе горъ спустилось къ ней. И эта несмѣтная толпа находила тамъ, чего алкала: насыщеніе божественнымъ, пиръ чудеснаго, достаточно невозможнаго, чтобы утолить ея вѣру въ высшее могущество, которое удостоиваетъ заняться бѣдными людьми, вмѣшивается явнымъ образомъ въ плачевныя земныя дѣла, чтобы возстановить въ нихъ немного справедливости и доброты. То былъ голосъ божественнаго милосердія, невидимая рука помощи, простиравшаяся наконецъ, чтобы перевязать вѣчную рану человѣчества. Ахъ, эта мечта, которую каждое поколѣніе лелѣяло въ свою очередь,—съ какой неискоренимой энергіей выростала она вновь у обездоленныхъ, едва находила благопріятную почву, подготовленную обстоятельствами! И, пожалуй, уже нѣсколько столѣтій подъ рядъ факты не соединялись всѣ такъ удачно, чтобы зажечь яркимъ пламенемъ, какъ въ Лурдѣ, мистическій очагъ вѣры.

Готовилась основаться новая религія и тотчасъ начались преслѣдованія, потому что религіи выростаютъ среди смутъ и мятежей. Гражданскія власти взволновались и засуетились: императорскій прокуроръ, мировой судья, мэръ, а въ особенности префектъ Тарба. Послѣдній какъ разъ оказался искреннимъ католикомъ, человѣкомъ богомольнымъ и абсолютной честности, но со свѣтлой головой администратора, страстный защитникъ добраго порядка, ярый противникъ фанатизма, порождающаго бунты и религіозныя извращенія. Въ Лурдѣ подъ его начальствомъ состоялъ полицейскій комисаръ, живой, находчивый, который, съ точки зрѣнія законности, видѣлъ здѣсь благопріятный случай отличиться, выказавъ даръ ловкой проницательности. И борьба началась. Этотъ комисаръ въ первое

Digitized by Google

же воскресенье поста, при началѣ таинственныхъ явленій, потребовалъ Бернадетту къ себѣ въ кабинетъ для допроса. Онъ обошелся съ ней сперва очень ласково, потомъ разсердился, сталъ угрожать; но ему не удалось добиться отъ дѣвочки ничего, кромѣ однихъ и тѣхъ же отвѣтовъ. Исторія, которую она разсказала, съ медленно прибавляемыми подробностями, мало по малу неизгладимо запечатлѣлась въ ея ребяческомъ мозгу. И у страждущаго существа, подверженнаго истеріи, все это не было ложью, а безсознательной неотвязной идеей,—при полномъ отсутствіи воли,—чтобы избавиться отъ своей первоначальной галлюцинаціи. О, бѣдное, милое дитя, такое кроткое, неспособное ни къ какой дурной мысли, погибшее съ этихъ поръ для жизни, распинаемое неотвязной идеей, отъ которой ее можно было бы избавить, только переселивъ въ другую среду, предоставивъ ей пользоваться чистымъ загороднымъ воздухомъ въ какой нибудь странѣ съ яснымъ солнцемъ, гдѣ Бернадетту окружала бы любовь. Но она была избранницей, она видѣла пресвятую Дѣву и ей предстояло страдать изъ-за этого всю жизнь и изъ-за того же умереть.

Пьеръ, хорошо понимавшій Бернадетту и питавшій братскую жалость къ ея памяти, благоговѣніе, какъ къ святой въ человѣческомъ образѣ, къ существу простому, прямодушному и прелестному въ этой пыткѣ вѣры, обнаружилъ свое волненіе слезами на глазахъ и дрожью въ голосѣ. Наступила пауза. Мари лежала до сихъ поръ, вытянувшись, съ суровымъ лицомъ, выражавшимъ гнѣвный протестъ; теперь она разняла стиснутыя руки и сдѣлала неопредѣленный жестъ сожалѣнія.

— Ахъ,—прошептала больная,—бѣдная малютка, одна противъ всѣхъ этихъ судей, и такая невинная, такая гордая, убѣжденная!

Со всѣхъ коекъ неслась та же страдальческая симпатія. Адъ этой палаты, въ ея ночномъ унынiи, съ ея зараженнымъ воздухомъ, съ кучей убогихъ одровъ болѣзни, съ призрачнымъ мельканьемъ взадъ и впередъ попечительницъ и монахинь, разбитыхъ усталостью,—какъ будто освѣтился блескомъ божественнаго милосердія. Бѣдная, бѣдная Бернадетта! Всѣ возмущались преслѣдованіями, которымъ она подвергалась, настаивая на дѣйствительности своего видѣнія. Тогда Пьеръ, приступивъ къ продолженію исторіи, разсказалъ, какъ много пришлось выстрадать Бернадеттѣ. Послѣ допроса полицейскаго комисара, ее потребовали еще въ судъ. Весь судебный персоналъ съ ожесточеніемъ старался сбить ее въ показаніяхъ. Но упорство ея мечты было сильнѣе разума всѣхъ гражданскихъ властей, вмѣстѣ взятыхъ. Два доктора, командированныхъ префектомъ для тщательнаго освидѣтельствованія ребенка, добросовѣстно показали,—какъ сдѣлалъ бы и всякій другой врачъ на ихъ мѣстѣ,—

Digitized by Google

что дѣвочка подвержена нервному разстройству, вѣрнымъ признакомъ котораго служила астма, и это разстройство при извѣстныхъ условіяхъ могло привести къ галлюцинаціямъ. Бернадетту вздумали помѣстить въ больницу въ Тарбѣ, но не рѣшились взять ее силой, боясь взбунтовать народъ. Одинъ епископъ явился, чтобы поклониться ей до земли. Нѣкоторыя барыни хотѣли пріобрѣсти отъ нея благодать цѣною золота. Возрастающія массы вѣрующихъ докучали ей посѣщеніями. Она удалилась къ неверскимъ сестрамъ, которыя служили при городской богадѣльнѣ, и здѣсь Бернадетта въ первый разъ приняла св. причастіе, здѣсь же съ трудомъ училась она читать и писать. Такъ какъ пресвятая Дѣва, казалось, избрала ее только ради счастья другихъ и не подавала ей самой исцѣленія отъ хроническаго удушья, то дѣвочку благоразумно рѣшили отвезти на воды Котрэ, которыя однако не принесли ей никакой пользы. А съ возвращеніемъ въ Лурдъ мука допросовъ, поклоненій цѣлаго народа началась опять, усилилась и внушила Бернадеттѣ окончательное отвращеніе къ свѣту. Все было кончено, она не могла больше быть игривой дѣвочкой, молодой дѣвушкой, мечтающей о замужствѣ, молодой матерью, цѣлующей пухленькія щочки младенцевъ. Она видѣла Богоматерь, она была избранницей и мученицей. «Царица небесная,—говорили вѣрующіе,—открыла ей три тайны, вооруживъ ее этою тройною бронею только для того, чтобы поддержать среди испытаній».

Долгое время духовенство не сдавалось, мучимое сомнѣніемъ и тревогой. Приходскій священникъ въ Лурдѣ, аббатъ Пейрамаль, былъ человѣкъ суровый по наружности, но безконечной доброты, изумительно прямодушный и энергичный, если онъ чувствовалъ себя на прямой дорогѣ. Когда Бернадетта пришла къ нему въ первый разъ, онъ принялъ почти также сурово, какъ полицейскій комисаръ, этого ребенка, воспитаннаго въ Бартресѣ и никогда не являвшагося къ нему на уроки катехизиса; священникъ отказался вѣрить ея исторіи и съ оттѣнкомъ ироніи велѣлъ Бернадеттѣ молить являвшуюся ей жену, чтобы та заставила прежде всего расцвѣсти кустъ шиповника у ея ногъ, чего она, впрочемъ, не сдѣлала. Если впослѣдствіи онъ кончилъ тѣмъ, что взялъ дѣвочку подъ свое покровительство, какъ добрый пастырь, защищающій свое стадо, то это случилось уже послѣ начала преслѣдованій, когда стали толковать о томъ, чтобы заключить въ тюрьму это тщедушное созданіе, съ такими ясными, откровенными глазами, съ упрямымъ разсказомъ, полнымъ застѣнчивой кротости. А потомъ,—зачѣмъ ему было упорствовать въ отрицаніи чуда, если онъ просто сомнѣвался въ немъ, какъ осторожный священникъ, который не желаетъ примѣшивать религію къ сомнитель-

Digitized by Google

ному приключенію? Священныя книги полны чудесъ; каждый догматъ основанъ на тайнѣ. Съ этихъ поръ, въ глазахъ священника ничто не опровергало того, что пресвятая Дѣва дала этой набожной дѣвочкѣ порученіе къ нему, требуя, чтобы онъ выстроилъ церковь, куда вѣрующіе будутъ стекаться въ торжественной процессіи. Такимъ образомъ, онъ сталъ любить и защищать Бернадетту, за ея прелесть, по прежнему тактично держась въ сторонѣ, въ ожиданіи, какъ рѣшитъ епископъ.

Этотъ епископъ, монсеньоръ Лорансъ, какъ будто заперся въ глубинѣ своего тарбскаго епископства за тройными затворами, храня полнѣйшее молчаніе, точно въ Лурдѣ не происходило ничего, способнаго заинтересовать его. По его строгимъ предписаніямъ, ни одинъ священникъ изъ его подчиненныхъ не показывался еще среди несмѣтныхъ массъ народа, проводившихъ цѣлые дни передъ пещерой. Онъ выжидалъ и велѣлъ сообщить префекту въ административномъ циркулярѣ, что гражданская власть дѣйствуетъ согласно съ церковною. Въ глубинѣ души онъ, должно быть, не вѣрилъ явленіямъ и, конечно, видѣлъ въ нихъ, подобно докторамъ, только галлюцинаціи больной дѣвочки. Происшествіе, взволновавшее весь край, было достаточно важно, чтобы онъ велѣлъ тщательно разслѣдовать его изо дня въ день, а его долговременная сдержанность въ этомъ дѣлѣ доказываетъ, какъ мало онъ допускалъ мнимое чудо, заботясь только о томъ, чтобы не скомпрометировать церковь этой исторіей, которая должна дурно кончиться. Монсеньоръ Лорансъ, очень набожный, обладалъ холоднымъ практическимъ умомъ, внося въ управленіе своей епархіей много здраваго смысла. Въ ту эпоху, нетерпѣливые и пылкіе люди прозвали его Ѳомой невѣрнымъ, за то что онъ упорствовалъ въ своемъ сомнѣніи до того дня, когда обстоятельства принудили его дѣйствовать. Онъ ничего не хотѣлъ знать, твердо рѣшившись уступить лишь въ томъ случаѣ, если религія ничего не потеряетъ отъ этого.

Между тѣмъ, преслѣдованія усиливались. Министръ исповѣданій въ Парижѣ, услыхавъ о томъ, что творится, потребовалъ прекращенія безпорядковъ, и префектъ распорядился отрѣзать путь къ пещерѣ, поставивъ здѣсь солдатъ. Усердіе вѣрующихъ и благодарность исцѣленныхъ уже успѣли украсить гротъ вазами цвѣтовъ. Туда бросали монеты, и приношенія Богоматери стекались отовсюду. Кромѣ того, сами собой стали устраиваться кое-какія первоначальныя улучшенія: каменоломы вытесали въ скалѣ нѣчто въ родѣ резервуара для стока чудотворной воды; другіе удаляли большіе камни, прокладывая дорогу по склону холма. И, лицомъ къ лицу съ этой возрастающей толпой почитателей, префектъ, отказавшись отъ ареста Бернадетты, рѣшилъ преградить доступъ къ пещерѣ, заколотивъ

Digitized by Google

ее толстыми досками. Его распоряженіе вызвало самыя непріятныя послѣдствія; деревенскія дѣти увѣряли, будто бы видѣли воочію дьявола; у однихъ это было притворствомъ, но другіе подвергались настоящимъ припадкамъ, заразившись нервнымъ разстройствомъ, вѣявшимъ въ этомъ краю. А чего стоило опростать пещеру! Только къ вечеру комисаръ нашелъ дѣвушку, которая согласилась уступить ему за деньги телѣжку; но однако, два часа спустя, она упала и переломила себѣ ребро. Крестьянинъ, ссудившій топоръ, пострадалъ еще хуже: упавшимъ камнемъ ему раздробило ногу. Въ сумерки комисару удалось унести подъ градомъ угрозъ, подъ свистками и издѣвательствами, лишь нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, нѣсколько зажженныхъ въ пещерѣ восковыхъ свѣчъ, мѣдныхъ монетъ и серебряныхъ сердечекъ, брошенныхъ на песокъ. Толпа сжимала кулаки и бранила его сквозь зубы воромъ и разбойникомъ. Потомъ были вбиты въ землю столбы и приколочены гвоздями доски,—важная работа, предпринятая съ цѣлью запереть тайну, заградить неизвѣстное, заточить чудо въ темницу. И гражданскія власти имѣли наивность думать, что этимъ все кончено, что нѣсколько досокъ остановятъ бѣдныхъ людей, алчущихъ иллюзіи и надежды.

Едва новая вѣра подверглась изгнанію, была запрещена закономъ, какъ преступленіе,—она вспыхнула неугасимымъ пламенемъ въ глубинѣ душъ. Вѣрующіе по прежнему продолжали стекаться къ мѣсту поклоненія въ еще бо̀льшемъ числѣ, становились на колѣни поодаль и рыдали передъ своимъ закрытымъ небомъ. А больные, въ особенности бѣдные больные, которымъ варварское распоряженіе мѣшало исцѣлиться, рвались впередъ, не смотря ни на какое запрещеніе, пролѣзали въ щели, преодолѣвали препятствія, одушевляемые единственнымъ пламеннымъ желаніемъ украсть воды. Какъ? тутъ была чудесная вода, возвращавшая зрѣніе слѣпымъ, воздвигавшая калѣкъ, моментально облегчавшая всѣ недуги—и нашлись люди, достаточно жестокіе, которые заперли эту воду подъ замокъ, чтобы она перестала исцѣлять бѣдняковъ. Но вѣдь это чудовищно! Вопль негодованія раздавался изъ среды мелкаго люда, изъ устъ всѣхъ обиженныхъ судьбою, которые нуждались въ чудесномъ настолько же, какъ въ хлѣбѣ, чтобы жить. Въ силу постановленія властей, надо было составлять протоколы, привлекая къ отвѣтственности нарушителей порядка — и вотъ на судъ стали являться жалкія вереницы старухъ, хромыхъ, убогихъ, виновныхъ въ томъ, что они черпали изъ источника жизни. Они несвязно бормотали оправданія, молили о пощадѣ, не понимая, за что на нихъ налагаютъ штрафы. А за стѣнами суда слышался грозный ропотъ толпы; жестокое озлобленіе росло противъ этихъ суровыхъ судей, не имѣвшихъ сострада-

Digitized by Google

нія къ человѣческому бѣдствію, противъ этихъ безжалостныхъ господъ, которые, забравъ всѣ богатства, не хотѣли оставить бѣднякамъ даже мечты о лучшемъ мірѣ, вѣры въ то, что высшая и милосердная сила печется о нихъ съ материнскою заботливостью, возвращая имъ душевный міръ и тѣлесное здоровье. Въ одно пасмурное утро толпа оборванцевъ и больныхъ отправилась къ мэру; они стали на колѣни во дворѣ и, рыдая, заклинали его, чтобъ онъ приказалъ открыть пещеру. То, что они говорили, было такъ жалостно, что всѣ присутствующіе плакали. Одна мать принесла полумертваго ребенка: неужели ему дадутъ угаснуть такимъ образомъ у нея на груди, когда подъ бокомъ былъ источникъ, который спасъ малютокъ для другихъ матерей? Слѣпой показывалъ свои мутные глаза, блѣдный золотушный мальчикъ открывалъ язвы на ногахъ, параличная женщина старалась сложить съ мольбою свои сведенныя руки: неужели всѣхъ ихъ обрекли на гибель, отнимая у нихъ божественную возможность жить, если они покинуты наукой? И отчаяніе вѣрующихъ было велико, отчаяніе всѣхъ тѣхъ, которые были убѣждены, что для нихъ открылся уголокъ неба во мракѣ ихъ существованія; они возмущались тѣмъ, что у нихъ отнимали эту радость, это небесное облегченіе ихъ личныхъ и общественныхъ золъ, заключавшееся въ увѣренности, что пресвятая Дѣва снизошла на землю, желая принести имъ безконечную сладость своего заступничества. Мэръ не могъ ничего обѣщать и толпа удалилась въ слезахъ, готовая взбунтоваться, видя въ распоряженіяхъ властей одну страшную несправедливость, нелѣпую жестокость противъ убогихъ и смиренныхъ, что должно было вызвать небесную кару.

Нѣсколько мѣсяцевъ продолжалась борьба. Странно было видѣть этихъ людей со здравымъ смысломъ: министра, префекта, полицейскаго комисара, одушевленныхъ, конечно, самыми лучшими намѣреніями, но воевавшихъ съ постоянно растущей толпой отчаявшихся, которые не соглашались, чтобы передъ ними заперли врата мечты, мистическій ходъ къ будущему блаженству, гдѣ они утѣшались въ бѣдствіяхъ своей ужасной теперешней жизни. Власти требовали порядка, мудрой религіи, торжества разума, тогда какъ потребность счастья увлекала народъ, экзальтируя его желаніемъ спастись въ этомъ и грядущемъ мірѣ. О! не страдать болѣе, достичь равенства въ благосостояніи, шествовать отнынѣ лишь подъ покровительствомъ справедливой и благой Матери, и умереть лишь для того, чтобы пробудиться на небесахъ! Именно это пламенное желаніе массъ, это святое безуміе всеобщей радости должно было смести прочь суровый и мрачный складъ понятій благоустроеннаго общества, гдѣ эпидемическіе кризисы религіозныхъ движеній осуждаются, какъ посягательство на спокойствіе здравыхъ умовъ.

Digitized by Google

Въ этотъ часъ, слушая чтеніе Пьера, вся палата св. Гонорины взбунтовалась. Аббатъ былъ принужденъ умолкнуть, слыша подавленные негодующіе возгласы больныхъ, бранившихъ комисара—сатаною и Иродомъ. Гривоттъ привстала на своемъ матрацѣ, бормоча:

— Ахъ, изверги! А вѣдь милосердная Богоматерь исцѣлила же меня!

Даже г-жа Ветю, вернувшаяся къ надеждѣ отъ смутнаго убѣжденія въ близости своего конца, сердилась при мысли, что еслибъ префектъ взялъ верхъ, то пещеры теперь не существовало бы.

— Тогда, значитъ, не было бы и паломничествъ, мы не пріѣзжали бы сюда, чтобы исцѣляться сотнями ежегодно?— спрашивала она.

Съ ней сдѣлался приступъ удушья и сестрѣ Гіацинтѣ пришлось посадить ее на постели. Г-жа де-Жонкьеръ воспользовалась перерывомъ, чтобы подложить тазъ молодой женщинѣ, страдавшей сухоткой спиннаго мозга. Двѣ другихъ больныхъ не могли оставаться на койкахъ отъ невыносимой жары и неслышно бродили тихими шажками, страшно блѣдныя, среди дымчатыхъ тѣней. На краю палаты раздавалось въ потемкахъ тяжелое дыханіе, которое не прекращалось, сопровождая чтеніе Пьера, точно предсмертное хрипѣніе. Одна Элиза Рукэ, лежа навзничъ, крѣпко спала, выставляя на видъ свою страшную язву, начинавшую подсыхать.

Было четверть перваго и аббатъ Жюденъ могъ прійти съ минуты на минуту со св. дарами. Благодать возвращалась въ сердце Мари; теперь она была убѣждена, что если пресвятая Дѣва отказывалась ее исцѣлить, то по ея же собственной винѣ, такъ какъ она усомнилась, входя въ купель. И дѣвушка раскаивалась въ своей мятежной вспышкѣ, какъ въ преступленіи: будетъ ли она когда нибудь прощена? Ея поблѣднѣвшее лицо осунулось въ рамкѣ прекрасныхъ бѣлокурыхъ волосъ, глаза наполнились слезами; она смотрѣла на Пьера, убитая и растерянная.

— О, другъ мой, какая я была дурная! Только слушая о томъ, какъ согрѣшили въ своей гордости этотъ префектъ и эти судьи, я поняла свою вину... Надо думать, дорогой Пьеръ, что нѣтъ счастія внѣ вѣры и любви.

Потомъ, когда аббатъ рѣшилъ остановиться на этомъ мѣстѣ разсказа, больныя пристали къ нему, прося его продолжать. И онъ обѣщалъ дойти до торжества святой пещеры. Она стояла, по прежнему загороженная, такъ что надо было приходить ночью, потихоньку, чтобы молиться и украдкой доставать воду. Между тѣмъ боязнь бунта все возрастала; носились слухи, будто бы цѣлыя горныя деревни собирались спуститься съ

Digitized by Google

высотъ на освобожденіе Господа. То было массовое возстаніе убогихъ, такой неодолимый натискъ алчущихъ чуда, что простой здравый смыслъ и добрый порядокъ могли быть сметены, какъ солома. Монсеньоръ Лорансъ въ своемъ тарбскомъ епископствѣ принужденъ былъ сдаться первымъ. Вся его осторожность, всѣ сомнѣнія были подавлены народнымъ движеніемъ. Онъ могъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ держаться въ сторонѣ, препятствовать своему духовенству слѣдовать за вѣрующими къ пещерѣ, защищать церковь противъ этого неудержимаго вѣянія суевѣрія. Но къ чему бороться дольше? Онъ сознавалъ, какъ велики нищета и скорбь его паствы, и покорился необходимости разрѣшить ей культъ, котораго она такъ сильно алкала. Однако, остатокъ осмотрительности подсказалъ ему, чтобы онъ ограничился на первыхъ порахъ только назначеніемъ комисіи для разслѣдованія дѣла: это было уже признаніемъ чуда черезъ болѣе или менѣе долгій срокъ. Если монсеньоръ Лорансъ былъ человѣкомъ здравой культуры, холоднаго разсудка,—можно представить себѣ его тревогу въ то утро, когда онъ подписывалъ приказъ. Вѣроятно, онъ опустился на колѣни въ своей молельнѣ и молилъ Бога, владыку міра, просвѣтить его. Онъ не вѣрилъ въ видѣнія Бернадетты и имѣлъ болѣе возвышенное, болѣе духовное понятіе о проявленіи божества. Но не слѣдовало ли, изъ состраданія и милосердія, заглушить доводы собственнаго разума, поступиться благородствомъ собственнаго культа, передъ необходимостью дать алчущимъ тотъ хлѣбъ, въ которомъ бѣдное человѣчество нуждается, чтобы жить счастливо? И епископъ, въ слезахъ, сдѣлалъ уступку своему трепетному милосердію пастыря къ жалкому человѣческому стаду.

Потомъ императоръ, повелитель, сдался въ свою очередь. Онъ былъ тогда въ Біаррицѣ, гдѣ его ежедневно увѣдомляли объ этой исторіи въ Лурдѣ, которой занимались всѣ парижскія газеты, потому что гоненіе не было бы полнымъ, еслибъ къ нему не примѣшались чернила журналистовъ вольтерьянской окраски. И пока его министръ, его префектъ, его полицейскій комисаръ воевали, защищая здравый смыслъ и добрый порядокъ, императоръ хранилъ упорное молчаніе спящаго съ открытыми глазами, непонятное никому. Петиціи поступали ежедневно, а онъ молчалъ. Пріѣзжали епископы, важныя лица; знатныя дамы его двора подстерегали удобную минуту, приставали къ нему, а онъ молчалъ. Цѣлая война вспыхнула вокругъ его авторитета,—съ одной стороны вѣрующіе или просто мечтательныя головы, которыхъ экзальтировала тайна; съ другой,—невѣрующіе, государственные люди, относившіеся скептически къ болѣзненной игрѣ воображенія; а онъ все отмалчивался. И вдругъ этотъ застѣнчивый человѣкъ неожиданно

Digitized by Google

заговорилъ! Пронесся слухъ, будто бы на него подѣйствовали мольбы императрицы. Она, конечно, принимала здѣсь участіе, но главная суть была въ томъ, что у императора проснулась его давнишняя гуманная мечта, его на самомъ дѣлѣ искреннее состраданіе къ обиженнымъ судьбою. Подобно епископу, онъ не захотѣлъ запирать передъ убогими врать надежды, поддерживая непопулярныя распоряженія префекта, запрещавшаго больнымъ пить жизнь у святаго источника. И Наполеонъ III отправилъ въ Лурдъ телеграмму, краткій приказъ—снять загородку, чтобы доступъ къ пещерѣ былъ свободенъ.

Тутъ грянула «осанна»,—громогласный тріумфъ. Новое распоряженіе было объявлено во всеуслышаніе на лурдскихъ площадяхъ, подъ бой барабана и звуки трубъ. Полицейскій комисаръ собственной персоной долженъ былъ приступить къ разборкѣ ограды. Затѣмъ его отрѣшили отъ должности, какъ и префекта. Народъ валилъ со всѣхъ сторонъ; организовался культъ пещеры. И кликъ божественнаго веселья неумолчно гремѣлъ вокругъ: «Господь побѣдилъ!» Но тутъ взяло верхъ и человѣческое убожество, вѣчная потребность утѣшенія, надежды для приговореннаго, который поручаетъ заботу о своемъ спасеніи невидимой силѣ, болѣе могущественной, чѣмъ природа, и потому способной сломить неумолимые законы послѣдней. А что побѣдило еще, такъ это состраданіе верховныхъ лицъ, руководителей паствы: епископа и милосердаго императора, которые предоставили взрослымъ страждущимъ дѣтямъ то, что утѣшало однихъ и порою дѣйствительно исцѣляло другихъ.

Съ половины ноября, епископская комисія прибыла въ Лурдъ, чтобы приступить къ разслѣдованію дѣла, порученнаго ей. Она еще разъ допросила Бернадетту и разсмотрѣла многочисленные случаи чудесъ. Однако, ею было признано лишь тридцать исцѣленій, гдѣ очевидность была абсолютной. И монсеньоръ Лорансъ призналъ себя побѣжденнымъ. Тѣмъ не менѣе, и тутъ онъ далъ послѣднее доказательство своей осторожности, выждавъ три года, прежде чѣмъ официально обнародовать въ пастырскомъ посланіи, что пресвятая Дѣва, дѣйствительно, явилась въ мессабіельской пещерѣ, гдѣ вслѣдъ затѣмъ совершились многочисленныя чудеса. Монсеньоръ купилъ у города Лурда, отъ имени епископства, пещеру со всѣмъ, примыкающимъ къ ней, участкомъ. Начались работы, сначала въ скромныхъ размѣрахъ, а потомъ все болѣе и болѣе внушительныя по мѣрѣ притока денежныхъ суммъ со всего христіанскаго міра. Пещеру приспособили къ ея новому назначенію и стали замыкать рѣшеткой. Гавъ былъ отведенъ назадъ, въ новое ложе, чтобы выгадать мѣсто для широкихъ дорогъ, лужаекъ, аллей, бульваровъ. Наконецъ, церковь, которой пожелала Богоматерь, базилика, стала выростать на вершинѣ той же скалы. Съ перваго удара засту-

Digitized by Google

помъ, приходскій священникъ Лурда, аббатъ Пейрамаль, распоряжался всѣмъ съ необычайнымъ усердіемъ, такъ какъ борьба создала изъ него самаго пламеннаго вѣрующаго, наиболѣе преданнаго дѣлу. Съ нѣсколько грубоватымъ отеческимъ чувствомъ сталъ онъ обожать Бернадетту и отдался душой и тѣломъ исполненію повелѣній, данныхъ ему свыше устами этой невинной дѣвушки. И онъ употреблялъ невѣроятныя усилія, онъ добивался, чтобы все было особенно хорошо, особенно величественно, достойно царицы ангеловъ, соблаговолившей посѣтить этотъ горный уголокъ. Первая религіозная церемонія была совершена только шесть лѣтъ спустя послѣ явленій, въ тотъ день, когда съ большою пышностью поставили въ пещерѣ статую Богоматери на мѣстѣ, гдѣ она явилась. Въ это утро, при великолѣпной погодѣ, весь Лурдъ расцвѣтился флагами, и огласился колокольнымъ звономъ. Пять лѣтъ спустя, въ 1869 году, была совершена первая обѣдня въ склепѣ базилики, шпиль которой еще не былъ готовъ. Приношенія безпрестанно прибывали, золотая рѣка катилась къ пещерѣ, цѣлый городъ готовился вырости изъ земли. Новая религія основывалась окончательно.

Больныя въ палатѣ св. Гонорины также видѣли въ побѣдѣ пещеры только торжество своей надежды на исцѣленіе. По койкамъ пронесся трепетъ радости, когда Пьеръ, взволнованный видомъ всѣхъ этихъ страдальческихъ лицъ, обращенныхъ къ нему и жаждущихъ вѣры, повторилъ:

— Господь побѣдилъ и чудеса не прекращались съ тѣхъ поръ, причемъ наибольшее облегченіе получали самые смиренные.

Онъ положилъ на столъ маленькую книжечку. Аббатъ Жюденъ входилъ въ палату и обрядъ причащенія долженъ былъ начаться. Но Мари, снова охваченная лихорадкой вѣры, съ пылающими руками, наклонилась къ нему.

— Другъ мой, окажите мнѣ великую услугу: выслушайте сознаніе моей вины и отпустите мнѣ ее. Я богохульствовала и совершила смертный грѣхъ. Если вы не придете мнѣ на помощь, я не буду достойна принятія св. даровъ, а я такъ нуждаюсь въ утѣшеніи и поддержкѣ!

Молодой священникъ сдѣлалъ отрицательный жестъ. Онъ никогда не соглашался исповѣдывать свою подругу, единственную женщину, которую онъ любилъ и желалъ въ здоровые и свѣтлые годы юности. Но она настаивала.

— Умоляю васъ; этимъ вы будете способствовать чуду моего исцѣленія.

И Пьеръ уступилъ. Онъ выслушалъ сознаніе ея вины, грѣховнаго ропота ея скорби, возмутившейся противъ пресвятой Дѣвы, которая не вняла ея мольбамъ. Затѣмъ аббатъ далъ отпущеніе грѣховъ, произнеся обычныя слова.

Digitized by Google

Аббатъ Жюденъ тѣмъ временемъ поставилъ чашу на маленькій столикъ между двумя подсвѣчниками въ полутьмѣ палаты. Окна рѣшились распахнуть настежъ, до того невыносимо было зловоніе, распространяемое этими страждущими тѣлами и скученнымъ тряпьемъ, но и тутъ зала не освѣжилась нисколько: тѣсный дворикъ, полный мрака, походилъ на раскаленный колодецъ. Пьеръ предложилъ себя въ помощники при церемоніи. Сестра милосердія указывала больныхъ, которыя должны были пріобщиться, и священникъ наклонялся, клалъ облатку на языкъ, порою наудачу, повторяя латинскія слова. Почти всѣ приступали къ св. таинству съ широко-раскрытыми глазами и блестящимъ взглядомъ.

Лицо Мари, вернувшейся къ своему экстазу, представляло божественное видѣніе. Гривоттъ отказали въ причастіи: она должна была пріобщиться поутру въ церкви Розарія, также алкая хлѣба жизни. Г-жа Ветю, молча, получила облатку на свой почернѣвшій языкъ въ предсмертной икотѣ. Теперь наступила очередь Мари и при тускломъ сіяніи свѣчъ она была такъ прекрасна въ рамкѣ бѣлокурыхъ волосъ, съ расширенными глазами, съ лицомъ, преображеннымъ вѣрой, что всѣ были очарованы. Она причастилась, не помня себя; небо очевидно снизошло въ нее, въ ея бѣдное молодое тѣло, доведенное до такого состоянія. На минуту она удержала Пьера за руку.

— О, мой другъ, она меня исцѣлитъ; она сейчасъ сказала мнѣ это... Ступайте отдохнуть. А я засну такимъ отличнымъ сномъ!

Уходя съ аббатомъ Жюденомъ, Пьеръ увидалъ маленькую г-жу Дезаньо въ креслѣ, гдѣ ее сразила усталость. Ничто не могло разбудить молодую женщину.

Третій день.

I.

Въ чудное августовское воскресное утро, теплое и безоблачное, де-Герсенъ всталъ и одѣлся съ семи часовъ въ одной изъ крохотныхъ комнатокъ, которыя ему посчастливилось занять въ третьемъ этажѣ отеля «Явленій», въ Пещерной улицѣ. Наканунѣ онъ залегъ спать съ одиннадцати, отлично выспался и расфрантился; окончивъ свой туалетъ, старикъ прошелъ въ другую комнату, занимаемую Пьеромъ. Но тотъ, вернувшись домой въ два часа утра, долго промаялся въ безсонницѣ, заснувъ только на разсвѣтѣ, и еще не просыпался. Сутана, валявшаяся на стулѣ, и прочая одежда, разбросанная по комнатѣ, говорили объ его усталости и волненіи.

Digitized by Google

— Ахъ, вы лѣнивецъ!—весело воскликнулъ де-Герсенъ.— Развѣ не слышите, какъ звонятъ колокола?

Пьеръ вскочилъ, съ недоумѣніемъ озираясь въ тѣсной комнатѣ отеля, залитой яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Въ незатворенное окно, дѣйствительно, врывался радостный звонъ колоколовъ; весь городъ гудѣлъ и ликовалъ.

— Ни за что намъ не поспѣть до восьми часовъ въ больницу, чтобы захватить съ собою Мари; вѣдь мы, конечно, будемъ завтракать?

— Разумѣется. Прикажите поживѣе подать намъ двѣ чашки шеколаду. Я сейчасъ встаю и мигомъ одѣнусь.

Оставшись одинъ, Пьеръ, не смотря на ломоту во всѣхъ членахъ, которая уже давала себя чувствовать, вскочилъ съ постели и сталъ поспѣшно одѣваться. Онъ еще освѣжалъ лицо холодной водой въ умывальномъ тазу, какъ де-Герсенъ, которому не сидѣлось одному, появился снова.

— Я распорядился; намъ сейчасъ подадутъ... Ахъ, этотъ отель! Замѣтили вы хозяина, г-на Мажестэ, во всемъ бѣломъ, такъ важно засѣдающаго въ своемъ бюро? Кажется, у нихъ все биткомъ набито; никогда еще не бывало такого стеченія народа... А ужь зато какой адскій шумъ! Три раза будили меня сегодня ночью. Не знаю, что̀ такое творилось въ сосѣдней комнатѣ: вотъ сейчасъ тамъ была возня за стѣной, потомъ перешептыванія, вздохи...

Онъ прервалъ себя, чтобы спросить:

— Ну, а вы хорошо спали?

— Какое!—возразилъ Пьеръ.—Я былъ измученъ усталостью и не могъ заснуть. Конечно, виной тому шумъ, о которомъ вы говорили.

Въ свою очередь аббатъ сталъ толковать о тонкихъ перегородкахъ, о томъ, что гостинница набита биткомъ и трещитъ отъ множества наѣхавшихъ посѣтителей, которыхъ насовали во всѣ углы. Вездѣ слышатся необъяснимые стуки; по коридорамъ то бѣготня, то тяжелые шаги; грубые голоса доносятся, богъ вѣсть, откуда, не говоря уже о стонахъ больныхъ, о кашлѣ, ужасномъ кашлѣ, который точно выходитъ изъ каждой стѣны. Очевидно, цѣлую ночь люди то входили, то выходили, вставали и снова ложились, потому что здѣсь не соблюдаютъ часовъ, живя среди безурядицы нравственныхъ потрясеній, отправляясь на молитву, какъ идутъ обыкновенно на какое нибудь общественное развлеченіе.

— Ну, а Мари? Въ какомъ состояніи оставили вы ее вчера?—внезапно спросилъ де-Герсенъ.

— Гораздо лучше, — отвѣчалъ Пьеръ. — Послѣ страшнаго припадка отчаянія, она опять вернулась къ своей твердости и непоколебимой вѣрѣ.

Digitized by Google

Наступила пауза.

— О, я нисколько не тревожусь,—снова заговорилъ де-Герсенъ со своимъ спокойнымъ оптимизмомъ.—Вы увидите, что все пойдетъ отлично... А я въ восторгѣ. Я прибѣгалъ къ заступничеству пресвятой Дѣвы насчетъ своихъ дѣлъ; знаете, насчетъ моего великаго изобрѣтенія воздушныхъ шаровъ, которыми можно управлять. И вотъ, представьте себѣ, Богоматерь явила мнѣ уже свою милость! Да, вчера вечеромъ, въ разговорѣ со мною аббатъ де-Гермуазъ обѣщалъ мнѣ найти въ Тулузѣ капиталиста, который навѣрно согласится дать необходимые фонды на мое предпріятіе; у него есть въ числѣ тамошнихъ богачей одинъ хорошій знакомый, ужасно интересующійся механикой! Я сейчасъ увидалъ въ этомъ перстъ божій.

И онъ засмѣялся своимъ дѣтскимъ смѣхомъ, послѣ чего прибавилъ:

— Какой прелестный человѣкъ этотъ аббатъ де-Гермуазъ! Послѣ полудня я посмотрю, нельзя ли мнѣ будетъ устроить съ нимъ поѣздку въ циркъ Гаварни экономическимъ образомъ.

Пьеръ, взявшійся платить за все, за помѣщеніе въ отелѣ и остальное, сталъ дружески уговаривать старика.

— Разумѣется, не упускайте случая посѣтить горы, если вамъ такъ хочется. Ваша дочь будетъ счастлива, когда вы доставите себѣ это удовольствіе.

Ихъ бесѣда была прервана приходомъ служанки, принесшей двѣ чашки шеколаду съ двумя маленькими хлѣбцами на подносѣ, покрытомъ салфеткой. Такъ какъ она оставила дверь отворенной, то передъ ними открылась часть коридора, шедшаго анфиладой.

— Эге, комнату моего сосѣда уже прибираютъ!—замѣтилъ заинтересованный де-Герсенъ.—Вѣдь онъ женатый, не такъ ли?

Служанка удивилась.

— О, нѣтъ! онъ совсѣмъ одинъ.

— Какъ такъ? Да тамъ все время шла возня, а сегодня поутру у него разговаривали, вздыхали!

— Это не можетъ быть; онъ совершенно одинъ. Теперь вашъ сосѣдъ ушелъ, приказавъ поскорѣе убрать свое помѣщеніе. Тамъ всего одна комната съ большимъ шкафомъ въ стѣнѣ, ключъ отъ котораго онъ унесъ съ собою... Вѣроятно, у него тамъ заперты деньги...

Служанка заговорилась, разставляя на столѣ чашки съ шеколадомъ.

— О, это вполнѣ приличный господинъ. Въ прошломъ году онъ оставилъ за собою одинъ изъ маленькихъ павильоновъ—особняковъ, которые г-нъ Мажестэ отдаетъ внаймы въ сосѣдней улицѣ, а нынче этотъ баринъ немного опоздалъ и ему пришлось удовольствоваться одной комнатой, чѣмъ онъ ужасно

Digitized by Google

огорчился... Такъ какъ онъ не хочетъ кушать за общимъ столомъ, то велитъ подавать себѣ наверхъ и заказываетъ все самое лучшее, пьетъ отличное вино.

— Вотъ что!—весело сказалъ де-Герсенъ.—Ну, мой сосѣдъ слишкомъ хорошо пообѣдалъ одинъ одинешенекъ вчера вечеромъ.

Пьеръ внимательно слушалъ.

— А съ моей стороны, кажется, помѣстились двѣ дамы съ господиномъ и мальчикомъ на костылѣ?

— Да, господинъ аббатъ, я ихъ знаю. Тетушка, г-жа Шазъ, заняла одну изъ двухъ комнатъ, а г-нъ и г-жа Виньеронъ со своимъ сыномъ Густавомъ были принуждены стѣсниться въ другой. Они ужь второй годъ пріѣзжаютъ къ намъ. Тоже отличные господа.

Ночью Пьеру, дѣйствительно, послышался голосъ Виньерона, котораго, должно быть, мучила духота. Потомъ служанка, разговорившись, перечислила другихъ постояльцевъ въ коридорѣ: налѣво—священникъ, мать съ тремя дочерьми и двое почтенныхъ старичковъ: мужъ съ женою; направо—опять одинокій господинъ, одинокая молодая дама, да еще цѣлая семья съ пятью маленькими дѣтьми. Отель былъ полонъ до чердаковъ. Служанки, уступивъ свои комнаты пріѣзжимъ, спали вповалку въ прачешной. Вчерашней ночью простыя раздвижныя кровати понаставили даже на площадкахъ лѣстницъ. Одному почтенному духовному лицу пришлось спать на бильярдѣ.

Когда прислуга наконецъ ушла, а мужчины напились шеколаду, де-Герсенъ побѣжалъ къ себѣ въ комнату вымыть руки, такъ какъ очень заботился о своей наружности. Пьеръ, оставшись одинъ, привлеченный яснымъ солнышкомъ на дворѣ, вышелъ на минуту на тѣсный балконъ. Всѣ комнаты третьяго этажа съ этой стороны отеля были снабжены балкономъ съ рѣзными деревянными перилами. Тутъ аббата ожидалъ невѣроятный сюрпризъ. На сосѣднемъ балкончикѣ, выходившемъ изъ комнаты одинокаго господина, онъ увидѣлъ женщину, которая высунула голову изъ дверей, и узналъ въ ней г-жу Вольмаръ: это несомнѣнно была она со своимъ продолговатымъ лицомъ и тонкими осунувшимися чертами; это были ея большіе, великолѣпные глаза, пылавшіе огнемъ, который подергивался порою какимъ-то туманомъ, волнистой дымкой, точно гасившей его. Въ страхѣ она рванулась назадъ, узнавъ Пьера. Молодой священникъ въ свою очередь поспѣшно удалился, сконфуженный и огорченный тѣмъ, что напугалъ ее. И въ одну секунду онъ понялъ все: одинокій господинъ, не найдя другаго помѣщенія, пряталъ здѣсь ото всѣхъ свою любовницу, запиралъ ее въ шкафъ, пока прибирали нумеръ, кормилъ ее кушаньями, которыя ему приносили наверхъ, пилъ съ ней изъ одного стакана. Такимъ образомъ, ночной шумъ объяснялся

Digitized by Google

очень просто. Г-жа Вольмаръ была принуждена провести трое сутокъ въ настоящемъ тюремномъ заключеніи и предавалась безумной страсти въ этой наглухо затворенной комнатѣ. По окончаніи уборки, она, вѣроятно, рискнула отворить шкафъ изнутри и высунула голову въ балконную дверь, чтобы посмотрѣть, не возвращается ли ея другъ. Такъ вотъ почему жена богача-ювелира не показывалась въ больницѣ, гдѣ маленькая г-жа Дезаньо безпрестанно спрашивала о ней! Аббатъ замеръ на мѣстѣ и съ волненіемъ въ сердцѣ погрузился въ глубокую задумчивость, мысленно представляя себѣ это существованіе знакомой ему женщины, эту пытку супружеской жизни въ Парижѣ между злобной свекровью и отвратительнымъ мужемъ, а потомъ одинъ разъ въ годъ эти три дня полной свободы, эту вспышку любви подъ кощунственнымъ предлогомъ послужить въ Лурдѣ Господу Богу, ухаживая за больными. Слезы, которыхъ Пьеръ самъ не могъ объяснить, накипали у него гдѣ-то внутри, въ нѣдрахъ его существа, въ глубинѣ его добровольнаго цѣломудрія, и подступали къ глазамъ въ приливѣ нестерпимой грусти.

— Ну что жь, идемъ?—весело крикнулъ де-Герсенъ, появляясь снова, въ перчаткахъ, затянутый въ свой жакетъ сѣраго сукна.

— Да, да, пойдемте,—отвѣчалъ Пьеръ. Онъ отвернулся, отыскивая шляпу, и украдкой вытеръ глаза.

Выходя, они услыхали толстый голосъ Виньерона, очень громко читавшаго утреннія молитвы. Но ихъ въ особенности заинтересовала одна встрѣча. Въ коридорѣ они столкнулись съ мужчиной лѣтъ сорока, сильнымъ и коренастымъ, съ безукоризненными бакенбардами. Впрочемъ, онъ отвернулся и прошелъ такъ быстро, что ни Пьеръ, ни де-Герсенъ не успѣли разсмотрѣть его лица. Въ рукахъ у него былъ тщательно увязанный свертокъ. Онъ просунулъ ключъ въ замочную скважину, отворилъ и снова заперъ за собою дверь, юркнувъ въ нее, какъ тѣнь, безъ малѣйшаго шума.

Архитекторъ обернулся.

— Эге, — произнесъ онъ, — да это одинокій господинъ... Вѣрно, ходилъ на рынокъ и несетъ себѣ лакомство.

Пьеръ притворился, будто не слышалъ: онъ считалъ своего сотоварища черезчуръ легкомысленнымъ, чтобы посвятить его въ чужую тайну. Къ тому же, аббату стало неловко; смущеніе и что-то въ родѣ цѣломудреннаго ужаса овладѣло имъ при мысли объ этой разоблаченной интригѣ, гдѣ грѣховная плоть брала свое среди мистической экзальтаціи, вѣявшей вокругъ.

Они пришли въ больницу, какъ разъ въ ту минуту, когда изъ палатъ выносили больныхъ, чтобы отправить ихъ къ пещерѣ. Де-Герсенъ съ аббатомъ нашли Мари очень веселой

Digitized by Google

послѣ спокойно проведенной ночи. Она поцѣловала отца и побранила его, узнавъ, что онъ все еще не рѣшилъ своей поѣздки въ Гаварни. Если онъ не съѣздитъ туда, то ужасно огорчитъ ее. Впрочемъ, дѣвушка говорила со своимъ бодрымъ улыбающимся видомъ, что сегодня она еще не будетъ исцѣлена. Потомъ Мари стала упрашивать Пьера, чтобы тотъ выхлопоталъ для нея позволеніе провести слѣдующую ночь передъ пещерой; то была особая милость, которой добивались всѣ, но удостоивались немногіе. Сначала онъ возсталъ противъ этого, опасаясь, что цѣлая ночь, проведенная подъ открытымъ небомъ, повредитъ ея здоровью, но долженъ былъ уступить, видя, какъ сильно опечалилъ больную его отказъ. Безъ сомнѣнія, она надѣялась, что пресвятая Дѣва услышитъ ее только наединѣ, въ царственномъ покоѣ ночной темноты. Въ это утро Мари стало такъ тяжело посреди массы больныхъ, скученныхъ передъ пещерой, что она попросила отвезти себя въ больницу еще съ десяти часовъ утра, жалуясь, что яркій солнечный свѣтъ рѣжетъ ей глаза.

Когда отецъ и молодой священникъ устроили ее опять въ палатѣ св. Гонорины, дѣвушка простилась съ ними на цѣлый день.

— Нѣтъ, не приходите за мною; я не вернусь сегодня послѣ полудня къ пещерѣ; это безполезно... Но вечеромъ, въ девять часовъ, я буду ждать васъ, Пьеръ. Тогда вы отвезете меня туда, не правда ли? Итакъ, это рѣшено; вы дали мнѣ честное слово.

Аббатъ подтвердилъ, что постарается получить разрѣшеніе, и, если нужно, обратится къ отцу Фуркаду.

— Значитъ, милочка, до вечера,—прибавилъ въ свою очередь архитекторъ, цѣлуя дочь.

И они оставили ее совершенно спокойной въ постели; она была поглощена какой-то мыслью и смотрѣла въ пространство своими улыбающимися, мечтательными глазами. Когда де-Герсенъ со своимъ молодымъ сотоварищемъ вернулись въ отель «Явленій», было всего половина одиннадцатаго. Старикъ, восхищенный дивной погодой, захотѣлъ позавтракать сейчасъ, чтобы какъ можно раньше отправиться осматривать Лурдъ. Однако, ему понадобилось предварительно зайти къ себѣ въ нумеръ и Пьеръ послѣдовалъ за нимъ, причемъ они наткнулись на неожиданную драму. Дверь Виньероновъ была открыта настежъ; маленькій Густавъ лежалъ на диванѣ, служившемъ ему постелью. Онъ былъ страшно блѣденъ; съ нимъ только что случился обморокъ и родители испугались, думая, что несчастному ребенку пришелъ конецъ. Г-жа Виньеронъ, упавъ на стулъ, не могла еще опомниться отъ испуга, тогда какъ ея мужъ метался по комнатѣ, наталкиваясь на мебель

Digitized by Google

и приготовляя на скорую руку стаканъ сахарной воды съ успокоительными каплями. Онъ кричалъ, что лѣкарство окончательно приведетъ больнаго въ себя. Но виданное ли это дѣло? Мальчикъ, еще такой крѣпкій, внезапно падаетъ въ обморокъ, болѣетъ, какъ цыпленокъ! И Виньеронъ смотрѣлъ на г-жу Шезъ, тетушку, стоявшую у дивана съ такимъ здоровымъ видомъ въ то утро. Его руки дрожали еще сильнѣе при смутной мысли, что еслибъ этотъ глупѣйшій припадокъ унесъ его сына, богатое наслѣдство ускользнуло бы теперь отъ нихъ навсегда. Отецъ былъ внѣ себя; онъ разжалъ зубы ребенка и насильно заставилъ его выпить цѣлый стаканъ. Между тѣмъ, когда тотъ вздохнулъ и открылъ глаза, отеческое добродушіе вернулось къ нему: онъ заплакалъ и называлъ сына своимъ маленькимъ мужчинкой. Г-жа Шезъ подошла ближе, но Густавъ оттолкнулъ ее въ порывѣ внезапной ненависти, какъ будто понялъ то безсознательное нравственное растлѣніе, къ которому привели его родителей деньги этой женщины. Обиженная старушка сѣла поодаль, пока отецъ съ матерью, уже успокоившись, благодарили святую Дѣву, сохранившую имъ любимаго крошку, а тотъ улыбался своей тонкой и невыразимо печальной улыбкой, зная все и потерявъ, въ пятнадцать лѣтъ, охоту къ жизни.

— Не можемъ ли мы помочь вамъ чѣмъ нибудь?—любезно спросилъ Пьеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, очень вамъ благодарны, милостивые государи,—отвѣчалъ Виньеронъ, выдя на минуту въ коридоръ.— Да, у насъ вышелъ таки порядочный переполохъ! Еще бы: единственный сынъ и котораго мы, вдобавокъ, такъ любимъ!

Вокругъ нихъ наступившій часъ завтрака поднялъ на ноги весь отель. Двери хлопали, по коридорамъ и лѣстницамъ шелъ безпрерывный шопотъ. Три взрослыхъ барышни промчались мимо въ вихрѣ своихъ юбокъ. Въ сосѣдней комнатѣ ревѣли маленькія дѣти. Потомъ побѣжали, обезумѣвшіе впопыхахъ, старички-супруги; растерявшіеся священники, забывъ свое достоинство, подхватывали обѣими руками полы длинной сутаны и тоже улепетывали вслѣдъ за другими. Сверху до низу деревянные полы ходили ходуномъ подъ чрезмѣрной тяжестью этого люда, набитаго по всѣмъ угламъ. Служанка съ цѣлымъ завтракомъ на большомъ подносѣ постучалась въ комнату одинокаго господина: ей долго не отворяли; наконецъ дверь пріотворилась, позволяя видѣть внутренность номера въ совершенномъ порядкѣ, гдѣ постоялецъ былъ одинъ и стоялъ, повернувшись спиною къ приходящимъ; прислуга тотчасъ вышла, скромно затворивъ за собою дверь. Когда Пьеръ съ де-Герсеномъ вышли изъ своихъ комнатъ, они были непріятно поражены, не найдя свободнаго уголка въ общей столовой. Тамъ

Digitized by Google

была невозможная тѣснота и нѣкоторыя мѣста, остававшіяся пустыми, были уже заняты. Лакей сообщилъ, что съ десяти до часу столовая была полна народу; апетитъ гостей особенно разыгрывался отъ свѣжаго горнаго воздуха. Пришлось помириться съ необходимостью обождать.

Но вотъ появился владѣлецъ отеля «Явленій», г-нъ Мажестэ, собственной персоной, весь въ бѣломъ, и съ величайшей учтивостью сказалъ:

— Не угодно ли вамъ, милостивые государи, пройти въ гостинную?

Хозяинъ былъ сорокапятилѣтній толстякъ, старавшійся съ царственнымъ величіемъ носить свое имя [1]). Лысый, гладкій, съ круглыми голубыми глазами на восковомъ лицѣ, съ тройнымъ подбородкомъ, онъ держалъ себя очень сановито. Мажестэ прибылъ сюда изъ Невера съ двумя сестрами, служившими въ сиротскомъ пріютѣ, и женился на уроженкѣ Лурда, маленькой и смуглой брюнеткѣ. Они вдвоемъ, менѣе чѣмъ въ пятнадцать лѣтъ, обратили свой отель въ одну изъ богатѣйшихъ и наиболѣе посѣщаемыхъ гостинницъ въ городѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, хозяинъ завелъ еще торговлю священными предметами, которыми былъ набитъ обширный магазинъ, влѣво отъ дома. Въ немъ торговала молоденькая племянница супруговъ, подъ наблюденіемъ г-жи Мажестэ.

— Не угодно ли вамъ посидѣть въ гостинной?—повторялъ содержатель отеля; сутана Пьера внушала ему особую предупредительность.

Но гости предпочли прохаживаться или постоять на открытомъ воздухѣ. Тогда Мажестэ остался при нихъ, желая съ ними поболтать, какъ обыкновенно дѣлалъ со всѣми кліентами, которымъ хотѣлъ оказать особую честь. Разговоръ сначала вертѣлся на вечерней процессіи со свѣчами, обѣщавшей быть великолѣпной въ такую восхитительную погоду. Въ Лурдѣ собралось болѣе пятидесяти тысячъ пріѣзжихъ, много публики прибыло со всѣхъ лѣчебныхъ станцій по сосѣдству, чѣмъ и объяснялась тѣснота за табльдотомъ. Пожалуй, въ городѣ не хватитъ хлѣба, какъ это и случилось въ прошломъ году.

— Вы видите, какая у насъ толкотня; мы просто не знаемъ, какъ повернуться. Я, право, не виноватъ, что вамъ пришлось немного подождать.

Въ эту минуту подошелъ почтальонъ съ порядочной кипой газетъ и писемъ, которыя онъ положилъ въ бюро на столъ. Затѣмъ, не выпуская изъ рукъ какого-то конверта, онъ спросилъ:

— А не у ва[illegible]овилась г-жа Мазъ?

[1]) Каламбуръ: ma[illegible]ул

Digitized by Google

— Г-жа Мазъ, г-жа Мазъ,—повторялъ содержатель отеля, припоминая.—Нѣтъ, у насъ такой положительно нѣтъ.

Пьеръ, услыхавъ разговоръ, подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Г-жа Мазъ? Есть такая. Она, кажется, остановилась у сестеръ Непорочнаго Зачатія, у «голубыхъ сестеръ», какъ ихъ называютъ здѣсь, если не ошибаюсь.

Почтальонъ поблагодарилъ и ушелъ. На губахъ Мажестэ, между тѣмъ, появилась горькая усмѣшка.

— «Голубыя сестры»,—прошепталъ онъ, — ахъ, ужь эти «голубыя сестры»!..

Онъ покосился на сутану Пьера, потомъ вдругъ прервалъ свою рѣчь, чтобы не проболтаться. Однако, его сердце было переполнено и ему хотѣлось облегчить себя; этотъ молодой священникъ изъ Парижа, смотрѣвшій либераломъ, вѣроятно, былъ не изъ «шайки», какъ хозяинъ называлъ всѣхъ служащихъ при пещерѣ, всѣхъ, кто наколачивалъ деньгу при помощи лурдскихъ чудесъ. Мало по малу Мажестэ сталъ смѣлѣе.

— Клянусь вамъ, г-нъ аббатъ, что я добрый католикъ. Впрочемъ, мы здѣсь всѣ такіе. И я хожу въ церковь, говѣю передъ пасхой... Но, въ самомъ дѣлѣ, повторяю, не слѣдовало бы монахинямъ держать гостинницы. Нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ неподходящее дѣло!

И онъ сталъ высказывать озлобленіе комерческаго человѣка, страдающаго отъ незаконной конкурренціи. Неужели этимъ монахинямъ «Непорочнаго Зачатія», этимъ «голубымъ сестрамъ», нельзя было ограничиться своей настоящей ролью: изготовленіемъ облатокъ для причастія, починкой и чисткой священныхъ облаченій и покрововъ? Но нѣтъ! Онѣ обратили свой монастырь въ обширную гостинницу, гдѣ одинокія дамы нанимали отдѣльныя комнаты и кушали за общимъ столомъ, если не хотѣли спрашивать ѣду къ себѣ въ нумеръ. Все тамъ было очень чисто, очень хорошо устроено и недорого, благодаря тысячѣ привилегій, которыми пользовались монашескія общины. Ни одинъ отель въ Лурдѣ не работалъ столько.

— Наконецъ, развѣ это прилично? Монахини — и вдругъ торгуютъ супомъ! Прибавьте къ тому, что игуменья у нихъ бѣдовая женщина. Когда она увидала, что сюда хлынули богатства, то сейчасъ захотѣла забрать ихъ для одной своей обители и рѣшительно отдѣлилась отъ пещерныхъ монаховъ, которые думали прибрать ее къ рукамъ. Да, г-нъ аббатъ, она дошла до самаго Рима, выиграла дѣло и теперь загребаетъ всѣ барыши. Монахини, Богъ мой!

Мажестэ воздѣлъ руки къ небу; онъ задыхался.

— Но,—осторожно замѣтилъ наконецъ Пьеръ,— если вашъ отель набитъ биткомъ, если у васъ нѣтъ ни свободной по-

Digitized by Google

стели, ни свободной тарелки, куда жь бы вы дѣли путешественниковъ, еслибъ ихъ собралось еще больше?

Хозяинъ съ живостью сталъ возражать:

— Ахъ, г-нъ аббатъ, сейчасъ видно, что вы не знаете мѣстныхъ условій. Во время національнаго паломничества, правда, мы работаемъ на славу и намъ не на что жаловаться. Но это продолжается какихъ нибудь четыре-пять дней, тогда какъ въ обыкновенное время наплывъ посѣтителей гораздо меньше... О, что касается меня, то я, благодареніе Богу, всегда доволенъ. Гостинница моя извѣстна; она не хуже «Пещернаго отеля», на которомъ люди нажили себѣ уже два состоянія. А все таки, воля ваша, досадно видѣть, какъ «голубыя сестры» снимаютъ сливки съ пріѣзжающихъ, переманивая отъ насъ дамъ изъ буржуазіи, которыя живутъ въ Лурдѣ по двѣ, по три недѣли и всегда во времена затишья, когда народу немного. Понимаете, это самая отборная публика, женщины образованныя, которыя терпѣть не могутъ шума, ходятъ молиться къ пещерѣ однѣ, остаются тутъ по цѣлымъ днямъ и платятъ за все, не торгуясь.

Г-жа Мажестэ, которую ни Пьеръ, ни де-Герсенъ не замѣчали до той минуты,—такъ какъ она сидѣла, наклонившись надъ записною книгой, и провѣряла счеты,—вмѣшалась вдругъ въ общій разговоръ, замѣтивъ своимъ рѣзкимъ голосомъ:

— Вотъ въ прошедшемъ году, милостивые государи, у насъ прожила такимъ образомъ одна пріѣзжая цѣлыхъ два мѣсяца. Она ходила къ пещерѣ, возвращалась оттуда, снова шла, кушала, ложилась спать. И никогда ни слова; только улыбка, доказывавшая, что она всѣмъ довольна. Эта барыня заплатила по счету, даже не взглянувъ на него... Ахъ, вотъ какихъ постояльцевъ жалко!

Хозяйка встала съ мѣста, маленькая, сухая, смуглая, вся въ черномъ, съ гладкимъ и узкимъ воротничкомъ, и стала предлагать свой товаръ.

— Если господа желаютъ пріобрѣсти что нибудь на память о Лурдѣ, то прошу насъ не забыть. Мы держимъ тутъ рядомъ магазинъ, гдѣ вы найдете большой выборъ самыхъ употребительныхъ предметовъ... Постояльцы нашего отеля обыкновенно не обращаются за покупками никуда, кромѣ насъ.

Но Мажестэ снова тряхнулъ головой, со своимъ видомъ набожнаго католика, огорченнаго соблазнами вѣка.

— Конечно, я питаю почтеніе къ преподобнымъ отцамъ, однако, нельзя не сознаться, что ужь очень они жадны. Вы изволили обратить вниманіе на лавочку, открытую ими у пещеры и постоянно полную народомъ? Тамъ монахи торгуютъ священными предметами и свѣчами. Многіе священники гово-

Digitized by Google

рятъ, что это просто стыдъ и что надо вновь изгнать торгующихъ изъ храма... Ходятъ также слухи, что отцы завѣдуютъ магазиномъ, большимъ магазиномъ противъ нашей гостинницы и снабжаютъ товаромъ мелкихъ торговцевъ въ городѣ. Наконецъ, если вѣрить молвѣ, они держатъ въ рукахъ всю торговлю священными предметами и берутъ извѣстный процентъ съ продажи четокъ, статуэтокъ и медалей, расходящихся въ Лурдѣ цѣлыми мильонами...

Онъ понизилъ голосъ, потому что его обвиненія высказывались теперь весьма неопредѣленно, и кончилъ тѣмъ, что испугался собственной довѣрчивости къ совершенно незнакомымъ людямъ. Но кроткое, внимательное лицо Пьера успокоило его; немного спустя, Мажестэ снова заговорилъ съ запальчивостью оскорбленнаго конкуррента, рѣшившись высказаться до конца.

— Разумѣется, во всемъ этомъ, пожалуй, много преувеличенія. Тѣмъ не менѣе, очень грустно для религіи, что преподобные отцы держатъ лавки, какъ послѣдній изъ насъ... Вѣдь вотъ я, напримѣръ, не стану требовать дѣлежа тѣхъ денегъ, которыя они получаютъ за свои обѣдни, или процента съ ихъ подарковъ? Зачѣмъ же тогда они пускаются торговать товаромъ, которымъ торгую я? Прошедшій годъ у насъ были совсѣмъ посредственные барыши изъ-за нихъ. Насъ и то теперь слишкомъ много; всякій норовитъ нажиться насчетъ Господа Бога въ Лурдѣ и скоро тутъ не хватитъ хлѣба на пропитаніе и воды для питья... Ахъ, господинъ аббатъ, хоть мы и состоимъ подъ покровительствомъ пресвятой Дѣвы, однако, порою приходится очень туго.

Одинъ изъ кліентовъ позвалъ хозяина, но тотъ опять вернулся какъ разъ въ ту минуту, когда молодая дѣвушка пришла за г-жою Мажестэ. Это была лурдская уроженка, хорошенькая, маленькая и полная, съ прекрасными черными волосами и круглымъ лицомъ, выражавшимъ ясную веселость.

— Наша племянница, Аполлина,—сказалъ Мажестэ послѣ ея ухода,—вотъ уже два года, какъ она держитъ нашъ магазинъ. Это дочь брата моей жены, бѣдняка; она пасла стада въ Бартресѣ; намъ понравилась ея миловидность, и я рѣшилъ взять малютку къ себѣ. Мы съ женою не раскаялись въ этомъ, потому что изъ нея вышла славная дѣвушка и отличная продавщица.

Но дядя умолчалъ объ одной мелочи: насчетъ Аполлины ходили не очень-то лестные слухи. Ее видали по вечерамъ гуляющей съ молодыми мужчинами по набережной Гава. Впрочемъ, эта дѣвушка въ самомъ дѣлѣ была настоящій кладъ; она привлекала покупателей,—пожалуй, именно своими большими черными глазами, которые смѣялись такъ охотно. Годъ назадъ,

Digitized by Google

Жераръ де-Пейрелонгъ не выходилъ изъ ея лавки и только мысль о выгодной партіи, бродившая у него въ головѣ, мѣшала ему, вѣроятно, торчать тамъ и теперь. Его, кажется, замѣнилъ галантный аббатъ де-Гермуазъ, приводившій въ магазинъ за покупками много знакомыхъ дамъ.

— Ахъ, вы говорите про Аполлину?—вмѣшалась г-жа Мажестэ, вернувшаяся изъ лавки.—Вы не замѣтили, милостивые государи, одну вещь: ея поразительное сходство съ Бернадеттой?.. Постойте! Вонъ тамъ на стѣнѣ фотографическій снимокъ послѣдней, когда ей было восемнадцать лѣтъ.—Пьеръ и де-Герсенъ подошли, между тѣмъ какъ хозяинъ воскликнулъ:

— Да, это, дѣйствительно, Бернадетта! Вылитая Аполлина, только далеко не такая красивая, а невзрачная и убогая.

Наконецъ, пришелъ лакей съ докладомъ, что освободился одинъ маленькій столикъ. Де-Герсенъ уже два раза напрасно заглядывалъ въ столовую, въ надеждѣ, что тамъ опросталось мѣстечко; онъ горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе позавтракать и пойти гулять по этой прекрасной погодѣ въ праздничный день. Архитекторъ заторопился, не слушая больше словоохотливаго Мажестэ, который замѣтилъ съ любезной улыбкой, что господамъ пришлось недолго ожидать. Свободный столикъ стоялъ въ самой глубинѣ комнаты, такъ что де-Герсену съ Пьеромъ надо было пройти черезъ всю столовую.

То была длинная зала, расписанная подъ свѣтлый дубъ грязновато-желтой масляной краской, которая уже лупилась, забрызганная пятнами Было замѣтно, какъ все здѣсь быстро линяло и изнашивалось при безпрестанной торопливой смѣнѣ ѣдоковъ, утолявшихъ въ этой залѣ свой здоровый апетитъ. Единственную роскошь комнаты представляли цинковые часы на каминѣ, блестѣвшіе позолотой, съ двумя жиденькими канделябрами по сторонамъ. Были тутъ и гипюровыя занавѣси на пяти окнахъ, выходившихъ на улицу, прямо на солнцепекѣ. Сквозь спущенныя шторы все таки проникали палящія стрѣлки солнечныхъ лучей. Посрединѣ залы тѣснилось сорокъ человѣкъ за общимъ столомъ въ восемь метровъ длины, гдѣ едва могло умѣститься тридцать приборовъ, тогда какъ за маленькими столиками направо и налѣво жалось еще сорокъ посѣтителей, которыхъ ежеминутно толкали трое гарсоновъ, сновавшихъ взадъ и впередъ. Уже при самомъ входѣ, свѣжаго человѣка оглушалъ нестройный гулъ множества голосовъ, стукъ вилокъ и звонъ посуды; казалось, будто бы входишь въ сырую доменную печь, откуда ударяла въ лицо струя горячихъ испареній, пропитанныхъ удушливымъ запахомъ кушанья.

Пьеръ сначала ничего не могъ разглядѣть. Но когда они съ архитекторомъ усѣлись за маленькій садовый столикъ, внесенный для этой оказіи въ комнату и до того тѣсный, что два

Digitized by Google

прибора не оставляли на немъ свободнаго пространства, аббатъ былъ удивленъ и ему стало даже немного тошно при видѣ большаго стола, на который онъ бросилъ взглядъ. Уже цѣлый часъ тутъ насыщалось двѣ смѣны гостей и сервировка пришла въ безпорядокъ, а скатерть была залита виномъ и соусами. Слуги не заботились даже о симетріи вазъ съ фруктами, составлявшихъ все убранство. Но въ особенности поражала сошедшаяся здѣсь разношерстная публика: тучные священники, сухопарыя молодыя дѣвицы, дебелыя маменьки, краснолицые одинокіе мужчины, семейства, сидѣвшія въ линію,—рядъ поколѣній возрастающаго и жалкаго безобразія. Весь этотъ людъ потѣлъ, жадно глоталъ пищу, сидя наискосокъ къ столу, прижавъ локти къ бокамъ и неловко дѣйствуя руками въ страшной тѣснотѣ. И среди этихъ громадныхъ апетитовъ, удвоенныхъ усталостью, среди этого старанія поскорѣе набить желудокъ, чтобы опять вернуться къ пещерѣ, въ центрѣ стола сидѣлъ жирный священникъ, который нисколько не торопился, ѣлъ каждое блюдо съ благоразумной медленностью, безостановочно и съ достоинствомъ работая челюстями.

— Фу!—произнесъ, отдуваясь, де-Герсенъ.—здѣсь не холодно. Однако я охотно поѣмъ; не понимаю, съ самаго пріѣзда въ Лурдъ, меня то и дѣло тянетъ на ѣду... А вамъ тоже хочется завтракать, Пьеръ?

— Да, да, я стану ѣсть,—отвѣчалъ Пьеръ, котораго мутило.

Меню было изобильное: лососина, яичница, котлеты съ картофельнымъ пюрэ, сотэ изъ почекъ, цвѣтная капуста, холодная говядина и торты съ абрикосами; однако все это перестоялось на огнѣ и плавало въ приторной подливкѣ, отзывавшей пригорѣлымъ саломъ. Но въ вазахъ были довольно хорошіе фрукты, въ особенности персики. Впрочемъ, посѣтители, повидимому, были люди не требовательные; они ѣли все, не разбирая. Деликатная молоденькая дѣвушка прелестной наружности, съ нѣжными глазами и шелковистой кожей, стиснутая между старикомъ священникомъ и какимъ-то бородатымъ господиномъ, очень грязнымъ съ виду, съ восхищеніемъ ѣла почки, плававшія въ сѣроватой водѣ, служившей соусомъ.

— Честное слово,—замѣтилъ самъ де-Герсенъ,—эта лососина недурна... Прибавьте немного соли и выдетъ превосходно.

Пьеръ рѣшился поѣсть ради поддержанія силъ. Но за маленькимъ столикомъ, рядомъ, онъ замѣтилъ г-жу Виньеронъ и г-жу Шезъ. Онѣ, казалось, поджидали своихъ, спустившись внизъ заблаговременно, и сидѣли другъ противъ друга. Дѣйствительно, вскорѣ появился Виньеронъ съ Густавомъ; мальчикъ былъ еще очень блѣденъ и тяжелѣе обыкновеннаго опирался на свой костыль.

Digitized by Google

— Садись возлѣ тети, — сказалъ отецъ. — А я сяду съ мамой.

Потомъ, замѣтивъ своихъ сосѣдей, онъ подошелъ къ нимъ.

— О, теперь Густавъ чувствуетъ себя вполнѣ хорошо! Я сейчасъ вытеръ его одеколономъ и, немного спустя, онъ можетъ взять ванну въ купели.

Виньеронъ сѣлъ къ столу и принялся съ жадностью ѣсть. Но каковъ переполохъ! Онъ невольно опять заговорилъ о немъ вслухъ, такъ сильно подѣйствовалъ на него недавній испугъ, когда супруги рисковали потерять сына раньше смерти тетки. Та разсказывала, что наканунѣ, ставъ на колѣни передъ пещерой, она почувствовала внезапное облегченіе. И бѣдная больная хвалилась, что выздоровѣла отъ своей болѣзни сердца, пускалась въ подробности; зять слушалъ ее, выпучивъ глаза, въ которыхъ проглядывало безсознательное безпокойство. Положимъ, онъ былъ человѣкъ добрый и никому не желалъ смерти, но онъ возмущался при мысли, что пресвятая Дѣва могла исцѣлить эту пожилую женщину, обойдя его сына, такого юнаго. Виньеронъ дошелъ уже до котлетъ и пожиралъ картофельное пюрэ, подхватывая его большими кусками на вилку, какъ вдругъ ему показалось, что г-жа Шезъ дуется на племянника.

— Густавъ, — сказалъ онъ вдругъ, — а ты просилъ прощенія у тети?

Мальчикъ съ удивленіемъ открылъ свои свѣтлые глаза на похудѣвшемъ личикѣ.

— Да, ты былъ злой, ты оттолкнулъ ее тамъ, на верху, когда она подошла къ тебѣ.

Г-жа Шезъ молчала съ обиженнымъ видомъ, между тѣмъ какъ Густавъ, доѣдая безъ апетита мелко нарѣзанный кусочекъ котлеты, величиною съ орѣхъ, сидѣлъ, потупивъ глаза въ тарелку; онъ заупрямился на этотъ разъ и не хотѣлъ выказывать притворной любви, которой отъ него требовали.

— Послушай, Густавъ, будь умницей; вѣдь ты знаешь, какъ добра тетя и какъ много хочетъ сдѣлать она для тебя.

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не уступитъ! Онъ ненавидѣлъ въ данную минуту эту женщину, которая медлила умирать, которая отравляла ему любовь родителей до такой степени, что, когда они суетились вокругъ него, онъ не зналъ, дѣлается ли это, чтобы спасти его самого, или предстоящее наслѣдство, которое зависѣло отъ его жизни.

Но г-жа Виньеронъ, всегда державшая себя съ большою важностью, присоединилась, наконецъ, къ настояніямъ мужа.

— Право, Густавъ, ты меня ужасно огорчаешь. Попроси сейчасъ у тети прощенія, если не хочешь, чтобы я совсѣмъ разсердилась.

Digitized by Google

И онъ уступилъ. Къ чему бороться? Не лучше ли будетъ, если эти деньги достанутся его родителямъ? Вѣдь онъ, все равно, умретъ потомъ, а семейныя дѣла, по крайней мѣрѣ, поправятся. Мальчикъ зналъ это, онъ все понималъ безъ словъ; болѣзнь до того изощрила его слухъ, что онъ улавливалъ даже невысказанныя мысли.

— Тетя, простите, что давеча я былъ съ вами неласковъ.

Однако, двѣ крупныхъ слезы покатились у него изъ глазъ, хотя онъ улыбался съ видомъ человѣка, нѣжно чувствующаго и нетребовательнаго, который какъ будто очень много пережилъ. Г-жа Шезъ тотчасъ поцѣловала его, говоря, что она нисколько не сердится, и съ той минуты жизнерадостность Виньероновъ засіяла опять съ полнымъ добродушіемъ.

— Если почки не особенно хороши,—замѣтилъ Пьеру де-Герсенъ,—зато вотъ вамъ превкусная цвѣтная капуста.

И въ столовой продолжалось страшное чавканье. Никогда Пьеръ не видалъ, чтобы люди ѣли такъ много, обливаясь потомъ. Запахъ кушаній сгущался, какъ дымъ. При разговорѣ приходилось кричать, потому что всѣ присутствующіе тараторили очень громко, а прислуга, ошеломленная суетой, швыряла посуду, подхватывая ее налету, не говоря уже о работѣ челюстей,—этомъ треніи мельничныхъ жернововъ, которое было явственно слышно. Что особенно коробило молодаго священника, такъ это невообразимое смѣшеніе публики за табльдотомъ, гдѣ мужчины, женщины, молодыя дѣвушки, духовныя лица тѣснились, какъ попало, утоляя свой голодъ, точно спущенная свора собакъ, хватающихъ куски второпяхъ.

Но вдругъ зала оживилась; лакей сталъ разносить письма, разборку которыхъ кончала г-жа Мажестэ.

— Каково!—воскликнулъ Виньеронъ,—письмо ко мнѣ! Это удивительно: я никому не давалъ своего адреса.

Потомъ онъ спохватился.

— Ахъ, да! мнѣ, вѣроятно, пишетъ Саважо, исправляющій мою должность въ министерствѣ финансовъ.

Когда онъ распечаталъ письмо, руки у него затряслись и Виньеронъ невольно вскрикнулъ:

— Мой начальникъ умеръ!

Взволнованная г-жа Виньеронъ также не могла удержать языка.

— Значитъ, тебѣ дадутъ его мѣсто!

То была тайная мечта обоихъ супруговъ, давно лелѣемая—смерть начальника отдѣленія, послѣ чего самъ Виньеронъ, состоявшій десять лѣтъ его помощникомъ, могъ наконецъ достичь высшей должности, равнявшейся для него маршальскому жезлу. И его радость была такъ велика, что онъ выболталъ все:

— Ахъ, мой другъ, пресвятая Дѣва несомнѣнно покрови-

Digitized by Google

тельствуетъ мнѣ... Не дальше, какъ сегодня поутру, я молилъ у нея повышенія по службѣ и вотъ она услышала меня.

Онъ тотчасъ почувствовалъ всю неумѣстность торжества, встрѣтившись съ глазами пристально смотрѣвшей на него г-жи Шезъ и замѣтивъ улыбку Густава. Каждый въ семьѣ, вѣроятно, заботился о себѣ, выпрашивая у Богоматери то, что̀ ему нужно. И Виньеронъ, спохватившись, продолжалъ съ видомъ добродушія:

— Я хочу сказать, что пресвятая Дѣва любитъ всѣхъ насъ и что мы всѣ уѣдемъ отсюда довольными... Ахъ, нашъ бѣдный начальникъ! Мнѣ, право, жаль его. Надо послать карточку съ соболѣзнованіемъ вдовѣ.

Не смотря на все стараніе казаться хладнокровнымъ, Виньеронъ ликовалъ, не сомнѣваясь болѣе, что всѣ его тайныя желанія осуществятся, даже тѣ, въ которыхъ онъ не сознавался самому себѣ. Торты съ абрикосами были съѣдены съ большимъ удовольствіемъ; даже Густаву позволили полакомиться маленькимъ кусочкомъ.

— Удивительно,—замѣтилъ Пьеру де-Герсенъ, спросившій себѣ чашку кофе,—удивительно, что здѣсь совсѣмъ не видно больныхъ. Вся эта куча народу, по моему, пользуется превосходнымъ апетитомъ.

Однако, не считая Густава, который питался крошками, какъ цыпленокъ, онъ замѣтилъ, внимательно присмотрѣвшись къ публикѣ, одного мужчину съ зобомъ, сидѣвшаго за общимъ столомъ между двумя женщинами, причемъ одна изъ нихъ навѣрно страдала ракомъ. Дальше помѣщалась молодая дѣвушка, до того худая и блѣдная, что у нея можно было предположить чахотку. Тутъ же была идіотка, которую привели подъ руки двѣ родственницы. Со своими свѣтлыми глазами и мертвымъ лицомъ, она ѣла теперь кушанье ложкой, выплевывая пищу на салфетку, которой ее подвязали. Можетъ быть, тутъ находились и другіе больные, затерявшіеся посреди этихъ людей съ волчьимъ апетитомъ, больные, которыхъ прибодрило путешествіе, заставивъ ихъ ѣсть, какъ они давно уже не ѣли.

Было около двѣнадцати часовъ.

— Мы, конечно, сейчасъ отправимся къ пещерѣ? — спросилъ Виньеронъ.

Вообще, во всей залѣ только и слышалось: къ пещерѣ, къ пещерѣ! Набитые рты спѣшили прожевать остатки ѣды, чтобы вернуться къ молитвамъ и славословіямъ.

— Послушайте,—сказалъ де-Герсенъ,—вѣдь у насъ сегодня свободенъ цѣлый день и я серьезно предлагаю вамъ, Пьеръ, прогуляться по городу. Кстати, я подыщу экипажъ для своей поѣздки въ горы, если моя дочь такъ желаетъ этого.

Пьеръ задыхался и былъ очень радъ уйти изъ столовой.

Digitized by Google

Подъ воротами онъ вздохнулъ свободно. Но тамъ была новая толпа, стоявшая гуськомъ въ ожиданіи своей очереди. Маленькіе столики брались съ бою, каждый уголокъ за общимъ столомъ тотчасъ оказывался захваченнымъ. Еще цѣлый часъ будетъ продолжаться этотъ приступъ; порядокъ блюдъ повторится снова и все поглотится подъ чавканье челюстей, при возрастающей духотѣ и противномъ запахѣ.

— Извините, пожалуйста, — сказалъ старику Пьеръ,—мнѣ надо сходить къ себѣ въ комнату; я позабылъ носовой платокъ.

Наверху, въ глубокой тишинѣ опустѣвшихъ лѣстницъ и коридоровъ, онъ услышалъ легкій шумъ, подходя къ дверямъ своего нумера. Изъ сосѣдней комнаты раздался нѣжный смѣхъ, послѣдовавшій за неосторожнымъ стукомъ вилки. Затѣмъ послышался неуловимый, скорѣе угаданный, чѣмъ дѣйствительно прозвучавшій, трепетный поцѣлуй; чьи-то губы приникли къ другимъ губамъ, чтобы заставить ихъ замолчать. «Одинокій» господинъ, очевидно, также завтракалъ.

II.

Пьеръ съ де-Герсеномъ медленно шли по тротуару, среди валившаго толпами разряженнаго люда. Небо сіяло яркой лазурью; весь городъ горѣлъ подъ горячими лучами солнца. Въ воздухѣ вѣяло праздничнымъ весельемъ, радостнымъ оживленіемъ большихъ ярмарокъ, когда жизнь цѣлаго народа выступаетъ на улицу. Спустившись по запруженной гуляющими Пещерной аллеѣ, они были остановлены стеченіемъ публики на краю Мерласской горной равнины, гдѣ не могли разъѣхаться безчисленные экипажи и слышался оглушительный топотъ конскихъ копытъ.

— Намъ некуда спѣшить, — замѣтилъ архитекторъ.—Мнѣ хотѣлось бы подняться къ площади Маркадаля въ старомъ городѣ. Служанка отеля сказала, что тамъ есть парикмахеръ, братъ котораго отпускаетъ за недорогую плату лошадей. Вы согласны пройти туда?

— Я? — воскликнулъ Пьеръ. — Да пойдемте, куда вамъ угодно!

— Хорошо! Кстати, я тамъ побрѣюсь.

Они пришли на площадь Розарія передъ лужайками, разстилающимися до Гава, какъ вдругъ были снова остановлены неожиданной встрѣчей. Г-жа Дезаньо и Реймонда де-Жонкьеръ стояли тутъ, весело разговаривая съ Жераромъ де-Пейрелонгомъ. Обѣ дамы были въ легкихъ свѣтлыхъ туалетахъ, какіе носятъ на морскихъ купаньяхъ, а ихъ бѣлые шолковые зон-

Digitized by Google

тики сверкали на солнцѣ. Онѣ вели свѣтскую болтовню, со взрывами свѣжаго, молодаго смѣха.

— Нѣтъ, нѣтъ!—повторяла г-жа Дезаньо.—Мы ни за что не пойдемъ въ вашъ «притонъ» въ такое время, когда тамъ сидятъ за столомъ всѣ ваши товарищи.

Жераръ упрашивалъ съ видомъ любезнаго кавалера, обращаясь преимущественно къ Реймондѣ, толстоватое лицо которой сіяло сегодня свѣжестью здоровья.

— Но, увѣряю васъ, на это очень любопытно взглянуть, и вамъ будетъ оказанъ самый почтительный пріемъ... Сударыня,—прибавилъ онъ, посматривая на молодую дѣвушку,—вы можете на меня положиться. Кромѣ того, мы, вѣроятно, встрѣтимъ тамъ моего двоюроднаго брата Берто, который будетъ ужасно радъ показать вамъ наше заведеніе.

Реймонда улыбалась и глаза ея говорили, что она не прочь пойти. Какъ разъ въ ту минуту, къ разговаривающимъ подошли Пьеръ съ де-Герсеномъ, чтобы поздороваться съ дамами. Имъ тотчасъ сообщили, въ чемъ дѣло. «Притономъ» прозвали нѣчто въ родѣ ресторана съ табльдотомъ, основаннаго членами попечительства Божьей Матери Спасительницы, чтобы пользоваться сообща дешевымъ столомъ. Многіе изъ нихъ были небогаты, потому что въ это благотворительное общество принимали людей всѣхъ классовъ, и въ Лурдѣ они устроились такъ, что, внося три франка ежедневно въ общую кассу, могли получать за эту плату завтракъ, обѣдъ и ужинъ; у нихъ даже оставались кушанья для раздачи бѣднымъ. Зато они сами завѣдывали всѣмъ, покупали провизію, нанимали повара и прочую прислугу, и не отступали даже передъ необходимостью исполнять собственноручно кое-какія работы, ради вящшаго порядка въ своемъ «притонѣ».

— Это, должно быть, очень интересно, — подхватилъ де-Герсенъ.—Пойдемте вмѣстѣ, если мы не будемъ лишними!

Тутъ маленькая г-жа Дезаньо согласилась.

— Ну, если идти всей компаніей, тогда пожалуй. А то я боялась, что это несовсѣмъ прилично.

Видя, что она смѣется, засмѣялись и другіе. Де-Герсенъ предложилъ ей руку, а Пьеръ пошелъ слѣва; ему нравилась эта веселая маленькая женщина, такая живая, прелестная, со своими бѣлокурыми пушистыми волосами и молочнымъ цвѣтомъ лица.

Позади нихъ шла Реймонда подъ руку съ Жераромъ; молодая дѣвушка завела со своимъ кавалеромъ очень дѣльный разговоръ въ качествѣ положительной особы, подъ видомъ юношеской безпечности. Если ей попался наконецъ женихъ, о которомъ она такъ мечтала,—мадмуазель де-Жонкьеръ твердо рѣшила покорить его на этотъ разъ. И она опьяняла де-Пейре-

Digitized by Google

лонга своимъ ароматомъ здоровой, красивой дѣвушки, приводя его въ то же время въ восторгъ пониманіемъ хозяйства и экономіи на мелочахъ, такъ какъ Реймонда выспрашивала Жерара насчетъ ихъ покупокъ и доказывала ему, что ихъ компанія могла бы еще больше сократить свои расходы.

— Вы, должно быть, страшно устали?—спросилъ архитекторъ г-жу Дезаньо.

Она возмутилась и воскликнула съ неподдѣльнымъ гнѣвомъ:

— Нисколько! Представьте себѣ, что усталость подкосила меня вчера вечеромъ и я заснула въ креслѣ въ двѣнадцать часовъ ночи у себя въ палатѣ, а у нашихъ дамъ хватило духу дать мнѣ спать.

Опять всѣ засмѣялись, но г-жа Дезаньо была внѣ себя.

— Такъ я и проспала, какъ убитая, восемь часовъ къ ряду, хотя клялась дежурить цѣлую ночь.

Наконецъ, и ее разобралъ смѣхъ; она расхохоталась, показывая прекрасные бѣлые зубы.

— Не правда ли, хорошая сидѣлка?.. Бѣдной г-жѣ де-Жонкьеръ пришлось хлопотать одной безсмѣнно до утра. Напрасно я старалась сегодня совратить ее съ пути истины и утащить съ нами сію минуту.

Реймонда, услыхавъ это замѣчаніе, возвысила голосъ:

— Да, бѣдная мама, она едва держалась на ногахъ. Я насильно уложила ее въ постель, увѣряя, что она можетъ спать спокойно, такъ какъ все пойдетъ прекрасно и безъ нея.

И дѣвушка бросила на Жерара свѣтлый смѣющійся взглядъ. Ему показалось даже, что она чуть замѣтно прижала его руку своей свѣжей полной рукой, точно радуясь, что находится съ нимъ наединѣ и что они могутъ безъ посторонняго вмѣшательства устроить вдвоемъ свои дѣлишки. Это восхищало Пейрелонга и онъ словоохотливо сообщилъ, почему не завтракалъ сегодня съ товарищами. Одно знакомое семейство пригласило его въ буфетъ на станціи желѣзной дороги въ десять часовъ утра и отпустило на свободу лишь послѣ отхода поѣзда въ половинѣ двѣнадцатаго.

— Ахъ, озорники!—воскликнулъ онъ. — Слышите, какой шумъ?

Компанія подошла къ цѣли своей прогулки. Оглушительный гамъ молодыхъ голосовъ, дѣйствительно, доносился изъ-подъ купы деревьевъ, подъ сѣнью которыхъ пряталось старое зданіе изъ глины и цинка, гдѣ помѣщался «притонъ». Сначала Жераръ провелъ посѣтителей въ кухню, просторную, хорошо устроенную комнату съ громадной печью и большимъ столомъ, не считая колоссальныхъ котловъ. Онъ показалъ имъ, что у работавшаго здѣсь повара, толстяка съ веселымъ лицомъ,

Digitized by Google

былъ также красный крестъ на бѣлой курткѣ, потому что онъ участвовалъ въ паломничествѣ. Затѣмъ молодой человѣкъ отворилъ дверь и ввелъ гостей въ общую столовую.

То была длинная зала съ двойнымъ рядомъ простыхъ сосновыхъ столовъ. Другой мебели тутъ не было, кромѣ стола для лишней посуды и дешевыхъ стульевъ съ соломеннымъ сидѣньемъ, какіе употребляются въ кабачкахъ. Однако, оштукатуренныя бѣлой краской стѣны и блестящій красноватый полъ были очень опрятны среди этой добровольной скудости, напоминавшей монастырскую трапезу. Но что въ особенности вызывало улыбку еще на порогѣ, такъ это дѣтская веселость, господствовавшая здѣсь:—около полутораста гостей всѣхъ возрастовъ ѣли съ прекраснымъ апетитомъ, кричали, пѣли и хлопали въ ладоши. Необычайное братство соединяло ихъ, сошедшихся отовсюду, изо всѣхъ классовъ общества, изо всѣхъ состояній, изо всѣхъ провинцій. Многіе не были знакомы между собою, но каждый годъ сходились на три дня, жили здѣсь по братски и снова разъѣзжались, чтобы не знать другъ друга все остальное время. Ничего не могло быть прелестнѣе этихъ возобновлявшихся встрѣчъ на почвѣ милосердія, этихъ трехъ дней, проводимыхъ вмѣстѣ среди страшной усталости, но также и среди мальчишескаго веселья; это даже немного смахивало на увеселительную поѣздку взрослыхъ мальчиковъ, которыхъ выпустили на свободу, чтобы они могли позабавиться и которые были радёхоньки жертвовать собою и смѣяться. Даже самая скудость стола, это гордое сознаніе, что обходишься безъ постороннихъ услугъ: ѣшь, что купилъ самъ и велѣлъ приготовить,—способствовали общему прекрасному настроенію.

— Вотъ видите,—замѣтилъ Жераръ,—мы не унываемъ, не смотря на наше тяжелое ремесло... Попечительство насчитываетъ болѣе трехсотъ членовъ, но посѣтителей здѣсь всего полтораста, такъ какъ пришлось устроить два стола для облегченія службы въ пещерѣ и госпиталяхъ.

При видѣ группы постороннихъ, остановившейся на порогѣ, веселость присутствующихъ какъ будто еще удвоилась. Бертò, начальникъ санитаровъ, сидѣвшій на краю стола, любезно всталъ, чтобы встрѣтить дамъ.

— Да здѣсь, право, очень мило!—воскликнула г-жа Дезаньо со свойственной ей вѣтряностью. — Не пригласите ли вы насъ завтра отвѣдать вашей стряпни?

— О, нѣтъ, здѣсь не принимаютъ дамъ!—отвѣчалъ, смѣясь, Бертò.—Но если эти господа пожелали бы завтра раздѣлить нашу трапезу, то милости просимъ.

Съ одного взгляда онъ замѣтилъ дружескія отношенія между Жераромъ и Реймондой и, казалось, былъ въ восторгѣ, такъ какъ очень желалъ этого брака для своего кузена.

Digitized by Google

— Не правда ли, вѣдь это маркизъ Сальмонъ-Рокберъ,— спросила молодая дѣвушка,—вонъ тамъ между двухъ молодыхъ людей, похожихъ на прикащиковъ?

— Это, дѣйствительно, сыновья одного мелкаго тѳрговца бумагой изъ Тарба... А тотъ господинъ—никто иной, какъ маркизъ, вашъ сосѣдъ въ улицѣ Лилль, владѣлецъ королевскаго отеля, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ людей во Франціи... Взгляните, какъ онъ угощается нашимъ рагу изъ баранины!

И, въ самомъ дѣлѣ, маркизъ со своими мильонами, казалось, съ удовольствіемъ питался за три франка въ день; ему нравилось, совсѣмъ на демократическій манеръ, садиться за одинъ столъ съ мелкими буржуа и даже рабочими, которые не посмѣли бы поклониться ему на улицѣ. Не были ли эти случайные сотоварищи воплощеніемъ соціальнаго единенія на почвѣ широкой благотворительности? Маркизъ въ это утро былъ особенно голоденъ, потому что успѣлъ выкупать до шестидесяти больныхъ, погружая въ цѣлебную воду всѣ отвратительные недуги жалкаго человѣчества. И вокругъ него, за этимъ столомъ, было осуществленіе евангельской общности; но, разумѣется, она существовала, такая прелестная и веселая, лишь на томъ условіи, что устанавливалась всего на три дня.

Де-Герсенъ, хотя только что позавтракалъ, но вздумалъ изъ любопытства попробовать рагу изъ баранины и нашелъ его превосходнымъ. Въ это время Пьеръ замѣтилъ барона Сюира, директора попечительства; онъ прохаживался съ важнымъ видомъ, точно поставилъ себѣ задачей присматривать за всѣмъ, не исключая и того, какъ питаются его подчиненные. Тутъ молодому аббату внезапно пришло въ голову пламенное желаніе Мари провести ночь передъ пещерой и онъ подумалъ, что баронъ можетъ дать свое разрѣшеніе.

— Конечно,—отвѣчалъ тотъ на его вопросъ, принимая серьезную мину,—мы допускаемъ иногда подобныя вещи. Однако, это дѣло всегда щекотливое. Вы ручаетесь мнѣ, по крайней мѣрѣ, что та молодая особа не чахоточная?.. Ну, если, по вашимъ словамъ, она такъ сильно этого добивается, я скажу словечко отцу Фуркаду и увѣдомлю г-жу де-Жонкьеръ, чтобы она позволила вамъ взять больную.

Сюиръ былъ въ сущности добрый малый, хотя и старался выставить себя человѣкомъ необходимымъ, на которомъ лежитъ самая тяжелая отвѣтственность. Въ свою очередь онъ занялся посѣтителями и сообщилъ имъ всѣ мельчайшія подробности объ организаціи попечительства: у нихъ происходятъ общія молитвы, бываютъ по два административныхъ совѣта въ день, на которыхъ присутствуютъ начальники отдѣловъ, а также монахи и нѣкоторые священники. Причащаются они какъ можно чаще. Вообще здѣсь масса сложнаго дѣла, служебный персоналъ—

Digitized by Google

самый разношерстный и перемѣнный, множество народу, которымъ надо управлять твердою рукою. Баронъ говорилъ тономъ боеваго генерала, ежегодно одерживающаго блистательную побѣду надъ духомъ вѣка. Онъ отослалъ Бертѐ кончать свой завтракъ, а самъ непремѣнно захотѣлъ проводить дамъ на усыпанный пескомъ небольшой дворикъ подъ тѣнью деревьевъ.

— Очень интересно! Очень интересно! — повторяла г-жа Дезаньо. — О, какъ мы вамъ благодарны за вашу любезность.

— Помилуйте, сударыня! Это мнѣ крайне лестно воспользоваться случаемъ, чтобы показать вамъ свой маленькій народецъ.

Жераръ не отходилъ отъ Реймонды. Де-Герсенъ и Пьеръ уже не разъ переглядывались, думая о томъ, что имъ пора на площадь Маркадаля, какъ вдругъ г-жа Дезаньо вспомнила о порученіи одной пріятельницы, просившей прислать ей бутылку воды изъ Лурда. Она спросила Жерара, какъ это сдѣлать.

— Хотите, чтобы я послужилъ вамъ еще проводникомъ?— спросилъ онъ.—Постойте, если этимъ господамъ угодно съ нами пройтись, я сначала проведу васъ въ магазинъ, гдѣ наполняются бутылки, которыя закупориваютъ и укладываютъ въ ящики, а затѣмъ отправляютъ. Это очень любопытно.

Де-Герсенъ сейчасъ же согласился и всѣ пятеро отправились дальше,—г-жа Дезаньо между архитекторомъ и аббатомъ, Реймонда съ Жераромъ впереди. Толпа увеличивалась подъ жгучимъ солнцемъ; площадь Розарія была переполнена смѣшаннымъ и праздднымъ людомъ, какъ въ дни публичныхъ торжествъ. Впрочемъ, мастерская находилась по близости, влѣво, подъ одной изъ арокъ. Она представляла анфиладу изъ трехъ залъ, совершенно простыхъ. Въ первой наполняли бутылки и притомъ самымъ обыкновеннымъ способомъ: водовозъ привозилъ на себѣ изъ пещеры небольшую цинковую бочку, выкрашенную зеленой краской, въ родѣ тѣхъ, какія употребляются для поливки улицъ; потомъ изъ нея наполняли бутылки блѣднаго стекла прямо черезъ кранъ, причемъ работникъ, цѣдившій воду, не всегда акуратно исполнялъ свое дѣло: у бочки на землѣ постоянно виднѣлась лужа. На бутылкахъ не было этикетокъ; надпись съ обозначеніемъ мѣста находилась только на пробкѣ изъ хорошаго матерьяла, прикрытой свинцовой капсюлей; потомъ ее заливали еще смолою. Въ остальныхъ двухъ залахъ производилась упаковка.

Жераръ давалъ объясненія довольнымъ и увѣреннымъ тономъ.

— Вы видите: вода, дѣйствительно, берется изъ пещеры, что вполнѣ опровергаетъ неумѣстныя шутки, ходящія въ обществѣ. Тутъ нѣтъ никакихъ усложненій, все натурально и происходитъ въ явь... Кромѣ того, монахи не продаютъ цѣлебной воды, какъ про нихъ толкуютъ. Такъ, бутылка, купленная

Digitized by Google

здѣсь, стоитъ всего двадцать сантимовъ, во что обходится стекло. Если же вы захотите ее переслать, тогда, конечно, прибавляете за упаковку и отправку, причемъ она обойдется въ одинъ франкъ семьдесятъ сантимовъ. Впрочемъ, вамъ не запрещаютъ наполнять самимъ у источника столько посуды, сколько вы привезли съ собою.

Пьеръ подумалъ, что тутъ выгода для монаховъ была не велика: они наживали только на фабрикаціи ящиковъ и бутылокъ, которыя, взятыя въ тысячномъ количествѣ, разумѣется, не стоили имъ по двадцати сантимовъ штука. Но Реймонда и г-жа Дезаньо, какъ и де-Герсенъ, люди съ живымъ воображеніемъ, были сильно разочарованы видомъ маленькой зеленой бочки и капсюлей, обмазанныхъ мастикой. Они, вѣроятно, воображали, что наполненіе бутылокъ чудодѣйственной водой происходитъ съ религіозными церемоніями, что духовенство въ ризахъ благословляетъ воду при умилительномъ пѣніи дѣтскаго хора. И Пьеръ задумался о великой силѣ вѣры, приглядываясь къ этимъ обыденнымъ процессамъ разлива и упаковки.

— Ахъ!—спохватился Жераръ, провожая посѣтителей обратно,—не желаете ли еще осмотрѣть магазинъ восковыхъ свѣчъ, прежде чѣмъ подняться въ здѣшнюю контору? Пожалуйте вотъ сюда.

И, не дожидаясь согласія остальныхъ, онъ потащилъ всю компанію на другую сторону площади Розарія, думая въ сущности только о томъ, чтобы доставить удовольствіе Реймондѣ. На самомъ же дѣлѣ, видъ склада восковыхъ свѣчъ былъ еще меньше утѣшителенъ, чѣмъ обстановка упаковочныхъ магазиновъ, откуда маленькое общество только что вышло. Складъ, помѣщавшійся подъ одной изъ арокъ направо, представлялъ собою нѣчто въ родѣ подвала, глубокаго погреба, раздѣленнаго досками на обширные лари. Въ этихъ ларяхъ лежалъ громадный запасъ восковыхъ свѣчъ, разсортированныхъ по величинѣ. Тутъ хранился и излишекъ приношеній богомольцевъ въ пещеру. Они были до того многочисленны, что спеціально назначенныя для этого телѣжки, на которыя сами паломники клали свѣчи около рѣшетки, по нѣскольку разъ въ день пріѣзжали сюда разгружаться и возвращались обратно, чтобы снова наполниться. По правилу, каждая пожертвованная свѣча непремѣнно сожигалась передъ ликомъ пресвятой Дѣвы, но ихъ накоплялось черезчуръ много и хотя по двѣсти свѣчъ всякихъ размѣровъ обязательно теплились день и ночь, но не было никакой возможности истощить весь этотъ страшный запасъ, который безпрестанно увеличивался. Ходилъ слухъ, будто бы монахи были принуждены перепродавать воскъ. Нѣкоторыя лица, близко стоявшія къ дѣлу, съ гордостью сознавались сами, что этой операціей можно было бы покрыть всѣ расходы.

Digitized by Google

Пьеръ, не говоря ни слова, смотрѣлъ на эту гору воска, пожертвованнаго съ тѣмъ, чтобы испариться во славу божію при яркомъ свѣтѣ солнца, и хотя онъ не былъ утилитаристомъ и понималъ роскошь радостей, призрачныхъ удовольствій, которыя питаютъ человѣка наравнѣ съ насущнымъ хлѣбомъ, но не могъ не подумать о томъ, сколько благодѣяній можно было бы оказать нуждающимся на деньги, заплаченныя за весь этотъ воскъ, которому предстояло истаять и обратиться въ дымъ.

— Ну, а какъ же быть съ бутылкой, которую мнѣ надо послать?—спросила г-жа Дезаньо.

— Мы пойдемъ въ контору,—отвѣчалъ Жераръ.—Это дѣло пяти минутъ.

Имъ пришлось снова пересѣчь площадь Розарія и подняться по лѣстницѣ, ведшей къ базиликѣ. Контора находилась вверху, влѣво, у выхода на Гѳлгоѳскій путь. Зданіе было совсѣмъ мизерное, — дрянная лачуга, разрушенная вѣтрами и дождемъ, съ надписью на простой доскѣ: «Адресоваться сюда для заказа обѣдень, съ пожертвованіями и порученіями братствамъ. Пріемъ поминаній. Отсылка лурдской воды. Подписка на газету «Лѣтопись лурдской Богоматери». Цѣлые мильоны прошли черезъ эту невзрачную контору.

Всѣ вошли, движимые любопытствомъ, но не увидали ничего, кромѣ форточки. Г-жа Дезаньо была принуждена наклониться, чтобы дать адресъ своей подруги: когда же она внесла одинъ франкъ семьдесятъ сантимовъ, ей подали узенькую квитанцію,—клочокъ бумаги, какіе выдаются въ багажномъ отдѣленіи желѣзнодорожныхъ станцій. Выдя изъ конторы, Жераръ продолжалъ свои объясненія, указывая на обширное зданіе въ двухстахъ или трехстахъ метровъ оттуда.

— Взгляните, вотъ жилище пещерныхъ монаховъ.

— Но ихъ никогда не видно,—замѣтилъ Пьеръ.

Молодой человѣкъ остановился на минуту въ удивленіи.

— Ихъ никогда не видно, разумѣется, потому что они предоставляютъ пещеру и все остальное монахамъ ордена Успенія на время національнаго паломничества.

Пьеръ смотрѣлъ на домъ, напоминавшій укрѣпленный замокъ. Окна были затворены, точно зданіе стояло пустымъ. А между тѣмъ все исходило оттуда и все уходило туда. И молодому священнику почудился неслышный и страшный ударъ грабель, которыя захватывали всю долину, подбирали стекавшійся народъ и тащили сюда все золото этого множества паломниковъ.

Но Жераръ продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Постойте! Вотъ видите, они показываются. Вонъ какъ разъ идетъ его преподобіе, отецъ Капдебартъ, директоръ.

Дѣйствительно, мимо нихъ проходилъ монахъ, крестьянинъ,

Digitized by Google

едва сбросившій съ себя природную грубость, съ узловатымъ тѣломъ, съ толстой головой, точно вытесанной топоромъ. Въ его непросвѣчивавшихъ глазахъ нельзя было прочесть ничего; какъ будто стершееся лицо сохраняло землистую блѣдность, рыжеватый и мрачный оттѣнокъ земли. Монсеньоръ Лорансъ въ былое время поступилъ, дѣйствительно, какъ тонкій политикъ, поручивъ организацію и эксплуатацію пещеры этимъ миссіонерамъ Гарезона, такимъ жаднымъ и суровымъ, которые почти всѣ сплошь дѣти горцевъ—страстные любовники почвы.

Послѣ того, компанія медленно спустилась по Мерласскому плато широкимъ бульваромъ, который обрамляетъ лѣвый спускъ и соединяется съ пещерной аллеей. Былъ уже часъ пополудни, но въ переполненномъ пріѣзжими городѣ все еще продолжалось время завтрака; пятьдесятъ тысячъ паломниковъ и туристовъ еще не всѣ успѣли перебывать въ ресторанахъ, тѣснясь за общими столами. Пьеръ, оставившій въ своемъ отелѣ полный табльдотъ, присутствовавшій при завтракѣ въ «притонѣ», встрѣчалъ повсюду столы и столы. Вездѣ только ѣли и ѣли. Но здѣсь, на открытомъ воздухѣ, по обѣимъ сторонамъ просторнаго шоссе, лишь мелкій людъ завладѣвалъ столами, поставленными на тротуарахъ и состоявшими изъ простыхъ длинныхъ досокъ, покрытыхъ узкой холстинкой, съ двумя такими же длинными скамьями для сидѣнья. Тутъ продавали бульонъ, молоко, кофе по два су чашка. Хлѣбцы въ высокой корзинѣ также стоили по два су. Подвѣшенныя къ палкамъ, поддерживавшимъ навѣсъ, болтались связки колбасъ, окорока, сосиски. Одни изъ этихъ уличныхъ рестораторовъ жарили тутъ же картофель, другіе приготовляли говядину съ лукомъ. Ѣдкій дымъ, рѣзкій запахъ носились подъ жгучимъ солнцемъ, смѣшиваясь съ пылью, которую поднимали безпрестанно сновавшіе прохожіе. Передъ каждой палаткой стояли вереницей ожидающіе. Посѣтители смѣняли другъ друга на скамьяхъ вдоль доски, служившей столомъ и обитой клеенкой; она была до того узка, что на ней едва помѣщались въ ширину двѣ чашки супа. Всѣ торопились, впопыхахъ глотали пищу, побуждаемые острымъ голодомъ,—тѣмъ ненасытнымъ апетитомъ, который порождаютъ сильныя нравственныя потрясенія. Животная сторона въ человѣкѣ брала свое и жадно удовлетворяла себя послѣ изнеможенія отъ безконечныхъ молитвъ.

— Пускай себѣ ѣдятъ и веселятся! — замѣтилъ Жераръ, угадавъ мысли любезнаго общества, съ которымъ онъ прогуливался.

— Ахъ,—пробормоталъ Пьеръ,—это вполнѣ законно; бѣдные люди!

Онъ былъ живо тронутъ этимъ реваншемъ природы. Но когда они снова очутились внизу бульвара, на дорогѣ къ пе-

Digitized by Google

щерѣ, его возмутила навязчивость продавщицъ восковыхъ свѣчъ и букетовъ. Бродячія шайки торговокъ осаждали прохожихъ, дѣйствуя нахрапомъ. По большей части, то были молодыя женщины, простоволосыя или въ маленькихъ платочкахъ, необыкновенно назойливыя. Старухи не уступали имъ въ дерзости. Всѣ онѣ, съ пачкою свѣчъ подъ мышкой, размахивали другою пачкой и совали свой товаръ прямо въ руки гуляющимъ.— Сударь, сударыня, купите у меня свѣчу, это принесетъ вамъ счастье!—Одного мужчину до того затормошили три приставшія къ нему торговки изъ самыхъ молоденькихъ, что едва не оторвали полы его сюртука. Та же исторія повторялась съ букетами, толстыми, круглыми, кое-какъ перевязанными тесемкой, похожими на кочанъ капусты. Торгашество, безстыдное торгашество цѣплялось такимъ образомъ за богомольцевъ до самаго входа въ пещеру. Въ ручныхъ телѣжкахъ возили четки, медали, статуэтки, религіозныя картинки. И со всѣхъ сторонъ пріѣзжіе покупали, покупали почти столько же, какъ и ѣли. Веселье этой комерческой бойкости, этой толкотни блузниковъ, еще усиливалось, благодаря уличнымъ мальчишкамъ, сновавшимъ въ толпѣ съ «*Пещерной газетой*». Ихъ тонкіе, рѣзкіе голоса звенѣли въ ушахъ: «Два су»! «Пещерная газета!»

Среди постоянныхъ толчковъ, прилива и отлива движущейся массы народа, маленькая компанія раздѣлилась. Реймонда съ Жераромъ остались позади. Они разговаривали между собою потихоньку съ видомъ улыбающейся интимности. Наконецъ, г-жа Дезаньо остановилась, чтобы позвать ихъ.

— Идите же, не то мы растеряемся!

Когда они приближались, Пьеръ услыхалъ, какъ молодая дѣвушка сказала:

— Maman такъ занята! Переговорите съ ней до нашего отъѣзда.

И Жераръ отвѣчалъ:

— Само собою разумѣется. Вы дѣлаете меня счастливымъ человѣкомъ.

Это былъ завоеванный и рѣшенный бракъ, помолвка, состоявшаяся во время очаровательной прогулки между дикови-нами Лурда. Реймонда, безъ посторонняго вмѣшательства, закончила свою побѣду, а Жераръ рѣшился, наконецъ, распорядиться своей судьбой, опьяненный близостью нравившейся ему дѣвушки, такой веселой и разсудительной.

Между тѣмъ, де-Герсенъ, поднявъ глаза, воскликнулъ:

— Вонъ тамъ вверху на балконѣ сидятъ, кажется, тѣ богатые люди, которые ѣхали съ нами, — знаете, та больная молодая дама съ мужемъ и сестрою?

Онъ говорилъ о семействѣ Дьелафэ. Дѣйствительно, это были они на балконѣ нанятой ими квартиры въ новомъ домѣ,

Digitized by Google

выходившемъ своими окнами на лужайки Розарія. Дьелафэ занимали тамъ бельэтажъ, меблированный со всею роскошью, какую могъ доставить Лурдъ, съ коврами, занавѣсами, не говоря уже о цѣломъ штатѣ прислуги, прибывшемъ заранѣе изъ Парижа. Такъ какъ была хорошая погода, то больную вывезли на свѣжій воздухъ въ большомъ креслѣ на колесахъ. На ней былъ пеньюаръ изъ кружевъ. Мужъ, по прежнему безукоризненно затянутый въ сюртукъ, стоялъ возлѣ нея справа, тогда какъ сестра, восхитительно одѣтая въ туалетъ свѣтлаго цвѣта мальвы, сидѣла слѣва, улыбаясь; порою она наклонялась къ больной, заговаривая съ нею, но не получая отвѣта.

— О!—стала разсказывать маленькая г-жа Дезаньо,—я часто слышала о г-жѣ Жуссёръ, вонъ той молодой дамѣ въ платьѣ цвѣта мальвы. Она замужемъ за однимъ дипломатомъ, который пренебрегаетъ ею, не смотря на ея замѣчательную красоту. Въ прошломъ году много толковали о томъ, что она влюбилась въ молодаго полковника, весьма извѣстнаго въ парижскомъ свѣтѣ. Но католическіе салоны увѣряютъ, что г-жа Жуссёръ восторжествовала надъ своей страстью, благодаря религіи.

Всѣ остановились, поднявъ головы къ балкону.

— И представьте себѣ,—продолжала г-жа Дезаньо, — что ея сестра, вонъ та больная, была живымъ портретомъ этой красавицы. Ея черты выражали даже больше кроткой доброты и веселости... А теперь, взгляните! Это—мертвая, выставленная на солнце; истаявшее тѣло, блѣдное, какъ воскъ, и безъ костей. Ее боятся тронуть. Ахъ, несчастная!

Тогда Реймонда стала увѣрять, что г-жа Дьелафэ, бывшая замужемъ какихъ нибудь три года, привезла сюда всѣ драгоцѣнности изъ своей свадебной корзинки, чтобы пожертвовать ихъ лурдской Богоматери. Жераръ подтвердилъ этотъ слухъ; ему говорили поутру, что привезенныя сокровища передали уже въ ризницу базилики, не считая золотаго фонаря, осыпаннаго драгоцѣнными камнями, и крупной суммы денегъ для раздачи бѣднымъ. Однако, больной стало какъ будто еще хуже.

Съ той минуты Пьеръ не видалъ ничего болѣе, кромѣ этой молодой женщины на роскошномъ балконѣ, этого жалкаго созданія съ ея богатствомъ, господствовавшаго надъ веселой беззаботной толпой, надъ разгулявшимся Лурдомъ, который кутилъ и смѣялся подъ дивнымъ праздничнымъ небомъ. Двое дорогихъ существъ, ухаживавшихъ за нею съ такою нѣжностью,—сестра, отказавшаяся ради нея отъ свѣтскихъ тріумфовъ обожаемой женщины, и мужъ, позабывшій свой банкъ, откуда по всему свѣту катились мильоны,—еще усиливали своею безукоризненной порядочностью тягостное впечатлѣніе этой группы.

Однако, пятеро гуляющихъ, остановившись посреди аллеи, рисковали каждую минуту быть раздавленными. По широкимъ

Digitized by Google

дорогамъ постоянно подъѣзжали экипажи, въ особенности много ландо, запряженныхъ четверкой и мчавшихся подъ веселый звонъ бубенчиковъ. То были туристы съ морскихъ купаній: изъ По, Барежа, Котрэ, привлеченные любопытствомъ, восхищавшіеся прекрасной погодой, оживленные быстрой ѣздой по горамъ; они оставались здѣсь всего нѣсколько часовъ, бѣжали къ пещерѣ, въ базилику, въ костюмахъ для прогулокъ по морскому берегу, потомъ уѣзжали съ веселымъ смѣхомъ, довольные видѣннымъ. Семейства въ свѣтлыхъ платьяхъ, группы молодыхъ женщинъ съ яркими зонтиками сновали въ безцвѣтной и нейтральной толпѣ паломничества, окончательно придавая ей видъ ярмарочнаго сборища въ праздничный день, когда высшій свѣтъ удостоиваетъ повеселиться заодно съ простолюдинами.

Вдругъ г-жа Дезаньо громко вскрикнула:

— Какъ, это ты, Берта?

И она бросилась обнимать высокую, очаровательную брюнетку, выходившую изъ ландо съ тремя другими молодыми особами, которыя смѣялись и были очень оживлены. Онѣ перебивали одна другую, въ восторгѣ отъ неожиданной встрѣчи.

— Какъ же, моя милая, вѣдь мы живемъ въ Котрэ и вотъ вздумали прикатить сюда вчетверомъ, по примѣру другихъ: А твой мужъ здѣсь съ тобою?

— Да нѣтъ же! Онъ въ Трувилѣ, ты отлично знаешь! Я возвращусь къ нему въ четвергъ.

— Ахъ, да,—спохватилась высокая брюнетка, также какъ и г-жа Дезаньо, походившая на милую вѣтряницу.—Я вѣдь забыла: ты съ паломничествомъ... Ну, а скажи-ка мнѣ...

Она понизила голосъ ради Реймонды, стоявшей тутъ же съ улыбкой на лицѣ.

— Скажи, этотъ запоздалый ребенокъ... Просила ты о немъ?

Г-жа Дезаньо, немного покраснѣвъ, заставила подругу замолчать и шепнула ей:

— Конечно; я прошу объ этомъ вотъ уже два года и мнѣ ужасно досадно, что до сихъ поръ ничего нѣтъ... Но на этотъ разъ, надѣюсь, все пойдетъ благополучно... О, не смѣйся; я положительно почувствовала кое-что сегодня поутру, когда стояла у пещеры.

Однако, смѣхъ разобралъ и ее; дамы кричали, дурачились, какъ сумашедшія. Тутъ паломница предложила себя въ провожатые, обѣщая показать пріѣзжимъ все менѣе чѣмъ въ два часа.

— Пойдемте вмѣстѣ съ нами, Реймонда. Ваша матушка не станетъ безпокоиться.

Онѣ распростились съ Пьеромъ и де-Герсеномъ. Жераръ

Digitized by Google

также откланялся, причемъ нѣжно пожалъ руку молодой дѣвушки, заглядывая ей въ глаза, какъ будто для того, чтобы окончательно скрѣпить ихъ союзъ. Потомъ дамы удалились, направляясь къ пещерѣ; ихъ было шестеро и всѣ такія жизнерадостныя, сіяющія восхитительной прелестью молодости.

Когда Жераръ въ свою очередь повернулъ въ другую сторону, спѣша на службу, де-Герсенъ сказалъ Пьеру:

— А что жь нашъ парикмахеръ на площади Маркадаля? Мнѣ надо, однако, зайти къ нему... Вы пойдете со мною, не такъ ли?

— Конечно, куда вамъ угодно. Отчего мнѣ не пойти, если мы оба не нужны Мари?

Они дошли до новаго моста аллеями, посреди обширныхъ лужаекъ, разстилающихся передъ Розаріемъ. Тутъ ихъ ожидала еще встрѣча съ аббатомъ де-Гермуазъ, который сопровождалъ двухъ молодыхъ дамъ, пріѣхавшихъ въ то утро изъ Тарба. Онъ шелъ между ними съ любезнымъ видомъ свѣтскаго священника и показывалъ имъ Лурдъ, нарочно избѣгая его мрачныхъ сторонъ,—бѣдныхъ, больныхъ,—всей этой атмосферы жалкой человѣческой нищеты и горя, которыя почти исчезли отсюда въ этотъ дивный день съ его прекраснымъ солнцемъ. Съ перваго же слова де-Герсена, заговорившаго съ нимъ о наймѣ экипажа для поѣздки въ Гаварни, аббатъ какъ будто испугался необходимости разстаться со своими хорошенькими спутницами.

— Дѣлайте, какъ знаете, распоряжайтесь, какъ вамъ угодно. И вы правы: надо сговориться за сходную цѣну, потому что со мною поѣдетъ двое духовныхъ лицъ, не особенно богатыхъ. Насъ будетъ четверо... Итакъ, сегодня вечеромъ. Дайте мнѣ только знать о часѣ отъѣзда.

И онъ снова присоединился къ дамамъ, которыхъ повелъ къ пещерѣ тѣнистой аллеей, идущей по берегу Гава, свѣжей и скромной аллеей влюбленныхъ. Пьеръ держался въ сторонѣ во время разговора; отъ усталости онъ прислонился спиною къ парапету новаго моста. И въ первый разъ необыкновенное множество священниковъ, сновавшихъ въ толпѣ, поразило его. Онъ смотрѣлъ, какое несмѣтное число сутанъ шмыгало по мосту. Тутъ встрѣчались всѣ разновидности этого сословія: священники хорошаго тона, прибывшіе съ паломничествомъ, которыхъ можно было узнать по увѣренному виду и опрятной одеждѣ; бѣдные попы изъ деревенскихъ приходовъ, болѣе застѣнчивые, плохо одѣтые, добравшіеся въ Лурдъ путемъ лишеній и ходившіе по улицамъ съ растерянной миной; наконецъ, масса лицъ нештатнаго духовенства, попавшаго сюда неизвѣстно изъ какихъ мѣстъ и пользовавшагося полной свободой. Здѣшняя свобода, очевидно, была имъ настолько по душѣ, что большинство ихъ, подобно аббату де-Гермуазу, оставалось

Digitized by Google

въ Лурдѣ для отдыха и развлеченія, довольное тѣмъ, что тутъ священникъ можетъ жить, какъ частный человѣкъ, благодаря громадному стеченію народа, въ которомъ такъ легко затеряться. И, начиная со щегольски одѣтаго, надушеннаго молодаго викарія до старика приходскаго священника въ грязной сутанѣ, волочащаго деревянные башмаки, тутъ попадались всѣ типы духовенства: толстяки, худые, высокіе и низенькіе; одни, пылавшіе усердіемъ, привлеченные сюда вѣрой, другіе—видѣвшіе въ священствѣ просто ремесло и добросовѣстно занимавшіеся совершеніемъ обрядовъ; наконецъ интриганы, пріѣхавшіе въ Лурдъ чисто изъ мудрой политики. Пьеръ былъ удивленъ этимъ наплывомъ своихъ собратій, проходившихъ мимо него; каждый изъ нихъ былъ одушевленъ своей особой страстью, но всѣ непремѣнно спѣшили къ пещерѣ, какъ спѣшатъ на должность, исполняя скучную обязанность. Въ числѣ прочихъ молодой священникъ замѣтилъ одного малорослаго, тонкаго, черноватаго; онъ сильно смахивалъ на итальянца; его блестящіе глаза точно снимали планъ Лурда, и этотъ попикъ напоминалъ одного изъ тѣхъ шпіоновъ, которые осторожно рыщутъ по непріятельской странѣ передъ ея завоеваніемъ, тогда какъ другой аббатъ громаднаго роста, съ отечески-добродушнымъ лицомъ, отдуваясь послѣ черезчуръ обильнаго завтрака, остановился передъ какой-то больной старухой и сунулъ ей сто су. Наконецъ, де-Герсенъ присоединился къ своему товарищу.

— Намъ нужно пройти только по бульвару и по Нижней улицѣ,—сказалъ онъ.

Пьеръ молча пошелъ за нимъ. Онъ самъ почувствовалъ сутану у себя на плечахъ и никогда не казалась она ему такою легкой, какъ въ этой сутолокѣ паломничества. Онъ жилъ въ какомъ-то безсознательномъ состояніи, ожидая, что вѣра осѣнитъ его съ быстротою молніи, не смотря на необъяснимо-тягостное чувство, разраставшееся въ немъ при видѣ окружающаго. И все увеличивавшійся наплывъ священниковъ не возмущалъ его болѣе; въ немъ снова заговорило братское чувство къ нимъ: сколько между ними было такихъ, которые, не вѣря, честно исполняли, какъ и онъ самъ, высокую миссію руководителей и утѣшителей!

Де-Герсенъ возвысилъ голосъ.

— Вы знаете, что этотъ бульваръ совсѣмъ новый? Какое множество домовъ понастроили тутъ за двадцать лѣтъ, это, просто, невообразимо! Дѣйствительно, цѣлый городъ.

Лапака протекалъ справа за домами. Они изъ любопытства прошли въ переулокъ и наткнулись на курьезныя низенькія строенія, окаймлявшія узкій ручей. Много старыхъ мельницъ выставляли здѣсь въ рядъ свои колеса. Имъ показали ту изъ

Digitized by Google

нихъ, которую монсеньоръ Лорансъ подарилъ родителямъ Бернадетты послѣ «явленій». Наконецъ, по Нижней улицѣ путешественники дошли до площади Маркадаля. То была длинная трехъугольная площадь, самая оживленная и самая роскошная въ старомъ городѣ; сюда выходили кафэ, аптеки, прекрасные магазины. Одинъ изъ нихъ особенно бросался въ глаза; онъ былъ выкрашенъ въ свѣтло-зеленую краску, сіялъ высокими зеркальными окнами и надъ нимъ красовалась широкая вывѣска съ надписью золотыми буквами: «Казабанъ, парикмахеръ». Де-Герсенъ съ Пьеромъ вошли туда. Однако, въ залѣ парикмахерской не было никого; имъ пришлось ждать. Громкій стукъ вилокъ доносился изъ сосѣдней комнаты, обыкновенной столовой, превращенной въ табльдотъ, гдѣ завтракало человѣкъ десять, хотя было уже два часа. Послѣполуденное время подвигалось впередъ, но съ одного конца Лурда до другаго все еще продолжали ѣсть. Какъ всѣ прочіе домовладѣльцы въ городѣ, каковы бы ни были ихъ религіозныя убѣжденія, Казабанъ въ сезонъ паломничествъ отдавалъ внаймы свою собственную комнату, уступалъ столовую, а самъ удалялся въ погребъ, гдѣ ѣлъ и спалъ, забираясь съ женою въ яму безъ воздуха въ три квадратныхъ метра. Это былъ настоящій ражъ торгашества; все коренное населеніе исчезало, точно въ завоеванномъ городѣ, отдавая паломникамъ даже постели женъ и дѣтей, усаживая ихъ за свой собственный столъ, давая имъ ѣсть со своихъ собственныхъ тарелокъ.

— Здѣсь нѣтъ никого?—крикнулъ де-Герсенъ.

Наконецъ появился маленькій человѣчекъ, типъ живаго и узловатаго пиренейца, съ длиннымъ скуластымъ лицомъ и загорѣлой кожей въ красныхъ пятнахъ. Его большіе блестящіе глаза не оставались ни на минуту въ покоѣ; вся худощавая фигура трепетала и нервная подвижность обнаруживалась излишествомъ жестовъ и словъ.

— Прикажете, сударь, васъ побрить, не такъ ли? Прошу прощенья: мой подмастерье вышелъ, и я замѣшкался тамъ съ постояльцами... Не угодно ли сѣсть, я сейчасъ все пригоготовлю.

И Казабанъ, удостоивая заняться кліентомъ, самолично принялся взбивать мыло и точить бритву. Онъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на сутану Пьера, который молча сѣлъ къ столу, развернулъ газету и, казалось, погрузился въ чтеніе. Наступила пауза. Но Казабану было не въ терпежъ молчать и, намыливая подбородокъ де-Герсена, онъ заговорилъ:

— Представьте себѣ, сударь, что мои постояльцы до того замѣшкались у пещеры, что только сейчасъ явились къ завтраку. Слышите, какой шумъ? Я оставался при нихъ изъ вѣжливости... Но вѣдь и то сказать: надо же мнѣ заняться кліентами, вѣдь слѣдуетъ угодить всякому.

Digitized by Google

Тутъ архитекторъ, также любившій поболтать, сталъ его разспрашивать.

— А вы отдаете комнаты паломникамъ?

— О, сударь, мы всѣ дѣлаемъ такъ,—простодушно отвѣчалъ парикмахеръ.—Въ нашей сторонѣ безъ этого нельзя.

— И вы провожаете ихъ къ пещерѣ?

Казабанъ моментально возмутился и съ поднятой бритвой въ рукѣ возразилъ съ величайшимъ достоинствомъ:

— Никогда, сударь, никогда! Вотъ ужь пять лѣтъ, какъ я не бывалъ въ новомъ городѣ, который здѣсь строятъ.

Онъ еще сдерживался и опять мелькомъ взглянулъ на сутану Пьера, закрывшагося газетой; видъ краснаго крестика, приколотаго къ жакету архитектора, заставлялъ его быть осторожнѣе. Но болтливый языкъ увлекъ парикмахера.

— Послушайте, сударь, всѣ мнѣнія свободны; я уважаю ваше, но я никогда не вдавался въ эти фантасмагоріи, никогда! И я не скрывалъ того, что думаю. Во времена имперіи, сударь, я уже былъ республиканцемъ и свободнымъ мыслителемъ. Насъ было только четверо такихъ въ цѣломъ городѣ. Да, я горжусь этимъ.

Онъ принялся за лѣвую щеку де-Герсена и торжествовалъ. Съ этой минуты, слова полились у него неистощимымъ потокомъ. Сначала онъ повторялъ обвиненія Мажестэ противъ пещерныхъ монаховъ: противъ торговли священными предметами, недобросовѣстной конкуренціи прочимъ торговцамъ, содержателямъ отелей и лицамъ, отдававшимъ комнаты. А «голубыя сестры» ордена Непорочнаго Зачатія! Казабанъ также страшно ихъ ненавидѣлъ, потому что онѣ лишили его двухъ жилицъ, двухъ старушекъ, ежегодно проводившихъ въ Лурдѣ по три недѣли. И въ немъ особенно чувствовалось медленно накоплявшееся, а теперь бившее черезъ край озлобленіе стараго города противъ новаго, выросшаго такъ быстро по ту сторону замка, этого богатаго города съ громадными домами, не уступавшими дворцамъ, куда уходила вся жизнь, вся роскошь, всѣ деньги, причемъ новый Лурдъ безостановочно увеличивался и обогащался, тогда какъ его старшій братъ, бѣдный горный городокъ, окончательно умиралъ со своими маленькими пустынными улицами, поросшими травою. Однако борьба продолжалась: старый городъ не хотѣлъ умирать, стараясь принудить къ дѣлежу своего неблагодарнаго младшаго брата, помѣщая у себя въ свою очередь паломниковъ и открывая лавки. Но торговали бойко только тѣ магазины, которые находились по близости пещеры, и одни бѣдные паломники соглашались квартировать вдалекѣ. И эта неравная борьба усиливала распрю, обращала въ непримиримыхъ враговъ верхній и нижній городъ, причемъ они втайнѣ старались подорвать другъ друга постоянными интригами.

Digitized by Google

— Ну, нѣтъ, ужь меня-то не увидятъ въ ихъ пещерѣ... нѣтъ, слуга покорный!—продолжалъ Казабанъ со своимъ запальчивымъ видомъ.—И какъ они злоупотребляютъ своей пещерой, какъ потчуютъ ею подъ всѣми соусами! Такое идолопоклонство, такое грубое суевѣріе въ концѣ девятнадцатаго столѣтія!.. А спросите-ка ихъ, исцѣлили они въ двадцать лѣтъ хоть одного больнаго изъ здѣшнихъ? Между тѣмъ, у насъ довольно калѣкъ на улицахъ. Вначалѣ здѣшніе жители удостоивались первыхъ чудесъ, но, повидимому, уже давно чудодѣйственная лурдская вода потеряла для насъ всякую силу: мы слишкомъ близко, надо пріѣхать издалека, чтобы она подѣйствовала... Право, это слишкомъ глупо и за сто франковъ вы не заставите меня спуститься въ нижній городъ!

Неподвижность Пьера, должно быть, раздражала парикмахера. Онъ перешелъ къ правой щекѣ де-Герсена и закончилъ свою обличительную рѣчь, яростно обрушившись на монаховъ ордена Непорочнаго зачатія, жадность которыхъ была единственною причиной несогласій. Эти монахи, бывшіе у себя дома, потому что они купили сообща тѣ земли, гдѣ хотѣли строиться, не уважали даже договора, заключеннаго съ городомъ, такъ какъ формально запрещали на своей землѣ всякую торговлю, продажу воды и священныхъ предметовъ. Каждый день съ ними можно было бы затѣвать процессы. Но они смѣялись надъ этимъ; они чувствовали себя настолько сильными, что не допускали ни одного пожертвованія до церковнаго прихода и всѣ полученныя деньги собирались такимъ образомъ у нихъ, катились рѣкою въ пещеру и въ базилику. Дойдя до этого пункта, Казабанъ наивно воскликнулъ:

— И еслибъ они еще были подобрѣе и соглашались дѣлиться!

Потомъ, когда умывавшійся де-Герсенъ снова сѣлъ, онъ продолжалъ:

— А еслибъ вы могли себѣ представить, что̀ они сдѣлали изъ нашего бѣднаго города! Лѣтъ сорокъ тому назадъ, дѣвушки не знали здѣсь никакого баловства, могу васъ увѣрить. Я очень хорошо помню, что во времена моей молодости, когда парень хотѣлъ погулять, здѣсь было всего какихъ нибудь три-четыре таковскихъ, съ какими можно позабавиться; зато ужь въ ярмарочные дни мужчины стояли у ихъ двери гуськомъ, ожидая очереди, даю вамъ честное слово!.. Но теперь все перемѣнилось, нравы стали совсѣмъ не тѣ. Нынче почти каждая дѣвушка въ нашей сторонѣ торгуетъ восковыми свѣчами да букетами, и вы видѣли, какъ онѣ нахально пристаютъ къ прохожимъ, какъ насильно суютъ имъ въ руки свой товаръ. Чистый срамъ—подобная наглость! онѣ много зарабатываютъ, пріучаются къ лѣни и ничего не дѣлаютъ по зимамъ, ожидая

Digitized by Google

сезона крупныхъ паломничествъ. И, увѣряю васъ, что молодые гуляки находятъ здѣсь для себя сколько угодно подружекъ... Прибавьте сюда переметное и подозрительное населеніе, которое насъ осаждаетъ съ первыхъ же весеннихъ дней: кучера, носильщики, торговцы съѣстнымъ, цѣлый бродячій народъ низшаго разбора, грубый и порочный, и вы поймете, какой честный новый городъ подарили они намъ съ толпами разнаго люда, который является въ ихъ пещеру и базилику.

Пораженный Пьеръ опустилъ газету. Онъ слушалъ и въ его представленіи впервые ясно возникло два Лурда: старинный, добропорядочный и набожный въ своемъ спокойномъ уединеніи, и новый, избалованный и развращенный такою массой побывавшихъ здѣсь милліоновъ, волною пріѣзжихъ, являвшихся сюда на короткое время, на спѣхъ; наконецъ — роковымъ растлѣніемъ скученности и заразой дурнаго примѣра. Какой результатъ, если вспомнить невинную Бернадетту, колѣнопреклоненную передъ дикимъ первобытнымъ гротомъ, и всю наивную вѣру, всю искреннюю чистоту первыхъ двигателей дѣла! Развѣ они хотѣли отравить страну корыстью и человѣческой грязью?

Казабанъ, замѣтивъ вниманіе Пьера, сдѣлалъ послѣдній угрожающій жестъ, какъ будто хотѣлъ смести все вредоносное суевѣріе. Затѣмъ, притихнувъ, онъ кончилъ прическу де-Герсена.

— Готово, сударь!

Только тутъ архитекторъ заговорилъ объ экипажѣ. Парикмахеръ сначала вѣжливо отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что для этого надо бѣжать къ его брату на общинное поле. Потомъ онъ, однако, согласился. Ландо съ парой лошадей въ Гаварни стоило пятьдесятъ франковъ. Но, обрадовавшись, что ему удалось досыта наговориться, и польщенный обращеніемъ де-Герсена, парикмахеръ уступилъ экипажъ за сорокъ франковъ. Это составляло по десяти франковъ съ человѣка. Было рѣшено выѣхать въ ночь, около трехъ часовъ, чтобы вернуться на слѣдующій день, въ понедѣльникъ вечеромъ, довольно рано.

— Экипажъ будетъ у отеля «Явленій» въ назначенный часъ,—повторилъ Казабанъ со свойственной ему напыщенностью.—Положитесь, сударь, на меня!

Онъ насторожилъ слухъ. Звонъ посуды не прекращался въ глубинѣ сосѣдней комнаты. Тамъ продолжалась ѣда въ разгарѣ прожорливости, расходившейся съ одного конца города до другаго. Кто-то повысилъ голосъ, спрашивая еще хлѣба.

— Извините!—съ живостью проговорилъ Казабанъ,—меня зовутъ постояльцы.

И онъ бросился въ столовую, съ невымытыми, послѣ гребня,

Digitized by Google

жирными руками. Въ распахнувшуюся на секунду дверь Пьеръ увидалъ на дверяхъ столовой картинки религіознаго содержанія и, между прочимъ, видъ пещеры, что̀ удивило аббата. Вѣроятно, хозяинъ вывѣшивалъ ихъ только на время паломничества, въ угоду гостямъ.

Было около трехъ часовъ. Выдя на улицу, Пьеръ съ де-Герсеномъ были удивлены громкимъ звономъ колоколовъ, гудѣвшихъ въ воздухѣ. При первомъ ударѣ къ вечернѣ въ базиликѣ, приходская церковь отвѣтила, а теперь монастыри одинъ за другимъ присоединялись къ возрастающему перезвону. Колоколъ кармелитокъ съ его кристальнымъ звукомъ вторилъ серьезному тону колокола Непорочнаго зачатія; веселые колокола неверскихъ сестеръ и доминиканокъ заливались въ одинъ голосъ. Такимъ образомъ, въ ясные праздничные дни колокольный звонъ съ утра до вечера оглашалъ воздухъ, бойко разносясь надъ Лурдомъ, и ничего не могло быть веселѣе этой звучной пѣсни подъ широкимъ куполомъ лазурнаго неба, подъ этимъ прожорливымъ городомъ, который, наконецъ, позавтракалъ и на сытый желудокъ прогуливался теперь со счастливымъ видомъ на солнышкѣ.

III.

Какъ только стемнѣло, Мари почувствовала нетерпѣніе, лежа въ больницѣ Скорбящей Божьей Матери, такъ какъ г-жа де-Жонкьеръ сказала ей, что баронъ Сюиръ получилъ для нея разрѣшеніе отъ отца Фуркада—провести ночь передъ пещерой. Каждую минуту она спрашивала сестру Гіацинту:

— Сестрица, скажите пожалуйста, есть теперь уже девять часовъ?

— Да нѣтъ же, дитя мое, всего половина девятаго... Вотъ вамъ теплый шерстяной платокъ, чтобы закутаться на разсвѣтѣ, потому что Гавъ совсѣмъ близко и по утрамъ въ этой горной странѣ бываетъ очень свѣжо.

— О, сестрица, ночи такъ прекрасны! И потомъ я совсѣмъ мало сплю въ этой залѣ! Мнѣ не можетъ быть хуже на открытомъ воздухѣ... Боже мой, какъ я счастлива, какое восхищеніе провести цѣлую ночь съ пресвятою Дѣвой!

Вся палата завидовала ей. То была ни съ чѣмъ несравнимая радость, высшее блаженство—молиться такимъ образомъ цѣлую ночь передъ пещерой. Говорили, что избранницы навѣрно видятъ пресвятую Дѣву среди затишья и ночной темноты. Но требовалась большая протекція, чтобы добиться подобной милости. Монахи неохотно разрѣшали это, съ тѣхъ поръ какъ нѣсколько больныхъ умерло такимъ образомъ, какъ будто заснувши въ религіозномъ экстазѣ.

Digitized by Google

— И вотъ что еще, дитя мое,—продолжала сестра Гіацинта:—завтра поутру не забудьте причаститься въ пещерѣ передъ возвращеніемъ сюда.

Пробило девять часовъ. Неужели Пьеръ, такой акуратный, забылъ объ ней? Мари толковали теперь о процессіи со свѣчами, которую она увидала бы отъ начала до конца, еслибы отправилась сейчасъ. Каждый вечеръ церковныя церемоніи кончались подобной процессіей, но по воскресеньямъ она была несравненно красивѣе, а въ этотъ вечеръ ожидалось необыкновенное великолѣпіе, какое рѣдко приходится видѣть. Около тридцати тысячъ паломниковъ должны были идти со свѣчами въ рукахъ. Ночныя чудеса небесъ обѣщали открыться и звѣзды—сойти на землю. Больныя жаловались, что имъ грустно лежать здѣсь прикованными къ постели и не видѣть такого дива.

— Дорогая моя,—сказала, подходя, г-жа де-Жонкьеръ,—вотъ вашъ отецъ и г-нъ аббатъ.

Мари просіяла, забывъ непріятность ожиданія.

— О, Пьеръ, умоляю васъ, поспѣшимте, поспѣшимте!

Мужчины снесли Мари съ лѣстницы; священникъ повезъ маленькую телѣжку, которая потихоньку покатилась подъ усыпаннымъ звѣздами небомъ, тогда какъ де-Герсенъ шелъ сбоку. Ночь стояла безлунная, восхитительно прекрасная, небо—настоящій темносиній бархатъ, усѣянный брилліантами; воздухъ былъ необыкновенно мягокъ и нѣжилъ, какъ теплая ванна, надушенная ароматомъ горъ. Множество паломниковъ тѣснилось на улицѣ, направляясь къ пещерѣ, но толпа вела себя скромно, съ благоговѣніемъ; она уже не напоминала веселаго ярмарочнаго сборища, какъ давеча днемъ. И, начиная съ Мерласскаго плато, ночной мракъ какъ будто расширялся подъ громаднымъ куполомъ неба; лужайки и деревья точно расползались въ одну темную массу, гдѣ ничего нельзя было различить, кромѣ тонкаго и блѣднаго шпиля базилики, немного влѣво.

Пьеръ почувствовалъ безпокойство при видѣ этой несмѣтной толпы, которая становилась все гуще по мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ. На площади Розарія едва можно было пробраться.

— Нечего и думать приблизиться къ пещерѣ,—сказалъ аббатъ, останавливаясь.—Самое лучшее было бы проѣхать въ аллею за пріютомъ богомольцевъ и тамъ переждать.

Но Мари непремѣнно хотѣла видѣть отправленіе процессіи.

— Другъ мой, ради бога, постарайтесь добраться до Гава. Я увижу издали, я не прошу, чтобы меня подвозили ближе.

И де-Герсенъ, движимый такимъ же любопытствомъ, сталъ настаивать на томъ же.

— Не безпокойтесь, я иду сзади и смотрю, чтобы никто не толкнулъ Мари.

Digitized by Google

Пьеръ долженъ былъ опять тащить телѣжку. Ему понадобилось четверть часа, чтобы пройти подъ одну изъ арокъ праваго спуска, до того сильна была здѣсь давка; потомъ онъ взялъ немного вкось и очутился наконецъ на набережной Гава, гдѣ простые зрители занимали тротуаръ; тутъ ему удалось подвинуться впередъ еще метровъ на пятьдесятъ, послѣ чего онъ поставилъ телѣжку къ самому парапету, откуда пещера была видна, какъ на ладони.

— Хорошо ли вамъ будетъ здѣсь?

— О, да, благодарю! Только надо меня посадить, тогда мнѣ будетъ виднѣе.

Де-Герсенъ посадилъ дочь, а самъ влѣзъ на каменную скамью, которая идетъ отъ одного конца набережной до другаго. Тутъ тѣснилось сборище любопытныхъ, какъ бываетъ при фейерверкахъ. Всѣ вставали на цыпочки, вытягивая шеи. И Пьеръ вмѣстѣ съ другими заинтересовался зрѣлищемъ, хотя видѣлъ не особенно много.

Тутъ, должно быть, собралось тысячъ тридцать народа и публика все прибывала. У каждаго была въ рукѣ восковая свѣча, завернутая въ подобіе трубочки съ напечатаннымъ на ней, голубою краской, изображеніемъ лурдской Богоматери. Но эти свѣчи не были пока зажжены. Надъ волнующимся моремъ головъ виднѣлась только горѣвшая огнями пещера, которая отбрасывала отъ себя красноватый отблескъ, точно кузница. Слышался неясный гулъ, чувствовалось человѣческое дыханіе, и это одно давало понять, что здѣсь тѣснятся тысячи человѣческихъ существъ, задыхаясь и затерявшись во мракѣ, колеблясь, подобно живой скатерти, разстилавшейся все шире и шире. Люди ютились и подъ деревьями за пещерой, въ темныхъ впадинахъ, которыхъ даже нельзя было подозрѣвать. Наконецъ, иллюминація началась съ нѣсколькихъ свѣчъ, заблиставшихъ тамъ и сямъ; онѣ походили на внезапно вспыхнувшія искры, гдѣ попало пронизавшія темноту. Но ихъ число быстро увеличивалось; образовались островки звѣздъ, тогда какъ на другихъ пунктахъ текли полосы свѣта, млечные пути между созвѣздіями. То были тридцать тысячъ свѣчъ, которыя зажигались одна за другою, все ближе и ближе, заставляя меркнуть яркій блескъ пещеры, катя отъ одного конца бульвара до другаго маленькіе желтые огоньки необъятнаго костра.

— О, Пьеръ, какъ это прекрасно!—прошептала Мари.— Точно воскресеніе смиренныхъ, маленькихъ бѣдныхъ душъ, которыя пробуждаются и блестятъ.

— Великолѣпно! великолѣпно!—повторялъ де-Герсенъ, въ порывѣ художественнаго восторга.—Смотрите вонъ туда, на эти двѣ линіи, которыя пересѣкаются и образуютъ крестъ.

Но Пьеръ былъ растроганъ тѣмъ, что̀ сію минуту сказала

Digitized by Google

Мари. Да, это было дѣйствительно такъ: крошечные огоньки, чуть замѣтныя свѣтлыя точки, скромныя, какъ мелкій людъ, которыя въ большомъ количествѣ давали блескъ и сіяніе солнца. Отъ нихъ постоянно рождались новыя, болѣе отдаленныя и какъ будто заблудившіяся искорки.

— Ахъ,—прошепталъ аббатъ,—взгляните вонъ на тотъ огонекъ, который появился совсѣмъ одинъ вдали, такой мерцающій... Видите ли вы, Мари, какъ онъ колеблется и медленно плыветъ, чтобы затеряться въ громадномъ озерѣ огня?

Теперь стало свѣтло, какъ днемъ. Деревья, освѣщенныя снизу, были ярко изумруднаго цвѣта, точно нарисованныя на театральной декораціи. Хоругви надъ движущимся костромъ не колыхались, ясно видимыя съ ихъ вышитыми иконами и шолковыми шнурами. И громадный отблескъ подымался вдоль скалы до базилики, шпиль которой выступалъ теперь совсѣмъ бѣлый на черномъ небѣ, тогда какъ по ту сторону Гава холмы также освѣщались въ свою очередь, показывая свѣтлые фасады монастырей посреди темной листвы. Прошла еще одна минута нерѣшительности. Пламенѣющее озеро, каждый горящій фитиль котораго былъ маленькой волною, катило свои переливчатые огни звѣздъ и какъ будто было готово прорваться, чтобы потечь рѣкою. Наконецъ, хоругви качнулись; движеніе обозначалось.

— Постойте!—воскликнулъ де-Герсенъ,—да развѣ они не повернутъ сюда?

Тутъ Пьеръ наскоро объяснилъ, что крестный ходъ сначала поднимется по дорогѣ, проложенной зигзагами по лѣсистому холму и стоившей громадныхъ затратъ. Затѣмъ онъ обогнетъ базилику сзади, прежде чѣмъ спуститься снова по правому склону и развернуться между садами.

— Смотрите, вонъ первыя свѣчи стали подниматься и замелькали среди зелени.

Это было восхитительно. Маленькіе трепещущіе огоньки отдѣлялись отъ громаднаго очага и тихонько поднимались точно на легкихъ крыльяхъ, потому что нельзя было различить, кто держитъ ихъ у земли. Это походило на мельканье солнечныхъ пылинокъ въ темнотѣ. Вскорѣ огоньки образовали косую полосу; потомъ полоса согнулась подъ острымъ угломъ и обозначилась новая, которая также сдѣлала поворотъ. Мало по малу весь холмъ избороздился пламеннымъ зигзагомъ, подобнымъ молніи, падающей съ чернаго неба, какъ изображаютъ на картинкахъ. Но этотъ свѣтлый слѣдъ не исчезалъ, маленькіе огоньки все плыли, медленно и нѣжно скользя впередъ. Только порою происходило внезапное затмѣніе, когда процессія огибала купу деревьевъ. Дальше свѣчи снова загорались, продолжая подниматься къ небу сложными зигзагами, которые безпрестанно

Digitized by Google

прерывались, чтобы продолжаться опять. Но вотъ наступила минута, когда ихъ восхожденіе прекратилось на вершинѣ холма, послѣ чего они исчезли за послѣднимъ поворотомъ дороги.

Въ толпѣ поднялись голоса:

— Вонъ они поворачиваютъ за базилику.

— О, погодите, имъ понадобится еще двадцать минутъ, чтобы спуститься съ другой стороны.

— Да, сударыня, ихъ вѣдь тридцать тысячъ и черезъ часъ послѣдніе богомольцы только двинутся отъ пещеры.

Съ самаго отправленія глухой гулъ толпы перешелъ въ гимнъ. То была пѣсня Бернадетты изъ шестидесяти строфъ, гдѣ ангельское привѣтствіе служило припѣвомъ, въ неотвязно повторявшемся ритмѣ. Пропѣвъ всѣ шестьдесятъ куплетовъ, ихъ начинали съизнова. И убаюкивающія слова: Ave, ave, ave, Maria! повторялись безконечно, отуманивая умъ, разбивая члены истомой, погружая мало по малу эти тысячи существъ въ какой-то сонъ наяву, вызывая передъ глазами настоящее райское видѣніе. Ночью, когда они уже спали, кровать раскачивалась подъ ними въ тактъ припѣва и они машинально повторяли его про себя.

— Развѣ мы останемся тутъ?—спросилъ де-Герсенъ, утомлявшійся очень быстро.—Теперь вѣдь будетъ все одно и то же.

Мари, вслушавшись въ разговоры зрителей, замѣтила въ свою очередь:

— Пьеръ, вы сказали правду: лучше было бы вернуться туда, подъ деревья... Мнѣ такъ хочется все видѣть!

— Ну, конечно,—отвѣчалъ священникъ,—мы поищемъ мѣстечка, откуда вамъ будетъ видно. Самое трудное—выбраться въ данную минуту изъ тѣсноты.

Дѣйствительно, сборище любопытныхъ стояло передъ ними стѣною. Пьеру пришлось прокладывать дорогу съ медленной настойчивостью, прося посторониться, чтобы пропустить больную. Мари оборачивалась, желая еще разъ полюбоваться скатертью огней передъ пещерой, озеромъ съ маленькими сверкающими волнами, откуда текла въ безконечность процессія, сама нисколько не уменьшаясь. Де-Герсенъ замыкалъ шествіе, оберегая телѣжку отъ толчковъ толпы. Наконецъ, они всѣ трое очутились въ сторонѣ, на полномъ просторѣ у одной изъ арокъ, на пустынномъ мѣстѣ, гдѣ имъ можно было на минуту перевести духъ. До ихъ ушей доносилось только отдаленное пѣніе съ неизмѣннымъ припѣвомъ и виднѣлся лишь отблескъ свѣчъ въ видѣ свѣтлаго облака, колыхавшагося въ той сторонѣ, гдѣ возвышалась базилика.

— Лучше всего видно,—сказалъ де-Герсенъ,—если подняться на Голгоѳу. Служанка въ отелѣ объяснила мнѣ это се-

Digitized by Google

годня поутру. Должно быть, съ высоты открывается волшебное зрѣлище.

Но объ этомъ нечего было и думать. Пьеръ сталъ говорить о затрудненіяхъ, связанныхъ съ такимъ значительнымъ подъемомъ. Мари сама предпочитала остаться въ садахъ, подъ деревьями, гдѣ было такъ пріятно. И они отправились туда, выѣхавъ потомъ на эспланаду, противъ большой статуи увѣнчанной Богоматери. Она была иллюминована разноцвѣтными огнями, которые окружали ее сіяніемъ ярмарочнаго праздника съ ореоломъ изъ голубыхъ и желтыхъ шкаликовъ. Не смотря на свою набожность, де-Герсенъ нашелъ это ужасно безвкуснымъ.

— Постойте,—сказала Мари,—вотъ въ этомъ уголку намъ будетъ хорошо.

Она указывала на группу кустарниковъ, рядомъ съ пріютомъ богомольцевъ. Мѣстечко оказалось дѣйствительно превосходнымъ; оттуда можно было видѣть, какъ процессія спустится съ лѣвой стороны холма, и прослѣдить за нею до новаго моста, вдоль полянъ, въ ея двойномъ параллельномъ движеніи взадъ и впередъ. Затѣмъ сосѣдство Гава придавало листвѣ восхитительную свѣжесть.

Де-Герсенъ поднимался на цыпочки, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, когда покажутся первыя свѣчи изъ-за поворота около базилики.

— Ничего еще не видно,—бормоталъ онъ.—А, тѣмъ хуже! Я посижу немножко на травѣ. У меня ноги, какъ изломанныя.

И онъ вдругъ встревожился за дочь.

— Не прикрыть ли тебя? Здѣсь очень свѣжо.

— О, нѣтъ, отецъ, мнѣ не холодно. Я такъ счастлива! Уже давно не дышала я такимъ пріятнымъ воздухомъ... Тутъ должны быть розы: слышишь этотъ дивный запахъ?

Потомъ, обратясь къ Пьеру, молодая дѣвушка прибавила:

— Другъ мой, гдѣ же эти розы? Видите вы ихъ?

Когда де-Герсенъ усѣлся возлѣ телѣжки, Пьеръ вздумалъ посмотрѣть, нѣтъ ли по близости цвѣтника розъ. Но напрасно бродилъ онъ по темнымъ лужайкамъ, тамъ ничего не оказывалась, кромѣ чащи зеленыхъ растеній. И когда на обратномъ пути аббатъ проходилъ мимо двери пріюта богомольцевъ, любопытство заставило его заглянуть и туда. То была большая зала съ очень высокимъ потолкомъ, освѣщенная съ двухъ сторонъ широкими окнами. Вымощенная камнемъ, съ голыми стѣнами, она не имѣла другой мебели, кромѣ скамеекъ, сдвинутыхъ кое-какъ, вкривь и вкось. Ни единаго стола, ни единой доски, такъ что безпріютные паломники, принужденные искать здѣсь убѣжища, насовали свои корзинки, узлы, чемоданы въ амбразуры оконъ, превратившіяся такимъ образомъ въ багажные

Digitized by Google

лари. Впрочемъ, зала была пуста; всѣ бѣдняки, нашедшіе здѣсь пріютъ, вѣроятно, участвовали въ процессіи. И, хотя дверь была открыта настежъ, здѣсь стояло ужасное зловоніе.

Пьеръ подумалъ, что сладостный запахъ розъ не могъ исходить отсюда. Однако онъ обошелъ всю залу, гдѣ чадили четыре тусклыхъ фонаря, и она показалась аббату совершенно пустой, какъ вдругъ онъ съ удивленіемъ замѣтилъ у лѣвой стѣны неясныя очертанія человѣческой фигуры; то была женщина въ черномъ платьѣ, державшая на колѣняхъ какой-то бѣлый свертокъ. Она сидѣла совершенно одна въ этомъ уединеніи и не шевелилась, широко раскрывъ глаза.

Священникъ подошелъ ближе и узналъ г-жу Венсанъ, которая сказала ему тихимъ, разбитымъ голосомъ:

— Да, Роза ужасно мучилась сегодня! Она не переставала стонать съ разсвѣта... А такъ какъ она теперь заснула, вотъ уже скоро два часа, то я не смѣю двинуться изъ боязни разбудить ее и опять заставить страдать.

И бѣдная женщина сохраняла свою неподвижность матери-мученицы, которая уже нѣсколько мѣсяцевъ держала такимъ образомъ свою дѣвочку на колѣняхъ въ упорной надеждѣ вылѣчить ее.

— Бѣдной крошкѣ не лучше?—спросилъ Пьеръ, у котораго сердце обливалось кровью.

— Нѣтъ, г-нъ аббатъ, нѣтъ, не думаю.

— Однако,—продолжалъ онъ, — вамъ ужасно неловко на этой скамьѣ. Вамъ слѣдовало похлопотать, чтобы не оставаться на улицѣ. Вашу дочку непремѣнно приняли бы куда нибудь, я въ томъ увѣренъ.

— О, г-нъ аббатъ, зачѣмъ? Ей хорошо у меня на колѣняхъ. И потомъ развѣ мнѣ позволили бы постоянно находиться вотъ такъ при ней?.. Нѣтъ, нѣтъ, пусть она остается на моей груди; мнѣ кажется, что это ее спасетъ въ концѣ концовъ.

Двѣ крупныхъ слезы катились по неподвижному лицу г-жи Венсанъ и она продолжала своимъ сдавленнымъ голосомъ:

— Вѣдь я не безъ денегъ. У меня было тридцать су при выѣздѣ изъ Парижа и теперь остается еще десять... Съ меня довольно и хлѣба; а она, голубушка, не пьетъ ужь больше и молочка... Мнѣ хватитъ до отъѣзда, а если Роза выздоровѣетъ, о, мы будемъ богаты, богаты, богаты!

Мать наклонилась и всматривалась при мерцающемъ свѣтѣ сосѣдняго фонаря въ безкровное личико Розы, изъ полуоткрытыхъ губокъ которой вылетало слабое дыханіе.

— Взгляните, какъ она спитъ!.. Не правда ли, г-нъ аббатъ, что пресвятая Дѣва сжалится надъ нею и исцѣлитъ ее? У насъ остается только одинъ день, но я не хочу отчаиваться и буду молиться всю ночь напролетъ.

Digitized by Google

Безконечная жалость овладѣвала Пьеромъ, который ушелъ, боясь въ свою очередь расплакаться.

— Да, да, моя бѣдная, надѣйтесь.

Когда Пьеръ вернулся къ Мари, молодая дѣвушка съ живостью спросила:

— Ну, что жь, гдѣ эти розы?.. Тутъ есть розовые кусты?

Онъ не хотѣлъ огорчать ее и не сталъ разсказывать о только что видѣнномъ.

— Нѣтъ, я обшарилъ всѣ лужайки и не нашелъ розъ.

— Странно, — продолжала больная съ задумчивымъ видомъ.—Этотъ ароматъ такъ тонокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ силенъ... Вы его слышите, не правда ли? Вотъ и сію минуту... удивительное благовоніе, точно всѣ райскія розы зацвѣли ночью вокругъ насъ!

Но ея рѣчь перебило восклицаніе отца. Старикъ всталъ, увидавъ огнистыя точки, показавшіяся вверху спусковъ, слѣва отъ базилики.

— Наконецъ-то! Вотъ они!

Въ самомъ дѣлѣ показалась голова процессіи. Свѣтлыя искорки тотчасъ умножились, вытянулись двойною колеблющейся линіей. Мракъ затоплялъ все; удивительное явленіе какъ будто происходило гдѣ-то очень высоко и огоньки появлялись изъ черныхъ невѣдомыхъ глубинъ. Въ то же время пѣніе, неотвязный гимнъ раздались снова, но они звучали такъ отдаленно, такъ легко, что казались только слабымъ шелестомъ налетающей бури въ древесныхъ вѣтвяхъ.

— Вѣдь я говорилъ, — пробормоталъ архитекторъ, — что надо было идти на Голгоѳу, чтобы все видѣть.

Онъ возвращался къ своей первоначальной идеѣ со свойственнымъ ему ребяческимъ упрямствомъ, жалуясь, что они выбрали самое неудобное мѣсто.

— Но, папа,—сказала наконецъ Мари,—почему ты не поднимешься на Голгоѳу? Еще есть время... Пьеръ останется со мною.

И она прибавила съ печальнымъ смѣхомъ:

— Не бойся, никто меня не похититъ.

Де-Герсенъ отказывался, потомъ вдругъ уступилъ, не имѣя силъ противиться своему желанію. Ему надо было торопиться и поскорѣе миновать лужайки.

— Оставайтесь тутъ; подождите меня подъ этими деревьями. Я разскажу вамъ потомъ, что увижу оттуда сверху.

Пьеръ и Мари остались вдвоемъ въ темномъ уединенномъ уголку, гдѣ слышалось благоуханіе розъ, хотя по близости не было ни одного цвѣтка. Молодые люди не разговаривали и только смотрѣли, какъ спускалась внизъ процессія, тихо и безпрерывно скользя впередъ. То была какъ будто двойная из-

Digitized by Google

городь изъ трепещущихъ звѣздочекъ, которая, выдвинувшись изъ-за лѣваго угла базилики, растягивалась теперь по монументальному спуску, обрисовывая его круглый изгибъ. На этомъ разстояніи опять таки нельзя было различить паломниковъ, несшихъ свѣчи; виднѣлись только странствующіе огни, послушно чертившіе во мракѣ совершенно правильныя линіи. Самыя зданія подъ темносинимъ сводомъ небесъ не были видны, едва обозначаемыя только болѣе густою темнотой. Однако, мало по малу, по мѣрѣ того какъ увеличивалось количество свѣчъ, архитектурныя линіи освѣщались; выступалъ стройный остовъ базилики, циклопическія арки спусковъ, тяжелый и приземистый фасадъ Розарія. Съ этой безпрерывной рѣкою живыхъ искорокъ, которая текла, текла неторопливо, съ настойчивостью волны, вышедшей изъ береговъ и не встрѣчающей преграды, какъ будто вставала утренняя заря, лучезарное облако, рождавшееся и захватывавшее все бо̀льшее пространство, чтобы затопить, наконецъ, весь горизонтъ своимъ ослѣпительнымъ блескомъ.

— Смотрите же, смотрите, Пьеръ! — восклицала Мари въ порывѣ дѣтскаго восторга.—Этимъ огонькамъ нѣтъ конца, они все прибываютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, наверху внезапное появленіе маленькихъ блестокъ продолжалось съ механическою правильностью, точно какой нибудь неистощимый небесный источникъ изливалъ эту солнечную пыль. Голова процессіи достигла садовъ на высотѣ монумента увѣнчанной Богоматери. Приближеніе множества народа чувствовалось въ колебаніи воздуха, въ живомъ дуновеніи, доносившемся издалека; въ особенности усиливались голоса: пѣсня Бернадетты разросталась, подобно гулу морскаго прилива, катившаго волны припѣва: «Ave, ave, ave, Maria» съ ритмическимъ раскачиваньемъ, становившимся все громче и громче.

— Ахъ, этотъ припѣвъ,—прошепталъ Пьеръ,—онъ такъ и впитывается въ васъ. Мнѣ кажется, что все мое тѣло станетъ наконецъ его пѣть.

Мари снова разсмѣялась дѣтскимъ смѣхомъ.

— Это правда, онъ повсюду звенитъ у меня въ ушахъ; я слышала его сквозь сонъ прошедшей ночью. А сегодня вечеромъ онъ опять овладѣлъ мною и будто качаетъ меня надъ землей.

Она прервала свою рѣчь, чтобы сказать:

— Вонъ они ужь на другой сторонѣ лужайки, противъ насъ.

Процессія тянулась теперь по длинной правой аллеѣ; потомъ, повернувъ у Креста бретонцевъ вокругъ поляны, она спустилась по другой правой аллеѣ. Понадобилось четверть часа

Digitized by Google

для этого поворота. Теперь же двойная линія обрисовывала двѣ длинныхъ параллельныхъ черты пламени, надъ которыми возвышалась фигура тріумфальнаго солнца. Но восхитительнѣе всего было безпрерывное движеніе впередъ этой огненной змѣи, золотыя кольца которой такъ тихо извивались по черной землѣ и вытягивались, вытягивались, причемъ, казалось, этому громадному развернувшемуся тѣлу не было конца. Много разъ, повидимому, происходила давка, свѣтлыя линіи гнулись, какъ будто готовыя разорваться, но порядокъ возстановлялся и онѣ снова скользили съ медленною правильностью.

У Мари вырвался подавленный вздохъ восхищенія; она не находила словъ и только твердила:

— Какъ это прекрасно! Боже мой, какъ это прекрасно... Посмотрите, Пьеръ, какая прелесть!

Но съ тѣхъ поръ какъ процессія проходила въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, она уже не напоминала собою только стройнаго теченія звѣздъ, двигавшихся безъ посторонней помощи. Теперь въ свѣтломъ облакѣ молодые люди различали человѣческія фигуры, узнавали иногда паломниковъ, проходившихъ мимо со свѣчами въ рукахъ. Сначала прошла Гривоттъ, непремѣнно хотѣвшая участвовать въ церемоніи, преувеличивая свое выздоровленіе и увѣряя, что она никогда не чувствовала себя такъ прекрасно. Чахоточная и теперь приплясывала въ своей экзальтаціи, вздрагивая отъ свѣжаго ночнаго воздуха. Затѣмъ появились Виньероны, впереди отецъ со свѣчею, которую онъ держалъ очень высоко, за нимъ г-жа Виньеронъ и г-жа Шезъ, еле тащившія свои усталыя ноги, тогда какъ маленькій Густавъ, совершенно измученный, стучалъ по песку своимъ костылемъ, закапавъ воскомъ правую руку. Всѣ больные, бывшіе на ногахъ, находились тутъ.

— Смотрите,—объясняла Пьеру молодая дѣвушка,—вонъ первые огоньки процессіи выходятъ на площадь Розарія и я увѣрена, что половина паломниковъ еще не успѣла двинуться отъ пещеры.

Мари подняла глаза. Вверху, изъ-за лѣваго угла базилики, дѣйствительно, показывались все новые огоньки, правильно и безпрерывно, точно повинуясь механическому движенію, которое какъ будто никогда не прекращалось.

— Ахъ,—сказала она,—сколько блуждающихъ душъ! Вѣдь каждый изъ этихъ огоньковъ есть страждущая душа, которая близка къ избавленію, не такъ ли?

Пьеру пришлось наклониться, чтобы услышать больную, потому что пѣснь Бернадетты оглушала ихъ, съ тѣхъ поръ какъ богомольцы проходили мимо. Голоса гремѣли въ возрастающемъ головокруженіи, строфы мало по малу перепутались; каждое звено процессіи пѣло свое, тономъ одержимыхъ, которые

Digitized by Google

не слышали больше самихъ себя. То былъ странный невнятный вопль,—вопль толпы, потерявшей голову и окончательно опьяненной пыломъ своей вѣры. Но все таки припѣвъ: «Ave, ave, ave, Maria»! неизмѣнно возвращался и преобладалъ со своимъ неотвязнымъ ритмомъ.

Пьеръ и Мари были увлечены, внезапно увидавъ де-Герсена.

— Ахъ, дѣти мои, я не хотѣлъ оставаться тамъ наверху и два раза пересѣкъ процессію, чтобы протискаться сюда... Но какое зрѣлище! Несомнѣнно, это первая замѣчательная, прелестная вещь, которую я вижу здѣсь.

И онъ принялся описывать процессію, какъ она представлялась съ высотъ Голгоѳы.

— Представьте себѣ, дѣти мои, другое небо внизу, отражающее въ себѣ верхнее, но небо, занятое цѣликомъ единственнымъ гигантскимъ созвѣздіемъ. Эти звѣзды кишащія, гдѣ-то въ пространствѣ, очень далеко, въ темныхъ глубинахъ, и огненный потокъ представляютъ собою какъ бы дароносицу,—да, настоящую дароносицу, ножка которой обрисовывается спусками, подставка—двумя параллельными аллеями, а стеклянный ковчежецъ съ дарами—круглой лужайкой надъ ними. Эта золотая дароносица горитъ, какъ жаръ, пылаетъ во мракѣ, при постоянномъ мельканіи движущихся звѣздъ. Вы ничего не видите, кромѣ нея, исполинской и величавой... Дѣйствительно, я до сихъ поръ не имѣлъ понятія ни о чемъ подобномъ!

Онъ размахивалъ руками, внѣ себя отъ восхищенія; восторгъ художника билъ въ немъ ключемъ.

— Папочка,—нѣжно сказала Мари, — если ужь ты пришелъ, то тебѣ слѣдовало бы отправляться спать. Теперь около одиннадцати часовъ, а вѣдь ты долженъ выѣхать въ три часа утра.

И она прибавила, уговаривая его:

— Мнѣ такъ пріятно, что ты устроилъ эту экскурсію!.. Только вернись пораньше завтра вечеромъ, потому что ты увидишь, ты увидишь...

Мари не смѣла подтвердить своей увѣренности, что она исцѣлится.

— Ты права, мнѣ надо уснуть, — сказалъ, успокоившись, де-Герсенъ.—Такъ какъ Пьеръ съ тобою, значитъ нечего тревожиться.

— Но,—воскликнула она,—я не хочу, чтобы Пьеръ дежурилъ цѣлую ночь. Когда онъ сейчасъ отвезетъ меня къ пещерѣ, то вернется домой, къ тебѣ. Мнѣ не надо никого; первый попавшійся санитаръ доставитъ меня обратно въ больницу завтра утромъ.

Пьеръ молчалъ. Потомъ онъ замѣтилъ просто:

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, Мари, я останусь... И вмѣстѣ съ вами проведу ночь у пещеры.

Она открыла ротъ, чтобы настаивать и сердиться. Но онъ сказалъ это такъ кротко и дѣвушка почувствовала въ его словахъ такую мучительную жажду счастья, что промолчала, взволнованная до глубины души.

— Ну, дѣти мои,—снова заговорилъ отецъ, — устраивайтесь, какъ хотите, я знаю, что вы оба чрезвычайно благоразумны. Доброй ночи, не безпокойтесь обо мнѣ.

Онъ долго цѣловалъ дочь, пожалъ обѣ руки молодому священнику и затерялся въ тѣсныхъ рядахъ процессіи.

Тогда они остались одни, въ своемъ темномъ уединенномъ уголку, подъ высокими деревьями; она, по прежнему сидя въ телѣжкѣ; онъ, ставъ на колѣни въ травѣ и облокотившись на одно изъ колесъ. И это было восхитительно, пока свѣчи мелькали мимо и собирались въ одну массу, поворачивая на площадь Розарія. Пьера особенно восхищало то, что надъ Лурдомъ какъ будто не осталось теперь и слѣда распущеннаго веселья, которое такъ непріятно дѣйствовало на него днемъ. Точно очищающій вѣтеръ повѣялъ съ горъ и унесъ запахъ истреблявшейся здѣсь въ несмѣтномъ количествѣ ѣды, запахъ праздничнаго обжорства,—всю эту жгучую и зараженную пыль ярмарочной сутолоки, летавшую надъ городомъ. Осталось только необъятное небо съ чистыми звѣздами; свѣжесть Гава была такъ утѣшительна, а легкое дуновеніе воздуха доносило порою ароматъ полевыхъ цвѣтовъ. Безконечность тайны терялась въ царственномъ покоѣ ночи; отъ грубой матеріи оставались только эти маленькіе огоньки восковыхъ свѣчъ, которые Мари сравнивала со страждущими душами, близкими къ избавленію. Ото всего этого вѣяло дивнымъ миромъ и надеждой безъ границъ. Съ тѣхъ поръ какъ Пьеръ находился здѣсь, возмутительныя воспоминанія претекшаго дня: прожорливые апетиты, безстыдная симонія, старый городъ, избалованный и развращенный, мало по малу разсѣивались, вытѣсняемые этой божественной свѣжестью, этой красавицей-ночью, въ которую погружалось все существо, какъ въ живительную воду воскресенія.

Мари, проникнутая въ свою очередь безконечной отрадой, прошептала:

— Ахъ, какъ была бы счастлива Бланшъ, еслибъ видѣла всѣ эти чудеса!

Она думала о старшей сестрѣ, оставшейся въ Парижѣ, среди суеты своего тяжелаго ремесла учительницы, бѣгающей по урокамъ. И этого простаго слова,—имени этой сестры, о которой больная не говорила ни разу со своего пріѣзда въ Лурдъ и вдругъ вспомнила теперь, совершенно неожиданно,—было достаточно, чтобы воскресить все прошлое.

Digitized by Google

Мари и Пьеръ, не говоря ни слова, мысленно пережили каждый про себя свое дѣтство, былыя игры въ двухъ смежныхъ садахъ, раздѣленныхъ изгородью; потомъ—свою разлуку, тотъ день, когда онъ поступилъ въ семинарію, а она поцѣловала своего товарища въ обѣ щеки, заливаясь жгучими слезами и давая клятву никогда не забывать его. Прошли годы, и они встрѣтились, разлученные навѣкъ; онъ — священникъ, она, пригвожденная болѣзнью къ постели, потерявшая надежду сдѣлаться женщиной. Тутъ была вся ихъ исторія: пламенная нѣжность, долго не сознававшая саму себя; затѣмъ—полный разрывъ, какъ будто они умерли, хотя и жили другъ возлѣ друга. Имъ представлялась теперь жалкая квартирка, гдѣ старшая сестра со своими уроками, выбиваясь изъ силъ, старалась водворить немного довольства; это бѣдное жилище, откуда они уѣхали, чтобы попасть въ Лурдъ, послѣ такой борьбы, столькихъ прекаленій, сомнѣній со стороны Пьера и страстной вѣры со стороны Мари, одержавшей наконецъ верхъ. И это въ самомъ дѣлѣ было восхитительно: очутиться такимъ образомъ здѣсь вдвоемъ, совсѣмъ наединѣ, въ этомъ темномъ уголку, въ эту чудную ночь, когда на землѣ было столько же звѣздъ, какъ и на небѣ.

Мари до сихъ поръ сохранила маленькую дѣтскую душу, непорочную душу дѣвочки,—какъ говорилъ ея отецъ,—самую добрую и чистую. Пораженная недугомъ въ тринадцать лѣтъ, она не старѣлась съ того времени. Теперь въ двадцать три года дѣвушка оставалась тринадцатилѣтнимъ ребенкомъ, ушедшая въ себя, вся поглощенная убивавшей ее катастрофой. Это было замѣтно по глазамъ больной, вѣчно смотрѣвшимъ куда-то вдаль, по выраженію разсѣянности, свойственной тѣмъ, кого преслѣдуетъ неотвязная мысль, потому что Мари была неспособна желать ничего инаго, кромѣ своего выздоровленія. Ни одна женская душа не могла быть проще этой, остановленной въ своемъ развитіи, невинной души дѣвочки-подростка, у которой страсть при своемъ пробужденіи довольствуется крѣпкими поцѣлуями въ щеку. У нея не было другаго романа, кромѣ прощанья въ слезахъ со своимъ другомъ, и этого было довольно для Мари, чтобы цѣлыхъ десять лѣтъ наполнять ея сердце. Въ безконечные дни, которые она проводила на своемъ страдальческомъ ложѣ, молодая дѣвушка никогда не шла дальше того, что, еслибъ она была здорова, Пьеръ, конечно, не пошелъ бы въ священники, чтобы жить съ нею. Романовъ она никогда не читала. Книги религіознаго содержанія, которыми ей позволяли услаждать свои досуги, поддерживали больную въ экзальтаціи неземной любви. Всякіе отголоски житейскихъ бурь замирали у порога комнаты, гдѣ она жила затворницей. И въ прежнее время, когда ее возили съ одного края

Digitized by Google

Франціи до другаго, по различнымъ лѣчебнымъ водамъ, Мари проходила среди множества народа, какъ сомнамбула, которая не видитъ и не слышитъ ничего, вся поглощенная неотвязной идеей своего увѣчья, роковыхъ узъ, связывавшихъ ея полъ. Отсюда эта чистота и это ребячество. Восхитительная дѣвушка-страдалица выросла съ искалѣченнымъ тѣломъ, храня въ своемъ сердцѣ только несознанную дѣтскую любовь.

Рука Мари отыскивала въ потемкахъ руку Пьера, и когда нашла эту руку, стремившуюся къ ней навстрѣчу, то долго пожимала ее. Ахъ, какая радость! Никогда не вкушали они оба такого чистаго и полнаго блаженства быть вдвоемъ, вдали ото всѣхъ, среди царственнаго очарованія сумрака и тайны. Вокругъ нихъ не было ничего, кромѣ звѣзднаго хоровода. Убаюкивающее пѣніе сладко кружило голову, и это головокруженіе окрыляло и уносило ихъ въ пространство. И Мари хорошо знала, что исцѣлится завтра послѣ упоительной ночи передъ пещерой, — это было ея твердое убѣжденіе. Она умолитъ пресвятую Дѣву услышать себя, склонитъ ее къ милосердію, какъ только останется лицомъ къ лицу съ Богоматерью, чтобы просить о своемъ исцѣленіи. Дѣвушка понимала, что хотѣлъ сейчасъ сказать Пьеръ, когда выразилъ желаніе въ свою очередь провести цѣлую ночь у пещеры. Конечно, онъ рѣшился сдѣлать надъ собою крайнее усиліе, стать на колѣни, какъ младенецъ, и молить всемогущую Матерь, чтобы она возвратила ему утраченную вѣру. Еще и теперь молодые люди повторяли это другъ другу краснорѣчивымъ рукопожатіемъ, не чувствуя потребности высказываться яснѣе. Они взаимно обѣщали молиться другъ за друга, они увлеклись до того, что потерялись одинъ въ другомъ, съ такимъ пламеннымъ желаніемъ своего исцѣленія, своего обоюднаго счастья, что почувствовали на минуту всю глубину любви, которая отдается и жертвуетъ собою. То было божественное упоеніе.

— Ахъ,—прошепталъ Пьеръ,—эта синяя ночь, этотъ безбрежный сумракъ, который уноситъ все безобразіе людей и условій жизни, эта необъятная, освѣжающая тишина, гдѣ я хотѣлъ бы усыпить свое сомнѣніе...

Его голосъ замеръ. Мари, въ свою очередь, произнесла чуть слышно:

— А розы, это благоуханіе розъ... Слышите ли вы его, мой другъ? Гдѣ же цвѣты, если вы ихъ не видали?

— Да, да, я слышу этотъ запахъ, хотя тутъ нѣтъ никакихъ розъ. Я, конечно, увидѣлъ бы ихъ, потому что искалъ вездѣ.

— Какъ вы можете говорить, что нѣтъ розъ, когда окружающій воздухъ напоенъ ихъ ароматомъ и мы точно купаемся въ этомъ благоуханіи? Постойте! Минутами запахъ до того си-

Digitized by Google

ленъ, что у меня кружится голова отъ восхищенія вдыхать его!.. Навѣрно розы тутъ, у насъ подъ ногами, въ безчисленномъ множествѣ.

— Нѣтъ, клянусь вамъ, я смотрѣлъ вездѣ и не находилъ ничего. Но, можетъ быть, онѣ невидимы, пожалуй, онѣ — эта самая трава, которую мы топчемъ, эти большія деревья, окружающія насъ; пожалуй, ихъ запахъ выходитъ изъ земли, изъ сосѣдняго потока, доносится изъ лѣсовъ и съ горъ...

Они умолкли на минуту. Потомъ она продолжала также тихо:

— Какъ онѣ превосходно пахнутъ, Пьеръ! Мнѣ кажется, что наши руки, соединившіяся вмѣстѣ,—также благоуханный букетъ.

— Да, здѣсь восхитительно пахнетъ розами, и это отъ васъ, Мари, исходитъ ихъ ароматъ, точно розы расцвѣтаютъ изъ вашихъ волосъ.

И молодые люди не говорили между собою больше. Процессія двигалась по прежнему.

Одна за другой свѣчи уже гасли и ночь воцарялась снова, непроглядно темная и необыкновенно тихая, когда Пьеръ и Мари опомнились и замѣтили, что они все еще тутъ, скрытые въ таинственной сѣни деревьевъ, рука съ рукою. Вдали по темнымъ улицамъ Лурда брели только отставшіе паломники, спрашивая дорогу, чтобы вернуться къ себѣ на ночлегъ. Въ сумракѣ слышался шелестъ, послѣдніе отголоски замиравшаго праздничнаго веселья и оживленія. Все брело по домамъ и угомонялось, засыпая. А молодые люди, забываясь, не хотѣли двинуться, восхитительно счастливые среди благоуханія невидимыхъ розъ.

IV.

Пьеръ прикатилъ телѣжку Мари къ пещерѣ и поставилъ ее какъ можно ближе къ рѣшеткѣ. Былъ уже первый часъ по полуночи; около ста человѣкъ народу оставалось еще тамъ; нѣкоторыя женщины сидѣли на скамьяхъ, другія стояли на колѣняхъ, погрузившись въ молитву и забывъ все на свѣтѣ. Снаружи пещера сіяла, горѣла, какъ жаръ, множествомъ свѣчъ, подобно временной капеллѣ у гроба усопшаго, и въ ней нельзя было ничего разсмотрѣть, кромѣ этой пыли звѣздъ, откуда выступала въ своей нишѣ статуя Богородицы, бѣлая, какъ видѣніе мечты. Ползучія растенія, обрамлявшія отверстіе грота, зеленѣли, какъ изумруды; тысячи костылей, унизывавшихъ сводъ, напоминали непроходимую чащу валежника, готоваго снова расцвѣсти. Ночной мракъ казался еще темнѣе при такомъ яркомъ блескѣ; окружающіе предметы утопали въ густой

Digitized by Google

тѣни, какъ будто ничего больше не было, ни стѣнъ, ни деревьевъ, и слышался только безпрерывный глухой шумъ Гава, подъ необъятнымъ темнымъ небомъ, нависшимъ точно передъ грозой.

— Хорошо ли вамъ тутъ, Мари? — тихонько спросилъ Пьеръ.—Не озябли ли вы?

Она немного дрожала, но отъ легкаго дуновенія изъ сверхъестественнаго міра, которымъ, казалось, вѣяло изъ пещеры.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ такъ хорошо! Прикройте только шалью мои колѣни... А теперь благодарю васъ, Пьеръ; не безпокойтесь обо мнѣ, мнѣ не надо больше никого, потому что я теперь *съ Нею...*

Голосъ Мари ослабѣвалъ, она впадала уже въ экстазъ, поднявъ глаза къ бѣлой статуѣ, причемъ ея жалкое изможденное лицо преобразилось блаженствомъ. Однако Пьеръ оставался здѣсь еще нѣсколько минутъ. Онъ охотно закуталъ бы дѣвушку въ теплую шаль, потому что видѣлъ, какъ дрожатъ ея исхудалыя ручки. Но онъ боялся разсердить больную и только укрылъ ей ноги, какъ ребенку, подоткнувъ платокъ со всѣхъ сторонъ; она ничего уже болѣе не видала, упираясь локтями въ края телѣжки и приподымаясь на нихъ.

Тутъ была скамья и аббатъ опустился на нее, чтобы собраться съ мыслями, какъ вдругъ увидалъ женщину, колѣнопреклоненную въ темнотѣ. Одѣтая въ черномъ, она держала себя такъ скромно, такъ стушовывалась, что Пьеръ не разглядѣлъ бы ее сначала въ потемкахъ. Вслѣдъ затѣмъ, онъ догадался, что это была г-жа Мазъ. Мысль о письмѣ, присланномъ ей въ то утро, пришла ему въ голову. Священнику стало жаль ее, онъ понялъ, какъ одинока эта несчастная, у которой не было никакой физической раны для исцѣленія и которая молила пресвятую Дѣву только облегчить ея сердечный недугъ, исправивъ невѣрнаго мужа. Въ письмѣ, вѣроятно, заключался жосткій отвѣтъ, потому что г-жа Мазъ, поникнувъ головой, какъ будто уничтожилась вся и молилась съ жалкимъ видомъ побитаго существа. Она охотно оставалась здѣсь только ночью, счастливая тѣмъ, что никто не видитъ ея, что она можетъ плакать по цѣлымъ часамъ, вынося свое мученичество, и молить о возвращеніи былой любви, причемъ никто не догадывался объ ея горькой тайнѣ. Губы бѣдной даже не шевелились; это ея истерзанное сердце изливалось въ молитвѣ, безумно требуя своей доли любви и счастья. Ахъ, эта неутолимая жажда счастья, которая приводила сюда ихъ всѣхъ, этихъ израненныхъ тѣлесно и душевно, и Пьеръ чувствовалъ самъ, какъ она сушитъ ему горло, пламенно требуя удовлетворенія. Онъ охотно бросился бы на колѣни и просилъ божественной

Digitized by Google

помощи со смиренной вѣрой этой женщины. Но его члены были точно связаны, онъ не находилъ нужныхъ словъ и для него было облегченіемъ, когда чья-то рука коснулась его плеча.

— Господинъ аббатъ, пойдемте со мною, если вы еще не бывали въ пещерѣ. Я усажу васъ тамъ; въ ней такъ хорошо въ этотъ часъ.

Онъ поднялъ голову и узналъ барона Сюира, директора попечительства Божьей Матери. Вѣроятно, Пьеръ понравился этому добродушному и простому человѣку. Онъ принялъ его предложеніе и пошелъ за нимъ въ пещеру, теперь совершенно пустую. Баронъ даже заперъ за нимъ рѣшетку, отъ которой у него былъ ключъ.

— Видите ли, господинъ аббатъ, это такой часъ, когда здѣсь дѣйствительно пріятно. Пріѣзжая на нѣсколько дней въ Лурдъ, я рѣдко ложусь спать до разсвѣта, потому что имѣю привычку проводить остатокъ ночи здѣсь... Тогда тутъ нѣтъ никого; сидишь совсѣмъ одинъ. И, не правда ли, какъ мило въ этой пещерѣ, гдѣ чувствуешь себя точно въ гостяхъ у пресвятой Дѣвы?

Онъ улыбался съ добродушнымъ видомъ и показывалъ гротъ, какъ старый знакомый, немножко ослабѣвшій отъ преклоннаго возраста и, дѣйствительно, нѣжно любившій этотъ прелестный уголокъ. Впрочемъ, не смотря на большую набожность, онъ не стѣснялся, разговаривалъ и давалъ объясненія съ фамильярностью человѣка, считающаго себя другомъ неба.

— Ахъ, вы смотрите на свѣчи?.. Ихъ около двухсотъ горитъ здѣсь за разъ день и ночь; въ концѣ концовъ становится жарко... даже зимой тутъ тепло.

Пьеръ, въ самомъ дѣлѣ, немного задыхался отъ теплаго запаха воска. Ослѣпленный яркимъ свѣтомъ при входѣ, онъ смотрѣлъ на большой центральный подсвѣчникъ пирамидальной формы, весь уставленный маленькими восковыми свѣчами. Въ глубинѣ, правый подсвѣчникъ, въ видѣ подноса, поставленнаго прямо на землю, служилъ для толстыхъ свѣчъ, которыя вытягивались одна больше, другая меньше, точно трубки органа, нѣкоторыя толщиной въ человѣческое бедро. Еще и другіе подсвѣчники, похожіе на тяжелые канделябры, были разставлены тамъ и сямъ на выступахъ скалы. Сводъ пещеры понижался влѣво, камень въ этомъ мѣстѣ былъ точно испеченъ и закоптѣлъ отъ вѣчныхъ огней, накаливавшихъ его цѣлыми годами. Воскъ безпрестанно капалъ, падая незамѣтными снѣжинками; подсвѣчники были закапаны имъ и побѣлѣли подъ нарастающимъ слоемъ пыли; вся скала была пропитана воскомъ и жирна на ощупь, а почва до того покрылась имъ, что люди нерѣдко падали и на полу пришлось разостлать нѣчто въ родѣ соломенныхъ цыновокъ.

Digitized by Google

— Вотъ взгляните на этихъ толстяковъ,—любезно продолжалъ баронъ Сюиръ,—это самыя дорогія свѣчи; за нихъ платятъ по шестидесяти франковъ и онѣ горятъ цѣлый мѣсяцъ. Самыхъ маленькихъ, по пяти су, хватаетъ только на три часа... О, мы не жалѣемъ ихъ, у насъ всегда много этого добра. Вонъ еще двѣ корзины, которыя не успѣли отнести въ магазинъ.

Потомъ баронъ показалъ меблировку пещеры: органъ-гармоніумъ подъ чехломъ; шкафъ съ широкими выдвижными ящиками, гдѣ хранились церковное облаченіе, скамьи и стулья для избранной малочисленной публики, которую пускали сюда во время церемоній, и, наконецъ, прекрасный подвижной алтарь на колесахъ, покрытый серебряными гравированными досками,—даръ одной важной дамы, который, впрочемъ, употребляли только во времена богатыхъ паломничествъ изъ боязни испортить его сыростью.

Пьеру было неловко отъ этой болтовни любезнаго провожатаго. Его набожное настроеніе теряло отъ этого свою прелесть. Входя сюда, не смотря на недостатокъ вѣры, онъ почувствовалъ волненіе, какой-то трепетъ души, точно передъ нимъ должна была открыться тайна. Ему стало и страшно, и сладко. Пьеръ видѣлъ здѣсь вещи, трогавшія его до глубины сердца,—букеты, наваленные грудой у ногъ пресвятой Дѣвы, ребяческія приношенія по обѣту, маленькіе полинявшіе башмачки, костыль точно для куклы, похожій на игрушку. Внизу натуральнаго свода, гдѣ произошло чудесное явленіе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ богомольцы терли четки и медали, желая ихъ освятить, скала была источена и гладка. Мильоны жадныхъ губъ припадали къ ней съ такою силою любви, что камень пережегся и со своими черными жилками блестѣлъ, какъ мраморъ.

Но Пьеръ остановился въ глубинѣ пещеры передъ впадиной, въ которой накопилось порядочное количество писемъ и всякаго рода бумагъ.

— Ахъ, я и позабылъ, — съ живостью продолжалъ баронъ,—вотъ гдѣ самое интересное! Это письма, которыя ежедневно бросаются вѣрующими въ пещеру черезъ рѣшетку. Мы ихъ поднимаемъ и кладемъ сюда, а зимой я забавляюсь ихъ сортировкой... Вы понимаете, ихъ нельзя сожигать, не распечатывая, такъ какъ въ конвертахъ часто попадаются деньги: монета въ десять, двадцать су, а еще чаще почтовыя марки.

Онъ рылся въ письмахъ, вынимая нѣкоторыя наудачу, показывалъ подписи, распечатывалъ ихъ, чтобы узнать содержаніе. Почти всѣ они были жалки и безграмотны, причемъ адресъ: «Лурдской Богоматери» былъ старательно выведенъ крупными каракулями. Во многихъ изъ нихъ заключались просьбы и

Digitized by Google

изъявленія благодарности неправильными фразами, съ убійственной орѳографіей, но порою ничего не могло быть трогательнѣе свойства этихъ просьбъ. Кто просилъ спасти маленькаго брата; кто хлопоталъ о томъ, чтобы выиграть процессъ, удержать возлюбленнаго, выйти замужъ. Въ другихъ письмахъ корреспонденты сердились, ссорились съ пресвятой Дѣвой, которая не соблаговолила отвѣтить на ихъ первое письмо, исполнивъ всѣ желанія писавшаго. Были еще иныя посланія, написанныя болѣе изящнымъ почеркомъ, въ изысканныхъ фразахъ, исповѣди, пламенныя мольбы женскихъ душъ, писавшихъ Царицѣ Небесной о томъ, чего онѣ не рѣшились открыть духовнику въ сумракѣ исповѣдальни. Наконецъ, въ послѣднемъ распечатанномъ письмѣ оказалась только фотографическая карточка: маленькая дѣвочка посылала свой портретъ лурдской Богородицѣ съ такимъ посвященіемъ: «Моей доброй Матери». Вообще каждый день это была цѣлая корреспонденція всемогущей Царицы, получавшей просьбы и признанія, на которыя слѣдовало отвѣчать милостями и благодѣяніями всякаго рода. Монеты въ десять, въ двадцать су очень наивно посылались въ знакъ любви, чтобы умилостивить пресвятую Дѣву; что же касается почтовыхъ марокъ, то онѣ прилагались просто ради удобства, облегчая посылку денегъ, если это не дѣлалось чисто по невѣдѣнію, какъ въ письмѣ одной крестьянки, которая прибавила въ постскриптумѣ, что она прилагаетъ марку и будетъ ждать отвѣта.

— Увѣряю васъ,—заключилъ баронъ,—здѣсь попадаются и премилыя письма, далеко не такія глупыя, какъ можно было бы ожидать... Въ продолженіе трехъ лѣтъ я находилъ очень интересныя посланія отъ одной дамы, которая не дѣлала ничего безъ того, чтобы не разсказать о томъ пресвятой Дѣвѣ. Это была замужняя женщина, которая питала самую опасную страсть къ другу своего мужа... И представьте себѣ, г-нъ аббатъ, вѣдь она восторжествовала надъ искушеніемъ: пресвятая Дѣва отвѣчала ей, пославъ ей броню своего цѣломудрія, вполнѣ божественную силу побороть свое сердце...

Баронъ прервалъ себя, чтобы сказать:

— Да пойдемте же, г-нъ аббатъ, присядьте здѣсь. Вы увидите, какъ тутъ славно!

Пьеръ сѣлъ возлѣ него на скамью слѣва, на томъ мѣстѣ, гдѣ скала опускалась. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ восхитительно мирный уголокъ. Ни тотъ, ни другой не поддерживали больше разговора; воцарилась глубокая тишина, какъ вдругъ священникъ услыхалъ за своей спиной невнятное журчанье, легкій кристальный звонъ, какъ будто выходившій изъ нѣдръ невидимаго. Онъ сдѣлалъ движеніе, понятое барономъ Сюиромъ.

Digitized by Google

— Это вы слышите плески источника. Онъ бѣжитъ въ землѣ, за этой рѣшеткой. Хотите его видѣть?

И, не дожидаясь согласія Пьера, старикъ нагнулся уже надъ одною изъ филенокъ, ограждавшихъ родникъ, говоря, что если его запирали такимъ образомъ, то изъ опасенія, чтобы свободные мыслители не бросили туда яду. Такая невѣроятная выдумка на минуту ошеломила аббата, но онъ кончилъ тѣмъ, что оставилъ ее на совѣсти барона, въ самомъ дѣлѣ отличавшагося большимъ ребячествомъ.

Между тѣмъ, тотъ напрасно бился надъ шифрованнымъ замкомъ, который никакъ ему не поддавался.

— Удивительно,—шепталъ онъ,—тутъ нужно слово: *Римъ* и я знаю навѣрно, что его не измѣняли... Сырость портитъ у насъ все. Мы принуждены каждые два года возобновлять костыли вонъ тамъ наверху, потому что они распадаются прахомъ... Принесите-ка мнѣ свѣчу.

Когда Пьеръ посвѣтилъ барону восковой свѣчой, взятой съ одного изъ подсвѣчниковъ, тому удалось, наконецъ, открыть позеленѣвшій мѣдный замокъ. Рѣшетчатая филенка повернулась и родникъ показался. Въ углубленіи скалы, по дну изъ грязнаго хряща, медленно струилась вода, которая выходила изъ-подъ земли прозрачной, безъ кипѣнія, и, казалось, занимала довольно широкое пространство. По словамъ барона, чтобы отвести ее къ водоемамъ, проложили трубы, покрытыя цементомъ. Онъ сознавался даже, что позади купелей были принуждены вырыть резервуаръ, гдѣ вода скапливалась бы за ночь, такъ какъ, при слабомъ притокѣ, ее могло не хватить на ежедневныя потребности.

— Хотите ее попробовать?—внезапно предложилъ Сюиръ.— Она еще лучше здѣсь при выходѣ изъ земли.

Пьеръ не отвѣчалъ; онъ смотрѣлъ на эту спокойную, невинную воду, которая подергивалась мелкой зыбью, отражая въ себѣ мерцающій свѣтъ восковой свѣчи. Капли воска, падая внизъ, заставляли трепетать ея поверхность. И аббатъ думалъ обо всемъ, что она приносила таинственнаго изъ отдаленныхъ нѣдръ горы.

— Выпейте стаканчикъ.

Баронъ зачерпнулъ воды стаканомъ, который былъ всегда наготовѣ, и священнику пришлось его осушить. Вода оказалась вкусной, чистой, прозрачной и свѣжей, какъ на всѣхъ нагорныхъ равнинахъ Пиринеевъ.

Заперевъ замокъ, мужчины опять усѣлись на прежнее мѣсто на дубовой скамьѣ. Пьеръ снова слышалъ иногда позади себя журчанье источника, похожее на слабое щебетанье спрятанной птицы. Теперь баронъ разсказывалъ ему о пещерѣ во всѣ вре-

Digitized by Google

мена года, при всякой погодѣ, доходя въ своей умиленной болтовнѣ до самыхъ пустыхъ подробностей.

Лѣто было сезономъ грубымъ, когда въ Лурдъ стекались ярмарочныя толпы большихъ паломничествъ, съ шумнымъ усердіемъ цѣлыхъ тысячъ богомольцевъ, молящихся и кричащихъ за разъ. Но съ осени начинались дожди, настоящій потопъ: они хлестали по цѣлымъ днямъ у порога пещеры и въ эту пору являлись пилигримы изъ дальнихъ странъ: индійцы, малайцы и даже китайцы, маленькими, молчаливыми и восторженными группами, которые становились на колѣни прямо въ грязь по знаку миссіонеровъ. Во Франціи, изо всѣхъ старинныхъ провинцій, Бретань посылала самыхъ набожныхъ паломниковъ, цѣлыми приходами, гдѣ мужчины были также многочисленны, какъ и женщины; богомольность, искренняя вѣра и благопристойность этихъ людей могли служить примѣромъ цѣлому свѣту. А тамъ наступала зима—декабрь со своими жестокими холодами и обильнымъ снѣгомъ, заграждавшимъ горныя дороги. Тогда семейства мѣстныхъ жителей забирались въ свои пустынные отели и вѣрующіе, не смотря ни на что, каждое утро приходили къ пещерѣ,—всѣ, кто любилъ тишину и уединеніе. Въ этомъ разрядѣ богомольцевъ были такіе, которыхъ никто не зналъ; они показывались только тогда, когда никто имъ не мѣшалъ простираться ницъ передъ Богоматерью и любить, подобно ревнивымъ влюбленнымъ; но едва только народъ грозилъ снова собраться толпами, эти люди спѣшили уѣхать, испуганные наплывомъ молельщиковъ. А какъ здѣсь славно въ дурную зимнюю погоду! При дождѣ, при вѣтрѣ, при снѣгѣ, пещера продолжаетъ горѣть, какъ жаръ. Даже по ночамъ, во время жестокихъ бурь, когда тутъ не было ни души, она сіяла въ пустыхъ потемкахъ, пылая огнемъ любви, котораго ничто не могло погасить. Баронъ разсказывалъ, что въ необычайно снѣжную предшествующую зиму онъ просиживалъ на этомъ мѣстѣ, на этой скамьѣ, съ полудня до вечера. Здѣсь всегда держалась пріятная теплота, хотя пещера обращена на сѣверъ и солнце никогда не проникаетъ въ нее. Конечно, скала, постоянно нагрѣваемая свѣчами, поддерживала эту пріятную температуру, но почему не допустить, кромѣ того, особенной милости пресвятой Дѣвы, которая желала, чтобы здѣсь царствовалъ вѣчный апрѣль? И маленькія птички отлично знали это; всѣ окрестные зяблики, застудивъ въ холодномъ снѣгу свои лапки, укрывались сюда, порхали въ плющѣ вокругъ священной статуи. Но вотъ наступало, наконецъ, пробужденіе весны. Гавъ катилъ растаявшіе снѣга съ громоподобнымъ грохотомъ, деревья опять зеленѣли подъ напоромъ соковъ, тогда какъ возвращающіяся толпы богомольцевъ шумно овладѣвали лучезарной пещерой, изгоняя оттуда небесныхъ пташекъ.

Digitized by Google

— Да, да,—повторялъ баронъ Сюиръ, уже болѣе вялымъ тономъ,—я проводилъ здѣсь совсѣмъ одинъ восхитительные зимніе дни... Сюда заглядывала единственная личность, молодая женщина, становившаяся на колѣни у самой рѣшетки, чтобы не простудиться въ снѣгу. Она была очень молода, пожалуй, лѣтъ двадцати пяти, и очень хорошенькая брюнетка съ великолѣпными голубыми глазами. Она ничего не говорила, даже какъ будто не молилась и простаивала такъ по цѣлымъ часамъ, съ безконечно-печальнымъ видомъ... Я не знаю, кто эта дама и никогда не видалъ ея съ тѣхъ поръ.

Старикъ пересталъ говорить и, минуты двѣ спустя, когда Пьеръ поднялъ глаза, удивленный его молчаніемъ, онъ замѣтилъ, что Сюиръ заснулъ. Сложивъ руки на животѣ, прижавъ подбородокъ къ груди, онъ спалъ съ неопредѣленной улыбкой, спокойнымъ сномъ младенца. Конечно, говоря, что онъ проводитъ здѣсь ночь, баронъ хотѣлъ сказать, что вкушаетъ въ пещерѣ первый сонъ счастливаго старца, котораго посѣщаютъ ангелы.

И тогда Пьеръ насладился самъ прелестью здѣшняго уединенія. Дѣйствительно, въ уголку подъ скалою необыкновеніая отрада проникала въ душу. Этому пріятному ощущенію способствовалъ и немного удушливый запахъ воска, и ослѣпленіе экстаза среди яркаго блеска свѣчъ. Аббатъ не могъ уже ясно различать ни костылей подъ сводомъ, ни приношеній, подвѣшенныхъ на боковыхъ стѣнахъ, ни гравированнаго серебрянаго алтаря, ни органа-гармоніума подъ чехломъ. Упоительная истома овладѣвала имъ, точно все его существо мало по малу таяло. Но сладостнѣе всего было божественное сознаніе, что находишься вдали отъ цѣлаго міра въ глубинѣ невѣроятнаго и сверхъестественнаго, какъ будто простая желѣзная рѣшетка обратилась именно въ преграду безконечнаго. Легкій шумъ слѣва заставилъ Пьера встрепенуться. То былъ источникъ, который продолжалъ струиться со своимъ птичьимъ щебетаньемъ. Ахъ, какъ желалъ бы Пьеръ опуститься на колѣни и увѣровать въ чудо, проникнуться упрямымъ убѣжденіемъ, что эта божественная вода брызнула изъ скалы лишь для исцѣленія страждущаго человѣчества! Вѣдь онъ пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы упасть ницъ и умолять пресвятую Дѣву вернуть ему вѣру младенцевъ. Зачѣмъ же онъ не молился, не просилъ у нея этого высшаго дара благодати? Въ пещерѣ становилось все душнѣе, свѣчи ослѣпляли Пьера до обморока. И вдругъ у него мелькнула мысль, что вотъ уже два дня на безграничной свободѣ, которою пользуются священники въ Лурдѣ, по небрежности, онъ не служилъ обѣдни. То былъ грѣхъ и, пожалуй, это онъ давилъ ему сердце такою тяжестью. Мучительное чувство стало наконецъ до того невыносимымъ, что Пьеръ долженъ

Digitized by Google

былъ встать и уйти. Онъ ограничился тѣмъ, что заперъ за собою рѣшетку, оставивъ барона Сюира спать на скамьѣ. Мари не двигалась въ своей телѣжкѣ, приподнявшись на локтяхъ, съ восторженнымъ лицомъ, обращеннымъ къ Богоматери.

— Мари, хорошо ли вамъ тутъ? не холодно ли?

Она ничего не отвѣчала. Онъ пощупалъ ей руки, нашелъ ихъ теплыми и мягкими, хотя онѣ немного дрожали.

— Вѣдь вы дрожите не отъ холода, Мари, не такъ ли?

Тогда она сказала голосомъ, похожимъ на дуновеніе:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня; я такъ счастлива. Я ее увижу, я чувствую это... Ахъ, какое восхищеніе!

Тогда онъ приподнялъ немного повыше теплый платокъ и ушелъ въ самую темноту, охваченный невыразимымъ смятеніемъ. Послѣ яркаго свѣта въ пещерѣ, ночь казалась непроглядной; то была какая-то бездна мрака, куда онъ катился наудачу. Затѣмъ его глаза привыкли къ потемкамъ и, увидавъ себя возлѣ Гава, Пьеръ пошелъ по берегу, окаймленному аллеей съ высокими деревьями, гдѣ опять чувствовалась свѣжесть. Это облегчало его теперь; и ночная темнота, и свѣжесть дѣйствовали такъ успокоительно. Пьеръ только удивлялся, почему онъ не сталъ на колѣни и не молился, подобно Мари, весь отдавшись Богу. Какое препятствіе мѣшало этому? Откуда брался протестъ, который не давалъ ему проникнуться вѣрой, даже когда его переутомленное, не знавшее покоя, существо жаждало слиться съ Богомъ? Онъ хорошо понималъ, что въ немъ возстаетъ только разумъ, и въ этотъ часъ Пьеру хотѣлось бы убить его, какъ прожорливаго врага, который съѣдалъ его жизнь, мѣшалъ ему наслаждаться счастьемъ невѣдѣнія простыхъ душъ. Можетъ быть, еслибы онъ увидѣлъ чудо, то могъ бы заставить себя увѣровать. Вотъ, напримѣръ, еслибы Мари вдругъ встала и пошла передъ нимъ, не упалъ ли бы онъ, побѣжденный наконецъ, на колѣни. Образъ спасенной, выздоровѣвшей Мари до того взволновалъ его, что онъ остановился и поднялъ дрожащія руки къ небу, усѣянному звѣздами. Ахъ, великій Боже, какая прекрасная ночь, глубокая и таинственная, благоуханная и легкая, и какая масса радости въ этой надеждѣ возвратившагося вѣчнаго здоровья, вѣчной любви, возрождающейся до безконечности, подобно веснѣ! Потомъ онъ прошелся до конца аллеи. Но его сомнѣнія возвращались: кто требуетъ чуда, чтобы увѣровать, тотъ не способенъ вѣрить. Богу нечего доказывать свое существованіе. Пьеру стало также не по себѣ при мысли, что пока онъ не исполнитъ своей обязанности священника, отслуживъ обѣдню, Господь не услышитъ его. Отчего бы ему не пойти сейчасъ въ церковь Розарія, алтари которой съ полуночи до полудня оставались въ распоряженіи пріѣзжихъ священниковъ? Аббатъ прошелъ обратно, по другой аллеѣ, и очутился подъ

Digitized by Google

деревьями, въ тѣни вѣтвей, откуда онъ смотрѣлъ съ Мари на процессію со свѣчами. Теперь нигдѣ больше не мерцало огонька; одно море сумрака безъ границъ.

Тутъ Пьеръ почувствовалъ опять упадокъ духа и машинально вошелъ въ пріютъ богомольцевъ, точно желая оттянуть время. Дверь оставалась открытою настежъ, все таки недостаточно вентилируя обширную залу, набитую народомъ. Съ первыхъ же шаговъ, ему ударило въ лицо удушливымъ жаромъ отъ этихъ скученныхъ тѣлъ, противнымъ запахомъ человѣческаго дыханія и пота. Чадные фонари свѣтили такъ плохо, что молодой священникъ долженъ былъ остерегаться, чтобы не наступить на разбросанные члены спящихъ; тѣснота была такая страшная, что многіе, не найдя мѣста на скамьяхъ, улеглись на сыромъ каменномъ полу, запачканномъ плевками и объѣдками съ самаго утра. Тутъ было невообразимое смѣшеніе мужчинъ, женщинъ, священниковъ, спавшихъ вповалку, кому гдѣ удалось приткнуться; разбитые усталостью, они попадали на полъ и заснули, какъ убитые, разметавшись во снѣ, разинувъ ротъ. Многіе храпѣли въ сидячемъ положеніи, прислонившись спиной къ стѣнѣ, мотая головой, свѣсившейся на грудь. Другіе переплелись ногами со своими сосѣдями; одна молодая дѣвушка лежала поперекъ стараго деревенскаго священника, сладко спавшаго мирнымъ сномъ младенца, съ улыбкой на губахъ. То былъ какой-то хлѣвъ; бездомные бѣдняки обрадовались случайному пріюту; всѣ тѣ, у кого не было пристанища въ этотъ дивный праздничный вечеръ, собрались сюда и повалились на полъ отъ изнеможенія, заснувши по братски въ объятіяхъ другъ друга. Посреди храпа слышались крики бреда, болѣзненные стоны. Необъятная глухая жалость щемила сердце при видѣ этого стада бѣдняковъ, сваленныхъ въ кучу въ ихъ омерзительныхъ лохмотьяхъ, тогда какъ маленькія непорочныя души этихъ людей, безъ сомнѣнія, витали далеко, въ волшебной странѣ мистической грёзы.

Пьеръ удалялся, чувствуя дурноту, какъ вдругъ слабый, безпрерывный плачъ заставилъ его остановиться. Онъ узналъ на томъ же самомъ мѣстѣ, въ той же позѣ, г-жу Венсанъ, которая укачивала маленькую Розу у себя на колѣняхъ.

— Ахъ, г-нъ аббатъ,—прошептала она,—слышите, бѣдняжка проснулась вотъ уже скоро часъ и съ той минуты она кричитъ... Клянусь вамъ однако, что я не пошевелила пальцемъ, до того мнѣ было пріятно видѣть, какъ она спала.

Священникъ наклонился, вглядываясь въ дѣвочку, не имѣвшую силъ даже открыть вѣки. Стонъ вылеталъ у нея вмѣстѣ съ дыханіемъ и ребенокъ былъ до того блѣденъ, что Пьеръ содрогнулся, почуявъ близость смерти.

— Боже мой! Что мнѣ дѣлать?—продолжала истерзанная

Digitized by Google

мать, въ крайнемъ изнеможеніи.—Это не можетъ такъ продолжаться; я не могу больше слышать ея криковъ... Еслибъ вы знали, чего только не говорила я ей: «Драгоцѣнная моя, сокровище, ангелочекъ, умоляю тебя, перестань кричать, будь умница, пресвятая Дѣва исцѣлитъ тебя»! А она все плачетъ.

Чувствуя, какъ слезы подступаютъ у него къ глазамъ, Пьеръ поцѣловалъ бѣлокурые волосики Розы и поспѣшилъ уйти. Онъ пошелъ прямо въ Розарій, какъ будто рѣшившись побѣдить смерть. Онъ видѣлъ уже церковь Розарія днемъ и ему не понравился этотъ, припертый къ скалѣ, храмъ, которому стѣсненный разстояніемъ архитекторъ принужденъ былъ придать круглую форму и сдѣлать его слишкомъ низкимъ при большомъ куполѣ, опиравшемся на четырехъугольные пилоны. Самое худшее было то, что, не смотря на архаическій византійскій стиль, внутренность церкви не возбуждала религіознаго настроенія; въ ней не было ничего таинственнаго, располагавшаго къ благоговѣнію, и она походила на новый хлѣбный амбаръ, куда черезъ куполъ и стеклянныя двери проникалъ слишкомъ яркій свѣтъ. Впрочемъ, храмъ еще не былъ оконченъ; ему не доставало украшеній; голыя стѣны, съ прислоненными къ нимъ алтарями, были покрыты только розами изъ цвѣтной бумаги и плохенькими приношеніями по обѣту, что̀ окончательно придавало церкви видъ обширной проходной залы съ каменнымъ поломъ, который въ дождливую погоду пачкался жидкой грязью, какъ полъ пассажирской залы на станціи желѣзной дороги. Временный главный алтарь былъ деревянный, раскрашенный. Безчисленные ряды скамеекъ наполняли центральную ротонду, служившую общественнымъ прибѣжищемъ; сюда можно было прійти посидѣть во всякое время, потому что Розарій оставался открытымъ для толпы богомольцевъ днемъ и ночью. Какъ и пріютъ паломниковъ, то былъ своего рода хлѣвъ, гдѣ Господь принималъ бѣдняковъ, какъ въ вертепѣ виѳлеемскомъ.

И Пьеръ, при входѣ сюда, снова почувствовалъ себя точно на рынкѣ среди улицы. Но слишкомъ яркій свѣтъ не затоплялъ теперь бѣлесоватыхъ стѣнъ; только свѣчи, горѣвшія на всѣхъ алтаряхъ, разсѣивали сумрачныя тѣни, дремавшія подъ сводами. Въ полночь служили большую, торжественную обѣдню, совершаемую съ необычайной пышностью, въ блескѣ свѣтильниковъ, съ пѣніемъ, въ золотыхъ облаченіяхъ, съ ѳиміамомъ курящихся кадильницъ, колеблемыхъ въ воздухѣ. Но ото всего этого ослѣпительнаго великолѣпія не осталось больше ничего, кромѣ положеннаго по правилу количества свѣчъ, необходимыхъ для совершенія обѣдни, на пятнадцати боковыхъ алтаряхъ. Съ полуночи здѣсь начинались обѣдни, не прекращавшіяся до полудня. Только въ одномъ Розаріѣ ихъ совершалось около четырехсотъ въ продолженіе этихъ двѣнадцати часовъ.

Digitized by Google

Наплывъ священниковъ былъ до того великъ, что многіе съ трудомъ добивались очереди исполнить свой долгъ и простаивали гуськомъ по цѣлымъ часамъ, прежде чѣмъ найти свободный алтарь. Въ эту ночь, что̀ удивило Пьера, такъ это видъ осаждаемыхъ въ полумракѣ алтарей и вереницы священниковъ, терпѣливо ожидавшихъ своей очереди внизу ступеней.

Съ минуту Пьеръ прохаживался въ нерѣшительности. Сто̀итъ ли ему ждать, какъ дѣлали другіе? Но удивительное зрѣлище приковывало его къ себѣ. У всѣхъ алтерей, за всѣми обѣднями волна паломниковъ тѣснилась и пріобщалась на скорую руку съ какимъ-то жаднымъ усердіемъ. Чаши со святыми дарами наполнялись и опоражнивались безпрестанно; руки священниковъ уставали раздавать хлѣбъ жизни. И аббатъ дивился снова; никогда не видалъ онъ уголка земли, до такой степени орошеннаго божественною кровью, откуда вѣра испарялась бы въ такомъ полетѣ душъ. Это было точно возвращеніемъ къ героическимъ временамъ церкви, когда народы падали на колѣни подъ одинаковымъ вѣяніемъ, въ ужасѣ своего невѣдѣнія, предавая себя въ руки всемогущаго Бога. Пьеръ могъ вообразить, что онъ перенесся за восемь или за девять вѣковъ назадъ, къ временамъ сильнаго подъема общественной набожности, когда люди ожидали близкаго конца міра. Толпа простонародья, всѣ, кто присутствовалъ на большой обѣднѣ, остались на скамьяхъ; имъ было хорошо въ домѣ божіемъ, какъ у себя. Многіе не имѣли пристанища. Развѣ церковь не была ихъ домомъ, убѣжищемъ, гдѣ ихъ ожидало утѣшеніе день и ночь? Кто не имѣлъ ночлега, кто не нашелъ мѣстечка даже въ пріютѣ паломниковъ, входилъ въ Розарій и кончалъ тѣмъ, что пристраивался куда нибудь на скамью или ложился на плиты пола. Другіе, кого ожидала готовая постель, оставались здѣсь ради наслажденія провести цѣлую ночь въ этомъ небесномъ жилищѣ, полномъ прекрасныхъ сновъ...

Пьеръ продолжалъ бродить съ видомъ тревожной нерѣшительности между странными кучками народа, какъ вдругъ одинъ старый священникъ, сидѣвшій на ступеняхъ, поманилъ его къ себѣ. Уже два часа дожидался онъ тутъ и, когда подошла его очередь, почувствовалъ такую слабость, что предпочелъ уступить свое мѣсто изъ боязни, что у него не хватитъ силъ отслужить обѣдню. Вѣроятно, видъ Пьера, затеряннаго, терзавшагося въ потемкахъ, тронулъ старика. Онъ указалъ ему, гдѣ ризница, подождалъ, пока тотъ вернулся съ облаченіемъ и чашей, и сейчасъ же крѣпко заснулъ на одной изъ сосѣднихъ скамеекъ. Тогда Пьеръ отслужилъ обѣдню, какъ дѣлывалъ въ Парижѣ, съ усердіемъ добросовѣстнаго человѣка, исполняющаго профессіональную обязанность. По наружности онъ проявлялъ искреннюю вѣру, однако ничто не тронуло его,

Digitized by Google

не заставило умилиться его сердце, какъ онъ могъ того ожидать отъ двухъ послѣднихъ лихорадочныхъ дней и этой необычайной волнующей среды, гдѣ онъ жилъ вторыя сутки. Аббатъ надѣялся, что въ моментъ причащенія, когда совершается божественная тайна, все его существо будетъ внезапно потрясено; что благодать снизойдетъ на него, что передъ нимъ разверзется небо и онъ увидитъ себя лицомъ къ лицу съ Господомъ. Однако не произошло ничего подобнаго. Не смотря на все усиліе проникнуться усердіемъ, одна неотвязная мысль осаждала Пьера: ему думалось, что ризница черезчуръ мала для такого огромнаго количества обѣденъ. Этотъ праздный вопросъ сбивалъ его съ толку, лѣзъ на умъ во все время совершенія таинства съ самой нелѣпой настойчивостью.

Потомъ Пьеръ какъ-то нечаянно очутился на улицѣ. И онъ снова пошелъ въ темнотѣ; ночь казалась ему еще непроглядѣе, еще глуше, и необъятная пустота охватывала его. Городъ точно вымеръ. Оставался только рокотъ Гава, но слухъ, привыкшій къ нему, переставалъ различать этотъ говоръ волнъ. И вдругъ пещера засіяла передъ нимъ, залила сумракъ свѣтомъ своего неугасаемаго пламени, горящаго подобно неутолимой любви. Пьеръ безсознательно вернулся туда, вѣроятно, привлеченный мыслью о Мари. Было уже около трехъ часовъ, скамьи пустѣли, публики оставалось человѣкъ двадцать: неясныя темныя фигуры, которыя смутно выступали въ колѣнопреклоненной позѣ, полусонныя въ своемъ экстазѣ, замиравшія въ божественномъ упоеніи.

Пьеръ поспѣшно приблизился къ Мари. Его трясла лихорадка и онъ вообразилъ, что больная страшно озябла подъ утро.

— Умоляю васъ, Мари, закутайтесь хорошенько! Неужели вы хотите расхвораться еще болѣе?

И онъ поправилъ скатившуюся шаль, стараясь завязать платокъ у нея на шеѣ.

— Вамъ холодно, Мари? У васъ руки совсѣмъ застыли.

Она не отвѣчала, оставаясь въ томъ же положеніи, какъ и два часа назадъ, когда онъ ушелъ. Опершись локтями на края телѣжки, больная приподнималась на нихъ, какъ будто стремясь къ пресвятой Дѣвѣ; ея преобразившееся лицо сіяло небесной радостью. Губы дѣвушки шевелились, не произнося ни звука. Можетъ быть, она продолжала таинственную бесѣду въ очарованной странѣ, во снѣ наяву, въ который погрузилась съ тѣхъ поръ, какъ ее привезли на это мѣсто. Пьеръ говорилъ съ ней еще; она не отвѣчала, но потомъ прошептала сама себѣ какимъ-то страннымъ голосомъ, точно доносившимся издали:

— О, Пьеръ, какъ я счастлива!.. Я ее видѣла и просила

Digitized by Google

за васъ, и она мнѣ улыбнулась, слегка кивнувъ головою, въ знакъ того, что услышала меня и исполнитъ мою молитву... Она не говорила со мною, Пьеръ, но я и такъ все поняла безъ словъ. Я исцѣлюсь сегодня въ четыре часа вечера, когда понесутъ мимо св. дары.

Онъ слушалъ въ глубокомъ волненіи. Не спала ли Мари съ открытыми глазами? Не во снѣ ли видѣла она, что мраморная статуя пресвятой Дѣвы улыбалась ей и кивала головою? Аббатъ почувствовалъ трепетъ при мысли, что это чистое дитя молилось за него. Онъ подошелъ къ рѣшеткѣ и упалъ на колѣни, бормоча:—О, Марія, о, Марія!—Пьеръ даже не сознавалъ хорошенько, относится ли этотъ сердечный вопль къ Богоматери, или къ обожаемой подругѣ дѣтства. Потомъ онъ остался тутъ, уничтоженный, ожидая благодати. Безконечныя минуты протекали. Теперь же это было сверхъестественное усиліе, ожиданіе чуда, котораго онъ самъ здѣсь искалъ; онъ ждалъ внезапнаго откровенія, съ быстротою молніи уносящаго всякое сомнѣніе, возвращающаго къ вѣрѣ простыхъ душъ. Онъ отдавался весь, онъ хотѣлъ, чтобы высшая сила перевернула и преобразила все его существо. Но, какъ сейчасъ, за обѣдней, Пьеръ слышалъ въ себѣ одно молчаніе безъ границъ, чувствовалъ одну бездонную пустоту. Ничего не происходило съ нимъ; его сердце, доведенное до отчаянія, какъ будто перестало даже биться. Напрасно онъ старался сосредоточиться на молитвѣ, безумно устремить свои помыслы къ этой всемогущей Дѣвѣ, такой милостивой къ несчастнымъ: не смотря ни на что, его мысль ускользала, подчиняясь опять внѣшнему міру, занимаясь пустяками. По ту сторону рѣшетки, въ самой пещерѣ онъ замѣтилъ сидящаго барона Сюира, который продолжалъ сладко спать, сложивъ руки на животѣ. Еще и другія вещи развлекали его: букеты у ногъ пресвятой Дѣвы, письма, брошенныя тамъ, какъ на небесную почту, нѣжное кружево воска, не таявшее вокругъ пламени толстыхъ свѣчъ и ограждавшее его подобно изящной филиграновой работѣ изъ серебра. Потомъ, безо всякой видимой связи, Пьеръ перескочилъ къ своему дѣтству и ему особенно ясно представилась фигура брата Гильома. Со смерти матери они не видались. Аббатъ зналъ только то, что старшій братъ живетъ очень уединенно, занимаясь наукой въ маленькомъ домикѣ, гдѣ онъ поселился совершеннымъ отшельникомъ со своей любовницей и двумя большими собаками. Пьеръ ничего не зналъ бы о немъ, еслибъ не прочелъ недавно имени Гильома въ газетѣ по поводу революціоннаго покушенія. Толковали, что онъ страшно увлекается изученіемъ взрывчатыхъ веществъ и посѣщаетъ наиболѣе отъявленныхъ коноводовъ партіи. Съ какой же стати Гильомъ представлялся Пьеру въ этомъ мѣстѣ экстаза, среди мистическаго сіянія восковыхъ

Digitized by Google

свѣчъ и такимъ, какимъ онъ зналъ его въ былое время: добрымъ, нѣжнымъ братомъ, котораго возмущало всякое страданіе? Съ минуту Пьеръ не могъ отогнать его образа, горько сожалѣя о потерѣ этой братской привязанности. Затѣмъ, опять таки безо всякаго перехода, онъ снова вернулся къ самому себѣ и понялъ, что напрасно будетъ стоять здѣсь цѣлые часы, что вѣра къ нему не возвратится. Однако онъ чувствовалъ въ себѣ какую-то внутреннюю дрожь; въ немъ вставала послѣдняя надежда, робкая мысль, что если пресвятая Дѣва совершила бы великое чудо, исцѣливъ Мари, онъ, конечно, увѣровалъ бы въ провидѣніе. То была какъ будто послѣдняя отсрочка, которую онъ себѣ давалъ, свиданіе съ вѣрой въ тотъ же самый день, въ четыре часа вечера, когда будутъ проносить мимо святые дары, какъ сказала молодая дѣвушка. И тотчасъ его тревога прекратилась; онъ остался на колѣняхъ, разбитый усталостью, охваченный непобѣдимой дремотой.

Часы проходили, пещера по прежнему отбрасывала въ ночной сумракъ ослѣпительное сіяніе временной капеллы у гроба усопшаго, причемъ отблескъ отъ нея доходилъ до сосѣднихъ холмовъ, заставляя выступать на нихъ своей бѣлизной фасады монастырей. Но Пьеръ увидѣлъ, что этотъ яркій свѣтъ сталъ понемногу блѣднѣть и въ удивленіи очнулся, вздрагивая отъ легкаго холодка: это рождался день на мутномъ небѣ, подернутомъ большими бѣлесоватыми тучами. Аббатъ понялъ, что одна изъ тѣхъ грозъ, которыя такъ внезапно налетаютъ въ горныхъ странахъ, быстро надвигалась съ юга. Громъ уже грохоталъ вдалекѣ, тогда какъ порывы вѣтра сметали пыль по дорогамъ. Можетъ быть, Пьеръ также спалъ въ свою очередь, потому что баронъ Сюиръ исчезъ, а онъ не видѣлъ, какъ тотъ уходилъ. Передъ пещерой оставалось какихъ нибудь десять человѣкъ; между ними онъ опять увидалъ г-жу Мазъ, закрывшую лицо руками. Но когда она замѣтила, что теперь свѣтло и ее видятъ, то встала и удалилась по узкой тропинкѣ, которая вела въ монастырь голубыхъ сестеръ.

Пьеръ въ безпокойствѣ подошелъ къ Мари, говоря, что здѣсь нельзя оставаться долѣе, если она не хочетъ промокнуть до костей.

— Я отвезу васъ въ больницу.

Она отказывалась и упрашивала.

— Нѣтъ, нѣтъ, я жду обѣдни, я обѣщала здѣсь пріобщиться... Не безпокойтесь обо мнѣ, идите скорѣе отдохнуть въ гостинницу, умоляю васъ. Вы знаете, что за больными пріѣзжаютъ закрытыя кареты, когда идетъ дождь.

Она такъ и остановилась на этомъ, между тѣмъ какъ онъ повторялъ, что не хочетъ спать. Обѣдня, дѣйствительно, была отслужена очень рано въ пещерѣ и для паломниковъ это была

Digitized by Google

божественная радость—причаститься послѣ долгой ночи экстаза при блескѣ восходящаго солнца. Когда дождь пошелъ крупными каплями, священникъ появился въ облаченіи; съ нимъ было двое церковнослужителей, причемъ одинъ изъ нихъ держалъ надъ его головой раскрытый дождевой зонтикъ изъ бѣлаго шолка съ золотой вышивкой, чтобы прикрыть чашу со святыми дарами.

Пьеръ прикатилъ телѣжку къ самой рѣшеткѣ, желая защитить Мари подъ выступомъ скалы, куда укрылись и другіе присутствующіе. Аббатъ смотрѣлъ, какъ молодая дѣвушка съ пылкимъ усердіемъ принимала святое причастіе, когда его вниманіе было внезапно привлечено жалкимъ зрѣлищемъ, отъ котораго переворачивалось сердце. Подъ проливнымъ дождемъ, частымъ и крупнымъ, онъ увидалъ г-жу Венсанъ; она протягивала на рукахъ къ пресвятой Дѣвѣ свою маленькую Розу, продолжая носиться со своей дорогой и скорбной ношей. Въ пріютѣ поднялся ропотъ на безпрерывный плачъ малютки и мать унесла ее оттуда въ непроглядную ночь, бродя въ потемкахъ болѣе двухъ часовъ, растерянная, обезумѣвшая съ этой печальной плотью отъ своей плоти, которую она прижимала къ груди, не имѣя возможности облегчить ея страданій. Она не знала, какую выбрала дорогу, подъ какими деревьями блуждала, жестоко возмущаясь несправедливымъ недугомъ, который немилосердо терзалъ маленькое существо, такое слабое, такое чистое, еще неспособное къ грѣху. Не отвратительны ли эти тиски болѣзни, мучившія безъ перерыва въ продолженіе цѣлыхъ недѣль бѣдное созданіе, криковъ котораго несчастная женщина никакъ не могла унять? Она носила свою больную, укачивала ее по дорогамъ, бѣгая съ мѣста на мѣсто, въ упрямой надеждѣ, что ей удастся наконецъ усыпить свое дитя, унять этотъ крикъ, раздиравшій ей сердце. И вдругъ, измученная, еле живая при видѣ агоніи дочери, г-жа Венсанъ внезапно очутилась передъ пещерой, у ногъ чудотворной Дѣвы, которая прощала и исцѣляла.

— О пресвятая Дѣва, дивная Матерь, исцѣли ее!.. О Дѣва, матерь божественнаго милосердія, исцѣли ее!..

Она упала на колѣни, по прежнему протягивая свою умирающую дочь на дрожащихъ рукахъ, въ экзальтаціи желанія и надежды, поднимавшей ее всю. А дождь, котораго она не чувствовала за собою, хлесталъ ее сзади съ шумомъ потока, вышедшаго изъ береговъ, между тѣмъ какъ страшные удары грома потрясали сосѣднія горы. Одну минуту г-жа Венсанъ вообразила, что молитва ея услышана; Роза слегка вздрогнула, какъ будто къ ней прикоснулся архангелъ, вѣстникъ рая; раскрыла глаза и ротикъ, блѣдная, какъ полотно, тихонько вздохнула въ послѣдній разъ и перестала кричать.

Digitized by Google

— О пресвятая Дѣва, матерь Спасителя, исцѣли ее!.. О Дѣва, всемогущая Матерь, исцѣли ее!..

Но она вдругъ почувствовала, что ребенокъ сталъ еще легче на ея протянутыхъ рукахъ, и теперь г-жа Венсанъ испугалась, не слыша болѣе жалобныхъ стоновъ Розы, видя ее такой блѣдной, съ открытымъ ртомъ, и бездыханной. Отчего малютка не улыбалась, если она была исцѣлена? И вдругъ дикій, раздирающій вопль, вопль матери, раздался у пещеры, заглушая удары грома среди усиливающейся грозы. Ея дочь умерла. Г-жа Венсанъ встала, выпрямилась и отвернулась отъ Дѣвы, глухой къ материнскимъ мольбамъ, которая давала умирать малюткамъ, и ушла прочь, какъ безумная, подъ хлещущимъ дождемъ, безсознательно шагая впередъ, унося и продолжая качать бѣдный маленькій трупъ своей крошки, которую не спускала съ рукъ столько дней и ночей. Въ эту минуту грянулъ громъ и раздробилъ одно изъ сосѣднихъ деревьевъ, точно ударомъ гигантскаго топора, подъ оглушительный трескъ изогнутыхъ и сломанныхъ вѣтвей.

Пьеръ бросился за несчастной женщиной, чтобы подать ей помощь, но не могъ догнать ее, потому что она тотчасъ затерялась за мутной пеленою дождя. Когда аббатъ вернулся, обѣдня оканчивалась, дождь унимался и священникъ, совершавшій богослуженіе, наконецъ ушелъ подъ бѣлымъ шолковымъ зонтикомъ съ золотою вышивкой, между тѣмъ какъ нѣчто въ родѣ омнибуса ожидало немногихъ больныхъ, чтобы отвезти ихъ обратно въ госпиталь.

Мари пожала обѣ руки Пьера.

— О, какъ я счастлива!.. Не приходите за мною раньше трехъ часовъ пополудни.

Оставшись одинъ подъ дождемъ, который сталъ мельче и упорнѣе, Пьеръ вошелъ въ пещеру и сѣлъ на скамью у источника. Онъ не хотѣлъ ложиться спать, не смотря на усталость; мысль о снѣ тревожила его при чрезмѣрномъ возбужденіи нервъ, въ какомъ онъ находился со вчерашняго дня. Смерть маленькой Розы еще больше разстроила молодаго священника и онъ не могъ отогнать отъ себя мысль объ этой распинаемой матери, которая бродила по грязнымъ дорогамъ съ трупомъ своего ребенка.

Дождь пересталъ, Пьеръ просидѣлъ въ пещерѣ два часа, какъ вдругъ почувствовалъ, что его обувь промокла. Онъ посмотрѣлъ и былъ очень удивленъ: чудотворный источникъ билъ черезъ край, проникая между рѣшетчатыхъ филенокъ. Почва грота была уже залита и вода текла наружу подъ скамьи, до парапета Гава. Послѣднія грозы, вѣроятно, произвели половодье въ окрестностяхъ. Аббатъ подумалъ, что источникъ, при всей своей чудодѣйственной силѣ, подчиняясь общимъ зако-

Digitized by Google

намъ, вѣроятно, сообщается съ натуральными бассейнами, куда проникала и гдѣ собиралась вода. И Пьеръ удалился, чтобы не вымокнуть до щиколодки.

V.

Молодой священникъ шелъ, чувствуя потребность въ свѣжемъ воздухѣ, и голова у него была до того тяжела, что онъ снялъ шляпу, чтобы охладить свой пылающій лобъ. Не смотря на утомительность этой ужасной безсонной ночи, Пьеръ совсѣмъ не хотѣлъ спать, волнуемый мятежными чувствами, которыя все еще не успокоивались. Пробило восемь часовъ; онъ шелъ наудачу подъ яркимъ утреннимъ солнцемъ, сіявшимъ на безоблачномъ небѣ, какъ будто омытомъ грозою отъ пыли вчерашняго воскреснаго дня.

Но вдругъ Пьеръ поднялъ голову, съ безпокойствомъ осматриваясь кругомъ. Онъ удивился, что прошелъ такъ далеко, до конца желѣзнодорожной станціи, возлѣ городской богадѣльни. Онъ колебался на перекресткѣ двухъ дорогъ, не зная, куда повернуть, какъ чья-то дружеская рука неожиданно опустилась ему на плечо.

— Куда это вы отправляетесь въ такой часъ?

То былъ докторъ Шассень, прямой и высокій, застегнутый въ свой рединготъ.

— Не заблудились ли вы, не нужно ли вамъ какихъ нибудь указаній?

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю,—отвѣчалъ смущенный Пьеръ.— Я провелъ ночь у пещеры съ той молоденькой больной, которая мнѣ дорога, и у меня стало такъ тяжело на сердцѣ, что я прогуливаюсь, чтобы оправиться, прежде чѣмъ пойти заснуть немного въ свой отель.

Докторъ продолжалъ смотрѣть на него, ясно читая въ глазахъ аббата жестокую борьбу, его отчаяніе отъ невозможности забыться въ вѣрѣ, всю муку его безполезнаго усилія.

— Ахъ, мое бѣдное дитя!—прошепталъ онъ, послѣ чего прибавилъ отеческимъ тономъ:—Ну, если вы гуляете, то не пройдетесь ли вмѣстѣ со мною? Я какъ разъ хотѣлъ спуститься этимъ путемъ до Гава... Пойдемте,—я покажу вамъ великолѣпный видъ.

Докторъ Шассень прогуливался такимъ образомъ каждое утро по два часа, всегда одинъ, стараясь разсѣять свою печаль утомленіемъ. Сначала, только что вставъ съ постели, онъ шелъ на кладбище помолиться на могилѣ жены и дочери, и украсить ее цвѣтами во всякое время года. Потомъ одинокій старикъ бродилъ по дорогамъ, унося съ собою свои слезы, и возвращался домой лишь къ завтраку, разбитый усталостью.

Digitized by Google

Пьеръ выразилъ жестомъ свое согласіе и оба они стали спускаться рядомъ, не говоря ни слова. Долго не прерывалось ихъ молчаніе. Шассень казался печальнѣе обыкновеннаго въ это утро, какъ будто нѣмая бесѣда съ дорогими усопшими еще сильнѣе заставляла обливаться кровью его сердце. Блѣдное лицо старика съ орлинымъ носомъ, обрамленное сѣдыми волосами, было грустно, а въ глазахъ еще стояли слезы, тогда какъ въ это великолѣпное утро было такъ славно, такъ пріятно на яркомъ солнцѣ! Теперь дорога шла по правому берегу Гава, по ту сторону новаго города. Отсюда виднѣлись сады, подъемы на гору, базилика. Потомъ открылся передній фасадъ пещеры съ неугасимымъ блескомъ свѣчъ, блѣднѣвшихъ при дневномъ свѣтѣ.

Докторъ Шассень, повернувъ туда голову, набожно перекрестился. Пьеръ сначала не понялъ, но, увидавъ въ свою очередь пещеру, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего стараго друга, недоумѣвая, какъ и третьяго дня, становясь втупикъ передъ этимъ человѣкомъ науки, атеистомъ и матерьялистомъ, котораго сразило горе и который теперь вѣровалъ изъ-за единственной отрады—встрѣтиться въ загробной жизни со своими дорогими умершими, которыхъ онъ такъ горько оплакивалъ. Сердце взяло верхъ надъ разумомъ; старый и одинокій, онъ жилъ только надеждой на радость свиданія въ раю. И тягостное чувство аббата еще усилилось при этомъ. Неужели и ему дожидаться, пока онъ постарѣетъ и перенесетъ такой же ударъ, чтобы найти наконецъ прибѣжище въ вѣрѣ?

Они продолжали идти, удаляясь отъ города по теченію Гава. Ихъ точно убаюкивали эти свѣтлыя воды, катившіяся по камнямъ, между берегами, усаженными деревьями. Оба, не прерывая молчанія, шли ровнымъ шагомъ и каждый изъ нихъ былъ погруженъ въ свою печаль.

— А знавали ли вы Бернадетту?—неожиданно спросилъ Пьеръ.

Докторъ поднялъ голову.

— Бернадетта... Да, я видѣлъ ее одинъ разъ уже взрослой дѣвушкой.

Онъ на минуту снова замолчалъ, но потомъ разговорился.— Вы понимаете, въ 1858 году, во время явленій, мнѣ было тридцать лѣтъ; я жилъ въ Парижѣ, будучи тогда молодымъ докторомъ, врагомъ всего сверхъестественнаго, и не думалъ возвращаться въ родимыя горы, чтобы взглянуть на дѣвочку, подверженную галлюцинаціямъ... Но пять или шесть лѣтъ спустя, такъ въ 1864 году, я побывалъ мимоѣздомъ въ Лурдѣ и мнѣ захотѣлось изъ любопытства навѣстить Бернадетту, находившуюся еще въ богадѣльнѣ у неверскихъ сестеръ.

Пьеръ вспомнилъ, что желаніе дополнить свои разслѣдова-

Digitized by Google

нія о Бернадеттѣ было одной изъ причинъ его пріѣзда въ Лурдъ. И кто знаетъ, не снизойдетъ ли на него благодать отъ смиренной и восхитительной дѣвочки въ тотъ день, когда онъ убѣдится въ миссіи божественнаго прощенія, которую она была призвана исполнить на землѣ? Пожалуй, для него было бы достаточно узнать ее хорошенько, убѣдиться, что она, дѣйствительно, святая и избранница.

— Разскажите мнѣ о ней, прошу васъ. Сообщите все, что вы знаете.

Слабая улыбка мелькнула по губамъ доктора. Онъ понималъ все, онъ желалъ бы успокоить душу священника, терзаемую сомнѣніемъ.

— О, съ охотой, мое бѣдное дитя! Я былъ бы такъ счастливъ помочь вамъ просвѣтиться!.. Вы совершенно основательно любите Бернадетту; любовь къ ней можетъ васъ спасти, потому что я много размышлялъ объ этихъ, теперь уже давнишнихъ, событіяхъ и говорю откровенно, что мнѣ не случалось еще встрѣчать такого добраго и очаровательнаго созданія, какимъ была Бернадетта.

И въ тактъ ихъ медленнымъ шагамъ по прекрасной, освѣщенной солнцемъ, дорогѣ, среди восхитительной свѣжести утра, докторъ разсказалъ свой визитъ къ Бернадеттѣ въ 1864 году. Ей только что минуло двадцать лѣтъ—прошло уже шесть лѣтъ послѣ явленій Богородицы—и молодая дѣвушка удивила Шассеня своей простотой, разсудительностью и полнѣйшей скромностью. Неверскія сестры, научившія Бернадетту читать, держали ее у себя въ богадѣльнѣ, чтобы посѣтители не докучали ей своимъ любопытствомъ. Она тамъ работала, помогала имъ въ самыхъ простыхъ занятіяхъ, но такъ часто хворала, что проводила цѣлыя недѣли въ постели. Что особенно поразило въ ней доктора, такъ это ея дивные глаза, дѣтски-чистые, наивные и открытые. Однако, цвѣтъ лица у нея потемнѣлъ, черты огрубѣли и съ перваго взгляда она производила впечатлѣніе простой служанки: такая она была маленькая, невзрачная и тщедушная. Ея набожность по прежнему была сильна, но дѣвушка не показалась Шассеню восторженной, экзальтированной, какъ можно было ожидать; напротивъ, она обнаруживала положительный умъ безъ всякой выспренности и постоянно сидѣла за какимъ нибудь рукодѣліемъ, вязаньемъ или вышивкой. Однимъ словомъ, Бернадетта ничѣмъ не выдѣлялась изъ числа заурядныхъ людей и нисколько не напоминала страстныхъ послѣдовательницъ Христа. Видѣнія никогда не повторялись съ нею больше и никогда сама отъ себя она не заговаривала о восемнадцати явленіяхъ, которыя рѣшили ея судьбу. Надо было ее разспрашивать и предлагать ей положительные вопросы. Дѣвушка отвѣчала кратко и старалась прервать разго-

Digitized by Google

воръ, потому что не любила говорить объ этихъ вещахъ. Когда отъ нея хотѣли добиться бо́льшаго, любопытствуя о томъ, какого рода были три тайны, довѣренныя ей божественнымъ откровеніемъ, она умолкала и отворачивала глаза.

— Я долго не отставалъ отъ нея,—продолжалъ докторъ,—но она твердила одно и то же безъ перемѣны. Это выводило меня изъ терпѣнія... Между тѣмъ, клянусь, она говорила правду и никогда не лгала.

Но Пьеръ позволилъ себѣ возразить.

— Однако, докторъ, не думаете ли вы, что здѣсь была возможна болѣзнь воли? Вѣдь теперь же допускаютъ, что нѣкоторые выродившіеся субъекты съ неразвитымъ умомъ, будучи поражены какимъ нибудь сновидѣніемъ, галлюцинаціей, игрой воображенія, не могутъ отъ этого отдѣлаться, въ особенности, если ихъ поддерживаетъ сама среда, гдѣ произошелъ феноменъ?.. Въ своемъ затворничествѣ, постоянно живя одною неизмѣнной мыслью, Бернадетта естественно упорствовала въ своемъ заблужденіи.

Докторъ опять слегка улыбнулся и отвѣчалъ съ размашистымъ, неопредѣленнымъ жестомъ:

— Ахъ, дитя мое, вы требуете отъ меня слишкомъ многаго! Вы знаете, что вѣдь я не болѣе, какъ бѣдный старикъ, который не думаетъ гордиться своей ученостью и не имѣетъ претензіи что либо разъяснять... Правда, у меня есть знаменитый клиническій примѣръ одной молодой дѣвушки, которая морила себя голодомъ у своихъ родителей, воображая, что у нея серьезная болѣзнь желудка, и стала ѣсть, когда ее перевели въ другое мѣсто... Но сознайтесь, что это только единичный фактъ, а такъ много другихъ противорѣчатъ ему!

Съ минуту они молчали; по дорогѣ слышался только ихъ размѣренный шагъ. Потомъ докторъ продолжалъ:

— Впрочемъ, Бернадетта въ самомъ дѣлѣ избѣгала людей и была счастлива только въ уединеніи. У нея никогда не было близкой подруги или какой нибудь особой человѣческой привязанности. Она была кротка и добра со всѣми, выказывая любовь только къ дѣтямъ... И какъ, не смотря ни на что, во мнѣ еще несовсѣмъ умеръ врачъ, я вамъ сознаюсь, что меня иногда тревожилъ вопросъ: осталась ли Бернадетта дѣвственной духовно, какой она, безъ сомнѣнія, была тѣлесно? Это очень возможно; замѣтьте, что у нея былъ флегматическій темпераментъ, она была худа и постоянно больна, не говоря уже о невинной средѣ, гдѣ выросла эта дѣвушка,—сначала въ Бартресѣ, а потомъ въ монастырѣ. Однако, у меня явилось сомнѣніе, когда я узналъ, какъ нѣжно заботилась Бернадетта о дѣтскомъ пріютѣ, выстроенномъ на этой самой дорогѣ неверскими сестрами. Туда принимаютъ бѣдныхъ маленькихъ дѣвочекъ, чтобы

Digitized by Google

спасти ихъ отъ опасности бродяжничества по улицамъ. И если она хотѣла расширить пріютъ, чтобы онъ могъ вмѣстить всѣхъ беззащитныхъ овечекъ, не оттого ли дѣвушка такъ принимала это къ сердцу, что не могла забыть, какъ сама она бѣгала босоножкой по дорогамъ, а теперь ужасалась при мысли о томъ, что могло бы изъ нея выйти, не приди къ ней на помощь пресвятая Дѣва?

Далѣе докторъ сталъ описывать, какія несмѣтныя толпы собирались взглянуть на Бернадетту и поклониться ей. Дѣвочку это сильно утомляло. Не проходило дня, чтобы къ ней не являлось множество посѣтителей; они стекались со всѣхъ концовъ Франціи и даже изъ-за границы, причемъ приходилось удалять простыхъ любопытныхъ, допуская къ ней только истинно вѣрующихъ духовныхъ лицъ, людей извѣстныхъ, передъ которыми было бы неприлично затворять двери. При Бернадеттѣ всегда находилась монахиня, чтобы ограждать ее отъ слишкомъ нескромныхъ приставаній, потому что бѣдняжку забрасывали вопросами и доводили до изнеможенія, заставляя разсказывать свою исторію. Важныя дамы бросались передъ ней на колѣни, цѣловали ея платье и порывались унести съ собою клочокъ этой одежды, какъ святыню. Она должна была защищать отъ нихъ свои четки, потому что посѣтительницы въ своей экзальтаціи умоляли ее продать имъ эту вещь за большія деньги. Одна маркиза пыталась добыть ихъ, предлагая взамѣнъ привезенныя ею другія четки, изъ настоящаго жемчуга, съ золотымъ крестомъ. Многіе надѣялись, что Бернадетта согласится совершить передъ ними чудо; къ ней приводили дѣтей, чтобы она прикоснулась къ нимъ, спрашивали ея совѣта въ различныхъ болѣзняхъ, старались купить ея несомнѣнное вліяніе на пресвятую Дѣву. Бернадеттѣ предлагали крупныя суммы и были готовы осыпать ее царскими подарками, еслибы она изъявила желаніе быть королевой, украшенной драгоцѣнными камнями и увѣнчанной золотомъ. Люди простые смиренно оставались на колѣняхъ у порога, а сильные міра сего толпились вокругъ нея и сочли бы за честь окружить ее своей свитой. Разсказывали даже, что нашелся красивый и богатый принцъ, который однажды въ ясный апрѣльскій день пріѣхалъ сватать Бернадетту.

— Но,—перебилъ Пьеръ,—что меня всегда непріятно поражало, такъ это ея отъѣздъ изъ Лурда въ двадцать два года, это внезапное исчезновеніе, это заточеніе въ монастырѣ св. Жильдара въ Неверѣ, откуда Бернадетта не возвращалась болѣе... Не подтверждалъ ли такой фактъ ложныхъ слуховъ о ея безуміи? Не давалъ ли онъ повода подозрѣвать, что ее заперли, заставили исчезнуть, изъ боязни, чтобы она не проболталась и не выдала спроста секрета долгаго обмана?.. И я скажу вамъ

Digitized by Google

напрямикъ, что мнѣ кажется до сихъ поръ, будто бы съ ней сыграли штуку.

Докторъ Шассень тихонько покачалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, во всемъ этомъ дѣлѣ не было никакой заранѣе подстроенной исторіи, крупной мелодрамы, затѣянной въ потемкахъ и разыгранной потомъ болѣе или менѣе добросовѣстными актерами. Все случилось само собою, единственно силою вещей, а эти факты были всегда крайне сложны и требовали тонкаго анализа... Такимъ образомъ несомнѣнно, что Бернадетта первая пожелала покинуть Лурдъ. Постоянные визиты постороннихъ утомляли ее; ей было не по себѣ отъ шумныхъ поклоненій. Она искала лишь мирнаго уголка въ безъизвѣстности, гдѣ могла бы жить спокойно, и ея безкорыстіе доходило порою до того, что дѣвушка бросала на полъ деньги, которыя ей приносили съ набожной цѣлью заказать обѣдню или просто поставить свѣчу. Никогда она не принимала ничего ни для себя, ни для своей семьи, оставшейся въ бѣдности. При такой гордости, такой естественной простотѣ и желаніи стушеваться, понятно, что она рѣшилась на затворничество вдали отъ Лурда.

— Ну, допустимъ, что она уѣхала добровольно,—сказалъ Пьеръ.—Однако, это было громаднымъ облегченіемъ для людей, о которыхъ вы говорите, для тѣхъ, которые съ той поры стали здѣсь единственными хозяевами подъ дождемъ милліоновъ, сыпавшихся со всего свѣта.

— Конечно, я не хочу сказать, чтобы ее удерживали!—воскликнулъ докторъ.—Откровенно говоря, я готовъ даже допустить, что Бернадетту отчасти уговаривали уѣхать. Подъ конецъ она стала стѣснять вожаковъ дѣла, не потому, чтобъ можно было опасаться неумѣстныхъ разоблаченій съ ея стороны, но вспомните, что вѣдь эта дѣвушка вовсе не была декоративной и представительной. Напротивъ, она была застѣнчива до крайности и часто лежала въ постели. И потомъ, какъ ни мало было мѣсто, занимаемое Бернадеттою въ Лурдѣ, сколько ни выказывала она покорности,—все таки она оставалась силой, привлекавшей толпы, и, противъ воли, какъ бы конкуррировала съ пещерой. Чтобы пещера сдѣлалась единственнымъ пунктомъ притяженія, сіяя въ своемъ блескѣ, Бернадеттѣ слѣдовало стушеваться, отойти въ область легенды... Таковы, конечно, были причины, заставившія епископа тарбскаго, монсеньора Лоранса, ускорить ея отъѣздъ. Напрасно только утверждали, будто бы это дѣлается съ цѣлью оградить Бернадетту отъ разныхъ посягательствъ, точно пастыри душъ опасались, чтобы она не возгордилась, увѣровавъ въ свою святость, которая гремѣла на весь христіанскій міръ. Такое опасеніе являлось страшной несправедливостью, потому что Бернадетта была

Digitized by Google

неспособна на гордость, какъ и на ложь; никогда не бывало ребенка простодушнѣе и скромнѣе ея.

Шассень увлекался, горячился. Но вдругъ онъ притихъ и блѣдная улыбка снова скользнула по его лицу.

— Это правда, я люблю ее; чѣмъ болѣе думаю о ней, тѣмъ болѣе люблю... Но, видите ли, Пьеръ, вамъ не надо воображать, будто бы я совсѣмъ поглупѣлъ, ударившись въ ханжество. Если я теперь составляю часть загробнаго міра, если у меня явилась потребность вѣровать въ иную, лучшую и болѣе справедливую жизнь, то я не забываю, что на этомъ свѣтѣ остались люди и что даже тогда когда они носятъ рясу или сутану, ихъ дѣла порою бываютъ отвратительны.

Наступила пауза. Каждый задумался о своемъ. Наконецъ, докторъ продолжалъ:

— Я хочу вамъ разсказать, какая идея часто преслѣдуетъ меня... Представьте себѣ, что Бернадетта не была бы простодушнымъ и дикимъ ребенкомъ; дайте ей духъ интриги и господства, сдѣлайте изъ нея побѣдительницу и вождя народовъ, и попытайтесь вообразить, что̀ вышло бы изъ этого... Очевидно, пещера принадлежала бы ей, базилика была бы въ ея распоряженіи. Мы видѣли бы ее царящей въ церемоніяхъ, подъ балдахиномъ, въ золотой митрѣ. Это она распоряжалась бы чудесами; ея маленькая ручка вела бы къ небу народныя толпы царственнымъ жестомъ. Она сіяла бы, какъ святая избранница, которая одна удостоилась созерцать божество лицомъ къ лицу. И, въ сущности, ничего не могло быть справедливѣе этого; Бернадетта раздѣлила бы съ другими успѣхъ, послѣ того какъ она участвовала въ трудѣ; она со славою наслаждалась бы тѣмъ, что̀ было создано ею... Теперь же вы видите, что ее на самомъ дѣлѣ обманули и ограбили. Дивные всходы, посѣянные ею, пожинаютъ посторонніе. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, которыя эта дѣвушка провела въ монастырѣ св. Жильдара, колѣнопреклоненной въ безъизвѣстности, здѣсь ликовали побѣдители, священники въ золотомъ облаченіи, воспѣвая дѣла благодати, освящая церкви и статуи, воздвигнутыя на милліоны. Одной Бернадетты не доставало на торжествѣ новой вѣры, надъ которой она трудилась... Вы скажете, что она видѣла сонъ. Ахъ, какой прекрасный сонъ, который поднялъ на ноги цѣлый міръ и отъ котораго она, милое созданіе, никогда не просыпалась!

Они остановились и присѣли на скалѣ у края дороги, прежде чѣмъ вернуться въ городъ. Гавъ, глубокій въ этомъ мѣстѣ, катилъ передъ ними свои голубыя воды, подернутыя темными полосами, тогда какъ дальше, привольно разливаясь по руслу изъ крупныхъ булыжниковъ, онъ обращался въ сплошную пѣну, въ бѣлый мохъ, легкій, какъ снѣгъ. Свѣжій

Digitized by Google

воздухъ доносился съ горъ подъ золотымъ дождемъ солнечныхъ лучей. Пьеръ нашелъ только новую пищу своему негодованію, слушая исторію Бернадетты, эксплуатируемой и удаленной. Опустивъ глаза въ землю, онъ думалъ о несправедливой природѣ, о томъ законѣ, который требуетъ, чтобы сильный пожиралъ слабаго.

И, поднявъ голову, молодой человѣкъ спросилъ:

— Ну, а этотъ аббатъ Пейрамаль... вы знавали его лично, какъ и Бернадетту?

Глаза доктора снова загорѣлись и онъ съ живостью отвѣчалъ:

— Разумѣется! Это былъ человѣкъ прямой и сильный, святой апостолъ. Вмѣстѣ съ Бернадеттой онъ былъ великимъ работникомъ лурдской Богоматери. Подобно Бернадеттѣ, онъ жестоко страдалъ отъ этого и, подобно ей, отъ этого умеръ. Если не знать его исторіи, то ничего не поймешь въ происшедшей здѣсь драмѣ.

И онъ пустился разсказывать все подробно. Аббатъ Пейрамаль состоялъ приходскимъ священникомъ въ Лурдѣ въ моментъ явленій. То былъ высокій, широкоплечій мужчина съ крупной львиной головою, мѣстный уроженецъ съ живымъ умомъ, крайне честный, добрѣйшій, но запальчивый порою и властолюбивый. Врагъ всякой преувеличенной набожности, онъ точно былъ созданъ для борьбы и исполнялъ свою обязанность, какъ человѣкъ широкихъ взглядовъ. Поэтому сначала Пейрамаль отказался вѣрить разсказамъ Бернадетты, сталъ разспрашивать ее и потребовалъ доказательствъ. Только впослѣдствіи, когда вѣяніе вѣры сдѣлалось неодолимымъ, покоряя самыхъ непокорныхъ, увлекая толпы народа, онъ кончилъ тѣмъ, что преклонился передъ высшею волей. Да и то здѣсь главнымъ образомъ восторжествовала его любовь къ смиреннымъ и угнетеннымъ, въ тотъ день, когда Бернадетту хотѣли посадить въ тюрьму: гражданскія власти преслѣдовали одну изъ его паствы, сердце пастыря заговорило въ немъ, и онъ принялся защищать бѣдную дѣвочку со свойственной ему пламенной страстью къ справедливости. Затѣмъ личная прелесть ребенка подѣйствовала на него; аббатъ понялъ, какъ невинна, какъ правдива Бернадетта, и слѣпо увѣровалъ въ нее, сталъ любить ее, какъ любили всѣ окружающіе. Зачѣмъ устранять чудо, если о немъ говорится вездѣ въ священныхъ книгахъ? Не служителю алтаря, какъ бы онъ ни былъ остороженъ, подобало разыгрывать изъ себя умника, если цѣлыя народонаселенія падали на колѣни и церковь, казалось, была наканунѣ новаго великаго торжества. Все это были вѣскіе доводы, не говоря уже о томъ, что сидѣвшій въ Пейрамалѣ руководитель людей, иниціаторъ, способный увлечь за собою толпы народа,

Digitized by Google

и страстный охотникъ до построекъ, нашелъ наконецъ свою настоящую дорогу, обширное поле дѣятельности, великое дѣло, которому онъ могъ отдаться весь со своей горячностью и потребностью побѣды.

Съ этой минуты аббатъ думалъ лишь о томъ, чтобы исполнить приказанія святой Дѣвы, полученныя имъ черезъ Бернадетту. Онъ наблюдалъ за отдѣлкою пещеры: тамъ поставили рѣшетку, воду источника провели въ каналы, приступили къ земляннымъ работамъ, чтобы сдѣлать свободнѣе доступъ къ святынѣ. Но Богоматерь требовала прежде всего, чтобы ей выстроили капеллу; Пейрамаль захотѣлъ воздвигнуть церковь, цѣлую тріумфальную базилику. Онъ затѣвалъ все въ широкихъ размѣрахъ, тормошa архитекторовъ, требуя, чтобы они создавали дворцы, достойные царицы неба, въ спокойной увѣренности, что къ нему съ восторгомъ придетъ на помощь весь христіанскій міръ. Впрочемъ, приношенія стекались, золото падало дождемъ изъ самыхъ отдаленныхъ округовъ,—золотой дождь, которому предстояло все усиливаться и никогда не прекращаться. То были счастливые годы для аббата Пейрамаля; его постоянно встрѣчали между рабочими, которыхъ онъ подгонялъ добродушнымъ тономъ весельчака, всегда готовый взяться самъ за кирку и лопатку каменьщика, въ своей поспѣшности осуществить лелѣемую имъ мечту. Но времена испытаній приближались; онъ заболѣлъ и былъ при смерти 4-го апрѣля 1864 года, когда первая процессія вышла изъ его приходской церкви, чтобы отправиться къ пещерѣ,—процессія въ шестьдесятъ тысячъ паломниковъ, которая развертывалась среди несмѣтной толпы собравшагося народа.

Когда аббатъ Пейрамаль, спасенный на этотъ разъ отъ смерти, всталъ съ постели, онъ оказался ограбленнымъ. Еще раньше, чтобы облегчить ему труды, епископъ, монсеньоръ Лорансъ, прислалъ въ Лурдъ одного изъ своихъ бывшихъ секретарей, отца Сампэ, котораго онъ назначилъ директоромъ миссіонерства Гарезона, — учрежденія, основаннаго имъ самимъ. Отецъ Сампэ былъ маленькій человѣчекъ, худой и тонкій, безкорыстный съ виду и крайне смиренный, но въ душѣ сгоравшій жаждой честолюбія. Сначала онъ придерживался своего ранга, служа лурдскому священнику вѣрнымъ подчиненнымъ, занимаясь всѣмъ, чтобы облечить его, входя во все съ цѣлью сдѣлаться необходимымъ. Онъ, конечно, тотчасъ понялъ, какой колоссальный доходъ можно извлечь изъ пещеры при нѣкоторой ловкости, и постоянно торчалъ въ епископскомъ дворцѣ, не отставая отъ епископа, крайне холоднаго, практичнаго человѣка, который очень нуждался въ деньгахъ для своихъ бѣдныхъ. Такимъ образомъ, отцу Сампэ удалось во время тяжкой болѣзни аббата Пейрамаля совершенно отдѣлить отъ лурдскаго

Digitized by Google

прихода всю область пещеры, которая была отдана въ управленіе ему съ нѣсколькими монахами ордена Непорочнаго Зачатія во главѣ, причемъ епископъ назначилъ своего бывшаго секретаря ихъ игумномъ.

И вотъ вскорѣ началась борьба, глухая, ожесточенная, смертельная, какъ бываетъ при строгой дисциплинѣ духовенства. Поводъ къ разрыву былъ налицо, поле битвы, гдѣ предстояло побивать врага милліонами: постройка новой приходской церкви, болѣе обширной и величественной, чѣмъ существующая старая, недостаточность которой была признана съ тѣхъ поръ, какъ наплывъ вѣрующихъ все увеличивался. Впрочемъ, то была давнишняя идея аббата Пейрамаля, который хотѣлъ быть точнымъ исполнителемъ распоряженій Богоматери. Она сказала, говоря о пещерѣ: «Туда придутъ процессіей». И онъ всегда представлялъ себѣ паломниковъ, выходящихъ съ крестнымъ ходомъ изъ города, чтобы вернуться туда вечеромъ, какъ это сначала и дѣлалось. Такимъ образомъ, нуженъ былъ центръ, соединительный пунктъ, и онъ мечталъ о великолѣпной церкви, о соборѣ гигантскихъ размѣровъ, который могъ бы вмѣстить въ себѣ цѣлый народъ. Со своимъ темпераментомъ строителя, страстнаго работника неба, онъ уже видѣлъ, какъ этотъ храмъ выростаетъ изъ земли, красуясь на яркомъ солнцѣ своей колокольней съ гудящими колоколами. Онъ хотѣлъ обратить эту церковь въ свой собственный домъ, сдѣлать ее актомъ вѣры и поклоненія, храмомъ, гдѣ онъ былъ бы папою и торжествовалъ, вспоминая о кроткой Бернадеттѣ, въ виду великаго дѣла, которое у него отняли. Конечно, въ его глубокомъ огорченіи при такой утратѣ, эта новая приходская церковь была бы своего рода отместкой, частью собственной славы аббата Пейрамаля, еще однимъ способомъ занять свою воинственную дѣятельность, исходомъ для сожигавшей его лихорадки, съ той поры какъ онъ, съ разбитымъ сердцемъ, пересталъ даже спускаться къ пещерѣ.

Вначалѣ это вызвало новую вспышку энтузіазма. Старый городъ, чувствуя, что его оттерли, сталъ дѣйствовать заодно со своимъ приходскимъ священникомъ, понимая, что всѣ деньги, вся жизнь угрожали перейти къ новому городу, выростающему изъ земли вокругъ базилики. Муниципальный совѣтъ вотировалъ субсидію въ сто тысячъ франковъ, которую, къ несчастью, рѣшили выдать только тогда, когда церковь будетъ подведена подъ крышу. Аббатъ Пейрамаль уже одобрилъ планы архитектора,—грандіозный, согласно его желанію, проэктъ,—и велъ переговоры съ однимъ подрядчикомъ изъ Шартра, который брался окончить церковь въ три-четыре года, если обѣщанные взносы будутъ производиться правильно. Пожертвованія, конечно, должны были течь рѣкой отовсюду, и аббатъ

Digitized by Google

кинулся въ это крупное предпріятіе, нимало не смущаясь, пылая безпечнымъ рвеніемъ и разсчитывая, что небо не покинетъ его на полдорогѣ. Онъ даже былъ увѣренъ въ поддержкѣ новаго епископа, монсеньора Журдана, который на торжественной закладкѣ произнесъ рѣчь, гдѣ подтвердилъ необходимость и важное значеніе начатой постройки. Казалось, будто бы отецъ Сампэ, со своимъ обычнымъ смиреніемъ, соглашался съ этимъ въ свою очередь, не имѣя ничего противъ непріятной конкуренціи, принуждавшей его къ дѣлежу; по крайней мѣрѣ, онъ дѣлалъ видъ, будто бы совершенно отдался управленію пещерой и позволилъ даже поставить въ базиликѣ кружку для сбора пожертвованій на постройку новой приходской церкви.

Но потомъ глухая, ожесточенная борьба началась съизнова. Аббатъ Пейрамаль, будучи самымъ плохимъ администраторомъ, зарывался, видя, какъ быстро растетъ его церковь. Работы были въ полномъ ходу и онъ не требовалъ ничего инаго, по прежнему увѣренный, что пресвятая Дѣва занлатитъ за все. Священникъ былъ ошеломленъ, когда замѣтилъ наконецъ, что пожертвованія оскудѣвали, что деньги вѣрующихъ не доходили до него больше, точно кто-то, скрывавшійся въ тѣни, незамѣтно отвелъ ихъ источникъ. И вотъ наступилъ день, когда ему стало нечѣмъ платить. Его доканали очень искусно, что̀ онъ сообразилъ уже потомъ. Отецъ Сампэ снова съумѣлъ обратить исключительное благоволеніе епископа на пещеру; толковали даже о конфиденціальныхъ циркулярахъ, разосланныхъ по епархіямъ, съ тѣмъ чтобы присылка денегъ не адресовалась болѣе въ приходъ. Прожорливая пещера хотѣла все забрать и все поглощала; дошло до того, что билеты въ пятьсотъ франковъ, положенные въ кружку въ базиликѣ, оставались у монаховъ; они преспокойно вынимали оттуда деньги, обворовывая приходъ. Но приходскій священникъ, въ своей страсти къ строющейся церкви, которая была его дщерью, боролся съ ожесточеніемъ и не пожалѣлъ бы собственной крови. Сначала онъ заключалъ условія отъ имени церкви; когда же ему стало нечѣмъ платить, онъ повелъ дѣло на свой собственный страхъ. Вся жизнь аббата была положена тутъ и онъ истощался въ героическихъ усиліяхъ. Изъ обѣщанныхъ четырехсотъ тысячъ франковъ, онъ могъ дать только двѣсти тысячъ, а муниципальный совѣтъ не хотѣлъ выдавать ассигнованныхъ денегъ, прежде чѣмъ зданіе будетъ подведено подъ крышу. Дѣйствовать иначе значило бы идти противъ очевидныхъ интересовъ города. Отецъ Сампэ, какъ говорили, втайнѣ сбивалъ съ толку подрядчика. Вдругъ онъ восторжествовалъ: работы остановились.

Съ тѣхъ поръ началась уже агонія. Пейрамаль, широкоплечій горецъ со львиной физіономіей, пораженный прямо въ сердце, зашатался и упалъ, какъ дубъ, разбитый грозой. Онъ

Digitized by Google

слегъ въ постель и не вставалъ болѣе. Ходили слухи, будто бы отецъ Сампэ старался пробраться въ приходскій церковный домъ, подъ какимъ нибудь благочестивымъ предлогомъ, съ цѣлью увѣриться, что его опасный противникъ былъ раненъ смертельно. И люди прибавляли, что монаха пришлось выгнать вонъ изъ комнаты больнаго, гдѣ его присутствіе было скандаломъ. Потомъ, когда приходскій священникъ скончался, отравленный горечью, побѣжденный, отца Сампэ видѣли торжествующимъ на похоронахъ, съ которыхъ его не посмѣли удалить. Говорили, будто бы онъ выказывалъ тамъ отвратительную радость и его лицо сіяло восторгомъ. Наконецъ-то онъ избавился отъ единственнаго человѣка, стоявшаго у него на дорогѣ, законнаго авторитета котораго можно было бояться! Теперь ему не надо болѣе дѣлиться ни съ кѣмъ, когда двое работниковъ лурдской Богоматери устранены: Бернадетта—въ монастырѣ, а аббатъ Пейрамаль—въ могилѣ. Пещера принадлежала съ этихъ поръ одному отцу Сампэ; весь сборъ поступитъ въ его распоряженіе и онъ станетъ употреблять, какъ ему вздумается, бюджетъ въ восемьсотъ тысячъ франковъ, составляющихся изъ доходовъ святыни. Онъ окончитъ гигантскія работы, которыя сдѣлаютъ изъ базилики цѣлый мірокъ со всѣмъ необходимымъ; онъ будетъ способствовать блеску новаго города, чтобы еще больше изолировать его отъ стараго, оттѣснивши послѣдній за скалу, какъ ничтожный приходъ, утонувшій въ блескѣ своего всемогущаго сосѣда. То была рѣшительно царская власть: монаху достались всѣ деньги и все господство.

Между тѣмъ новая приходская церковь, не смотря на то, что работы были прерваны и она дремала въ своей досчатой загородкѣ, была выстроена болѣе чѣмъ на половину, до боковыхъ сводовъ. Этотъ храмъ оставался тутъ угрозой, потому что городъ могъ вздумать рано или поздно приступить къ его окончанію. Надо было убить и эту постройку, обративъ ее въ непоправимую развалину. Итакъ, глухая борьба продолжалась,—чудо жестокости медленнаго разрушенія. Сначала новаго приходскаго священника, человѣка простоватаго, игуменъ Сампэ до того прибралъ къ рукамъ, что онъ не распечатывалъ даже болѣе денежныхъ посылокъ, адресованныхъ приходу: всѣ денежныя письма относились прямо монахамъ. Потомъ начали критиковать мѣсто, выбранное для новой церкви, заставили епархіальнаго архитектора написать рапортъ, въ которомъ говорилось, что старая церковь вполнѣ прочна и достаточна для нуждъ прихода. Но въ особенности стали налегать на епископа и, вѣроятно, выставили передъ нимъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ денежныя затрудненія, возникшія съ подрядчикомъ. Этотъ Пейрамаль былъ человѣкъ горячій, упрямый, нѣчто въ родѣ безумца, который въ своемъ излишнемъ усердіи чуть не ком-

Digitized by Google

прометировалъ религію. Епископъ, забывая, что онъ самъ благословилъ первый камень новой церкви, наложилъ на нее арестъ, запрещая совершать въ ней какое бы то ни было богослуженіе; то было послѣднимъ ударомъ. Начались безконечные процессы; подрядчикъ, получившій только двѣсти тысячъ франковъ изъ пятисотъ тысячъ, которыя ему слѣдовало получить за исполненныя работы, обратилъ искъ противъ замѣстителя приходскаго священника, церковнаго имущества и города, причемъ послѣдній по прежнему отказывался внести ассигнованныя имъ сто тысячъ франковъ. Сначала совѣтъ префектуры отказался отъ разбирательства, но, когда государственный совѣтъ отослалъ ему это дѣло обратно, онъ приговорилъ городъ къ уплатѣ ста тысячъ франковъ, а замѣстителя обязалъ достроить церковь, снявъ всякую отвѣтственность съ церковнаго имущества. Однако, благодаря новому ходатайству передъ государственнымъ совѣтомъ, это рѣшеніе было кассировано и тогда, удержавъ у себя дѣло, государственный совѣтъ постановилъ взыскать деньги въ пользу подрядчика съ церковнаго имущества или, за неимѣніемъ таковаго, съ замѣстителя. Оба отвѣтчика оказались несостоятельными и дѣло нисколько не подвинулось впередъ. Эти процессы длились пятнадцать лѣтъ. Городъ рѣшился, наконецъ, дать свои сто тысячъ франковъ; теперь подрядчику оставались должны только двѣсти тысячъ. Между тѣмъ всякія взысканія и наросшіе проценты до того увеличили эту сумму, что она уже достигала цифры шестисотъ тысячъ франковъ; а такъ какъ съ другой стороны было высчитано, что достройка церкви обойдется въ четыреста тысячъ, значитъ, понадобился уже цѣлый милліонъ, чтобы спасти отъ неминуемаго разрушенія свѣжую развалину. Съ этого дня пещерные монахи могли спать спокойно: они убили церковь, она умерла въ свою очередь.

Колокола базилики звонили во всю мочь; отецъ Сампэ вышелъ побѣдителемъ изъ этой гигантской борьбы, изъ этой войны на ножахъ, въ которой убивали уже камни, предварительно убивъ человѣка въ скромной сѣни ризницъ. И старый Лурдъ, упрямый и безразсудный, понесъ жестокую кару за то, что не съумѣлъ постоять за своего приходскаго священника, который умеръ, замученный, изъ любви къ своему приходу. Съ той поры новый городъ не переставалъ расти и процвѣтать насчетъ стараго. Всѣ деньги шли къ первому; пещерные монахи наживались, открывали гостинницы и лавки для продажи свѣчъ, продавали воду изъ источника, хотя имъ было запрещено производить какую бы то ни было торговлю, по формальной статьѣ контракта съ городскимъ обществомъ. Вся страна развращалась, торжество пещеры породило такое бѣшенство наживы, такую горячку обладанія и пользованія, что подъ хлест-

Digitized by Google

кимъ дождемъ милліоновъ страшное растлѣніе нравовъ все усиливалось съ каждымъ днемъ, обращая въ Содомъ и Гоморру— Виѳлеемъ Бернадетты. Отецъ Сампэ закончилъ торжество вѣры среди гибели душъ. Гигантскія сооруженія выростали изъ земли; пять или шесть милліоновъ было уже истрачено, все приносилось въ жертву абсолютному желанію держать приходъ въ сторонѣ, чтобы присвоить себѣ цѣликомъ всю добычу. Колоссальные подъемы, стоившіе такихъ страшныхъ денегъ, возникли здѣсь какъ будто въ угоду пресвятой Дѣвѣ, требовавшей, чтобы къ пещерѣ «шли процессіей». Спуститься отъ базилики влѣво, чтобы опять подняться къ ней справа, значило скорѣе вертѣться на одномъ мѣстѣ, чѣмъ идти процессіей. Но монахи умудрились устроить такъ, чтобы, выходя отъ нихъ, паломники возвращались къ нимъ же, причемъ они оставались единственными владѣльцами, отличными хозяевами фермы, загребавшей въ свои житницы всю жатву. Аббатъ Пейрамаль былъ погребенъ въ склепѣ своей церкви, недоконченной и разрушенной, а Бернадетта долго томилась вдали, въ уединеніи монастыря, гдѣ она теперь также спала вѣчнымъ сномъ подъ плитою капеллы.

Наступило глубокое молчаніе, послѣ того какъ докторъ Шассень окончилъ свой длинный разсказъ. Потомъ онъ съ трудомъ поднялся съ мѣста.

— Мое милое дитя, скоро десять часовъ, я хочу, чтобы вы отдохнули немного... Вернемтесь.

Пьеръ, не говоря ни слова, послѣдовалъ за нимъ. Они повернули къ городу и пошли быстрѣе.

— Ахъ, да,—снова началъ докторъ,—тутъ было много страшныхъ безчинствъ и много страданій. Что вы хотите? Человѣкъ портитъ самыя прекрасныя вещи... Вы не можете еще представить себѣ, до какой степени грустно все то, что я вамъ разсказалъ. Надо видѣть, надо осязать все самому... Хотите посѣтить со мною сегодня вечеромъ комнату Бернадетты и недоконченную церковь аббата Пейрамаля?

— Конечно, съ удовольствіемъ.

— Хорошо; тогда послѣ процессіи въ четыре часа я буду ждать васъ противъ базилики и мы отправимся.

Они замолчали и не говорили болѣе; каждый изъ нихъ былъ погруженъ въ свои мысли. Теперь, справа отъ дороги, Гавъ протекалъ глубокимъ ущельемъ, бросаясь въ какую-то выемку, гдѣ онъ точно исчезалъ среди кустарниковъ. Солнце начинало уже сильно припекать, поднявшись высоко на необъятномъ небѣ.

На этомъ поворотѣ дороги, передъ глазами Пьера и доктора Шассеня, снова показался Лурдъ, пока еще отдаленный. При великолѣпной утренней погодѣ, городъ бѣлѣлъ на горизонтѣ

Digitized by Google

въ летучей золотой и пурпурной пыли со своими домами и монументальными зданіями, выступавшими все яснѣе по мѣрѣ того, какъ гуляющіе приближались къ нимъ. И докторъ, безъ словъ, указалъ наконецъ размашистымъ печальнымъ жестомъ своему товарищу на этотъ выростающій городъ, какъ будто призывая его въ свидѣтели разсказанныхъ имъ исторій. То былъ живой примѣръ, вставшій въ блескѣ дня.

Докторъ Шассень непремѣнно захотѣлъ проводить Пьера до отеля явленій и только тутъ разстался съ нимъ, напомнивъ о вечернемъ свиданіи. Не было еще одиннадцати часовъ. Пьеръ, внезапно почувствовавшій страшную усталость, принудилъ себя поѣсть, прежде чѣмъ лечь спать, сознавая, что упадокъ духа происходитъ у него частью отъ истощенія силъ. Аббату посчастливилось найти свободное мѣстечко за табльдотомъ и онъ поѣлъ, полусонный, хотя и съ открытыми глазами, не видя, что̀ ему подавали. Затѣмъ онъ поднялся къ себѣ и бросился въ постель, приказавъ предварительно служанкѣ разбудить себя въ три часа.

Но едва онъ улегся, какъ лихорадочное возбужденіе снова поднялось, не давая ему сомкнуть глазъ. Пара перчатокъ, забытая въ сосѣдней комнатѣ, напомнила молодому священнику о де-Герсенѣ, который уѣхалъ до разсвѣта и долженъ былъ вернуться не раньше вечера. Какой счастливый даръ—безпечность! Онъ, разбитый усталостью, съ разбросанными мыслями, чувствовалъ смертельную тоску. Казалось, все шло наперекоръ его доброму намѣренію вернуть себѣ вѣру дѣтства. Трагическое приключеніе Пейрамаля еще усилило чувство негодованія, вызванное въ немъ исторіей Бернадетты, избранницы и мученицы. Неужели истина, которой онъ пріѣхалъ искать въ Лурдъ, вмѣсто того чтобы сдѣлать его вѣрующимъ, еще больше обострить его ожесточеніе противъ невѣжества и легковѣрія, приведетъ къ горькому убѣжденію, что человѣкъ одинокъ въ этомъ мірѣ со своимъ разумомъ?

Наконецъ, Пьеръ заснулъ. Но тревожные образы продолжали смущать его тяжелый сонъ. Онъ видѣлъ передъ собою Лурдъ, развращенный деньгами, ставшій мѣстомъ омерзенія и гибели, превратившійся въ громадный базаръ, гдѣ продавалось все: и обѣдни, и человѣческія души. Аббату мерещился Пейрамаль, умершій и погребенный посреди развалинъ своей церкви, между крапивой, посѣянной неблагодарностью. И Пьеръ успокоился и вкусилъ сладость небытія только ужь послѣ того, какъ послѣднее видѣніе, блѣдное и жалкое, потускнѣло и пропало передъ нимъ,—образъ Бернадетты въ Неверѣ, колѣнопреклоненной въ темномъ уголку и мечтающей тамъ, вдали, о дѣлѣ рукъ своихъ, котораго ей не суждено было больше увидѣть.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

ЗАБРОШЕННЫЙ УГОЛОКЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

I.

О «холмской губерніи» у насъ говорится и пишется уже десятки лѣтъ, и никогда еще никакой мѣстный вопросъ не привлекалъ къ себѣ такого вниманія со стороны русскихъ людей, какъ вопросъ объ учрежденіи этой губерніи.

Еще въ 1865 году, при обсужденіи проэкта о новомъ (нынѣшнемъ) раздѣленіи привислянскаго края на губерніи и уѣзды, въ особомъ, образованномъ съ этою цѣлью, комитетѣ [1]), былъ возбужденъ вопросъ о выдѣленіи прибужскихъ уѣздовъ края со сплошнымъ русскимъ населеніемъ въ особую холмскую губернію. «Въ комитетѣ выражена была мысль о той существенной пользѣ, которую могло бы во всѣхъ отношеніяхъ представить образованіе еще особой, одиннадцатой губерніи изъ юго-восточной части нынѣшней люблинской губерніи, преимущественно населенной русскимъ племенемъ, нѣкоторая часть котораго,—какъ указываетъ и атласъ Риттиха,—уже ближе слилась съ польскимъ племенемъ, принявъ римско-католическую вѣру, но значительная часть доселѣ еще осталась вѣрна греко-уніатскому закону и русскому языку... Нѣтъ сомнѣнія, что образованіе таковой особой холмской губерніи имѣло бы важное значеніе и представило бы рѣшительный шагъ къ возстановленію полуподавленной въ этомъ краѣ русской народности,—каковаго возстановленія даже при всѣхъ усиліяхъ правительства трудно будетъ достигнуть, доколѣ вся мѣстная администрація будетъ примыкать къ польскимъ центрамъ, каковы Люблинъ и Сѣдльце» [2]).

По какимъ-то непонятнымъ причинамъ, вопросъ этотъ не былъ тогда разрѣшенъ, и по новому (нынѣшнему) административному раздѣленію царства польскаго холмская Русь не только осталась въ

[1]) Комитетъ этотъ, подъ предсѣдательствомъ князя В. А. Черкаскаго, состоялъ изъ семи членовъ: Анненкова, Готовцева, Гудовскаго, Домбровскаго, Мироненко, Черницкаго и Штумера.

[2]) См. «Журналъ комитета по проэкту новаго раздѣленія царства польскаго на губерніи и уѣзды», № VII.

Digitized by Google

составѣ его, но еще разбита на части, вошедшія въ составъ разныхъ губерній (люблинской и сѣдлецкой). Однако, выраженная комитетомъ мысль не заглохла, и съ тѣхъ поръ вопросъ объ образованіи особой холмской губерніи возникалъ неоднократно, особенно со времени возсоединенія тамошнихъ уніатовъ (1874). Онъ безпрестанно подымается и обсуждается въ печати, и еслибы собрать все, что писалось о холмской губерніи за истекшее тридцатилѣтіе со времени возникновенія этого вопроса, то навѣрно составился бы не одинъ объемистый томъ.

Но, не смотря на все это, вопросъ о холмской губерніи до сихъ поръ остается вопросомъ и нѣтъ даже никакихъ данныхъ, которыя подавали бы хоть искру надежды на его скорое разрѣшеніе. Въ прошломъ году вдругъ заговорили было о предстоящемъ новомъ административномъ раздѣленіи привислянскаго края; понятно, что сейчасъ же самъ собой выдвинулся и вопросъ о холмской губерніи, ибо какое же можетъ имѣть значеніе то или иное административное раздѣленіе этого края, если въ немъ останется нынѣшняя этнографическая путаница? Однако, нынѣ оказывается, что вопросъ о холмской губерніи на сей разъ даже и не возбуждался офиціально и что «новое» административное раздѣленіе привислянскаго края, по выработанному мѣстною администраціей проэкту, имѣетъ въ виду только упраздненіе ломжинской губерніи и образованіе лодзинской, т. е., говоря иначе, все останется по прежнему, такъ какъ перемѣщеніе двухъ губернскихъ центровъ въ другіе города — сущности дѣла нисколько не измѣнитъ и потому никакого значенія не имѣетъ.

Вопросъ о холмской губерніи не можетъ, конечно, разрѣшаться иначе, какъ только на почвѣ исторической и этнографической. Исторія и этнографія прибужскаго края совершенно точно указываютъ намъ границы холмской губерніи и въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакихъ ни сомнѣній, ни пререканій. Да ихъ совершенно и нѣтъ: все дѣло тутъ настолько ясно, необходимость учрежденія особой холмской губерніи настолько очевидна, что de jure вопросъ этотъ можетъ считаться уже окончательно разрѣшеннымъ, какъ по существу, такъ и въ деталяхъ, и можно только удивляться, какъ это онъ до сихъ поръ не получаетъ практическаго осуществленія!

Исторія неопровержимо свидѣтельствуетъ намъ, что Подляшье и холмская Русь, т. е. нынѣшнія люблинская и сѣдлецкая губерніи — древнѣйшее достояніе русскаго народа; съ незапамятныхъ временъ, онѣ входили въ составъ его владѣній; въ X вѣкѣ холмско-русскій народъ принялъ христіанство по восточному обряду и съ

Digitized by Google

этого времени холмская Русь, также какъ Галиція и Подолія, вошла въ составъ древней владиміро-волынской епархіи, учрежденной св. великимъ княземъ Владиміромъ. По свидѣтельству нашего историка Д. И. Иловайскаго, «въ начальный періодъ русской исторіи, предѣлы волынско-русскаго племени на сѣверо-западѣ обнимали всю южную половину области, лежащей между западнымъ Бугомъ и Вислой со включеніемъ Люблина». Не только русскіе историки и изслѣдователи всѣ единогласно свидѣтельствуютъ это, но даже и нѣкоторые польскіе историки, какъ, напримѣръ, Заусцинскій, признаютъ, что «малорусское населеніе сѣдлецкой и люблинской губерній живетъ на занимаемыхъ ими нынѣ мѣстахъ съ незапамятныхъ временъ».

Но, не говоря уже объ исторіи, достаточно взглянуть на этнографическую карту прибужскаго края, чтобы увидѣть всю нелѣпость его нынѣшняго положенія и признать необходимость выдѣленія его въ самостоятельную административную единицу. «Прежде всего оказывается несомнѣннымъ—говоритъ научный изслѣдователь въ области устной народной словесности Подляшья и холмской Руси, Н. И. Страшневичъ, въ своихъ «Памятникахъ русской старины» (гл. VI),—что люблинская и сѣдлецкая губерніи заселены кореннымъ русскимъ народомъ, именно такъ называемымъ южнорусскимъ, или малорусскимъ. Населеніе это сознаётъ себя русскимъ, поетъ русскую пѣсню, слѣдовательно, думаетъ русскую думу и чувствуетъ русскимъ сердцемъ. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сѣверо-западѣ Подляшья и на западной окраинѣ Холмщины отчасти забыта русская рѣчь и перемѣшана съ полонизмами, то это можно считать чуждымъ наростомъ на русскомъ народномъ тѣлѣ, образовавшимся путемъ трехвѣковой польско-католической работы. Но родные инстинкты къ родному русскому языку должны возымѣть свою силу и снести съ народнаго тѣла это испорченное наслоеніе. Народная словесность здѣшняго края служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ о происхожденіи обитающаго здѣсь народа, о его кровномъ родствѣ и племенномъ единствѣ съ остальными русскими славянами, а также съ замѣчательною точностью опредѣляетъ этнографическую границу разселенія русскаго племени на западной окраинѣ Россіи. Здѣшній народъ принадлежитъ къ той отрасли славянъ, которая во времена доисторическія двинулась съ Дуная и заняла огромное пространство русской территоріи на югѣ и юго-западѣ подъ именемъ южно-руссовъ, а на сѣверѣ—подъ именемъ новгородскихъ славянъ; слѣдовательно, здѣшній народъ есть коренной малорусскій, по крови, языку и образу понятій тожественный съ остальными малоруссами и сродный съ новгородскими славянами.

Digitized by Google

Все это доказывается сходствомъ свадебныхъ обрядовъ и многочисленныхъ пѣсенъ здѣшняго народа съ обрядами и пѣснями другихъ малорусскихъ областей, и отчасти новгородчины. Народная словесность холмской Руси и Подляшья опредѣляетъ этнографическую границу русскаго племени слѣдующимъ образомъ: на западѣ Висла, на сѣверѣ—сѣверные предѣлы сѣдлецкой губерніи до впаденія Буга въ Вислу; на юго-западѣ—рѣка Санъ до впаденія ея въ Вислу (въ народѣ образовалась даже историческая поговорка: «знай, ляше, по Санъ наше»), на югѣ—Карпаты, такъ какъ и Галиція заселена многочисленнымъ русскимъ племенемъ. Итакъ, народная словесность самымъ наглядным образомъ подтверждаетъ достовѣрность историческихъ свидѣтельствъ по данному вопросу».

Въ общей массѣ народонаселенія привислянскаго края (8.256, тыс. человѣкъ) православные составляютъ, какъ извѣстно, лишь весьма незначительный процентъ, а именно 4,8% (абсолютная численность православныхъ въ краѣ составляетъ 393,9 тыс. человѣкъ [1]). Но разселеніе православныхъ въ привислянскомъ краѣ отличается крайнею неравномѣрностью и рѣзко опредѣленными особенностями; такъ, напримѣръ, въ то время, когда въ западныхъ и въ центральныхъ губерніяхъ края православные составляютъ всего отъ 0,1 до 2,6%, въ двухъ юго-восточныхъ губерніяхъ—люблинской и сѣдлецкой—они являются важною частью населенія, составляя болѣе пятой части всѣхъ жителей (въ люблинской губерніи 20,5%, а въ сѣдлецкой—22,4%). Если же мы обратимся только къ уѣздамъ этихъ двухъ губерній, лежащимъ на лѣвомъ берегу рѣки Буга, а именно уѣздамъ люблинской губерніи — грубешовскому, томашовскому, холмскому, бѣлгорайскому, замостскому и красноставскому, и сѣдлецкой—влодавскому, бѣльскому, константиновскому, радинскому и соколовскому, то увидимъ, что во всей этой лѣвобужской части края православное русское населеніе преобладаетъ по своей численности въ отношеніи не только къ католическому (польскому и русскому), но и къ общему населенію, составляя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (исключая городовъ и посадовъ) до 70% его. Общее населеніе перечисленныхъ выше одиннадцати уѣздовъ составляетъ 1,022,3 тыс. человѣкъ, въ числѣ которыхъ православныхъ русскихъ 372,3 тыс. чел., т. е. 36,5%, католиковъ (поляковъ и окатоличенныхъ русскихъ) 468,2 тыс. чел., т.-е. 45,8% и прочихъ народностей (нѣмцевъ и евреевъ) 181,2 тыс. чел., т. е. 17,7%.

Такимъ образомъ, уже и вообще въ указанномъ районѣ, при проведеніи границъ его по путанымъ предѣламъ уѣздовъ, мы видимъ важное значеніе въ немъ православнаго русскаго населенія,

[1]) «Труды варшавскаго статистическаго комитета», выпускъ третій.

Digitized by Google

составляющаго болѣе третьей части всѣхъ жителей. Но картина еще рельефнѣе изобразится, если мы разсмотримъ вѣроисповѣдный составъ населенія отдѣльно по каждому уѣзду. Дѣло въ томъ, что бѣлгорайскій, замостскій, красноставскій, радинскій и соколовскій уѣзды захватываютъ своими границами части польской территоріи, отчего при общемъ разсмотрѣніи и скрадывается значительно численное преобладаніе православнаго русскаго элемента [1]).

Въ нижеслѣдующей таблицѣ показано абсолютное число православнаго (русскаго) и католическаго (польскаго и русскаго) населенія въ тысячахъ по каждому изъ одиннадцати лѣвобужскихъ уѣздовъ, а также процентное отношеніе каждаго изъ нихъ къ общему населенію уѣздовъ [2]).

Уѣзды.	Общее населеніе.	Абсолютное число.		%/₀ отношеніе.	
		Правосл. (русск.).	Катол. (поляковъ и русск.).	Правосл. (русск.).	Катол. (поляковъ и русск.).
Бѣлгорайскій . .	90,8	29,8	54,3	32,7	59,7
Замостскій	91,2	18,5	68,1	20,3	74,6
Красноставскій . .	88,4	8,6	70,4	9,9	79,9
Холмскій	112,8	46	40,3	40,8	35,7
Грубешовскій . .	86,5	55,2	23,4	63,8	27
Томашевскій . . .	84,8	40,4	37,1	47,6	43,8
Влодавскій . . .	76,3	49,3	5,1	64,6	6,7
Бѣльскій	60,9	38,3	2,1	62,9	3,4
Константиновскій .	55,6	30,9	17,4	55,6	29,3
Радинскій	62,8	25,1	22	39,5	35
Соколовскій . . .	62	5,5	46,2	8,1	74,5
Итого . .	872,1	357,6	396,4	41	45,4

Такимъ образомъ, въ семи изъ одиннадцати уѣздовъ мы видимъ полное преобладаніе православнаго русскаго элемента, составляющаго болѣе половины общаго населенія; католическіе же элементы, значительная часть которыхъ также принадлежитъ русской національности, составляютъ въ нихъ лишь весьма незначительную величину; въ двухъ уѣздахъ—влодавскомъ и бѣльскомъ—католическіе элементы по численности своей значительно уступаютъ не только православному русскому элементу, но даже нѣмцамъ и евреямъ, которые, превышая ихъ численно, имѣютъ тамъ бо́льшее значеніе,

[1]) Также точно сѣдлецкій уѣздъ захватываетъ собою часть русской территоріи.

[2]) Составлено по офиціальнымъ даннымъ. См. «Памятныя книжки» люблинской и сѣдлецкой губ. на 1893 г., изд. мѣстныхъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ.

Digitized by Google

чѣмъ католики, часть которыхъ принадлежитъ польской національности.

Во всей этой мѣстности (семь уѣздовъ), какъ равно и въ частяхъ бѣлгорайскаго, замостскаго, красноставскаго, соколовскаго, а также сѣдлецкаго и люблинскаго уѣздовъ, русскіе составляютъ сплошное и коренное населеніе, искони тамъ обитающее. Это крайній отпрыскъ обширной малорусской семьи, раскинувшейся по всему пространству отъ Чернаго моря до западнаго Буга и, по справедливому замѣчанію одного изъ мѣстныхъ старожиловъ, «если русское населеніе западныхъ окраинъ холмской Руси и Подляшья въ значительной части до сихъ поръ еще исповѣдуетъ латинскую вѣру, то кому неизвѣстно, сколько нравственныхъ и физическихъ силъ, сколько тяжелыхъ трудовъ и человѣческой хитрости употреблено было въ Польшѣ для погибели русской вѣры и русской народности. Какія только махинаціи польскихъ миссіонеровъ не производились въ этомъ краю! Однако, твердъ духъ русскаго народа, когда онъ не погибъ еще здѣсь навѣки, и можно утверждать, что православная вѣра, не смотря на всѣ превратности судьбы, здѣсь не умерла. Занимая передовые пункты земель, населенныхъ русскимъ народомъ, подляшане въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій должны были защищать свои національныя особенности отъ польскихъ посягательствъ, особенно сильныхъ въ подляшской землѣ, благодаря близости польскихъ центровъ. Кто живетъ здѣсь и основательно знакомъ со страной и ея населеніемъ, тому нельзя имѣть инаго взгляда на сѣдлецкую и люблинскую губерніи, какъ на губерніи сплошь русскія. Въ этомъ постоянно представляется возможность убѣждаться, внимательно наблюдая народъ, съ которымъ ежедневно сталкиваешься, и тщательно слѣдя за работами въ области исторіи и этнографіи холмской Руси и Подляшья». Достаточно указать, что русскіе, включая сюда и тѣхъ, которые остаются еще, въ силу печальнаго положенія края, совсѣмъ забытаго и заброшеннаго нами, въ латинствѣ, составляютъ въ перечисленныхъ выше одиннадцати уѣздахъ сѣдлецкой и люблинской губерніи до 80% сельскаго населенія, что вся эта масса населенія говоритъ на русскомъ языкѣ, придерживается русскихъ обычаевъ и пр.

II.

Казалось бы, что, *при такомъ огромномъ численномъ преобладаніи русской національности въ прибужскомъ краѣ, ей должно принадлежать тамъ и нравственное преобладаніе*, что она должна тамъ играть первую роль и что во всякомъ случаѣ пришлыя народно-

Digitized by Google

сти, каковыми тамъ являются евреи (самая многочисленная), нѣмцы и поляки (самая малочисленная), не могутъ и не должны занимать тамъ господствующее положеніе, тѣсня собою коренной элементъ и попирая его хозяйскія права. *Россія для русскихъ*—вотъ девизъ, на который, повидимому, мы нынѣ опираемся и который долженъ служить руководящимъ началомъ во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. По логикѣ вещей и здравому смыслу, наравнѣ съ великой, бѣлой и малой Россіей, и холмской Руси,—этому уголку единой и недѣлимой Россіи,—надлежало бы быть также для русскихъ...

Увы! de facto это совсѣмъ не такъ. Холмская Русь, съ ея полумилліоннымъ русскимъ населеніемъ, отдана нами въ жертву польскому честолюбію, она до сихъ поръ входитъ въ составъ *царства польскаго* и въ то время, когда мы всюду стараемся выше поднять русское національное знамя и торжественно провозглашаемъ, что «Россія—для русскихъ», часть ея—*холмская Русь* — эта древнѣйшая колыбель русской національности, все еще продолжаетъ быть *для поляковъ*. Русскаго въ ней теперь только населеніе, во всемъ же остальномъ холмская Русь совершенно выдѣлена изъ русской семьи и стоитъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ общаго теченія русской жизни. Она все еще остается подъ польскимъ владычествомъ; въ ней существуетъ особый *польскій* строй управленія, дѣйствуютъ особые *польскіе* законы, господствуютъ *польскіе* порядки, обычаи и пр.: администрація — на половину *польская*. Для всего западнаго края нашего паденіе Польши и возсоединеніе съ Россіей было вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіемъ отъ чуждаго владычества и началомъ новой *русской* жизни. Злосчастная же холмская Русь уже слишкомъ три четверти вѣка возсоединилась съ Россіей, а между тѣмъ она и до сихъ поръ еще не начинала новой русской жизни и до сихъ поръ еще она—*не Россія*. А тѣмъ временемъ, — какъ это ни грустно и какъ ни обидно для русскаго чувства!—противная сторона всѣми силами стремится крѣпче затянуть узелъ своего владычества надъ прибужскимъ уголкомъ русской земли и, крича на всѣхъ перекресткахъ о русскомъ «варварствѣ», спѣшитъ окончательно подавить въ холмско-русскомъ народѣ чувство національнаго самосознанія и преданности исконной вѣрѣ.

Ополяченіе и окатоличеніе прибужскаго уголка *на нашихъ глазахъ* продолжаетъ дѣлать быстрые шаги; по офиціальному отзыву, «борьба различныхъ вліяній и въ настоящее время до такой степени сильна здѣсь, что даже человѣку, знающему хорошо извѣстную мѣстность этого края, достаточно отлучиться на нѣсколько лѣтъ, чтобы *потомъ быть пораженнымъ многими коренными пере-*

Digitized by Google

мѣнами въ образѣ жизни тамошняго населенія, въ его нравахъ, въ языкѣ, а иногда даже и въ религіозныхъ убѣжденіяхъ» [1]).

Сколь чужды намъ интересы холмской Руси, сколь жалки и приниженны тамъ русская народность и ея вѣра, до чего тамъ сильно и могущественно польско-католическое вліяніе, можно судить изъ того, что,—какъ говоритъ одинъ мѣстный русскій землевладѣлецъ,—«всѣ здѣшніе русскіе люди вовсе отвыкли даже желать, чтобы въ русскомъ Забужьѣ, да и вообще въ привислянскомъ краѣ, воздвигались православныя церкви того же великолѣпія и размѣровъ, въ какихъ строились и строятся католическіе костелы: у насъ такой насущный недостатокъ въ православныхъ храмахъ, — какъ мѣстѣ единенія православныхъ для молитвы,—что намъ нечего и думать о той роскоши, съ какою строятся костелы, которые иногда, особенно у насъ, въ русскомъ Забужьѣ, въ нашемъ юго и сѣверо-западномъ краѣ и несчастной восточной русской Галичинѣ, воздвигались и воздвигаются *не съ религіозною, а съ политическою цѣлью*—показать, что и здѣсь-де господство полонизма и латинизма». Да и какъ можетъ быть иначе, когда въ прибужскомъ краѣ, по свидѣтельству того же лица, «до сихъ поръ, даже въ самыхъ русскихъ, этнографически, уѣздахъ (какъ бѣльскій, влодавскій и другіе) сохраняется почти всецѣло польскій составъ чиновниковъ. Правда, высшіе чины уѣздной администраціи,—начальники уѣздовъ и ихъ помощники, мировые судьи и немногіе другіе,—изъ русскихъ, но тѣ должностныя лица, съ которыми народъ непосредственно входитъ въ сношенія—дѣлопроизводители, завѣдущіе страховою и дорожною частями, секвестраторы, собирающіе недоимки, уѣздные доктора, ипотечные секретари, вѣдающіе книгами недвижимой собственности—почти исключительно поляки, съ которыми русскій народъ иначе и не будетъ говорить, какъ по польски, изъ убѣжденія, что, при этой уступкѣ съ его стороны, ему легче устроить свои дѣла» [2]).

Теперь поляки стремятся создать въ холмской Руси искусственное польское большинство, дабы усилить свои притязанія на этотъ уголокъ русской земли, — и съ этою цѣлью они предприняли въ широкихъ размѣрахъ колонизацію русскихъ уѣздовъ сѣдлецкой и люблинской губерній польскими крестьянами (мазурами). Этотъ маневръ придуманъ польскими панами для ополяченія Подляшья и Холмщины, и для противодѣйствія правительству въ его стремленіяхъ (чрезвычайно слабо проявляемыхъ) къ располяченію этого края и къ расширенію площади русскаго землевладѣнія. Въ указанныхъ видахъ, какъ извѣстно, крестьянскій банкъ въ восточныхъ

[1]) «Правительственный Вѣстникъ», іюнь 1891 г.

[2]) «Московскія Вѣдомости» 1894 г. № 38, отъ 7 февраля.

Digitized by Google

(русскихъ) уѣздахъ сѣдлецкой и люблинской губерній оказываетъ содѣйствіе въ пріобрѣтеніи земель исключительно только православнымъ русскимъ крестьянамъ. Но до сихъ поръ мѣра эта не дала никакихъ практическихъ результатовъ; противная сторона пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшать усилиться въ краѣ русскому землевладѣнію и, какъ только открылось отдѣленіе государственнаго крестьянскаго земельнаго банка въ Люблинѣ [1]), между русскимъ крестьянскимъ населеніемъ люблинской и сѣдлецкой губерній была пущена—кѣмъ? понятно для каждаго,—молва, что всякій русскій крестьянинъ, который купитъ съ помощью крестьянскаго банка землю у польскаго пана, при расплатѣ съ банкомъ рискуетъ потерять всю, не только купленную, но и свою надѣльную землю. Не смотря на очевидную нелѣпость этой молвы, она не могла не повліять на темный народъ, для котораго земля—это все; злоумышленники хотѣли напугать холмско-русскихъ крестьянъ, отбивъ у нихъ всякую охоту къ пріобрѣтенію польскихъ земель,—и они достигли своей цѣли.

Но еслибы даже холмско-русскіе крестьяне и захотѣли расширить, при содѣйствіи крестьянскаго банка, площадь своихъ владѣній, они не могли бы осуществить это свое желаніе, такъ какъ *для нихъ* тамъ нѣтъ продажныхъ земель. Все крупное землевладѣніе въ холмской Руси находится въ польскихъ рукахъ, полякъ же никогда и ни за что не продастъ своей земли русскимъ,—это противорѣчитъ правиламъ польской добродѣтели. Уже упоминавшійся нами выше, русскій землевладѣлецъ прибужскаго края совершенно основательно замѣчаетъ, что «при существованіи возможности продать, хотя бы и безъ пособія крестьянскаго банка, сколько угодно земли въ польскія руки, ни одинъ полякъ-хозяинъ не рискнетъ продать русскому хотя бы клочокъ своей земли; въ нашихъ мѣстахъ борьба мѣстныхъ сепаратистовъ съ русскими началами во всѣхъ ихъ видахъ такъ обострена, что поляку, продавшему свою землю въ русскія руки, житья не будетъ и отъ ближнихъ, и отъ дальнихъ сосѣдей, и отъ пановъ-чиновниковъ».

Какъ бы тамъ ни было, но люблинское отдѣленіе крестьянскаго банка въ восточныхъ (русскихъ) уѣздахъ люблинской и сѣдлецкой губерній совсѣмъ почти не работаетъ, и площадь землевладѣнія русскихъ крестьянъ совсѣмъ тамъ не увеличивается. А рядомъ съ этимъ поляки предприняли, въ довольно широкихъ размѣрахъ, колонизацію прибужскаго края польскими крестьянами, что ставитъ русское населеніе въ невозможныя экономическія условія и ведетъ

[1]) Люблинское отдѣленіе крестьянскаго банка оперируетъ въ двухъ губерніяхъ—люблинской и сѣдлецкой.

Digitized by Google

къ полному ополяченію холмской Руси. Въ настоящее время, ни одно изъ продающихся польскихъ имѣній въ люблинской и сѣдлецкой губерніяхъ не попадаетъ въ русскія руки: ихъ цѣликомъ или частями пріобрѣтаютъ вызываемые съ лѣваго берега Вислы польскіе крестьяне — мазуры. «Эти новые люди,—говоритъ г. Хозяинъ,—пускаемые въ ходъ политикующими панами, какъ средство ополяченія береговъ Буга (болѣе западныя части нашего Забужья уже ополячены, при помощи подобнаго же, давно практиковавшагося, переселенія) являются, по заработкамъ у польскихъ помѣщиковъ, естественными конкуррентами русскихъ крестьянъ-старожиловъ. Такъ какъ русскихъ помѣщиковъ въ нашей мѣстности, кромѣ немногихъ единицъ, вовсе нѣтъ, то само собою вся работа по обработкѣ полей и по фольварочному хозяйству перейдетъ въ руки польскихъ крестьянъ-переселенцевъ, которые затѣмъ и привлекаются сюда, чтобы, при помощи ихъ, можно было совершенно отдѣлаться отъ русскихъ крестьянъ-рабочихъ. Лишая у себя заработка русскихъ крестьянъ, польскіе паны, ихъ ловкіе управители и вся польская дворня чрезвычайно хитро умѣютъ подчеркнуть то обстоятельство, что всякій русскій хлопъ, дѣлаясь особенно усерднымъ православнымъ или дажо просто удаляясь отъ костела и польскаго панскаго двора, становится немилъ пану и лишается заработка у него: этотъ заработокъ можетъ быть пріобрѣтенъ лишь путемъ явнаго и рѣзкаго отреченія отъ своей русской церкви, отъ русскаго языка и школы, и отъ русскаго быта. Экономическій гнетъ со стороны польскаго пана на русскаго хлопа становится все сильнѣе и заставляетъ этого хлопа чаще призадумываться надъ вопросомъ,—не лучше ли ему сдѣлаться совсѣмъ полякомъ и католикомъ? Тогда панъ смилуется надъ нимъ и продастъ ему, наравнѣ съ выписываемымъ изъ-за Вислы полякомъ-мазуромъ, кусокъ земли, или дастъ и ему работу при своемъ хозяйствѣ. Кто наблюдаетъ за здѣшнею крестьянскою жизнью, тотъ видитъ, что, со времени участившихся случаевъ продажи помѣщичьей земли крестьянамъ-мазурамъ, такъ называемое «упорство» извѣстной части бывшихъ уніатовъ по отношенію къ православной церкви значительно обострилось, особенно тамъ, гдѣ обильнѣе посѣяны плевелы іезуитско-польской пропаганды».

При такихъ условіяхъ, нельзя не согласиться съ авторомъ приведенныхъ строкъ, что «наводненіе восточныхъ уѣздовъ сѣдлецкой и люблинской губерній мазурами есть политическая и притомъ очень серьезная мѣра, принятая нашими польскими помѣщиками для усиленія польскаго элемента въ русскомъ Забужьѣ и для ополяченія этого края, издревле русскаго, но, должно сознаться, и до сихъ поръ еще не перестающаго терять свою русскую физіономію, насколько она еще сохранилась».

Digitized by Google

И, какъ все это ни прискорбно, нельзя ожидать, чтобы положеніе вещей въ холмской Руси измѣнилось къ лучшему до тѣхъ поръ, пока этотъ заброшенный уголокъ русской земли будетъ входить въ составъ царства польскаго, т. е. пока онъ не будетъ освобожденъ отъ польскаго владычества и возсоединенъ окончательно съ Россіей.

Въ многочисленныхъ, безпрестанно появляющихся въ газетахъ, статьяхъ, посвященныхъ этому вопросу, десятки и сотни разъ уже на всѣ лады обсуждалась необходимость выдѣленія вышеперечисленныхъ нами восточныхъ (русскихъ) уѣздовъ люблинской и сѣдлецкой губерній въ самостоятельную административную единицу; подробно очерчивались границы холмской губерніи, указывались ея губернскій и уѣздные центры и проч. Объ этомъ исписаны уже цѣлыя стопы бумаги, возникали споры и пререканія, возгоралась печатная полемика, но самая сущность вопроса въ большинствѣ случаевъ какъ-то ускользала всегда отъ вниманія прожектёровъ. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ достаточно только произвести иное распредѣленіе уѣздовъ и перенести губернскій центръ изъ одного города въ другой, какъ будто бы достаточно сдѣлать это, чтобы измѣнить то неестественное положеніе вещей, которое выдвигаетъ вопросъ о холмской губерніи! Не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе губернскихъ центровъ сильно сказывается на населеніи и еще комитетомъ 1865 года (по проэкту новаго административнаго раздѣленія царства польскаго) было признано, что возстановленія подавленной русской народности въ холмской Руси, «*даже при всѣхъ усиліяхъ правительства,* трудно будетъ достигнуть, доколѣ вся мѣстная администрація будетъ привлекаться къ древнимъ польскимъ центрамъ, каковы Люблинъ и Сѣдлецъ». Какъ извѣстно, жителямъ губерніи приходится имѣть постоянныя сношенія съ губернскимъ городомъ, который служитъ административнымъ, судебнымъ, духовнымъ, образовательнымъ и торговымъ центромъ всей губерніи. Каждому жителю губерніи приходится minimum одинъ-два раза въ годъ бывать по нѣскольку дней въ своемъ губернскомъ городѣ и, конечно, послѣдній оказываетъ громадное вліяніе на простой темный людъ. Какое же могутъ оказывать вліяніе на русское населеніе люблинской и сѣдлецкой губерніи ихъ губернскіе центры, Люблинъ и Сѣдлецъ,—можно судить изъ того, что населеніе этихъ городовъ почти исключительно состоитъ изъ поляковъ и евреевъ (до 90 слишкомъ %), причемъ даже чиновная среда, съ которою приходится вѣдаться пріѣзжающимъ,—въ большинствѣ польская. При такихъ условіяхъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что,—какъ и свидѣтельствуетъ лучшій изъ современныхъ знатковъ Прибужья, А. С. Будиловичъ,—«за истекшія двадцать семь лѣтъ (со времени

Digitized by Google

административнаго раздѣленія привислянскаго края) достаточно выяснилось, съ какою силою и изходчивостью дѣйствовала въ обоихъ «центрахъ» (т. е. въ Люблинѣ и Сѣдлецѣ) польско-католическая пропаганда чрезъ своихъ многочисленныхъ агентовъ, смущая совѣсть не утвержденныхъ въ православіи, крестя и вѣнчая сбитыхъ съ толку, и прельщая тѣхъ и другихъ «краковскими свидѣтельствами» и обманными обѣщаніями, что «святая унія еще вернется». Польско-еврейское населеніе обоихъ губернскихъ городовъ, въ которыхъ русскихъ всего только и есть, что служилые люди, въ высшей степени затрудняло и затрудняетъ административный контроль надъ дѣйствіями подпольной интриги, задавшейся цѣлью сѣять, поддерживать и множить церковную смуту въ русскомъ Забужьѣ».

Конечно, перенесеніе губернскихъ учрежденій (административныхъ, судебныхъ и пр.) изъ польскихъ Люблина и Сѣдлеца въ русскій Холмъ, съ возведеніемъ послѣдняго въ губернскій городъ, значительно освободило бы холмско-русскій народъ отъ польско-католическаго вліянія и болѣе сблизило бы, нынѣ разбросанное по двумъ губерніямъ, русское населеніе края [1]).

Но, однако, нельзя не признать, что все это—и границы будущей холмской губерніи, и ея административные центры, даже и самое учрежденіе новой губерніи—все это, въ сущности, второстепенныя стадіи затронутаго нами вопроса, сущность котораго не въ этихъ стадіяхъ, *а въ выдѣленіи холмской Руси изъ состава царства польскаго* и въ полномъ присоединеніи ея къ остальной Россіи. И въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе будетъ имѣть холмская губернія, какъ бы идеально она ни была очерчена, если она останется составною частью царства польскаго, гдѣ господствующимъ элементомъ являются поляки, стремящіеся подавить все русское, гдѣ господствуетъ не русскій строй управленія, не русскіе законы, порядки, и гдѣ почти вся сельская администрація польская? Развѣ отъ этого измѣнится сколько нибудь положеніе края и его русской народности, и развѣ это дастъ возможность русскому населенію зажить иною, *русскою*, жизнью? Разумѣется, нѣтъ: все ему тамъ по прежнему останется чуждо.

Только съ выдѣленіемъ холмской Руси изъ состава царства польскаго и съ причисленіемъ холмской губерніи къ юго-западному

---

[1]) Холмъ—историческій центръ холмской Руси; преобладающая часть населенія въ немъ русская, въ немъ находится каѳедра православнаго епископа, восемь православныхъ храмовъ, десять русскихъ учебныхъ заведеній и въ ихъ числѣ духовная семинарія, православное Богородицкое братство. Словомъ, Холмъ — русскій центръ не только по историческимъ воспоминаніямъ, соединеннымъ съ его именемъ, но и по своимъ современнымъ учрежденіямъ.

Digitized by Google

краю, часть котораго она составляетъ,—съ подчиненіемъ ея генералъ-губернатору этого края и съ распространеніемъ на нее всѣхъ дѣйствующихъ въ юго-западныхъ губерніяхъ ограничительныхъ законовъ по отношенію къ польской, еврейской и нѣмецкой національностямъ, а также и льготъ и преимуществъ для русской національности,—только въ такомъ случаѣ холмская Русь, ставъ нераздѣльной частью Россіи, въ состояніи будетъ зажить русскою жизнью, только тогда она освободится отъ вреднаго и тлетворнаго вліянія ополяченія и католицизма, и только тогда въ ней поднимется ростъ и преобладаніе русскихъ идей, а холмско-русскій народъ почувствуетъ себя русскимъ и начнетъ крѣпнуть нравственно, политически и экономически.

Съ присоединеніемъ къ юго-западному краю, холмская Русь, которая образуетъ собою особую холмскую губернію съ милліоннымъ (приблизительно) населеніемъ и съ древне-русскимъ Холмомъ во главѣ, приметъ общерусскій строй управленія, русскую администрацію, общерусскіе порядки и законы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ западныхъ губерніяхъ,—каковы законы 10 декабря 1864 г., 27 декабря 1865 г., 3 мая 1882 г., 27 декабря 1884 г., 15 іюня 1882 г., 9 іюня 1886 г. и 14 марта 1892 г.,—будетъ ограждена отъ дальнѣйшаго роста иноплеменныхъ элементовъ и ихъ вліяній. Законы, воспрещающіе пріобрѣтеніе въ собственность и арендованіе земель поляками и евреями, и предоставляющіе льготы въ этомъ отношеніи для лицъ русскаго происхожденія, умалятъ значеніе въ краѣ польской интеллигенціи, создадутъ въ немъ русское землевладѣніе, которое явится противовѣсомъ польскому, и вообще усилятъ русскій элементъ, что̀ не замедлитъ, конечно, оказать оздоровляющее вліяніе на край и его русское населеніе. Съ присоединеніемъ холмскаго края къ юго-западному, въ немъ подымется значеніе православія и, наоборотъ, умалится значеніе католицизма, что̀ также благотворно отразится на мѣстномъ русскомъ населеніи и ускоритъ возсоединеніе остающейся еще въ уніи и католицизмѣ части его съ православіемъ. Затѣмъ, нельзя также упускать изъ виду то весьма существенное и важное обстоятельство, на которое указываетъ А. С. Будиловичъ, что «наши дипломатическіе переговоры съ римскою куріей—о введеніи дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ въ костелахъ приходовъ съ русскимъ населеніемъ—несомнѣнно, при извѣстной долѣ настойчивости, приведутъ въ концѣ концовъ къ положительнымъ результатамъ. Проникали какъ-то въ газеты слухи, будто въ Римѣ уже склоняются сдѣлать эту уступку для сѣверо-западнаго и юго-западнаго края. Но о рус-

Digitized by Google

комъ Забужьѣ самые переговоры по сему предмету невозможны до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ выдѣлено въ особую географическую единицу, потому что этнографическая граница — понятіе въ данномъ случаѣ очень неопредѣленное и растяжимое, могущее вызвать (и несомнѣнно вызоветъ) въ Римѣ опасенія злоупотребленій на мѣстѣ, въ смыслѣ захвата польской народности. Скорѣйшее разрѣшеніе вопроса о языкѣ въ дополнительномъ костельномъ богослуженіи въ высшей степени важно для русскаго Забужья, гораздо важнѣе, чѣмъ для нашихъ западныхъ губерній, потому что въ тѣхъ губерніяхъ полонизація, идущая черезъ костелъ, значительно затрудняется сравнительною малочисленностью костеловъ и слабостью польскаго элемента. Съ образованіемъ холмской губерніи, естественно будетъ включить и эту «частицу русской земли» въ тотъ географическій районъ, котораго будутъ касаться дипломатическіе переговоры въ Римѣ о русскомъ дополнительномъ богослуженіи въ костелахъ».

Вообще, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ комитета царства польскаго 1865 г., что *«образованіе особой холмской губерніи имѣло бы важное значеніе и представило бы рѣшительный шагъ къ возстановленію полуподавленной въ этомъ краѣ русской народности»*. Съ тѣхъ поръ прошло уже тридцать лѣтъ и нынѣ можно только удивляться нашему равнодушію къ судьбѣ своихъ «полуподавленныхъ» прибужскихъ братьевъ. Мы все ждемъ, что вопросъ о холмской губерніи будетъ рѣшенъ на мѣстѣ, но позволительно усомниться въ томъ, чтобы мѣстная власть дала ему когда нибудь ходъ; дѣло тутъ идетъ объ отдѣленіи части подчиненной ей территоріи, что,— какъ этого главнымъ образомъ и опасаются на мѣстѣ,—можетъ въ нѣкоторой степени умалить значеніе мѣстной власти. Понятно, это не входитъ въ виды послѣдней — и отсюда полное забвеніе столь важнаго общерусскаго вопроса, какъ вопросъ о холмской губерніи. На мѣстѣ ничего, конечно, не имѣютъ противъ образованія холмской губерніи, и тамъ не разъ уже подымался объ этомъ вопросъ, но будетъ очень печально, если этимъ все дѣло и ограничится. *Сущность дѣла тутъ не въ образованіи той или иной новой губерніи въ царствѣ польскомъ, а въ отдѣленіи отъ него забытаго и заброшеннаго нами уголка русской земли.* Только при такомъ условіи имѣетъ значеніе вопросъ о холмской губерніи.

Въ настоящее время, въ виду предстоящаго введенія въ губерніяхъ юго-западнаго края «положенія 12 іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ», вопросъ о присоединеніи къ юго-западному краю прибужской части его, входящей нынѣ въ составъ царства польскаго—думается намъ—самъ собою выдвигается на очередь, и рѣше-

Digitized by Google

ніе его нынѣ является наиболѣе своевременнымъ и умѣстнымъ. Несомнѣнно, что какъ вообще въ западномъ краѣ, такъ и въ частности въ холмской губерніи, введеніе института земскихъ начальниковъ,—если только они не будутъ походить на г. Протопопова,—дастъ сильный толчокъ русскому дѣлу и явится важнымъ шагомъ впередъ по пути къ полному внутреннему объединенію этихъ окраинъ съ общерусскимъ центромъ. Вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы, при введеніи этой важной реформы въ западныхъ губерніяхъ, холмская Русь не была обойдена, какъ это всегда дѣлалось до сего времени. Разъ признана необходимость, цѣлесообразность и возможность введенія реформы въ девяти западныхъ губерніяхъ, нельзя, конечно, отрицать необходимости и цѣлесообразности ея и въ *десятой* западной губерніи.

Образованіе этой новой *десятой губерніи въ западномъ краѣ* (а отнюдь не въ царствѣ польскомъ) и должно составлять нынѣ главнѣйшую заботу нашей центральной власти на западныхъ окраинахъ, такъ какъ только ея вмѣшательство въ это дѣло можетъ дать ему ходъ и привести къ желаемому разрѣшенію вопросъ о холмской губерніи.

А. Липранди.

Digitized by Google

Изъ дневника.

Мнѣ жаль далекихъ дней, минувшихъ безъ возврата,
Когда въ пути свѣтилъ намъ дружбы огонекъ,
Когда склонялся я къ тебѣ съ любовью брата,
И голосъ страсти былъ твоей душѣ далекъ.

Теперь и рѣчь твоя, и взоры дышатъ страстью,
Твой поцѣлуй пьянитъ сильнѣе, чѣмъ вино...
Безсильный предъ тобой, я отдаюся счастью,
Я за него боюсь, мнѣ дорого оно;

И все жъ, въ огнѣ твоихъ лобзаній замирая,
Я чувствую въ душѣ невольную печаль:—
Безгрѣшныхъ радостей исчезнувшаго рая
Съ его безоблачнымъ спокойствіемъ—мнѣ жаль!

А. Кругловъ.

Digitized by Google

ПОДЪ РУССКИМЪ СКИПЕТРОМЪ.

(По поводу воспоминаній нѣмецко-петербургскаго журналиста).

I.

Отношеніе коренныхъ и балтійскихъ нѣмцевъ къ Россіи.—Русская цензура до 1861 года.—Н. Пейкеръ, свирѣпствующій въ нѣмецкой газетѣ. — Смерть Николая I.—Студенческія волненія шестидесятыхъ годовъ.—Графъ Путятинъ и генералъ Филипсонъ.—Министръ просвѣщенія и г. Катковъ. — Съ больной головы на здоровую, или ненависть Россіи къ нѣмцамъ. — Нѣмецкія Петербургскія вѣдомости», какъ официальная газета. — Вестманъ и министерство иностранныхъ дѣлъ.— Н. А. Милютинъ и Польша.—Нѣмецкое хвастовство и русское прямодушіе.—Печать въ 1861—67 г.—Василій Андреевичъ Цеэ.— Чернышевскій и Страховъ.—Министръ Валуевъ и qui pro quo намѣстника Польши, гр. Берга.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», помѣщены мемуары Бернгарди, бывшаго русскаго чиновника. Въ нихъ приводятся неопровержимыя доказательства вѣчной, непримиримой ненависти къ намъ весьма благонамѣренныхъ и корректныхъ—по прусскимъ понятіямъ—нѣмцевъ. Чѣмъ больше сдѣлала имъ добра Россія, тѣмъ съ большею злобою относятся они къ ней, разумѣется, когда уже перестаютъ служить ей и находятъ полную возможность, удалясь въ свой фатерландъ, возводить на нее всевозможныя клеветы и оскорбленія. Озлобленіе балтійскихъ бароновъ, всѣхъ этихъ Ширреновъ, Экгардтовъ, Геновъ и пр., еще отчасти понятно: имъ не позволяли самодурствовать на русской землѣ и доводить обобранныхъ ими латышей и эстовъ до одичанія. Но чѣмъ провинились мы передъ гражданами германской имперіи, никогда не владѣвшими клочкомъ русской земли и не угнетавшими добродушныхъ остзейскихъ туземцевъ? Правда, такіе коренные нѣмцы, если только они не были у насъ бюрократами, относятся къ намъ гораздо снисходительнѣе и между ними встрѣчаются, хоть и не часто, люди, сознающіеся, что и у насъ есть кое-что хорошее. Къ такимъ людямъ чаще всего принадлежатъ настоящіе писатели, а не чиновники, составляющіе свои записки для назиданія потомства, и намъ было особенно пріятно встрѣтить между такими лицами журналиста, 22 года работавшаго въ политической газетѣ, выходившей хотя и на нѣмецкомъ языкѣ, но въ Петербургѣ. Фридрихъ Мейеръ изъ Вальдека издалъ въ Гейдельбергѣ свои воспоминанія, посвященныя «па-

Digitized by Google

мяти благородныхъ русскихъ друзей». 29 лѣтъ безотлучно прожилъ онъ въ Россіи; изъ нихъ 21 годъ—лекторомъ въ петербургскомъ университетѣ и почти столько же редакторомъ нѣмецко-петербургскаго политическаго листка. Это была, по его мнѣнію, точка высшаго политическаго показнаго развитія Россіи, закончившагося крымскою войною—паденіемъ съ этой высоты, періодомъ разочарованій и неожиданной смертью государя. Авторъ говоритъ, впрочемъ, всего болѣе о царствованіи Александра II и оканчиваетъ свои воспоминія 1880 годомъ. Немало въ нихъ невѣрныхъ и ошибочныхъ взглядовъ, но они во всякомъ случаѣ добросовѣстны и не тенденціозны хотя отъ своей нѣмецкой натуры онъ вполнѣ отрѣшиться не можетъ...

Онъ говоритъ, что все сообщаемое имъ пережилъ самъ, а не заимствовалъ изъ другихъ источниковъ. Очерки свои онъ начинаетъ картиною русской цензуры 1852—61 года, заслуживающей того, чтобы къ ней отнестись «безъ сожалѣнія». Волненія 1848 года императоръ приписывалъ университетамъ и печати. Онъ тотчасъ же ограничилъ пріемъ въ каждый университетъ тремя стами студентами, а къ печати примѣнилъ строжайшія мѣры. Прежде всего, подверглись преслѣдованію политическіе иностранные листки. «Революціонныя» желѣзныя дороги не соединяли еще тогда Россіи съ западной Европой и старыя почтовыя кареты привозили изъ Берлина черезъ Штетинъ политическія извѣстія: лѣтомъ въ четыре-пять дней, зимою — въ восемь-десять. Пасторъ на остзейскомъ островѣ «Руно» читалъ всегда газеты число въ число, но прошлаго года. Почтовая цензура безъ сожалѣнія марала типографской краской для русскихъ подданныхъ цѣлыя страницы не только либеральныхъ, но и консервативныхъ изданій; $^{9}/_{10}$ иностранныхъ газетъ вовсе не допускались въ Россію. Съ иностранными книгами церемонились еще меньше; телеграфическая кореспонденція съ центрами европейской жизни не была вовсе допущена. Разрѣшались только офиціальные источники.

Мейеръ сдѣлался редакторомъ петербургско-нѣмецкихъ вѣдомостей въ 1852 году. Цензура надъ ними была не легче, чѣмъ надъ русскими изданіями. Обязанность посылать извѣстія на цензуру множества вѣдомствъ связывала печать по рукамъ и по ногамъ; 8—10-ть цензуръ для каждаго листка было обыкновеннымъ дѣломъ. До поздняго утра приходилось нерѣдко бѣдному редактору задѣлывать бреши, нанесенныя этими цензурами, работавшими кто въ лѣсъ, кто по дрова, ежедневно сбиваемыми съ толку новыми предписаніями, циркулярами, постановленіями, требованіями. Главнымъ принципомъ, руководящимъ мнѣніемъ редакторовъ былъ страхъ подвергнуться замѣчаніямъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ, всѣ редакторы политическихъ петербургскихъ листковъ получили прямое повелѣніе: не говорить ничего о парламентскихъ и представительныхъ правленіяхъ, и вообще не упоминать о конституціонныхъ государствахъ. Это было положительно невозможное распоряженіе, которое, какъ и множество подобныхъ ему, исполнялось дня два, а потомъ объ немъ никто и не думалъ. При началѣ крымской войны, о военныхъ дѣйствіяхъ приказано было говорить только словами «Русскаго Инвалида». Мейеръ приводитъ нѣсколько цензурныхъ анекдотовъ, знакомыхъ

Digitized by Google

уже намъ большею частью по запискамъ Никитенка и другимъ источникамъ. Такъ, приводится запрещеніе цензоромъ Крыловымъ «революцій земнаго шара», а фраза: «казаки ѣздятъ на маленькихъ и невидныхъ лошадяхъ» вышла въ такомъ видѣ изъ цензорскихъ рукъ: «казаки ѣздятъ на лошадяхъ».

О цензорѣ своей газеты, Николаѣ Пейкерѣ, авторъ говоритъ: что это былъ офицеръ, воспитывавшійся въ кадетскомъ корпусѣ, перешедшій въ гражданскую службу и сдѣланный директоромъ сельско-хозяйственнаго учрежденія, которое онъ, ровно ничего не понимая въ хозяйствѣ, разорилъ окончательно. Оказавшись невозможнымъ на этомъ посту, онъ однако найденъ былъ годнымъ для цензорства. Въ статьѣ, переведенной изъ польскаго публициста, Карла Либельта, Пейкеръ выбросилъ начало: «есть двѣ вещи, которыя не сходятся между собою, какъ необдѣланные обрубки: это женщины и ученость». Цензоръ объяснилъ это уничтоженіе тѣмъ, что Екатерина II была ученою женщиною и потому такое сравненіе неприлично. Онъ выбросилъ также однажды классическую цитату «angusta, angustiora», и написалъ: цензоръ не обязанъ знать по шведски. Во фразѣ: «на сѣверѣ аисты часто производятъ самосуды надъ своими товарищами», Пейкеръ замѣнилъ сѣверъ—югомъ. Въ одной шведской провинціи свирѣпствовалъ голодъ до того, что ѣли хлѣбъ, смѣшанный съ древесной корой. Пейкеръ пропустилъ извѣстіе, но Швецію замѣнилъ Франціею. Одну, буквально изъ «Русскаго Инвалида» переведенную, статью о военныхъ дѣйствіяхъ Пейкеръ вовсе запретилъ, и когда ему указали на нумеръ оригинала, подтвердилъ запрещеніе, подписавъ на статьѣ: «напрасное многословіе». Это вывело редактора изъ терпѣнія; онъ обратился къ Миддендорфу, секретарю академіи наукъ, которой принадлежали нѣмецкія вѣдомости. Тотъ пожаловался Блудову и черезъ недѣлю Пейкеръ былъ уволенъ изъ цензурнаго комитета. Но въ комитетѣ мѣнялись только лица, а не направленія. За Пейкеромъ слѣдовалъ Фрейгангъ, далѣе Обертъ и другъ. Фрейгангъ лѣтомъ проводилъ вечера у дамы своего сердца въ Новой Деревнѣ и безсовѣстно задерживалъ корректуры. Обертъ кончилъ свои дни въ домѣ умалишенныхъ, но долго цензорствовалъ, уже находясь не въ здравомъ умѣ. Нѣмецкій журналистъ удивляется театральной цензурѣ: разборъ игры актеровъ разрѣшенъ былъ въ 1828 году Третьимъ отдѣленіемъ Булгарину. Первое время театральнымъ цензоромъ былъ Борисъ Федоровъ, «ребячествующій господинъ» (Kindischer Mann): всякую хулу, особенно иностранныхъ актрисъ, онъ замѣнялъ похвалою. Любопытно, что онъ не зналъ ни слова по нѣмецки, а въ своихъ приговорахъ руководствовался русскими рецензіями. Цензорами иностранной политики у Мейера были: баронъ Моренгеймъ, Жеребцовъ, Новиковъ, Гамбургеръ и баронъ Бюлеръ. За непочтительный отзывъ о Луи-Наполеонѣ, пропущенный цензоромъ, получили выговоръ и цензоръ, и редакторъ.

О смерти Николая I авторъ не сообщаетъ никакихъ новыхъ подробностей. Простуду императора считали незначительнымъ гриппомъ, полученнымъ на послѣднемъ разводѣ: «При бывшемъ уже кашлѣ, я бы не посовѣтовалъ и простому солдату идти на службу»,—

Digitized by Google

замѣтилъ докторъ Каррель Николаю I.—«Вы исполнили свою обязанность, я долженъ исполнить свою» — отвѣчалъ императоръ. Въ безнадежномъ состояніи его убѣдились 17 февраля съ появленіемъ перваго бюллетеня. Четвертый, вышедшій на другое утро, извѣщалъ, что больной исповѣдывался и причащался. При дворѣ до того были поражены неожиданною развязкою, что потеряли голову и не сообщали никакого извѣстія о перемѣнѣ царствованія. А между тѣмъ газеты на другое утро должны были выйти съ манифестомъ и въ траурной рамкѣ. Но никто и не думалъ прислать печати официальное сообщеніе, и наши академическія вѣдомости, русскія и нѣмецкія, печатавшіяся въ одной типографіи, послали отъ себя въ сенатскую типографію, заплатили за отдѣльный экземпляръ манифеста десять рублей и къ четыремъ часамъ онъ былъ уже помѣщенъ въ этихъ газетахъ; другія вышли безъ манифеста, немногія рѣшились на черныя рамки...

Авторъ допускаетъ, что Николай Павловичъ увеличилъ свою простуду, не принимая противъ нея никакихъ домашнихъ средствъ, къ какимъ прибѣгаютъ въ подобныхъ случаяхъ. Въ трагедіи Шиллера, шведскій капитанъ, говоря о Валленштейнѣ, прибавляетъ: «разсказываютъ — онъ хотѣлъ умереть». Черезъ нѣсколько дней послѣ погребенія монарха, сильное сѣверное сіяніе разлилось надъ петропавловскою крѣпостью. Это была заря новаго царствованія.

Въ третьей главѣ своихъ воспоминаній, нѣмецко-петербургскій журналистъ описываетъ безпорядки въ петербургскомъ университетѣ въ сентябрѣ 1861 года.

За строгими мѣрами противъ университетовъ необходимо должна была послѣдовать реакція. Уже въ 1857 году, въ Москвѣ произошло столкновеніе между студентами и полиціей, и дѣйствія послѣдней были признаны неправильными подлежащею властью. Въ Кіевѣ, съ разрѣшенія властей, былъ учрежденъ студенческій судъ, разбиравшій не только нарушенія университетскихъ постановленій, но и отношенія къ профессорамъ. Либеральный попечитель московскаго учебнаго округа Ковалевскій сдѣланъ былъ министромъ просвѣщенія. Реформы его были благонамѣренны, но подходящій для нихъ матеріалъ не созрѣлъ. Каждая мѣра его встрѣчалась волненіями. Даже въ своемъ мундирѣ студенты видѣли символъ прежняго гнёта и мундиръ былъ уничтоженъ, какъ несоотвѣтствующій современному духу. Въ шестидесятомъ году, въ Петербургѣ попечитель округа самъ организовалъ студенческія сходки, кассу вспомоществованія и студенческую библіотеку. Въ нихъ тотчасъ же начались разнаго рода злоупотребленія. Студенты стали больше заниматься политическими демонстраціями, чѣмъ науками. Реформы исчезли вмѣстѣ съ реформаторами. Преемникъ Ковалевскаго долженъ былъ, конечно, дѣйствовать въ духѣ противоположномъ реформамъ, но выборъ былъ неудаченъ. Послѣ трактата съ Японіей, лѣтомъ 1861 года, графъ Путятинъ сочинилъ новый университетскій уставъ. Въ немъ были уничтожены всѣ прежнія льготы. Особенно непріятно подѣйствовало уничтоженіе кассъ для вспомоществованія.

Digitized by Google

Осенью, почти одновременно, обнаружились волненія въ четырехъ университетахъ. Въ стѣнахъ петербургскаго университета начались шумныя сходки, причемъ пострадала даже мебель въ аудиторіяхъ. Попечитель округа, финляндско-кавказскій генералъ Филипсонъ, не показывался въ университетѣ. Студенты стали собираться на площади между университетомъ и академіей, отправились даже съ петиціями къ Зимнему дворцу, хотя государь былъ въ Крыму; а оттуда въ Колокольную улицу, гдѣ жилъ попечитель; онъ принялъ депутацію студентовъ и надавалъ имъ множество обѣщаній, послѣ которыхъ они разошлись. На другой день министръ потребовалъ къ себѣ университетскихъ властей и профессоровъ, и объявилъ, что при повтореніи безпорядковъ закроетъ университетъ и распуститъ служащихъ въ немъ. Ректоръ Ленцъ замѣтилъ, что университетъ—не школа, гдѣ учителя имѣютъ вліяніе надъ учениками. Профессора не могутъ отвѣчать за поступки студентовъ и обязаны только преподавать свой предметъ. Все, что происходитъ внѣ лекцій, подлежитъ вѣдѣнію инспектора. Студенты и на другой день собрались на улицѣ. Министръ просвѣщенія предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ прекратить уличные безпорядки. Явилась кавалерія съ обнаженными палашами. Студенты были окружены и направлены по Малой Невѣ, черезъ Тучковъ мостъ, въ Петропавловскую крѣпость. Никто не оказывалъ сопротивленія. На другой день университетъ былъ закрытъ. Главные виновники между студентами были исключены изъ университета. Профессора, служащіе въ администраціи—уволены. Петербургъ былъ въ сильномъ волненіи. Въ Крымъ передавались преувеличенные слухи. Вмѣсто университетскихъ лекцій открылись публично-научные курсы.

Въ январѣ слѣдующаго года, министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Валуевъ. Путятинъ, Филипсонъ и нѣсколько высшихъ полицейскихъ властей были уволены. Генералъ-губернаторомъ назначенъ князь А. А. Суворовъ; министромъ просвѣщенія—А. В. Головнинъ. Онъ возвратилъ профессорамъ ихъ каѳедры. Профессоръ Кавелинъ, какъ чиновникъ по особымъ порученіямъ, былъ посланъ въ Германію для изученія основаній новаго университетскаго статута, обѣщаннаго указомъ. Лекціи въ университетѣ возобновились осенью 1862 года. Новый уставъ, основанный на принципахъ самоуправленія, введенъ въ дѣйствіе въ 1863 году. У новаго министра просвѣщенія явился непримиримый врагъ—Катковъ,—а съ нимъ явилась небывалая въ Россіи оппозиція противъ министерскихъ мѣръ, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ. Даже въ покушеніи Каракозова Катковъ нашелъ слѣды либеральнаго направленія министра просвѣщенія. Головнина смѣнилъ графъ Толстой, тотчасъ же устроившій гимназіи по плану Каткова и измѣнившій систему университетскихъ порядковъ.

Отдѣльную главу посвящаетъ авторъ «ненависти противъ нѣмцевъ», хотя и считаетъ всѣ толки объ ней искаженными. Распространеніе ихъ онъ приписываетъ болѣе всего балтійскимъ публицистамъ,

Digitized by Google

но авторъ опровергаетъ мнѣніе, что эта ненависть развилась въ 1845—1847 году, во время управленія генерала Головина балтійскимъ краемъ, и находитъ ей другія основанія. Встрѣтивъ въ декабристахъ преимущественно представителей русскаго дворянства, Николай I съ большою благосклонностью относился къ балтійскимъ нѣмцамъ, что возбуждало неудовольствіе въ національно-русской партіи. Но и расположеніе къ нѣмцамъ въ эту эпоху выражалось скорѣе въ сатирическомъ духѣ. Ермоловъ просилъ, чтобы его произвели въ нѣмцы, Вяземскій въ своихъ стихахъ писалъ, что русскій Богъ—«Богъ въ особенности нѣмцевъ». Простой народъ говорилъ, что нѣмецъ обезьяну выдумалъ, но тотъ же народъ, по словамъ Петра Великаго, превосходящій лукавствомъ и хитростью даже жидовъ и татаръ, признавалъ достоинства нѣмецкой работы. Настоящая ненависть къ нѣмцамъ, по мнѣнію Мейера, началась съ 1863 года, когда, вмѣсто западника Корша, «Московскія Вѣдомости» захватилъ Катковъ. Ему было выгодно унижать нѣмцевъ и нападать на нихъ при всякомъ случаѣ. Даровитый трибунъ, онъ не обладалъ, однако, честностью направленія, ни добросовѣстностью въ полемикѣ. Для достиженія извѣстности и значенія, всѣ средства ему были хороши. Не разъ онъ мѣнялъ свои убѣжденія и преслѣдовалъ только свои личныя цѣли. Онъ одинаково клеветалъ на политическіе принципы, на народы, на отдѣльныя личности. Возбуждая въ своей газетѣ темную массу противъ нѣмцевъ, онъ въ то же время, въ бесѣдѣ съ принцемъ Фридрихомъ-Карломъ прусскимъ, имѣлъ наглость смѣло отрицать всѣ свои нападки на нѣмецкую культуру. Съ неменьшею силою, но съ большею честностью враждовалъ противъ западныхъ принциповъ и Иванъ Аксаковъ. На необходимость дѣйствій противъ польскаго возстанія, по словамъ Мейера, его нѣмецко-петербургскія вѣдомости указали гораздо раньше московскихъ. Обрусеніе всѣхъ не русскихъ племенъ сдѣлалось вскорѣ главнымъ принципомъ Каткова; онъ проповѣдывалъ уничтоженіе всѣхъ иноземныхъ законовъ, правъ, обычаевъ, языка и національности; орудіемъ для этого долженъ быть служить панславизмъ, выразившій свои желанія въ 1867 году на славянскомъ конгрессѣ въ Москвѣ. Въ то время, когда русскій народъ страдалъ отъ голодовки, значительныя суммы пересылались изъ Россіи для устройства въ Прагѣ чешскаго театра, для поддержки русскихъ въ Галиціи. Австрійскій подданный Политъ читалъ публично рѣчь, въ которой доказывалъ, что задача Россіи состоитъ въ соединеніи всѣхъ славянскихъ племенъ подъ ея главенствомъ. Подобное стремленіе возстановило Европу противъ панславизма. Балтійскіе нѣмцы примкнули къ общему движенію. Польскій катехизисъ совѣтовалъ выставлять нѣмцевъ врагами Россіи, но придерживаться ихъ во всѣхъ случаяхъ. Авторъ описываетъ возникшее противъ него лично, въ 1865 году, гоненіе русскихъ журналовъ, по поводу статьи Gartenlaube, восхвалявшей заслуги Мейера. Мейеръ не отвѣчалъ на выходки журналистики и сознаётся, что напрасно не возражалъ. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ, «Московскія Вѣдомости» представляли государство въ государствѣ. Катковъ преслѣдовалъ и новаго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, напрасно защищавшагося своими предостереженіями. «Московскія

Digitized by Google

Вѣдомости» были запрещены, но у Каткова явились сильные покровители и запрещеніе скоро снято. Министръ не счелъ нужнымъ просить о своемъ увольненіи и подвергся ему только черезъ два года. Мейеръ горячо защищаетъ Германію отъ упрека въ замыслахъ на балтійскія провинціи, и доказываетъ, что союзъ съ нею для насъ гораздо полезнѣе и естественнѣе, чѣмъ съ легкомысленными, поверхностно образованными французами. Мейеръ жалуется на то, что безъ вѣдома академіи наукъ, которой принадлежали нѣмецко-петербургскія вѣдомости, изданіе это было передано въ аренду редактора, съ условіемъ снятія съ академіи всякой отвѣтственности за направленіе изданія. Этимъ были очень довольны Катковъ, Погодинъ и панслависты. Они же распространили извѣстіе, что Мейеръ, во время своей поѣздки по Германіи и Австріи, въ Берлинѣ цѣловалъ кобылу, на которой сидѣлъ, во время сраженія при Садовой, прусскій король.

1870-ый годъ не измѣнилъ отношеній національной партіи къ нѣмцамъ и Мейеръ жалуется, что еще въ 1875 году русскія газеты возставали противъ переселенія нѣмцевъ на Волынь, и требовали, чтобы къ нимъ примѣнили всѣ узаконенія, требуемыя для евреевъ. Авторъ приводитъ также нѣсколько примѣровъ стремленія русскихъ газетъ ограничить число нѣмецкихъ чиновниковъ во всѣхъ вѣдомствахъ и вообще обрусить сколько возможно администрацію. Само собою разумѣется, что Мейеръ стоитъ горою за нѣмцевъ и Бисмарка даже на берлинскомъ конгрессѣ. «Не могъ же нѣмецкій канцлеръ быть болѣе русскимъ, чѣмъ русскіе дипломаты,—прибавляетъ авторъ:—нетрудно было свалить національную неудачу на нѣмецкія плечи, и русскіе повѣрили охотно, что Германія имъ измѣнила». Но, толкуя о ненависти русскихъ къ нѣмцамъ, не выразившейся никакими выдающимися фактами, авторъ не говоритъ, однако, ни слова о ненависти нѣмцевъ къ русскимъ, открыто высказавшейся не только въ инсинуаціяхъ частныхъ лицъ, въ возмутительной клеветѣ газетъ на все русское, но и въ дѣйствіяхъ правительства, какъ въ экономической войнѣ противъ Россіи, во введеніи Бисмаркомъ боевыхъ пошлинъ, въ запрещеніи банкамъ принимать русскія государственныя бумаги, такъ и въ политикѣ—интригами противъ насъ въ Болгаріи и явной поддержкой ея самозваннаго князя. Не говоримъ уже о заключеніи противъ насъ тройственнаго союза, о принятіи въ прусскую службу нѣмецкихъ бѣглецовъ изъ балтійскаго края, о всевозможныхъ стѣсненіяхъ на нашихъ границахъ. Все это, вѣроятно, слѣдуетъ отнести къ дружбѣ и расположенію нѣмцевъ...

Въ главѣ: «Офиціальный годъ» Мейеръ разсказываетъ, какъ въ теченіе 1864—65 года его нѣмецкія вѣдомости сдѣлались офиціальною газетою нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Правительство было недовольно редакціею «Journal de St. Pétersbourg». Графъ де-Сансэ былъ замѣщенъ Викторомъ Капельмансомъ, юркимъ, пронырливымъ бельгійцемъ, сдѣлавшимъ изъ французской газеты придворный листокъ. Поэтому, проводникомъ русскихъ идей въ европейскомъ политическомъ мірѣ избрали также и «Petersburger Zeitung». Устроилъ это дѣло Вестманъ и съ княземъ Горчаковымъ Мейеръ не входилъ ни въ какія сношенія. Но субсидіи

Digitized by Google

редакторъ не получалъ, такъ какъ полагалось, что министерскія сообщенія придаютъ болѣе значенія газетѣ и увеличиваютъ число подписчиковъ. Безбородую, длинную, худощавую фигуру Вестмана Мейеръ сравниваетъ съ вопросительнымъ знакомъ. Изъ купеческаго званія поступивъ въ мелкіе чиновники, онъ вскорѣ сдѣлался правою рукою Горчакова, единственно вслѣдствіе точнаго исполненія всѣхъ его приказаній. При своемъ тщеславіи, министръ не любилъ подлѣ себя выдающихся талантовъ. Вѣчно робкій, послушный, услужливый Вестманъ, какъ настоящій чиновникъ, собственноручно запечатывалъ всѣ дипломатическія депеши, пачкая сургучемъ свой громадный письменный столъ и съ особеннымъ искусствомъ прикладывая къ депешамъ громадную министерскую печать. Нѣмецъ по происхожденію, онъ, какъ дипломатъ, говорилъ не иначе, какъ по французски. Дорожа временемъ, камергеръ Вестманъ не разъ при посѣщеніяхъ редактора, предварительно извинившись, отдавалъ себя во власть цирюльника, скоблившаго ему подбородокъ. Фигура директора канцеляріи съ намыленными щеками, диктующаго пустыя отписки министерства, была въ высшей степени комична. Редакторомъ были очень довольны, но заставляли его по два раза въ день являться въ министерство, что̀ отнимало много времени, а въ дурную погоду требовало найма экипажей. И за все это Мейеръ не получалъ никакого вознагражденія; его заставляли даже скрывать отъ Капельманса свое участіе въ редакціи французской газеты. Мейеръ обязанъ былъ, сверхъ того, составлять политическія телеграммы для отправленія въ Берлинъ. И еще долго спустя, послѣ того какъ онъ прекратилъ свои занятія во французской газетѣ, берлинское агентство Вольфа требовало съ него суммы за пересылку депешъ, которыя министерство продолжало пересылать въ Берлинъ отъ имени Мейера. «Московскія Вѣдомости» не разъ возставали противъ мнѣній Вестмана и директоръ канцеляріи называлъ Каткова пѣтухомъ, кричащимъ на своей кучѣ навоза, но когда Катковъ вошелъ въ силу, Вестманъ уже не пускался въ полемику съ нимъ. Парижское агентство «Гавасъ» сообщило какъ-то объ отношеніяхъ «Petersbourger Zeitung» къ министерству; это передалъ за границу помощникъ Капельманса, Горнъ, но Вестманъ приказалъ опровергнуть. Это извѣстіе, однако, ни для кого не было тайной. Когда въ «Гартенлаубе» началась травля противъ Мейера, Вестманъ объявилъ, что это произошло отъ нескромности редактора и министерство не можетъ поэтому продолжать съ нимъ сношеній. Мейеръ написалъ Вестману, что съ нимъ поступили въ высшей степени несправедливо. Вестманъ не отвѣчалъ ничего на справедливыя жалобы человѣка, котораго заставляли работать, какъ лошадь, цѣлый годъ и съ которымъ поступили такъ грубо и нецеремонно. Сдѣлавшись товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, Вестманъ на придворномъ балу, послѣ бесѣды съ Александромъ II, упалъ на полъ и умеръ отъ удара.

Въ главѣ: «Польша и Николай Алексѣевичъ Милютинъ», разсматриваются отношенія этого государственнаго дѣятеля къ послѣднему польскому возстанію. Духъ возстанія распространился въ Польшѣ на второй же годъ воцаренія Александра II. По смерти въ 1860 году слабаго и безхарактернаго намѣстника М. Д. Горчакова и

Digitized by Google

послѣ неумѣлаго управленія военнаго министра Сухозанета, плохо знавшаго даже русскую грамоту, былъ назначенъ графъ Ламбертъ, и народная партія красныхъ окончательно взяла верхъ надъ партіею бѣлыхъ аристократовъ. Управленіе Ламберта было также кратковременно; послѣ него намѣстникомъ назначенъ генералъ Лидерсъ, на котораго въ іюнѣ 1860 года красные сдѣлали покушеніе; тогда Александръ II отправилъ въ Варшаву Константина Николаевича, но революціонеры произвели и противъ него покушеніе. Въ 1863 году, вспыхнуло вооруженное возстаніе въ провинціи. Напрасно повстанцы призвали изъ Австріи Лангевича, изъ Парижа—стараго Мирославскаго, возстаніе не имѣло успѣха. Мирославскій тотчасъ же вернулся въ Европу, Лангевичъ скоро бѣжалъ въ Турцію, разбитый отрядами, которыми руководилъ графъ Бергъ, замѣнившій Константина Николаевича. Стычки въ лѣсахъ смѣнились убійствами въ Варшавѣ. Весною 1864 года, уже не было слѣдовъ возстанія, и Александръ II, для окончательнаго усмиренія страны и устройства крестьянскаго сословія, отправилъ въ Польшу Н. А. Милютина. Мейеръ справедливо называетъ его однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей Россіи (напрасно только онъ увѣряетъ, что «Милютины ряды» на Невскомъ проспектѣ названы этимъ именемъ въ честь его). Авторъ сожалѣетъ, что о первоначальной жизни Милютина нѣтъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ статьи Леруа-Больё въ Revue des deux Mondes, гдѣ помѣщено много его писемъ и разныхъ замѣтокъ. Въ статьѣ, однако, мало говорится о его реформахъ въ польскомъ вопросѣ и Мейеръ дополняетъ ихъ своими свѣдѣніями. Дѣла Милютина были въ разстройствѣ, но связи и родство помогли ему выпутаться изъ затруднительнаго положенія. При Ланскомъ, Милютинъ занималъ уже важный постъ, и всегда былъ защитникомъ идеи освобожденія крестьянъ, за что получилъ прозваніе «краснаго». Въ крестьянскомъ комитетѣ, у него были два единомышленника: Самаринъ и Черкасскій. По закрытіи комитета, членовъ его хотѣли наградить орденами; Милютинъ возразилъ: въ такомъ дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ, принимать участіе—уже служитъ наградою всей жизни. Самаринъ возвратилъ свой орденъ. Послѣ отставки Ланскаго, Милютинъ остался безъ дѣла и въ 1862 году его выписали изъ его путешествія по Италіи и Франціи. Однако, пока онъ возвращался въ Петербургъ, намѣренія при дворѣ измѣнились и на мѣсто, какое хотѣли дать Милютину, назначили Велёпольскаго. Милютинъ вернулся опять за границу. Предлагали ему мѣсто директора публичной библіотеки, но онъ отъ него отказался. Когда его рѣшили послать въ Польшу для привлеченія народа на сторону Россіи, онъ отказался отъ всякаго офиціальнаго назначенія и отправился въ привислинскій край, для того чтобы изслѣдовать настроеніе массъ. Милютинъ составилъ проэктъ земельнаго устройства; это было полное экономическое возрожденіе страны, утвержденное Александромъ II въ февралѣ 1864 года. Черкасскій, никогда не бывшій до того времени чиновникомъ, сдѣланъ былъ министромъ царства польскаго, и Милютинъ поѣхалъ съ нимъ въ Варшаву. Новые порядки, конечно, встрѣтили вездѣ противодѣйствіе: Милютина называли обрусителемъ и истребителемъ Польши. «Поляки, шляхта вовсе неспособны ни

Digitized by Google

къ какой организаціи,—писалъ Милютинъ:—необходимо, чтобы на сцену выступилъ элементъ небывалый въ исторіи—народъ». Рядъ постановленій, опредѣляющихъ новое устройство польскаго крестьянства, Милютинъ вздумалъ сдѣлать извѣстнымъ Европѣ; постановленія переводились на главные европейскіе языки и нѣмецкій переводъ порученъ былъ Мейеру. Но требовалось въ одни сутки перевести и напечатать до 50 страницъ, и Мейеръ долженъ былъ взять себѣ помощниковъ, щедро и не по горчаковски вознагражденныхъ за трудъ Милютинымъ. Въ то же время онъ приглашалъ къ себѣ редакторовъ русскихъ газетъ и объяснялъ имъ цѣль и значеніе новыхъ положеній. «Цѣлый часъ,—сказалъ будто бы Милютинъ,—объяснялъ я дѣло русскимъ редакторамъ—и они ничего не поняли, а вы въ 10 минутъ во все вникли. Какой талантъ»! Это безцеремонное хвастовство хорошо рисуетъ зазнавшагося нѣмца. Мейеръ увѣряетъ, что онъ близко сошелся съ Милютинымъ и, когда захватили варшавскаго архіепископа, Николай Алексѣевичъ сказалъ: «Революціонные замыслы прелата доказаны документально. Что намъ съ нимъ дѣлать? какъ вы думаете»?—«Не дѣлайте только изъ него религіознаго мученика,—отвѣчалъ редакторъ,—поселите его въ самомъ лучшемъ климатѣ, какой у васъ имѣется, дайте ему денегъ, сколько ему нужно, но не употребляйте никакихъ наказаній».—«Къ моему удовольствію,—прибавляетъ Мейеръ,—я узналъ, что архіепископа послали въ Курскъ, гдѣ онъ устроился очень комфортабельно».

Стараніями Милютина 3.270,000 крестьянъ избавились отъ 5,000 мелкихъ тирановъ, тяготѣвшихъ надъ страною. У этихъ 5,000, какъ у патроновъ, было еще 250,000 кліентовъ изъ шляхты, жившихъ на счетъ своихъ милостивцевъ. Эксплуатировали всячески народъ и 4,500 ксендзовъ. Средняго мѣщанскаго класса въ странѣ не было вовсе. Города были наполнены пролетаріями, находившимися въ самомъ жалкомъ состояніи. При новомъ порядкѣ, изъ крестьянъ, раздѣленныхъ на гмины, каждый получилъ въ собственность частицу земли. Правительство приняло на себя вознагражденіе помѣщиковъ. Понятно, что всѣ они возстали противъ такой реформы. Но новые порядки были подкрѣплены повсемѣстнымъ открытіемъ школъ; тѣлесныя наказанія были уничтожены, монастыри реорганизованы; изъ 192 мужскихъ и женскихъ монастырей послѣ возстанія оставлено только 75. По введеніи новыхъ порядковъ, подано было до 75,000 прошеній, которыя надо было разрѣшать, и этимъ занялась милютинская комисія, но главные пункты матеріальнаго, умственнаго и моральнаго устройства Польши были уже утверждены, и дѣло пошло на ладъ. Мейеръ приводитъ нѣсколько писемъ къ нему Милютина на французскомъ языкѣ по поводу—и тогда уже поднимавшихся въ иностранной печати—выходокъ противъ русскихъ порядковъ и клеветъ всякаго рода. Какъ и теперь, отличалась въ 1865 году Kreuz Zeitung. Два съ половиною года Милютинъ боролся упорно съ противниками своей системы и борьба эта стоила ему жизни. Въ 1866 году онъ былъ сдѣланъ министромъ царства польскаго. Въ ноябрѣ этого же года, въ комитетѣ министровъ онъ одержалъ свою послѣднюю побѣду,—отстоявъ постановленія объ ограниченіи католической іерархіи,—но въ тотъ же вечеръ сдѣлался съ нимъ

Digitized by Google

нервный ударъ, а ему было всего 48 лѣтъ. Пять остальныхъ лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ полупараличномъ состояніи. Его враги не успокоились и съ его смертью. Русскіе помѣщики, польская шляхта, балтійскіе нѣмцы,—Мейеръ сознаётся въ этомъ,—относятся враждебно къ этому человѣку, которымъ можетъ гордиться Россія.

1861—67 года Мейеръ называетъ счастливыми временами русской печати. Но—увы!—такія времена врядъ ли когда либо существовали въ ней. Конечно, годы эти были лучше сороковыхъ годовъ, но и то сравнительно. Прежній цензурный режимъ дошелъ до такой границы, дальше которой идти уже было некуда. Реформы и въ дѣлѣ печати были неизбѣжны. Предварительная цензура была замѣнена предостереженіями, но печать отъ этого ничего не выиграла; вмѣсто цензора отвѣтственнымъ лицомъ сдѣлался редакторъ. Попечитель петербургскаго учебнаго округа былъ шефомъ цензуры; теперь дали ей другаго начальника: это былъ Василій Андреевичъ Цеэ, не оставившій никакихъ слѣдовъ своего управленія. Мейера вскорѣ же потребовали къ Цеэ, который принялъ его особенно любезно и назначилъ новаго цензора въ нѣмецкую газету. Цеэ наобѣщалъ очень много, но, не слѣдуя примѣру другихъ администраторовъ, сдержалъ всѣ свои обѣщанія и во все время его управленія Мейеръ былъ единственнымъ редакторомъ своей газеты. Но Цеэ не оставался на своемъ мѣстѣ и трехъ лѣтъ. Происходя изъ старинной шведской фамиліи, 150 лѣтъ назадъ переселившейся въ Россію, и кончивъ курсъ въ 1839 году, въ Царскосельскомъ лицеѣ, онъ первое время занимался сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ псковскомъ имѣніи. Поступивъ въ 1858 году на службу въ государственный контроль, онъ тогда же напечаталъ въ брюссельской офиціозной газетѣ «Nord» шесть писемъ объ уничтоженіи крѣпостничества. Онъ стоялъ за полное освобожденіе крестьянъ. Въ мартѣ 1862 года, назначенный предсѣдателемъ цензурнаго комитета, Цеэ на аудіенціи у Александра II изложилъ свои взгляды на это вѣдомство. Государь поручилъ ему составить особую записку, съ которой вполнѣ согласился. Цеэ говорилъ въ ней, что огромная сила печати, хорошо руководимая, можетъ оказать государству и обществу большую пользу. Но для этого необходимо, чтобы цензура отказалась отъ своего исключительно репрессивнаго характера и пошла по пути, указанному ей направленіемъ и духомъ времени. «Это совершенно справедливо,—замѣтилъ государь,—но я желаю, чтобы цензура вообще была удержана и не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, кто хочетъ ее уничтожить. Лучше предварить пожаръ, нежели позже тушить его». Авторъ подтверждаетъ подлинность этихъ словъ. Цеэ вошелъ въ сношенія съ выдающимися представителями литературы и даже сдѣлалъ офиціальные визиты извѣстнымъ русскимъ писателямъ. Онъ просилъ ихъ также воздержаться отъ осмѣянія, очерненія и униженія дворянства, на что была такая мода въ періодической печати. Такой образъ дѣйствій онъ считалъ неполитичнымъ. Онъ просилъ также прекратить нападки на нерусскія національности имперіи, такъ какъ это противорѣчитъ признанной вѣками терпимости русскаго народа. Цеэ допускалъ всякаго рода критику и обличеніе правительственныхъ лицъ и учрежденій, такъ какъ это помогаетъ

Digitized by Google

контролю властей. Тогда же явилась карикатура, въ которой Цеэ былъ представленъ дирижеромъ оркестра, составленнаго изъ русскихъ литераторовъ. Газетѣ Мейера онъ указалъ на вопросы, которыхъ она не должна была касаться, такъ какъ они не обработаны еще въ правительственныхъ сферахъ. Министры: Рейтернъ, Головнинъ, Замятнинъ были на сторонѣ Цеэ. Это было время сильнаго распространенія въ Россіи «Колокола» Герцена. Шефъ Третьяго отдѣленія требовалъ противъ этого строгихъ мѣръ. Цеэ отвѣчалъ: «съ врагомъ надо бороться его оружіемъ; я поручу русскимъ газетамъ опровергать «Колоколъ». Въ «Сѣверной Пчелѣ» появилась рѣчь Герцена, произнесенная имъ въ Вяткѣ въ 1834 году и восхваляющая правительство, какъ руководителя общества во всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія. Но князь Долгорукій былъ очень недоволенъ появленіемъ этой рѣчи, такъ какъ и всѣ прежнія сочиненія Герцена были запрещены въ Россіи, но Цеэ просилъ его выждать послѣдствій. Въ то же время было позволено напечатать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» рѣзкія насмѣшки надъ Герценомъ, названнымъ «генераломъ отъ революціи».

Соединеніе цензуры съ полиціею, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Мейеръ объясняетъ тогдашними волненіями,—польскимъ возстаніемъ, нигилистическими заговорами, петербургскими пожарами. Все это приписывали отчасти вліянію печати, за которую отвѣчала цензура, и потому ея содѣйствіе было необходимо. Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ всѣми средствами подкапывался подъ министерство просвѣщенія. Сдѣланный сенаторомъ при переходѣ въ другое министерство, Цеэ поручилъ Мейеру составить проэктъ центральнаго бюро печати. Валуевъ высказалъ полное согласіе съ проэктомъ, но тутъ, «какъ молнія при ясномъ небѣ, послѣдовало вдругъ неожиданное, никѣмъ не предвидѣнное, увольненіе Цеэ, а, вмѣстѣ съ нимъ, исчезли и всѣ его проэкты. Причина отставки до сихъ поръ мало извѣстна». Въ это время вышелъ романъ Чернышевскаго «Что дѣлать»? хотя авторъ его, какъ государственный преступникъ, сидѣлъ въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Романъ произвелъ сильное впечатлѣніе; консерваторы возстали противъ его появленія въ свѣтъ. Разсказывали, что цензоръ романа, старый болѣзненный человѣкъ, выслуживавшій срокъ своей пенсіи, признался Цеэ, что пропустилъ романъ, не читая, и просилъ спасти его. Начальникъ печати принялъ на себя вину цензора, объявивъ, что самъ разрѣшилъ печатаніе романа. Эта легенда, дѣлающая честь Цеэ, однако, не болѣе какъ легенда. Ни одинъ цензоръ не видалъ въ глаза романа до его появленія. Чернышевскій подлежалъ вѣдѣнію тайной полиціи и позволеніе печатать его романъ подписано собственноручно начальникомъ Третьяго отдѣленія, генераломъ Потаповымъ. Цеэ видѣлся съ Чернышевскимъ задолго до появленія романа и совѣтовалъ ему, при его выдающемся дарованіи, принять другое направленіе. Чернышевскій началъ писать въ «Современникѣ» въ болѣе мягкомъ тонѣ, но журналъ былъ вскорѣ запрещенъ, а авторъ посаженъ въ крѣпость. Точно также Цеэ убѣждалъ и Писарева писать въ другомъ духѣ, но и тотъ вскорѣ утонулъ. Цеэ принялъ на себя вину цензора въ другомъ дѣлѣ,—въ дѣлѣ Страхова, напечатавшаго въ журналѣ «Время» статью,

Digitized by Google

которой доказывалось, что въ борьбѣ племенъ нація, обладающая высшею культурою, всегда одержитъ верхъ надъ націею съ низшею культурою. Этотъ парадоксъ, противорѣчащій всей исторіи: завоеванію Греціи — Римомъ, Рима — германцами, Византіи — турками и пр., примѣнили къ борьбѣ нашей съ польскимъ возстаніемъ, но Цеэ отстоялъ цензора статьи. Авторъ расхваливаетъ очень сильно и Валуева, даже за его удивительную мужскую красоту. Консерваторомъ Мейеръ оставался постоянно, какъ въ своей газетѣ, такъ и въ своихъ воспоминаніяхъ. Новое направленіе въ цензурѣ, впрочемъ, тотчасъ же высказалось. Начальникомъ печати сдѣланъ былъ Щербининъ — старый реакціонеръ съ московскими тенденціями; предсѣдателемъ цензурнаго комитета назначенъ бывшій московскій цензоръ Петровъ, добродушный, но ограниченный, не самостоятельный и вѣчно боявшійся потерять свое мѣсто. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ замѣчаніе Мейеру, что его полемика съ Катковымъ неприлична и нежелательна. Мейеръ объявилъ, что онъ не принимаетъ устныхъ выговоровъ и проситъ дать ему письменный; затѣмъ пожаловался Валуеву, и тотъ сдѣлалъ замѣчаніе Петрову. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ возсталъ противъ мнимо-національной политики Каткова, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ причины, по которымъ не могъ дѣйствовать противъ московскаго публициста съ той строгостью, какую онъ заслуживалъ. Прежде всего, онъ не хотѣлъ дѣлать изъ Каткова мученика за идею и совѣтовалъ только Мейеру относиться къ нему съ насмѣшками и пренебреженіемъ. Не смотря, однако же, на защиту Валуева, авторъ говоритъ, что у министра было много враговъ, свергнувшихъ его въ 1868 году, когда онъ не позаботился объ уничтоженіи въ Россіи голодовки. Авторъ сознаётся, что его газета при отставкѣ министра была единственною, отозвавшеюся о немъ сочувственно. О литературныхъ трудахъ министра авторъ говоритъ нѣсколько словъ. Въ 1881 году графъ Н. П. Игнатьевъ, непримиримый врагъ Валуева, обвинилъ его, въ оскорбительныхъ формахъ, за управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ. Валуевъ оправдался, но вышелъ въ отставку.

Отношенія свои къ Валуеву авторъ воспоминаній заканчиваетъ отдѣльнымъ эпизодомъ въ главѣ: «Qui pro quo». Въ 1865 году, министръ послалъ за Мейеромъ, поздно вечеромъ, и протянулъ ему нумеръ «Познанской газеты» со статьею, начинавшеюся словами: «въ офиціальной «Petersburger Zeitung» напечатано»... Далѣе шелъ какой-то нелѣпый проэктъ о соединеніи русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ владѣній Польши, и о составленіи изъ нихъ подлѣ Россіи славянскаго государства. Редакторъ отвѣчалъ, что никогда подобная глупость не могла появиться въ его газетѣ. Валуевъ объявилъ, что ему горько жаловался на это польскій намѣстникъ и писалъ, что «обнародованіе подобныхъ статей страшнымъ образомъ затрудняетъ его политическую дѣятельность» и возбуждаетъ противъ Россіи Австрію и Пруссію, что слѣдуетъ строго наказать за помѣщеніе такихъ статей. Мейеръ обѣщалъ опровергнуть статью въ своей газетѣ и разыскать, почему ему приписали такое сообщеніе. Министръ сказалъ, что онъ хотѣлъ уже уволить въ отставку цензора за такую небрежность, и

Digitized by Google

совѣтовалъ редактору быть очень осторожнымъ. И все это изъ-за пустѣйшаго извѣстія! И намѣстникъ Польши, полководецъ, кого-то разбивавшій, герой, гдѣ-то побѣждавшій, не затруднился обвинить газетную утку въ томъ, что она усложняетъ его политику. Но что всего любопытнѣе: оказалось, что эта утка вылетѣла изъ его собственнаго гнѣзда. Нелѣпое извѣстіе, на которое не стоило обращать вниманія, появилось первоначально въ польскомъ «Варшавскомъ Дневникѣ». Мейеръ прибавляетъ, что Валуевъ никогда такъ не смѣялся, какъ при этомъ открытіи, и сожалѣетъ, что ему неизвѣстно, какой отвѣтъ далъ Валуевъ графу Бергу по поводу этой исторіи, которую называетъ, однако, трагикомическою. Вѣрнѣе всего, что она разыгралась трагически для варшавскихъ чиновниковъ, такъ какъ была сочинена въ собственной канцеляріи намѣстника, на его глазахъ, близкими ему лицами. Въ январѣ 1874 года, графъ Бергъ былъ приглашенъ въ Петербургъ на свадьбу дочери императора, но передъ самой свадьбой онъ уже лежалъ въ гробу, осыпанный букетами фіалокъ, выписанными его почитателями изъ Алжира. Что, еслибы всѣ эти сильные міра сего почаще думали, при жизни ихъ, о томъ, что лѣтъ черезъ 15 — 20 послѣ ихъ смерти, никто и вспоминать не будетъ объ ихъ политической дѣятельности, и что имена ихъ дадутъ только поводъ къ анекдотамъ, въ родѣ этого qui pro quo?!

В. Зотовъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

СТРАННАЯ ИСТОРІЯ
М-РА РОБЕРТА ДЭЛЯЙЛЯ.

Романъ **Олифантъ.**

VI.

Было совершенно естественно что м-ръ Веддерборнъ занялся дѣлами своего друга. Онъ былъ много разъ повѣреннымъ Дэляйля, зналъ всѣ его дѣловыя связи и отношенія, источники его доходовъ, размѣры его состоянія, которое Дэляйль сильно пріумножилъ за послѣдніе годы и, наконецъ, погубилъ рискованными предпріятіями. Никто лучше его не могъ понять, что только при помощи страховой преміи, явившейся такъ кстати, можно было поправить дѣла Уальтона, совершенно запутавшіеся, благодаря внезапной смерти и разоренію владѣльца. Только онъ одинъ могъ свести концы съ концами, устроить такъ, чтобы м-съ Дэляйль съ дочерьми пользовалась прежнимъ комфортомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не пострадали интересы Фреда, какъ будущаго уальтонскаго владѣльца. Было очевидно, что строй жизни долженъ измѣниться, что м-съ Дэляйль принуждена будетъ или переселиться въ собственный домъ, или остаться у Фреда, въ качествѣ его домоправительницы, до того времени, когда онъ женится и ей опять таки придется отъ него переѣхать—положеніе, слишкомъ унизительное для владѣлицы Уальтона, по мнѣнію добраго стряпчаго. М-съ Дэляйль не думала объ этомъ. Ей не приходило въ голову, что домъ перестанетъ ей принадлежать, какъ только Фредъ сдѣлается его хозяиномъ. Но м-ръ Веддерборнъ ревниво оберегалъ ея достоинство, и чувство нѣжной деликатности, которой никто не подозрѣвалъ въ старомъ, сухомъ сердцѣ Пета Веддерборна, было жестоко уязвлено мыслью, что женщина, которую онъ

Digitized by Google

такъ долго обожалъ, будетъ зависѣть отъ каприза мальчика, отъ его произвола. Развѣ не довольно того, что она пережила такую страшную потерю? Къ чему же еще терпѣть униженіе, уступать власть Фреду, жить у него въ домѣ изъ милости? М-съ Дэляйль, повидимому, не тревожилась этимъ, но ея престарѣлый рыцарь и защитникъ считалъ своимъ долгомъ неусыпно отстаивать ея интересы и права. Надо было удивляться, что м-ръ Веддерборнъ, никогда не извѣдавшій сладостей семейнаго очага и лишь видѣвшій ихъ со стороны у своихъ друзей и, главнымъ образомъ, въ Уальтонѣ, такъ скоро вошелъ въ роль покровителя семьи.

Конечно, онъ не пріѣзжалъ каждый день ночевать въ Уальтонъ, какъ бѣдный Дэляйль, но проводилъ тамъ, по крайней мѣрѣ, половину своихъ вечеровъ, интересовался хозяйственными мелочами, спрашивалъ, что надо было купить, старался, чтобы все было по вкусу матери и дочерямъ, дѣлалъ все это съ той любящей фамильярностью, которая была и забавна, и трогательна въ одно время. Даже отецъ не могъ быть внимательнѣе къ дѣтямъ, чѣмъ м-ръ Веддерборнъ къ Сизи и Алисѣ. Онъ помнилъ ихъ вкусы, схватывалъ налету случайно выраженныя желанія, чѣмъ изумлялъ даже дѣвочекъ, хотя онѣ привыкли, чтобы всѣ ихъ маленькія прихоти исполнялись. Что касается м-съ Дэляйль, то никогда еще женщина не была окружена такимъ вниманіемъ и заботами, какія выказывалъ ей этотъ старый другъ дома и опекунъ ея дѣтей. Ея вкусы и желанія были для него священны; никогда еще не жилось такъ легко обитательницамъ Уальтона. При его появленіи, каждый ожидалъ чего нибудь пріятнаго—книги или какой нибудь бездѣлушки. Всѣ смотрѣли на м-ра Веддерборна, какъ на роднаго, и его преданность принималась, какъ должное.

Невозможно описать, какъ было сладостно для стараго Пета Веддерборна чувствовать себя какъ бы мужемъ и отцомъ. Онъ давно привыкъ считать Уальтонъ своимъ домомъ. Но его визиты туда, правда, частые и всегда пріятные для хозяевъ, находились въ зависимости отъ приглашеній и, хотя только съ виду, носили церемонный оттѣнокъ. Теперь церемоніи не существовало: двери Уальтона были всегда для него открыты. Тамъ были его питомцы, требовавшіе заботъ: мать—не менѣе дѣтей. Пожилой холостякъ былъ счастливъ, какъ ребенокъ, что

Digitized by Google

къ нему постоянно обращались за совѣтами и что всѣмъ была необходима его мужественная помощь.

Такимъ образомъ продолжала идти жизнь Уальтона и совершеннолѣтіе Фреда нисколько не нарушило ея теченія. Конечно, со временемъ онъ долженъ будетъ жениться и избрать карьеру. Но пока онъ все еще чувствовалъ себя, въ двадцать одинъ годъ, такимъ же мальчикомъ, какъ и въ двадцать лѣтъ. Ему и въ голову не приходило спорить съ матерью изъ-за власти, выгонять ее изъ дома только потому, что юридически онъ сдѣлался владѣльцемъ и стремится къ неограниченной свободѣ. Юноши, воспитанные такой деликатной и нѣжной матерью, какъ м-съ Дэляйль, не чувствуютъ на себѣ давленія родительской власти. Фредъ былъ всегда свободенъ, и права наслѣдника не могли сдѣлать его болѣе независимымъ.

Старая Жанета, которой тщательно избѣгалъ Фредъ, продолжала вести уединенную жизнь, и м-ръ Веддерборнъ едва ли помнилъ объ ея существованіи. Что касается Фреда, то его безпокойства и тревоги, имѣвшія таинственную связь съ Жанетой, понемногу улеглись. Время, сглаживающее все, оказало и на нихъ свое дѣйствіе: утихла постепенно острая боль сожалѣній о томъ, кто уже болѣе года покоился въ могилѣ. Если и была какая нибудь тайна въ трагической смерти Роберта Дэляйля, волны схоронили ее навѣки, а молодость помогла Фреду перенести эту ужасную потерю. Онъ рѣшилъ возвратиться въ Оксфордъ въ концѣ перваго же года, а вотъ уже кончается и второй; снова наступилъ октябрь съ его короткими днями и бурнымъ небомъ, а онъ все еще бездѣльничаетъ здѣсь! Вакаціи этого года были особенно пріятны Фреду, потому что м-съ Дэляйль принуждена была окончить свое вдовье затворничество—Сизи выросла, надо было ее вывозить. М-съ Дэляйль ничего не имѣла противъ этого. Хотя мирная семейная жизнь вполнѣ удовлетворяла ее, но она считала не лишнимъ нѣкоторое разнообразіе, тѣмъ болѣе, что горе ея утихло, и она снова стала улыбаться. А Сизи, въ пылу первыхъ выѣздовъ (хотя они ограничивались однимъ Эдинбургомъ) сіяла отъ счастья.

Такъ шло время въ этой счастливой семьѣ, между тѣмъ какъ октябрьскія тѣни все удлинялись, и Фредъ, передъ концомъ вакацій, спѣшилъ напослѣдокъ повеселиться, а затѣмъ

Digitized by Google

уже ѣхать въ Оксфордъ. Товарищи Фреда пріѣхали къ нему на охотничій сезонъ, дѣвушки радовались пріятному обществу. М-ръ Веддерборнъ еще усерднѣе прежняго помогалъ м-съ Дэляйль принимать гостей и раздѣлялъ всѣ ея заботы. Пять дней въ недѣлю проводилъ онъ въ этомъ домѣ, который почти считалъ своимъ, и съ каждымъ днемъ находилъ все новую прелесть въ обществѣ подростающей молодежи и въ бесѣдѣ съ ихъ матерью. Пока молодежь веселилась, онъ считалъ своимъ долгомъ сидѣть возлѣ м-съ Дэляйль, и стараться по мѣрѣ силъ, чтобы она не замѣчала отсутствія хозяина. Они бесѣдовали,—какъ могутъ бесѣдовать только, старые друзья,—о городахъ, гдѣ бывали; о людяхъ, которыхъ знали; о характерѣ и наклонностяхъ дѣтей; о томъ, какъ было бы пріятно Роберту видѣть ихъ такими счастливыми; о скотоводствѣ на маленькой Уальтонской фермѣ, или о новой арендѣ, о парламентскихъ выборахъ, о пребываніи королевы въ Эдинбургѣ—обо всемъ, что только интересовало ихъ скромный міръ. Эти разговоры были очень пріятны для обоихъ собесѣдниковъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, м-съ Дэляйль ушла распорядиться по хозяйству, а м-ръ Веддерборнъ вышелъ на террасу полюбоваться восходящей луной и насладиться чуднымъ вечеромъ, какіе рѣдко бываютъ въ это время года. Ночь была тихая и удивительно теплая. Желтые оттѣнки богатой осенней листвы были замѣтны даже при лунномъ свѣтѣ, и лишь красные и бурые тоны сливались во тьмѣ. Тишина казалась безконечной; небо сіяло прозрачной чистотой; скользили облака, легкія, какъ воздухъ; вѣтеръ казался дыханіемъ ночи. Было такъ тепло, что онъ безъ колебанія сѣлъ на скамью, хотя въ пятьдесятъ пять лѣтъ остерегаются сидѣть на открытомъ воздухѣ въ октябрѣ, даже днемъ. Но вечеръ былъ удивительно нѣжный, и таковы же были размышленія м-ра Веддерборна. Ихъ нельзя было назвать сантиментальными, еще менѣе страстными. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что имѣлъ—близостью этой милой семьи, привязанностью дѣтей, довѣріемъ и дружбой ихъ матери. Онъ былъ совершенно удовлетворенъ тѣмъ, что могъ бывать здѣсь, приносить имъ пользу, наслаждаться ихъ обществомъ. Съ чувствомъ величайшаго довольства сидѣлъ онъ здѣсь, прислушиваясь къ звукамъ молодыхъ, веселыхъ и серебристыхъ голосовъ, доносившихся изъ бильярдной, гдѣ собра-

Digitized by Google

лись дѣвушки и Фредъ съ товарищами. М-ръ Веддерборнъ подозрѣвалъ, что между хорошенькой Сизи и однимъ изъ молодыхъ людей завязывается нѣчто поболѣе простой дружбы—дорогая крошка Сизи, которая такъ любитъ выдумывать разныя мудреныя слова и которую старый другъ ея отца поправляетъ съ неизмѣнной ворчливой нѣжностью!

Онъ сидѣлъ, такимъ образомъ, наслаждаясь уединеніемъ и своими собственными мыслями, когда вдругъ увидѣлъ, точь въ точь какъ Фредъ, высокую фигуру, какъ бы выросшую изъ земли—призракъ, но только призракъ очень похожій на реальное существо. М-ръ Веддерборнъ не былъ суевѣренъ и, при видѣ незнакомой фигуры, приближавшейся къ нему, только удивился. Онъ всталъ навстрѣчу, предполагая, что это можетъ быть воръ, украдкой изучающій расположеніе дома, чтобы легче было въ него забраться ночью, или, можетъ быть, кто нибудь изъ прислуги, пользуясь темнотой, спѣшитъ на свиданіе. Но фигура нисколько не испугалась при видѣ м-ра Веддерборна, и онъ успѣлъ разглядѣть, что это была высокая старуха, въ большой шали и бѣломъ чепцѣ. Даже теперь онъ не узналъ старой Жанеты, которую видѣлъ мелькомъ. Поровнявшись съ нимъ, она остановилась и медленно поклонилась, опираясь на палку. Было темно, и онъ не могъ разглядѣть ея лица.

— Вамъ что нибудь нужно мнѣ сказать, моя милая? — спросилъ м-ръ Веддерборнъ.

— Да, сэръ,—отвѣчала старуха,—такъ точно. Вы, можетъ быть, не знаете меня. Я Жанета Меклейстеръ, та, что̀ няньчила м-ра Роберта Дэляйля.

— Я много слышалъ о васъ — отозвался м-ръ Веддерборнъ—и радъ бы васъ видѣть, Жанета, еслибы не мѣшала темнота. Да и годы ваши не такіе, чтобы выходить въ поздній часъ. Если вы хотите что нибудь сказать мнѣ, намъ лучше перейти въ библіотеку или прихожую.

— Сэръ, то, что̀ я хочу сказать вамъ, не надо слышать постороннимъ. Я пришла сюда нарочно, чтобы никто не подозрѣвалъ и не слышалъ, на что я рѣшилась; я должна такъ поступить, хотя не могу объяснить вамъ почему.

— Это звучитъ очень таинственно,—замѣтилъ м-ръ Веддерборнъ,—но, надѣюсь, не заключаетъ въ себѣ ничего дурнаго.

Digitized by Google

— М-ръ Веддерборнъ,—начала Жанета,—вы очень часто бываете въ нашемъ домѣ.

— Какъ! въ вашемъ домѣ? — смущенно повторилъ м-ръ Веддерборнъ.—Ахъ, вы, вѣроятно, говорите про Уальтонъ! И что же, вы имѣете что нибудь противъ моихъ посѣщеній?

— Да, сэръ,—твердо произнесла Жанета, — имѣю очень много. Извѣстно ли вамъ, м-ръ Веддерборнъ, что моя барыня еще очень молодая женщина (для такихъ большихъ дѣтей), что она вдова, что некому защитить ея доброе имя, а тутъ еще вы, человѣкъ неженатый, и каждую ночь въ ея домѣ! Охъ, нечего смѣяться, все это очень серьезно. Вы здѣсь съ утра до ночи и съ ночи до утра (тутъ у несчастнаго м-ра Веддерборна вырвался протестъ:—«Нѣтъ, нѣтъ!») Будьте же справедливы и скажите мнѣ, положа руку на сердце, что̀ должны подумать люди обо всемъ этомъ?

— Что должны подумать?—дрожащимъ голосомъ повторилъ м-ръ Веддерборнъ.—Вы, должно быть, не въ своемъ умѣ, старуха. Что̀ вы хотите сказать? И что̀ могутъ подумать люди, кромѣ того, что я преданный другъ семейства и считаю своимъ долгомъ бывать здѣсь?

— О, сэръ, этимъ объясненіемъ никого не убѣдишь. Не за дѣломъ вы сюда являетесь. А я состарилась въ этомъ домѣ и мнѣ больно видѣть, что моя барыня попала въ такое положеніе; я должна ее защитить. Сэръ, моя барыня — красивая и пріятная женщина.

— Ничего не могу возразить противъ этого.

— И не стара годами. Да и вы-то, сказать правду, еще молодой человѣкъ.

— Весьма обязанъ вамъ за комплиментъ, Жанета.

— Не воображайте, сэръ,—строго сказала Жанета,—отдѣлаться одними смѣшка́ми. Я не буду молчать, когда обижаютъ мою барыню. Подумавши, вы и сами поймете, что она не молоденькая дѣвочка, за которою можно ухаживать всѣмъ. Невозможно допустить, чтобы о ней стали сплетничать по всему околодку. Я не желаю, чтобы мою барыню осуждали, и положу этому конецъ!—возбужденно закончила Жанета и ударила палкой по землѣ.

М-ръ Веддерборнъ смотрѣлъ на эту старуху, стоявшую передъ нимъ съ угрожающимъ видомъ и съ головой, трясущейся

Digitized by Google

отъ старости и гнѣва. Ему было и смѣшно, и досадно, а въ то же время онъ былъ встревоженъ. Его положеніе было и забавно, и непріятно. Онъ былъ внезапно пробужденъ отъ своихъ счастливыхъ грёзъ, и кѣмъ же? старой, выжившей изъ ума, нянькой! Это было нелѣпо, комично, и тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ, что въ ея словахъ была доля правды.

— Моя милая Жанета,—произнесъ онъ наконецъ,—не думаете ли вы, что зашли слишкомъ далеко? Я бывалъ здѣсь также часто и при жизни Роберта Деляйля.

— Нѣтъ, м-ръ Веддерборнъ, и въ половину не такъ часто.

— Глупости, моя милая! Напротивъ, еще чаще теперешняго. И вообще я не обязанъ давать вамъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Мнѣ и въ голову не приходило,—продолжалъ онъ взволнованнымъ тономъ,—думать о... Нѣтъ, вы просто глупы, Жанета! Я ихъ опекунъ, самый ближайшій другъ. Какъ у васъ повернулся языкъ сказать хоть слово противъ моихъ визитовъ? Я не буду жаловаться вашей госпожѣ, но попрошу васъ воздержаться отъ подобныхъ замѣчаній, или...

— Сэръ!—закричала Жанета,—не грозите мнѣ, вы здѣсь не хозяинъ.

— Да, я здѣсь не хозяинъ,—согласился м-ръ Веддерборнъ,—но если хоть одна душа осмѣлится распускать грязныя сплетни... Нѣтъ!—перебилъ онъ себя, сдерживаясь,—не стану бранить васъ. Вы просто заблуждаетесь. Вы говорили, вѣроятно, съ добрымъ намѣреніемъ, но только прошу васъ никогда не повторять ничего подобнаго.

— О, сэръ!—вскричала Жанета,—человѣческое сердце такъ обманчиво. У меня еще достаточно силы, чтобы стать передъ вами на колѣни и умолять васъ—умолять Христомъ Богомъ,—чтобы вы уходили изъ этого несчастнаго дома, пока не поздно!

— Она помѣшалась!—сказалъ м-ръ Веддерборнъ.

Но онъ былъ смущенъ и разстроенъ, когда черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ гостинную. Онъ молчалъ весь остальной вечеръ, украдкой бросая на присутствующихъ робкіе взгляды, то краснѣя, то блѣднѣя, то начиная смѣяться безъ всякой причины.

— Я боюсь, что вы простудились, м-ръ Веддерборнъ,—сказала м-съ Дэляйль.—Въ октябрѣ нельзя сидѣть по вечерамъ на открытомъ воздухѣ.

Digitized by Google

— Не думаю, чтобы я простудился,—отвѣтилъ м-ръ Веддерборнъ,—но, съ вашего позволенія, я удалюсь въ свою комнату—мнѣ надо кое-чѣмъ заняться.

Это было такъ не похоже на него, что всѣ подумали, не случилось ли чего нибудь особеннаго. «Можетъ быть, непріятное извѣстіе? Или какая нибудь неудача въ дѣлахъ? Или онъ чѣмъ нибудь раздосадованъ»?—думала м-съ Дэляйль. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ не такой, какъ всегда.

Это правда, онъ былъ не такой, какъ всегда. Придя въ свою комнату, онъ бросилъ стыдливый взглядъ въ зеркало и залился тихимъ, продолжительнымъ смѣхомъ.—«Хорошенькій мальчикъ, нечего сказать!»—подумалъ онъ. И потомъ вдругъ сдѣлался серьезенъ, такъ серьезенъ, какъ никогда не былъ даже въ самыя тяжелыя минуты своей жизни.

VII.

Лишь весной, когда Фредъ пріѣхалъ изъ Оксфорда, ему стали извѣстны слухи, уже давно ходившіе по сосѣдству и обсуждавшіеся въ гостинныхъ Эдинбурга,—о томъ, что его мать готовится вторично выйти замужъ. Онъ замѣтилъ по возвращеніи, что сестры были немного пасмурны и какъ бы сдержаннѣе обыкновеннаго, а на лицѣ его матери вспыхнулъ румянецъ тягостнаго смущенія. Не легко человѣку, возвратившемуся домой послѣ долгаго отсутствія, сразу понять, что̀ означали эти сдержанные отвѣты и опущенные глаза—были ли они слѣдствіемъ пустой домашней ссоры, или знаменовали собой что нибудь болѣе важное. Онъ подумалъ сначала, что, можетъ быть, строптивая Сизи не поладила въ чемъ нибудь съ матерью и со своимъ обычнымъ своеволіемъ разрушила материнскіе планы и надежды; или, можетъ быть, ее тревожили арендаторы, оттягивая арендную плату или требуя какихъ нибудь перестроекъ на фермахъ, и онъ мысленно удивлялся, почему «старый» Веддерборнъ не позаботился избавить ее отъ этихъ хлопотъ. Но оказалось, что не это было причиной необъяснимаго для Фреда настроенія, царившаго въ семьѣ. Когда онъ схватилъ Сизи за руку и, отведя ее въ сторону, спросилъ:—«Въ чемъ дѣло»?—она вырвалась отъ него съ восклицаніемъ:—«О, Фредъ, не спрашивайте меня»! и убѣжала, оставивъ его

Digitized by Google

въ еще большемъ недоумѣніи. Что это значитъ? Молодому человѣку казалось, что, въ этотъ первый вечеръ пріѣзда, его всѣ избѣгали. Мать не позвала его въ свою комнату, чтобы засыпать безчисленными вопросами, какъ дѣлаютъ всѣ нѣжныя матери.—«Ахъ, опять этотъ несносный экзаменъ»!—говорилъ онъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ; но теперь, не получивъ приглашенія отъ матери, онъ былъ непріятно пораженъ. Чѣмъ объяснить, что мать не пожелала видѣть его наединѣ и что дѣвочки пугались его разспросовъ? Фредъ почувствовалъ сильное недовольство и рѣшительно не зналъ, чѣмъ объяснить такое странное поведеніе домашнихъ. Вдругъ его поразила мысль, что старый Петъ Веддерборнъ,—какъ онъ безцеремонно называлъ стряпчаго,—не явился встрѣтить его сегодня.

— Вотъ оно что!—вскричалъ онъ.—Я чувствовалъ, что чего-то не хватаетъ, но никакъ не могъ вспомнить: чего именно. Куда дѣвался старый Петъ?

— Не мѣшало бы, Фредъ, отзываться почтительнѣе о нашемъ лучшемъ другѣ,—съ упрекомъ сказала ему мать; но не подняла на него глазъ и румянецъ сгустился на ея лицѣ, склоненномъ къ работѣ. А Сизи рѣзко отодвинула свой стулъ и сѣла почти спиной къ матери. Фредъ сейчасъ же понялъ, что старый Петъ чѣмъ-то обидѣлъ Сизи, и очень удивился, потому что она была всегдашней любимицей м-ра Веддерборна.

— О, я, кажется, довольно почтителенъ,—возразилъ онъ.—Я не сказалъ ничего обиднаго. Безъ него домъ какъ-то скученъ. Почему его нѣтъ здѣсь сегодня?

— Онъ не бываетъ у насъ такъ часто, какъ прежде,—отвѣчала м-съ Дэляйль, все еще не поднимая глазъ отъ работы,—но онъ будетъ завтра и самъ скажетъ вамъ обо всемъ, Фредъ.

— Развѣ что нибудь случилось?—спросилъ онъ, озадаченный тѣмъ, что сестры, всегда такія болтливыя и вмѣшивавшіяся во всякіе разговоры, теперь сидѣли, молчаливыя и неподвижныя, какъ истуканы: Сизи—отвернувъ голову, Алиса—погруженная въ книгу, которую держала такимъ образомъ, что совершенно скрывала свое лицо.

— Я прошу,—сказала м-съ Дэляйль, нѣсколько повышеннымъ и повелительнымъ тономъ, какъ будто ожидала возраже-

Digitized by Google

нія,—я прошу не говорить объ этомъ ни слова до завтрашняго вечера.

— О, если вы намекаете на меня, мама, то можете быть увѣрены, что я не заговорю объ этомъ до... до страшнаго суда!

— Сизи!—вскричалъ Фредъ, пораженный ея выходкой. Но Сизи, вмѣсто отвѣта, выбѣжала изъ комнаты, красная отъ гнѣва и упрямства, какихъ еще не приходилось видѣть Фреду въ своей тихой семьѣ. Алиса быстро послѣдовала за сестрой, и Фредъ подумалъ, что теперь, по крайней мѣрѣ, настала удобная минута спросить объясненія.

— Должно быть,—началъ онъ,—старый Петъ пожурилъ за кокетство маленькую Сизи...

Но онъ еще не успѣлъ договорить, какъ м-съ Дэляйль встала съ мѣста, и, стоя къ нему спиной, начала собирать работу.

— Простите меня, мой дорогой мальчикъ,—сказала она,—что я не хочу говорить объ этомъ сегодня. Я немного утомлена и разстроена. Мнѣ надо еще пойти взглянуть на этихъ дѣвочекъ. Къ тому же, теперь довольно поздно, и хотя вы только что пріѣхали, я едва ли успѣю опять спуститься въ гостинную. Съ дороги вамъ надо лечь пораньше, Фредъ.

— Съ дороги!—вскричалъ онъ, разсерженный и приведенный въ отчаяніе.—Къ чему тутъ моя дорога? Но, правда, вы утомлены, матушка. Въ такомъ случаѣ, я приду въ вашу комнату и мы поболтаемъ передъ огнемъ.

— Но только не сегодня,—сказала она, цѣлуя его. Съ минуту она стояла, нѣжно проводя рукой по его плечу.—Я знаю, Фредъ, это должно казаться вамъ страннымъ, но... не сегодня, не сегодня.

Дѣйствительно, положеніе матери, которая должна объявить взрослому сыну, что она собирается вторично замужъ—довольно затруднительно. М-съ Дэляйль выходила замужъ не по страсти, какъ выходятъ молоденькія дѣвушки, ожидающія неземнаго блаженства со своимъ избранникомъ. Она рѣшилась на этотъ шагъ, совершенно логичный и естественный, отчасти потому, чтобы имѣть опору, а отчасти для того, чтобы заглушить сплетни, которыя (какъ она слышала) возбуждало въ обществѣ постоянное присутствіе м-ра Веддерборна въ ея домѣ. Она смо-

Digitized by Google

трѣла на своего будущаго супруга дружески и спокойно. А м-ръ Веддерборнъ, напротивъ, не могъ удовлетвориться одной дружбой, не смотря на свои пятьдесятъ пять лѣтъ. Онъ искалъ м-съ Дэляйль, какъ любимой женщины, и, можетъ быть, ей было пріятно сознавать, что въ ея зрѣлые годы она еще можетъ нравиться. Онъ убѣждалъ ее, что этотъ союзъ тѣснѣе свяжетъ семью, и ничѣмъ существенно не измѣнитъ ихъ отношеній. Разница будетъ заключаться лишь въ томъ, что онъ будетъ пріѣзжать сюда по праву, а не какъ гость, и въ томъ, что интересы ея семьи сдѣлаются для него еще дороже прежняго. Онъ говорилъ все это, чтобъ успокоить ее и заставить согласиться на его предложеніе. Но еслибы она только знала, сколько изъ-за этаго выдетъ непріятностей—размолвка съ дѣвочками, жестокая необходимость сказать обо всемъ Фреду! Нѣтъ, послѣднее окончательно невозможно. Она намѣревалась объясниться съ Фредомъ по его пріѣздѣ, но теперь бодрость оставила ее. Сказать взрослому сыну, что выходитъ замужъ! Нѣтъ, нѣтъ, она не въ силахъ сдѣлать этого. И еще когда не прошло двухъ лѣтъ послѣ смерти его отца!—«О»!—говорила она себѣ:—«но въ этомъ вѣдь нѣтъ никакой обиды Роберту»! И все же она не имѣла мужества объясниться съ Фредомъ.

Фредъ не зналъ, что̀ и думать. Онъ былъ раздосадованъ и пораженъ страннымъ пріемомъ, который встрѣтилъ дома. Первый вечеръ по пріѣздѣ всегда бывалъ такъ пріятенъ: дѣвочки не отставали отъ него ни на шагъ, засыпая его вопросами, болтая безъ умолку, а мать сіяла отъ радости, что снова видитъ всю семью въ сборѣ. А теперь онъ былъ покинутъ одинъ; лампы горѣли и мигали какъ-то многозначительно, словно понимали, въ чемъ дѣло; часы насмѣшливо тикали на каминѣ. Вошелъ дворецкій съ чайнымъ подносомъ и съ удивленіемъ оглядѣлся вокругъ, видя, что никого нѣтъ. Потомъ задумчиво покачалъ головой и ушелъ, оставивъ серебряный чайникъ кипѣть на спиртовой лампѣ. И дворецкій зналъ что-то. Даже паръ изъ чайника насмѣшливо клубился въ лицо Фреду. Всѣ знали—только молодой хозяинъ дома не зналъ ничего и даже не подозрѣвалъ, въ чемъ заключается тайна.

Ему, однако жь, не суждено было провести эту ночь въ неизвѣстности. Поднявшись на верхъ и проходя съ чувствомъ обиды мимо запертыхъ дверей, ведущихъ въ спальни матери

Digitized by Google

и сестеръ, онъ услышалъ, что кто-то шопотомъ позвалъ его съ дальняго конца коридора. Подумай онъ съ минуту—онъ догадался бы, кто его звалъ. Но въ своей тревогѣ онъ былъ неспособенъ размышлять; быстро повернувшись, онъ пошелъ на зовъ, надѣясь встрѣтить кого нибудь изъ сестеръ, и, лишь очутившись передъ старой Жанетой, понялъ свою неосторожность.

— Сказала она вамъ, м-ръ Фредъ?—прошептала старуха, приблизивъ къ самому лицу молодаго человѣка свою трясущуюся голову въ огромномъ бѣломъ чепцѣ.

— Что сказала?—нетерпѣливо крикнулъ Фредъ.

— О, мой добрый барчукъ, не выходите изъ себя—вамъ необходимо имѣть побольше терпѣнія. Вѣдь она выходитъ замужъ за Пета Веддерборна!

У Фреда вырвался хриплый крикъ, проникшій черезъ запертую дверь въ комнату м-съ Дэляйль,—которая, услышавъ его, задрожала,—и къ Сизи, въ отчаяніи сидѣвшей передъ огнемъ, безъ своего брата. Ни минуты не сомнѣвался Фредъ въ словахъ старой Жанеты. Теперь все становилось понятнымъ. Но онъ съ гнѣвомъ и ненавистью отшатнулся отъ зловѣщей старухи.—Это все дѣло вашихъ рукъ!—вскричалъ онъ съ горечью. За что онъ ненавидѣлъ Жанету? Какъ могло это быть дѣломъ ея рукъ? спрашивалъ онъ себя впослѣдствіи. Но въ тотъ моментъ обезумѣвшему юношѣ казалось, что это дряхлое существо было воплощеніемъ неумолимаго рока—злѣйшимъ врагомъ, а не другомъ дома. Не ожидая отвѣта, онъ бросился въ свою комнату и заперся на ключъ, словно какое нибудь несчастіе гналось за нимъ по пятамъ. Замужъ!—его мать, жена его отца, «величайшій авторитетъ въ его жизни, идеальная, безупречная женщина». Этотъ послѣдній ребяческій крикъ переполнилъ чашу. Юноша упалъ на постель и спряталъ лицо въ подушку.

М-ръ Веддерборнъ явился на слѣдующій день, смущенный не менѣе м-съ Дэляйль, и былъ немного уязвленъ холодной сдержанностью Фреда, съ которой тотъ принялъ его офиціальное объясненіе.

— Вы напрасно думаете, мой мальчикъ, что это измѣнитъ вашу жизнь. Ни для васъ и ни для кого другаго въ этомъ нѣтъ обиды.

Digitized by Google

— Я этого и не говорилъ,—угрюмо отвѣчалъ Фредъ.

— Да, вы не говорили этого, но, повидимому, не одобряете намѣренія вашей матери. Вы не имѣете ни права, ни основанія такъ думать,—продолжалъ м-ръ Веддерборнъ съ негодованіемъ.—Настанетъ день, когда вы сами подумаете о бракѣ и ваша мать безцеремонно будетъ удалена изъ этого дома. Почему она не имѣетъ права подумать о защитникѣ, о мужѣ, который не оставитъ ея въ тяжелые дни и позаботится объ ея комфортѣ? Вашъ отецъ самъ пожелалъ бы этого. Она не въ силахъ одна вынести жизненную борьбу.

— У нея есть дѣти.

— Дѣти? Сизи, которая выдетъ замужъ, какъ только станетъ на ноги ея женихъ; Алиса, которая быстро послѣдуетъ примѣру сестры. А, вы,—ну, скажите, много ли вы проводите времени здѣсь, съ вашей матерью? Мѣсяцъ во время вакаціи—а въ перспективѣ ваша женитьба, за которою послѣдуетъ изгнаніе матери. Нѣтъ, мой милый юноша, нѣтъ! Можете, сколько угодно, быть недовольнымъ, можете поднимать на смѣхъ и ее, и меня... Полно, полно, Фредъ, нечего смотрѣть съ такимъ надутымъ видомъ на вашего стараго и преданнаго друга.

— Я знаю, что вы преданный другъ!—съ чувствомъ воскликнулъ молодой человѣкъ.—Ни минуты не сомнѣвался въ этомъ.

— Но не ожидали, что я такъ далеко простираю свою преданность? Вы ошиблись—какъ видите. И вамъ остается только, мой юный другъ, примириться съ тѣмъ, чего никакія силы, земныя и небесныя, клянусь вамъ, не могутъ предотвратить!—закончилъ старый стряпчій съ нѣкоторой запальчивостью. Многимъ въ Шотландіи было извѣстно, что со старымъ Веддерборномъ шутить несовсѣмъ безопасно.

М-съ Дэляйль, однако, настояла на томъ, чтобы свадьба совершилась не ранѣе, какъ черезъ два года послѣ смерти ея мужа, и, значитъ, впереди предстояло еще нѣсколько мѣсяцевъ безпокойства и семейной неурядицы. Въ домѣ не было согласія. М-ръ Веддерборнъ, который считалъ счастіемъ бывать въ Уальтонѣ, пріѣзжалъ теперь не такъ часто и не казался счастливымъ. Сизи дулась на мать и считала ея поступокъ тѣмъ болѣе оскорбительнымъ для себя, что сама скоро выходила замужъ. Маленькая Алиса не знала, къ какой партіи примкнуть, и хо-

Digitized by Google

дила одинокая и печальная. Предполагаемое замужство матери, которое должно было принести новое счастье, напротивъ, только разстроило семью и сдѣлало всѣхъ несчастными.— «Какъ хорошо было намъ прежде, какъ мы были счастливы»!— втайнѣ вздыхали и сами виновники всѣхъ этихъ безпокойствъ.

Фредъ опять возвратился домой въ іюнѣ, совершивъ обычныя поѣздки и визиты по сосѣдству. Онъ намѣревался недолго прогостить въ Уальтонѣ и уѣхать передъ свадьбой, послѣ которой мать должна была покинуть домъ въ полное владѣніе своего сына. Этотъ послѣдній пріѣздъ въ родительскій домъ былъ не особенно веселъ: м-съ Дэляйль продолжала съ холоднымъ спокойствіемъ исполнять свои обязанности, игнорируя, насколько возможно, враждебное настроеніе дѣтей. Ихъ разговоры были теперь вѣжливы и сухи, между тѣмъ какъ всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ они были такъ счастливы и дружны, такъ весело болтали и смѣялись. М-съ Дэляйль не хотѣла выказать нетерпѣнія и гнѣва, которыя овладѣвали ею, и съ непоколебимой твердостью продолжала игнорировать молодежь. А ея дѣти не имѣли этой твердости, не могли игнорировать свою мать, и съ глупой юношеской дерзостью постоянно старались ее задѣть, говоря между собой такія вещи, на которыя она не могла отвѣчать, не теряя своего достоинства, но которыя уязвляли ее до глубины сердца. Такъ, дѣвочки нерѣдко, взявъ брата подъ руку, тащили его на другой конецъ гостинной и что-то шептали ему на ухо, между тѣмъ какъ мать одиноко сидѣла у стола при свѣтѣ лампы и, повидимому, не обращала на нихъ вниманія. Они были жестоки, эти дѣти, жестоки въ своей неразумной мстительности за ея воображаемую вину. Они не чувствовали къ ней ни малѣйшей жалости, когда она сидѣла, покинутая, и слышала ихъ враждебный шопотъ. М-съ Дэляйль была оскорблена этимъ гоненіемъ. Она уже начинала было сомнѣваться въ благоразуміи задуманнаго ею шага, но теперь, когда дѣти устроили ей оппозицію, ея рѣшеніе сдѣлалось непоколебимымъ, и неожиданно для самой себя она стала съ нетерпѣніемъ ожидать того дня, когда избавится отъ этой домашней тиранiи и вздохнетъ свободно и непринужденно. Такимъ образомъ, обѣ партіи въ этомъ разладѣ страдали одинаково. Постепенно вошло въ привычку не сидѣть долго по вечерамъ въ гостинной, и всѣ спѣшили проститься и разойтись

Digitized by Google

по своимъ комнатамъ, чтобы сократить невыносимо-тоскливые вечерніе часы. Однажды вечеромъ, когда Фредъ, вмѣстѣ съ сестрами, шелъ наверхъ, его остановила—на этотъ разъ открыто—старая Жанета. Она была, по обыкновенію, въ большомъ бѣломъ чепцѣ и старинной шали.

— Не можете ли вы удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ, м-ръ Фредъ,—проговорила она.

— Что вамъ нужно? Мнѣ теперь некогда,—торопливо отвѣчалъ онъ, видя, что Сизи остановилась на ступенькахъ и, высоко поднявъ свѣчу, смотрѣла на него. Она была очень живописна въ своемъ бѣломъ платьѣ, освѣщенная падавшимъ сверху свѣтомъ.

— Мнѣ необходимо видѣть васъ,—свистящимъ шопотомъ сказала Жанета.—Необходимо. Вспомните, что говорилъ вамъ отецъ—теперь это вопросъ жизни и смерти.

— Почему вамъ извѣстно, что говорилъ мнѣ отецъ?

— Ахъ, въ томъ-то и вопросъ. Пойдемте со мной, мой добрый барчукъ... охъ, пойдемте со мной, и вы все узнаете.

Сизи продолжала стоять на верху лѣстницы, высоко держа свѣчу.

— Съ кѣмъ вы тамъ разговариваете въ темнотѣ, Фредъ?—спросила она.

— Ни съ кѣмъ,—поспѣшно отвѣтилъ онъ.

— Ни съ кѣмъ? Да вѣдь это Жанета! И больше никого?

Сизи опустила свѣчу и отвернулась съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Старая Жанета, которую она видѣла каждый день, не представляла для нея ничего интереснаго. Фредъ послѣдовалъ за старухой угрюмо и съ величайшимъ отвращеніемъ. Онъ никогда не сдѣлалъ бы этого, еслибъ Сизи не увидала Жанеты. Ему не хотѣлось, чтобы Сизи замѣтила его отвращеніе къ старой служанкѣ, которую его сестры всегда защищали отъ нападокъ молодой прислуги. Машинально слѣдовалъ онъ за нею, и въ душѣ его опять воскресало недовольное чувство противъ отца, за то что онъ завѣщалъ ему обратиться за совѣтомъ къ Жанетѣ. Подобныя чувства казались оскорбленіемъ тому, чье имя сдѣлалось для Фреда еще болѣе священнымъ теперь, когда въ семьѣ готовились такія перемѣны. Это былъ единственный упрекъ, который могъ сдѣлать Фредъ своему отцу. Слѣдуя за старухой, онъ пытался заглушить непріятное чувство и быть

Digitized by Google

терпѣливымъ съ Жанетой. Она была *его* нянькой и оставалась ему вѣрна всю жизнь. Можетъ быть, ей просто хочется узнать, чѣмъ обезпечатъ ея старость, когда его мать уѣдетъ изъ Уальтона и онъ останется здѣсь полнымъ хозяиномъ. О, конечно, она будетъ обезпечена до конца жизни! Единственное существо, которое осталось *ему* вѣрнымъ. Всѣ измѣнили— и добрый другъ, и любящая жена, только старая нянька не измѣнила. Ради *него* она была предана и его сыну. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, сердце Фреда смягчилось. Онъ почти совсѣмъ побѣдилъ свое отвращеніе, благодарный ей за вѣрность отцу и возмущенный предательствомъ другихъ. И, очутившись въ комнатѣ Жанеты, лицомъ къ лицу съ нею, при свѣтѣ одинокой лампы, онъ отъ всего сердца готовъ былъ предложить старухѣ свою защиту и покровительство. Жанета, однако, и не думала заводить разговоръ о чемъ нибудь подобномъ.

— М-ръ Фредъ,—начала она,—вамъ надо собраться съ духомъ, мой добрый барчукъ. Сегодня вамъ придется узнать страшныя вещи. Соберитесь съ мужествомъ и прочитайте вотъ это.

Фредъ вздрогнулъ при видѣ бумаги, которую Жанета положила передъ нимъ.

— Вижу,—сказалъ онъ,—это писалъ мой отецъ. Но вамъ незачѣмъ показывать мнѣ его письма. Отецъ самъ сказалъ мнѣ, наканунѣ своей смерти...

— Охъ, барчукъ, барчукъ!—вскричала Жанета въ сильномъ волненіи.—Читайте скорѣе, пока я совсѣмъ не потеряла голову!

Онъ взялъ въ руки бумагу. Несомнѣнно—это почеркъ его отца; но Фредъ все еще не подозрѣвалъ истины. Прочитавъ написанное, онъ подумалъ, что совсѣмъ потерялъ голову, какъ говорила Жанета, или грезитъ наяву. «Надо остановить свадьбу моей жены». Что это такое? Человѣкъ, умершій почти два года назадъ, пишетъ о томъ, что происходитъ въ настоящее время? Не сошелъ ли Фредъ съ ума? Или видитъ все это во снѣ? Или, можетъ быть, старуха посредствомъ колдовства заставляетъ его видѣть то, чего нѣтъ? «Надо остановить свадьбу моей жены».—Какъ могъ онъ узнать объ этомъ?—прошепталъ Фредъ побѣлѣвшими губами.—Кто могъ сказать ему про свадьбу?

Онъ повернулъ къ Жанетѣ лицо, лишенное всякаго выраженія, но готовое озариться свѣтомъ ужасной истины.

Digitized by Google

— Охъ, дитя, дитя!—воскликнула Жанета. — Развѣ вы не видите этого?—И дрожащимъ пальцемъ она ткнула въ бумагу, указывая число. Фредъ прочиталъ, потомъ прочиталъ во второй разъ вслухъ, чувствуя необъяснимый ужасъ:

— «3-го іюня 18.. г.» — Это...—началъ онъ,—это...—онъ запнулся и умолкъ. Потомъ, съ нервнымъ смѣхомъ, сказалъ:— Неужели... мы всѣ сошли съ ума и собираемся въ Бедламъ. Это цифра настоящаго года: 18.. г., іюня 3-го...

Старуха вцѣпилась въ него обѣими руками.

— Да, да, — забормотала она,—настоящаго года, и мы не сошли съ ума, хоть я часто, часто готова была помѣшаться. Да, мы не сошли съ ума, и это настоящій годъ, и человѣкъ, написавшій эти слова, теперь здѣсь, въ этомъ самомъ домѣ, м-ръ Фредъ.

Боже, помоги бѣдному юношѣ! Онъ повернулъ къ ней лицо, полное тупаго ужаса, продолжая держать записку въ рукахъ, а въ это время, прорѣзавъ ночную тишину, раздался по всему дому дикій, нечеловѣческій крикъ, продолжавшійся только секунду. Почти тотчасъ же послышался въ коридорѣ шумъ осторожныхъ, заглушенныхъ шаговъ, дверь распахнулась порывисто, но безшумно, и въ комнату, какъ пуля, влетѣлъ какой-то человѣкъ, столько же быстро, сколько и неожиданно. Въ остолбененіи и ужасѣ Фредъ прижался къ стѣнѣ. Вбѣжавшій былъ мужчина съ окладистой бородой, закрывавшей половину лица, но не скрывавшей странной улыбки, мелькавшей на губахъ незнакомца, хотя глаза его были полны почти трагической серьезности. При видѣ незнакомца, Фредъ плотнѣе прижался къ стѣнѣ. Комната начинала кружиться передъ его глазами, темнота охватывала его; съ минуту онъ ничего не видѣлъ. Потомъ онъ медленно пришелъ въ сознаніе и опять увидѣлъ близко отъ себя—такъ близко, что могъ бы прикоснуться къ нему—этого человѣка, котораго никогда не видалъ прежде. Но нѣтъ! могъ ли онъ утверждать, что никогда не видалъ его прежде? Его сердце остановилось—потомъ снова заколотилось съ такой силой, какъ будто хотѣло выскочить изъ груди. Страшное потрясеніе, ужасъ сверхъестественнаго проникли въ мозгъ юноши и почти парализовали его. Ахъ, еслибы это оказалось, дѣйствительно сверхъестественнымъ! Когда это лицо опять выплыло изъ тумана, Фредъ увидѣлъ, что оно было лицомъ живаго человѣка, и услышалъ, какъ этотъ человѣкъ произнесъ:

Digitized by Google

— Вы сказали ему, Жанета?

— Какъ разъ въ эту минуту, когда вы вошли. Оставьте мальчика,—пусть онъ придетъ въ себя. А что вы дѣлали тамъ? Развѣ она...

— Я задалъ ей такого страху, что этой свадьбѣ не бывать,—отвѣчалъ онъ со страннымъ смѣхомъ, рѣзкимъ и суровымъ. Потомъ онъ кинулся въ кресло, сбросивъ темный плащъ, окутывавшій его съ головы до ногъ. Черезъ минуту онъ добавилъ со стономъ: — Путь грѣшниковъ тернистъ! — и закрылъ лицо руками.

Фредъ не двигался и не произносилъ ни слова, а странный незнакомецъ, въ свою очередь, какъ бы не замѣчалъ его присутствія. Молодой человѣкъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, въ какомъ-то полубезчувственномъ состояніи, похожемъ на летаргію или столбнякъ. Бываютъ такія ужасныя мгновенія, которыя кажутся вѣчностью. То, что за минуту было невозможно, сверхъестественно, чудовищно, вдругъ совершилось передъ вами, прежде чѣмъ вы успѣли перевести дыханіе. Его отецъ не умеръ — онъ не безчестный самоубійца, пожелавшій обмануть страховое общество, какъ, одно время, боялся его сынъ—нѣтъ, онъ гораздо безчестнѣе! Онъ живъ, но онъ обманулъ ихъ всѣхъ; онъ обезпечилъ семью и спасъ отъ позора свое имя посредствомъ самаго ужаснаго обмана, самой предательской лжи. Все существо Фреда было возмущено жестокой реакціею; въ душѣ его закипѣла буря, какъ только онъ опомнился и сталъ владѣть своими чувствами. Какія страданія вытерпѣлъ онъ тогда, при мысли, что его отецъ въ отчаяніи могъ рѣшиться на самоубійство, и какъ нѣжно хранилъ онъ память о своемъ отцѣ, какъ негодовалъ на тѣхъ, которые забыли его и измѣнили ему! И всѣ эти страданія было не нужны,— его сыновняя любовь обманута, этотъ человѣкъ живъ. Плутъ, обманщикъ, хуже чѣмъ банкротъ — человѣкъ, который обманомъ спасъ свою репутацію, обманомъ доставилъ средства своей семьѣ, самымъ гнуснымъ и возмутительнымъ обманомъ! Еще сегодня вечеромъ, онъ готовъ былъ защищать отца передъ цѣлымъ міромъ. Теперь же имя отца внушаетъ ему омерзеніе. Отецъ! Кого называть этимъ именемъ? Обманщика, безчестнаго человѣка! Юноша былъ суровъ, какъ всѣ юноши, жестокъ и неумолимъ. Онъ ничего не принималъ въ разсчетъ: ни мотива,

Digitized by Google

ни всей громадности этой ужасной жертвы, принесенной семьѣ, ни того даже, что самъ онъ, Фредъ, получилъ только выгоду отъ этого обмана. Выгоду? Онъ? Фредъ? Его первымъ поступкомъ будетъ донести обо всемъ и предложить возмѣщеніе убытковъ страховому обществу. Бѣглецъ, конечно, долженъ спастись— Фредъ позволитъ это, но ничего болѣе.

Старая Жанета подошла къ нему и положила руку на его плечо.

— О, м-ръ Фредъ, неужели вы не скажете ему ни слова? Ни одного ласковаго слова? О, м-ръ Фредъ, онъ вашъ отецъ! Онъ пожертвовалъ для васъ всѣмъ на свѣтѣ!

— У меня нѣтъ отца, — хрипло отвѣчалъ Фредъ. — Мой отецъ умеръ.

Несчастный человѣкъ отнялъ руки отъ лица, и знакомые глаза,—глаза, которые улыбались Фреду въ дѣтствѣ, но теперь не смѣялись болѣе, трагическіе въ этомъ отреченіи отъ семьи, которое было горше настоящей смерти,—эти глаза обратились на жестокаго разгнѣваннаго мальчика со страннымъ взглядомъ не мольбы, но удивленія. Онъ зналъ, что своимъ поступкомъ нравственно убиваетъ себя—навѣки отрѣзываетъ себя отъ семьи, лишается возможности вновь соединиться съ нею, что онъ умеръ для всего прошлаго; но онъ не ожидалъ услышать отъ своего сына этотъ жестокій приговоръ. Онъ думалъ, что его встрѣтятъ съ изумленіемъ и ужасомъ, но могъ ли онъ предполагать, что Фредъ не выразитъ ни малѣйшей радости при видѣ отца, возставшаго изъ мертвыхъ, не скажетъ ему ни слова? Онъ открылъ лицо и въ нѣмомъ изумленіи смотрѣлъ на сына, который такъ жестоко оттолкнулъ его.

— Мастеръ Фреди, ради бога! Подумайте, что вы говорите... Скажите ему хоть словечко!

— Мнѣ нечего сказать. Черезъ недѣлю, считая отъ нынѣшняго дня, я донесу обо всемъ. Я не хочу быть сообщникомъ обмана. Я любилъ моего отца, который умеръ, и чтилъ его память, но не хочу быть сообщникомъ лжеца. Черезъ недѣлю...

Незнакомецъ не произнесъ ни слова; онъ сидѣлъ, продолжая смотрѣть на юношу, и въ непередаваемомъ выраженіи его глазъ ярче всего выражалось удивленіе. Его мальчикъ! Это было жестоко, безжалостно, безчеловѣчно, но странный незна-

Digitized by Google

комецъ не осуждалъ юноши. Онъ только смотрѣлъ на него съ безграничнымъ удивленіемъ: — его мальчикъ! Фредъ! Онъ не протестовалъ, но сидѣлъ неподвижно, пораженный, недоумѣвающій; даже главная цѣль его визита стушевалась передъ этимъ жестокимъ и неожиданнымъ ударомъ.

Все это время, въ домѣ слышались поспѣшные шаги, звонъ колокольчика и поднялась всеобщая тревога, нарушившая ночную тишину. Потомъ издали донесся голосъ Сизи, звавшей брата: — «Фредъ! Фредъ!» — Сердце юноши забилось отъ сильнаго волненія, какого онъ не испытывалъ ни разу въ жизни.

— Сюда никто не долженъ входить, — заговорилъ онъ, — чтобы не видѣть посторонняго человѣка. Если моя мать слишкомъ напугана, я принужденъ буду все разсказать ей. Но если возможно—я не скажу ничего. Теперь единственная вещь, которую мнѣ остается сдѣлать, это—объявить всѣмъ правду... когда...—Фредъ замолчалъ. Онъ былъ не въ силахъ прямо обратиться къ ужасному призраку. Въ его душѣ было слишкомъ много горечи противъ этого человѣка, осквернившаго память его отца, разрушившаго тотъ идеалъ, которому юноша поклонялся. Послѣ минутнаго колебанія, Фредъ закончилъ: — Когда *онъ* рѣшитъ, какъ ему поступить.

Молодой человѣкъ ушелъ, и въ комнатѣ Жанеты воцарилось страшное молчаніе. Потомъ незнакомецъ проговорилъ задумчивымъ тономъ:

— Такъ вотъ каковъ сталъ Фредъ за эти два года! Какъ видите, Жанета, ваши усилія не увѣнчались успѣхомъ.

— Охъ, мой баринъ, охъ, мой добрый баринъ! Это ничего, онъ просто испуганъ и удивленъ!

— Нѣтъ, Жанета, тутъ не одинъ испугъ — и онъ правъ. Виноваты одни мы—вы и я. И я долженъ пострадать за свою вину. Я отдохну немного на вашей постели, если вы ручаетесь за мою безопасность, а потомъ выду потихоньку черезъ ворота. Это будетъ въ послѣдній разъ — можете сказать объ этомъ мальчику. Я не появлюсь болѣе, и если онъ благоразуменъ, то не станетъ подымать напрасной тревоги.

VIII.

Робертъ Дэляйль украдкой вышелъ изъ дома, который былъ его собственностью и которымъ онъ никогда не будетъ вла-

Digitized by Google

дѣть. По времени это была бы глубокая ночь, еслибы дѣло происходило не въ іюнѣ и не на сѣверѣ Англіи. Было свѣтло, почти какъ днемъ, хотя свѣтъ имѣлъ тусклый жемчужный оттѣнокъ, и эта глубокая, таинственная, почти торжественная тишина ночи, въ соединеніи съ мягкимъ нѣжнымъ свѣтомъ, дѣйствовала на душу еще сильнѣе, чѣмъ ночной мракъ. Дэляйлю казалось, что передъ его взоромъ развертывается обширный пейзажъ, на которомъ виднѣется его собственная одинокая фигура, и его охватилъ внезапный ужасъ при мысли, что онъ—одинъ среди окружающаго безконечнаго молчанія. Онъ не боялся, что его замѣтятъ, какъ не боялся и тогда, когда, подъ прикрытіемъ темноты, проникнулъ въ домъ. Но ему пришло на мысль, что если кто нибудь выглянетъ въ окно, то приметъ его за призракъ, прогуливающійся при свѣтѣ сѣверной ночи. И онъ былъ въ дѣйствительности призракомъ—человѣкомъ, не имѣющимъ ни пріюта, ни собственности на землѣ, покойникомъ, имя котораго начертано на гробницѣ и котораго не признаютъ его родныя дѣти. И, подобно призраку, готовился онъ исчезнуть въ этомъ блѣдномъ туманномъ свѣтѣ безъ тѣней. Никогда не былъ человѣкъ въ положеніи болѣе страннымъ и ужаснымъ! Онъ принесъ въ жертву свою жизнь не посредствомъ самоубійства, какъ опасался его сынъ, но другимъ, еще болѣе чудовищнымъ способомъ. Онъ заживо осудилъ себя на смерть. Онъ два года оставался вычеркнутымъ изъ списка живыхъ. Онъ все потерялъ—и свое имя, и свою личность, и жену, и дѣтей, и домъ, и самое право на существованіе! И, однако, до сихъ поръ онъ не сознавалъ вполнѣ ясно того, что̀ сдѣлалъ. Должно быть, подъ наружнымъ лоскомъ и приличіемъ, этотъ человѣкъ былъ по наклонностямъ сыномъ богемы, искателемъ приключеній, ибо это странное существованіе, эта смерть при жизни показались ему забавными, какъ все новое, не носившее отпечатка будничной жизни.

Даже его внезапное появленіе въ домѣ съ цѣлью испугать жену и заставить ее отказаться отъ замужства, которое было бы незаконнымъ, имѣло характеръ шутки. Но теперь для шутокъ уже не было повода. Онъ видѣлъ жену, видѣлъ сына, понялъ все значеніе своего поступка, видѣлъ его мрачнѣйшую сторону—безчестье и нравственное самоубійство — видѣлъ послѣдствія того, что̀ онъ совершилъ почти съ легкимъ сердцемъ.

Digitized by Google

Да, конечно, онъ — призракъ, возмущающій зрѣніе и леденящій душу тѣхъ, которые ему всего ближе и дороже. «Плутъ»— сказалъ мальчикъ. Былъ ли онъ плутомъ? Разумѣется, страховое общество не выдало бы преміи, еслибы знало истину; но развѣ онъ не заплатилъ за эту премію? Онъ умеръ совершенно кстати. Онъ погибъ ради своихъ дѣтей, принесъ имъ не меньшую, но даже бо̀льшую жертву, чѣмъ еслибы дѣйствительно умеръ и былъ выброшенъ моремъ на пески Портобелло. Тяжело видѣть, что, жертвуя своей жизнью за другихъ, вы только обезславили себя. Робертъ Дэляйль не упрекалъ своего сына. Онъ понималъ чувства Фреда, хотя его сердце болѣло отъ этой сыновней несправедливости. Онъ не сердился на сына и даже, какъ это ни странно, ощущалъ нѣчто, похожее на удовольствіе, при видѣ такого отношенія къ себѣ. Мальчикъ оказывался славнымъ малымъ, съ сильнымъ чувствомъ уязвленной сыновней гордости, и поэтому неумолимымъ—словомъ, такимъ сыномъ, какого пожелалъ бы себѣ всякій порядочный отецъ. Онъ былъ радъ, что Фредъ оказался такимъ честнымъ и твердымъ. Бѣдный Дэляйль, не смотря ни на что, имѣлъ привычки и убѣжденія честнаго человѣка. Онъ не находилъ ничего дурнаго въ своемъ поведеніи. Развѣ онъ не заплатилъ дорогой цѣной за эти деньги? И онъ сдѣлалъ это не для себя, а для дѣтей, для ихъ благосостоянія. Они теперь всѣ счастливы и довольны: жена, которая выбрала ему замѣстителя, не дождавшись и двухъ лѣтъ; мальчикъ, законный наслѣдникъ своего отца. Они окружены довольствомъ и комфортомъ въ Уальтонѣ; они пользуются заслуженнымъ уваженіемъ; они наслаждаются жизнью, а онъ—отверженный, ничего не имѣющій на свѣтѣ, и родной сынъ называетъ его плутомъ! Но онъ не сожалѣлъ о своей жертвѣ. Онъ сожалѣлъ только объ одномъ, что, будучи мертвымъ, вздумалъ явиться сюда. Онъ долженъ былъ идти своей дорогой, жениться въ свою очередь, пріобрѣсти новыя связи, начать новую жизнь. Онъ видѣлъ теперь, что въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго. Онъ удалится какъ можно скорѣе, начнетъ новую жизнь, и на этотъ разъ будетъ совершенно освобожденъ. Кончены всякія связи съ прошлымъ. Она можетъ выходить замужъ, если желаетъ; онъ можетъ жениться. У него нѣтъ ничего общаго съ прошлымъ.

Ему совсѣмъ не слѣдовало являться сюда, и еще съ такой

Digitized by Google

нелѣпой цѣлью. Во всемъ виновата старуха. Съ его стороны было слабостью довѣрить ей тайну, узнавать черезъ нее домашнія новости, проникнуться ея ужасомъ въ виду предстоящей свадьбы. Почему его женѣ не выйти замужъ, если она этого желаетъ? Она была ему доброй женой и теперь овдовѣла. Онъ знаетъ, что м-съ Дэляйль слишкомъ слабаго характера, чтобы прожить безъ защитника и покровителя. Всему виной причуды этой проклятой старухи. Но Дэляйль рѣшилъ, что не станетъ вмѣшиваться болѣе, что пойдетъ своей дорогой и женится также, предоставляя этимъ свободу своей женѣ. На душѣ у него было тяжело, когда онъ принялъ это рѣшеніе, но онъ твердо готовился бороться съ судьбой и отстаивать новую жизнь, если его такъ жестоко и безнадежно лишили всего прошлаго. Мальчику не придется исполнять свою угрозу, если онъ такимъ образомъ удалится безслѣдно и навѣки. Все устроится хорошо, какъ онъ и предполагалъ ранѣе.

Между тѣмъ солнце встало, птицы принялись за свое утреннее веселое щебетанье. Куда онъ шелъ? Отправляясь въ Уальтонъ, онъ оставилъ кое-какія вещи въ маленькомъ уединенномъ трактирѣ на берегу моря. Было еще слишкомъ рано идти туда. Онъ очутился на берегу, самъ не зная какъ. Погруженный въ свои размышленія, онъ забылъ окружающее. Выходившее солнце позлащало берегъ и деревенскія хижины. Влажный воздухъ былъ наполненъ соленымъ запахомъ моря, вѣяло прохладой, свѣжестью, чувствовалась свобода, необъятность той безвѣстной страны, куда ведетъ этотъ великій океанскій путь. Когда Дэляйль вышелъ такимъ образомъ на берегъ, онъ оказался тамъ единственнымъ живымъ существомъ. Онъ сѣлъ отдохнуть на камень. Въ три часа утра здѣсь никого не видно. Сидя тамъ, онъ все передумалъ и обсудилъ снова. Онъ былъ очень одинокъ, но ни на кого не сердился, и едва ли былъ огорченъ, что такъ скоро забытъ. Онъ даже засмѣялся при мысли о старомъ Веддерборнѣ. У него не было мстительнаго чувства ни къ кому. Какъ только въ трактирчикѣ проснутся, онъ пойдетъ туда, возьметъ свои вещи, позавтракаетъ чѣмъ нибудь и затѣмъ, не теряя времени, исчезнетъ, чтобы никогда и ни въ какомъ случаѣ не появляться здѣсь.

Между тѣмъ солнце пригрѣвало все сильнѣе, начинался приливъ, къ берегу заструились легкія волны. Его манило иску-

Digitized by Google

паться на прощанье въ родныхъ волнахъ. Ему вѣдь больше не приведется быть здѣсь! Онъ сбросилъ платье, сложилъ его въ кучу, даже не вспомнивъ о томъ, что однажды уже сдѣлалъ это, и кинулся въ море, сверкавшее подъ лучами солнца. Купанье освѣжитъ его для предстоящаго пути и всякихъ заботъ. Дэляйль плавалъ нѣсколько времени, рѣзвясь и ныряя, какъ ребенокъ, чувствуя необычайную легкость на сердцѣ. Ему все не хотѣлось выходить изъ воды. А сѣверныя моря очень холодны раннимъ утромъ, когда солнце только что встало. Никто не могъ объяснить, какъ все произошло. Можетъ быть, нравственный ударъ, полученный Дэляйлемъ въ эту ночь, повліялъ на его сердце; можетъ быть, у него сдѣлались судороги отъ холодной воды, а вблизи не было никого, чтобы помочь ему. Никто не зналъ этого достовѣрно. Слышенъ былъ только, среди утренней тишины, чей-то крикъ, разбудившій одного человѣка въ трактирѣ, но и тотъ снова заснулъ, потому что крикъ не повторился. Разсказывали еще, что, когда проснулся священникъ въ своемъ домикѣ, стоявшемъ на берегу, онъ одѣлся и, отворивъ окно, сталъ любоваться красотою утра и глубокимъ спокойствіемъ и блескомъ рѣки Фортсъ. Впослѣдствіи ему пришло на мысль, что, должно быть, его пробудилъ крикъ утопающаго, хотя самаго крика онъ не слышалъ. Такимъ образомъ, съ поразительной точностью, повторились всѣ подробности, сопровождавшія и раньше мнимую смерть Дэляйля. Въ газетахъ не преминули замѣтить, что несчастный случай у верховьевъ рѣки Фортсъ имѣлъ необычайное сходство съ печальной катастрофой, происшедшей около двухъ лѣтъ назадъ съ м-ромъ Дэляйлемъ изъ Уальтона, на пескахъ Портобелло. Совпаденіе было поразительное, но потерпѣвшій,—прибавляли въ газетѣ,—оказался иностранцемъ, пріѣхавшимъ наканунѣ вечеромъ и остановившимся въ деревенскомъ трактирѣ. Тѣло нашли среди скалъ, какъ еслибы утопающій силился выбраться на берегъ и хватался за водоросли, покрывавшіе камень, изъ чего можно было заключить, что смерть произошла случайно, хотя утверждать этого съ достовѣрностью, конечно, было невозможно.

IX.

Фредъ направился въ комнату матери, около которой уже столпились встревоженные домочадцы и его сестры вмѣстѣ со

Digitized by Google

своей горничной, между тѣмъ какъ горничная м-съ Дэляйль хлопотала возлѣ своей госпожи. Испуганный дворецкій стоялъ на лѣстницѣ въ ожиданіи, что его пошлютъ за докторомъ, не зная, что̀ и думать, потому что по всему дому уже разнеслась вѣсть, что барыня закричала такъ не спроста и что случилось что-то неладное. Прислуга перешептывалась, что въ аллеѣ опять видѣли всадника, а это не къ добру. Фреда, однако, не пустили къ матери, чему бѣднякъ былъ радъ, потому что еще не оправился отъ ужаснаго потрясенія, которымъ была напугана и его мать. Онъ ушелъ въ свою комнату и старался успокоиться.

О, могъ ли кто нибудь думать, что имя Дэляйля изъ Уальтона покроется безчестьемъ и стыдомъ! Имя его предковъ, рождавшихся среди почета, доблестное имя, которое оставалось незапятнаннымъ въ бѣдности, а теперь погублено ложью и обманомъ! Сердце Фреда замирало отъ ужаса при мысли о томъ, что̀ ему предстоитъ сдѣлать. Онъ первый долженъ заклеймить позоромъ это имя, первый долженъ разсказать ужасную и гнусную исторію. Да, онъ не долженъ колебаться, не долженъ допускать никакой жалости ни къ себѣ, ни къ преступнику. Преступникъ! Теперь, когда Фредъ былъ въ состояніи думать, онъ вспомнилъ, что этотъ преступникъ, котораго онъ даже не рѣшался назвать по имени, котораго оттолкнулъ такъ жестоко и почти съ ненавистью, смотрѣлъ на него и тогда, такими отеческими глазами. Онъ ничего не сказалъ—ни слова въ свою защиту. Но Фредъ чувствовалъ, что, еслибы онъ оставался тамъ еще минуту, онъ не выдержалъ бы—и дорогой, знакомый образъ отца снова овладѣлъ бы его сердцемъ. Преступникъ! Хуже чѣмъ обманщикъ, банкротъ, самоубійца, и однако... такъ похожій... такъ похожій на... О, нѣтъ! онъ не долженъ объ этомъ думать, не долженъ покоряться минутной слабости. Черезъ недѣлю—какъ онъ обѣщалъ—чтобы дать время спастись бѣглецу и не попасть въ руки правосудія... черезъ недѣлю! Уступокъ не можетъ быть въ дѣлѣ совѣсти. Его долгъ ясенъ. Въ умѣ Фреда начали толпиться смутныя, безпокойныя мысли. Среди боли и гнѣва, давившихъ грудь юноши, начинало пробиваться какое-то новое чувство; въ его ушахъ звучали слова, забытыя, но давно знакомыя: «Нѣтъ большей любви, чѣмъ эта». Но вѣдь это было сказано о всемогущемъ,

Digitized by Google

божественномъ страдальцѣ. «Нѣтъ большей любви, чѣмъ эта»,— опять слышалось ему, какъ будто эти слова могли относиться къ грѣшнику, обманувшему своихъ ближнихъ. Эти мысли раздирали на части сердце Фреда. О, какъ онъ былъ жестокъ, какъ безжалостенъ! Ни одного слова отцу, ни одной ласки. И онъ не смѣетъ поддаваться своему чувству, не смѣетъ быть нѣжнымъ. Онъ долженъ заглушить всякую жалость. Черезъ недѣлю! Онъ долженъ обратиться въ камень, ни о чемъ не думать, чтобы не ослабѣла его рѣшимость.

Было уже поздно, когда Фреда позвали къ матери, и онъ отправился на это свиданіе, терзаемый страхомъ и неизвѣстностью. Передъ уходомъ, онъ тревожно заглянулъ въ зеркало, чтобы узнать, не слишкомъ ли блѣдно и взволновано его лицо. Онъ пожалѣлъ въ эту минуту, что не владѣетъ женскимъ искусствомъ, о которомъ онъ слыхалъ—скрывать на лицѣ слѣды волненія. Освѣживъ пылающую голову холодной водой, онъ медленно спустился съ лѣстницы, стараясь собраться съ мыслями и приготовиться къ предстоящему разговору. М-съ Дэляйль была въ постели и ея лицо, на фонѣ красныхъ занавѣсей, казалось смертельно блѣднымъ, а глаза лихорадочно сверкали, какъ и у Фреда. Она схватила его обѣими руками и заставила сѣсть возлѣ себя. Свѣчи еще горѣли, но блѣдный голубой разсвѣтъ пробивался сквозь занавѣси. Она продолжала держать его руку, но нѣсколько секундъ молчала.

— Фредъ, скажите, я ничего не говорила? Вы ничего не слышали отъ другихъ? Они не говорили вамъ, что я...

Она съ усиліемъ втянула воздухъ, какъ бы задыхаясь, и умолкла, но ея глаза и пожатіе руки договорили остальное.

— Я ничего не слыхалъ, матушка, кромѣ того, что вамъ было дурно.

Она снова крѣпко сжала ему руку и сказала:

— Мнѣ не было дурно. Я не противорѣчила имъ, чтобы они не догадались... Но я сдѣлала это, не сознавая зачѣмъ; что-то говорило внутри меня, что будетъ лучше, если меня сочтутъ больной. Но я ни на секунду не теряла сознанія, Фредъ,—вы понимаете, что̀ я говорю? Я не спала, и все это происходило наяву. Вы слушаете меня, Фредъ?

— Да, матушка, но, бога ради, успокойтесь, или вы опять захвораете.

Digitized by Google

— Съ какой стати я захвораю? Я хочу, чтобъ вы меня поняли. Я только притворилась больной—чтобы не возбуждать подозрѣній. Фредъ, мнѣ необходимо доказать вамъ, что я нахожусь въ здравомъ умѣ и говорю совершенно сознательно.

— Я это знаю, матушка,—отвѣтилъ онъ, пожавъ ей руку.

Она сильнѣе ухватилась за руку сына, какъ будто боясь упасть.

— Отлично! — произнесла она съ долгимъ вздохомъ. Потомъ, смотря ему прямо въ глаза, твердо проговорила:—Фредъ, я видѣла вашего отца.

— Матушка!—воскликнулъ онъ.

— Тише... Я такъ и думала, что вы примете меня за сумашедшую. Взгляните на меня. Я взволнована, быть можетъ, но также нормальна, какъ и вы. Я совсѣмъ не думала о немъ въ ту минуту и была въ самомъ безмятежномъ настоеніи, когда вдругъ за занавѣсью увидѣла вашего отца!

— Вы были просто утомлены, матушка, хотя сами не замѣчали этого. Ваши нервы взволнованы моимъ пріѣздомъ, разговоромъ съ дѣвочками, вообще семейными непріятностями, и, возбужденное всѣмъ этимъ, ваше воображеніе...

— Мое воображеніе нисколько не было возбуждено. Не говорите такихъ нелѣпостей. Я видѣла вашего отца также ясно, какъ видѣла его живымъ.

Что могъ сказать на это Фредъ? Онъ ласково погладилъ ея руку и покачалъ головой, не смѣя произнести ни слова.

— Это произошло мгновенно,—продолжала м-съ Дэляйль.—Онъ сказалъ что-то. Мнѣ послышалось, будто онъ произнесъ слово: «свадьба», но отъ испуга я ничего не могла разобрать и закричала не своимъ голосомъ. Вы не можете себѣ представить, какое это было ужасное чувство. Я вообще не люблю кричать, но тутъ не могла удержаться. Онъ тотчасъ же исчезъ, а меня окружили домашніе.

— Это былъ оптическій обманъ, матушка; такъ называются подобныя галлюцинаціи. Это произошло вслѣдствіе непріятностей и волненій, которыя мы причинили вамъ.

— Не говорите пустяковъ. Я видѣла вашего отца такъ ясно, какъ вижу теперь васъ. Фредъ, я еще не все сказала вамъ.— Ея пальцы сильнѣе охватили его руку и она притянула его къ себѣ.—Онъ перемѣнился,—шепнула она.—Онъ сталъ не та-

Digitized by Google

кимъ, какимъ былъ.—Она приблизила свое лицо къ сыну.—Ни однѣ черты измѣнились—это было бы естественно. Но вотъ что̀ непонятно, Фредъ,—она еще ближе придвинулась къ нему и ея пальцы, какъ желѣзные, впились ему въ руку,—у вашего отца отросла борода.

— Матушка!—вскричалъ онъ снова.

— Вы думаете, конечно, что я сошла съ ума. Но, Фредъ, подумайте хорошенько о моихъ словахъ: можетъ ли вырости борода у покойника? Фредъ, помогите мнѣ. Я не знаю, что̀ думать, что̀ говорить. Въ этомъ есть что-то необъяснимое, непонятное.

Они смотрѣли другъ на друга, каждый силясь прочитать догадку въ глазахъ другаго. Могъ ли выдержать мальчикъ силу материнскаго проницательнаго взгляда? Онъ задрожалъ и попытался отвести глаза, но безуспѣшно. И, наконецъ, трепещущимъ голосомъ, произнесъ:

— Матушка! Я думаю, что ваше подозрѣніе справедливо.

Она схватила его за плечо другой рукой и съ силой потрясла.

— И вы знали объ этомъ все время? Знали и не говорили ни слова?

— Какъ могло вамъ прійти это въ голову? Неужели я согласился бы сдѣлаться сообщникомъ? Но я тоже видѣлъ его... сегодня ночью.

Руки м-съ Дэляйль разжались; она упала на подушку, закрывъ лицо руками, и сквозь стоны и рыданія произнесла:

— Какъ осмѣлюсь я теперь посмотрѣть ему въ лицо! Какими глазами взгляну на него!

Фредъ былъ приготовленъ ко всему со стороны матери. Онъ ожидалъ и слезъ, и негодованія, и скорби. Даже допускалъ, что она безумно и по дѣтски обрадуется. Но чтобы она закрыла лицо руками и стыдилась посмотрѣть мужу въ глаза—это было выше его пониманія. Черезъ нѣсколько времени, она успокоилась и сказала, еще всхлипывая:

— Намъ надо многое простить другъ другу, мы оба виноваты.

— Матушка!—вскричалъ Фредъ.—Можно ли говорить объ этомъ послѣ того, что̀ произошло?

Она молчала съ минуту и по лицу ея разлился румянецъ.

Digitized by Google

— О, мой дорогой,—сказала она затѣмъ почти съ благоговѣніемъ,—въ силахъ ли мы достаточно возблагодарить небо за то, что узнали объ этомъ не слишкомъ поздно!

Казалось, она ни о чемъ, кромѣ этого, не могла думать, и бѣдный Фредъ опять погрузился въ свои тягостныя размышленія, не ожидая участія со стороны матери. Она, повидимому, безъ всякихъ колебаній, готова была возвратиться къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ мужу. Ее не смущала мысль о его поступкѣ. Онъ возвратился—этого было довольно.

X.

Въ концѣ этого несчастнаго дня, Фредъ сидѣлъ одинъ, стараясь прійти къ какому нибудь рѣшенію и освободиться отъ мучительныхъ мыслей. М-съ Дэляйль, послѣ своихъ волненій, спокойно уснула и затѣмъ, проснувшись, посылала за Фредомъ, чтобы спросить у него, гдѣ теперь находится его отецъ, и когда они должны его ждать. Она находила, что все надо устроить какъ можно спокойнѣе и заранѣе увѣдомить друзей. М-ръ Веддерборнъ всегда любилъ Роберта и приметъ совершившійся фактъ какъ слѣдуетъ. Чѣмъ меньше разговоровъ, тѣмъ лучше для обѣихъ сторонъ. Она была совершенно поглощена этими мыслями и все уже обсудила. Конечно, предстояло много безпокойствъ, но Робертъ и м-ръ Веддерборнъ все это уладятъ между собой. Все казалось такъ просто въ устахъ его матери, что и Фредъ какъ будто успокоился. Но не пробылъ онъ наединѣ и десяти минутъ, какъ въ душѣ началась прежняя борьба. Что ему дѣлать? Донести обо всемъ? Но гдѣ взять денегъ на уплату страховому обществу? Все погибло, и возвращеніемъ отца ничего не спасешь. Конецъ его карьерѣ, и впереди нѣтъ ничего, кромѣ горя и униженія.

Фредъ не зналъ, гдѣ теперь его отецъ, и не рѣшался обратиться съ разспросами къ Жанетѣ, которая навѣрно знала все. Она была всему зачинщицей. Фредъ, какъ ребенокъ, воображалъ, что во всемъ виновата злая старуха, и не хотѣлъ ее видѣть. «Все равно»,—думалъ онъ,—«въ свое время все узнаю».

И онъ не ошибся: вскорѣ въ библіотеку, гдѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, вошелъ дворецкій и доложилъ съ самымъ таинственнымъ видомъ, что его желаетъ видѣть кто-то. Сердце

Digitized by Google

Фреда замерло: «это никто другой, какъ отецъ», — подумалъ онъ и спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— Джентльменъ? съ бородой?—дальше онъ не смѣлъ разспрашивать.

— Нѣтъ, м-ръ Фредъ, онъ вовсе не джентльменъ, это Джонъ Сандерсонъ, трактирщикъ.

— Джонъ Сандерсонъ?

— Да, сэръ. Онъ хочетъ разсказать вамъ про какой-то случай. Онъ говоритъ, не будете ли вы настолько добры, чтобы выйти къ нему за ворота, потому что онъ не смѣетъ войти въ господскій домъ, а ему надо сказать вамъ что-то по секрету.

— Ну, **такъ** приведите его сюда.

— Нѣтъ, м-ръ Фредъ, онъ очень проситъ, чтобъ вы согласились выйти за ворота.

Фредъ принужденъ былъ, наконецъ, уступить. Онъ нашелъ трактирщика Сандерсона до крайности смущеннымъ; тотъ не зналъ, какъ приступить къ разговору. При видѣ Фреда, онъ снялъ свою синюю шляпу и началъ мять ее въ рукахъ.

— Это, видите, насчетъ того случая,—нерѣшительно заговорилъ онъ.

— Вамъ требуется въ чемъ нибудь моя помощь? Я очень занятъ и вамъ лучше обратиться къ моему дворецкому; онъ сдѣлаетъ...

— Нѣтъ, сэръ,—перебилъ трактирщикъ,—мнѣ надо васъ самихъ, а не дворецкаго. Сегодня ночью у меня остановился одинъ джентльменъ.

— Джентльменъ?

— Джентльменъ съ бородою.

Трактирщикъ пристально смотрѣлъ на Фреда, который не зналъ, что сказать.

— Хорошо,—проговорилъ наконецъ Фредъ, переводя дыханіе,—что же дальше?

— Должно полагать, что джентльменъ всталъ на зарѣ, когда всѣ спали, и пошелъ купаться въ морѣ. Никто не слышалъ, какъ онъ уходилъ. Я думаю даже, что онъ и не ночевалъ дома. Послѣ ужина, онъ вышелъ на крыльцо покурить и мнѣ сдается...

— Что случилось?—съ усиліемъ спросилъ Фредъ, чувствуя такую сухость во рту, что еле поворачивалъ языкъ.

Digitized by Google

— Должно быть, онъ пошелъ купаться ужасно рано, когда мы еще спали. Жена говоритъ, что часа въ четыре утра слышала какой-то крикъ и разбудила меня. Мы посмотрѣли, послушали, но все было тихо. Только погодя немного, прибѣгаетъ одинъ человѣкъ и разсказываетъ, что на пескѣ лежитъ сложенное въ кучу платье, возлѣ самыхъ скалъ, точь въ точь какъ и тогда, м-ръ Дэляйль, когда утонулъ вашъ батюшка. Я тотчасъ побѣжалъ на берегъ. Оказалось, что и вправду на самомъ пескѣ лежитъ сложенное въ кучу платье.

— А человѣкъ?—опять съ усиліемъ произнесъ Фредъ.

— Его нашли потомъ между скалъ; въ рукахъ зажаты водоросли, и утонулъ-то онъ у самаго берега. Бѣдный джентльменъ, должно быть, старался выбраться на берегъ, да силъ не хватило. Вижу по вашему лицу, что вамъ пришло на умъ: нѣтъ, онъ не утопился; по всему видно, что тутъ несчастный случай.

Наступила пауза и трактирщикъ, многозначительно понизивъ голосъ, добавилъ:

— Мнѣ очень хотѣлось бы, м-ръ Фредерикъ, чтобы вы пришли взглянуть на него.

Фредъ не имѣлъ силы говорить. Его охватилъ невыразимый ужасъ при послѣднихъ словахъ трактирщика.

— Сэръ,—продолжалъ трактирщикъ,—я зналъ вашего батюшку и взрослымъ человѣкомъ, и еще ребенкомъ; зналъ его болѣе сорока лѣтъ. Но не будь мнѣ извѣстно, что онъ утонулъ два года назадъ, я поклялся бы, что сегодня видѣлъ его.

Наконецъ, Фредъ съ усиліемъ произнесъ:

— Я догадываюсь, кто былъ этотъ человѣкъ. Это—близкій родственникъ.

— А, это очень возможно,—отозвался трактирщикъ. Хорошо знакомый, въ качествѣ близкаго сосѣда, съ генеалогіей уальтонскаго дома, онъ подумалъ, что ему никогда не приходилось слышать про какого нибудь близкаго родственника или кузена Уальтоновъ. Но онъ не выразилъ вслухъ этой мысли и своего глубокаго убѣжденія насчетъ личности утонувшаго незнакомца.

— Мы считали его давно умершимъ,—пояснилъ Фредъ.— Онъ испугалъ мою мать сходствомъ, о которомъ вы говорили,

Digitized by Google

и, кажется, что его приняли не особенно любезно. Ахъ, Сандерсонъ! увѣрены ли вы, что это не самоубійство?

— Насколько могу судить — нѣтъ. Не удивительно, что мистриссъ перепугалась. Я самъ былъ пораженъ. «Господи помилуй»!—сказалъ я только, потому что я не такой человѣкъ, чтобы заводить какія нибудь сплетни про уальтонскихъ господъ. Но у моего конюха—чортъ бы его побралъ!—предлинный языкъ.

— Очень благодаренъ вамъ,—сказалъ Фредъ.—Я приду.

И онъ увидѣлъ на берегу, посреди бѣдныхъ деревенскихъ хижинъ, своего отца, наконецъ успокоившагося въ объятіяхъ смерти, надъ которой онъ однажды посмѣялся, но не успѣлъ посмѣяться въ другой разъ. На его лицѣ не было слѣдовъ ужасной смерти; онъ лежалъ спокойный и тихій, какъ человѣкъ, скончавшійся въ постели и во всю жизнь не сдѣлавшій никому зла. Но кому же, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ онъ зло? страховому обществу? Да, болѣе никому. И Фредъ понялъ наконецъ, что незачѣмъ тревожить страховое общество. Все кончено теперь, и ему остается только молчать. М-ръ Веддерборнъ и м-съ Дэляйль, призванные на совѣтъ, согласились съ Фредомъ. Для м-съ Дэляйль была невыносима мысль опозорить имя покойнаго мужа и отдать на общественный судъ семейную тайну. Она сказала со слезами негодованія, что никогда не допуститъ этого. И старый Петъ Веддерборнъ, который былъ тронутъ этой исторіей, и ни однимъ словомъ не упрекнулъ своего друга, горячо принялъ ея сторону. «Страховому обществу все равно пришлось бы выдать деньги если не тогда, такъ теперь»,—сказалъ онъ,—«и не ваше дѣло подымать этотъ вопросъ. Оставьте все, какъ оно есть. Пусть онъ мирно покоится въ своей могилѣ,—бѣдный Бобъ! И я надѣюсь, что въ моемъ присутствіи никто не осмѣлится сказать что нибудь дурное про Боба Дэляйля».

Глаза стараго стряпчаго блеснули слезой. Можетъ быть, онъ чувствовалъ больше, чѣмъ жена и сынъ. Утвержденіе Фреда, что утонувшій былъ родственникомъ, дало возможность схоронить его въ фамильномъ склепѣ Уальтона, послѣднемъ наслѣдственномъ мѣстѣ. Кто былъ другой, два года тому назадъ воспользовавшійся здѣсь печальнымъ гостепріимствомъ

Digitized by Google

подъ именемъ Роберта Дэляйля—этого не зналъ никто и не старался узнать.

Съ этого времени о замужствѣ м-съ Дэляйль уже никто не поднималъ вопроса. Ни сама невѣста, ни ея женихъ, никогда не заговаривали объ этомъ. М-ръ Веддерборнъ сталъ опять близокъ Уальтону, предсѣдательствовалъ на свадьбѣ Сизи и снова сдѣлался старымъ другомъ дома, какимъ всегда оставался.

Конецъ.

Digitized by Google

Одиночество.

Свѣтитъ ли солнце на небѣ ликующемъ,
Ярки ли краски весеннихъ картинъ,
Осень томитъ ли напѣвомъ тоскующимъ,—
Кто-то мнѣ голосомъ, душу волнующимъ,
Шепчетъ: «ты всюду одинъ!»

Грёзой душа ли ласкается нѣжною,
Скорбь ли порывамъ ея властелинъ,
Сердце ль волнуется страстью мятежною,—
Кто-то мнѣ шепчетъ съ тоскою безбрежною:
«Всюду одинъ!»

Тщетны и призрачны всѣ упованія...
Въ сонмѣ печальномъ житейскихъ годинъ
Жалкія бродятъ по свѣту созданія—
Люди-рабы... Но среди міросданія
Каждый—одинъ!

Д. Ратгаузъ.

Digitized by Google

ПАДШІЕ АНГЕЛЫ.

(Изъ жизни «отдаленныхъ мѣстъ»).

I.

На далекомъ сѣверѣ, среди угрюмыхъ хвойныхъ лѣсовъ и мертвыхъ унылыхъ болотъ, гдѣ даже грибы не растутъ, выросъ вдругъ цѣлый городъ... По настоящему, городу тамъ рѣшительно нечѣмъ жить: промышленности и торговли никакой; и точно:—странный городъ не живетъ, а прозябаетъ; прокисъ онъ, обрюзгъ, словно старый грибъ, изъѣденный червями, а все таки прозябаетъ, безпощадно засасывая жизнь несчастныхъ обывателей, заброшенныхъ туда случаемъ или преступленіемъ. Это своего рода загробный міръ, населенный по большей части людьми, уже умершими гражданской смертью, или потомками живыхъ мертвецовъ. Труденъ и тернистъ путь, ведущій въ этотъ міръ, а возвратъ назадъ еще труднѣе, особенно для человѣка, избалованнаго цивилизаціей и привыкшаго къ удобнымъ желѣзнодорожнымъ сообщеніямъ. Словомъ, до удивительнаго города Хавронска очень далеко, гораздо дальше, чѣмъ отъ земли фараоновъ до страны обѣтованной. Когда я поѣхалъ туда, солнце еще ярко сіяло на блѣдно-голубомъ небѣ, воробьи задорно чирикали, какъ самые неугомонные фельетонисты, и розы цвѣли. Когда же я прибылъ въ мѣста самыя отдаленныя,—стояла суровая сибирская зима; въ снѣговой пустынѣ было тихо и глухо, какъ въ самой благоустроенной тюрьмѣ.

Я не буду разсказывать, какъ я ѣхалъ туда, какъ мчался на перекладныхъ и днемъ, и ночью, въ стужу и слякоть, черезъ болота, лѣса, горы и овраги; какъ черезъ Барабинскую степь меня везли по мерзлымъ кочкамъ въ саняхъ, потому что колеса почтовыхъ тарантасовъ разбивались; какъ черезъ Обь я перебрался въ досчаникѣ во время сплошнаго ледохода, а черезъ Енисей пѣшкомъ по свѣжему, еще хрупкому льду, ведя подъ устцы выпряженныхъ лошадей, въ то время какъ ямщикъ перекатывалъ сани руками.

Digitized by Google

Въ теченіе многихъ недѣль, неугомонно звенѣлъ почтовый колокольчикъ, раздавались щелканье бича и крики: «трогай! пошелъ! э-эхъ»! Прибывъ наконецъ въ Хавронскъ, я почувствовалъ такую страшную усталость, что рѣшилъ остановиться на нѣсколько часовъ, отдохнуть по пути, развлечься отъ гнетущихъ путевыхъ впечатлѣній. Я вышелъ на улицу около полудня. День выдался теплый, мягкій, по здѣшнему даже удивительный: съ крышъ капало. Я пришелъ въ самое благодушное настроеніе и пытался было вступить въ разговоръ съ первымъ, попавшимся мнѣ навстрѣчу, обывателемъ.

— Скажите, почтеннѣйшій, какъ называется эта улица? — началъ я.

— Улица.

— Вижу, что улица, да какъ она называется?

— Улица — улицей и называется, чаво еще?—отвѣчалъ онъ, причемъ на лицѣ обывателя, спокойномъ, какъ изваяніе, выразилось вдругъ нѣкоторое недоумѣніе и даже неудовольствіе.

Разговоръ оборвался. Я наудачу побрелъ по невѣдомой улицѣ, обладавшей удивительнымъ свойствомъ вдругъ исчезать, такъ что я по неволѣ останавливался среди обширнаго пустыря, въ недоумѣніи вопрошая: гдѣ же улица? Ничего похожаго на городъ, въ европейскомъ смыслѣ, не было. Виднѣлись лишь группы въ безпорядкѣ разбросанныхъ домиковъ; кругомъ пусто, тихо, глухо; прохожихъ почти не видно; жизнь какъ будто куда-то спряталась. Мнѣ пришла на мысль исторія многихъ подобныхъ городовъ.

Вотъ выстроили, для благоустройства, острогъ въ глухомъ селѣ, соорудили нѣсколько казенныхъ желтыхъ домовъ да полосатыхъ будочекъ; пустили, какъ водится, инвалидную команду и нѣсколько штукъ секретарей да регистраторовъ, — и городъ готовъ. Вскорѣ объявились кулаки, налетѣли цѣловальники съ водкою — народъ спаивать,—возникли лавочки и кабаки. Понемногу начали обстраиваться. Секретари соорудили себѣ весьма недурные домики; кулаки устроились еще лучше; глядя на нихъ, и регистраторы обрѣли тихій пріютъ. Все это начало плодиться и множиться, и городъ въ нѣкоторомъ родѣ даже процвѣлъ. Хавронскъ не являлся блестящимъ исключеніемъ въ этомъ случаѣ; онъ въ бо́льшей даже степени, чѣмъ другіе города, носилъ на себѣ печать «надлежащаго усмотрѣнія», вслѣдствіе своего положенія вдали отъ большаго торговаго пути. Въ Сибири есть даже такой городъ, гдѣ почта получается раза два въ годъ, а газета выписывается всего одна. Получающій газету священникъ складываетъ ее по нумерамъ, и акуратно читаетъ, въ соотвѣтствующія числа, только годомъ позже, каждый день по нумеру.

Digitized by Google

Хавронскъ, надо полагать, тоже не особенно много выписывалъ книгъ и газетъ, не интересовался міровыми событіями и, забытый, заброшенный, прозябалъ только потому, что надо же какъ нибудь жить. Впрочемъ, на первый взглядъ онъ не казался особенно жалкимъ и хворымъ... Не было въ немъ избушекъ на курьихъ ножкахъ, какимъ-то чудомъ сохраняющихся въ теченіе многихъ годовъ. Постройки были по большей части основательныя, крѣпкія, но убожество все таки сказывалось: въ нѣкоторыхъ домахъ окна были составлены изъ мелкихъ потускнѣвшихъ стеклышекъ, а кое-гдѣ даже задѣланы пластинками слюды и пузыремъ. Растительности почти никакой: нѣсколько чахлыхъ деревьевъ на весь городъ. Но я напрасно искалъ выдающихся характерныхъ чертъ, которыми Хавронскъ отличался бы отъ другихъ захудалыхъ городовъ, — хотя день былъ ярмарочный, и мѣстная жизнь должна была проявляться особенно ярко. Ближе къ базарной площади, изрѣдка стали мнѣ попадаться навстрѣчу въ высшей степени своеобразные люди,—такъ и видно было, что вышли они изъ глухихъ сибирскихъ дебрей; но городъ, самъ по себѣ, не представлялъ ничего исключительнаго. Такія же неправильныя улицы съ неказистыми домами, сплошь деревянными; острогъ, окруженный чрезвычайно высокимъ частоколомъ; нѣсколько казенныхъ желтыхъ домовъ, въ которыхъ возсѣдаютъ мѣстныя власти. На заборахъ, какъ водится, на самыхъ видныхъ мѣстахъ были начертаны замысловатыя изреченія нецензурнаго свойства и краткія, но возмутительныя эпиграммы на именитыхъ представителей Хавронска, что̀ краснорѣчиво свидѣтельствовало о существованіи и въ отдаленныхъ мѣстахъ чего-то въ родѣ первобытной оппозиціонной прессы и указывало на преуспѣяніе народнаго просвѣщенія. Я даже пустился въ нѣкоторыя утѣшительныя соображенія по этому поводу, какъ вдругъ меня кто-то окликнулъ:

— Извините, что обезпокоилъ, не имѣя удовольствія знать васъ лично, да представить жаль некому... Впрочемъ, чортъ возьми, все равно. Я васъ прошу на пару словъ, только на пару словъ.

Я оглянулся: шагахъ въ 20 отъ меня, на грудѣ бревенъ, согнувшись, сидѣлъ какой-то странный человѣкъ въ безобразной мѣховой шапкѣ и въ дахѣ, изорванной до такой степени, что кое-гдѣ просвѣчивало побагровѣвшее отъ холода тѣло. «Неужели этотъ оборвышъ изъясняется такимъ языкомъ», — съ удивленіемъ подумалъ я. Въ эту минуту, на улицѣ никого не было. Я еще разъ пристально вглядѣлся въ него. Онъ скорчилъ ротъ въ какую-то странную болѣзненную усмѣшку, всталъ и нетвердыми шагами подошелъ ко мнѣ:

Digitized by Google

— Позвольте представиться: падшій ангелъ, угасшая звѣзда столичной адвокатуры, бонвиванъ и брехунецъ Аполлоновъ. Смѣю думать, вы слышали мою фамилію?

Какъ не слышать!.. Я невольно отшатнулся отъ падшаго ангела, поразившаго меня своеобразнымъ букетомъ сивухи. Мнѣ вспомнились его темныя дѣла. Обобралъ онъ, между прочимъ, и по міру пустилъ, путемъ ловкихъ кляузъ, одну честную, знакомую мнѣ, семью. Но, наконецъ, попался—и послѣ громкаго скандальнаго процесса, взволновавшаго на нѣсколько дней наше сонное общественное мнѣніе, ушелъ въ «мѣста отдаленныя».

— Ага!—воскликнулъ онъ злорадно,—вы меня таки признали! Ну, еще бы! Вѣдь я въ свое время тысячъ сто проживалъ въ годъ. Всѣ просто задыхались отъ зависти. Разъѣзжалъ, знаете, на резиновыхъ шинахъ, давилъ народъ. Танцовщицъ содержалъ, «да не одну—двухъ разомъ». Впрочемъ, я не объ этомъ... Коротко и ясно: дайте мнѣ рубль на водку.

Онъ просто поразилъ меня своею внѣшностью; на ней отразились—страданіе, униженіе, порокъ, злоба въ странномъ какомъ-то, болѣзненномъ сочетаніи. Передо мной былъ одинъ изъ ужасовъ дня, и я съ трусостью человѣка, уже напуганнаго жизнью, попытался было закрыть глаза, пройти мимо, отвернуться отъ тяжелаго впечатлѣнія.

— Вы напрасно ко мнѣ обратились: помочь я вамъ не могу и не дамъ ни гроша.

— Послушайте,—схватилъ онъ меня тревожно за рукавъ,—послушайте! Я не то вовсе сказалъ. Эхъ, вы не поняли! Я вижу, вы изъ Петербурга, непремѣнно изъ Петербурга; вы поймите, вы должны меня понять. Я погибаю и прямо вамъ говорю: дайте мнѣ хоть на минуту забыться. Не врите разной ерунды про свободу воли, а дайте мнѣ выпить. Это будетъ разумно и гуманно съ вашей стороны. Должны же вѣдь вы понять, что я тутъ непричемъ. Все обстоятельства... Ахъ, Боже мой, никто не хочетъ вѣрить, что я—жертва идеи. Да знаете ли вы, къ чему я стремился? къ наживѣ? къ богатству? или къ страшной власти, которую богатство даетъ? да, именно только къ власти. Поймите, что деньги были для меня лишь средствомъ, чтобы всѣхъ поразить, покорить, прибрать къ рукамъ и двинуть впередъ. У меня была великая затаенная цѣль... Но больше объ этомъ ни слова. Я унесу свою идею въ могилу. Я даже присяжнымъ, меня судившимъ, не открылъ ея. Да развѣ эти тупые чиновники и мужики способны постигнуть что нибудь великое... А между тѣмъ, имѣя сто, двѣсти милліоновъ, я могъ бы всемірную исторію передѣлать... Но сорвалось! И я погибъ! я умираю,

Digitized by Google

непонятый, въ изгнаніи, отъ тоски. И особенно сегодня. Мнѣ надо опохмѣлиться. Знаете, что это такое? Если знаете, то дадите рубль. Это ваша обязанность. Я вправѣ требовать во имя идей братства и свободы. Слышите: я требую!

— Если вы требуете, то, конечно, я вамъ не дамъ, не могу вамъ дать,—повернулся я, чтобы идти.

— Нѣтъ, вы дадите, если у васъ есть хоть капля здраваго смысла въ башкѣ, — заторопился онъ ужасно. — Эй! кто вы? Но, чортъ, мнѣ все равно: чиновникъ, ученый, путешественникъ? По рожѣ видно—вы имущій. Дайте же мнѣ рубль. Вы, можетъ быть, жизнь свою спасете. Скажите, какъ васъ звать. Я запомню, я узнаю ваше лицо и спасу, быть можетъ, отъ разъяренной толпы...— Онъ совсѣмъ заврался, почти растерялся отъ опасенія, что я ему откажу въ подачкѣ. Страхъ, плохо скрытый подъ циническою улыбкой, ясно выразился на его лицѣ.

Меня, наконецъ, вывело изъ терпѣнія это наглое вранье. Мнѣ не хотѣлось вѣрить, чтобы человѣкъ съ какими нибудь убѣжденіями могъ пасть такъ низко. Въ эту минуту я забылъ, что передо мной—больной, безумный.

— Нѣтъ, это ужь слишкомъ!—воскликнулъ я въ негодованіи:— какая наглость вымогать подачку. Но вы ошиблись на мой счетъ...

Я вырвалъ руку и ушелъ.

— Послушай: только гривенникъ,—догналъ онъ меня.

— Отстань, не дамъ.

— Не дашь?!

— Нѣтъ.

Онъ загородилъ мнѣ дорогу. Лицо его исказилось. Будь у него ножъ, быть можетъ, онъ пустилъ бы его въ ходъ. Онъ сжалъ кулаки и приблизился. Я ждалъ нападенія. Нѣсколько мгновеній мы простояли, глядя другъ на друга въ упоръ. Вдругъ его лицо передернулось, какъ будто онъ собирался заплакать; подбородокъ задрожалъ, руки опустились, и онъ молча, опустивъ голову, отошелъ въ сторону. Какъ я ни крѣпился, но сердце больно сжалось. Я понялъ, что отказать ему въ выпивкѣ—это почти тоже, что отнять кусокъ хлѣба у умирающаго съ голоду, да въ сущности онъ и умиралъ съ голоду, потому что даже при сильномъ желаніи трудно найти работу въ такомъ захолустьѣ.—«Вотъ возьмите»,—сунулъ я ему нѣсколько серебряныхъ монетъ, попавшихся подъ руку, и поспѣшилъ уйти.

II.

Вскорѣ я очутился на обширной немощеной площади, запруженной санями и народомъ. Попалъ я на ярмарку; мѣстная жизнь,

Digitized by Google

значитъ, сразу предстала передо мной во всей своей первобытной красѣ. Яиспытывалъ непріятное ощущеніе, какъ будто попалъ на бойню или на поле битвы. На обширной площади были навалены груды мяса во всѣхъ его видахъ, а кровь и мясо имѣютъ свой особенный тонкій запахъ. Иные даже не замѣчаютъ этого запаха, но для меня въ немъ есть что-то противное, одуряющее. Мнѣ стало гадко отъ массы грязныхъ, забрызганныхъ кровью, слегка оттаявшихъ на солнцѣ, тушъ, окороковъ, потроховъ, языковъ, битой птицы, вывороченныхъ внутренностей. Повидимому, на ярмаркѣ закупался годовой запасъ всякой провизіи не только для города, но и для окрестныхъ золотыхъ пріисковъ, куда предметы первой необходимости доставляются иногда за сотни верстъ.

Съ перваго же взгляда на ярмарочную площадь, мнѣ стало очевидно, что въ этой мѣстности жизнь не ушла дальше первобытныхъ потребностей. Почти весь товаръ былъ на нихъ разсчитанъ. Было немного пушнины, выдѣланныхъ кожъ, грубой деревянной и глиняной посуды, да жалкіе остатки отъ ирбитской ярмарки—разная московская, никуда не годная, гниль. Но суть состояла въ мясѣ: вокругъ него вертѣлась разнородная толпа: инородцы, съ ихъ типическими первобытными лицами; чиновники, прикащики съ золотыхъ пріисковъ, мѣщане и, наконецъ, выходцы каторги, которыхъ можно узнать по особенному забитому, злобному выраженію истощеннаго землистаго лица, выраженію, котброе трудно описать,—до того оно болѣзненно. Передо мной промелькнуло и нѣсколько евреевъ, которые попали сюда также, вѣроятно, путемъ каторги. Около часу проходилъ я по базару, съ волненіемъ вглядываясь и вслушиваясь въ чуждую мнѣ мрачную, суровую жизнь. Тутъ я понялъ, что̀ значилъ для «падшаго ангела» гривенникъ, т. е. глотокъ водки. Здѣсь, подъ мрачнымъ небомъ далекаго сѣвера, гдѣ жизнь чахнетъ отъ стужи и насилія, живая душа гибнетъ съ отчаянія. Быть можетъ, и тутъ есть люди счастливые, но только по своему — животнымъ, первобытнымъ счастьемъ. Здѣсь поражаетъ полное отсутствіе человѣческой радости, всего того, чѣмъ живъ человѣкъ. Въ этой пустынѣ глухо, душно и мрачно, какъ въ заколоченномъ гробу. На необитаемомъ островѣ лучше: тамъ приходится вести борьбу только съ дикими звѣрями, а здѣсь... Меня охватила тихая, страстная тоска, и какъ-то странно, именно теперь, вспомнилось одно мгновеніе въ моей скитальческой жизни. Это было ненастнымъ вечеромъ, давно. Я пробирался по грязнымъ улицамъ глухаго уѣзднаго города, за нѣсколько тысячъ верстъ отсюда. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Слышался однообразный шумъ падающей воды. Нѣсколько жалкихъ керосиновыхъ фонарей уныло мерцали

Digitized by Google

во мракѣ, отражаясь въ уличныхъ лужахъ. Всѣ двери были уже заперты. Вслѣдствіе дурной погоды, улицы совершенно опустѣли. Я шелъ одиноко по глухому, словно вымершему, городу на почтовую станцію—нанимать лошадей. На душѣ стало вдругъ скверно, какъ вотъ и теперь. Мнѣ было грустно, но не за себя, нѣтъ,—тогда передъ мною мерцала еще надежда,—мнѣ было грустно за этотъ городъ, погрязшій въ скукѣ и мракѣ, за сотни подобныхъ городовъ. И вотъ тогда, въ минуту душевной тревоги, на грязной улицѣ, подъ проливнымъ дождемъ, послышались звуки фортепьяно и тихая больная пѣсня. Она доносилась точно изъ гроба сквозь окно, плотно закрытое ставнями. Оттого, быть можетъ, она и показалась мнѣ такой тихой и грустной. Я простоялъ у окна лишь нѣсколько минутъ и поспѣшно ушелъ, даже не зная, что уношу съ собой эти звуки и что они вспомнятся мнѣ много лѣтъ спустя...—Но дѣйствительность пробудила меня сейчасъ же отъ пустыхъ мечтаній... Изъ сосѣдней улицы послышались отчаянные, хриплые вопли. Я оглянулся; въ толпѣ не было замѣтно волненія; люди не кинулись на крикъ.

— Что это?—спросилъ я у какого-то заскорузлаго подьячаго, въ отрепанномъ платьѣ, стоявшаго рядомъ со мною.

— Да ничего; вѣрно, дуютъ кого нибудь за воровство,—отвѣчалъ онъ флегматически, съ видомъ спокойнаго и довольнаго наблюдателя.

— Вѣрно, опять какой нибудь каторжный проворовался. То есть, что за народъ, и Боже упаси!—продолжалъ онъ, видимо обращаясь къ кружку своихъ знакомыхъ.—Намедни сидимъ это мы какъ слѣдуетъ, по дружески, въ кабакѣ и пьемъ водку. Вдругъ входитъ этотъ варнакъ Аполлоновъ, повертѣлся точно полоумный и прямо эдакъ нахально ко мнѣ:—ты что жь, говоритъ, не потчуешь меня?—Убирайся, говорю, пока рожа не въ крови, да бока цѣлы. А онъ даже съ лица измѣнился и прямо на меня претъ; я думалъ—драться. Только онъ хвать полуштофъ съ водкой, да на улицу. Мы за нимъ, а онъ свернулъ въ переулокъ и не утерпѣлъ—лакаетъ водку. Осерчалъ я; только что съ женой разругался, а тутъ какъ разъ онъ подвернулся, окаянный.—Держите, братцы, говорю, а ужь я самъ съ нимъ раздѣлаюсь. Билъ я его, билъ,—и по скуламъ, и по бокамъ,—просто руки обломалъ объ него, проклятаго; а онъ хоть бы что: сжалъ зубы, закрылъ глаза, поблѣднѣлъ и ни слова, только вздрагиваетъ, какъ его хватишь. Въ анбицію, видно, вломился, купецкаго, вѣрно, роду или изъ чиновниковъ.

— Нѣтъ, коли у тебя анбиція,—вмѣшался одинъ изъ слушателей,—а попалъ къ намъ, такъ ужь не взыщи: у насъ по этой части строго. Мы не знаемъ—купецъ ты тамъ или чиновникъ, а у насъ ты всего—варнакъ, и ужь не замай, не балуй!

Digitized by Google

— Ну-съ, тутъ подошелъ какъ разъ нашъ, значитъ, надзиратель; далъ ему еще плюхи двѣ, и повели мы его въ управленіе,— продолжалъ разсказчикъ,—а тамъ ужь извѣстно: ссыльнаго вора по головкѣ не погладятъ. Идемъ мы, а я ему все въ спину промежъ лопатокъ дую—иди, молъ, скорѣе, да что жь ты задумываешься? И что жь бы вы думали, братцы: стало мнѣ жаль выпустить его, проклятаго, такъ легко изъ рукъ, жалко разстаться, какъ бы съ роднымъ сыномъ! Хоть бы закричалъ, а то молчитъ—окаянный! Изловчился я, да какъ вдарю ему по шеѣ. Тутъ онъ упалъ, чуть не скатился съ лѣстницы, да поддержали. Поднялся—вся рожа въ крови. Закричалъ, заругался: «палачи вы, говоритъ, опричники! Вы привыкли къ побоямъ: не только брата роднаго, а сами себя, какъ унтеръ-офицерша, высѣчь готовы»!

— Про унтеръ-офицершу какую-то вспомнилъ; должно быть, была такая же баба дура?—замѣтилъ одинъ изъ слушателей, видимо заинтересованный.

— Должно быть,—подтвердилъ разсказчикъ.—Только онъ какъ вспомнилъ про эту самую унтеръ-офицершу, такъ даже себя сталъ ругать:—«дуракъ, говоритъ, я: жилъ прежде, какъ въ раю, и палъ такъ низко, а нѣтъ у меня силы покончить съ собой. Неужто нѣтъ у меня ни чести, ни совѣсти, ни убѣжденій? Вѣдь я когда-то много всякихъ хорошихъ книгъ прочелъ и вѣрилъ искренно тому, что въ нихъ написано. Куда же все это подѣвалось? Что я теперь? Боленъ, забитъ совсѣмъ, такъ добивайте же меня, плюйте на меня, вѣдь я варнакъ» говоритъ.—Сначала кричалъ и ругался, а какъ вспомнилъ про эти самыя книжки, вдругъ какъ заплачетъ, да тонкимъ такимъ плачемъ, словно вотъ ребенокъ. Нашло на него смягченіе. «Пропащій, говоритъ, я человѣкъ»! Сѣлъ на полъ, голову обхватилъ руками и плачетъ. Вчужѣ, и то какъ будто жалко стало. Да писецъ правленскій—большой шутникъ—насъ тутъ распотѣшилъ: «не троньте, говоритъ, его, онъ баринъ; иностранныя книжки читаетъ»! Мы разсмѣялись, а онъ все плачетъ, сидитъ на полу и ровно ничего не примѣчаетъ. Только въ это самое время входитъ Анатолій Ивановичъ:—Кто это, говоритъ, смѣетъ здѣсь шумѣть, такъ что даже у меня слышно, и нѣтъ мнѣ дома покоя?—Такъ и такъ,—отвѣчаетъ писецъ:—вотъ грабить вздумалъ почтенный господинъ Аполлоновъ.—Исправникъ осерчалъ, да какъ крикнетъ на него: — Не ревѣть здѣсь, каналья! — А тотъ прежде какъ бы не замѣтилъ, что вошелъ исправникъ, а теперь взглянулъ на него, замоталъ головой эдакъ укоризненно и хоть бы слово... не всталъ даже, совсѣмъ какъ полоумный.—Въ каталагу!—закричалъ исправникъ, и затопалъ ногами. Просто удивительно: стоило ли такъ

Digitized by Google

сердиться. Мало ли ихъ, такихъ-то,—на всѣхъ не насердишься,—заключилъ разсказчикъ.

III.

— Ну, теперь еще ничего, а вотъ при прежнемъ исправникѣ такъ настоящій разбойничій былъ городъ: какъ стемнѣло, просто хоть на улицѣ не показывайся,—замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— Это ужь что и говорить; одно слово—молодчина Розовъ... скрутилъ! Распорядительный, это вѣрно,—отозвался заскорузлый подъячій объ исправникѣ, надо полагать, чтобы щегольнуть передъ слушателями своею фамильярностью съ нимъ.

— Розовъ, говорите вы? Анатолій Ивановичъ Розовъ? Да неужели онъ у васъ исправникомъ?!.—воскликнулъ я въ изумленіи.

— Какъ же, какъ же—лѣтъ шесть будетъ. А вы, значитъ, знакомы, что ли?

— Да, знаю, если только онъ. Ему теперь лѣтъ подъ сорокъ будетъ, росту небольшаго, бѣлокурый, глаза на выкатѣ?

— Вотъ, вотъ,—вѣрно, онъ самый. Хорошій исправникъ, одно слово; крутъ развѣ для купцовъ, и во хмѣлю дикъ, ну, да по нашему мѣсту безъ этого нельзя. А вы что же сродни ему?

— Нѣтъ—земляки; росли, учились вмѣстѣ.

— Тэкъ-съ, а хорошій исправникъ...

Я былъ просто пораженъ: Розовъ—исправникъ! Конечно, исправниковъ довольно, слава богу; попадаются между ними всякіе люди. Дѣло понятное: служить на пользу отечества прекрасно, служить надо, ну, и служатъ... Но я зналъ Розова: онъ не могъ служить «какъ слѣдуетъ»—очень ужь непріятна ему была всякая служба, а тѣмъ болѣе полицейская. Что же его вынудило служить? Да еще такъ странно. Конечно, не многіе люди попадаютъ на свое мѣсто и сохраняютъ вполнѣ свой обликъ. Особенно послѣ освобожденія крестьянъ,—когда прошла пора привилегированной лѣни и надо было приниматься за настоящій подневольный трудъ,—многіе, даже очень многіе, сплоховали. Видалъ я немало самыхъ удивительныхъ превращеній, однако Розовъ, въ роли исправника, все таки поразилъ меня. Онъ, онъ—краснорѣчивый ораторъ бурныхъ «студенческихъ сходокъ», смѣлый мыслитель, общественный дѣятель чуть не съ пеленокъ! Ему сулили самую великую будущность,—и вдругъ онъ снисходитъ до самаго скромнаго положенія, чтобы не сказать болѣе. И какъ все это скоро свершилось. Въ 60-хъ годахъ я помню Розова еще студентомъ. Онъ былъ на три курса старше меня. И, даромъ что студентъ, онъ стоялъ тогда во мнѣніи своихъ товарищей выше

Digitized by Google

любаго профессора: очень ужь забористый былъ парень. Всѣ тогдашнія «хорошія слова» зналъ наперечетъ. Надо было видѣть, съ какою гордостью онъ относился къ тогдашнимъ передовымъ людямъ. Отзывался онъ о нихъ съ нѣкоторымъ пренебрежительнымъ почтеніемъ. Отдаю, дескать, должное великимъ мыслителямъ, но погодите, то ли еще будетъ, когда я воспарю! Впрочемъ, это пренебрежительное почтеніе было лишь скромностью съ его стороны. На самомъ дѣлѣ, онъ уже и тогда парилъ. Онъ сразу и блистательно разрѣшалъ самые запутанные общественные вопросы, надъ которыми люди напрасно мучились въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. И, главное, все выходило у него удивительно популярно, ясно, какъ дважды два четыре. Всѣ несчастія людскія произошли, по его мнѣнію, отъ глупости и мистицизма. Стоитъ лишь стремиться къ своему «личному счастію», къ удовлетворенію своихъ «реальныхъ потребностей», и благополучіе человѣчества—въ шляпѣ. Все остальное—пустяки, надъ которыми и задумываться не стоитъ. Судьбу Россіи онъ тоже выяснилъ двумя-тремя словами, безпощадно осудилъ настоящее и предсказалъ будущее. А сколько міровыхъ вопросовъ онъ сдалъ въ архивъ! Другіе спорятъ, бывало, волнуются, а онъ только пробаситъ: «ерунда», и вдругъ окажется, что и спорить больше не о чемъ. Правда, въ его тогдашнихъ умозрѣніяхъ было больше смѣлости, чѣмъ логики. Враждебные скептики и тогда замѣчали, что изъ такой, ужь очень безразсудной, смѣлости ничего, кромѣ чепухи, не выдетъ. Но никто не предполагалъ, что, воспаривъ столь смѣло и высоко, Анатолій Ивановичъ достигнетъ лишь исправницкаго поста. Интересно, однако, какъ онъ себя чувствуетъ? Вспоминаетъ ли былое? Едва ли. Вотъ говорятъ—хорошій исправникъ, немного только тяжелъ для купцовъ, да безъ этого, дескать, нельзя. Неужели «цапаетъ»? Быть можетъ, привычная рука даже при этомъ не дрогнетъ, но все таки червячокъ воспоминаній вѣрно шевелится въ сокровенной глубинѣ сознанія. Жизнь иногда очень зло шутитъ...

Любопытство мое было затронуто. Я рѣшилъ непремѣнно повидаться съ исправникомъ и, разспросивъ, гдѣ онъ живетъ, сейчасъ же къ нему направился. Мнѣ не пришлось долго искать,—его квартира и полицейское управленіе помѣщались въ единственномъ двухъэтажномъ каменномъ домѣ. Полусгнившая, полинявшая вывѣска указала мнѣ входъ. Я попалъ какъ разъ во-время, чтобы насладиться лицезрѣніемъ исправника во всемъ блескѣ его сана. Еще на лѣстницѣ я услышалъ его нѣсколько крикливый голосъ,—очевидно, онъ былъ «при исполненіи служебныхъ обязанностей»—и въ первой же комнатѣ я наткнулся на сцену.

Digitized by Google

— Ты что это выдумалъ, каналья? Къ митрополиту прошенія посылать? Опять за прежнее!—послышались мнѣ свирѣпые возгласы исправника.

Онъ до такой степени разгорячился, что не обратилъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Я могъ спокойно наблюдать. Распекаемый молчалъ, являя изъ себѣ краснорѣчивое воплощеніе какого-то ужь совсѣмъ болѣзненнаго ужаса. Его замѣчательно несуразная фигура какъ-то неестественно согнулась. На крайне своеобразномъ худощавомъ лицѣ застыла не то безсмысленная, не то восторженная улыбка, какая бываетъ только у очень нервныхъ и напуганныхъ людей. Чрезвычайно широкій ротъ его перекосился; полузакрытыя блѣдныя и тонкія губы чуть-чуть дрожали. Длинные рыжіе волосы, слипшіеся отъ пота и грязи, въ безпорядкѣ падали на высокій морщинистый лобъ. Небольшіе желтосѣрые глаза съ безпокойствомъ слѣдили за движеніями исправника, а безпомощно опущенныя руки слегка вздрагивали и приподнимались при его выкрикахъ, какъ будто несчастный хотѣлъ закрыть свое лицо отъ ударовъ.

— «Его высокопреосвященству, митрополиту, хранителю православія и заступнику, крестьянина новотроицкой волости, Петра Кузьмича Желтобобова, вопіющее прошеніе»,—насмѣшливо-злобно прочиталъ исправникъ заглавіе какой-то бумаги и ткнулъ ею въ носъ несчастному.—Ахъ ты, безмозглый! понимаешь ли ты самъ, что̀ тутъ написалъ. Станетъ митрополитъ читать твой безумный вздоръ! Ишь ты—порядкомъ двухъ словъ связать не умѣетъ, пишетъ какимъ-то тарабарскимъ языкомъ, а жаловаться тоже вздумалъ... на меня!!.—прогремѣлъ исправникъ.

Молчаніе.

— Да понимаешь ли ты, что̀ это за священное лицо митрополитъ, и кого ты осмѣлился безпокоить? Да еслибы даже тебѣ удалось переслать эту мерзкую бумажонку въ Петербургъ,—ее бы не стали тамъ читать: сейчасъ видно, что полоумный настрочилъ. Только вотъ срамъ мнѣ за тебя,—что не досмотрѣлъ, не запретилъ писать. Хочешь, видно, чтобы за тебя какъ слѣдуетъ приняться? Тебѣ, вѣрно, мало, что тебя—пакостника—по приговору крестьянъ, за которыхъ ты ходатайствовать тоже вздумалъ, да писать безъ толку и счету вотъ такія же прошенія,—сослали въ Сибирь, какъ послѣдняго негодяя; мало, видно, что тебя за твои идіотскую пачкотню перевели подальше, вотъ сюда, подъ строгій надзоръ, — мало? мало тебѣ?!. Хочешь, вѣрно, чтобы тебя въ кандалы по рукамъ и по ногамъ заковали, въ желѣзную клѣтку посадили?!.

Молчаніе.

Digitized by Google

— Ну, говори же, будешь еще писать такія пакости?

Молчаніе.

— А, такъ ты еще молчишь, да еще усмѣхаешься! Вотъ я же съ тобой расправлюсь, заговоришь ты у меня!—загремѣлъ исправникъ.

Было ясно, что все его краснорѣчіе истощилось, что теперь должны послѣдовать тѣлодвиженія и междометія, и что окончательно оторопѣвшій Желтобобовъ не съумѣетъ даже слова вымолвить, чтобы смягчить разсвирѣпѣвшаго исправника. Мнѣ стало жаль этого запуганнаго, несчастнаго...

— Здравствуйте, Анатолій Ивановичъ,—поспѣшилъ я прервать постыдную сцену.

Исправникъ остолбенѣлъ. Онъ не привыкъ, чтобы ему становились на дорогѣ. Я удержалъ его въ минуту сильнѣйшаго раздраженія.

— Что нужно тебѣ?—спросилъ онъ все еще довольно грубо:— я былъ одѣтъ въ простую дорожную даху.

— Неужели не узнали земляка?

— Ахъ, Степанъ Ѳедоровичъ! — пристально всмотрѣвшись, узналъ наконецъ исправникъ. — Вотъ случай! Ну, я радъ, очень радъ. Лѣтъ десять никого изъ прежнихъ товарищей не встрѣчалъ.

Онъ полѣзъ цѣловаться, причемъ меня такъ и обдало тонкимъ запахомъ гнили изъ его сочнаго рта. Онъ замѣтно опустился, обрюзгъ. Его прежде интеллигентное, нѣсколько злобное лицо какъ будто покрылось слоемъ жира, отчего и приняло болѣе добродушное, хотя все таки плотоядное выраженіе. Довольно густая борода нѣсколько повылѣзла, какъ у скопца.

— Да вы какими судьбами сюда попали?—спросилъ онъ наконецъ, нѣсколько оправившись отъ конфуза, какой я ему причинилъ своимъ появленіемъ въ минуту полнѣйшей разнузданности.

— Да очень просто: интересовался страною, хотѣлось куда нибудь подальше уѣхать, вотъ и пріѣхалъ сюда при первомъ удобномъ случаѣ.

— Вы теперь изъ Петербурга?

— Да, изъ Петербурга.

— Одни?—замялся онъ.

— Конечно, безъ провожатыхъ,—пояснилъ я ему. Я понялъ его вопросъ.

— Что же, командировка или постоянная служба?—продолжалъ онъ допрашивать.

— Командировка. Я врачъ, служу.

— Ну, вотъ и прекрасно; я тоже, какъ видите, служу,—скри-

Digitized by Google

вилъ онъ ротъ въ какую-то двусмысленную, не то ироническую, не то конфузливую улыбку.—И тяжелая, неблагодарная, доложу вамъ, моя служба! Вотъ, напримѣръ, извольте побесѣдовать съ такимъ артистомъ,—указалъ онъ на Желтобобова, какъ будто оправдываясь въ своей недавней вспышкѣ,—да онъ вамъ въ десять минутъ испортитъ десять фунтовъ крови. Маньякъ, помѣшанъ на ябедахъ, пишетъ какую-то галиматью и воображаетъ черезъ галиматью обрѣсти какую-то правду. И ничѣмъ его не уймешь! Жрать нечего, а онъ вмѣсто хлѣба покупаетъ чернила и бумагу. Выучился какъ-то писать, нахватался мудреныхъ словъ и пошелъ, и пошелъ... Главное—наглость какая. Всѣмъ министрамъ шлетъ прошенія. А я долженъ оправдываться, объяснять, что это за гусь. Вотъ полюбуйтесь, если интересно, на его послѣдній шедѣвръ — подалъ мнѣ исправникъ четко исписанный кругомъ листъ бумаги.—И можете представить: не имѣлъ онъ возможности по почтѣ отправить въ Петербургъ,—теперь за нимъ надзоръ,—такъ передалъ одному проѣзжающему для врученія по адресу. Хорошо еще, что тотъ понялъ, въ чемъ дѣло, и догадался мнѣ передать.

Я просмотрѣлъ шедѣвръ, какъ выразился исправникъ. Дѣйствительно, странное было это «вопіющее прошеніе». Желтобобовъ жаловался на исправника во имя высшей правды, не только за себя, но и за другихъ. Факты были довольно опредѣленно указаны и очевидно не выдуманы, но способъ выраженія, логическая связь въ словахъ... только совсѣмъ забитый и напуганный до сумашествія человѣкъ могъ написать что либо подобное! Трудно было даже понять, въ чемъ дѣло. Это былъ точно крикъ нѣмаго, котораго безпощадно бьютъ и который не въ силахъ выразить своего горя словами.

— Ну, что, ознакомились съ интереснымъ документомъ,—все еще злился Анатолій Ивановичъ,—поняли вы тутъ хоть что нибудь? Въ клѣтку вѣдь надо убрать подобнаго артиста, да спрятать подальше эту клѣтку, иначе онъ все таки не дастъ минуты покоя, въ клѣткѣ станетъ орать благимъ матомъ. Вѣдь у него тоже своя «идея»... Какъ же! страдалецъ за идею, ха-ха-ха! Вы посмотрите, какую онъ страдальческую рожу скорчилъ. А эта улыбка, восторженная, безсмысленная, вѣдь она хоть кого взорветъ. Не хватитъ терпѣнія смотрѣть на эту харю!

Онъ даже сплюнулъ отъ негодованія. Очевидно, при всемъ своемъ ничтожествѣ, несчастный Желтобобовъ успѣлъ таки нагадить полнокровному исправнику: даже нелѣпыя прошенія компрометировали его—надо было оправдываться. При одной мысли объ этомъ, толстякъ приходилъ въ ярость. Но мое присутствіе сдерживало его;

Digitized by Google

онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и умолкъ. Этимъ сейчасъ же и воспользовался Желтобобовъ съ назойливостью истиннаго фанатика. Онъ смекнулъ, что при постороннемъ исправникъ не перейдетъ къ дѣйствіямъ.

— Воля ваша, а противъ закона идти нельзя,—заговорилъ онъ вдругъ къ моему величайшему удовольствію.—Всякій человѣкъ можетъ жаловаться. На то законъ царскій есть, ваше высокоблагородіе. Хоть убейте меня, а я управу долженъ найти. Я за міръ стоялъ какъ есть по правдѣ, а что меня безвинно сослали, да въ волостномъ правленіи приговоръ на меня составили, больше по угощенію кабачика и отъ угрозъ господина становаго пристава, это я долженъ объяснить... На то законъ есть, чтобы дѣло свое объяснить; истязать за это нельзя. Я буду жаловаться, ваше высокоблагородіе...

— Молчать! пошелъ вонъ!—прервалъ его торопливую рѣчь побагровѣвшій исправникъ.

Полицейскій стражъ догадался, наконецъ, вытолкать непреклоннаго Желтобобова.

IV.

— Однако, чего мы здѣсь стоимъ? адмиральскій часъ пробилъ, завтракать пора,—прервалъ молчаніе Анатолій Ивановичъ, замѣтивъ, наконецъ, устремленные на насъ взоры писцовъ изъ сосѣдней комнаты и желая загладить непріятное впечатлѣніе предыдущей сцены. Онъ все еще пыхтѣлъ. Не привыкъ онъ, видно, сдерживать порывы своего гнѣва.

— Эй, Никита!—крикнулъ онъ уже съ лѣстницы полицейскому, — ступай ты сейчасъ же на почту и перетащи вещи доктора сюда.

— Вы у меня, конечно, гость на нѣсколько дней?—обратился онъ ко мнѣ.

— Но я тороплюсь, хочу сегодня же ѣхать...

— Нечего, нечего.... Ай да школьный товарищъ, другъ дѣтства,—чуть встрѣтились, уже объ отъѣздѣ думаетъ. Посмотримъ, какъ это вы у меня вырветесь такъ скоро. Ну, да что объ этомъ толковать. Завтракать пора.

При одной мысли о завтракѣ, грозный блюститель порядка превратился въ добраго, гостепріимнаго малаго. Есть же такіе счастливцы, для которыхъ самыя тяжелыя впечатлѣнія нипочемъ, все равно какъ съ гуся вода. Вѣдь какъ онъ злился за минуту передъ тѣмъ, сумашедшаго даже не пощадилъ, а теперь вотъ позавтракаетъ съ апетитомъ...

Digitized by Google

Онъ радушно ввелъ меня въ свое жилище. И какъ у него все уютно, весело... Рядъ свѣтлыхъ, просторныхъ комнатъ, устланныхъ разноцвѣтными половиками и очень сносно меблированныхъ, говорилъ о жизни тихой, сытой, спокойной. Пахло въ этихъ комнатахъ, точно у старосвѣтскихъ помѣщиковъ, не то печенымъ хлѣбомъ, не то резедой, не то пареными вѣниками. Рѣдкій нынѣ запахъ!

— Даша,—позвалъ исправникъ,—я тебѣ петербургскаго гостя привелъ; возрадуйся и угости насъ поскорѣе хорошимъ завтракомъ.

Навстрѣчу намъ выплыла барыня самой очаровательной полноты. Я говорю: «выплыла», потому что все въ ней, не исключая походки, было удивительно плавно, кругло и мягко. Въ плохо застегнутомъ ситцевомъ платьѣ, едва прикрывавшемъ ея роскошныя формы, она нѣсколько напоминала только что взбитую перину, изъ которой выглядывало сладострастно-томное личико, обрамленное черными растрепанными волосами. При словѣ «петербургскій гость», барыня, вѣроятно, въ видахъ хорошаго тона, выразила нѣкоторое замѣшательство и, слегка взвизгнувъ, поспѣшно удалилась, застегиваясь на ходу.

Вскорѣ появился подносъ. Исправникъ приступилъ къ дѣлу и, моментально проглотивъ нѣсколько рюмокъ очищенной, наполнилъ ротъ свой икрой.

Я отказался отъ водки.

— Что же такъ? У насъ безъ этого и жизнь не въ жизнь,— воскликнулъ онъ, замѣтно взыгравъ.

— Вотъ вино у васъ хорошее!—невольно удивился я, выпивъ рюмку дѣйствительно превосходнаго вина,—здѣсь такое вино, вѣрно, большая рѣдкость?

— У насъ всякаго такого добра довольно, деликатесовъ этихъ разныхъ,—пояснилъ онъ,—везутъ это къ намъ со всѣхъ концовъ свѣта: изъ Европы, сухимъ путемъ да черезъ Ледовитый океанъ и Обь; изъ Америки, черезъ Великій океанъ и Амуръ. Все можно по утробной части достать, и, знаете, даже не дорого—только вдвое, втрое противъ настоящей цѣны. Но я, сознаюсь, патріотъ своего отечества,—продолжалъ онъ, подкрѣпляя свое заявленіе новой рюмкой очищенной,—паче всего уважаю нашу мѣстную очищенную: хороша она, матушка, особенно въ сибирскіе морозы. У насъ здѣсь только она и хороша, какъ есть ничего больше не умѣютъ дѣлать. Мѣха даже посылаютъ для выдѣлки въ Москву да въ Казань: здѣшняя выдѣлка никуда не годится. Только вотъ развѣ барнаульскіе полушубки недурны, не хуже, пожалуй, настоящихъ романовскихъ, а больше что? Деготь даже плохо варятъ. Пиво, и то везутъ изъ Америки или Россіи: сибирское—дрянь. Но зато очищенная,

Digitized by Google

напр., вотъ эта пшеничная, чѣмъ не вышла? Да лучше нигдѣ не найдете. Досадно, что очищенной-то вы и не пьете, а безъ этого у насъ нельзя. Что же вы не закусываете?

Онъ подвинулъ мнѣ жестянку съ закуской. На ней былъ штемпель: «Санъ-Франциско».

— Стоитъ вамъ покупать закуски изъ-за океана, когда здѣсь всякаго мяса не оберешься,—удивился я.

— Стоитъ, стоитъ! Попробуйте, какова индѣйка; мясо-то какое! нѣжное, бѣлое, точно у выхоленной барышни—возразилъ онъ, смакуя съ видомъ гастронома.

Я взялъ кусокъ. Дѣйствительно, индѣйка оказалась очень вкусной; сладковатое, сочное мясо такъ и таяло во рту.

— Да-съ, мы здѣсь не ѣдимъ сальныхъ свѣчъ, какъ про насъ думаютъ еще на западѣ; мы знаемъ толкъ въ ѣдѣ. На томъ стоимъ. Вотъ бы вы посмотрѣли на резиденціяхъ...

— Чьи же это резиденціи?—удивился я.

— Такъ у насъ называютъ мѣстопребываніе золотопромышленнаго начальства. Вотъ гдѣ умѣютъ пожить! Всякіе деликатесы и вина, крупная картежная игра, все въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Даже поражаетъ съ непривычки: кругомъ пустыня, тайга; бродятъ инородцы, которые даже хлѣба не знаютъ, а питаются протухлой рыбой,—и вдругъ этакій, можно сказать, букетъ цивилизаціи!

Но заманчивая картина сибирскаго раздолья, нарисованная развеселившимся исправникомъ, не восхитила меня нисколько. Я уже успѣлъ до нѣкоторой степени ознакомиться съ этой страной и могъ отчетливо себѣ представить, для кого взлелѣянъ весь этотъ «букетъ цивилизаціи». Конечно, для какой нибудь зубастой щуки, въ родѣ петербургскаго франта, загнаннаго сюда не въ мѣру развитымъ апетитомъ. Пресыщенные, ожирѣвшіе, эти люди жрутъ всякіе деликатесы, подобно тому, какъ Аттила нѣкогда пожиралъ царства, больше ради процесса разрушенія, ради сознанія своей силы. Здѣсь своего рода принципъ—сожрать возможно больше. Я видѣлъ въ одномъ изъ сибирскихъ трактировъ, какъ полупьяный франтъ изорвалъ и бросилъ въ поданныя ему щи нѣсколько сторублевыхъ ассигнацій, потому что щи были очень жидки. Встрѣчалъ я тоже за границей одного сибирскаго золотопромышленника. Пріѣхалъ онъ туда лѣчиться отъ разстроеннаго въ конецъ пищеваренія. Дѣйствительно, страдалъ человѣкъ. Во всѣхъ столицахъ собирались для него консиліумы изъ медицинскихъ знаменитостей. А все таки онъ не унимался: ѣлъ за десятерыхъ да такъ и умеръ въ Парижѣ, объѣвшись пельменей, приготовленныхъ по его указаніямъ знаменитымъ поваромъ-французомъ. Нравъ у этихъ людей таковъ:

Digitized by Google

въ тайгѣ они объѣдаются трюфелями и ананасами, а въ Лондонѣ или Мадридѣ вдругъ потребуютъ строганой мерзлой осетрины, или пельменей. Въ Сибири, на просторѣ, апетитъ разыгрывается, извращается. Именно на просторѣ... Власти много,—оттого больше и прожорливость происходитъ. Здѣсь какой нибудь Анатолій Ивановичъ можетъ безнаказанно сокрушать скулы на десятки и даже сотни верстъ кругомъ; здѣсь навѣрно самая лучшая рыба и птица изъ окрестныхъ озеръ и лѣсовъ появляется на его столѣ.

— Однако, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, трудно свыкнуться съ жизнью въ этой сторонѣ?—спросилъ я его, съ цѣлью навести на воспоминаніе о прошломъ.

— Какъ видите,—отвѣчалъ Анатолій Ивановичъ, не задумываясь,—очень нетрудно. Сначала только скучновато было, пока не отвыкъ отъ петербургской жизни. Теперь же втянулся въ свое дѣло.

— Но вамъ приходится имѣть дѣло больше съ несчастными, осужденными, больными, голодными, въ родѣ Желтобобова, Аполлонова... Я думаю, здѣсь такихъ много?—спросилъ я его, желая узнать, какъ онъ относится къ тѣмъ, кого случай, преступленіе и заблужденія отдали въ его власть.

Очевидно, исправникъ хоть немного, но размышлялъ по этому щекотливому вопросу, ибо рѣчь его была очень опредѣленна и энергична.

— Долженъ сознаться, — продолжалъ онъ, — терпѣть не могу я всѣхъ такихъ господъ, за то, что они сами не живутъ толкомъ, другимъ жить не даютъ, и доходятъ, наконецъ, до состоянія невмѣняемости, какъ вотъ Желтобобовъ, котораго вы имѣли удовольствіе лицезрѣть. Я много такихъ видѣлъ и знаю имъ цѣну. Желтобобова сами же крестьяне, которыхъ онъ думалъ облагодѣтельствовать, всѣмъ міромъ порѣшили—въ Сибирь. Онъ говоритъ, что его продали за ведро водки. А спрашивается: отчего такъ дешево продали? Да вотъ отъ того самаго, что онъ фанатикъ: самъ жить не хотѣлъ и другимъ не давалъ; своими глупыми ходатайствами онъ всю деревню мутилъ, вносилъ разладъ въ мирную жизнь, недовѣріе къ властямъ проповѣдывалъ, ну, вотъ и порѣшили его, и, по моему, вполнѣ справедливо. Вы не подумайте, что я нападаю на подобныхъ людей за то, что у нихъ убѣжденія есть. Мнѣ только глупыя, ненужныя убѣжденія ненавистны. Я не говорю, что человѣкъ долженъ отречься отъ своихъ завѣтныхъ стремленій. Напротивъ... Я самъ нисколько не измѣнилъ своихъ взглядовъ,—я только ихъ усовершенствовалъ...

Я чуть не расхохотался отъ его наивности, но сдержалъ себя, боясь испортить его откровенное настроеніе.

— Но, оставаясь при своихъ убѣжденіяхъ, я жить долженъ;

Digitized by Google

такъ? Я долженъ найти себѣ дѣло, долженъ работать, а не портить жизнь себѣ и другимъ. Такъ ли?

Въ его словахъ и тонѣ было столько благородства и олимпійскаго спокойствія, что я просто изумился: убѣжденный человѣкъ, да и только!

— Но не всякая работа есть дѣло,—отвѣчалъ я общей фразой,— и не всякая жизнь—цѣль человѣческихъ стремленій.

— То есть, это вы въ какомъ смыслѣ?—спросилъ онъ подозрительно.

— Я хотѣлъ только сказать, что, при вашихъ убѣжденіяхъ, способностяхъ и образованіи, вы могли бы пойти гораздо дальше. Ваше теперешнее мѣсто, напр., совсѣмъ для васъ неподходящее,—поспѣшилъ я его успокоить.

— Что жь дѣлать: обстоятельства! — отвѣчалъ онъ, видимо польщенный.—Еще у насъ пора не настала для широкой общественной дѣятельности. Я увѣренъ, что родись у насъ Гамбетта, былъ бы онъ какимъ нибудь поручикомъ и дальше бы не пошелъ за свою непочтительность къ начальству, а Бисмаркъ дослужился бы, пожалуй, до генеральскихъ чиновъ только потому, что онъ нѣмецъ.

Я невольно разсмѣялся вмѣстѣ съ нимъ. Онъ шутилъ довольно мило, но въ этой шуткѣ все таки сказывалась нѣкоторая доля уязвленнаго самолюбія. Въ глубинѣ души онъ, пожалуй, считалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ непризнаннымъ Гамбеттой.

— Къ тому же, — продолжалъ онъ, видимо развеселившись и становясь развязнѣе,—если смотрѣть на дѣло безъ предубѣжденій, то трудъ мой, конечно, скроменъ, но не безполезенъ. Я вношу сознаніе законности въ этотъ темный міръ; я сокращаю грозныя проявленія преступной воли въ странѣ, гдѣ люди такъ разнузданы, и это вовсе не пустяки, какъ можетъ казаться на первый взглядъ: у насъ больше, чѣмъ гдѣ либо, возможность жизни заключается въ порядкѣ. Неужели я долженъ упрекать себя въ томъ, что отказался жить мечтами и нашелъ себѣ хоть и небольшое, но все таки вѣрное дѣло.

— Помилуйте, къ чему упреки?—возразилъ я,—а все таки сознайтесь, что прошлаго нѣсколько жаль. Сравнительно хорошее было тогда время!

— Оно, конечно, молодость, мечты разныя... а все таки что же вышло хорошаго? Люди коверкали свою жизнь въ угоду какой-то сумасбродной идеѣ и, стремясь къ идеалу, дошли до преступленій, до убійствъ и самоубійствъ. А развѣ мы съ вами—помните студенческія-то времена?—не были на такомъ пути? Быть можетъ, только по счастливой случайности мы избѣжали крайностей. Можно же дойти

Digitized by Google

до такого умопомраченія: помните нашу студенческую исторію, въ которой я былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ,—вѣдь какъ ревѣлъ я во всю молодую глотку, чуть не съ кулаками лѣзъ во главѣ депутаціи, а когда меня за это изъ университета прогнали, какъ и слѣдовало сдѣлать, то вообразилъ себя великимъ дѣятелемъ, чуть не апостоломъ... Ну, да что объ этомъ разсказывать, вспомнить-то даже смѣшно...

— Нѣтъ, разскажите, разскажите, пожалуйста, очень ужь интересно.

— Пожалуй... Знаете, пріятно иногда посмѣяться, вспоминая о прошломъ, да жаль тутъ не съ кѣмъ:—вы первый свой человѣкъ за десять слишкомъ лѣтъ. Такъ вотъ-съ, конечно, вы еще помните нашу глупую университетскую исторію. Меня, какъ главнаго дѣятеля, Вильгельма Телля въ нѣкоторомъ родѣ, совсѣмъ удалили изъ университета, выслали на родину подъ надзоръ. Что за жизнь въ грязномъ глухомъ городишкѣ. Кажется, нечему было радоваться, такъ нѣтъ же, можете себѣ представить,—весь годъ провелъ я въ глупѣйшихъ мечтахъ и въ восторженномъ сознаніи собственнаго достоинства. Глупое это, но пріятное сознаніе. Тогда оно, точно повальная болѣзнь, охватило всю почти молодежь. Да вы, конечно, помните тогдашнее настроеніе?

— Какъ же, какъ же,—отвѣчалъ я, невольно улыбаясь при воспоминаніи о томъ времени.

— Значитъ, понимаете, почему я ликовалъ: подъ надзоромъ полиціи—шутка сказать! Студентъ тогда въ своемъ мнѣніи стоялъ неизмѣримо высоко, выше доктора, профессора, не говоря уже о неученыхъ смертныхъ. Это настроеніе было такъ сильно, что даже сами старики пасовали передъ молодежью, лебезили... Что значитъ обаяніе великихъ надеждъ! Ну-съ, а я считалъ себя представителемъ этихъ надеждъ. Какъ же! Теперь только вижу, что эти самыя надежды толкали въ бездну. Быть можетъ, одинъ еще шагъ, и я пропалъ бы.

— Послушать васъ, такъ оказывается, что наше время будто ужь самое счастливое—никакихъ мечтаній!

— Да, конечно,—меньше заблужденій.

— Но вѣдь зато и жизни какъ будто поменьше, даже стремленіе къ ней постепенно угасаетъ...

— Да что проку-то въ этой жизни, въ этихъ стремленіяхъ? Ну, вотъ и я стремился... вѣдь какъ мучился тогда изъ-за пустяковъ, какъ волновался! По прошествіи года, какъ только позволили рабу божьему, разумѣется, полетѣлъ въ Петербургъ на крыльяхъ, такъ сказать, надежды. Конечно, за годъ подневольной жизни, я сильно

Digitized by Google

опустился, все утѣшая себя тѣмъ, что «крылья у меня связаны», и пути мнѣ «всѣ заказаны». Но тутъ встрепенулся я... Петербургъ—міръ новыхъ впечатлѣній. Явился я въ этотъ невѣдомый міръ съ грошами, но зато надеждъ—милліонъ. Сначала горячо принялся за работу, отчасти изъ страха захлебнуться въ житейскомъ омутѣ, отчасти изъ соблазнительной мысли прославиться. Каюсь, каюсь; впрочемъ, у кого ея не было. Какъ хотите, пріятно воображать, что вотъ всѣ эти озабоченные прохожіе, которые теперь такъ грубо толкаются при встрѣчѣ съ вами, даже не замѣчая васъ—черезъ какой нибудь мѣсяцъ—два, ну, черезъ годъ наконецъ, признаютъ вашу умственную власть, станутъ въ васъ вглядываться съ лестнымъ удивленіемъ. Я тогда былъ почему-то увѣренъ въ этомъ, хотя и не могъ уяснить себѣ, какъ это именно случится; вѣрилъ только, что добьюсь своего. Я мечталъ и о литературной дѣятельности, и о лаврахъ ораторскихъ, и о научныхъ открытіяхъ. Надежды, какъ видите, самыя благія. Для начала я рѣшился въ легкомъ эдакомъ популярномъ очеркѣ выяснить современныя стремленія. Мѣсяцъ работалъ, какъ въ лихорадкѣ. Главное, не могъ никакъ кончить своей статьи; наконецъ кое-какъ оборвалъ ее, обѣщая въ послѣдующихъ очеркахъ вполнѣ высказаться. Заглавіе далъ: «Судьбы Европы» и понесъ въ самую лучшую редакцію... Жаль, затерялась статья! Самому даже назидательно было бы прочесть ее много лѣтъ спустя, когда человѣкъ сталъ хладнокровнѣе смотрѣть на жизнь. Однако думаю, что хоть и не особенно умно былъ написанъ мой этюдъ, но все таки не глупѣе многихъ статей, появляющихся въ нашихъ теперешнихъ «альманахахъ» и «курантахъ». Все таки, кажется, я выдѣлялся своимъ развитіемъ.

— Какъ же, какъ же,—поспѣшилъ я ободрить его.

— Ну-съ, черезъ урочныя двѣ недѣли явился я въ редакцію за отвѣтомъ въ самомъ пріятномъ волненіи. Робости не чувствовалъ никакой. Я зналъ, что моя статья недурна, и снесъ ее въ редакцію, точно драгоцѣнный перстень ростовщику. Все боялся, чтобы не похитили моихъ мыслей. Даже условіе поставилъ—напечатать скорѣе. И вдругъ, можете себѣ представить, редакторъ даже не счелъ нужнымъ объясняться со мною; вышелъ ко мнѣ одинъ извѣстный сотрудникъ журнала—лицо его я зналъ по карточкамъ. Меня не узнаютъ, не просятъ садиться, даже не заговариваютъ, а смотрятъ вопросительно. Я нѣсколько растерялся отъ такого пріема. Наконецъ говорю, зачѣмъ пришелъ. Оказывается, статья неудобна. И никакихъ разъясненій, кромѣ стереотипной фразы: «неудобна», вотъ и все; мы смотримъ, дескать, только на то, годится ли намъ статья. «Позвольте, однако, объясниться, говорю; быть можетъ, здѣсь только

Digitized by Google

недоразумѣніе, такъ я постараюсь его устранить. Вѣроятно, статья не можетъ пройти черезъ цензуру»?—«Нѣтъ, ничего, все такое ужь не разъ было высказано, и даже въ болѣе опредѣленной формѣ»,—отвѣчалъ мнѣ сотрудникъ съ чуть замѣтной, обидной улыбкой.—«Однако, мнѣ кажется, до сихъ поръ еще никто не проводилъ съ такою послѣдовательностью мысль о томъ, что судьба Европы заключается въ замѣнѣ политическихъ учрежденій соціальными и въ постепенной демократизаціи жизненнаго и политическаго строя»,—возразилъ я. Промолчалъ онъ, какъ будто не желая входить въ дальнѣйшія объясненія. «Быть можетъ, моя подпись подъ статьей вредитъ, по нѣкоторымъ причинамъ. Если такъ, то я готовъ подписаться псевдонимомъ».—«Нѣтъ, не это»,—ужь совсѣмъ нетерпѣливо отрѣзалъ сотрудникъ и протянулъ мнѣ тетрадь:—бери дескать, а то уроню на полъ... чего тутъ еще разговаривать? много васъ такихъ съ претензіями... И, главное, при этомъ еще канальски-тонкая улыбка! Меня передернуло всего. А тутъ еще какой-то неизвѣстный писатель, перелистывавшій книгу, небрежно развалясь въ креслѣ, взглянулъ на меня и тоже скверно улыбнулся. Такъ я и ушелъ, не добившись, почему статья неудобна. Только на улицѣ опомнился и даже рукой по лицу провелъ, какъ будто меня оплевали. Конечно, я и теперь скажу, уже совсѣмъ безпристрастно, что ко мнѣ отнеслись несправедливо. Нѣтъ ничего хуже незаслуженной обиды, презрительнаго невниманія. По неволѣ приходится самому смотрѣть на людей съ негодованіемъ и злобой. Не хныкать же? Вотъ на меня тогда даже швейцаръ на шикарной лѣстницѣ редакціи посмотрѣлъ съ такимъ презрительнымъ любопытствомъ, какъ умѣютъ смотрѣть только сытые лакеи на людей обтрепанныхъ, но образованныхъ. А между тѣмъ я вполнѣ сознавалъ, что стою по своимъ способностямъ неизмѣримо выше всѣхъ этихъ господъ, которые смотрѣли на меня съ такимъ презрѣніемъ... А еще литераторы... пишутъ о свободѣ и равенствѣ! Какое тутъ равенство,—даже сѣсть не попросили, разговора не удостоили, встрѣтили злобно, съ завистью, съ дѣланнымъ презрѣніемъ. Конкуррентъ по ремеслу! Вѣроятно, почувствовали, что я, не смотря на всю неопытность въ литературномъ дѣлѣ, все таки стою выше ихъ всѣхъ, если не по уму, то по оригинальности.

— Вотъ какъ! Неужели у нихъ разгорѣлась зависть?—невольно воскликнулъ я.

— Повѣрьте, что такъ. Иначе, чѣмъ объяснить этотъ высокомѣрный тонъ,—вѣдь все таки моя статья была хороша, не безъ недостатковъ, конечно, не безъ претензій, а все таки хороша; почему же меня не пустили? Быть можетъ, даже статьи толкомъ не

Digitized by Google

прочли, навѣрно даже не прочли. Сначала я такъ и думалъ, что отказъ принять статью мою—просто случайный недосмотръ, недоразумѣніе. Пошелъ въ другую редакцію, въ третью наконецъ, вездѣ то же невниманіе, странное предубѣжденіе, недоброжелательство даже. Послѣ этого, какъ будто завѣса спала съ глазъ моихъ. Если ужь въ литературѣ,—въ сферѣ, такъ сказать, идеаловъ,—меня не захотѣли не только понять, но даже вниманія не удостоили изъ какихъ-то мелкихъ личныхъ побужденій, то гдѣ же послѣ этого искать настоящаго равенства и всего прочаго, о чемъ такъ кричатъ люди? Что мнѣ оставалось дѣлать послѣ этого? Наплевать на всѣ громкія слова и уразумѣть, въ чемъ заключается настоящая жизнь. Я такъ и сдѣлалъ.

— И что же, такъ сразу и порѣшили съ «пустыми словами», перешли къ «настоящей жизни»?—спросилъ я.

— Конечно, нѣтъ,—знаете, вѣдь эти юношескія колебанія, страданія... Были даже минуты, когда я упрекалъ себя чуть не въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ. Какъ это смѣшно теперь—считать измѣной то, что было лишь благоразуміемъ, естественнымъ выходомъ изъ моего положенія.

— Положимъ, благоразуміе... однако, все таки странно, какъ это одинъ случай въ редакціи могъ повліять на васъ такъ сильно, что вы повернули въ другую сторону, оставили совсѣмъ литературную дѣятельность при вашей способности выражаться. Надо было поучиться; сразу трудно хорошо написать.

— Разумѣется, я могъ бы при лучшихъ обстоятельствахъ кое-что сдѣлать, но испытали бы вы все тогдашнее мое горе, такъ не удивлялись бы этому повороту. Я ужь не говорю объ обидѣ,—у всякаго развитаго человѣка есть самолюбіе, чувство справедливости и своего достоинства,—но тутъ какъ разъ подошли матеріальныя лишенія... Знаете, какъ жизнь тѣснитъ русскаго интеллигентнаго человѣка...

— Да, скверные дни пережилъ я тогда,—продолжалъ Анатолій Ивановичъ, задумчиво и въ то же время самодовольно, какъ будто его прошедшее являлось крупнымъ подвигомъ.—Вмѣсто великихъ надеждъ, съ которыми я прибылъ въ Петербургъ и на которыя имѣлъ даже нѣкоторое нравственное право, я вдругъ сознаЛъ себя хуже, чѣмъ нищимъ и убогимъ. Право, были такія минуты, когда я просто трусилъ за свое существованіе и съ трепетомъ считалъ послѣдніе гроши. Нравственная парша какая-то напала. Чортъ знаетъ, что такое! Съ непривычки, очень ужь тяжело было остаться безъ великихъ надеждъ и трескучихъ фразъ. Прежде я этимъ добромъ вполнѣ довольствовался, знаете—опьяненіе молодости, кру-

Digitized by Google

жокъ веселыхъ товарищей-студентовъ. Не смотря на свои дырявые сапоги и пустой желудокъ, все таки я съ нѣкоторымъ даже презрѣніемъ смотрѣлъ на господъ, разъѣзжающихъ въ каретахъ. Очень ужь самъ былъ богатъ надеждами и высоко себя ставилъ. И вдругъ я убѣдился, что все такое—пуфъ, что за мои хорошія стремленія никто мѣднаго гроша не дастъ, что въ сущности я пролетарій и помышлять мнѣ о великихъ дѣяніяхъ рѣшительно не приходится. Студентъ, не окончившій курса, безпомощнѣе фабричнаго рабочаго: даже самой тяжелой работы не найти ему. Вотъ и мечтай тутъ о лучшей дѣятельности, пробивай дорогу. Даже геній—и тотъ пропадетъ. Я увѣренъ, что еслибы самому Шекспиру довелось питаться дрянными кухмистерскими обѣдами,—онъ не написалъ бы ничего путнаго; а я боялся, что и этихъ обѣдовъ скоро мнѣ не хватитъ. Жалкое противорѣчіе—это безпомощное убожество и самонадѣянныя мечты юности. Здѣсь по неволѣ руки опускаются. Случалось мнѣ, «въ минуты жизни трудныя», цѣлые вечера проводить за бутылкой пива въ притонахъ разврата,—студенческая привычка:—молодежь наша, лишенная семьи, идетъ въ такія мѣста. Прежде, въ обществѣ, это не возмущало, грязь не бросалась въ глаза; но теперь я былъ одинъ. По цѣлымъ часамъ я смотрѣлъ, какъ юноши, полные благороднѣйшихъ стремленій, танцуютъ здѣсь въ такой обстановкѣ, и съ кѣмъ же! Вотъ въ эти вечера я особенно сильно чувствовалъ свое убожество; меня сосало какое-то скверное чувство, а оторваться отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній я не могъ,—пропивая послѣдніе гроши. Вотъ когда, наконецъ, я плюнулъ на всѣ несбыточныя мечты, въ которыхъ столько нелѣпаго презрѣнія къ жизни съ ея насущными задачами...

V.

Анатолій Ивановичъ смолкъ, какъ будто торжествуя. Я тоже молчалъ, глядя на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Эти унизительныя воспоминанія, повидимому, нисколько его не печалили, — скорѣе доставляли ему удовольствіе. Лицо его оживилось, онъ даже заговорилъ краснорѣчивѣе. Неужели ему не стыдно? Меня удивило, какъ онъ могъ высказываться такъ откровенно при своемъ несомнѣнномъ самолюбіи. Но, глядя на его сытое, веселое лицо, я понялъ, что онъ доволенъ жизнью, полонъ сознанія своей правоты, смотритъ, дѣйствительно, съ презрѣніемъ на всякія мечты, а потому и не конфузится выкладывать свое нутро. Къ тому же люди довольные любятъ посмѣяться подчасъ даже надъ собой. Если онъ и вспомнилъ о прошломъ, то единственно потому, что ему пріятно

Digitized by Google

было поболтать за стаканомъ хорошаго вина со школьнымъ товарищемъ. Правда, въ его разсказѣ, при всемъ спокойствіи, звучала нѣкоторая непріятная нотка,—онъ какъ будто оправдывался, но больше ради меня, ради ходячихъ понятій, осуждающихъ вообще такія рѣзкія перемѣны, какъ переходъ отъ литературной дѣятельности къ полицейской службѣ.

— Но скажите, однако, какъ вы сюда попали? — прервалъ я молчаніе.

— Просто счастливый случай, и какъ разъ вò-время: безъ него едва ли жизнь моя сложилась бы такъ хорошо. Въ самый разгаръ голодухи, узналъ я изъ газетъ, что генералъ-губернаторомъ восточной Сибири назначенъ старый сослуживецъ моего отца, и меня осѣнила мысль похлопотать у него насчетъ мѣстечка. Приходила мнѣ эта благоразумная мысль и прежде, но—можете себѣ представить—я отвергалъ ее даже съ негодованіемъ,—о лаврахъ все еще мечталъ! Теперь же, когда эта мысль являлась такой удобоисполнимой, я ухватился за нее и сразу почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе. Рѣшилъ на другой же день идти. Оставалось только во что бы то ни стало раздобыть черную фрачную пару. Почему-то я вдругъ постигъ, что безъ фрака нельзя. Страхъ какой-то заговорилъ,—очень ужь боялся потерять хорошій случай. А это была бы непростительная глупость. И какъ я безпокоился, когда не могъ раздобыть злополучнаго фрака послѣ цѣлаго ряда хлопотъ! Наконецъ, дѣло какъ-то уладилось—напрокатъ досталъ. Явился съ докладной запиской. Генералъ тутъ же просмотрѣлъ ее, вспомнилъ про отца и пожелалъ узнать, кончилъ ли я курсъ въ университетѣ. Мое дѣло приняло хорошій оборотъ, но студенческая исторія чуть было не испортила всего. Я, впрочемъ, догадался по возможности замять ее. Генералъ видимо колебался, дать ли мнѣ мѣсто; осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, и вотъ тутъ-то меня фракъ и выручилъ. Ясно, что безшабашный нигилистъ фрака не надѣнетъ. Я сразу получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій. Прослужилъ я на этой должности лѣтъ пять, а потомъ перешелъ вотъ сюда, сначала помощникомъ, а года черезъ полтора въ исправники вышелъ. Знаете, спокойнѣе; кстати успѣлъ въ это время жениться, да и генералъ мой уходилъ,—пора было уйти и мнѣ на покой. Одно только плохо: ходу нѣтъ съ этого мѣста, впереди больше ничего не предвидится...

— Пожалуйте обѣдать,—послышался голосъ хозяйки.

Посреди свѣтлой, просторной комнаты, подобно жертвеннику, возвышался столъ, обильно уставленный закусками и бутылками. Горячее блюдо дымилось передъ привѣтливо улыбавшеюся хозяй-

Digitized by Google

кою. Въ улыбкѣ этой проглядывало нѣкоторое смущеніе. Барыня даже слегка покраснѣла, причемъ на ея нѣжномъ, пухленькомъ лицѣ замѣтно обозначились три самыхъ очаровательныхъ ямочки, и на краю одной изъ нихъ темнѣла бархатистая и нѣжная, какъ лепестокъ, родинка. Миленькая! и чего это она смутилась давеча при встрѣчѣ со мной, а вотъ теперь опять? Я напрасно силился рѣшить этотъ вопросъ. Неужели петербуржецъ еще окруженъ ореоломъ въ ея глазахъ, и встрѣча съ новымъ человѣкомъ волнуетъ ее? Неужели она такъ наивна? О, непостижимыя тайны женственности! Я попытался разъяснить эти тайны и заговорилъ съ Дарьей Александровной, пока Анатолій Ивановичъ поспѣшно глоталъ супъ и водку. Но я получалъ лишь односложные отвѣты и скоро долженъ былъ понять, что, кромѣ этой милой женственности, Дарья Александровна и не въ силахъ ничего обнаружить; что она рождена лишь для поцѣлуевъ, для «звуковъ сладкихъ», для любви, то есть, какъ разъ подъ стать полнокровному исправнику. Оставался еще вопросъ: вошла ли она, такая стыдливая, женственная, въ роль исправницы и цапаетъ ли исправно? Всмотрѣвшись въ нее ближе и узнавъ, что все ея развитіе ограничилось лишь прочтеніемъ нѣсколькихъ сантиментальныхъ и скабрезныхъ романовъ, я рѣшилъ, что она непремѣнно цапаетъ и даже не безъ азарта. Мнѣ живо представилось, какъ просители пробираются къ исправнику съ чернаго хода, черезъ кухню, гдѣ ихъ изрядно щиплютъ, послѣ чего ихъ участь рѣшается въ спальнѣ подъ покровительствомъ ночи, въ интимной бесѣдѣ между супругами. Вѣроятно, самъ по себѣ, Анатолій Ивановичъ сіяетъ во всемъ блескѣ своего исправническаго безкорыстія и неподкупности. Я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на эту парочку, столь круглую и законченную. Вотъ только дѣтей за столомъ недоставало, но даже, казалось, такъ и должно быть; казалось, дѣти нарушили бы чудную гармонію и законченность парочки. Мнѣ оставалось лишь разсыпаться въ похвалахъ ихъ жизни, и я наговорилъ комплиментовъ Дарьѣ Александровнѣ по поводу превосходнаго обѣда.

— Она у меня на этотъ счетъ не мастерица, — вмѣшался въ нашъ разговоръ Анатолій Ивановичъ,—у меня есть прекраснѣйшій поваръ-французъ.

— Неужели вы его выписали?—удивился я.

— Нѣтъ... изъ ссыльно-каторжныхъ. Былъ поваромъ у какого-то посла, да зарѣзалъ, кажется, свою любовницу, попалъ въ каторгу, со снисхожденіемъ, впрочемъ, ненадолго. Вотъ недавно вышелъ на поселеніе. Какъ видите, даже въ каторгѣ не утратилъ своего таланта...

— А вамъ, Анатолій Ивановичъ, обѣдая, не приходитъ въ го-

Digitized by Google

лову, что руки вашего повара обагрены человѣческою кровью?—полюбопытствовалъ я.

— Какъ вы нервны, а еще врачъ!—возразилъ Анатолій Ивановичъ:—знаете вѣдь, что кровь смывается. Къ тому же, въ Сибири на этотъ счетъ господствуетъ спокойный взглядъ. Отъ самаго отчаяннаго разбойника не бѣгутъ и даже жмутъ ему руку, если богатъ. Да и сторониться не приходится: тутъ преступникъ на каждомъ шагу попадается. Онъ въ нѣкоторомъ родѣ здѣсь излюбленный человѣкъ. Онъ здѣсь и ремесленникъ, и чиновникъ. На Амурѣ, напримѣръ, вся почти прислуга изъ каторжныхъ; другой и не сыскать.

— Вы хотѣли сказать: изъ отбывшихъ каторгу?

— Нѣтъ, часто изъ каторжныхъ прямо. Нужно прислугу, такъ и обращаются къ смотрителю тюремнаго замка,—берутъ на поруки, на выборъ. У моего знакомаго была даже подруга каторжная. Попалась въ грѣхѣ, который судится при закрытыхъ дверяхъ—нецензурный такой грѣхъ—вотъ и присудили въ каторгу. И можете представить, довольно даже образованная, недурна собой; прельстила товарища. Прожила она у него что-то годика два—каторгу отбывала,—разсмѣялся исправникъ.

— Да какъ же это такъ?—удивился я.

— Да очень просто, обыкновенное житейское дѣло. Кого только жизнь не сближаетъ? Самые непримиримые враги черезъ нѣсколько лѣтъ могутъ встрѣтиться друзьями. Здѣсь даже судья и преступникъ могутъ пожать другъ другу руку, какъ хорошіе знакомые. Константина Александровича помните?

Я старался вспомнить, но напрасно.

— Начальникъ въ нашемъ городѣ, должны помнить: онъ былъ притчею во языцѣхъ всего студенчества.

— Да, да, теперь вспомнилъ...

— Ну, вотъ, всѣ мы его считали злымъ человѣкомъ. И какъ я его ругалъ, будучи студентомъ! А вотъ въ Сибири друзьями встрѣтились. Жизнь научила меня уму-разуму. Я его теперь понялъ: добрѣйшій старикъ, увѣряю васъ; мы его тогда глупѣйшимъ образомъ осуждали. Ну, что жь, онъ ревностно служилъ, да вѣдь всякій человѣкъ такъ или иначе служитъ. Конечно, въ его положеніи нельзя безъ строгости... Ну-съ, встрѣтилъ я его на пароходѣ,—въ Томскъ по какому-то дѣлу ѣхалъ. Я его сразу узналъ. Подхожу, спрашиваю:—«Не узнаёте, ваше превосходительство, стараго знакомаго»? Онъ удивился:—Не узналъ.—«А помните, говорю, студента Розова,—вотъ я самъ и есть. Вы же со мною и вели тогда сепаратную бесѣду, и угостили хорошимъ обѣдомъ отъ своего стола».

Digitized by Google

«А, теперь вспомнилъ», — улыбнулся старикъ хорошей такой улыбкой.—«Вижу,—говоритъ,—по формѣ, что вы на службѣ, молодой человѣкъ. Слава богу, слава богу. А огорчали вы меня тогда. Откровенно вамъ скажу, не думалъ я, что изъ васъ выдетъ прокъ и что вы успѣете сдѣлать карьеру, да вижу теперь—ничего, остепенились, молодой человѣкъ»!—Повѣрьте, въ этомъ добродушномъ тонѣ, въ его улыбкѣ, въ его нѣсколько ироническомъ: «молодой человѣкъ»—чувствовалось столько теплоты, точно онъ лучшаго ученика своего встрѣтилъ. Разговоръ нашъ принялъ сразу самый дружескій, почти родственный характеръ. Я даже слегка подшутилъ надъ нимъ.—«Поздравляю съ генеральскимъ чиномъ,—говорю.—Я помню васъ еще полковникомъ; еще мы всѣ называли васъ «ваше превосходительство», чтобы задобрить да и подшутить, а вы на насъ смотрѣли сквозь пальцы».—«Да что же мнѣ съ вами было дѣлать? вѣдь вы больше тогда языкомъ болтали, а рукамъ все таки воли не давали; зачѣмъ же губить молодое поколѣніе?» — «А помните, ваше превосходительство, наши танцовально-музыкальные вечера?»—«Какъ же, какъ же, вѣдь какъ веселились!»—«А помните, однажды въ разгарѣ этого веселья, мы васъ качали»?—Ухмыляется старикъ отъ воспоминаній.—«Такъ вотъ, если изволите помнить, это я, грѣшный человѣкъ, булавкой-то васъ тогда нѣсколько разъ ужалилъ; я же и товарищей подвыпившихъ надоумилъ васъ покачать. Простите окаяннаго; каюсь теперь, каюсь». Мой собесѣдникъ такъ и покатился со смѣху.—«Вотъ оно что! Такъ это вы тогда надо мной подшутили, да еще какъ больно: я думалъ шиломъ, а вы булавкой,—вѣдь какъ укололъ, даромъ что рейтузы были толстыя. Хе-хе-хе! Ну, говоритъ, теперь я долженъ, въ виду вашего сознанія, сейчасъ же васъ и подъ сюркупъ. Простить нельзя—помилуйте—посягательство! Вотъ я вамъ покажу, гдѣ раки зимуютъ, какъ говоритъ Щедринъ (представьте, Щедрина цитируетъ). Теперь вы у меня ужь не увернетесь, нѣтъ съ! На такія преступленія нѣтъ давности».—«Ну, если такъ, говорю, то я васъ тоже подведу, ваше превосходительство. Если я преступникъ, то вы виновны въ «укрывательствѣ» и «попустительствѣ» (эти слова я подчеркнулъ): вы не только не взыскали съ меня тогда, но даже скрыли самый фактъ преступленія, притворившись, что не замѣтили булавочныхъ уколовъ, и принявъ качаніе за чистую монету. Вы даже шампанскаго потребовали и роспили съ нами нѣсколько тостовъ: за русское просвѣщеніе, за процвѣтаніе университетовъ, за молодежь. Помните, помните, не отпирайтесь»!—«Правда,—говоритъ,—правда: мы оба съ вами виноваты, а потому забудемъ прошлое и лучше отобѣдаемъ вмѣстѣ». Нахохотались мы тогда, вспоминая прошлое.

Digitized by Google

Пріятно, знаете, взглянуть на свою жизнь просвѣтленными глазами. Умнѣйшій человѣкъ, увѣряю васъ. «Вотъ,—говоритъ,—мы съ вами дружески бесѣдуемъ, вѣдь это важный, знаменательный фактъ. Да-съ! Мы теперь отлично понимаемъ другъ друга, а прежде... хе, хе, хе!.. какая-то бездна раздѣляла стариковъ и молодежь... Совсѣмъ было юноши отъ рукъ отбились, да ничего, слава богу, научила ихъ теперь жизнь уму-разуму; видно, она сильнѣе пустыхъ вѣяній. Хе, хе, хе! всякому жить хочется».

VI.

Въ эту минуту, исправнику принесли какія-то весьма нужныя бумаги. Мимо оконъ провели большую партію арестантовъ. Внезапно прерванный разговоръ естественно принялъ другой оборотъ и коснулся дѣйствующей системы наказаній.

— Еслибы вы лучше знали мѣстныя условія,—замѣтилъ Анатолій Ивановичъ,—то вѣрно согласились бы со мной, что въ иныхъ случаяхъ плеть положительно необходима. Тутъ попадаются такіе «варнаки», которымъ и плети нипочемъ. Въ Сибири народъ выносливый, нѣжностей не любитъ. Въ каторгѣ особенно вырабатываются изумительные характеры. Я тутъ долго велъ борьбу со всякими бѣглыми и, слава богу, сократилъ ихъ порядкомъ. Почему-то мой городъ служилъ сборнымъ для нихъ пунктомъ. Одного каторжника я два раза здѣсь поймалъ. Второй разъ, какъ вырвался съ каторги и пришелъ сюда,—изволилъ объявить, что дни мои сочтены: раздѣлаться, дескать, со мной порѣшилъ. Я, признаться сказать, даже немного струхнулъ. Наконецъ, арестовалъ таки. Ну, разумѣется, по состоявшемуся въ полицейскомъ управленіи приговору, прежде всего плетьми его, какъ бродягу-бѣглаго. Самъ я при наказаніи не присутствовалъ, а мой помощникъ. Я не досмотрѣлъ; но, кажется, ему дали нѣсколько больше положеннаго, по штату, числа ударовъ,—въ счетѣ ошиблись, хе, хе, хе! И что жь бы вы думали? всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а черезъ недѣлю совсѣмъ оправился. Вотъ такихъ-то развѣ только плетью и проймешь; гладить тутъ по головкѣ не приходится.

— И вамъ не страшно такъ *пронимать* людей?—освѣдомился я.

— Привыкнуть надо,—ничего не подѣлаешь. Конечно, я понимаю необходимость извѣстныхъ мѣръ при условіяхъ здѣшней жизни, а все таки вначалѣ было непріятно. Разъ, знаете, мнѣ пришлось арестовать молодую бабенку, такъ вѣрите ли, чуть не заболѣлъ отъ жалости; я еще тогда помощникомъ былъ и холостякомъ и, какъ водится, увлекался. Долго мнѣ потомъ мерещилась бѣдняжка: тѣло

Digitized by Google

бѣлое, нѣжное, точно у аристократки какой, удивительно даже! Потомъ изъ слѣдствія оказалось, что она каторжная, закаленная значитъ, а происходитъ изъ благородной фамиліи и попала въ каторгу за дѣтоубійство. Какъ-то ухитрилась она бѣжать: деньги, вѣрно, были. Одна, конечно, недалеко ушла, должна была по неволѣ связаться съ бѣглымъ варнакомъ, на котораго прежде не могла бы и взглянуть безъ отвращенія. Такъ и втянулась совсѣмъ въ варнацкую жизнь; всѣ человѣческія чувства притупились, удивительно еще, какъ видъ приличный сохранила: вѣдь въ каторгѣ да въ бѣгахъ чего только не вынесла! Послѣ двухъ-трехъ такихъ случаевъ, я совсѣмъ успокоился.

— Однако, это ужь просто ужасы, что̀ вы разсказываете,—прервалъ я его.

— Эхъ, вы, мечтатель! Не хотите взять въ соображеніе, гдѣ мы живемъ. Однихъ процессовъ объ истязаніи сколько! Опекуны, родители на смерть засѣкаютъ дѣтей своихъ. Чего ужь тутъ хныкать: дѣлу все равно не поможешь.

— Но можно вѣдь устранить себя!..

— Зачѣмъ? Вѣдь все таки я вполнѣ сознаю необходимость наказанія въ современной жизни. Наказывать вовсе не значитъ бить. Въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ законъ, сознаніе неизбѣжности; во второмъ же случаѣ—произволъ, личныя страсти. Наказаніе, если хотите, это прогрессъ въ дѣлѣ избіенія. Оно необходимо, если люди въ жизни привыкли къ побоямъ, — вѣдь произволъ долженъ быть ограниченъ закономъ, карой.

— Все таки видѣть, какъ человѣка бьютъ, хотя бы и по закону, не утѣшительно.

— Да вѣдь человѣка бьютъ не по закону, а по особо предназначенному для сего мѣсту. Это еще не такъ обидно, — сострилъ исправникъ и расхохотался.—Но что̀ это мы съ вами ведемъ такіе меланхолическіе, разговоры, да еще за обѣдомъ? Знаете, докторъ, вредно это... А все вы виноваты; втянули и меня. Дурная студенческая привычка. Помните, какъ мы, бывало, спорили до поздней ночи...

Я тоже хотѣлъ ему кое-что напомнить, но удержался: зачѣмъ? вѣдь онъ человѣкъ положительный, давно порѣшившій со всякими воспоминаніями.

Я же вспомнилъ, какъ мы еще дѣтьми, забравшись на чердакъ одного дома, сквозь окно видѣли чудовищную сцену обыкновенной «торговой казни».

Это было въ то еще время, когда плеть съ почетнымъ карауломъ, съ барабаннымъ боемъ, появлялась на площадяхъ. Я вспом-

Digitized by Google

нилъ черный эшафотъ, палача въ красной русской рубахѣ; блѣднаго отъ страха и злобы преступника; сверкающую въ лучахъ солнца, цѣпь штыковъ кругомъ и грозное море обнаженныхъ человѣческихъ головъ. Это море глухо ревѣло и вдругъ смолкло. Раздалось чтеніе приговора, грохотъ барабановъ, а потомъ наступила тишина, грозная, мучительная. Вотъ тѣло преступника постыдно обнажено. Раздался отвратительный возгласъ палача — угроза злодѣю,—ударъ плетью и отвѣтный крикъ. Страшная тишина—и опять возгласъ палача и взмахъ плети. Кровь брызнула. Еще и еще ударъ, и чудовищные, безумные крики оглашаютъ площадь. Море головъ трепещетъ. Еще и еще ударъ... крики оборвались дикой, нечеловѣческой нотой, и среди воцарившейся тишины еще грознѣе, еще отвратительнѣе раздаются возгласы палача.

Но нѣтъ силъ примириться съ этими мрачными впечатлѣніями, и, повторяясь, они еще усиливаются, доходятъ до крайняго напряженія, почти до физической боли. Слушая теперь глумленія Анатолія Ивановича надъ своимъ прошлымъ, надъ своими юношескими упованіями и надъ страной, гдѣ, къ его величайшей утѣхѣ, расточается столько побоевъ, я невольно вспомнилъ, какъ поблѣднѣлъ онъ тогда, при видѣ кровавой расправы, какъ задрожалъ, заплакалъ, какъ искренно и глубоко возмутился. Но все прошлое исчезло безслѣдно, какъ сонное видѣніе. Настали другія времена, перемѣнилось и настроеніе Анатолія Ивановича. А въ сущности онъ не измѣнилъ нисколько своимъ убѣжденіямъ, потому что ихъ у него никогда не было. Просто плылъ человѣкъ «по теченію», и оно увлекло его въ гнилое болото. Когда у людей нѣтъ ничего своего за душой, когда убѣжденія исходятъ изъ чрева, а не изъ сердца, и зависятъ отъ скоропреходящихъ настроеній и случайныхъ событій, тогда вполнѣ возможны самыя безобразныя превращенія, и то, что вчера казалось лишь нелѣпымъ сномъ, сегодня становится печальною дѣйствительностью...

Мои размышленія были прерваны гостепріимной Дарьей Александровной. Замѣтивъ, что я скучаю, она постаралась развлечь меня занимательнымъ разговоромъ. Мнѣ пришлось отвѣчать на разспросы о томъ, какъ ѣдятъ, одѣваются, выѣзжаютъ и спятъ петербургскіе дамы и кавалеры. Разсудительная, но нѣсколько легкомысленная барыня бредила свѣтской жизнью, особенно послѣ того, какъ прочитала «Нана» въ русскомъ переводѣ, въ чемъ и не замедлила сознаться съ подобающею скромностью. Этотъ романъ до крайности затронулъ ея любопытство. Она стремилась въ столицу, какъ мотылекъ къ свѣту, и выразила большое огорченіе по поводу того, что супругъ ея, вслѣдствіе своего благороднаго образа мыслей и

Digitized by Google

крайней непрактичности, надо полагать, вѣчно останется нищимъ, и ей придется прожить свой вѣкъ въ трущобѣ, не испытавъ, хотя бы на мгновеніе, настоящей жизни.

Анатолій Ивановичъ выслушалъ упрекъ въ излишнемъ благородствѣ мыслей съ легкой улыбкой, преисполненной чувства собственнаго достоинства. Онъ тяжело дышалъ послѣ сытнаго обѣда и обильныхъ возліяній въ честь Вакха. Лицо его потемнѣло, а въ глазахъ появилось какое-то дикое выраженіе. Супруга уже начинала съ тревогой поглядывать на него и отодвигать подальше бутылку съ виномъ. А мнѣ вдругъ стало до такой степени невыносимо скучно въ обществѣ этихъ милыхъ людей, что, отговорившись головной болью и усталостью, я поспѣшилъ вернуться на почтовую станцію, чтобы хоть немного отдохнуть передъ дальнею дорогой. Я насилу отдѣлался отъ усиленныхъ приглашеній Дарьи Александровны еще посидѣть и покалякать—обѣщаніемъ еще разъ зайти къ нимъ передъ отъѣздомъ. Конечно, я больше не пошелъ, но съ Анатоліемъ Ивановичемъ мы еще разъ встрѣтились при самыхъ удивительныхъ условіяхъ, причемъ я убѣдился, что въ душѣ его далеко не все обстоитъ такъ благополучно, какъ можно было бы судить по его самодовольному, и плотоядному виду.

VII.

Выдя на улицу, я вздохнулъ съ замѣтнымъ облегченіемъ и порѣшилъ немедленно оставить городъ Хавронскъ; но оказалось, что всѣ почтовыя лошади, по случаю ярмарки, въ разгонѣ. Приходилось ждать на станціи нѣсколько часовъ. Въ глубокомъ унынiи отъ пережитыхъ впечатлѣній я опустился на ветхій продавленный диванъ въ комнатѣ для проѣзжающихъ и устремилъ безнадежный взглядъ на лубочныя картинки и гравюры 40 — 50-хъ годовъ, въ избыткѣ украшавшія противоположную стѣну. Какъ водится, были тамъ и портреты кавказскихъ и севастопольскихъ героевъ, съ грозными лицами, точно потемнѣвшими отъ пороха, и вольное изображеніе какой-то голубоокой дамы, съ букетомъ изъ неимовѣрно пунцовыхъ розъ, и картина страшнаго суда, съ поверженными въ адское пламя грѣшниками и гостепріимно суетящимися вокругъ нихъ лукавыми чертями. Въ глубокомъ раздумьѣ, усталый, я продолжалъ разсѣянно смотрѣть на лубочныя картинки, какъ вдругъ точно мягкая, прозрачная пелена упала на мои глаза. Мнѣ почудилось, что у поверженныхъ грѣшниковъ, и даже у чертей, какъ будто знакомыя лица, что я гдѣ-то уже ихъ видѣлъ; что тутъ же вертятся и полнокровный Розовъ, и «падшій ангелъ» Аполлоновъ; что далѣе

Digitized by Google

мелькаютъ давно забытыя, встревоженныя тѣни, а севастопольскій герой со стѣны смотритъ на меня насмѣшливо-прищуренными глазами. И вдругъ вся эта вереница призраковъ, точно сброшенная злой, ужасной силой съ громадной высоты, упала въ бездну... Я сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы опомниться, но не успѣлъ глазъ протереть, какъ тутъ же на диванѣ забылся болѣзненнымъ, тяжелымъ сномъ. Снилось мнѣ, что въ сумерки я пробирался по топкому болоту. Кругомъ кусты тальника уныло шумѣли подъ напоромъ вѣтра... Таинственно шныряли летучія мыши... Вдали дико стонала какая-то ночная птица, и во всей окружающей природѣ чувствовалось не то ожиданіе, не то тревога, какъ передъ надвигающейся грозой. Со мной шелъ Розовъ; онъ указывалъ мнѣ путь, но я не поспѣвалъ за нимъ. Ноги мои вязли въ болотѣ. Онъ протянулъ мнѣ холодную и липкую, какъ у лягушки, руку. Я съ отвращеніемъ оттолкнулъ ее, взглянулъ въ его большіе на выкатѣ глаза и тутъ только замѣтилъ, что передо мной совсѣмъ не мой школьный товарищъ, а толстая лягушка съ отвислымъ сѣроватымъ брюхомъ. Я хочу бѣжать, но отъ ужасныхъ гадовъ и отвратительныхъ лягушекъ нѣтъ спасенья. Они кишатъ кругомъ и жалобное, страстное кваканье ихъ доносится издали изъ громаднаго озера, уснувшаго въ вечерней холодной мглѣ... Вдругъ раздался выстрѣлъ! Въ испугѣ я вскочилъ и бросился къ окну. Мимо, съ крикомъ, гамомъ, пронеслись двѣ тройки. Въ темнотѣ я успѣлъ разглядѣть лишь каски и блестящія пуговицы у сѣдоковъ. Мнѣ показалось, что больше всѣхъ кричалъ исправникъ. Въ комнатѣ было очень темно, свѣчи догорѣли. Должно быть, я проспалъ часовъ шесть и съ просонокъ не могъ найти выходныхъ дверей. Я позвалъ станціоннаго писаря. Онъ вошелъ, держа свѣчу въ дрожащихъ старческихъ рукахъ и прищуривъ заспанные глаза.

— Что случилось? Кто выстрѣлилъ сейчасъ? Зачѣмъ кричали?

— А это нашъ баринъ Анатолій Ивановичъ съ нынѣшняго дня изволили закуралесить. А ужь коли начали, такъ запьютъ мертвую чашу-съ. Теперь недѣли на три пойдетъ потѣха. Иной разъ ночью подымется такой переполохъ и пальба изъ револьверовъ, точно вотъ непріятель подступилъ къ городу. А то еще пожарныхъ по тревогѣ соберетъ и примутся какъ будто тушить пожаръ. Сегодня Анатолій Ивановичъ на домъ купца Хабардина съ пожарными нагрянули,— тутъ по близости; только черезъ улицу. Ну, теперь шабашъ! побьютъ стекла въ домѣ купчишки и напугаютъ бабъ. Вотъ пошла работа! Изволите слышать?

Что за безобразіе?! Я просто не вѣрилъ своимъ ушамъ: съ улицы доносились женскіе крики, позвякиваніе колокольчиковъ,

Digitized by Google

слова команды, стукъ разбитыхъ стеколъ, говоръ народа. Зарева не было видно, и это еще усиливало непріятное впечатлѣніе безобразной сцены.

— Вамъ, должно быть, съ непривычки это кажется страннымъ, а мы, здѣшніе старожилы, и удивляться такимъ дѣламъ перестали,— замѣтилъ станціонный писарь, точно угадавшій мои мысли.

— То ли еще бывало. Однажды господинъ Розовъ съ пожарными изволили-съ нагрянуть на домъ, гдѣ играли свадьбу, такъ, вѣрите ли, такой переполохъ вышелъ, что чуть смертоубійствомъ дѣло не кончилось. Съ перепугу, подвыпившіе гости стали бить окна и прыгать на улицу. Одного уже за городомъ поймали безъ фуражки и налегкѣ одѣтаго, а морозъ былъ градусовъ въ сорокъ. Невѣста въ обморокъ упала. Лампу въ суматохѣ опрокинули, и на женѣ казначея платье загорѣлось. Хорошо еще, что скоро потушили. А нашему барину все нипочемъ: «хочу, говоритъ, испытать исправность пожарной команды... Я въ городѣ хозяинъ. Я за все отвѣчаю». Вотъ и говорите съ нимъ послѣ этого!

— Да есть же у васъ и на него начальство,—возразилъ я.— Какъ же терпятъ подобныя безобразія?

— Начальство-то есть, какъ не быть, только далеко оно, и опять же...—Тутъ писарь хитро улыбнулся и замолчалъ. По выраженію его лица я понялъ, что онъ видалъ виды на своемъ вѣку, случайно, по волѣ злой судьбы, очутился въ городѣ Хавронскѣ и умѣетъ держать языкъ за зубами. Мнѣ захотѣлось поближе взглянуть на странную сцену тушенія воображаемаго пожара, и я отправился къ дому купца Хабардина.

Тамъ переполохъ былъ страшный. Анатолій Ивановичъ неистовствовалъ, размахивая нагайкой. Оралъ на публику и пожарныхъ, заставляя ихъ ломать двери и окна и заливать внутренность дома водой. Въ нѣсколько часовъ этотъ спокойный толстякъ превратился въ какого-то бѣсноватаго. Лицо его побагровѣло, глаза налились кровью. Хриплымъ голосомъ онъ отдавалъ безумныя приказанія. Какая-то полуодѣтая женщина пыталась удержать его. Рядомъ плакала молоденькая перепуганная дѣвушка и ругался «потерпѣвшій» купецъ. Въ собравшейся толпѣ раздавались крики негодованія и смѣхъ. Прибѣжалъ городской голова, съ виду, по странной игрѣ природы, очень напоминавшій изображеніе Дмитрія Самозванца, и вступилъ въ ярыя пререканія съ блюстителемъ порядка, оспаривая его право самовольно распоряжаться городскимъ пожарнымъ обозомъ. Дѣло чуть не дошло до рукопашной, но въ это время Анатолій Ивановичъ замѣтилъ меня и съ распростертыми объятіями кинулся ко мнѣ.

Digitized by Google

— Школьный другъ, старина, приди ко мнѣ на грудь!—завопилъ онъ:—эти скоты меня не понимаютъ, ты одинъ видишь мою душу насквозь... Пойми, какой я несчастный человѣкъ! Я здѣсь одинъ стою на стражѣ порядка, прогресса. Такъ погодите же, я всѣмъ вамъ такой прогрессъ покажу, что чертямъ тошно станетъ... «Соберемтесь, друзья, въ эту ночь веселѣй»!—заоралъ онъ вдругъ хриплымъ голосомъ старинную студенческую пѣсню.

Я поспѣшилъ скрыться отъ школьнаго товарища. Скоро потомъ утихли крики, и пожарные, позвякивая колокольчиками, проѣхали обратно.

VIII.

На зарѣ я уѣхалъ и въ дальнѣйшихъ моихъ странствіяхъ мнѣ не довелось ни разу заглянуть въ Хавронскъ; но корреспонденціи изъ этого богоспасаемаго города изрѣдка появляются и понынѣ въ газетахъ, и всякій можетъ съ удовольствіемъ убѣдиться изъ нихъ, что тамъ все идетъ по старому и что городъ Хавронскъ, въ смыслѣ твердости и солидности, не чета какому нибудь Парижу, гдѣ министерства мѣняются, какъ перчатки, и гдѣ совершается столько всякихъ легкомысленныхъ поступковъ. Что сталось съ Розовымъ, Аполлоновымъ и Желтобобовымъ, не знаю. Можно, однако, впередъ предсказать, что ни въ характерѣ ихъ, ни въ судьбѣ не произойдетъ особенной перемѣны. Пѣсня ихъ спѣта...

Уѣзжая, я въ послѣдній разъ съ любопытствомъ взглянулъ на злополучный городъ. Кругомъ царило печальное безмолвіе, какъ на заброшенномъ кладбищѣ. Даже на ярмарочной площади не было еще движенія. Изрѣдка лишь сквозь снѣговой флеръ поднимавшейся вьюги, въ бѣлесоватомъ полумракѣ пробуждающагося зимняго дня, словно тѣни, мелькали молчаливые закутанные прохожіе. Продрогшій часовой уныло стоялъ, прислонившись къ полосатой будкѣ, у воротъ острога. Черезъ нѣсколько мгновеній, городъ навсегда исчезъ изъ глазъ моихъ. А въ чистомъ полѣ меня встрѣтила со стонами настоящая сибирская пурга и забросала лицо снѣговыми хлопьями. Окрестность словно подернулась туманнымъ покровомъ и закружилась въ порывахъ бѣшенаго бурана. Лошади съ трудомъ бѣжали по плохо проторенной дорогѣ. Сани ныряли въ сугробахъ, подобно утлому челну среди расходившихся морскихъ волнъ. Кругомъ на десятки верстъ тянулись извилистые громадные хребты снѣговыхъ валуновъ. Мѣстами среди нихъ, подобно одинокому утесу, возвышался обнаженный вѣтромъ холмъ; виднѣлся вдали угрюмый лѣсъ, обрызганный серебристымъ инеемъ и хлопьями снѣга. По временамъ

Digitized by Google

изъ мутной, глухой дали выплывала невѣдомая деревня, полузавѣянная снѣгомъ и словно уснувшая послѣ страды тяжелымъ сномъ. Изрѣдка лишь попадался навстрѣчу проѣзжій; слышался отдаленный людской говоръ да рѣзкое карканье запоздалой вороны, ищущей ночлега. Какой-то дикой, меланхолической нотой раздавался лай деревенскихъ собакъ. И опять все замирало въ безбрежной снѣговой пустынѣ; звуки терялись; рѣзкія очертанія тонули въ снѣговыхъ волнахъ и густомъ свинцовомъ туманѣ. Вьюга прошла лишь на другой день, и со стонами ея точно угасли послѣдніе проблески жизни. Какое безмолвіе въ степи, какъ все неподвижно! Вечеромъ, при мрачномъ багровомъ отблескѣ заката, и ночью, когда окрестность засверкала въ холодномъ синеватомъ полусвѣтѣ луны, на все легъ еще болѣе грустный отпечатокъ, еще неопредѣленнѣе стали очертанія и оттѣнки, еще рѣзче чувствовалась безпощадная, подавляющая сила стужи, еще привѣтливѣе сверкали огни сквозь тусклыя окна почтовыхъ станцій и крестьянскихъ избъ, словно напоминая о жизни тихой, незамѣтной, придавленной. А дальше опять мракъ, безлюдье, холодъ... Оледенѣвшій колокольчикъ звенитъ отрывисто, глухо, и отзвукъ его тихимъ надорваннымъ стономъ раздается въ снѣговой пустынѣ...

С. Годлевскій.

Digitized by Google

НАША ЖУРНАЛИСТИКА.

Что такое *либерализмъ?*

Этотъ вопросъ явился результатомъ довольно интересной полемики, возникшей между завѣдомо-консервативными публицистами и публицистами «Сѣвернаго Вѣстника», не желающими порывать связей съ «блестящими традиціями шестидесятыхъ годовъ». Публицисты «Сѣвернаго Вѣстника» заявили, что они тоже либералы—хотя несовсѣмъ такіе, какъ либералы «Вѣстника Европы», и вовсе не такіе, какъ либералы прежнихъ «Отечественныхъ Записокъ» или нынѣшняго «Русскаго Богатства». Сущность сѣверно-вѣстниковскаго либерализма выражается, по собственному признанію его глашатаевъ, извѣстной формулой: «ни Богу свѣча, ни чорту кочерга». Поэтому интересъ спора упразднился въ той части, которая касалась собственно «Сѣвернаго Вѣстника», и сосредоточился на вопросѣ: «что такое либерализмъ»?

Критикъ «Московскихъ Вѣдомостей», г. Ю. Николаевъ, предался по поводу нео-либерализма нѣсколько меланхолическимъ, но въ то же время и сладостнымъ размышленіямъ. «Кто бы могъ подумать,—говоритъ онъ,—что это поколѣніе, воспитанное теоретиками и доктринерами, ранняя юность котораго совпала съ кульминаціоннымъ пунктомъ, до котораго когда либо доходило наше либеральное, радикальное и соціальное доктринерство, потянется къ искусству, къ прекрасному, къ спиритуалистической метафизикѣ и, наконецъ, какъ къ высшему, что̀ даетъ смыслъ всему—къ религіи»?

Оставимъ спиритуалистическую метафизику—тянуться къ которой еще не значитъ дѣлать умное и полезное дѣло. Фактъ безспорный, что старый либерализмъ находитъ все менѣе безусловныхъ приверженцевъ. Онъ держится нѣсколькими могиканами, очевидно изъ грустной категоріи послѣднихъ. Даже г. Боборыкинъ не изъявляетъ особенной готовности ратовать за непогрѣшимость либеральныхъ тезисовъ, еще недавно казавшихся ему обязательными. Съ другой стороны, сами послѣдніе могикане — хотя нерѣшительно, хоть въ малой мѣрѣ—«прощаютъ» нынѣшнимъ либераламъ ихъ склонность къ «искусству» и «прекрасному».

Digitized by Google

Теперь уже никто открыто не плюетъ въ глаза прекрасному и искусству—этого достаточно. Мы думаемъ, что данная уступка, уступка въ пользу прекраснаго и искусства—самая главная, роковая уступка, сдѣланная либералами стараго образца. Искусство не стоитъ въ сторонѣ отъ жизни. Нѣтъ такой формы искусства, которая не вліяла бы на міросозерцаніе человѣка. Г. Николаевъ выпустилъ крупный козырь изъ рукъ, только мелькомъ остановившись на обращеніи нео-либераловъ къ искусству и прекрасному. Вся узость и условность либерализма проистекала именно изъ отрицанія того, что̀ признается либералами новѣйшей формаціи. Единомышленникъ г. Николаева, г. Тихоміровъ, идетъ далѣе его и не смотритъ на либерализмъ, какъ на понятіе чисто-политическое. «Для того чтобы получить свое признаніе и въ средѣ политической,—доказываетъ г. Тихоміровъ,—либерализмъ долженъ былъ сначала овладѣть всѣми сферами духовной жизни человѣка, гдѣ онъ находитъ несравненно менѣе спорное признаніе». «По характеристикѣ К. Н. Леонтьева и Ю. Николаева,—читаемъ далѣе въ той же статьѣ,—легко соблазниться сдѣлать такой выводъ, что либерализмъ—это духо́вное ничтожество. Когда у человѣка нѣтъ за душой ничего яснаго, яркаго, глубокаго—то онъ либералъ. Однако, нѣсколько ниже г. Ю. Николаевъ говоритъ: «Въ русской жизни либерализмъ былъ явленіемъ трагическимъ до тѣхъ поръ, пока болѣзнь эта переживалась натурами *сильными* и *даровитыми*». Итакъ, бываютъ или могутъ быть либералами также натуры сильныя и даровитыя, у которыхъ, надо полагать, кое-что за душою есть. Что же такое, наконецъ, этотъ таинственный либерализмъ»?

Нужно сказать, что, признавъ опредѣленія Леонтьева и г. Ю. Николаева неудовлетворительными, г. Тихоміровъ не отвѣчаетъ на поставленный вопросъ. Между тѣмъ, этотъ журналистъ былъ уже на пути къ рѣшенію его. Себя г. Тихоміровъ не относитъ ни къ либераламъ, ни къ консерваторамъ. О либерализмѣ и консерватизмѣ, возведенныхъ въ общій принципъ, онъ думаетъ, что они «несомнѣнно ложны, несомнѣнно разрываютъ единство живаго развитія. Поэтому реформаторы либерализма, принципіально съ нимъ не разрывающіе, несомнѣнно обречены на все таки фальшивую постановку общественнаго развитія. Но ихъ усилія, во-первыхъ, не могутъ не привлекать вниманія, какъ всякое общественное явленіе; во-вторыхъ, не могутъ не возбуждать сочувствія, если, въ концѣ концовъ, обѣщаютъ хотя бы нѣкоторое уменьшеніе фальши стараго либерализма».

Нельзя сказать, чтобы г. Тихоміровъ удачно и ясно формулировалъ свою мысль. Если я вѣрно понимаю его, то онъ говоритъ о либерализмѣ, какъ о *доктринѣ*, и вотъ тутъ-то, мнѣ кажется, и

Digitized by Google

находится фокусъ вопроса. Либеральная доктрина выработалась у насъ извѣстнымъ путемъ. До той поры, пока существенные ея тезисы опережали дѣйствительность, она искрилась и сверкала, привлекая къ себѣ «сильныя и даровитыя натуры». Потомъ она стала блекнуть и меркнуть — ибо мы отходили отъ нея дальше и дальше. Либеральная доктрина черезчуръ деспотически указываетъ направленіе. Только слѣдуя ему, мы будемъ видѣть прежній яркій блескъ либеральныхъ идеаловъ, но, если взять немного въ сторону, блескъ уже начинаетъ ослабѣвать, а дальнѣйшія уклоненія окончательно выводятъ насъ изъ озаряемаго имъ пространства. Такое рѣшительное указаніе направленія дѣлаетъ изъ доктрины либерализма доктрину вѣщающую, пророчествующую, деспотическую, непогрѣшимую. Она требуетъ, чтобы признавались не только существенныя основы, но и каждая деталь, каждая подробность, образовавшаяся въ силу временныхъ условій. Условія мѣняются, а либеральная доктрина все таки не хочетъ извергнуть изъ себя устарѣвшія подробности. Отвергающій эту подробность (въ родѣ фальшиваго отношенія къ еврейству) отвергаетъ какъ бы и всю доктрину. Выходитъ, короче, извѣстное: аще кто измѣнитъ единую букву или іоту и т. д. Для либерализма, какъ опредѣленной доктрины, дѣйствительно, важно цѣпляться за буквы и іоты. Неолибералы ошибочно полагаютъ, будто спиритуалистическая метафизика и любовь къ прекрасному могутъ уживаться съ либеральной доктриной. Для правовѣрнаго либерала только то и прекрасно, что̀ проникнуто либерализмомъ. А это очень далеко отъ прелестей хотя бы той же спиритуалистической метафизики.

Но, кромѣ либеральной доктрины, существуетъ нѣчто, которому можно было бы дать названіе «либеральнаго настроенія». Либеральное настроеніе, дѣйствительно, можетъ быть присуще человѣку и понимающему искусство, и благоговѣющему передъ прекраснымъ. Основа этого либеральнаго настроенія (я вовсе не стою за самый терминъ) заключается въ вѣрѣ въ прогрессъ и въ сознаніи невозможности возвратить старое. Каждый возрастъ имѣетъ свои преимущества, и нелѣпо, будучи старикомъ, желать возвращенія молодости. Разсматривая какую нибудь привлекающую насъ эпоху, мы желаемъ ея возвращенія, но возвратись она—и насъ постигнетъ жестокое разочарованіе. Привлекательность эпохи всегда объясняется стройностью характеризующаго ее міровоззрѣнія, опредѣленностью взаимнаго отношенія классовъ общества, до мелочей установившимся бытомъ и т. д., и т. д. Вотъ что, въ дѣйствительности, привлекательно, а не то, что отношенія существовали именно *такія*, а міросозерцаніе сложилось *такъ-то*. Наконецъ, созерцая отошедшую въ вѣчность эпоху и восторгаясь ею, мы рѣдко ставимъ себя въ

Digitized by Google

положеніе обездоленныхъ сыновъ эпохи, а смотримъ или съ точки зрѣнія необездоленныхъ, или объективно, какъ зритель разсматриваетъ картину.

Въ этомъ пунктѣ сходятся ошибки и консерваторовъ, и либераловъ. Либералы также хотятъ, чтобъ «время дряхлою рукою свои часы остановило» и господство ихъ доктрины продолжалось безъ конца. Они также, какъ консерваторы, съ величайшей недоброжелательностью встрѣчаютъ все новое, не укладывающееся по заботливо приготовленнымъ для него ящикамъ. Здѣсь много узости, но еще болѣе *безмолвнаго признанія своего безсилія*. Возьму слѣдующій примѣръ. Производится пересмотръ судебныхъ уставовъ. Есть основаніе думать, что въ нѣкоторыхъ подробностяхъ уставы подвергнутся измѣненіямъ; духъ же, проникающій ихъ, останется неизмѣненнымъ. Съ либеральной точки зрѣнія, это грустно. Съ либеральной точки зрѣнія ничего, одобреннаго либералами, измѣнять нельзя, а надо только дополнять новыми и новыми «либеральными» параграфами. Между тѣмъ, для человѣка, не зараженнаго либерализмомъ, совершенно очевидно, что драгоцѣнны, не подлежащія измѣненіямъ, особенности нынѣшняго суда: гласность, участіе въ немъ общества и несмѣняемость судей. Таковы основы. Въ государствѣ, достигшемъ высокаго уровня культуры, данныя основы открываютъ безконечно-широкіе горизонты; въ государствѣ менѣе культурномъ горизонты должны быть уже; наконецъ, въ относительно-культурномъ государствѣ о широкихъ горизонтахъ мыслимо только мечтать. Я не въ состояніи посвятить мало-развитаго человѣка въ тонкости эстетики, доступной людямъ безусловно развитымъ и съ извѣстнымъ художественнымъ темпераментомъ. Чтобы мои труды не пропали даромъ, надъ сначала *вообще* повысить уровень развитія человѣка и потомъ лишь угощать его утонченной эстетикой. То же самое съ мало-культурнымъ государствомъ и широкими горизонтами, раскрываемыми хотя бы основами новаго судоустройства. Разсуждая безъ предвзятости, нужно согласиться, что, какъ ни желательно сохраненіе *всѣхъ* особенностей уставовъ императора Александра II, нѣкоторыя изъ нихъ удержать *невозможно*, и невозможно—исключительно по винѣ общества, не доразвившагося до правильнаго пониманія ихъ. Вѣрящій въ прогрессъ вѣритъ, что настанетъ время, когда судъ еще разъ подвергнется реформѣ, но уже не въ цѣляхъ ограничительныхъ, а въ цѣляхъ предоставленія большей самостоятельности выросшему и окрѣпшему обществу. Неужели грустно, если ребенку не даютъ охотничьей двустволки, замѣняя ее игрушечнымъ ружьемъ монтекристо? Придетъ пора—и юноша получитъ вожделѣнную двустволку. Торопиться некуда и не къ чему.

Digitized by Google

Но либералы подобными соображеніями не задаются. Иногда начинаетъ казаться, что съ ними міръ кончится: такъ все они опредѣлили, такъ ненавидятъ перемѣны, такъ презираютъ указанія жизни, такъ цѣпко держатся за каждый придуманный ими пустякъ.

А консерваторы? Отличаясь всѣми недостатками либераловъ, они присоединяютъ къ нимъ еще бо́льшую неувѣренность въ творческихъ силахъ народа, еще тѣснѣе жмутся къ идоламъ вчерашняго дня и все не хотятъ признать, бѣдные, что вчерашній день прошелъ и наступилъ новый. Взять хотя бы отчаяніе, овладѣвающее многими консерваторами при мыслѣ о невозвратно-утраченномъ крѣпостномъ правѣ. Я не стану спорить, что крѣпостной строй заключалъ въ себѣ не одни вопіющія безобразія, о которыхъ слишкомъ много толкуютъ либералы; еще менѣе склоненъ я отрицать опредѣленность и ясность основъ стараго быта. Но все это прошло, должно было пройти, и вотъ передъ нами вопросъ: какъ устроиться по новому, чтобы вернуть утраченную ясность и опредѣленность основъ; замѣтьте: основъ *нынѣшняго*, а *не вчерашняго дня*. Когда мнѣ приходится бесѣдовать съ крѣпостникомъ, я безъ возраженій слушаю панегирики прежнимъ строгимъ порядкамъ, при которыхъ каждый сверчокъ зналъ свой шестокъ; я не возражаю на язвительныя замѣчанія о нынѣшнемъ дворянствѣ, лишенномъ опредѣленной физіономіи; я соглашаюсь, что одна изъ старыхъ твердынь рухнула и что на смѣну ей еще не создано новой; но наступаетъ и моя очередь говорить, если собесѣдникъ заканчиваетъ монологъ пламеннымъ призывомъ къ водворенію на прежнее мѣсто рухнувшей твердыни. Нѣтъ, рухнувшая твердыня—рухнула и водворять ее нѣтъ надобности. Помимо всякихъ другихъ соображеній, здѣсь долженъ быть простой практическій разсчетъ. Допустимъ, что твердыню подняли бы и водворили на прежнемъ мѣстѣ. Ея вторичное паденіе несомнѣнно, но несомнѣнно также, что паденіе ознаменуется бѣдствіями, не ознаменовавшими первое. Къ чему же тратить усилія и тѣшиться неисполнимыми надеждами?

Преимущество либераловъ передъ консерваторами заключается въ томъ, что они шагнули дальше и остановились позднѣе. Но они все таки остановились и не желаютъ идти далѣе.

Я не имѣю претензіи отвѣтить на вопросъ, поставленный г. Николаевымъ и повторенный г. Тихоміровымъ, съ тою опредѣленностью и краткостью, которыя всецѣло зависятъ отъ опредѣленности и ясности очертаній самого предмета. Что̀ такое современный либерализмъ—видно изъ частныхъ примѣровъ, изъ отдѣльныхъ сторонъ либерализма, изъ сопоставленія его съ другими направленіями

Digitized by Google

и, главное, изъ пріемовъ, практикуемыхъ либералами. Одинъ примѣръ я уже взялъ, теперь возьму примѣръ изъ литературной области, гдѣ либерализмъ проявляется особенно ярко и запечатлѣнъ болѣе рельефными особенностями, нежели во всякой иной области.

Въ настоящемъ случаѣ, я не имѣю въ виду собственно либеральныхъ *тенденцій*. Во-первыхъ, это ничтожная частность вопроса, во-вторыхъ — что̀ такое либеральная тенденція въ беллетристическомъ произведеніи—извѣстно уже доподлинно и сами либералы не всегда согласны за нее ратовать.

Я выбралъ для примѣра повѣсть несомнѣнно-либеральнаго автора и напечатанную въ несомнѣнно-либеральномъ журналѣ. До ея тенденцій, до ея фабулы и героевъ намъ нѣтъ никакого дѣла. Любителямъ литературныхъ курьезовъ она способна доставить немало удовольствія, но и курьезовъ ея я вообще не намѣренъ касаться. Для меня важны двѣ-три подробности, значеніе которыхъ, такъ сказать, универсально, при опредѣленіи, что̀ такое либерализмъ.

Съ сентябрьской книги, въ «Вѣстникѣ Европы» печатается повѣсть «Леночка». Это типичное произведеніе *либеральнаго* беллетриста. Въ ней много драгоцѣнныхъ подробностей, имѣющихъ самую глупую внѣшность не потому, что онѣ искажены или невѣрно переданы, но вслѣдствіе наивнаго, ребячески-довѣрчиваго отношенія автора къ каждому «либеральному явленію». Авторъ не замѣчаетъ пошлой и вмѣстѣ комической стороны исторіи дочери становаго пристава, бѣжавшей отъ родителей въ столицу на курсы, захвативъ предварительно триста рублей, которые принесъ ея отцу «на хлопоты» какой-то проситель. Въ авторѣ не вызываетъ улыбки «замѣчательная» статья этой практичной курсистки: «О пауперизмѣ въ Ирландіи», тогда какъ этотъ ирландскій пауперизмъ, разбираемый недоразвившейся русской барышней,—лучшая характеристика наивнаго направленія, еще недавно отличавшаго «курсы».

Но дальнѣйшія подробности еще лучше и поучительнѣе. Героиня повѣсти, *четырнадцатилѣтняя* дѣвочка, спрашиваетъ случайно встрѣтившагося ей профессора «курсовъ»: что̀ нужно, чтобы поступить «къ нимъ». «Вамъ придется во всякомъ случаѣ держать экзаменъ изъ курса среднихъ учебныхъ заведеній»,—отвѣтилъ профессоръ, и началъ развивать мысль, *что среднее образованіе есть главное, особенно для женщины, что вообще вопросъ этотъ неправильно поставленъ въ Россіи* и высшее образованіе постоянно смѣшивается со спеціальнымъ.

«— Вы какими предметами особенно интересуетесь?—вдругъ обратился онъ къ Леночкѣ, которая начинала уже раскаиваться въ своей откровенности, а теперь совсѣмъ растерялась.

Digitized by Google

«— Меня... меня преимущественно интересуетъ соціологія,—проговорила она наконецъ».

Все это авторъ разсказываетъ совершенно спокойно, даже не подозрѣвая трагическаго смысла эпизода. Кн. Мещерскій, конечно, набросился бы на профессора за то, что онъ подрывается подъ краеугольные камни и опорочиваетъ правительство, утверждающее программы высшихъ и среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Здравомыслящаго человѣка здѣсь должно возмутить другое. Здравомыслящій человѣкъ никогда не пойметъ, какъ можно «развивать» передъ четырнадцатилѣтней дѣвочкой взгляды на неправильность постановки въ Россіи женскаго образованія, и развивать передъ дѣвочкой, именно и нуждающейся въ неодобряемомъ среднемъ образованіи? Еслибы подобную сцену изобразилъ не завѣдомо-благожелательный либеральный авторъ—я назвалъ бы его клеветникомъ.

Но авторъ могъ написать еще и не такую «либеральную» чепуху. Какъ же эта чепуха минула, не встрѣтивъ препятствій редакторской цензуры? Какъ печатаетъ ее журналъ, претендующій на особую близость *къ Европѣ*, какъ не засыпали европейскіе подписчики свой европейскій органъ укоризненными письмами?

Ничего подобнаго не случилось по той простой причинѣ, что наши либералы читаютъ и по писанному, и по печатному особымъ образомъ. Написано: «и началъ развивать мысли, что среднее образованіе есть главное, особенно для женщины, что вообще вопросъ этотъ неправильно поставленъ въ Россіи и высшее образованіе постоянно смѣшивается со спеціальнымъ».

— Ахъ, какая вѣрная мысль,—замѣтилъ съ легкимъ вздохомъ г. Стасюлевичъ, отрываясь на минуту отъ рукописи.—Я всегда это утверждалъ.

— Какая вѣрная мысль,—поспѣшилъ согласиться, заглянувшій въ рукопись черезъ плечо г. Стасюлевича, г. Арсеньевъ.

— Вѣрная мысль,—подтвердилъ и г. Пыпинъ.

— Мысль!—рѣшилъ г. Слонимскій, подавленный тяжестью взваленныхъ на него «поземельныхъ задачъ».

Еслибы и я принадлежалъ къ этому почтенному ареопагу, я тоже подтвердилъ бы, что мысль вѣрная. Кто будетъ спорить противъ нея по существу? Но вѣдь сущность даннаго вопроса заключается не въ безотносительной вѣрности мысли, а въ томъ, что ее развиваетъ *профессоръ* передъ *четырнадцатилѣтней дѣвочкой*, еще понятія не имѣющей о среднемъ образованіи. Этого-то слона не примѣтили ни г. Стасюлевичъ, ни г. Арсеньевъ, ни г. Пыпинъ. Примѣть они его, они сказали бы автору, что повѣсть «Леночка»

Digitized by Google

изобилуетъ почтенными, хотя и не новыми мыслями, но въ качествѣ беллетристическаго произведенія заслуживаетъ только величайшаго порицанія, ибо почтенныя мысли «развиваются» не къ мѣсту и изъ почтенныхъ обращаются въ нелѣпыя до послѣдней степени.

Я настаиваю на типичности разсказа «Леночка» въ смыслѣ характеристики пріемовъ нашего современнаго либерализма. Изъ этого разсказа, между прочимъ, видно, что либерализмъ—просто извѣстная манера относиться къ государственнымъ, общественнымъ, обывательскимъ и литературнымъ явленіямъ, подобная, напримѣръ, манерѣ говорить обо всемъ свысока или съ пренебрежительнымъ прищуриваніемъ глазъ. Терминъ: «либерализмъ» одинъ изъ неудачнѣйшихъ терминовъ. Либерализмъ—понятіе условное. Сербскіе либералы—совсѣмъ не то, что либералы болгарскіе, а эти послѣдніе не имѣютъ ничего общаго съ англійскими либералами. Въ политическомъ отношеніи, за либерализмомъ установилась репутація, какъ за направленіемъ оппозиціоннымъ, но опять таки, само по себѣ, оппозиціонное направленіе говоритъ намъ очень мало. Можно оставаться либераломъ, но не принадлежать къ оппозиціи. Точно также можно быть консерваторомъ и по всѣмъ пунктамъ фрондировать противъ правительства.

Въ качествѣ манеры извѣстнымъ образомъ относиться къ извѣстнымъ явленіямъ, либерализмъ не поддается однословному опредѣленію. Только путемъ разбора отдѣльныхъ его тезисовъ можно выяснить характерныя черты данной доктрины.

Либерализмъ русскаго изданія отличается, между прочимъ, «терпимостью». «Наблюдатель» не разъ указывалъ нелѣпость понятія, заключеннаго въ этомъ словѣ. Ближайшимъ образомъ нелѣпость терпимости сказывается въ вопросѣ о національномъ. Насъ приглашаютъ съ одинаковымъ чувствомъ относиться къ родному и чужому. Насъ учатъ видѣть въ чужестранцѣ не только «ближняго», но «ближайшаго», которому во всѣхъ случаяхъ необходимо отдавать предпочтеніе. Нельзя представить себѣ бо̀льшаго кисляйства и безсилія, какъ эти восклицанія: «ахъ, предоставьте инородцамъ дѣлать, что̀ они хотятъ, не стѣсняйте свободы убѣжденій, не мѣшайте поляку мечтать объ «ойчизнѣ отъ моря до моря», нѣмцу—любить прошлое его родины, финну—желать возсоединенія съ Швеціей. Вы русскій человѣкъ и хотите оставаться русскимъ. Позвольте и нѣмцу оставаться нѣмцемъ».

Для выясненія невѣрности этой точки зрѣнія, надо было бы сообразить только одно: русскимъ я остаюсь у себя, въ Россіи. За границей—гдѣ угодно, въ Германіи ли, во Франціи, въ Англіи, я чужестранецъ. Если я поселюсь въ иностранномъ государствѣ и войду въ кругъ мѣстныхъ интересовъ, меня до той поры будутъ

Digitized by Google

считать «своимъ», пока я не проявлю чисто-русскихъ, національныхъ стремленій. Наши либералы думаютъ, что можетъ быть обратное. Они думаютъ такъ, разумѣется, потому что не принимаютъ въ разсчетъ дѣйствительности и заботятся исключительно о теоретической сторонѣ вопроса.

Ахъ, эта теоретическая сторона! Самаго рѣшительнаго человѣка должно брать нѣкоторое сомнѣніе, когда онъ выступаетъ противъ апостоловъ всемірнаго братства народовъ, противъ широкой идеи всечеловѣческаго союза для совмѣстной работы на пользу дальнѣйшаго развитія лучшихъ особенностей нашей природы и нашего быта. Совершенно понятно это сомнѣніе. Сами въ себѣ, идеи всеобщаго братства, уничтоженія расовыхъ «перегородокъ»—превосходныя идеи, не могущія не вызывать сочувствія. Но оглянитесь, пожалуйста, вокругъ себя и посмотрите, какъ умѣстна, въ настоящемъ, ихъ проповѣдь. Отрицательное, въ области литературы, движеніе шестидесятыхъ годовъ имѣло raison d'être по тѣмъ самымъ причинамъ, по которымъ не имѣетъ его проповѣдь космополитическихъ теорій. У общества были всѣ права отложить въ сторону Пушкина и отдать предпочтеніе сапогамъ передъ Шекспиромъ, ибо работа, на которую оно выходило, представлялась слишкомъ громадной, слишкомъ сложной, всепоглощающей, чтобы отъ нея оставалось достаточно досуга для невинныхъ наслажденій прелестями поэзіи и разныхъ изящныхъ искусствъ. Помните признаніе одного изъ видныхъ дѣятелей той эпохи: онъ ничего не имѣлъ бы противъ Пушкина, еслибы Пушкинымъ могъ наслаждаться и рабочій, и только что освобожденный отъ крѣпостнаго ярма мужикъ. Эти слова объясняютъ сущность движенія. Перефразируя ихъ, можно сказать: мы ничего не имѣли бы противъ уничтоженія расовыхъ перегородокъ, еслибы видѣли возможность уничтоженія перегородокъ менѣе прочныхъ и значительныхъ—перегородокъ, создающихся на почвѣ неодинаковаго умственнаго и нравственнаго развитія, общественнаго положенія, состоянія, различія характеровъ и т. д., и т. д.

Homo homini lupus est—это также справедливо въ примѣненіи къ нынѣшнему дню, какъ и десятки столѣтій назадъ.

При такомъ положеніи дѣла, всѣ заботы должны ближайшимъ образомъ обращаться на то, чтобы умѣрить и дисциплинировать хищную натуру «волка». Надо, чтобы этотъ волкъ мирно уживался съ другимъ волкомъ,—сосѣдомъ, другомъ, близкимъ родственникомъ,—а потомъ уже хлопотать о дальнѣйшемъ распространеніи не-волчьихъ отношеній. Многаго ли достигло въ данной области человѣчество? О, конечно, очень многаго, но до идеала еще далеко. До сихъ поръ вѣетъ глубокой истиной отъ каламбурной фразы прописей: «люди

Digitized by Google

живуть въ мірѣ, да не въ мирѣ». И какъ разнообразны причины, мѣшающія людямъ жить въ мирѣ! Обыкновенно на первый планъ выдвигаются причины чисто матеріальнаго свойства. Такъ оно и есть; однако, переходъ отъ болѣе грубыхъ матеріальныхъ причинъ къ менѣе грубымъ убѣдительно доказываетъ, что не онѣ разъединяютъ людей. Устраните всѣ матеріальныя причины — и нравственныхъ окажется вполнѣ достаточно, чтобы перессорить людей, утвердить на новыхъ основаніяхъ мрачный тезисъ: Homo homini lupus est.

Безконечно длинной представляется работа человѣка надъ урегулированіемъ своихъ волчьихъ особенностей. Всеобщее братство даже призрачнымъ маякомъ служить не можетъ. Кто отвѣтитъ за будущее? Черезъ тысячи лѣтъ мыслимы и не такія еще нравственныя метаморфозы, но намъ было бы практичнѣе не заботиться о нихъ.

Теперь я напомню вамъ разсказъ «Леночка» и профессора, увѣрявшаго героиню, что женское образованіе поставлено у насъ въ Россіи неправильно. Какъ мы видѣли, профессоръ *безотносительно* не сдѣлалъ никакой ошибки, «развивая» данную мысль, и поступилъ до послѣдней степени глупо, развивая ее передъ «четырнадцатилѣтней дѣвочкой». Съ вопросомъ о всеобщемъ братствѣ и уничтоженіи расовыхъ перегородокъ—то же самое. Безотносительно, въ отдаленнѣйшемъ идеалѣ, каждый предпочтетъ всеобщее братство—всеобщей враждѣ, разгуливанье на свободѣ—шаганью вдоль перегородокъ, отъ одной до другой. Но, справившись съ настоящимъ, лишь немногіе... идеалисты умилятся духомъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, тутъ можно умиляться духомъ исключительно подъ условіемъ: не видѣть происходящаго вокругъ, не понимать сущности сегодняшнихъ запросовъ жизни и ихъ удовлетворенія.

Типичною особенностью либерализма,—какъ его понимаютъ у насъ,—мнѣ именно и кажется *эта* особенность — прочесть слова: «женское образованіе поставлено въ Россіи etc.» и не доглядѣть, что слова обращены *профессоромъ* къ *четырнадцатилѣтней* дѣвочкѣ. Или: съ серьезной миной уткнуться въ статью «о пауперизмѣ въ Ирландіи», не сообразивъ, что она принадлежитъ перу легкомысленной курсистки, понятія не имѣющей ни о пауперизмѣ, ни объ Ирландіи. Или, наконецъ, дебютировать изученіемъ вопроса о пауперизмѣ въ Ирландіи и не знать хоть того, напримѣръ, что корова въ тепломъ помѣщеніи менѣе съѣдаетъ корма и больше даетъ молока, нежели въ холодномъ помѣщеніи. Отправляясь просвѣщать русское общество, казалось бы раціональнѣе запастись свѣдѣніями послѣдняго рода, нежели отягощать умъ сложнѣйшими подробностями экономическихъ теорій.

Digitized by Google

Покойный Леонтьевъ считалъ идею «либерализма» по преимуществу отрицательной, очень широкой и растяжимой. «У либераловъ—говорилъ онъ—все смутно, все спутано, все блѣдно, всего понемногу. Система либерализма есть, въ сущности, отсутствіе всякой системы, она есть лишь отрицаніе всѣхъ крайностей, боязнь всего послѣдовательнаго и всего выразительнаго».

Какъ ни блѣдна и неопредѣленна кажется сама эта характеристика, въ ней сквозятъ важныя, типичныя стороны либерализма. Либерализмъ именно боится крайностей и рѣзкой послѣдовательности. Когда нужно сдѣлать рѣшительный шагъ, либерализмъ пасуетъ. Онъ не умѣетъ оцѣнивать будущаго и заботиться о сохраненіи настоящаго. Царствованіе Александра II было отмѣчено несомнѣнными либеральными стремленіями, но какъ много неудобствъ заключалъ въ себѣ этотъ либерализмъ! Рельефнѣе всего это сказывается въ отношеніяхъ къ печати. Отношенія постоянно мѣнялись. Съ одной стороны, «проходили» книги и статьи, которыя позже не прошли бы ни въ какомъ случаѣ; съ другой стороны, репрессіи слѣдовали за репрессіями и часто по самымъ незначительнымъ поводамъ, которые теперь не имѣли бы подобныхъ послѣдствій. Правительственный либерализмъ (какъ и всякій другой) боялся черезчуръ рѣзкихъ проявленій независимости печати. Въ принципѣ независимость готовы были признать, но на практикѣ неизмѣнно возникалъ вопросъ: «Не слишкомъ ли»? Настоящее положеніе печати, при всей скромности предоставленныхъ ей правъ, можно считать, въ нѣкоторомъ смыслѣ, лучшимъ, нежели прежнее. Важна здѣсь устойчивость и извѣстная опредѣленность. Насъ не манятъ широкими перспективами высказываться до конца, мы знаемъ, въ какой мѣрѣ правительство находитъ цѣлесообразнымъ участіе печати въ обсужденіи такихъ-то и такихъ-то сторонъ государственной дѣятельности. Нѣтъ ничего мучительнѣе погони за несбывающимися надеждами. Когда мнѣ говорятъ: этого нельзя, а то можно, я устраиваюсь соотвѣтственнымъ образомъ, вырабатываю соотвѣтственный планъ и дѣйствую, сообразуясь съ нимъ. Но когда меня манятъ надеждами, я волнуюсь, испытываю безпокойство, предаюсь плѣнительнымъ мечтамъ, повергаюсь въ отчаяніе,—и крушеніе надеждъ всегда застигаетъ меня врасплохъ, неподготовленнымъ, ошеломленнымъ. Я не только не сдѣлаю *того, что̀ предполагалъ*, но не сдѣлаю даже и того, что̀ *могъ бы сдѣлать* при неблагопріятныхъ условіяхъ.

Когда какое нибудь либеральное начинаніе обнаруживаетъ практическую несостоятельность, либералы принимаются лебезить и убѣждать, что это не бѣда, что въ несостоятельности начинанія виновата *практика*, а не само *начинаніе*, что важны не практическіе

Digitized by Google

результаты, *а идея*. Ссылка на важность *идеи*—излюбленный пріемъ либеральныхъ доктринеровъ. А между тѣмъ, какой же либеральный доктринеръ станетъ увѣрять, напримѣръ, что важна не квартира, а *идея* квартиры, и что ради *идеи* квартиры можно не только довольствоваться нездоровымъ и неудобнымъ помѣщеніемъ, но даже обойтись безъ всякаго помѣщенія?!.

Въ цитированной выше статьѣ, Леонтьевъ отдаетъ предпочтеніе *нигилистамъ* и *коммунарамъ* передъ либералами за то, что у первыхъ «все просто, все ясно, все исполнено особаго рода преступной логики и свирѣпой послѣдовательности». Дѣйствительно, въ то время, какъ на западѣ крайнія ученія находятъ болѣе или менѣе многочисленныхъ послѣдователей, либерализмъ теряетъ одну позицію за другою. Человѣчество выходитъ изъ того фазиса, который былъ ознаменованъ особеннымъ процвѣтаніемъ либерализма. Все меньше и меньше остается людей, избавленныхъ отъ необходимости становиться лицомъ къ лицу съ жизнью и видѣть собственными глазами, какъ она рушитъ великолѣпно разсчитанные планы и крушитъ теоріи, кабинетная неоспоримость которыхъ была до тѣхъ поръ внѣ сомнѣнія. Человѣчество не можетъ удовлетвориться «намеками тонкими на то, чего не вѣдаетъ никто», работать на пользу общества двадцать девятаго столѣтія, афоризмами и максимами, доказывающими лишь остроуміе ихъ изобрѣтателей. Человѣчество становится слишкомъ *практичнымъ*, чтобы довольствоваться неопредѣленными совѣтами, «журавлями въ небѣ». Вы спрашиваете у кого нибудь, какъ поступить въ извѣстномъ случаѣ. Вамъ отвѣчаютъ: оставьте все, какъ есть, ничего не трогайте и выжидайте естественной развязки. Васъ, очевидно, приглашаютъ къ пассивной политикѣ. Ваша воля принять или отвергнуть совѣтъ, но вы не будете отрицать, что это совѣтъ опредѣленный. Съ другой стороны, вамъ рекомендуютъ уничтожить все нынѣшнее и приняться за устройство жизни по новому образцу. Опять таки совѣтъ опредѣленный. Но когда, вмѣсто прямаго отвѣта на вопросъ, вы услышите безконечную болтовню о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, — вы согласитесь признать и доброе расположеніе болтуна, и вѣрность многихъ его замѣчаній, и желательность рисуемыхъ имъ идеаловъ, и остроуміе его критики, но разочарованіе все таки постигнетъ васъ. *Даннаго* вопроса вамъ не разрѣшили; изъ затрудненій васъ не вывели; отъ грядущихъ неудачъ и непріятностей не застраховали.

Порою трудно бываетъ отдѣлаться отъ чувства озлобленія, которое овладѣваетъ вами при чтеніи грозныхъ и меланхолическихъ размышленій нашихъ либеральныхъ оракуловъ. Съ какимъ презрѣніемъ говорятъ они о настоящемъ, какъ скорбятъ за будущее, ка-

Digitized by Google

кою гордостью преисполнены ихъ воспоминанія! Было, дескать, время и прошло, и никогда вы больше такого времени не заслужите. Вотъ величайшее проявленіе эгоизма и самонадѣянности! Неужели во всей тысячелѣтней исторіи Россіи не было момента значительнѣе и отраднѣе хотя бы тѣхъ же «шестидесятыхъ годовъ», и не было момента мрачнѣе и безнадежнѣе переживаемаго нами? Кѣмъ или чѣмъ заслонены свѣтлыя перспективы? На что ушли лучшія силы народа и что это были за силы, если ихъ хватило только на вспышку, длящуюся десятокъ лѣтъ?

Покойнаго Аксакова на всѣ лады высмѣивали съ его призывами «назадъ» и «домой». Не настала ли пора произвести ту же операцію и съ либералами? Они до хрипоты, до потери голоса, зовутъ «назадъ», «домой», къ шестидесятымъ годамъ. Напрасно ихъ пытаются урезонивать. Милостивые государи,—говорятъ имъ,—будутъ еще года десятые, двадцатые, тридцатые и т. д. Утѣшьтесь, пожалуйста! Нѣтъ причинъ думать, что вы послѣдніе, что съ вами умираетъ на русской землѣ все доброе, честное и разумное. Никто себѣ не врагъ и послѣдующія поколѣнія съумѣютъ устроиться не хуже предшествующихъ. Да, наконецъ, не странно ли, что отчаянной вы считаете именно ту эпоху, въ которую начали дѣйствовать и дѣйствуютъ ваши выкормыши, ваши воспитанники, носители вашихъ идеаловъ. Ахъ, какъ же вы неумѣло сѣяли, если пожинаете, вмѣсто пшеницы, плевелы!

Осужденіе «нашего времени» и нынѣшнихъ людей проистекаетъ у либераловъ, очевидно, изъ того же источника, изъ котораго оно проистекаетъ у старцевъ, пережившихъ себя и не понимающихъ новаго движенія, новаго направленія молодежи.

Либералы противятся непреложному закону, въ силу котораго старое старится, а молодое растетъ; въ силу котораго одно поколѣніе, въ массѣ, съ трудомъ понимаетъ другое. Мы не разъ говорили на этихъ страницахъ о нелѣпости сѣтованій на упадокъ литературы. Изъ того, что литература новѣйшая покидаетъ кругъ понятій, характеризующихъ прежнюю литературу, ищетъ новыхъ формъ и новаго содержанія,—очевидно, можно заключить только о ростѣ литературы, но никакъ не объ ея паденіи.

То же самое, съ неменьшею основательностью, надо сказать и о жалобахъ «на новый современный міръ,

Гдѣ новые садятся гости
За уготованный имъ пиръ.

Нечего гнаться за похмѣльемъ въ чужомъ пиру, но, отпировавъ, невеликодушно мѣшать новымъ гостямъ, высмѣивать каждое ихъ движеніе, глумиться надъ новыми вкусами, превозносить геніаль-

Digitized by Google

ность распорядителей отшумѣвшаго пира и «отрицать» распорядителей нынѣшняго.

Это не только невеликодушно, но и очень неумно, ибо каждому положенъ срокъ, его же не прейдеши. Сама судьба распоряжается такъ, что позднѣе пришедшіе остаются дольше пришедшихъ ранѣе. Будущее принадлежитъ не тому поколѣнію, которое готовится сойти со сцены, а тому, которое собирается лишь вступить на нее.

Не подводя итоговъ, можно сказать, что либерализмъ—явленіе замедляющееся и готовое изсякнуть. Отдѣльныя вспышки ничего не доказываютъ, но характерно уже и то, что однимъ пламенемъ со вспыхивающимъ либерализмомъ вспыхиваетъ и поклоненіе красотѣ, и спиритуалистическая метафизика.

Очевидно, это не начало и даже не середина, а конецъ конца.

Въ послѣдней книгѣ «Русскаго Богатства», Н. К. Михайловскій, въ качествѣ члена комитета литературнаго фонда, высказываетъ нѣкоторыя соображенія по поводу упрековъ, адресованныхъ фонду не одними только «консерваторами». Г. Михайловскій утверждаетъ, что комитетъ ведетъ свои дѣла превосходно и что зажиганіемъ сыра-бора занимаются «недовольные». Это, конечно, не очень скромно, но очень интересно. Именно, интересенъ вопросъ о «недовольныхъ».

Какъ извѣстно, комитетъ не только оцѣниваетъ литературныя права просителей, но и судитъ о литературныхъ заслугахъ писателей обращающихся къ нему за помощью. Съ признаніемъ литературныхъ правъ дѣло обстоитъ еще не богъ вѣсть какъ сложно. Если писатель принимаетъ близкое участіе въ нѣсколькихъ не окончательно лубочныхъ изданіяхъ, имѣетъ багажъ въ видѣ двухъ-трехъ томиковъ «сочиненій»—отрицать его *права* немыслимо даже при крайней недобросовѣстности. Оцѣнка литературныхъ заслугъ, или признаніе молодаго писателя «многообѣщающимъ»—совсѣмъ иная матерія. Одна газета задаетъ по этому поводу г. Михайловскому слѣдующій вопросъ: въ качествѣ *критика*, г. Михайловскій «не признаётъ» многихъ писателей, пользующихся извѣстностью и значеніемъ во враждебномъ ему лагерѣ;—можетъ ли г. Михайловскій, въ качествѣ *члена комитета*, войти въ противорѣчіе съ самимъ собою *и признать литературныя заслуги не признаваемыхъ писателей?* Вѣдь, съ точки зрѣнія г. Михайловскаго, Надсонъ, напримѣръ, нѣчто, а Фетъ ничто. Врядъ ли Фетъ, въ положеніи Надсона, удостоился бы со стороны фонда того вниманія, котораго удостоился Надсонъ.

Это одна сторона вопроса. Изъ нея видно, что дѣла комитета

Digitized by Google

не могутъ вестись такъ превосходно, какъ утверждаетъ г. Михайловскій; теперь поговоримъ о «недовольныхъ».

Совершенно понятно, что человѣкъ съ большей увѣренностью и меньшимъ стѣсненіемъ идетъ въ учрежденіе, гдѣ засѣдаютъ «свои», нежели въ учрежденіе, гдѣ засѣдаютъ чужіе. И совершенно понятно также, совершенно въ человѣческой натурѣ—охотнѣе помочь своему, нежели чужому. Намъ приходилось слышать комплименты по адресу литературнаго фонда отъ лицъ, принадлежавшихъ къ категоріи «чужихъ» и все таки получавшихъ помощь. «Вотъ видите,—говорили эти «недовольные»,—на фондъ много клевещутъ. Онъ старается быть не партійнымъ и судить безпристрастно». Однако, очень немногіе изъ этихъ увѣровавшихъ въ безпристрастіе фонда «чужихъ» обращались къ нему вторично за помощью. Соображенія, которыми они въ данномъ случаѣ руководствовались, вполнѣ ясны. Можно на тысячи ладовъ понимать нужду. Мы сами, въ интимной жизни, въ разныхъ случаяхъ понимаемъ и опредѣляемъ ее различно. Я допускаю такой исходъ ходатайства «чужаго». Обсудивъ ходатайство, фондъ рѣшитъ его не удовлетворять, ибо нужда не вопіющая! помилуйте, у человѣка есть еще приличная обстановка, не истасканная пара платья—развѣ это нужда? Онъ можетъ теперь извернуться, продавъ обстановку и заложивъ платье. Вотъ когда онъ это сдѣлаетъ, и снова окажется въ затруднительномъ положеніи, тогда мы поможемъ ему. А теперь—нельзя, это будетъ противъ правилъ и противъ требованій справедливости. Въ другихъ случаяхъ комитетъ разсуждаетъ иначе: правда, у просителя имѣется еще порядочная обстановка и онъ еще не заложилъ сюртука, но можно ли доводить человѣка до разоренія, когда какіе нибудь полтораста, двѣсти рублей вполнѣ устроятъ его? Помощь тѣмъ именно и дорога, что является вò-время. Дождаться разоренія человѣка и тогда сунуть ему два-три цѣлковыхъ—значитъ не помогать, а раздавать милостыню. Не въ этомъ же заключается задача литературнаго фонда.

Каждый «чужой», если въ немъ есть немного здраваго смысла, представитъ себѣ и возможность, и законность (по человѣчеству) обѣихъ точекъ зрѣнія. Сѣтовать на литературный фондъ онъ не станетъ, потому что «самъ», можетъ быть, поступилъ бы на мѣстѣ его заправилъ точно также, но требовать отъ подобнаго «недовольнаго», чтобы онъ призналъ дѣятельность фонда справедливою *безотносительно* и вполнѣ нормальной — на худой конецъ—безцеремонно.

Между тѣмъ г. Михайловскій требуетъ именно подобнаго признанія безукоризненности всѣхъ распоряженій фонда. Этотъ «справедливый» писатель не хочетъ допустить критики дѣйствій

Digitized by Google

учрежденія, единственно призваннаго помогать литераторамъ. Я понимаю опроверженіе тѣхъ или другихъ частныхъ обвиненій, взводимыхъ на фондъ, но обвиненій общихъ, принципіально касающихся дѣятельности фонда, г. Михайловскій никогда не опровергнетъ. И напрасно онъ беретъ на себя подобную неосуществимую задачу.

Г. Михайловскій далѣе стремится доказать, что дѣятельность фонда находится подъ бдительнымъ контролемъ—съ одной стороны, министерства народнаго просвѣщенія, съ другой—ревизіонной комисіи. Въ министерство представляются подробности, гдѣ поименовываются какъ удовлетворенные въ своихъ ходатайствахъ кліенты фонда, такъ и лица, получившія отказъ. Министерство, поэтому, имѣетъ возможность провѣрять безпристрастіе членовъ комитета, тѣмъ болѣе, что всякая выдача и всякій отказъ мотивируются.

Ревизіонная комисія, продолжаетъ г. Михайловскій, состоитъ изъ членовъ общества, въ выборѣ которыхъ комитетъ не принимаетъ участія. Это очень важный аргументъ г. Михайловскаго. Замѣтьте его хорошенько.

Мы не сомнѣваемся, что министерство народнаго просвѣщенія съ должнымъ вниманіемъ и должною требовательностью относится къ отчетамъ комитета. Но развѣ министерство въ состояніи провѣрять что либо, кромѣ чисто формальной правильности отчета и внѣшней логичности приводимыхъ фондомъ мотивовъ. Еслибы министерство захотѣло рѣшительнѣе вмѣшаться въ дѣла фонда (чего оно, разумѣется, не желаетъ и желать не можетъ) то ему пришлось бы организовать обширнѣйшую комисію, съ экспертами, спеціальными докладчиками и т. д., и т. д. Я думаю, гг. литераторы, засѣдающіе въ комитетѣ, писать умѣютъ и за «мотивами»—остановки у нихъ не произойдетъ.

Такимъ образомъ, контроль надъ дѣйствіями фонда со стороны министерства народнаго просвѣщенія не въ состояніи представить той гарантіи безусловной справедливости, о которой говорятъ «чужіе». Остается, слѣдовательно, ревизіонная комисія. Г. Михайловскій придаетъ большое значеніе тому обстоятельству, что члены комисіи избираются безъ участія членовъ комитета. Еще бы они избирались комитетомъ, дѣйствія котораго должны контролировать! Это очень странная подробность въ замѣткѣ г. Михайловскаго и свидѣтельствуетъ о слабости приводимыхъ имъ аргументовъ вообще.

Кто же, однако, эти члены ревизіонной комисіи, не избираемые членами комитета? Это также, разумѣется, свои и притомъ «знакомыя все лица». Сегодня г. N. засѣдалъ въ комитетѣ, а завтра будетъ засѣдать въ ревизіонной комисіи. Вчера онъ дѣйствовалъ,

Digitized by Google

а его контролировали; завтра онъ будетъ контролировать дѣйствія другихъ. А послѣ завтра г. N. опять войдетъ въ составъ комитета.

Я, искреннѣйшимъ образомъ, не хочу набросить и тѣни на организацію надзора за дѣятельностью комитета, но я спрашиваю: гдѣ же здѣсь гарантія, кто же охраняетъ здѣсь интересы «чужихъ»?

Покончивъ съ частью «защиты» г. Михайловскаго, построенной на обвиненіи «недовольныхъ» (читай: «чужихъ») скажу два слова о несовершенствахъ устава литературнаго фонда, на которыя г. Михайловскій тоже ссылается.

Если уставъ несовершененъ и болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтняя практика обнаружила его слабыя стороны—надо хлопотать объ измѣненіи устава. Кажется, это ясно и не можетъ быть опровергнуто никакими софистическими соображеніями. Между тѣмъ, ходатайства объ измѣненія неудобныхъ и нецѣлесообразныхъ параграфовъ устава не возбуждается. Чѣмъ прикажете объяснить подобную странность? Люди жалуются на устарѣлость устава и пальцемъ опалецъ не хотятъ ударить въ видахъ его обновленія. Очевидно, приходится согласиться съ «чужими», утверждающими, что *нынѣшнимъ* заправиламъ фонда «несовершенный» уставъ по душѣ и измѣнять его они вовсе не намѣрены.

К—скій.

Digitized by Google

ВОКРУГЪ ПАПСКОЙ ТІАРЫ.

Романъ **Эмиля Гебгарта.**

(1075—1085 г.).

V.

Каносса.

Молодому императору Генриху было крайне необходимо примириться съ Григоріемъ VII. Страшныя знаменія умножались, обличая его отступничество. Самый мудрый совѣтникъ государя, Вильгельмъ, епископъ утрехтскій, умеръ въ нѣсколько дней отъ какой-то загадочной болѣзни; въ агоніи онъ видѣлъ демоновъ вокругъ своей постели и послѣдними его словами было:

— Изъ-за нечестія нашего императора мы всѣ осуждены въ геенну.

Могущественные вассалы и епископы сговаривались погубить святотатственнаго государя. Духъ мятежа, повѣявшій изъ Саксоніи, распространялся по всѣмъ провинціямъ имперіи. Въ Трибурѣ, на Рейнѣ, союзные сеньоры въ присутствіи папскихъ легатовъ составили противъ своего верховнаго владыки формальный актъ, обвиняя его въ революціонныхъ попыткахъ: грѣхи молодости Генриха; жестокости и несправедливости его царствованія; его страсть къ войнѣ и недостатокъ милосердія къ сиротамъ и вдовамъ; его преступныя покушенія противъ церкви и монастырей; его безсовѣстность, съ которой онъ нарушалъ всякія обязательства, разрывая ихъ, «какъ паутину»; хищенія, убійства и незаконныя связи, прикрытыя величіемъ имперіи,—германская знать не упустила ни одного изъ преступленій и безумствъ своего государя. Нѣмецкіе епископы, такіе покорные нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но испуганные теперь анаѳемами Рима, отворачивались отъ проклятаго

Digitized by Google

императора. Зигфридъ майнцскій бѣжалъ отъ двора и проповѣдывалъ въ своемъ епископствѣ реформу королевства и покаяніе за грѣхи монарха. Въ виду Трибура, на другомъ берегу Рейна, въ Оппенгеймѣ, почти одинокій, окруженный немногими друзьями, которые осмѣливались еще прикасаться къ его рукѣ и садиться за его столъ, Генрихъ прислушивался къ угрожающей молвѣ, исходившей изъ этого города, гдѣ два столѣтія тому назадъ Германія низложила Карла Толстаго.

Потомъ, какъ зачумленный или прокаженный, онъ заперся въ Спирскомъ замкѣ. Однако, вопль его народа, лишеннаго святыхъ таинствъ, обезумѣвшаго отъ страха передъ мученіями ада, доходилъ до него и туда. Вассалы давали ему только нѣсколько мѣсяцевъ сроку, чтобы примириться съ церковью. Черезъ годъ послѣ отлученія, обнародованнаго въ Латранѣ, Генриха собирались низложить и изгнать изъ имперіи. Тогда онъ рѣшился на послѣднее униженіе. Императоръ написалъ своему крестному отцу Гюгу, аббату въ Клюни, обязуясь загладить свои проступки и обѣщая отправиться на богомолье въ святую землю. Онъ написалъ, сверхъ того, графинѣ Матильдѣ тосканской, прося ея посредничества и умоляя, чтобы она уговорила папу выѣхать въ Ломбардію навстрѣчу царственному кающемуся. Наконецъ, Генрихъ отправилъ посланныхъ къ самому святѣйшему отцу, чтобы заявить о своемъ раскаяніи и обращеніи на путь истины. Потомъ онъ секретно выманивалъ у своихъ графовъ и бароновъ помощи на поѣздку въ Италію. Очень немногіе отвѣтили ему и только одинъ согласился сопутствовать государю. Онъ выѣхалъ изъ Спиры съ женою и малолѣтнимъ сыномъ. Никто не думалъ преграждать ему путь. Отлученные, отправлявшіеся толпою въ Римъ, чтобы получить прощеніе, удалялись съ дороги изъ боязни путешествовать въ тѣни нечестивца. Онъ сдѣлалъ большой крюкъ по Бургундіи и провелъ праздникъ Рождества въ Безансонѣ. Оттуда черезъ Юру путешественникъ достигъ владѣній своей тещи, Аделаиды сузской, графини савойской. Проходы Альповъ оберегались его соперниками, претендентами на императорскую власть; одинъ сенъ-бернардскій проходъ былъ свободенъ. То былъ древній путь Антонина, которымъ ходилъ также Карлъ Великій и его сыновья, а теперь пользовались пилигримы. Гильдебрантъ нѣкогда провелъ этой дорогой въ Римъ

Digitized by Google

папу Льва IX. Но Аделаида и ея молодой сынъ, графъ Амэ, намѣревались дорого продать Генриху пропускъ по этой горной тропѣ. Они потребовали съ него пять епископствъ въ Италіи, сосѣднихъ съ ихъ владѣніями. Генрихъ торговался, умолялъ, прибѣгнулъ къ слезамъ своей жены и успѣлъ помириться съ родственниками на уступкѣ Бюжэ въ видѣ выкупа за свое бѣгство. 1-го января 1077 года, послѣ переправы черезъ Рону возлѣ Сенъ-Мориса, старинаго городка, освященнаго кровью ѳивинскаго легіона, сынъ императора Генриха III-го, заставлявшаго трепетать подъ стопами своихъ армій Италію и Римъ, въ сопровожденіи немногихъ служителей и мѣстныхъ крестьянъ, указывавшихъ дорогу, достигъ съ женою и ребенкомъ грозной твердыни скалъ и вѣчныхъ льдовъ.

Передъ нимъ гнали быковъ, чтобы животныя взрывали ногами борозду въ глубокомъ снѣгу. Черезъ нѣсколько миль труднаго подъема, небольшой отрядъ добрался на самомъ высокомъ пунктѣ горнаго прохода до вѣчно замерзшаго озера, на берегу котораго Бернардъ ментонскій, архидіаконъ аостскій, выстроилъ пріютъ для путешественниковъ. Но въ ту зиму морозъ былъ до того жестокъ, что ни одинъ изъ пилигримовъ не проходилъ этимъ путемъ и монахи оставили обитель. Императоръ со своими спутниками расположился на ночлегъ въ одной изъ залъ монастыря. При наступленіи дня, они снова двинулись въ дорогу, къ Италіи. Дойдя до южнаго склона Сенъ-Бернарда, Генрихъ отчаялся проникнуть дальше. Спускъ шелъ обрывомъ,—ледяное море, изрѣзанное синѣющими пропастями, ощетинившееся бѣлыми иглами. Стали спускать на лыжахъ, привязанныхъ къ ногамъ, лошадей, бо́льшая часть которыхъ оборвалась и погибла, изувѣченная, испуская хриплые крики испуга. Императрица съ сыномъ спускалась на саняхъ изъ бычачьихъ шкуръ, проѣзжая по краю пропастей, причемъ порывистый вѣтеръ ослѣплялъ имъ глаза снѣжной пылью, а проводники, везшіе ихъ, были принуждены цѣпляться за желѣзныя скобы, втыкаемыя въ ледъ. Генрихъ ползъ, ободравъ себѣ до крови руки, скатывался, падалъ и снова вскакивалъ на ледяной скатерти, какъ будто уносимый чернымъ ураганомъ, который срывался съ ужасающей высоты Альпъ, громоздившихся пирамидальною массой надъ моремъ тумановъ, и съ ревомъ бури набрасывался на долину.

Digitized by Google

Была уже глубокая ночь, когда жалкіе пилигримы постучались въ ворота одного монастыря въ Аостской долинѣ. Привратникъ выбѣжалъ на стукъ; пламя лампы въ его рукахъ колебалось отъ вѣтра. Онъ отступилъ съ невольнымъ ужасомъ назадъ при видѣ полночнаго странника, императора Генриха, который съ обнаженной головой, въ побѣлѣвшемъ отъ снѣга плащѣ, съ лицомъ привидѣнія, держа за руку своего ребенка, полумертваго отъ усталости и холода, просилъ пристанища на краю пустынной дороги, гдѣ уже много времени никто не рѣшался проходить.

Около того же часа, папа Григорій вступалъ при свѣтѣ факеловъ въ свой маленькій родимый городъ Соану. Онъ покинулъ поутру Витербъ подъ проливнымъ дождемъ и пробирался грязными тропинками вдоль западнаго берега озера Больсены. Оруженосецъ, высланный имъ впередъ, возвѣстилъ владѣтельному сеньору и народу о приближеніи святѣйшаго отца. Григорій VII прибылъ очень поздно, когда горожане и духовенство, промокшіе до костей, потерявшіе надежду его увидѣть, собирались уже вернуться, въ довольно сердитомъ настроеніи, въ свои жилища. Заслышавъ издали стукъ копытъ, добрые люди наскоро зажгли свои свѣчи и опустились на колѣни въ грязь. Никто изъ среды самыхъ старыхъ не узналъ въ маленькомъ старичкѣ, лежавшемъ подъ мокрыми занавѣсками своихъ носилокъ, юнаго пастуха, судьба котораго прославила эту страну. Баронъ поцѣловалъ его правую руку и пригласилъ въ замокъ, гдѣ ихъ ожидалъ ужинъ.

— Сейчасъ, сынъ мой,—отвѣтилъ Григорій,—но сначала я хочу привѣтствовать мой старый домъ и пробудить воспоминаніе о своихъ усопшихъ.

Папскій кортежъ, предшествуемый толпою народа, двинулся дальше. Всѣ дома по улицѣ освѣтились и за стеклами каждаго окна появились изумленныя и заспанныя личики дѣтей, которымъ ихъ матери показывали пальцемъ на пурпурныя носилки, медленно поднимавшіяся въ багровомъ заревѣ свѣтильниковъ къ возвышенному кварталу города. Вдругъ толпа остановилась, разступаясь, чтобы пропустить папу. При входѣ въ узкую улицу съ крутымъ подъемомъ въ гору, сіяла огнями лачуга, иллюминованная множествомъ восковыхъ свѣчъ съ фестонами зелени и растворенной настежъ дверью. Всадники спрыгнули съ ло-

Digitized by Google

шадей; Григорій, при помощи своихъ оруженосцевъ, вышелъ изъ носилокъ и повелительнымъ жестомъ запретилъ кому бы то ни было слѣдовать за собою къ его домашнему очагу. Онъ одинъ вошелъ въ маленькій домикъ, дверь котораго затворилась за нимъ.

Викторьенъ и римскіе рыцари выстроились у крыльца лицомъ къ народу, стоявшему съ непокрытыми головами подъ холоднымъ зимнимъ дождемъ. Тогда можно было видѣть, какъ Григорій VII присѣлъ на скамью у голаго и холоднаго очага, окидывая взглядомъ жалкія стѣны и кирпичный полъ въ родимомъ углу, гдѣ онъ научился молиться. Будучи канцлеромъ римской церкви и кардиналомъ, онъ выкупилъ свой домъ, который съ того времени стоялъ пустымъ и необитаемымъ, сумрачный, какъ могильный склепъ. И Гильдебрантъ возвратился туда состарившимся, отягченнымъ славой, царемъ всѣхъ душъ и, вотъ уже нѣсколько дней, въ силу капитуляціи императора,— абсолютнымъ владыкой земли. Его глаза упали на папскій крестъ, золотой крестъ, украшенный драгоцѣнными каменьями, который висѣлъ у него на груди; онъ присматривался къ нему, погруженный въ мечту, и вдругъ горькая улыбка показалась на его поблекшихъ губахъ. Старикъ оперся плѣшивой головою на руки и задумался. Тогда какъ на улицѣ жители Соаны стояли въ глубокомъ молчаніи, папа мысленно переживалъ свое отрочество и его сердце прониклось человѣческой нѣжностью. Онъ снова слышалъ голосъ отца, и дыханіе сестры освѣжало ему лицо; старая пастушья собака, его вѣрный другъ, снова положила голову на колѣни хозяина. Колокола приходской церкви тѣмъ временемъ опять зазвонили и Григорію представились прежніе праздники рождества и пасхи, его мѣсто въ здѣшнемъ храмѣ, въ тѣни колонны, нервая процессія, въ которой онъ участвовалъ самъ маленькимъ клирошаниномъ, раскачивая кадило. Потомъ ему пришли на умъ слова приходскаго священника въ тотъ день, когда онъ признался ему въ своемъ желаніи поступить въ монахи.

— Ахъ, дитя мое, пожалуй, ты впослѣдствіи сдѣлаешься въ свою очередь приходскимъ священникомъ въ Соанѣ. Это было бы превосходно; а, пожалуй, даже епископомъ въ Витербѣ! Дай Богъ тебѣ сдѣлаться епископомъ! Но приходскимъ священникомъ въ Соанѣ ты былъ бы гораздо счастливѣе.

Digitized by Google

Во второй разъ съ той минуты, какъ онъ сѣлъ на камень своей колыбели, всемірный епископъ улыбнулся съ горечью.

Тогда онъ всталъ, медленно распахнулъ дверь и спустился со ступеней смиренной лачуги съ такой благоговѣйной важностью, точно оставлялъ папскій главный алтарь въ церкви св. Іоанна Латранскаго. До самаго замка барона, Григорій не произнесъ ни слова и, чтобы сдѣлать честь хозяину, вкусилъ въ его жилищѣ немного хлѣба и молока. Викторьенъ, владѣтельный сеньоръ и нѣсколько монаховъ стояли вокругъ стола.

— Этотъ домъ совсѣмъ обветшалъ и грозитъ разрушеніемъ!—вымолвилъ папа, точно говоря самъ съ собою.—Но мнѣ и безъ того нужно поддерживать столько развалинъ! Послѣ меня, заботиться о старомъ пепелищѣ предстоитъ моей внучкѣ Піѣ и ея мужу...

Въ эту минуту онъ поднялъ голову и встрѣтился глазами съ Викторьеномъ. Внезапная мысль, новая надежда зарождалась въ сердцѣ сына Ченчіуса, пока еще смутная и полная тревоги. Однако ему показалось, что строгое лицо папы обратилось въ его сторону съ отеческой добротой. Григорій продолжалъ, по прежнему вполголоса:

— Пока будетъ жить родъ Гильдебрантовъ, я хочу, чтобы этотъ домъ существовалъ, какъ свидѣтельство нашего прежняго смиренія и сладости церкви, одушевлявшей насъ. Пускай Пія и мой внукъ не забываютъ этого желанія своего дѣда.

Однако онъ прибавилъ, обращаясь къ черной группѣ монаховъ:

— Если только воля Господня и интересы церкви не призовутъ Пію къ монастырской жизни, самой блаженной!

Одинъ монахъ поклонился, говоря шопотомъ:

— Sola beatitudo!

— Amen!—подхватили другіе монахи меланхолическимъ тономъ.

Первоначальнымъ намѣреніемъ папы было присоединиться къ императору въ самой Германіи; а когда тотъ перешелъ Альпы,—въ Мантуѣ. Каждый день онъ получалъ письма отъ графини Матильды, извѣщавшей его о сношеніяхъ Генриха съ духовенствомъ и знатью Піемонта и Ломбардіи. Въ Миланѣ симоническая церковь, противъ которой Гильдебрантъ нѣкогда подстрекнулъ мятежъ Патариновъ, ожидала отлученнаго съ эн-

Digitized by Google

тузіазмомъ. Ломбардскіе епископы, извергнутые изъ нѣдръ римской церкви, надѣялись, что сынъ Генриха III-го осмѣлится дать христіанству новаго папу. Начиная съ Турина, императорскій кортежъ увлекалъ за собою всѣхъ духовныхъ лицъ, осужденныхъ въ Латранѣ. Граждане и ремесленники сѣверной Италіи, проникнутые уже духомъ свободы ихъ гордыхъ общинъ, привѣтствовали Генриха, какъ спасителя своего отечества. Императоръ, котораго эти приверженцы стѣсняли, отвѣчалъ неопредѣленными обѣщаніями и позволялъ группироваться вокругъ своего знамени всѣмъ этимъ мятежникамъ.

Встревоженный Григорій подвигался впередъ съ большими предосторожностями. Оставивъ Соану, онъ направился къ горнымъ проходамъ Аппенинъ, которые соединяютъ между собою пограничное графство Анкону и Умбрію. Святой отецъ прошелъ подъ Орвіето, грубый епископъ котораго просилъ у него, но безуспѣшно, позволенія сжечь одного еретика-священника. Изъ Фолиньо онъ нѣкоторое время ѣхалъ въ виду Ассиза. Къ сѣверу, весь бѣлый городъ, съ феодальнымъ замкомъ на горѣ и домами, поднимавшимися террасами, подобно восточному акрополю, выступалъ на лазурномъ небѣ. Викторьенъ приподнялъ свой беретъ въ честь собора изгнаннаго епископа Іоахима. Жестъ молодаго человѣка былъ замѣченъ папою, который, въ свою очередь, высунувъ руки изъ носилокъ, благословилъ Ассизъ:

— Да хранитъ тебя Богъ, святой градъ!—сказалъ онъ.— И да прославляется Господь Іисусъ Христосъ черезъ твоихъ сыновъ нынѣ и вовѣки!

Когда миновали узкіе горные проходы, стиснутые между скалистыми склонами рыжеватаго цвѣта, которые оживлялись тамъ и сямъ группами сосенъ, то направились черезъ Романью вдоль восточнаго ската Аппенинъ. Въ Имолѣ письмо Матильды заставило папу измѣнить направленіе своего пути. Графиня представила ему, что въ ея городѣ, Мантуѣ, гдѣ живетъ много друзей императора, она не отвѣчаетъ за безопасность главы церкви, и предложила взамѣнъ свою крѣпость Каноссу по сосѣдству съ Реджіо Эмилійскимъ; тутъ, по крайней мѣрѣ, Генрихъ IV будетъ во власти своего судіи и подъ ферулою своего епископа. Сама графиня ѣхала навстрѣчу своего духовнаго отца.

Digitized by Google

Этой женщинѣ, дочери маркиза Бонифація тосканскаго, было въ то время тридцать лѣтъ. Она отличалась героической красотой, гордой и доблестной. Чимабуэ, много лѣтъ спустя, изобразилъ ее въ стальныхъ доспѣхахъ воительницы, съ великолѣпными надменными глазами, ведущую одной рукой горячаго коня и держащую въ другой рукѣ гранатовое яблоко—символъ цѣломудрія. Она только что потеряла почти за разъ своего мужа Готфрида, герцога лотарингскаго, и свою мать Беатриче, которая покоится и теперь на кладбищѣ въ Пизѣ. Она владѣла въ центральной Италіи всею Тосканой, Мантуей, Моденой, Феррарой и Кремоной; ей принадлежала область Витерба до моря, будущее *наслѣдіе св. Петра*. Передъ римской церковью Матильда благоговѣла, какъ святыя іерусалимскія жоны благоговѣли передъ Іисусомъ Христомъ. Въ пятнадцать лѣтъ она уже билась шпагой противъ нѣмецкой арміи и антипапы Гонорія II-го. Она мечтала о томъ, чтобы оставить послѣ себя папскому престолу итальянское королевство. Графиня вовсе не предвидѣла, какими бѣдствіями и какими потоками крови будетъ принуждена расплатиться церковь за щедроты въ ея духовномъ завѣщаніи. Григорій писалъ ей: «Если я любимъ, какъ я люблю, не найдется ни одного смертнаго, котораго вы предпочли бы мнѣ». Ревность къ дому божію и ненависть къ имперіи создали необыкновенно прочную нравственную связь между этими двумя людьми съ великой душою. Данте, вовсе не благоволившій къ папству, постарался не встрѣчаться съ Григоріемъ VII въ раю; но онъ помѣстилъ Матильду передъ колесницей мистическаго Рима, тріумфальной колесницей, гдѣ возсѣдаетъ его Беатриче; а гвельфская Италія прославила великую графиню, какъ первую героиню своей національной независимости.

Матильда встрѣтила папу между Моденой и Реджіо. Она была на конѣ, въ золоченой кольчугѣ до пояса. Сопровождавшая ее знать представляла великолѣпную картину. Впереди кортежа слѣдовали двѣнадцать конныхъ пажей съ серебряными трубами, которые заиграли, при видѣ папскихъ носилокъ, боевую фанфару. Графиня сошла съ лошади и хотѣла стать на колѣни, но Григорій не позволилъ этого и пригласилъ ее ѣхать съ нимъ рядомъ по правую руку. Такимъ образомъ, они доѣхали до Реджіо, гдѣ остановились обѣдать. Потомъ, повернувъ къ го-

Digitized by Google

рамъ, путешественники пустились по дорогѣ въ Каноссу. Тутъ они вступали въ суровую пустыню Аппенинъ. Съ сѣвера подулъ сильный вѣтеръ, пошелъ снѣгъ; лошади, скользя по скалистымъ тропинкамъ, медленно подвигались впередъ.

При наступленіи ночи, Викторьенъ увидалъ вдали, вверху группы скалъ, выдававшихся мысомъ и въ видѣ темной массы нависшихъ надъ бѣлою степью, крѣпость Каноссу. Группа башенъ высилась надъ тройнымъ поясомъ стѣнъ, порываясь къ бѣлесоватому небу. Еще выше ихъ на мачтѣ развѣвалось два союзныхъ знамени Рима и Тосканы, которыя хлопали по воздуху, подобно громаднымъ тяжелымъ крыльямъ какой нибудь птицы изъ апокалипсиса.

Съ этой цитаделью зловѣщаго вида было связано благородное воспоминаніе. Вдова послѣдняго короля ломбардскаго, Аделаида, плѣнница Беренгара II-го, послѣдняго короля Италіи, бѣжала подземнымъ ходомъ изъ своей темницы и укрылась въ Каноссѣ, подъ щитомъ Аццо, предка Матильды. Когда она была осаждена здѣсь Беренгаромъ, пущенная стрѣла принесла ей посланіе любви Оттона саксонскаго, будущаго императора Оттона Великаго, который спѣшилъ ей на выручку и получилъ отъ молодой женщины корону Италіи.

Но въ этотъ часъ, окутанная пеленою сумерекъ, точно погребальнымъ покровомъ, твердыня Каноссы вставала передъ глазами, какъ символъ ужаса.

Тогда Викторьенъ вспомнилъ свое первое вступленіе въ замокъ Латрана и страхъ первыхъ ночей, проведенныхъ имъ въ жилищѣ Григорія. Потомъ вдругъ ему представился замокъ отца на берегу Тибра въ старомъ Римѣ, и образъ Ченчіуса овладѣлъ его мыслями.

Въ продолженіе года онъ часто вспоминалъ объ изгнанникѣ. Даже въ дни величайшаго счастья, возлѣ Піи и Іоахима, мальчикъ спрашивалъ себя, почему никакой вѣсти о печальномъ пилигримѣ не доходитъ до его сына. Значитъ, Ченчіусъ позабылъ о немъ и гробъ Господень не расположилъ его сердца къ ребенку, которому онъ былъ обязанъ помилованіемъ и спасеніемъ.

Необычайная сцена остановила на минуту папу при въѣздѣ на первый подъемный мостъ, перекинутый черезъ рвы Каноссы. Въ ту минуту, когда служители Матильды съ факелами въ ру-

Digitized by Google

кахъ встрѣчали гостя графини, изъ темноты внезапно выступила жалкая кучка людей, остановившихся босикомъ въ снѣгу, въ однѣхъ шерстяныхъ сорочкахъ, съ выбритыми головами. То были: архіепископъ бременскій, епископы лозанскій и страсбургскій, приближенные императора. Прибывъ сюда еще днемъ, они ожидали пріѣзда Григорія, чтобы вымолить его прощеніе. Всѣ эти просители, отданные подъ надзоръ коменданта Каноссы, были заключены порознь въ темницахъ башенъ и подземелій, безъ огня и свѣта, посаженные на хлѣбъ и на воду. Имъ предстояло ждать надъ собою суда до пріѣзда императора и до приговора, который произнесетъ Григорій надъ ихъ собственнымъ сюзереномъ.

Между тѣмъ Генрихъ приближался къ своему духовному владыкѣ съ большою медленностью. По дорогѣ онъ отсылалъ подальше отъ себя раскольническихъ епископовъ Италіи, чтобы видъ ихъ не раздражилъ папы. По мѣрѣ того какъ онъ подвигался впередъ, могущество этого стараго монаха, державшаго въ своихъ рукахъ ключи ада, казалось ему все болѣе и болѣе грознымъ; онъ боялся того часа, когда въ глубинѣ туманной равнины увидитъ передъ собою, стоящій на остроконечномъ пикѣ Аппенинъ, черный призракъ Каноссы.

Наканунѣ послѣдняго воскресенья въ январѣ мѣсяцѣ, глухою ночью, съ Альпійскихъ горъ примчалась буря, катя на Эмилію страшные снѣжные вихри. Поутру въ складкахъ бѣлаго савана караульные замка замѣтили пробиравшійся подъ ураганомъ и сопровождаемый длинною вереницею вороновъ маленькій отрядъ всадниковъ. Императоръ приближался, наконецъ, къ послѣдней станціи своего крестнаго пути.

Папѣ доложили около полудня, когда онъ оканчивалъ обѣдню, о томъ, что Генрихъ находится у перваго подъемнаго моста. Онъ приказалъ ему черезъ посланныхъ удалиться до завтрашняго дня въ сосѣдній монастырь, гдѣ монахи ожидали его, чтобы пѣть царственному грѣшнику покаянные псалмы.

Нѣсколько часовъ спустя, второй кортежъ постучался въ ворота Каноссы: графиня сузская, аббатъ монастыря Клюни и епископъ версейльскій пріѣхали просить Григорія за молодаго короля-императора. Матильда приняла гостей и дала имъ понять, что они взялись за очень щекотливое дѣло: папа, казалось, рѣшилъ довести до отчаянія императора.

Digitized by Google

Наконецъ, при наступленіи ночи, двое человѣкъ,—рыцарь и монахъ,— позвонили въ наружный колоколъ у монастыря. Братъ-привратникъ спросилъ ихъ имена и они вошли, не удостоивъ его отвѣтомъ. Двое таинственныхъ путешественниковъ заперлись съ Генрихомъ и ихъ бесѣда затянулась до той поры, когда полагается гасить огни. Никто въ этотъ вечеръ и послѣдующіе дни не видалъ ихъ лицъ. Монахъ не откидывалъ своего капюшона, спущеннаго на глаза, а рыцарь—своего забрала.

На другой день Генрихъ босикомъ и съ непокрытой головой вернулся въ Каноссу. Его провели одного во дворъ за второю стѣной. Здѣсь онъ напрасно прождалъ, стоя на ногахъ нѣсколько часовъ. Замокъ казался покинутымъ и вымершимъ. Шелъ снѣгъ. Одну минуту за рѣшеткой узкаго окна, вверху одной изъ башенъ, передъ глазами императора мелькнула чья-то тѣнь. Она появилась еще разъ въ другомъ окнѣ, этажемъ ниже, и затѣмъ исчезла. Тутъ Генрихъ узналъ папу по красному плащу и блѣдности лица.

Вечеромъ оруженосцы Матильды пригласили его вернуться въ монастырь.

Въ продолженіе еще двухъ дней, возобновлялось то же ожиданіе и то же униженіе. Полураздѣтый, въ трагическомъ видѣ кающагося, плача, ударяя себя въ грудь, умоляя громкими воплями о милосердіи, Генрихъ не могъ добиться позволенія пасть къ ногамъ Григорія. На третье утро, перемерзшій отъ холоду, изнуренный постомъ, онъ укрылся въ маленькую церковь св. Николая, построенную на краю рвовъ Каноссы; императоръ, весь дрожа, присѣлъ, какъ оглашенный, на порогѣ крестильной капеллы и уронилъ голову на колѣни. Къ нему приблизились шаги, которые вывели его изъ оцѣпененія: Матильда, аббатъ монастыря Клюни и епископъ версейльскій пришли увѣщевать несчастнаго, чтобы онъ покаялся. Тотъ, рыдая, схватилъ руку Матильды.

— Если ты не придешь мнѣ на помощь,—сказалъ онъ ей,—я не могу болѣе сокрушать вражескихъ щитовъ, потому что на мнѣ тяготѣетъ проклятіе папы и моя рука обезсилѣла, какъ мертвая. Кузина, упроси его благословить меня! Ступай!

Роковой день его низложенія, назначенный могущественными вассалами на трибурскомъ сеймѣ, былъ близокъ. Импе-

Digitized by Google

рія и христіанство были бы потрясены до основанія, еслибы Григорій не помиловалъ немедленно отлученнаго императора. Аббатъ монастыря Клюни обѣщалъ испросить у него прощеніе виновному во имя спокойствія самой церкви. На этотъ разъ святѣйшій отецъ уступилъ. Онъ считалъ Генриха усмиреннымъ навсегда и принялъ клятвы графини и аббата, ручавшихся за искреннее раскаяніе просителя, который постарается привести Германію къ повиновенію Риму. Затѣмъ онъ согласился, чтобы завтра происходила церемонія отпущенія.

На восходѣ солнца императоръ, обнаженный до пояса, былъ приведенъ иноками къ портику церкви въ Каноссѣ. Двоимъ провожатымъ Генриха,—воину и монаху, такъ тщательно скрывавшимъ свои лица,—удалось проникнуть въ замокъ и остановиться въ нѣкоторомъ отдаленія отъ короля въ закоулкѣ старыхъ стѣнъ.

Отлученные епископы и германскіе сеньоры вышли тогда изъ своихъ темницъ. Измученные суровыми эпитеміями, они стали на колѣни полукругомъ по обѣ стороны своего государя.

Когда появился Григорій, также облеченный въ трауръ, въ фіолетовой мантіи и митрѣ изъ бѣлой шерстяной матеріи, кающіеся распростерлись ницъ, лицомъ въ снѣгъ, раскинувъ руки крестомъ, и съ громкими воплями умоляли снять съ нихъ проклятіе, чтобы они могли вернуться въ лоно церкви христовой. Папа сѣлъ на бронзовый тронъ на верху ступеней портала и смотрѣлъ нѣкоторое время на эту неслыханную сцену. Говорятъ, что тогда, тронутый до глубины души, онъ прослезился—отъ состраданія или гордости. Епископъ версейльскій подалъ ему въ руки палочку. Григорій, громко читая псаломъ: *Miserere mei, secundum magnam misericordiam tuam* (Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости твоей), ударялъ при каждомъ стихѣ по плечу одного изъ кающихся, поочередно становившихся на колѣни, на первой ступени церкви. Потомъ онъ всталъ, снялъ съ себя митру и, сложивъ руки, самъ испросилъ прощенія отъ Бога, послѣ чего сѣлъ опять и произнесъ формулу отпущенія.

Императоръ всталъ; папа протянулъ ему объятія. Онъ взялъ Генриха за руку, велѣлъ надѣть на него плащъ и ввелъ его подъ церковные своды, говоря:

— Во имя Отца, и Сына, и св. Духа, я возвращаю тебѣ участіе въ таинствахъ матери-церкви.

Digitized by Google

И Григорій далъ ему лобзаніе мира, какъ и епископамъ, только что получившимъ разрѣшеніе. Онъ снялъ съ себя траурную мантію, облачился въ бѣлую ризу и пошелъ къ алтарю. Дѣтскій хоръ запѣлъ *Kyrie* и папская обѣдня началась. То была старая церковь, удивительно сумрачная, съ низкими сводами, опиравшимися на тяжелые пилоны,—настоящій склепъ, которому горѣвшія свѣчи и лампады придавали что-то погребальное. Апокалипсическія животныя, высѣченныя варварскимъ рѣзцомъ на капителяхъ, грифоны, саламандры и единороги какъ будто проснулись отъ своего каменнаго сна и между смутными отблесками огней въ нишѣ алтаря, утопавшихъ въ синеватой дымкѣ ѳиміама, расправляли свои крылья, подобно гигантскимъ летучимъ мышамъ, ползли и обвивались съ фантастическою медленностью вокругъ аканѳовыхъ листьевъ гранитнаго барельефа. Въ кругломъ сводѣ алтарной ниши старинная мозаика, источенная сыростью, почернѣвшая отъ испареній, представляла изможденнаго Христа, худаго, какъ скелетъ, съ огромными глазами, въ ужасномъ видѣ неумолимаго Судіи живыхъ и мертвыхъ, между тѣмъ какъ слѣва отъ него черные демоны тѣсною кучей вцѣплялись когтями въ осужденныхъ. Каждый разъ, когда папа протягивалъ руки, ихъ тѣнь пробѣгала по церкви, теряясь подъ сводомъ. Когда онъ затянулъ *Gloria in excelsis*, его жидкій надтреснутый голосъ напомнилъ рыданіе ребенка. Но Григорій спѣлъ первыя слова «Вѣрую» съ такимъ величіемъ, что трепетъ пробѣжалъ по тѣлу стоявшихъ съ наклоненной головою германскихъ епископовъ, которые на одинъ день осмѣлились отрицать единую строку вѣковаго символа.

Викторьенъ, помѣстившись у алтаря, присутствовалъ на этой мрачной обѣднѣ. Онъ смотрѣлъ съ какимъ-то ужасомъ на царственнаго кающагося и думалъ о томъ, какъ грустно было бы его другу, епископу ассизскому, еслибъ тотъ находился здѣсь, при этомъ грозномъ примиреніи папы съ императоромъ. Въ ту минуту, когда дѣтскіе голоса запѣли *Et homo factus est*, юноша замѣтилъ, что въ маленькой группѣ служителей Генриха двое людей совсѣмъ не преклонили колѣнъ. Рыцарь и монахъ, на половину спрятанные за колонной, зорко слѣдили за каждымъ движеніемъ Григорія. На одну секунду монахъ повернулъ къ свѣту свою голову со спущеннымъ капюшономъ и

Digitized by Google

вдругъ Викторьенъ вспомнилъ взглядъ хищной птицы, брошенный однажды вечеромъ на него и на Пію въ Римѣ, съ вершины уединенной башни св. Іоанна и Павла.

Въ моментъ причащенія, папа обернулся къ императору и подозвалъ его жестомъ къ подножію алтаря. Потомъ онъ взялъ св. причастіе, поднялъ его вровень со своимъ лицомъ передъ глазами Генриха и сказалъ:

— Ты и твои приверженцы выставляли меня передъ свѣтомъ, какъ нечестиваго епископа, дурнаго папу и лжепапу. Вы взводили на меня такія беззаконія, что церкви, слушая васъ, слѣдовало бы свергнуть меня съ престола св. Петра и лишить священства. Если я невиненъ, пусть тѣло Господа нашего Іисуса Христа свидѣтельствуетъ о моей невинности; если же виновенъ, пускай Господь тотчасъ поразитъ меня на смерть и осудитъ меня на вѣчныя мученія передъ своею скиніей!

Тутъ онъ разломилъ надъ алтаремъ облатку на двѣ части и пріобщился. Испытаніе было благопріятно для Григорія. Онъ взялъ другую половинку облатки и приблизился къ императору.

— И ты также, сынъ мой, былъ обвиненъ важными людьми твоего королевства въ такихъ отвратительныхъ преступленіяхъ, что вассалы находили полезнымъ отнять у тебя скипетръ имперіи и добиться отъ насъ, чтобы мы навсегда отлучили тебя отъ общенія съ христіанами. Если ты невиненъ, пусть тѣло Господне свидѣтельствуетъ за тебя; если же виновенъ, пускай оно тотчасъ навлечетъ на грѣшника осужденіе и смерть!

И онъ поднесъ св. дары къ губамъ императора.

Генрихъ, растерянный, блѣдный, быстро отпрянулъ назадъ и вдругъ, чтобы не видѣть св. причастія, подносимаго ему съ такимъ ужаснымъ условіемъ, бросился ницъ на полъ святилища и закрылъ голову полою своего плаща.

Въ собраніи вѣрныхъ, смущенныхъ ожиданіемъ страшнаго чуда, одна Матильда и Григорій оставались спокойными. Графиня ободряла папу торжествующей улыбкой. Тотъ, по прежнему держа въ рукѣ тѣло Христово, смотрѣлъ на побѣжденнаго императора съ высокомѣрнымъ сожалѣніемъ.

Генрихъ бормоталъ невнятныя слова, приподнимался на половину, какъ будто рѣшаясь подвергнуть себя суду божію, по-

Digitized by Google

томъ падалъ опять на каменный помостъ церкви, подкошенный страхомъ.

Тѣмъ временемъ рыцарь съ инокомъ, именъ которыхъ никто не зналъ, вышли изъ своей засады. Деодатъ говорилъ своему товарищу:

— Ступай же, если ты боишься удара молніи. Для меня причастіе, освященное даже самимъ папою, вещь вовсе не опасная. Правда, обломокъ облатки, поданный Григоріемъ, можетъ быть смертоносенъ. Римская церковь владѣетъ удивительными секретами, ей извѣстна адская алхимія. Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, одинъ папа умеръ, выпивая чашу у алтаря, и кардиналы не рѣшались болѣе садиться за столъ тайной вечери въ великій четвергъ...

Однимъ прыжкомъ рыцарь очутился въ двухъ шагахъ отъ императора. Онъ поднялъ забрало шлема и наклонился къ уху своего государя. Григорій съ Викторьеномъ на одно мгновеніе увидали быстро мелькнувшее передъ ними жестокое лицо и злые глаза Ченчіуса. Юноша ухватился за мраморъ алтаря, чувствуя, что ноги подкашиваются подъ нимъ и онъ катится въ бездну.

— Откажись, господинъ мой,—говорилъ баронъ,—откажись ради твоей жизни, ради имперіи и вѣчнаго спасенія!

Офицеры Матильды заволновались, точно собираясь схватить Ченчіуса. Но папа остановилъ ихъ жестомъ:

— Оставьте этого человѣка: онъ мой вассалъ, римскій баронъ, и принадлежитъ мнѣ одному. Но это клятвопреступникъ и я изгоняю его вонъ отсюда, прочь съ моихъ глазъ. Изъ любви вотъ къ этому ребенку, его сыну, я вторично дарую ему жизнь и запрещаю касаться его особы.

Тѣмъ временемъ Ченчіусъ догналъ уже Деодата на паперти церкви и оба они бросились бѣгомъ изъ Каноссы.

Папа, еще разъ опустивъ глаза на распростертаго императора, прибавилъ съ ироническимъ сомнѣніемъ:

— Развѣ нынѣшній день не есть день прощенія и мира?

Въ тишинѣ сумрачной церкви раздались рыданія Викторьена. Вдругъ Григорій, по внушенію глубокой нѣжности, сдѣлалъ шагъ къ молодому человѣку.

— А ты, мое дитя, ты, непорочный и добрый, прими тво-

Digitized by Google

его Господа, котораго тотъ не смѣетъ принять. Іисусу Христу отрадно опочить въ сердцѣ страждущихъ.

Викторьенъ сдѣлалъ шагъ къ папѣ, скрестилъ руки на груди и принялъ св. дары.

По окончаніи послѣднихъ молитвъ, папа торжественно благословилъ императора, тевтонскихъ епископовъ и всѣхъ вѣрныхъ. Затѣмъ шествіе развернулось вдоль церкви, направляясь къ выходу. Тосканскіе сеньоры, графиня, молодые клирошане капеллы, епископы, аббатъ Клюни проходили вереницей. Наконецъ, «обѣ половины бога», — Генрихъ, смертельно блѣдный отъ стыда и гнѣва, съ опущенной головой, и Григорій, твердо выпрямившись, съ пылающими глазами,—вышли по братски, рядомъ, изъ старинной церкви.

Долго спустя послѣ того, какъ церковнослужитель задулъ послѣднюю свѣчу, погасилъ послѣднюю лампаду, Викторьенъ оставался одинъ, забытый въ потемкахъ ниши, сидя на ступеняхъ алтаря. То былъ самый горькій часъ его жизни. Онъ перебралъ въ умѣ прошлое и у него явилось предчувствіе будущаго. Какое наслѣдіе предательствъ и преступленій приготовилъ ему отецъ? Какими гнусностями будетъ еще запятнано имя древняго рода Ченчіусовъ? Какими новыми кощунствами оскорбитъ еще этотъ домъ святую церковь? Мальчику пришла здѣсь на умъ безотрадная доктрина его перваго наставника, жестокій догматъ, безпрестанно приводимый и прославляемый монахомъ Эгидіемъ: ребенокъ, осужденный за грѣхъ отца на безъисходное бѣдствіе, демонъ, поставленный злымъ Богомъ въ распорядители проклятой судьбы. И что-жъ, отмѣченный сатаною въ числѣ его избранниковъ, осмѣлится ли онъ когда нибудь вернуться въ Латранъ, обнять Іоахима, выдержать взглядъ очей Піи?! Съ какою тревогой, пожалуй, встрѣтитъ молодая дѣвушка сына разбойника-отцеубійцы, истинно дьявольскаго врага Григорія? Не лучше ли завтра же, даже сегодня вечеромъ, похоронить навсегда роковое безчестіе семьи въ стѣнахъ какого нибудь глухаго монастыря, подъ сѣнью Аппенинъ, какъ можно дальше отъ Рима и ото всего, что онъ любилъ? И слова монаха за папскимъ ужиномъ въ Соанѣ пришли ему на память, какъ знаменіе надежды: *sola beatitudo!*

Но образъ Піи, прелесть ея лица и ласкающая улыбка по прежнему оживляли сердце юноши. Мало по малу, въ немъ

Digitized by Google

стала зрѣть болѣе мужественная мысль. Бѣгство въ монастырь, прощаніе съ міромъ, не покажутся ли они молодой дѣвушкѣ актомъ эгоизма и трусости? Достойно ли римскаго дворянина, ученика Іоахима, воспитанника Григорія VII-го, объявить о своемъ пораженіи, еще не вступивъ въ борьбу за свою честь и спокойствіе своей жизни? Не слѣдовало ли ему сначала прибѣгнуть къ великодушной попыткѣ подѣйствовать на совѣсть отца? Викторьенъ съ живостью поднялся, стряхнулъ съ себя дурной сонъ и выбѣжалъ изъ церкви.

Генрихъ, пѣшій, въ доспѣхахъ и мантіи на плечахъ, окруженный своими епископами и дворянами, прощался во дворѣ замка съ Григоріемъ. Прощанье съ обѣихъ сторонъ было крайне холодное. Папа сказалъ императору, когда весь отрядъ садился на коней:

— Не забывай, сынъ мой, что твои клятвы записаны на небѣ. Если между мною и тобою остается тайна, Господь не замедлитъ ее разсѣять.

Ченчіуса не было въ императорскомъ кортежѣ. Викторьенъ бросился за стѣны крѣпости къ монастырю, гдѣ императоръ проводилъ послѣднія ночи. Никто не видалъ тамъ больше ни Ченчіуса, ни Деодата. Мальчикъ спустился тогда по крутой тропинкѣ на дорогу въ Миланъ, куда направлялся Генрихъ IV. Онъ шелъ съ обнаженной головой. Вѣтеръ игралъ его волосами, осыпая ихъ снѣгомъ. Сынъ богоотступника всматривался въ слѣды на дорогѣ, стучалъ въ двери рѣдкихъ домовъ, разбросанныхъ по окрестностямъ. Вскорѣ показался императоръ и Викторьенъ посторонился, давая дорогу его свитѣ. Никто изъ высокихъ сеньоровъ не удостоилъ узнать юнаго бродягу, увязшаго по колѣни въ снѣгу придорожной канавы. Генрихъ съ полузакрытыми глазами, неподвижный въ своей стальной бронѣ, проѣхалъ мимо него, точно видѣніе сна. Епископъ страсбургскій слѣдовалъ въ арьергардѣ, жестоко мучась со своимъ упрямымъ конемъ. Мальчикъ любезно вложилъ въ стремя епископскую ногу и сталъ разспрашивать всадника.

— Увы, мой дружокъ, вамъ пришлось бы бѣжать очень долго. Вашъ отецъ и тотъ—весьма плохой монахъ,—бросились на дорогу въ Парму на двухъ лучшихъ лошадяхъ и оставили для меня вотъ эту, за которую мнѣ зачтется срокъ въ чистилищѣ. Благодарю и прощайте. Да хранитъ васъ Богъ!

Digitized by Google

Викторьенъ съ разбитымъ сердцемъ медленно вернулся, при страшномъ вѣтрѣ въ Каноссу.

Папа былъ встревоженъ отсутствіемъ юноши и ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. При входѣ мальчика, Григорій сначала встрѣтилъ его долгимъ молчаніемъ, потомъ съ кротостью, смѣшанной съ грустью, возложилъ руки на его чело.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ, — Господь испытываетъ праведныхъ печалью и слезами. За твое горе я люблю тебя еще больше.

На столѣ лежали кучи писемъ, посылавшихся ежедневно папскою канцеляріею, депеши епископовъ, пословъ, начальниковъ со всего христіанскаго міра. Григорій взялъ одно посланіе, написанное на толстомъ пергаментѣ и запечатанное епископской печатью.

— Это для васъ, Викторьенъ. Письмо прибыло сегодня вечеромъ съ почтою святаго престола. На печати гербъ епископа ассизскаго, вашего друга; но подпись сдѣлана дѣтскою рукою; вѣроятно, вамъ пишетъ Пія. Ступайте, сынъ мой, и да утѣшитъ васъ Господь Богъ!

При потухающемъ свѣтѣ дня, Викторьенъ распечаталъ письмо молодой дѣвушки.

«Милый большой другъ. Я хотѣла начать такъ: «милый маленькій другъ», но наша святая игуменья увѣрила меня, что грѣшно называть «маленькимъ другомъ» молодаго кавалера, если ты еще не въ годахъ бабушки. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ вы простились съ нами, а мнѣ до сихъ поръ не вѣрится, что васъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Мнѣ все представляется, что вы на верху башенъ съ мессиромъ Іоахимомъ и слѣдите за полетомъ зимнихъ птицъ. По вечерамъ, когда я вижу ваше мѣсто у жаровни пустымъ, мнѣ такъ и хочется заплакать. Тогда, чтобы развеселить меня, нашъ епископъ говоритъ, что вы вернетесь къ намъ изъ Тосканы прелестнымъ рыцаремъ на чудномъ боевомъ конѣ, какъ святой Іаковъ на страницахъ его требника, который нарисованъ весь въ золотѣ на фонѣ голубаго неба. Поспѣшите воротиться къ этому прекрасному празднику. Ваше письмецо, присланное изъ Соаны, совсѣмъ изорвалось, такъ много мы читали и перечитывали его съ синьоромъ-епископомъ. Я счастлива, что вы побывали въ моемъ дорогомъ старомъ городѣ. Нашъ синьоръ и я собираемся туда когда нибудь за ком-

Digitized by Google

панію съ вами, когда поля снова зацвѣтутъ, а у васъ будетъ боевой конь. Вы посадите меня разочекъ къ нему на крупъ, если онъ окажется не очень горячимъ, только мы не скажемъ объ этомъ ничего нашей святой матери.

«Однажды вечеромъ, въ пятницу, у насъ случилось въ Латранѣ чудо, по мнѣнію добрѣйшей дамы, но чудо нехорошее, напугавшее ее до полусмерти. Вы знаете, что она не долюбливаетъ нашу козулю Фульво, которую считаетъ чѣмъ-то въ родѣ дикой лѣсной козы. Демоны, повидимому, охотно вселяются въ этихъ животныхъ. И вотъ, когда г-жа игуменья разсказывала страшную-престрашную исторію о томъ, какъ цѣлыхъ семеро чертей вошло въ огромнаго чернаго козла и проникло такимъ способомъ, тридцать лѣтъ назадъ, въ ихъ женскій монастырь, Фульво вдругъ какъ вскочитъ со своей подстилки да какъ ударитъ госпожу игуменью рогами и головою прямо въ спину! Она такъ и повалилась ничкомъ со своей скамьи, растянулась на полу и давай кричать, что̀ есть мочи. Фульво былъ, конечно, виноватъ, но нашъ синьоръ много смѣялся и я тоже, когда мы убѣдились, что матушка не ушиблась и только ея чепчикъ съѣхалъ на бокъ. Однако, послѣ этого случая, рѣшили привязывать Фульво къ ножкѣ большаго аналоя съ золотымъ орломъ всякій разъ, когда заговорятъ о демонѣ, то есть, всякій разъ, когда игуменья разсказываетъ исторію.

«Однако, это не мѣшаетъ козулѣ монсиньора Евстахія быть всегда ласковой ко мнѣ. Посылаю вамъ въ Каноссу дружескій поклонъ отъ этого хорошенькаго чертенка.

«Чтобы покончить съ нашими домашними животными, скажу вамъ, что мулъ нашего друга становится несносенъ своею богомольностью. Вчера, при сильномъ снѣгѣ, онъ уперся всѣми четырьмя ногами передъ портикомъ Транстеверской Богоматери и не хотѣлъ ни за что двинуться оттуда, такъ долго, что его преподобіе успѣлъ прочитать все дневное правило, включая вечерни, преспокойно сидя у него на спинѣ. Если въ тѣлѣ Фульво обитаетъ демонъ, то въ этого мула навѣрно вселилась душа монаха или, по крайней мѣрѣ, ризничаго. Это выдумалъ синьоръ Іоахимъ, конечно, ради смѣха. Онъ всегда очень веселъ, исключая того времени, когда думаетъ о васъ. Тогда онъ становится грустенъ и призываетъ своего Викторьена. Не безъ труда добыли мы пергаментъ, чтобы написать это письмо. Запасъ

Digitized by Google

святаго престола истощился на буллы отлученія и кардиналъ Альбано, такой добрый ко мнѣ теперь, былъ принужденъ вырвать чистую страницу въ одной изъ церковныхъ книгъ, тяжелыхъ, какъ сундуки, и покрытыхъ мѣдными гвоздями; по нимъ клирошане поютъ хоромъ, но какъ такія книги называются, это очень мудрено запомнить такой несвѣдущей дѣвочкѣ, какъ я. Однако, пора кончить мое письмо, потому что я исписала весь кардинальскій пергаментъ. Но тутъ совсѣмъ внизу, подъ моею подписью, я прикладываю губы и кричу, рискуя быть услышанной нашей почтенной гувернанткой: вернитесь къ намъ, дорогой Викторьенъ; поспѣшите скорѣе домой, милый Викторьенъ! *Пія.*»

Юноша прижалъ губы къ тому мѣсту на пергаментѣ, которому Пія ввѣрила свой сердечный призывъ, и почувствовалъ, какъ его проникаетъ сладостная свѣжесть. Онъ отворилъ окно и наклонился надъ снѣжной равниной. Мятель улеглась и небо развернуло свой звѣздный пологъ. Замокъ засыпалъ. Безбрежное поле снѣга раздѣляло теперь двоихъ героевъ каносской драмы: Григорія и Генриха. Необыкновенная тишина природы воцарилась на аренѣ недавней борьбы, гдѣ двое мистическихъ пастырей христіанства только что посѣяли для своихъ народовъ и для самихъ себя жатву слезъ и крови. Однако, настоящій часъ принадлежалъ ночи, тишинѣ и миру, и Викторьенъ съ серьезной радостью думалъ о ребенкѣ, который подросталъ тамъ, вдалекѣ, въ святомъ городѣ Римѣ, и дожидался его возвращенія.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Наше сердце.

Мятежное сердце, какъ море, волнуется вѣчно;
Въ немъ дикія страсти, какъ волны сѣдыя, кипятъ!
Въ немъ все мимолетно, въ немъ все какъ потокъ быстротечно,—
То рай наслажденій, то мукъ угнетающій адъ.
То ропщетъ въ немъ демонъ въ порывѣ безумнаго гнѣва,
Съ проклятьемъ преступнымъ и злобой на блѣдныхъ устахъ;
То совѣсть рыдаетъ и плачетъ, какъ грѣшная дѣва,
Съ мольбой покаянной безумно повергшись во прахъ.

Леонидъ Афанасьевъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Европейская политика во время болѣзни Государя Императора.—Война желтокожихъ, при благосклонномъ содѣйствіи бѣлокожихъ. — Неудачи англійскаго вмѣшательства. — Невозможное положеніе Кореи и похвальные аттестаты богамъ, выдаваемые богдыханомъ.—Травля президента республики оппозиціею.—Конгрессъ рабочихъ въ Нантѣ.— Соціалисты въ Германіи. — Рѣчь Бисмарка о полякахъ.—Арестъ въ Берлинѣ 183 унтеръ-офицеровъ.— Безпорядки въ Вѣнѣ.—Новый парламентъ и старая политика въ Бельгіи.— Примиреніе правительства съ палатою въ Даніи.—Новая республика.

Политическое движеніе въ Европѣ вдругъ замѣтно стало пріостанавливаться въ послѣднія недѣли. Страшный, нежданный ударъ, поразившій всю Россію при извѣстіи объ опасной болѣзни Государя, отозвался и на всемъ цивилизованномъ мірѣ, и на всемъ человѣчествѣ въ отдаленнѣйшихъ странахъ земнаго шара. Всѣ ясно поняли, что остановка вліянія одного человѣка на дѣла всего міра можетъ повести къ роковымъ послѣдствіямъ; всѣ убѣдились, какимъ могучимъ факторомъ въ исторіи нашего вѣка было одно лицо, поставившее въ ней твердо опредѣленную цѣль и слѣдовавшее ей неуклонно. И не потому имѣло это лицо такую сильную власть, такое огромное обаяніе, что въ рукахъ его были милліоны людей, готовыхъ подкрѣпить его требованія: болѣе десяти лѣтъ, три державы, выставивъ такое же количество вооруженной силы, увѣряли Европу, что это дѣлается для ея успокоенія и для поддержанія всеобщаго мира. Но никто не вѣрилъ этимъ словамъ, возбуждавшимъ всюду тревожный страхъ, опасенія, потери. Но съ тѣхъ поръ какъ русскій императоръ, не бряцая оружіемъ, не увеличивая ни войска, ни вооруженій, твердо заявилъ, что съ его стороны, какъ и со стороны его союзниковъ, миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ,—въ ней все успокоилось и приняло обычный характеръ. Всѣ почувствовали, что въ этихъ словахъ не одни обѣщанія, а искренняя правда, твердое намѣреніе—употребить всѣ усилія для охраненія всеобщаго спокойствія. Понятно, что вѣсть о болѣзни Мирохранителя привела въ смущеніе всѣ страны, классы, со-

Digitized by Google

словія. Въ образованныхъ странахъ не было ни одного общества, двора, учрежденія, гдѣ бы не раздавались молитвы о выздоровленіи великаго больнаго, и вездѣ эти сцены сопровождались глубокою искренностью и симпатіею. Едва ли правъ нашъ «Правительственный Вѣстникъ», говоря, что «голосъ Франціи глубже другихъ сознаётъ, какую великую услугу оказалъ русскій царь дѣлу мира»,—если даже въ Тунисѣ, въ греческой часовнѣ, при молебнѣ о здравіи императора, полудикари сознавали, насколько иначе сложились бы судьбы Европы, еслибы русскій престолъ не занималъ Монархъ-миролюбецъ, поставившій цѣлью своей дѣятельности служеніе благу человѣчества. Правда, французская печать отзывается съ особеннымъ сочувствіемъ о больномъ: «Journal des Débats» говоритъ, «что вся страна присоединяется къ Россіи въ мольбѣ за царя, такъ какъ французскій народъ носитъ въ сердцѣ своемъ какъ радости, такъ и печали русскаго народа. Ни въ какія времена, никакой государь не былъ во Франціи настолько любимъ и уважаемъ, какъ Александръ III. Въ самыхъ скромныхъ хижинахъ красуется его портретъ, возобновляя въ памяти народа воспоминанія о кронштадтскихъ и тулонскихъ дняхъ, запечатлѣнныхъ во всѣхъ сердцахъ неизгладимыми чертами». «Temps» говоритъ: «Не въ одной Франціи мысли обращаются къ больному: по всей Европѣ сказалось одно общее всѣмъ чувство, слившее всѣ народы въ единодушномъ желаніи скорѣйшаго выздоровленія императору Александру III». Вильгельмъ II также съ глубокой симпатіей относится къ Августѣйшему страдальцу.

Въ столкновеніи двухъ главныхъ представителей желтой расы на дальнемъ востокѣ выказались ярко всѣ неприглядныя стороны народнаго характера англичанъ: ихъ жадность, зависть, стремленіе къ интригамъ, къ захвату чужихъ владѣній, къ презрѣнію всякихъ правъ, даже къ явному нарушенію общепринятыхъ правилъ, если этимъ «просвѣщеннымъ мореплавателямъ» кажется, что нарушаются ихъ британскіе интересы. Даже при одной возможности этого нарушенія, Англія прибѣгаетъ къ мѣрамъ, не допускаемымъ не только дипломатіею, но и чувствомъ порядочности въ международныхъ сношеніяхъ, не говоря уже объ огромномъ числѣ кораблей и даже десанта, отправленныхъ къ Китаю. Надо видѣть, какою массою интригъ опутала она всѣ европейскія державы, болѣе или менѣе заинтересованныя въ войнѣ изъ-за Кореи. Прежде всего англичане пробовали запугать противниковъ Небесной имперіи ея громадными силами, военными приготовленіями. Но когда японцы разбили непріятеля въ двухъ сраженіяхъ—на сухомъ пути и на морѣ,—Англія вдругъ перемѣнила фронтъ и приняла сторону Японіи. Съ Японіи, еслибы она и была побѣждена, нельзя получить никакой выгоды, нельзя сдѣлать территоріальныхъ пріобрѣтеній, тогда какъ въ Китаѣ много пунктовъ, которые очень удобно захватить, для развитія въ нихъ разныхъ «британскихъ интересовъ». И

Digitized by Google

Англія дѣятельно принялась за ихъ развитіе. Тотчасъ же созванъ былъ въ Лондонѣ совѣтъ министровъ и распущенъ слухъ, что будутъ трактовать о мадагаскарскомъ вопросѣ. Для этого въ газетахъ явилось нѣсколько рѣзкихъ статей съ угрозами противъ Франціи, — въ Англіи всѣ газеты дѣлаются правительственными, какъ только дѣло касается ея выгодъ. Начали кричать даже о неминуемомъ разрывѣ между державами и возможности войны. Но всѣ эти толки прекратились, какъ только кончился совѣтъ, на которомъ рѣчь шла не о Мадагаскарѣ, а о приглашеніи европейскихъ державъ единодушнымъ давленіемъ на враждующія націи заставить ихъ положить конецъ военнымъ дѣйствіямъ. Цѣли своей англичане, однако, не достигли и ни одна изъ державъ не захотѣла отстаивать ихъ интересы. Тогда пущены были въ ходъ противъ всѣхъ всевозможныя интриги: Китай начали пугать европейски-дисциплинированной японской арміей, Японію — необъятною массою китайскихъ войскъ, могущихъ одною своею численностью задавить всякаго врага; противъ Россіи выставили на Памирахъ афганскіе передовые посты, въ которые наши отряды принуждены были стрѣлять; подняли вдругъ въ сотый разъ вопросъ о свободномъ пропускѣ въ Черное море военныхъ судовъ всѣхъ націй; къ Франціи стали дѣлать придирки по поводу ея экспедиціи къ гавасамъ и разграниченія на Меконгѣ съ Сіамомъ; съ Германіей начались препирательства о ея покровительствѣ Португаліи въ войнѣ съ неграми Делагоа. Не было, однимъ словомъ, державы, къ которой Англія не заявила бы своихъ претензій, для того чтобы отвлечь вниманіе отъ ея хозяйничанья въ Китаѣ. Но всѣ эти каверзы ни къ чему не послужили и утвердили только за Англіей эпитетъ самой недобросовѣстной державы въ международныхъ сношеніяхъ, самой придирчивой, завистливой и недоброжелательной ко всѣмъ націямъ, которыя она хочетъ опутать своими плутнями и деньгами.

Англійская журналистика постоянно пугаетъ европейцевъ неминуемою гибелью ихъ соотечественниковъ вслѣдствіе возстанія китайцевъ противъ пришельцевъ и своего правительства. Возмущеніе въ Монголіи было заявлено офиціально; между тѣмъ, ни въ одной изъ частей обширной имперіи нѣтъ признаковъ сколько нибудь серьезнаго мятежа. Конечно, онъ возможенъ при невѣжествѣ и фанатизмѣ населенія, но до сихъ поръ нигдѣ не обнаруживался въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ. Разбитые китайскіе солдаты, отступая къ Мункдену, разбѣжались изъ многихъ отрядовъ и поломали свое оружіе. Но, кромѣ врожденной невоинственности китайцевъ, ихъ понудила къ этому невозможность сражаться оружіемъ, поставленнымъ въ армію взяточниками-мандаринами и европейскими мошенниками-купцами, сбывшими желтой расѣ никуда не годныя ружья и патроны, неподходящіе къ калибру. Знакомая исторія грабежей интендантскаго и провіантскаго вѣдомства повторилась и въ Китаѣ, и, конечно, въ еще

Digitized by Google

болѣе нецеремонномъ видѣ. Немудрено, что, при невозможности защищаться и нападать, солдаты разбрелись по степямъ Монголіи и, чтобы не умереть съ голоду, принялись грабить своихъ же соотечественниковъ. Мы не знаемъ только ничего положительнаго о Кореѣ, гдѣ вспыхиваютъ возстанія, хотя англичане утверждаютъ, что эта страна, занятая японцами, благоденствуетъ. Что народъ недоволенъ и своими, и иноземными властями—это очевидно, но съ другой стороны онъ слишкомъ безсиленъ, чтобы поднять серьезное возмущеніе. Его собственные правители и дворяне — грабители и взяточники не хуже китайцевъ. Корейскій король—совершенно невозможная, трусливая, грязная личность, не смѣющая возстать противъ японцевъ, но тайкомъ сообщающая объ ихъ планахъ въ Китай. Онъ прогналъ сначала свою жену, потомъ допустилъ отравить ее своей любовницѣ, которую взялъ во дворецъ. Изъ-за этого убійства и возникла революція въ Сеулѣ, давшая поводъ Японіи вмѣшаться въ дѣла страны. Немудрено, что такого господина японцы держатъ если не въ плѣну, то подъ строгимъ надзоромъ. Но и лицо, которымъ они замѣнили этого повелителя, немногимъ лучше его: это папенька короля, котораго нѣсколько разъ уже прогоняли изъ столицы за его грабежи и жестокости. Вообще управленіе Кореею въ такомъ вкусѣ, какъ оно практиковалось до сихъ поръ, немыслимо въ наше время и Японія была совершенно права, требуя европейскихъ реформъ для зависящей отъ нея провинціи. Въ ней еще очень сильна партія королевы, но все вообще корейское общество прогнило до основанія. Къ занятію должностей допускаются въ странѣ одни дворяне; конечно, эти должности покупаются и потомъ потраченныя на нихъ деньги выколачиваются изъ народа, который не дѣлаетъ никакихъ усилій къ улучшенію своей участи, зная, что для него закрыты всѣ пути къ какому либо участію въ судьбахъ отечества. Въ Кореѣ народъ работаетъ сколько необходимо для его пропитанія, все лишнее будетъ тотчасъ же отобрано дворянами. Капиталовъ, лавокъ, серьезной промышленности и торговли тамъ нѣтъ. Какъ же не сочувствовать Японіи, желающей измѣнить такое невозможное положеніе дѣла? И особенно въ виду заявленій богдыхана, что Кореѣ не нужны никакія реформы. Этотъ своеобразный императоръ, конечно, также совершенно убѣжденъ въ томъ, что поступаетъ логично, управляя не только живыми людьми, но и отошедшими душами ихъ. Сверхъ того, онъ же создаетъ боговъ и святыхъ, хотя нерѣдко и лишаетъ ихъ этого званія. Въ «Пекинской газетѣ» являются часто богдыханскіе декреты, ставящіе умершихъ государственныхъ лицъ въ такое положеніе, что всѣ чиновники обязаны совершать въ честь ихъ публичныя молитвы и возліянія священнаго вина. Затѣмъ вдругъ является указъ, запрещающій воздавать почести памяти такого-то губернатора, такъ какъ заслуги его, по провѣркѣ, оказались далеко не важными. Боговъ императоръ награждаетъ

Digitized by Google

или наказываетъ, смотря по ихъ услугамъ странѣ. Такъ, въ официальной газетѣ напечатано: «Генералъ-губернаторъ Желтой рѣки повелѣваетъ соорудить храмъ въ честь бога рѣки за то, что, при переправѣ запасовъ риса, не смотря на препятствія со стороны вѣтра, отмелей и дождей, рѣчной богъ оказалъ такое содѣйствіе, что переправы произошли безпрепятственно». Резолюція богдыхана: «Вѣдающее эти дѣла бюро имѣетъ приготовить дощечку для храма бога рѣки». Такимъ же образомъ изъявлена августѣйшая благодарность богу саранчи и летучей ящерицы. Съ такими взглядами на управленіе людьми, душами и богами, не мѣшало бы и Китаю немножко оевропеиться и не призывать гибель на Японію именемъ своихъ святыхъ, боговъ и богдыханскихъ рескриптовъ. Вѣдь можно же всѣхъ этихъ корейцевъ, сіамцевъ, бирманцевъ пріучить смотрѣть на европейцевъ, какъ на простыхъ людей, не величая ихъ рыжими чертями, какъ называли китайцы нашихъ посланниковъ.

Передъ открытіемъ засѣданій палаты, оппозиція во Франціи подняла нескончаемую травлю на президента республики въ печати, особенно провинціальной. Трудно объяснить себѣ, почему онъ ей такъ не нравится. Человѣкъ честный, дѣятельный, заботящійся о соблюденіи законности и о благѣ страны — это настоящій типъ правителя конституціоннаго государства, обладающаго, сверхъ того, колоссальнымъ богатствомъ. И за это особенно кричатъ противъ него демократы, тогда какъ его милліоны дѣлаютъ его вполнѣ независимымъ отъ всякихъ посторонннихъ вліяній, которымъ по неволѣ подчинялся Карно, старавшійся замять всѣ обвиненія во взяточничествѣ его министровъ, замѣшанныхъ въ панамскихъ продѣлкахъ. Общественное недовольство президентомъ выказалось уже черезчуръ рѣзко въ забаллотированіи кандидата въ палату, представленнаго Казиміромъ Перье на свое мѣсто депутата. Перье постоянно выбирали въ его родномъ городѣ Ножанѣ на Сенѣ. Сдѣлавшись главою республики, онъ представилъ на открывшуюся въ палатѣ вакансію своего друга, всѣми уважаемаго дѣятеля, но избиратели предпочли ему какого-то никому неизвѣстнаго соціалиста. И напрасно офиціозные органы стараются объяснить эту выборную неудачу борьбою партій, тайными интригами, тогда какъ это прямой и открытый знакъ недовѣрія страны къ своему главѣ. Онъ прилежно слѣдилъ за послѣдними маневрами французскихъ войскъ, изучая на переходахъ ихъ потребности и особенности — его обвинили въ стремленіи къ цезаризму и диктатурѣ; онъ долго жилъ у себя на дачѣ—и этимъ наносилъ вредъ парижской торговлѣ; онъ вернулся въ столицу, былъ на скачкахъ, гуляньяхъ—въ его роскошныхъ экипажахъ нашли нарушеніе республиканскаго равенства. Его встрѣчали криками удовольствія—значитъ, онъ подкупаетъ чернь и думаетъ объ императорствѣ; если же гдѣ эти встрѣчи были холодны—это доказываетъ, что онъ потерялъ въ народѣ всякую популярность. Попробуй послѣ всего этого угодить парижанамъ! Онъ далъ

Digitized by Google

высшую степень «почетнаго легіона» 80-лѣтнему Верди, пріѣхавшему въ Парижъ на представленіе своего «Отелло»; нашлись недовольные тѣмъ, что въ то же время этотъ орденъ, хотя и низшей степени, данъ военному агенту германской имперіи. Поэтому военный министръ запретилъ французскимъ солдатамъ переходить эльзасъ-лотарингскую границу и брататься съ нѣмецкими гарнизонами, чѣмъ, напротивъ, былъ очень доволенъ Вильгельмъ II, выказывавшій въ послѣднее время необыкновенное расположеніе къ Франціи и, какъ увѣряетъ «Figaro», обѣщавшій даже пріѣхать въ Парижъ на выставку 1900 года. И все это дебатируется, коментируется и цитируется серьезными людьми: Жюль Симономъ, генералами, депутатами. И все это называется политикой! А о національномъ конгрессѣ рабочей партіи, собиравшемся въ Нантѣ, французская печать дала только поверхностные отзывы, сознавая однако важность его постановленій.

И они дѣйствительно важны, потому что выражаютъ новые взгляды и цѣли партіи. Засвидѣтельствовавъ, что большинство рабочихъ во всѣхъ городахъ можно считать сторонниками соціализма, вожаки конгресса сознаются, что нельзя сказать того же о сельскомъ населеніи. Поэтому они и измѣнили свою программу, и по весьма существенному пункту. Прежняя теорія ихъ требовала націонализаціи земли, чего можно было достигнуть только отнявъ землю у нынѣшнихъ владѣльцевъ, а затѣмъ преобразовавъ земельную собственность на началахъ коллективизма. Но соціалисты скоро поняли, что французскій крестьянинъ на это не пойдетъ, и потому придумали новую формулу, предоставляющую право пользованія землею только производителямъ. То есть они провозглашаютъ уваженіе въ личной земельной собственности, но только въ пользу того, кто лично воздѣлываетъ землю. Конгрессъ возстаетъ только противъ тѣхъ, кто эксплуатируетъ землю чужими руками, получая отъ нея доходъ въ формѣ арендной платы. Извѣстный соціалистскій ораторъ Жюль Гездъ горячо доказывалъ на конгрессѣ, что принципъ коллективизма должно примѣнить къ фабрикамъ и заводамъ, но земельной собственности слѣдуетъ оставить личную форму присвоенія, такъ какъ только такимъ путемъ можно спасти крестьянина отъ опасности сдѣлаться пролетаріемъ или батракомъ. Предложеніе Гезда было принято единогласно на конгрессѣ, вотировавшемъ и другія важныя рѣшенія. Такъ, вожаки рабочей партіи отвергли всякіе революціонные пріемы, даже поголовную стачку; отказались, хотя и временно, отъ борьбы на экономической почвѣ, перенеся ее на политическую арену, такъ какъ на ней не только существуетъ между работодателемъ и рабочимъ дѣйствительное равенство, но преимущество въ численности—на сторонѣ рабочихъ. Труженики должны прежде всего стремиться къ захвату государственной власти: только тогда удастся имъ улучшить свое положеніе. Ясно, что во Франціи необходимо прежде всего

Digitized by Google

обратить вниманіе на соціальные вопросы, а между тѣмъ палата передъ своимъ открытіемъ собиралась только низвергнуть министерство, о чемъ заботится, кажется, и самъ Казиміръ Перье, подготовившій уже себѣ новаго премьера въ лицѣ своего друга, Вальдека-Руссо, получившаго уже, по протекціи президента, сенаторское мѣсто. И вездѣ, и у всѣхъ, на первомъ планѣ только личные разсчеты, а о народѣ никто и не думаетъ.

Нѣмецкіе соціалисты конгрессовъ не собираютъ и спокойно выжидаютъ будущаго. Глава ихъ Либкнехтъ объявилъ одному французскому репортеру: «мы исполнены сознаніемъ собственной силы и никого не вызываемъ, хоть и готовы, во всякое время, вступить въ борьбу. Готовящіеся противъ насъ законы едва ли пройдутъ въ рейхстагѣ, гдѣ у насъ уже 46 членовъ, а на будущихъ выборахъ будетъ еще больше—это несомнѣнно. Пропаганда наша въ городахъ и деревняхъ пріобрѣтаетъ все бо́льшіе размѣры. У насъ уже 120 періодическихъ изданій и организація наша—одна изъ могущественныхъ въ мірѣ. Матеріальныя средства доставляются намъ нашими единомышленниками; вносятся небольшія лепты, но такъ какъ ихъ нѣсколько милліоновъ—въ общемъ это составитъ значительную сумму. Что касается анархистовъ, мы видимъ въ нихъ нашихъ злѣйшихъ враговъ и осуждаемъ ихъ политическія убійства, считая ихъ не только преступленіемъ, но и глупостью». Въ дальнѣйшей бесѣдѣ Либкнехтъ выразилъ непримиримую ненависть къ Бисмарку, а о Каприви выразился, что онъ—рѣшительный сторонникъ мира и искренно желаетъ поддерживать лучшія сношенія съ Франціей, а не хитритъ и не обманываетъ всѣхъ, какъ дѣлалъ всю жизнь Бисмаркъ.

И, однако, къ этому старику, не имѣющему уже никакой власти, являются цѣлыя паломничества въ Варцинъ, гдѣ проводитъ зиму 80-лѣтній канцлеръ. Изъ восточной Пруссіи пришло къ нему нѣсколько тысячъ приверженцевъ. Сочинили кантату: «Стража на востокѣ» и пропѣли ее вмѣстѣ со «Стражей на Рейнѣ». Старикъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой развивалъ мысль Вильгельма II, высказанную рѣзко и категорически въ Торнѣ: только тѣхъ поляковъ онъ признаётъ настоящими патріотами, которые преданы прусской государственной идеѣ. Познанскому архіепископу Стаблевскому сдѣланъ высочайшій выговоръ за то, что онъ не запрещаетъ своей паствѣ мечтать о лучшемъ будущемъ. Устроивъ въ Львовѣ, городѣ на половину русскомъ, выставку въ память Костюшки, натаскавши туда старыхъ кунтушей и конфедератокъ, поляки перенесли и въ Познань свои надежды на возрожденіе Польши. Но, послѣ императора, вождѣленіямъ ихъ далъ рѣзкій отпоръ и старый канцлеръ. «Польское шляхетство имѣетъ то общее съ соціализмомъ, что оба они скрываютъ свои настоящія цѣли. Но въ то время, когда соціалисты не знаютъ сами хорошенько, чего они добиваются, поляки знаютъ очень хорошо, чего они хотятъ, только не смѣютъ открыто признаться въ этомъ. Но какъ можно

Digitized by Google

возстановить бывшую Рѣчь Посполитую при нынѣшней системѣ государствъ?—это непонятно. Учрежденіе варшавскаго герцогства было бы для Австріи настоящимъ бѣдствіемъ, а для Германіи русское сосѣдство хотя часто неудобно и опасно, но во всякомъ случаѣ далеко не въ такой степени, какъ польское. Польша не можетъ сѣтовать на то, что города, пріобрѣтенные ею мечемъ, какъ Гданскъ и Кролевецъ, отбиты у нея тоже мечемъ и превратились въ Данцигъ и Кёнигсбергъ. (Вѣдь когда-то и вся Померанія—Pommern, Поморье—и Бранденбургъ—Браниборъ—и даже Берлинъ принадлежали славянамъ). Бисмаркъ сознаётся, что въ 1830—31 году поляки дрались храбро, но тогда у нихъ была хорошо организованная армія, да и то они все ссорились между собою. Онъ доволенъ правительственнымъ распоряженіемъ, по которому польскіе новобранцы не оставляются въ Познани, а посылаются въ гаризоны чисто нѣмецкихъ городовъ. Напрасно только Вильгельмъ II при всякомъ удобномъ случаѣ—и еще недавно при раздачѣ знаменъ четвертымъ батальонамъ—все твердитъ, что единственнымъ оплотомъ монархіи, единственною основою является армія. Существуютъ монархіи и безъ милліонныхъ армій, вовсе не имѣющихъ цѣлью, «не щадя живота, доблестно противостоять внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ». На внѣшняго врага поднимется всякій гражданинъ своей земли, но странно увеличивать безъ конца арміи противъ враговъ внутреннихъ, то есть противъ своихъ же согражданъ.

Да и въ самой этой арміи приходится, какъ видно, замѣчать явленія, такъ и остающіяся необъяснимыми. Въ Берлинѣ, въ казармѣ школы оберъ-фейерверкеровъ, въ одну ночь были схвачены 183 унтеръ-офицера и отвезены въ крѣпость Магдебургъ, подъ конвоемъ гвардейскаго полка съ заряженными ружьями. Всѣ остальные ученики были арестованы и имъ объявлено, что при малѣйшемъ признакѣ неповиновенія въ нихъ будутъ стрѣлять. Что это, заговоръ или бунтъ? Трудно узнать истину о причинахъ такой необычайной мѣры. Обвиняютъ начальниковъ и офицеровъ въ непомѣрно строгомъ обращеніи съ унтеръ-офицерами, чѣмъ давно уже славится нѣмецкая армія. Извѣстно только, что наканунѣ ареста, когда на дворѣ казармъ майоръ назначалъ строгое наказаніе за ничтожное нарушеніе школьныхъ порядковъ, открылись окна во второмъ этажѣ и чей-то голосъ крикнулъ внизъ: «да здравствуетъ анархія»! Виновнаго не нашли, товарищи не хотѣли указать его. Тогда произведенъ былъ строгій обыскъ у учениковъ, перерыли всѣ ихъ сундуки и вещи, и о результатахъ донесли императору, бывшему на охотѣ. Аресты произведены по его приказанію. Начальство объявило, что движеніе въ казармахъ—не политическое и не анархистское. Но тогда что же это такое? Виновникъ въ анархическомъ крикѣ самъ сознался и призналъ свою выходку нелѣпой. Но остальные 183 человѣка въ чемъ же виноваты? Такъ это темное дѣло и осталось безъ всякаго разъясненія.

Digitized by Google

Къ безпорядкамъ въ Вѣнѣ, возобновляющимся періодически, всѣ уже давно привыкли, но и тутъ уличная свалка 18 октября приняла уже очень крупные размѣры. Сходка въ 5,000 рабочихъ приняла рѣшеніе устроить поголовную стачку, если рейхстагъ отклонитъ предложеніе депутата Пернерсторфа о неотложномъ обсужденіи вопроса объ избирательныхъ правахъ. Такъ какъ въ Брюсселѣ рабочая партія, болѣе 50-ти лѣтъ добивавшаяся введенія въ конституціи всеобщей подачи голосовъ, достигла наконецъ своей цѣли при послѣднихъ выборахъ въ палату, то и австрійскіе рабочіе, тоже уже лѣтъ 30 требующіе того же, нашли этотъ моментъ удобнымъ для заявленія своихъ претензій. Въ сильномъ возбужденіи они двинулись со сходки въ парламентъ, хотя полиція приняла заранѣе всѣ мѣры предосторожности. Сначала процессія шла спокойно, сопровождаемая сильными отрядами конныхъ патрулей. Но число манифестантовъ возросло скоро до 10,000 и раздались крики: «да здравствуетъ революція! да здравствуютъ бельгійскіе товарищи! да здравствуетъ общее избирательное право»! Наконецъ, толпа прорвала цѣпь полицейскихъ и, когда тѣ стали возстановлять порядокъ, въ нихъ посыпались камни. Завязалась кровопролитная схватка, многіе изъ рабочихъ были переранены сабельными ударами и остались на мѣстѣ побоища. Разогнать толпу, однако, не удалось и часть ея дошла до парламента, но тамъ была встрѣчена и разогнана кавалеріей. Арестовали Пернерсторфа; рейхстагъ охраняли сильные отряды.

Въ Бельгіи, съ обнародованія октябрьскихъ выборовъ, начался второй конституціонный періодъ самостоятельнаго существованія королевства, возникшаго въ 1830 году. Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, палата депутатовъ возобновилась въ полномъ своемъ составѣ, а не на половину, какъ бывало прежде, и не на основаніи избирательнаго ценза, а почти при полной свободѣ выборовъ, такъ какъ въ нихъ теперь участвуетъ каждый бельгіецъ, 25-ти лѣтъ, два года прожившій въ странѣ. Прежде за преобладаніе боролись двѣ партіи: либераловъ и католиковъ. Теперь не такъ: къ либераламъ прибавились прогрессисты и соціалисты, къ католикамъ—консерваторы и демократы. Лучше ли отъ этого пойдутъ дѣла? Сомнительно. Соціалисты, сильно увеличившіеся въ странѣ, гдѣ преобладаютъ рабочія партіи, вступили вездѣ въ открытую борьбу—кромѣ Антверпена—со всѣми партіями, даже съ либералами. Католики-демократы ссорятся съ католиками-консерваторами, но это нисколько не мѣшаетъ явленіямъ общей борьбы труда съ капиталомъ, всегда волновавшей страну. Даже религіозныя распри никогда не играли здѣсь важной роли и католическая нетерпимость не могла явно возставать противъ свободы совѣсти, такъ какъ сама конституція совершенно игнорируетъ всякіе религіозные вопросы. Но вопросъ о возможности существованія для рабочаго восьмичасоваго труда и удовлетворительной заработной платы нигдѣ такъ часто не под-

Digitized by Google

нимался и не обострялся, какъ въ этомъ маленькомъ королевствѣ, не имѣющемъ никакихъ причинъ къ отдѣльному существованію и неизбѣжно стремящемся къ сліянію съ Франціей, можетъ быть, съ присоединеніемъ фландрскихъ провинцій къ Голландіи. Бельгія—созданіе европейской дипломатіи и весьма неудачное, какъ всѣ ея созданія, съ этими конгрессами, трактатами, дѣленіемъ государствъ. Въ то время когда Луи-Филиппъ эскамотировалъ въ свою пользу республику, готовившуюся возникнуть во Франціи въ 1830 году, англійскіе и нѣмецкіе дипломаты эскамотировали молодую націю, вышедшую изъ подъ тяжелаго голландскаго гнета, и съ тѣхъ поръ подавляютъ въ ней естественное развитіе всякою «нейтральностью» и «легальностью». Страна можетъ играть важную роль при будущемъ столкновеніи между Франціей и Германіей, но еслибы она и осталась вѣрна всякимъ нейтральнымъ кодексамъ, человѣчество было бы неизмѣримо обязано ей, еслибы, послѣ столькихъ попытокъ, она рѣшила бы наконецъ на практической почвѣ серьезный рабочій вопросъ и уничтожила эксплуатацію труда капиталомъ.

Странный парламентскій переворотъ произошелъ и въ другой маленькой державѣ—Даніи, гдѣ почти 20 лѣтъ сряду управлялъ первый министръ Эструпъ, безъ содѣйствія большинства палатъ, не переставшихъ все это время засѣдать и принимать рѣшенія, враждебныя правительству. И вдругъ Эструпъ оставилъ свою должность именно въ тотъ моментъ, когда ему, наконецъ, удалось достигнуть соглашенія между парламентомъ и правительствомъ. Правда, въ то же время сложилъ свои полномочія и вождь радикальной фракціи, бывшій всегда и главою оппозиціи въ фолькетингѣ, Эдвардъ Брандесъ, братъ извѣстнаго критика. Но Брандесъ заявилъ, что оставить свой постъ его принудило именно согласіе палаты съ намѣреніями министерства, причемъ роль опозиціи превращалась въ незначительное большинство. Что же заставило Эструпа отказаться отъ поддержанія правительственныхъ идей, столько лѣтъ упорно и долго отстаиваемыхъ имъ? Фолькетингъ, видя, что и послѣ соглашенія премьеръ оставался еще нѣкоторое время на мѣстѣ, былъ доволенъ этимъ, отдавая справедливость министру за рѣдкій тактъ, съ которымъ онъ въ теченіе столькихъ лѣтъ отстаивалъ личные взгляды своего государя, находившіеся въ постоянномъ и непримиримомъ противорѣчіи со взглядами народнаго представительства. Онъ былъ даже доволенъ, что при управленіи Эструпа дѣло обходится безъ государственнаго переворота въ формѣ измѣненія конституціи, дѣйствующей въ Даніи, и страна избѣгла столкновеній остраго революціоннаго характера. Во всякой другой странѣ, при условіяхъ постояннаго разногласія между парламентомъ и властью, неизбѣжно въ короткое время возникло бы столкновеніе между двумя этими факторами управленія, а между тѣмъ Данія, въ теченіе 20-ти лѣтъ, съумѣла сохранить внутренній миръ, какъ сохраняютъ внѣшній большія государства, гдѣ не-

Digitized by Google

рѣдко возникаютъ въ международномъ отношеніи поводы къ раздорамъ и столкновеніямъ. Многіе въ отставкѣ Эструпа видятъ не государственные, а личные поводы. Наслѣдникъ датскаго престола, принимая на праздникахъ своей серебряной свадьбы депутаціи парламента, выразилъ свое сочувствіе той фракціи оппозиціи, съ которой такъ долго приходилось бороться министру, исполнявшему волю своего государя. Эструпъ нашелъ послѣ этого, что ему неудобно оставаться во власти. Мы бы желали, чтобы для оставленія ея существовали болѣе вѣскія причины. Понятно, что при послѣдовавшей затѣмъ перетасовкѣ въ личномъ составѣ министерства, вся выгода осталась на сторонѣ опозиціи. Только съумѣетъ ли новый кабинетъ и глава его примирить требованія стараго режима съ требованіями новой опозиціи? Это скоро обнаружится въ политическомъ ходѣ дѣлъ.

На земномъ шарѣ прибавилась еще одна республика. Въ Европѣ прошла почти незамѣченной революція, ниспровергнувшая королевство Сандвичевыхъ острововъ. Его замѣнила республика, признанная уже Сѣверо-Американскими Штатами. Ея конституція—сколокъ съ учрежденій ея могучей сосѣдки и отчасти съ Франціи. Правительство состоитъ изъ президента, сената и палаты представителей народа. Оба эти учрежденія выбираютъ президента на шесть лѣтъ. Вице-президента нѣтъ и, въ случаѣ отсутствія или болѣзни президента, обязанности его исполняются главою кабинета, состоящаго изъ четырехъ министровъ и совѣта. Выборы всенародные и всеобщіе, но съ перевѣсомъ на сторону грамотныхъ, такъ какъ неграмотные не имѣютъ права голоса. Для права избирать сенаторовъ необходимо имѣть капиталъ въ 4000 долларовъ, или годовой доходъ въ 600 долларовъ. Прежде чѣмъ избиратель опускаетъ свой билетикъ въ урну, онъ долженъ дать клятву, что не желаетъ возстановленія монархіи. Конституція выработана какимъ-то Доме, который въ награду за это и выбранъ первымъ президентомъ Гавайской республики. Резиденціей и мѣстомъ собранія палатъ остается Гонолулу. Отставленная королева протестовала противъ своего низверженія съ престола, совершившагося, впрочемъ, миролюбиво и безъ кровопролитія.

НОВЫЯ КНИГИ.

Джонъ Леббокъ. **Красоты природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ.** Изданіе К. Солдатенкова. Москва, 1893.

Русскому обществу гораздо нужнѣе всякихъ ученыхъ сочиненій книги, популяризующія научныя свѣдѣнія, особенно по естествознанію. Въ насъ еще такъ мало развито вниманіе къ истинамъ, добытымъ наукою, что мы

Digitized by Google

съ трудомъ одолѣваемъ многотомное ученое сочиненіе и въ насъ возбуждаютъ интересъ только доступно изложенные научные факты. Поэтому появленіе на русскомъ языкѣ книги извѣстнаго англійскаго популяризатора Леббока принесетъ несомнѣнную пользу, хотя книга его написана довольно поверхностно и страдаетъ отсутствіемъ всякой системы въ изложеніи научныхъ свѣдѣній. Переводчикъ ея, профессоръ Павловъ, говоритъ, что она даетъ читателю не-натуралисту возможность взглянуть на окружающую его природу хоть немного глубже, чѣмъ онъ привыкъ смотрѣть на нее. Но знакомство съ чудесами и красотами міра, въ которомъ мы живемъ, врядъ ли доступно человѣку, незнакомому хоть поверхностно съ законами природы. Крестьянинъ находится въ болѣе близкомъ соприкосновеніи съ ней, чѣмъ кабинетный ученый, но какіе выводы выноситъ онъ изъ этого? Въ книгѣ Леббока многія отрасли естествознанія вовсе не затронуты, о многихъ говорится вскользь, изложеніе слишкомъ отрывочно и статьи кажутся понадерганными изъ болѣе обширнаго труда. Болѣе строгая система принесла бы гораздо больше пользы и этого можно было бы достигнуть простою группировкою научныхъ фактовъ. Поэтому, переводчику вовсе незачѣмъ было держаться возможно близко къ подлиннику. Авторъ видитъ въ нашемъ мірѣ волшебную страну необычайной красоты и самое наше существованіе считаетъ чудеснымъ, хоть и сознается, что немногіе наслаждаются имъ, какъ могли бы. Авторъ начинаетъ описаніемъ видовъ природы и болѣе всего расхваливаетъ, разумѣется, англійскіе. Описанія свои онъ сопровождаетъ цитатами изъ англійскихъ писателей, очень скучными и весьма мало поэтическими, тогда какъ у него подъ рукою былъ «Космосъ» Гумбольдта, достигнувшаго художественнаго изображенія красотъ природы. Для чего-то вклеивъ тутъ же описаніе полярнаго сіянія, Леббокъ переходитъ къ описанію жизни животныхъ, составленному по Дарвину и слишкомъ сжатому. Болѣе подробно и пространно описываетъ онъ жизнь растеній, лѣса и поля, горы, воды, рѣки, озера и моря. Нѣкоторыя естественно-научныя свѣдѣнія изложены болѣе подробно, но не отвѣчаютъ современному состоянію науки; такъ напримѣръ, его теорія приписываетъ происхожденіе горъ землетрясеніямъ, тогда какъ горныя цѣпи, вулканы и самыя землетрясенія суть слѣдствія одной общей причины—чрезвычайно высокой температуры внутреннихъ массъ земнаго шара. Мнѣніе его о направленіи рѣкъ также весьма спорное. Для чего-то, къ предпослѣдней девятой главѣ прибавлено на четырехъ страницахъ описаніе южнаго неба и полюсовъ, а десятая и послѣдняя глава, съ которой должна бы начаться книга, отведена звѣздному небу. Лунѣ и планетамъ посвящено очень немного страницъ, не приведены даже главныя цифры разстоянія ихъ отъ земли, ихъ объемовъ, движенія около солнца и т. п. Теорія автора о происхожденіи вселенной и мысль, что было время, когда твердыя вещества, составляющія теперь землю, были частью сплошной туманности,

Digitized by Google

чрезвычайно высокой температуры, простиравшейся отъ центра солнца до орбиты Нептуна, и имѣвшей при этомъ въ діаметрѣ болѣе 9 билліоновъ верстъ,—также подвержена спору, такъ какъ при этой гипотезѣ надо допустить, что первобытная туманность, изъ которой образовалась наша планетная система, медленно сокращалась и отъ нея отдѣлился Нептунъ, первоначально въ видѣ кольца, принявшаго потомъ сферическую форму; затѣмъ отдѣлились и остальныя планеты. Все это весьма сомнительныя гипотезы и серьезной наукѣ не слѣдовало бы задаваться вопросами о происхожденіи вселенной и нашей планеты. Изслѣдуя землю, намъ незачѣмъ заниматься теоріями объ ея началѣ и концѣ: онѣ для насъ недоступны. Природа опредѣлила намъ сотню лѣтъ жизни, а по словамъ физіологовъ—200 и болѣе, и этого времени достаточно для того, чтобы прожить съ пользою для другихъ и въ свое удовольствіе. Правда, дурныя условія жизни, наслѣдственныя болѣзни и эпидеміи уносятъ половину рождающихся еще въ дѣтскомъ возрастѣ; потомъ еще 20% умираетъ въ молодые годы; но и въ тридцать лѣтъ сознательной жизни можно много сдѣлать, а вмѣсто этого человѣчество начало мечтать о неземной и загробной жизни душъ, создало нелѣпыя теоріи метампсихозы, спиритизма, матеріализаціи и т. п. Оно начало вездѣ искать невозможныхъ чудесъ, не обращая вниманія, какъ говоритъ Леббокъ, что эти чудеса разсѣяны вокругъ него на каждомъ шагу. Развѣ рожденіе самого человѣка изъ яйца, оплодотвореннаго зооспермомъ, развитіе его мыслей, ощущеній, движеній; развѣ все, что происходитъ вокругъ него въ природѣ, не принадлежитъ къ области явленій, которыя непонятны для насъ и едва ли когда будутъ разгаданы? Изъ трехъ почти совершенно одинаковыхъ зеренъ выростаетъ изъ одного—ель, изъ другаго—капуста, изъ третьяго роза. Развѣ это не чудо? Но Леббокъ толкуетъ больше о красотахъ, чѣмъ о чудесахъ природы, хотя красота — понятіе относительное и далеко не всѣми воспринимаемое въ одинаковой степени. Авторъ, конечно, убѣжденъ, что приводимыя имъ цитаты англійскихъ описателей природы чрезвычайно поэтичны, тогда какъ всѣ эти вычурныя фразы очень холодны и риторичны. Такъ, какой-то Джефрейсъ увѣряетъ, что «подъ деревьями сердце чувствуетъ себя ближе къ той глубинѣ жизни, которую сулятъ намъ далекія небеса, вслѣдствіе того, что недоступное разстояніе постигается нашею мыслью». Все это только натянутыя сопоставленія. Созерцаніе красотъ природы не имѣетъ никакого отношенія къ недоступному разстоянію до небесъ. Къ сожалѣнію, даже многія ученыя сочиненія нашего времени, особенно англійскія, какъ и книга Леббока, отличаются фразерствомъ и смѣшеніемъ совершенно разнородныхъ понятій, которому не должно быть мѣста въ серьезныхъ изслѣдованіяхъ.

Сочиненія Спасовича. Томъ VII. Спб. 1894.

Послѣдній томъ сочиненій Спасовича заключаетъ въ себѣ его рѣчи по судебнымъ дѣламъ, отъ 1883 по 1892 годъ. Ихъ немного, всего 12, и изъ нихъ

Digitized by Google

выдаются только: дѣла Островлевой, Мельницкаго, Нотовича съ тульскимъ банкомъ и два дѣла объ административно-ссыльныхъ. Дѣло Островлевой на судѣ такъ и осталось невыясненнымъ. Дочь титулярнаго совѣтника, находившаяся въ тѣсной дружбѣ съ извощикомъ, ѣздившая съ нимъ въ театръ и хранившая его фотографическія карточки, конечно, была женщина ненормальная, хотя изъ экспертовъ-психіатровъ трое нашли, что ея психопатическое состояніе не вызывало болѣзненныхъ явленій, могущихъ по закону уничтожить всякую вмѣняемость, а трое сомнѣвались въ нормальности ея умственныхъ способностей и намекали даже на отношенія организма подсудимой къ состоянію гермафродитизма. Но Спасовичъ опровергнулъ логическими доводами нападеніе Островлевой съ сообщникомъ на легковаго извощика съ цѣлью ограбленія его имущества, а свелъ все происшествіе на простую драку между пьяными извощиками. Присяжные, конечно, оправдали Островлеву, а ея сообщникъ былъ заключенъ на два года въ арестантскія роты. По дѣлу Мельницкаго и его родственниковъ, оправданныхъ присяжными,—дѣлу, кассированному сенатомъ,—не приведено никакихъ результатовъ. Въ дѣлѣ Нотовича съ петербургско-тульскимъ банкомъ Спасовичъ былъ на сторонѣ газетчика, оклеветавшаго составъ правленія банка въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести, и приговореннаго окружнымъ судомъ къ тюремному заключенію на четыре мѣсяца; Спасовичъ защищалъ его по апеляціи въ судебной палатѣ, оправдавшей подсудимаго. Сенатъ кассировалъ приговоръ палаты и передалъ дѣло для его перерѣшенія. На новое оправданіе подсудимаго поданъ былъ новый протестъ сенату, оставившему его безъ послѣдствій, чѣмъ окончательно и рѣшилось дѣло, тянувшееся шесть лѣтъ. Въ концѣ 1888 года тобольскій губернскій судъ приговорилъ къ каторжнымъ работамъ и тюремному заключенію трехъ административно-ссыльныхъ, Теселкина, Смирнова и Чумаевскаго, за сопротивленіе распоряженіямъ власти. Обвиняемые подали отзывы въ сенатъ. Спасовичъ, защищая ихъ, проводилъ мысль, что «теперь повѣтріе, свирѣпствовавшее въ молодежи, улеглось и не всѣ зараженные такъ и останутся зараженными на всю жизнь; они, можетъ быть, исцѣлятся и изъ нихъ могутъ выйти дѣльные люди». Указывая на недостатки слѣдствія, адвокатъ говорилъ о печальномъ положеніи этихъ несчастныхъ. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе тобольскаго суда и значительно сократилъ сроки тюремнаго заключенія. Въ Иркутскѣ, въ 1891 году, дѣло было еще серьезнѣе; губернскій судъ призналъ виновными въ составленіи воззванія «къ русскому правительству» административно-сосланныхъ: подпоручика Кранихфельда, дворянъ Ожигова, Ромася, Грабовскаго, дворянки Улановской и мѣщанки Новаковской; трое изъ нихъ подали жалобу въ сенатъ. Спасовичъ въ своей рѣчи припоминаетъ о нѣкоторыхъ уголовныхъ дѣлахъ въ Сибири, объ отправкѣ арестантовъ въ мѣста, лежащія за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, въ Верхоянскъ, въ Средне-Колымскъ,

Digitized by Google

причемъ было шестеро убитыхъ и нѣсколько раненыхъ; троихъ военный судъ приговорилъ къ смертной казни, одинъ оправданъ, 28 подвергнуты каторгѣ и тюремному заключенію. Объ этомъ осужденные переписывались и власти не нашли въ ихъ показаніяхъ отягченія вины. «Кто же изъ насъ не желалъ бы,—говоритъ Спасовичъ,—чтобы зло было прекращено? мы всѣ были озабочены, чтобы вопросъ о сибирской ссылкѣ, поднятый разоблаченіями Кеннана, не всплылъ на пенитенціарномъ конгрессѣ 1890 года и на парижскомъ въ будущемъ 1895 году». Сенатъ опредѣлилъ испросить высочайшее соизволеніе на лишеніе осужденныхъ всѣхъ правъ состоянія и ссылку на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Дѣла и люди вѣка. Отрывки изъ записной книжки, статьи и замѣтки *П. К. Мартьянова*. Два тома. Спб. 1893.

Г. Мартьяновъ давно уже работаетъ на поприщѣ писателя. Нельзя сказать, чтобы онъ принадлежалъ къ числу даровитыхъ дѣятелей нашей литературы, но многое изъ того, что онъ печатаетъ, читается съ интересомъ, составляется добросовѣстно и далеко не безполезно для нашей не блестяще образованной интеллигенціи. Такъ, и въ изданной имъ нынѣ выдержкѣ изъ старой записной книжки много любопытнаго и собрано немало замѣчательныхъ фактовъ, относящихся къ общей и литературной исторіи. Не все, приводимое имъ, имѣетъ, конечно, неопровержимое, документальное значеніе; многое относится къ области легендъ и анекдотовъ, характеризуя однако эпоху, въ которую образуются такія преданія. Въ двухъ томахъ этихъ выписокъ собраны свѣдѣнія объ общественной, государственной и писательской жизни многихъ дѣятелей, объ ихъ частной жизни, о явленіяхъ, выдающихся изъ обыденнаго уровня домашняго быта. Кое-что изъ этого пестраго, разнообразнаго сборника появлялось уже въ печати и у самого автора, и у другихъ лицъ. Явившіеся недавно два тома, подъ заглавіемъ: «Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и не великихъ людей» выбраны весьма неудачно изъ той же записной книжки. Очень многое могло бы быть выброшено и изъ вышедшаго нынѣ сборника. Достовѣрность сообщаемыхъ историческихъ событій авторъ подтверждаетъ тѣмъ, что они переданы со словъ участвовавшихъ въ нихъ лицъ. Онъ приводитъ даже имена этихъ лицъ, извѣстныя и заслуживающія довѣрія. Первый томъ особенно разнообразенъ и богатъ подобными статьями. Многія изъ нихъ представляютъ выдающихся лицъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ по офиціальнымъ источникамъ. Историческихъ фактовъ здѣсь гораздо больше, чѣмъ литературныхъ, и послѣдніе довольно мелки, но мы обратимся къ послѣднимъ, такъ какъ авторъ самъ начинаетъ свои выписки воспоминаніемъ о томъ, какъ онъ видѣлъ Пушкина. Изъ писателей сороковыхъ годовъ, остающихся еще въ живыхъ, немногіе могутъ внести въ начало своей литературной карьеры подобное воспоминаніе. Г. Мартьяновъ былъ тогда, конечно, еще ребенкомъ; но уже учился и жилъ въ Москвѣ,

Digitized by Google

въ домѣ своего крестнаго отца, гдѣ былъ трактиръ «Грузины», куда нерѣдко пріѣзжалъ Пушкинъ слушать цыганъ. Мальчику, знакомому уже со стихами поэта, захотѣлось взглянуть на него. Авторъ, къ сожалѣнію, не опредѣляетъ года, когда это случилось, а даетъ только общую дату 1834—36. Вмѣстѣ съ тремя товарищами авторъ подстерегъ поэта въ осеннюю ночь, когда тотъ выходилъ изъ трактира, и спросилъ: Пушкинъ ли онъ? узнать это интересно потому, что у нихъ въ домѣ барышни поютъ «Черную шаль».—А что вы еще знаете?—спросилъ поэтъ и, погладивъ мальчика по головѣ, какъ бы въ раздумьѣ, прибавилъ: «Одну вы знаете лишь «Шаль»—какая жалость! Моя, мой милый, эта шаль—и просто шалость». Стихи эти (не сохранившіеся ни въ одномъ полномъ собраніи сочиненій поэта) привели въ такое восхищеніе мальчика, что онъ вмѣстѣ съ товарищами бросился цѣловать руку поэта.—Къ чему это?—сказалъ Пушкинъ, и, спросивъ мальчика: «а вы грамотный»? прибавилъ: «учитесь, будете знать больше, чѣмъ мои шалости». Разсказъ этотъ довольно наивенъ, но нѣтъ причинъ сомнѣваться въ его достовѣрности. Въ другомъ отрывкѣ авторъ приводитъ разсказъ о встрѣчѣ Пушкина съ А. А. Бестужевымъ на Кавказѣ, запрещенный цензурою въ «Путешествіи въ Арзерумъ». Само собою разумѣется, что въ этой страницѣ нѣтъ ничего противоцензурнаго, а есть только громкія фразы Бестужева о его презрѣніи къ жизни. Гораздо интереснѣе разсказъ о встрѣчѣ Тургенева съ Писаревымъ послѣ рецензіи критика на романъ «Отцы и дѣти». Тургеневъ хотѣлъ познакомиться съ критикомъ, котораго привезъ къ нему общій знакомый однажды вечеромъ. Но, узнавъ, что свой новый романъ «Дымъ» писатель отдалъ Каткову, Писаревъ осыпалъ упреками Тургенева и бѣжалъ отъ него. Приводитъ еще г. Мартьяновъ разсказъ о томъ, какъ Писемскаго, пріѣхавшаго въ Москву, поколотили тамъ рабочіе, принявъ его за пасквилянта Пастухова. Но о двухъ встрѣчахъ своихъ съ Грановскимъ авторъ могъ бы и вовсе не сообщать въ своемъ сборникѣ. Что можетъ вынести читатель изъ извѣстія, что Тимофей Николаевичъ «говорилъ немного, но каждое его слово, каждая фраза выходила такими красивыми, такими увлекательными, что любо было слушать; но изъ всего имъ сказаннаго у меня ничего не осталось въ памяти». Или: кого можетъ интересовать, что, прослушавъ, какъ г. Мартьяновъ декламировалъ сцену изъ Амалатъ-Бека, историкъ сказалъ: «изъ него выдетъ писатель или актеръ». Извѣстіе, что Лермонтова навела на мысль написать пѣсню о Калашниковѣ исторія одного купца въ Москвѣ, у котораго гусаръ увезъ жену, а мужъ далъ ему пощечину и повѣсился—уже ни съ чѣмъ несообразно. Но три обширныя статьи о поэтѣ во второмъ томѣ (болѣе 160-ти страницъ), заключающія въ себѣ новыя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ его жизни и переписку его съ г-жею де-Гелль—очень интересны. Г. Мартьяновъ окончательно опровергнулъ клевету убійцы поэта, Мартынова, возводившаго на Лермонтова

Digitized by Google

подозрѣніе въ задержкѣ денегъ, посланныхъ этому кавказскому ловеласу, который виновенъ гораздо болѣе, чѣмъ пустой французъ Дантесъ, потому что, какъ русскій, зналъ, «на что онъ руку поднималъ», не говоря уже о томъ, что поэтъ, такъ хладнокровно и безпощадно застрѣленный имъ изъ-за вздорной салонной шутки, былъ его другъ и товарищъ. И, убивъ наповалъ этого друга,—даровитѣйшаго, послѣ Пушкина, русскаго поэта,—Мартыновъ, вмѣсто покаянія и сознанія своей глубокой вины передъ Россіею, почти полвѣка продолжалъ инсинуировать и распространять гнусныя обвиненія на поэта — хотя и изподтишка, такъ какъ противъ открытой клеветы поднялась бы вся Россія. Этотъ великосвѣтскій бретёръ-убійца обѣщалъ также, въ теченіе всей жизни, оставить, послѣ своей смерти, подробное разъясненіе причины дуэли—и, разумѣется, ничего не оставилъ, потому что другихъ причинъ, кромѣ желанія убить высокоталантливаго поэта, и не было у этого мелкаго, самодовольнаго фата.

Цѣлую коллекцію второстепенныхъ поэтовъ выводитъ авторъ въ 1865 году, въ статьѣ: «Мои литературныя знакомства». Для пишущаго міра это не безъинтересныя, хоть и нельзя сказать, чтобы очень привлекательныя картинки, такъ какъ образъ жизни этихъ безспорно даровитыхъ людей оставляетъ самое непріятное впечатлѣніе. Вѣчныя попойки, кутежи, нерѣдко безпросыпное пьянство скоро свели въ безвременную могилу Минаева, В. С. Курочкина, Кроля, Стопановскаго и всѣхъ ихъ собутыльниковъ. Г. Мартьяновъ не долго пробылъ въ ихъ кругу и очень мягко описываетъ ихъ частную жизнь,—невозможныхъ супругъ двухъ поэтовъ, обѣды и похожденія со скандалами, отъ которыхъ онъ скоро бѣжалъ въ Москву. Онъ приводитъ немало стиховъ В. Курочкина, Минаева и своихъ собственныхъ, но все это застольныя импровизаціи, плохіе экспромты, не имѣющіе никакого литературнаго значенія. И потомъ, къ чему это вѣчное повтореніе прозвища «поэтъ-солдатъ», которымъ г. Мартьяновъ, очевидно, очень доволенъ. Кромѣ Лермонтова, у насъ столько поэтовъ и писателей носили военное званіе, что видѣть въ немъ особенное отличіе не приходится. Тѣ же Минаевъ и Курочкинъ были, хоть и недолгое время, офицерами, какъ Полежаевъ, Батюшковъ, Баратынскій, Кюхельбекеръ, Рылѣевъ, Бестужевъ, Л. Н. Толстой и—противъ ихъ желанія—Достоевскій, Плещеевъ, Дуровъ, Шевченко. Вообще статьи военнаго содержанія, какъ «Русскій офицеръ», «Русскій солдатъ» и др.—самыя слабыя въ сборникѣ г. Мартьянова. Напрасно также онъ втиснулъ въ свою книгу слишкомъ много анекдотовъ о несоблюденіи военной выправки и о взысканіяхъ за это съ провинившихся, о забавахъ разныхъ генераловъ и начальниковъ съ кадетами. Зато любопытны историческіе анекдоты объ этихъ генералахъ, какъ о Бурмейстерѣ, Дадіанѣ, гр. Никитинѣ, Евдокимовѣ, Дрентельнѣ, Тотлебенѣ и др. Есть также разсказы о министрахъ, архіереяхъ, полицмейстерахъ, даже о фавориткѣ одного стараго министра, Минѣ Ивановнѣ Бурковой, исторія которой,

Digitized by Google

впрочемъ, несовсѣмъ согласна съ дѣйствительностью. Недуренъ послѣдній очеркъ, разсказанный въ видѣ повѣсти: «Московскіе фрондёры». Интересны также подробности въ разсказѣ объ американской дуэли варшавскаго намѣстника, гр. Ламберта, и военнаго генералъ-губернатора Герштенцвейга въ 1861 году. Вообще сборникъ г. Мартьянова даетъ немало занимательнаго чтенія.

Влад. Птицынъ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Изданіе Д. В. Соколова, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ, 1894 г.

Въ этой книжкѣ авторъ собралъ свои статьи,—печатавшіяся въ нашемъ журналѣ въ началѣ текущаго года,—нѣсколько *исправивъ* ихъ (не скажемъ, чтобы эти поправки повели къ ихъ улучшенію) и *дополнивъ* новою главою: «Грибановское дѣло».

Статьи г. Птицына произвели въ свое время много шуму въ мірѣ нашей присяжной адвокатуры, и нѣкоторымъ членамъ здѣшняго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ пришла даже въ голову блажная мысль—привлечь къ дисциплинарному суду ихъ автора за «опозореніе» въ печати своей достойной корпораціи. Блажная мысль, конечно, также скоро улетучилась, какъ и пришла, но намъ довелось прочесть самый текстъ этого любопытнаго «позыва въ судъ», сильно напоминающаго своимъ стилемъ и юридическою сообразительностью судебное краснорѣчіе Ивана Ивановича Перерепенка и Ивана Никифоровича Довгочхуна. Отъ автора статей хотѣли потребовать, «съ пристрастіемъ», отвѣта: гдѣ, когда и отъ кого слышалъ онъ тѣ возмутительные факты, которые приведены имъ въ очеркѣ «адвокатской этики»; хотѣли непремѣнно узнать: кто именно изъ гг. присяжныхъ повѣренныхъ проповѣдывалъ теорію о томъ, что «*единственный принципіальный нравственный критерій для адвокатовъ,—это корректность, закономѣрность и законосообразность принимаемыхъ ими для веденія дѣлъ*», и что, слѣдовательно, веденіе совершенно «корректныхъ» и «закономѣрныхъ»,—основанныхъ на безспорныхъ документахъ,—исковъ ростовщической братіи и содержательницъ «пансіоновъ безъ древнихъ языковъ»—нисколько не противорѣчитъ призванію адвоката и не вредитъ его нравственному престижу.

Читая этотъ документъ, можно было только удивляться наивности руководителей петербургскаго «барро», дѣлающихъ видъ, что они знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ ни темныхъ дѣлишекъ, ни постыдныхъ теорій, имѣющихъ мѣсто въ кругѣ ихъ профессіи; но удивленіе смѣнялось уже негодованіемъ, когда, непосредственно вслѣдъ за этимъ, въ грибановскомъ дѣлѣ обнаружилось, что такого же точно «корректнаго» взгляда на нравственную сторону адвокатуры держатся у насъ не только выставленные безъ имени «теоретики» г. Птицына, но и самые именитые адвокаты, члены совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ.

«Лучшей иллюстраціей къ высказаннымъ въ моихъ статьяхъ сужде-

Digitized by Google

ніямъ и выводамъ — справедливо говоритъ г. Птицынъ — можетъ быть недавно оконченный въ петербургскомъ окружномъ судѣ разборъ грибановскаго дѣла, гдѣ передъ судомъ, присяжными, избранной публикой и сановниками... торжественно, церемоніальнымъ маршемъ дефилировалъ и отличался цвѣтъ петербургской присяжной адвокатуры, въ лицѣ одного подсудимаго, обвиняемаго въ подлогѣ, и ряда благородныхъ свидѣтелей, консультантовъ подложнаго завѣщанія Грибанова... Составивъ подложное завѣщаніе, преступники, прежде чѣмъ предъявить его къ законному засвидѣтельствованію, обратились, чрезъ посредство своего присяжнаго адвоката, къ содѣйствію: съ одной стороны— фотографа, для фотографической экспертизы завѣщанія; съ другой—къ содѣйствію юристовъ, присяжныхъ повѣренныхъ,—изъ которыхъ *двое члены совѣта*, — для экспертизы юридической. Фотографъ произвелъ экспертизу, сказалъ преступникамъ: «съ Богомъ!» получилъ 700 рублей и попалъ на скамью подсудимыхъ. Юристы произвели экспертизу, сказали, повидимому, тоже: «съ Богомъ»,—судя по тому, что тотчасъ послѣ юридической экспертизы подложному завѣщанію былъ данъ законный ходъ,— получили по 250 р. на брата, а всего тысячу рублей, *и на скамью подсудимыхъ не попали.* Почему? А потому, что уличить ихъ нечѣмъ. *Они поступили корректно, закономѣрно и законосообразно...* Они даже письменнаго заключенія, — обыкновенно на консультаціяхъ составляемаго,—въ этомъ случаѣ не дали, по крайней мѣрѣ, *не показали.* Такіе осторожные и умные люди!»

Г. Спасовичъ когда-то, въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей, выразился очень метко, сказавъ, что у насъ есть масса людей, которые весь вѣкъ «ходятъ по опушкѣ закона», не выходя изъ его предѣловъ и не вступая въ область преступленія. Но кто могъ бы думать, что къ этой почтенной толпѣ примкнутъ, чуть не in corpore, наши присяжные повѣренные, когда-то мнившіе быть «защитниками вдовъ и сиротъ», когда-то мечтавшіе о лаврахъ... отнюдь не Герострата, а Гамбетты и Жюля Фавра?

Какъ бы то ни было, но, послѣ грибановскаго процесса, къ «дисциплинаркѣ» совѣта петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ слѣдовало бы привлечь этихъ «корректныхъ» и «закономѣрныхъ» цицероновъ, а ужь никакъ не В. В. Птицына, который имѣетъ мужество думать, что, сберегая соръ въ своей избѣ, можно завалить ее сверху донизу и совершенно лишить малѣйшаго притока свѣжаго воздуха.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Вопросъ о засоренности русскаго хлѣба, вывозимаго за границу.—Спекулятивный характеръ нынѣшняго хлѣбнаго экспорта, очутившагося въ рукахъ евреевъ.—Убыточность засоренія хлѣба для нашихъ сельскихъ хозяевъ.—Побѣда спекуляторовъ надъ солидными торговцами.—Особое совѣщаніе по изысканію мѣръ для упорядоченія нашей внутренней и внѣшней хлѣбной торговли.—Анализъ генеральныхъ пробъ, производимый въ комитетѣ для надзора за сортировкой хлѣба.—Хозяйство крупнѣйшихъ русскихъ городовъ.—Бюджеты Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы и Риги, и отношеніе ихъ къ численности населенія.—Величина доходовъ этихъ городовъ на 1 жителя.—Сравненіе бюджетовъ нашихъ городовъ съ Парижемъ, Берлиномъ и Вѣною.—Расходы нашихъ большихъ городовъ, цифры расходовъ на 1 жителя.—Народное образованіе, какъ отдѣльный предметъ городскаго хозяйства.—Расходы городовъ на школы.—Гдѣ больше всего расходъ на школьное дѣло?—Какъ отражается общественное представительство на заботахъ о школѣ?—Тяжелое положеніе Россіи и промахъ нашей экономической и финансовой политики.—Исключительное развитіе земледѣльческой промышленности и чрезмѣрное обремененіе налогами земледѣльческаго класса.—Покровительство обрабатывающей промышленности въ смыслѣ покровительства крупнымъ заводчикамъ и фабрикантамъ.

Недавно департаментъ торговли и мануфактуръ (министерства финансовъ) издалъ интересный трудъ: «Результаты изслѣдованія засоренности четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ». Работа, заглавіе которой мы только что выписали, проливаетъ свѣтъ на выясненіе весьма важнаго для нашей сельской промышленности вопроса: *о причинахъ засоренности русскаго зерна, вывозимаго за границу.* Тридцати-трехлѣтній періодъ времени, протекшій послѣ отмѣны крѣпостнаго права, въ экономическомъ отношеніи ярче всего характеризуется необычайнымъ ростомъ вывоза нашихъ хлѣбовъ за границу: средній вывозъ хлѣбовъ, не достигавшій въ 50-хъ годахъ 5% средняго сбора хлѣбовъ въ имперіи, превысилъ въ минувшее десятилѣтіе 16%. Вслѣдствіе этого, несомнѣнно увеличилась въ такой же степени зависимость русскаго земледѣлія отъ международнаго рынка, и вліянію международныхъ цѣнъ подчинились даже мѣстности, весьма удаленныя отъ границы. При современномъ настроеніи международнаго рынка, гдѣ наблюдается постоянное пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, одной изъ главныхъ задачъ является достиженіе соотвѣтствія рыночной цѣны хлѣба со стоимостью его производства и доставки. Въ ряду причинъ, неблагопріятно вліяющихъ на установленіе такого соотвѣтствія, засоренность нашего зерна, отправляемаго за границу, занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ, такъ какъ *нашъ хлѣбъ отправ-*

Digitized by Google

ляется за границу въ такомъ засоренномъ видѣ, что заграничные покупатели платятъ за него весьма низкую цѣну. Неблагопріятная расцѣнка на международномъ рынкѣ русскихъ хлѣбовъ — давно и всѣмъ извѣстная вещь. Этотъ фактъ давно и неоднократно констатировался компетентными учрежденіями и лицами, а потому улучшеніе качества вывозимаго зерна, въ видахъ поднятія цѣнности хлѣбнаго экспорта, представляется вѣрнѣе увеличенія его количества.

Наши засоренные хлѣба оцѣниваются на международномъ рынкѣ значительно ниже средняго уровня; отсюда, естественно, вытекаетъ очевидная *убыточность вывоза зерна въ засоренномъ видѣ.* Почему же, спрашивается, наши экспортеры все таки вывозятъ хлѣбъ въ такомъ гнусномъ видѣ и, слѣдовательно, берутъ на себя оплату расходовъ по доставкѣ сора?

Нынѣшняя экспортная торговля сводится къ простой перевозкѣ русскаго хлѣба за границу, къ одной перепродажѣ скупленнаго хлѣба, между тѣмъ передъ нашей экспортной торговлей лежитъ важная экономическая задача—собрать весь излишекъ хлѣба, за удовлетвореніемъ нуждъ внутренняго потребленія, очистить его, разсортировать, составить требуемыя иностранцами партіи и лишь въ такомъ видѣ выпустить его за границу. Такую сложную задачу могутъ выполнить, конечно, только крупные экспортеры, которые для переработки зерна и приспособленія его къ требованіямъ заграничнаго рынка должны не только располагать капиталами, но и знать особенности спроса отдѣльныхъ заграничныхъ рынковъ, обладать извѣстнымъ искусствомъ, техническими приспособленіями и пр., и пр. Напротивъ того, для простой перепродажи за границу сорнаго, неприготовленнаго зерна нужны лишь одни оборотныя средства, и такая продажа хлѣба является общедоступной. Вслѣдствіе этого, сорное зерно привлекло на наши рынки массы новыхъ спекуляторовъ, мелкихъ торговцевъ, которые, пренебрегая интересами русскаго экспорта, сосредоточились на одной цѣли—выработать какъ можно больше оборота для своего капитала, большею частью добытаго въ кредитъ, и небольшой размѣръ прибыли отъ каждой сдѣлки вознаградить учащеннымъ оборотомъ своихъ капиталовъ. Разъ хлѣбный экспортъ вылился въ такую форму, практика выработала особый типъ хлѣбнаго перепродавца, обыкновенно принадлежащаго къ іудейскому племени. «Гонимый» іудей, явившись главнымъ руководителемъ нашего рынка, внесъ въ торговлю и вывозъ хлѣба за границу начала, правда, весьма выгодныя для него самого, но слишкомъ убыточныя для русской сельской промышленности. Мало сказать: проникновеніе, а вѣрнѣе—полное *одолѣніе нашей заграничной хлѣбной торговли мелкими и крупными еврейскими фирмами составляетъ то основное зло, изъ котораго весьма естественно вытекли всѣ ненормальности современнаго хлѣбнаго экспорта.* Самый простой видъ обычной и неизбѣжной недобросовѣстности нашихъ евреевъ-комисіонеровъ состоитъ въ томъ, что, принявъ порученіе отъ внутренняго отправителя, большею частью сельскаго хозяина, продать извѣстное число пудовъ хлѣба, они примѣшиваютъ къ нему соръ и, увеличивъ такимъ образомъ общее количество товара, хотя и

Digitized by Google

продаютъ его по пониженной цѣнѣ, но по этой цѣнѣ идетъ и хлѣбъ, и соръ, который комисіонеру натурально ничего не стоитъ или же стоитъ самые пустяки. Очень понятно, что сельскій хозяинъ несомнѣнно проигрываетъ отъ примѣшиванія сора къ его хлѣбу, а комисіонеръ, конечно, выигрываетъ, такъ какъ онъ показываетъ хозяину хлѣба счетъ, гдѣ обозначена продажная цѣна, низкая для производителя хлѣба и высокая для спекулянта сорнымъ зерномъ. Другой, болѣе сложный, видъ недобросовѣстности сводится къ тому, что, запродавъ хлѣбъ за границу по извѣстной пробѣ, экспортеръ-еврей отправляетъ зерно худшаго качества, т. е. съ бо̀льшимъ процентомъ сора и примѣсей, въ томъ разсчетѣ, что скидка въ цѣнѣ, неизбѣжная вслѣдствіе ухудшенія зерна, все таки оставитъ ему нѣкоторую выгоду отъ продажи вмѣстѣ съ зерномъ и ничего не стоющаго сора. Эта недобросовѣстность экспортера вызываетъ новую игру на примѣси: и за границей также желаютъ выиграть на разницѣ въ цѣнѣ и, предпочитая засоренный хлѣбъ чистому, вслѣдствіе неопредѣленности процента отступленія партіи отъ образца, надѣются, что разница въ цѣнѣ хлѣба сорнаго и чистаго превыситъ разницу въ ихъ качествѣ и покупка сорнаго зерна окажется выгоднѣе. Эта своеобразная игра создала тотъ печальный фактъ, что за границей, въ сдѣлкахъ съ Россіей, начинаютъ предпочитать дешевый хлѣбъ хорошему, зная, что въ первомъ, хотя и болѣе сорномъ, они, сами произведя всѣ операціи по очисткѣ и сортировкѣ, пріобрѣтутъ то же хорошее зерно, но по болѣе дешевой цѣнѣ. Такой спросъ еще болѣе усиливаетъ спекуляцію сорнымъ зерномъ въ Россіи, а обороты солидныхъ фирмъ сокращаются и торговля пріобрѣтаетъ все менѣе и менѣе солидный характеръ. Но такъ какъ продавцы сорнаго хлѣба постепенно вытѣсняютъ солидныя фирмы, привыкшія извлекать свой доходъ изъ лучшей переработки и очистки экспортируемаго зерна, то техническія средства нашей экспортной торговли не только не развиваются, но, напротивъ того, вырабатывается даже особаго рода *техника засоренія и порчи* того зерна, которое приходитъ въ порты сравнительно чистымъ. При этихъ условіяхъ, постепенно складывается *неестественная привилегія въ пользу сорнаго зерна* и, вмѣсто наблюдаемаго всюду послѣдовательнаго развитія переработки вывозимаго сырья, у насъ замѣчается прогрессивное ухудшеніе качества экспорта. Если худое качество вытѣсняетъ лучшее, если развивается и расширяется именно экспортъ засореннаго зерна, если именно онъ-то и даетъ посредникамъ наилучшія выгоды,—то отъ этого несомнѣнно несетъ существенный ущербъ вся страна, для которой улучшеніе качества хлѣбнаго экспорта есть одинъ изъ важнѣйшихъ экономическихъ интересовъ. Начать съ того, что новые пришлые торговые элементы въ нашихъ портахъ не принесли съ собою къ услугамъ рынка ни новыхъ капиталовъ,—такъ какъ они работаютъ большею частью на занятыя деньги, получая оборотныя средства, между прочимъ, и отъ прежнихъ хлѣботорговыхъ конторъ, постепенно преобразовывающихся въ банкирскія,—ни новыхъ знаній и умѣнія хозяйственно обращаться съ товаромъ; не снабдили наши порты новыми техническими приспособленіями, однимъ словомъ, не обогатили силъ нашей внутрен-

Digitized by Google

ней торговой конкурренціи и, слѣдовательно, не ослабили монопольной власти рынка надъ производителемъ. Но, сохранивъ за рынкомъ его властное положеніе внутри страны, они перемѣстили значительную долю этой власти въ новыя, менѣе надежныя руки, которыя не съумѣли достаточно бережно отнестись къ кредиту русской торговли за границей. Мало этого: новые спекулятивные элементы, вошедшіе въ составъ нашей торговли, примѣшавъ къ нашимъ международнымъ сдѣлкамъ недобросовѣстные пріемы, выпуская за границу сорное зерно въ погашеніе обязательствъ на чистое,—тѣмъ самымъ подчинили и цѣну послѣдняго вліянію перваго, такъ какъ, поколебавъ за границею довѣріе къ способности Россіи регулярно выпускать чистое зерно, они дали основаніе иностраннымъ рынкамъ дѣлать скидки въ цѣнѣ даже и при покупкѣ чистаго зерна. Наконецъ, сорное зерно, свободно циркулируя безъ точной экспертизы его качества, благодаря неопредѣленности, своей дѣйствительной стоимости, стало удобнымъ матеріаломъ для спекуляціи, отвлекло нашу торговлю отъ ея настоящаго пути, поколебало кредитъ нашего экспорта за границею и, описаннымъ сложнымъ путемъ, понизило цѣны и всего остальнаго хлѣба. Въ виду всего этого, министерство финансовъ признало нужнымъ созвать, въ концѣ 1892 года особое совѣщаніе по изысканію мѣръ для упорядоченія нашей внутренней и внѣшней хлѣбной торговли. Въ совѣщаніе это вошли какъ представители правительственныхъ учрежденій,—министерства внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, императорскаго двора, путей сообщенія и финансовъ.—такъ и представители торговли и сельскаго хозяйства. Засѣданія означеннаго совѣщанія продолжались въ теченіе декабря 1892 года, января и февраля 1893 года. Показаніями всѣхъ заинтересованныхъ лицъ,—какъ хлѣбныхъ торговцевъ, такъ и сельскихъ хозяевъ,—вполнѣ выяснилась необходимость принятія рѣшительныхъ мѣръ для улучшенія качества нашего хлѣбнаго экспорта и, еще болѣе, для достиженія исправнаго выполненія сдѣлокъ: соотвѣтствія между дѣйствительно поставляемымъ товаромъ и обусловливаемымъ въ договорѣ. Съ этой цѣлью были указаны мѣры къ организаціи надзора за вывозимымъ хлѣбомъ, къ регулированію нашей внутренней и внѣшней хлѣбной торговли путемъ созданія хлѣбной инспекціи, развитія биржевыхъ учрежденій, арбитража, изданія обязательныхъ правилъ и сводовъ торговыхъ обычаевъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе новизны и трудности вопроса, а также и нѣкоторой недостаточности фактическихъ данныхъ, упомянутое совѣщаніе не привело къ выработкѣ какихъ либо опредѣленныхъ законоположеній. Но такъ какъ министерство финансовъ придавало особенное значеніе полному и безпристрастному выясненію фактической стороны дѣла, то оно рѣшило предпринять самостоятельное изслѣдованіе степени засоренности важнѣйшихъ хлѣбовъ, вывозимыхъ за границу — пшеницы, ржи, овса и ячменя. Съ этой цѣлью, по распоряженію г. министра финансовъ, подверглись изслѣдованію означенные хлѣба, вывезенные за границу, *за время съ 1-го мая по 1-е ноября 1893 года*, чрезъ 17 главнѣйшихъ таможенъ нашей морской и сухопутной западной границы.

Digitized by Google

Анализъ генеральныхъ пробъ, поступавшихъ въ департаментъ торговли и мануфактуръ, производился въ комитетѣ для надзора за сортировкой хлѣба при зерноподъемѣ въ С.-Петербургѣ, находящемся въ вѣдѣніи министерства финансовъ, подъ ближайшимъ руководствомъ хлѣбнаго инспектора Козловскаго. Изслѣдованіе засоренности хлѣбовъ выяснило, что чрезъ главнѣйшія таможни морской и сухопутной западной границы, въ указанный выше срокъ, вывезено 190,334 тыс. пудовъ пшеницы, ржи, овса и ячменя. Изъ упомянутаго количества вывоза 47,8% имѣли постороннихъ примѣсей до 2% и 24,7% свыше 2 до 3%. Такимъ образомъ, почти въ $^3/_4$ экспорта четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ общій % постороннихъ примѣсей не превышалъ 3%. Указанный полугодой вывозъ дѣлится на два періода: одинъ лѣтній (съ 1 мая по 1 августа), когда за границу экспортируется зерно стараго урожая, а другой — осенній (съ 1 августа по 1 ноября) съ вывозомъ хлѣбовъ преимущественно новаго урожая. Изъ сопоставленія засоренности лѣтняго и осенняго экспорта слѣдуетъ, что, въ общемъ, засоренность лѣтняго и осенняго экспорта 4 главнѣйшихъ хлѣбовъ почти одинакова. Что же касается относительной засоренности полугоднваго вывоза различныхъ таможенъ, то изслѣдованіе показало, что наименьшій % вывоза (около 16%) съ содержаніемъ постороннихъ примѣсей до 2% относится къ Новороссійску, поэтому засоренность общаго вывоза названнаго порта является наибольшей по сравненію ея со всѣми остальными. При томъ же предѣлѣ постороннихъ примѣсей, бо́льшій % вывоза, не достигающій, впрочемъ, 50%, относится къ Ростову, Одессѣ, Либавѣ, Граеву, засоренность экспорта которыхъ уменьшается въ порядкѣ ихъ слѣдованія. Въ менѣе засоренномъ видѣ хлѣбъ вывозится изъ С.-Петербурга, Ейска, Николаева, Млавы и Севастополя, болѣе $^1/_2$ экспорта которыхъ содержали постороннихъ примѣсей до 2%. Наименьшей засоренностью отличались, въ общемъ, хлѣба, вывезенные изъ Риги, Таганрога, Ревеля, Бердянска, Сосновицъ и Александрова, причемъ менѣе $^3/_4$ экспорта первыхъ пяти пунктовъ и болѣе $^3/_4$ вывоза послѣдняго содержали постороннихъ примѣсей не свыше 2%.

Анализъ хлѣбовъ, вывезенныхъ за границу съ 1 мая по 1 ноября 1893 года, даетъ возможность сопоставить въ качественномъ отношеніи вывозъ черноморско-азовскихъ и балтійскихъ портовъ и главнѣйшихъ таможенъ сухопутной границы. Изъ этого анализа видно, что наименьшей засоренностью посторонними примѣсями отличались, въ общемъ, хлѣба, вывезенные изъ балтійскихъ портовъ; затѣмъ слѣдовали хлѣба, отправленные чрезъ сухопутныя таможни и, наконецъ, чрезъ южные черноморско-азовскіе порты. Наибольшую засоренность посторонними примѣсями представляетъ отпускъ изъ тѣхъ пунктовъ, которые даютъ относительно наибольшее количество вывоза. Такъ, пшеница и рожь вывозились въ наибольшемъ количествѣ изъ черноморско-азовскихъ портовъ, и ихъ экспортъ даетъ, относительно, наибольшую засоренность. Наибольшее количество овса вывезено изъ портовъ Балтійскаго моря, и въ экспортѣ замѣчается наибольшій % вывоза съ посторонними примѣсями свыше 2%.

Digitized by Google

Что же касается ячменя, то наибольшую засоренность его даетъ отпускъ сухопутныхъ таможенъ, чрезъ которыя проходитъ значительно меньшее количество ячменя сравнительно съ вывозомъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Но такое исключеніе изъ вышеприведеннаго положенія находитъ себѣ объясненіе въ установленіи предѣльныхъ нормъ засоренности ячменя, вывозимаго изъ балтійскихъ и черноморско-азовскихъ портовъ, и въ отсутствіи таковыхъ нормъ при отпускѣ ячменя чрезъ сухопутныя таможни. Изъ сопоставленія засоренности минеральными примѣсями экспорта названныхъ пунктовъ видно, что балтійскіе порты вывозятъ каждый изъ четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ наименѣе засоренномъ видѣ. Что же касается вывоза черноморско-азовскихъ портовъ и сухопутныхъ таможенъ, то по пшеницѣ относительно меньшую засоренность пескомъ и пылью даетъ вывозъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей, по ржи и овсу—отпускъ сухопутныхъ таможенъ. Въ отношеніи же экспорта ячменя замѣчается, наряду съ относительно лучшей очисткой части вывоза сухопутныхъ таможенъ, относительно бо́льшая засоренность остальной части ихъ экспорта, сравнительно съ отпускомъ черноморско-азовскихъ портовъ.

Подъ вліяніемъ засоренности нашего зерна, на международномъ рынкѣ развивается излишнее посредничество и въ этомъ отношеніи нельзя не указать на убыточную для насъ роль двухъ иностранныхъ портовъ: Кёнигсберга и Данцига. Получая изъ Россіи засоренное зерно, они путемъ тщательной очистки, сортировки и отдѣлки его, и затѣмъ путемъ смѣшенія его съ другими сортами мѣстныхъ хлѣбовъ, достигаютъ такого полнаго приспособленія къ требованіямъ иностранныхъ рынковъ, преимущественно англійскихъ, что пшеница, подъ названіемъ: «Кёнигсбергъ» и «Данцигъ», большею частью фигурируетъ въ иностранныхъ прейсъ-курантахъ, какъ самая дорогая. Дѣятельность этихъ иностранныхъ портовъ, *продающихъ нашу пшеницу подъ именемъ своей*, можетъ служить наглядымъ доказательствомъ того, къ какимъ блестящимъ результатамъ могла бы прійти и наша экспортная торговля, при правильной ея организаціи.

Весьма полезное изслѣдованіе засоренности четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ, произведенное по иниціативѣ министерства финансовъ, даетъ не только полное представленіе о современномъ положеніи русскаго хлѣбнаго экспорта, но и ясно опредѣляетъ, какимъ путемъ наша международная торговля хлѣбомъ можетъ быть поставлена на правильныя основанія.

Московская городскаая дума недавно выпустила въ свѣтъ интересную работу: «Финансы крупнѣйшихъ русскихъ городовъ», заключающую въ себѣ сравнительный обзоръ доходовъ и расходовъ Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы и Риги. Только что перечисленные города представляютъ собою въ настоящее время наиболѣе значительные центры съ населеніемъ почти въ 3 милліона душъ обоего пола. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, населеніе всѣхъ 700 городовъ Россіи простирается до 14 милліоновъ душъ; такимъ образомъ, въ нашихъ крупнѣйшихъ городахъ размѣстилось болѣе $^1/_5$

Digitized by Google

всего городскаго населенія имперіи, притомъ населеніе этихъ центровъ продолжаетъ быстро возрастать. По даннымъ однодневныхъ поименныхъ переписей, въ періодъ 1869—1890 гг., населеніе Петербуга возросло на 287,000 душъ, т. е. на 42%. Въ Москвѣ, въ теченіе 11 лѣтъ (1871—1882 гг.), приростъ населенія выразился цифрою 151,500 (25%). Поименная перепись Одессы 1892 г. насчитала 336,000 жителей, между тѣмъ, въ 1873 году жителей въ Одессѣ было не болѣе 193,000; слѣдовательно, населеніе Одессы въ теченіе 19 лѣтъ увеличилось на 42%.

Обращаясь теперь къ городскому бюджету, мы видимъ, что, по своимъ расходамъ и доходамъ, Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса и Рига занимаютъ также первыя пять мѣстъ среди всѣхъ русскихъ городовъ. По отчетамъ городскихъ управъ и магистрата города Варшавы, въ теченіе 1890 г., въ кассу поименованныхъ городовъ поступило 24.623,135 руб. обыкновенныхъ городскихъ доходовъ; кромѣ того, этими городами получено доходовъ экстраординарныхъ и чрезвычайныхъ—въ видѣ займовъ, позаимствованій изъ капиталовъ и пр.—6.840,008 руб., слѣдовательно, общій итогъ доходовъ названныхъ 5 городовъ въ 1890 г. простирался до 31.463,143 руб. Изъ отчета «о денежныхъ оборотахъ городскихъ кассъ» за тотъ же годъ видно, что всѣми 684 городами европейской Россіи и Сибири (за исключеніемъ привислянскихъ) получено доходовъ—обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ—59.890,877 руб.; такимъ образомъ, доходы Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы и Риги составляютъ болѣе половины (53%) доходовъ всѣхъ городовъ Россіи. Доходы каждаго изъ пяти городовъ, въ отдѣльности, за 1890 годъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Городскихъ доходовъ въ 1890 году.

Города.	Обыкновенныхъ.	Чрезвычайныхъ.	Всего.
Петербургъ	7910220,50	144075,61	8054296,11
Москва	7300802,38	5192587,50	12493389,88
Варшава	3395392,00	1040896,77	4436288,77
Одесса	3287606,32	—	3287606,32
Рига	2729113,85	462448,31	3191562,16
Итого . . .	24623135,05	6840008,19	31463143,24

Обращаясь къ цифрамъ обыкновенныхъ доходовъ, мы видимъ, что наибольшаго развитія достигъ бюджетъ Петербурга; весьма близко къ Петербургу подходитъ Москва. Бюджетъ остальныхъ трехъ городовъ значительно меньше столичныхъ: въ Варшавѣ и Одессѣ—слишкомъ вдвое, а въ Ригѣ—въ $2^1/_2$ раза. На основаніи приведенныхъ цифръ, нельзя, однако, составить понятія о степени развитія городскаго бюджета, такъ какъ наши города сильно разнятся между собою по числу жителей. Сопоставляя же число жителей въ каждомъ городѣ съ суммой обыкновенныхъ городскихъ доходовъ, мы получимъ величину городскихъ доходовъ на одного жителя. Такъ, въ

Digitized by Google

Петербургѣ	на одного	жителя	приходится	доходовъ	8,56 руб.
Москвѣ	»	»	»	»	8,65 »
Варшавѣ	»	»	»	»	7,44 »
Одессѣ	»	»	»	»	9,78 »
Ригѣ	»	»	»	»	13,95 »

Цифры доходовъ на 1 жителя показываютъ, что по развитію городскаго бюджета наши столицы уступаютъ Одессѣ и Ригѣ. Наименьшая сумма городскихъ доходовъ на жителя (7,4 руб.) приходится въ Варшавѣ, наибольшая въ Ригѣ (почти 14 руб. на 1 жителя).

Сравнимъ теперь финансовыя средства нашихъ городовъ со средствами крупнѣйшихъ городовъ западной Европы. Съ этой цѣлью выпишемъ, рядомъ съ данными по русскимъ городамъ, цифры обыкновенныхъ доходовъ Парижа, Берлина и Вѣны въ 1890 году. Для вывода среднихъ величинъ принято населеніе: въ Парижѣ—2.424,705 душъ обоего пола, въ Берлинѣ—1.578,794, въ Вѣнѣ—839,328.

Обыкновенные доходы въ 1890 году.

	Сумма (во франк.).	На 1 жителя.
Парижъ	280.978,447	116
Берлинъ	79.545,029	50
Вѣна	52.896,177	63
Петербургъ	19.775,551	21
Москва	18.252,005	22
Варшава	8.488,480	19
Одесса	8.219,015	24
Рига	6.822,782	35

Цифры этой таблицы указываютъ, что бюджетъ нашихъ большихъ городовъ значительно менѣе развитъ, чѣмъ въ городахъ западной Европы. Не говоря уже о Парижѣ, бюджетъ котораго почти вдвое превышаетъ доходы всѣхъ 700 русскихъ городовъ, русскіе городскіе центры далеко уступаютъ по суммѣ городскихъ доходовъ и Берлину, и Вѣнѣ. Такъ, въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ доходовъ на 1 жителя приходится слишкомъ вдвое менѣе противъ Берлина и втрое—противъ Вѣны. Рига, по развитію городскаго бюджета, ближе подходитъ къ заграничнымъ городамъ, но и въ ней городскихъ доходовъ поступаетъ значительно менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

Какъ ни малы бюджеты нашихъ городовъ въ сравненіи съ городами западной Европы, но и современныхъ размѣровъ они достигли лишь недавно. Въ прежнее время, финансовыя средства русскихъ городскихъ центровъ были значительно меньше; они съ каждымъ годомъ возрастаютъ и притомъ въ весьма сильной степени.

По степени увеличенія бюджета, въ настоящее время наши города не только не уступаютъ городамъ западной Европы, но даже превосходятъ ихъ, такъ что по развитію бюджета въ послѣднее десятилѣтіе наши крупнѣйшіе города значительно опередили Па-

Digitized by Google

рижъ и Вѣну; въ одинаковой степени съ русскими городами увеличивался бюджетъ Берлина, возросшій въ это десятилѣтіе, какъ и въ русскихъ городахъ, слишкомъ на 50% (55,3%). Познакомившись съ размѣрами бюджетовъ нашихъ крупныхъ городовъ, обратимся теперь къ уясненію источниковъ, изъ которыхъ поступаютъ городскіе доходы.

Главнѣйшую статью доходовъ нашихъ городовъ составляютъ налоги, но значеніе налоговъ далеко неодинаково для бюджетовъ каждаго изъ взятыхъ нами пяти городовъ. Тогда какъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ налоги составляютъ около $^{7}/_{10}$, въ Одессѣ на долю налоговъ приходится менѣе $^{3}/_{5}$ (57%) а въ Ригѣ—менѣе $^{2}/_{5}$ (36,3%) всей суммы городскихъ доходовъ. Очевидно, бюджеты Москвы, Петербурга и Варшавы построены, главнымъ образомъ, на налогахъ, тогда какъ для Одессы и въ особенности для Риги, кромѣ налоговъ, имѣютъ весьма большое значеніе и остальные источники доходовъ. Крупная разница между нашими городами замѣчается и при сравненіи доходовъ съ недвижимой собственности; недвижимыя имущества имѣютъ наибольшое значеніе для городскаго бюджета Риги и Одессы: въ первой доходы съ недвижимыхъ имуществъ составляютъ почти $^{1}/_{5}$ (18,9%), а во второй—почти $^{1}/_{6}$ (16,2%); въ бюджетѣ Москвы и Петербурга городская недвижимая собственность не играетъ такой существенной роли, а въ Варшавѣ доходы съ недвижимыхъ имуществъ уже вовсе малы—3,9%, т. е. въ пять разъ меньше, чѣмъ въ Ригѣ. Городской бюджетъ находится въ тѣсной связи съ цифрою населенія даннаго города. Поэтому, чтобы нѣсколько точнѣе измѣрить размѣръ затратъ города на различныя отрасли общественнаго хозяйства, необходимо вычислить сумму городскихъ расходовъ, приходящуюся на каждаго жителя.

Города.	Обыкновен. расходы (франковъ).	
	Всего	на 1 жит.
Петербургъ	19.982,367	22
Москва	18.472,331	22
Варшава	8.475,870	19
Одесса	8.254,959	24
Рига	7.547,492	38

Изъ этой таблицы видно, что первое мѣсто по суммѣ городскихъ расходовъ на 1 жителя занимаетъ Рига, въ которой эти расходы составляютъ слишкомъ 15 руб. Во всѣхъ остальныхъ городахъ, не исключая столицъ, сумма расходовъ, приходящаяся на душу населенія обоего пола, значительно ниже, чѣмъ въ Ригѣ. Въ особенности выдѣляется Варшава, расходы которой на жителя, сравнительно съ Ригою, слишкомъ вдвое меньше. Раньше было выяснено, что и по относительной суммѣ городскихъ доходовъ Рига занимаетъ первое мѣсто среди нашихъ крупнѣйшихъ городскихъ центровъ, а Варшава—послѣднее. Такимъ образомъ, можно вывести заключеніе, что изъ пяти большихъ русскихъ городовъ городской бюджетъ наиболѣе развитъ въ Ригѣ, а наименѣе—въ Варшавѣ.

Digitized by Google

При разсмотрѣніи доходовъ, была отмѣчена крупная разница между русскими и западно-европейскими городами по размѣру обложенія жителей городскими налогами и сборами. То же самое различіе русскихъ городскихъ центровъ отъ западно-европейскихъ замѣчаемъ и при сопоставленіи расходовъ. Сказанное сейчасъ подтверждается данными слѣдующей таблицы за 1890 годъ.

Города.	Обыкновен. расходы (франковъ).	
	Всего	на 1 жит.
Парижъ	304.956,177	125
Берлинъ	68.182,706	43
Вѣна	52.207,672	62

Цифры расходовъ на 1 жителя свидѣтельствуютъ, что всѣ наши города, по суммѣ городскихъ расходовъ на душу населенія обоего пола, далеко уступаютъ западно-европейскимъ столицамъ; въ особенности велика разница между русскими городами и Парижемъ, въ которомъ расходы на 1 жителя (125 франковъ) почти въ 6 разъ превосходятъ расходы Москвы и Петербурга (22 франка). Берлинъ, по относительнымъ размѣрамъ своихъ расходовъ, значительно ближе къ русскимъ городамъ: въ германской столицѣ обыкновенные расходы на 1 жителя составляютъ съ небольшимъ 40 франковъ (43); тѣмъ не менѣе, по сравненію съ нашими столицами, расходы Берлина все же вдвое выше. Изъ русскихъ городскихъ центровъ, къ западно-европейскимъ ближе остальныхъ подходитъ Рига, съ расходомъ въ 38 франковъ на жителя.

Расходы нашихъ большихъ городовъ на различные предметы общественнаго хозяйства далеко не одинаковы. Отсылая интересующихся существенными различіями въ этихъ расходахъ къ труду, изданному московской городской думой: «Финансы крупнѣйшихъ русскихъ городовъ», мы остановимся лишь на расходахъ по народному образованію.

Расходы нашихъ городовъ на народное образованіе не имѣютъ характера обязательныхъ, каковыми являются, напримѣръ, расходы на полицію и пожарную команду. Если же, тѣмъ не менѣе, русскіе города затрачиваютъ на школы значительныя суммы, то это является необходимымъ удовлетвореніемъ постоянной потребности городскаго населенія въ образованіи подростающаго поколѣнія. Дѣйствительно, въ городахъ съ общественнымъ управленіемъ, гдѣ городское населеніе чрезъ своихъ представителей завѣдываетъ общественнымъ хозяйствомъ, вопросы народнаго образованія занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ дѣятельности городскаго управленія. Въ Варшавѣ, гдѣ общественное управленіе замѣнено административнымъ органомъ, школьное дѣло, напротивъ, пользуется несравненно меньшимъ вниманіемъ. Сказанное сейчасъ подтверждается и при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи городскихъ расходовъ на народное образованіе.

Въ теченіе 1890 г., нашими городами были израсходованы на народное образованіе слѣдующія суммы:

Digitized by Google

	Всего	на 1 жителя
Петербургъ	633,221 руб.	68 коп.
Москва	487,224 »	58 »
Варшава	102,533 »	22 »
Одесса	234,007 »	69 »
Рига	258,446 »	1 р. 32 »

По абсолютной цифрѣ расхода на народное образованіе, первое мѣсто занимаетъ Петербургъ и послѣднее—Варшава; но, разсматривая эти расходы въ связи съ численностью населенія каждаго города, приходимъ къ нѣсколько иному заключенію. Наименьшая сумма расхода на школьное дѣло при этихъ вычисленіяхъ приходится также на долю Варшавы, расходующей на этотъ предметъ съ небольшимъ 20 к. на душу населенія обоего пола, и наибольшей суммы расходы на школьное дѣло достигаютъ въ Ригѣ, составляя слишкомъ 1 р. 30 к. на жителя. Наши столицы и Одесса, по расходамъ на народное образованіе, довольно близко подходятъ другъ къ другу, хотя на средняго жителя Москвы затрачивается на этотъ предметъ на 10—11 коп. меньше Петербурга и Одессы. Относительно расходовъ Варшавы и Риги на школьное дѣло, замѣтимъ еще слѣдующее. Незначительные расходы Варшавы на школы объясняются очевидно тѣмъ, что магистратъ города Варшавы въ своей дѣятельности выдвигаетъ до сихъ поръ на первый планъ другіе вопросы городскаго хозяйства (водопроводъ и канализація); школьное же дѣло, какъ предметъ не обязательный, пользуется со стороны магистрата уже меньшимъ вниманіемъ. Результатомъ этого и является отмѣченная отсталость Варшавы отъ другихъ крупныхъ русскихъ городовъ въ расходахъ на школы.

Расходы на народное образованіе, разумѣется, достигли современныхъ размѣровъ постепенно. Ростъ затратъ на этотъ предметъ можетъ служить однимъ изъ наиболѣе существенныхъ признаковъ для сужденія о степени заботъ общественнаго управленія даннаго города о народномъ образованіи. Съ цѣлью выяснить этотъ вопросъ, въ вышеназванной работѣ приводятся выборки изъ «Отчетовъ о денежныхъ оборотахъ городскихъ кассъ за двадцать лѣтъ (1871—1890 г.)». Остановимся на этихъ данныхъ.

Расходы пяти крупнѣйшихъ русскихъ городовъ на школьное дѣло, въ крайніе годы 20-лѣтія 1871—1890 гг., въ связи съ численностью населенія представлены въ слѣдующей таблицѣ.

Города.	Населеніе обоего пола.		Расходы на народное образованіе (руб.).		На одного жителя (копѣекъ).		
	Въ началѣ 70-хъ годовъ.	Въ 1890 г.	Въ 1871 г.	Въ 1890 г.	Въ 1871 г.	Въ 1890 г.	Увеличились.
Петербургъ . .	667936	924106	27364	633221	4	68	+64
Москва	601969	843885	49711	480049	8	57	+49
Варшава. . . .	297090	455852	31290	106783	10	23	+13
Одесса.	139462	336000	82736	229961	59	68	+ 9
Рига	122706	95668	47530	228875	39	117	+78

Digitized by Google

Цифры таблицы свидѣтельствуютъ, что въ началѣ 70-хъ годовъ только Одесса и Рига расходовали на народное образованіе относительно значительныя суммы (59 и 39 к. на душу населенія); что касается столицъ и Варшавы, то ихъ расходы на школьное дѣло въ то время были крайне незначительны (4, 8 и 10 коп. на жителя). Въ теченіе двадцатилѣтняго періода, въ расходахъ столицъ и Риги на школьное дѣло произошелъ, можно сказать, цѣлый переворотъ; оказывается, что расходы Петербурга въ этотъ періодъ возрасли съ 4 коп. на душу населенія до 68 коп.; въ Москвѣ съ 8 коп. до 57 коп., въ Ригѣ—съ 39 к. до 1 р. 17 к.; въ Одессѣ и Варшавѣ расходы на школы увеличились значительно меньше (на 9 к. и на 13 к.); но въ первой потому, что въ 1871 г. они были уже высоки, а въ Варшавѣ—вѣроятно, вслѣдствіе отмѣченной выше причины. Сдѣланныя выборки изъ «Отчетовъ о денежныхъ оборотахъ городскихъ кассъ» даютъ возможность прослѣдить, какъ росли расходы каждаго города по народному образованію въ теченіе двадцатилѣтняго періода 1871 — 1890 гг. Не выписывая расхода за каждый годъ, приведемъ цифры годичныхъ среднихъ расходовъ четырехъ пятилѣтій:

Города.	Годичные средніе расходы на народное образованіе (рублей).			
	1871—1875 г.	1876—1880 г.	1881—1885 г.	1886—1890 г.
Петербургъ	48,429	118,793	384,046	596,847
Москва.	75,712	216,122	356,873	450,781
Варшава	33,866	47,121	76,257	104,699
Одесса	98,132	105,592	135,866	199,524
Рига	59,419	87,065	154,339	219,569

На основаніи этихъ цифръ можно заключить, что наиболѣе благопріятными для роста расходовъ нашихъ городовъ на народное образованіе оказались слѣдующіе періоды:

Въ Петербургѣ—пятилѣтіе 1881—1885 годовъ, когда расходы на школы увеличивались въ среднемъ ежегодно на 54,000 руб.; въ Москвѣ десятилѣтіе 1876—1885 г. (возрастали на 28,000 руб. ежегодно); въ Варшавѣ (по 6,000 руб.) и въ Ригѣ (по 14,000 руб.)—десятилѣтіе 1881 — 1890 г. и въ Одессѣ — послѣднее пятилѣтіе 1886—1890 г., когда расходы города на народное образованіе увеличивались, въ среднемъ, ежегодно на 13,000 руб. Такимъ образомъ выясняется, что въ послѣдніе годы расходы нашихъ столицъ на школы идутъ, сравнительно съ началомъ 80-хъ годовъ, менѣе быстро.

Дѣятельность городскаго управленія по народному образованію не ограничивается содержаніемъ городскихъ учебныхъ заведеній. Наши города содѣйствуютъ народному образованію и другимъ путемъ, именно: выдачею пособій высшимъ, среднимъ и профессіональнымъ училищамъ, библіотекамъ, ученымъ обществамъ, театрамъ и другимъ образовательнымъ учрежденіямъ, а также содержаніемъ своихъ стипендіатовъ въ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ вѣдомствъ.

Digitized by Google

Россія переживаетъ въ настоящее время довольно тяжелую минуту: возрастающія потребности государственной жизни не могутъ удовлетворяться на счетъ доходовъ отъ земледѣлія, а новыхъ надежныхъ источниковъ для податнаго обложенія пока еще нѣтъ. Останавливаясь передъ этимъ грустнымъ фактомъ, мы невольно обращаемся къ исторіи послѣднихъ 30 лѣтъ и находимъ въ ней причины современнаго тяжелаго состоянія.

Великимъ законодательнымъ актомъ 1861 года десятки милліоновъ русскихъ крестьянъ получили личную независимость, хозяйственную самостоятельность и земельные надѣлы. Нисколько не умаляя высокаго значенія освобожденія крестьянъ и вполнѣ признавая нравственныя его побужденія, мы должны признать однако, что основнымъ факторомъ, который привелъ къ ликвидаціи крѣпостнаго строя Россіи, служила его экономическая отсталость и низкая производительность крѣпостнаго труда. Несостоятельность экономическаго строя крѣпостнаго времени была слишкомъ очевидна и его хозяйственныя формы не только не соотвѣтствовали уровню экономическаго развитія западной Европы, но, задерживая увеличеніе производительности труда, онѣ отставали даже отъ возрастающихъ потребностей нашей государственной жизни.

Передъ русской государственной властью въ дореформенное время стояла, такимъ образомъ, не только культурная задача—уничтожить зависимость человѣка отъ человѣка—но экономическая и финансовая: усилить общую производительность народнаго труда и черезъ это создать лучшій источникъ для финансовъ государства. Если крѣпостной трудъ народа составлялъ серьезный тормозъ, останавливавшій экономическое развитіе страны, то на смѣну ему явился свободный трудъ, который могъ уже положить надежное основаніе народному благосостоянію и выносить возрастающую тяжесть государственнаго бюджета. Такимъ экономическимъ и финансовымъ послѣдствіямъ освобожденія крестьянъ не суждено было, однако, осуществиться, и Россія переживаетъ въ настоящее время тяжелый экономическій и финансовый кризисъ, прямо и непосредственно связанный съ предшествующей политикой русскаго правительства.

Основной причиной ненормальнаго состоянія Россіи и главнымъ промахомъ нашей внутренней политики являются: одностороннее развитіе экономической дѣятельности населенія и чрезмѣрное обремененіе налогами земледѣльческаго класса. Главной отраслью народнаго труда въ нашемъ отечествѣ является земледѣльческая промышленность, которая со времени освобожденія крестьянъ получила въ государствѣ чрезвычайное развитіе и создала ненормальный, болѣзненный спросъ на землю; вслѣдствіе такого спроса, цѣны на землю возрастали съ каждымъ годомъ, и увеличеніе ихъ въ 80-тыхъ годахъ дошло до нѣсколькихъ сотъ процентовъ своей первоначальной цѣны. Рядомъ съ увеличеніемъ продажныхъ цѣнъ на землю возросла и арендная плата, причемъ какъ продажныя цѣны, такъ и арендная плата увеличились не соотвѣтственно доходности земель, а вслѣдствіе одной лишь потребности въ землѣ. Что же касается обрабатывающей промышленности, то на ея развитіе мало обращалось

Digitized by Google

дѣйствительнаго вниманія, и всѣ заботы правительства относительно фабричнаго и заводскаго промысла исчерпывались установленіемъ запретительнаго таможеннаго тарифа, охранявшаго нашу крупную промышленность отъ конкурренціи съ нами западно-европейскаго производства. Таможенный тарифъ покровительствовалъ, какъ оказалось впослѣдствіи, обогащенію отдѣльныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ на счетъ потребителей,—слѣдовательно, въ прямой ущербъ экономическимъ интересамъ большинства населенія,—но не создалъ и не развилъ заводско-фабричной дѣятельности, необходимой для благосостоянія страны. Мало этого, крупная промышленность, покровительствуемая правительствомъ, убила, гдѣ могла, кустарную промышленность, лишивъ мелкихъ производителей-земледѣльцевъ возможности заниматься трудомъ, дополнительнымъ къ земледѣлію. Съ другой стороны, съ освобожденіемъ крестьянъ возникли такіе новые виды промышленности, которые нуждались въ поощреніи, и правительство, не ожидая отъ нихъ никакихъ доходовъ, само еще расходовалось на нихъ, назначая имъ субсидіи подъ разными названіями, такъ что вся податная тягость лежала цѣликомъ на земледѣліи. Стоитъ вспомнить только о желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ и о тѣхъ солидныхъ суммахъ, которыя уплачивались государствомъ въ видѣ гарантій! Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о крупномъ землевладѣніи, которое поддерживалось правительствомъ, въ ущербъ интересамъ земледѣлія. Увлекаясь идеей культурнаго значенія дворянства, правительство не жалѣло средствъ на поддержаніе дворянскаго землевладѣнія и ставило его въ привилегированное положеніе.

Такой порядокъ вещей естественно привелъ къ истощенію производительныхъ силъ земли, отъ которой въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ требовали денегъ для покрытія расходовъ: на содержаніе арміи, на внутреннее управленіе, на уплату долговъ; на поддержку, наконецъ, крупнаго землевладѣнія, крупной обработывающей промышленности, разныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій и пр. Такимъ образомъ, весь доходъ, получаемый отъ земледѣлія въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, истраченъ; земля истощена, т. е. доведена до такого состоянія, когда она уже отказывается быть прежнимъ неисчерпаемымъ источникомъ богатства и требуетъ отъ земледѣльца приложенія къ себѣ капитала и разумнаго труда. Но приложеніе какъ того, такъ и другаго, предполагаетъ, конечно, извѣстную степень умственнаго развитія земледѣльцевъ и матеріальнаго ихъ благосостоянія; между тѣмъ русскій крестьянинъ бѣденъ и невѣжественъ, такъ какъ никто не заботился о немъ, никто не проникался его интересами: на него смотрѣли только, какъ на предметъ податнаго обложенія. Теперь же, когда крестьянинъ рѣшительно обнищалъ и когда земля его обращена чуть ли не въ безплодную пустыню, мы вздумали облегчить лежащее на немъ податное бремя. Но такое облегченіе должно свестись, конечно, къ переложенію нѣкоторой податной тягости земледѣльческаго класса на другіе классы, на представителей другихъ отраслей труда. Это переложеніе было бы весьма спасительнымъ для устраненія экономическаго и финансоваго кризиса, еслибы, усиленно

Digitized by Google

тратя доходы съ земледѣлія, наше правительство вызвало къ жизни и развило обрабатывающую промышленность, на которую теперь и могла бы перейти нѣкоторая часть податной тягости. Такимъ образомъ, возрастающія потребности государственной жизни не могутъ быть удовлетворяемы въ настоящее время изъ стараго, долго служившаго источника—изъ доходовъ отъ земледѣлія,—а новыхъ источниковъ пока нѣтъ и ихъ создать не такъ-то легко. Въ виду такихъ условій, нашему правительству предстоитъ, оцѣнивъ и взвѣсивъ всѣ свои ошибки въ прошломъ, избрать новый путь, установить новыя основанія для своей экономической и финансовой политики. Въ наши задачи не входитъ указаніе этого новаго пути; намъ хотѣлось только отмѣтить главные промахи въ экономической политикѣ нашего отечества, связавъ ихъ съ существующими затрудненіями хозяйственной и финансовой жизни Россіи.

Digitized by Google

Кончина ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Срочная книга нашего журнала была уже почти совсѣмъ готова къ выпуску, когда пришла изъ Ливадіи въ Петербургъ роковая телеграмма министра двора:

«Государь Императоръ Александръ III, въ 2 часа 15 минутъ пополудни, сего 20 октября, тихо въ Бозѣ почилъ».

Скорбное извѣстіе это, повергнувшее въ глубокій трауръ все наше отечество, вмѣстѣ съ Царскою Семьею, не было, впрочемъ, совершенною неожиданностью, и въ теченіе цѣлаго мѣсяца мы съ томительною горестью, хотя все еще сохраняя лучъ надежды, привыкали къ мысли—о потерѣ возлюбленнаго Монарха, такъ близко принимавшаго къ сердцу всѣ живые интересы своего народа и такъ «честно и грозно» державшаго русское имя въ европейскихъ дѣлахъ. Уже въ началѣ октября взоры не только Россіи, но—можно сказать безъ преувеличенія—и всего міра были съ тревогою обращены на тотъ скромный уголокъ Крымскаго полуострова, гдѣ возлежалъ на одрѣ болѣзни Верховный Повелитель могущественнаго стомилліоннаго государства, раскинувшаго на двѣ части свѣта свои неизмѣримыя владѣнія. Ежедневныя телеграммы изъ Ливадіи давали намъ знать о ходѣ болѣзни Государя Императора, объ упорной борьбѣ съ нею его богатырскаго организма; въ то же время рубрика: «Болѣзнь Царя» не сходила и со столбцовъ наиболѣе распространенныхъ европейскихъ газетъ. Сотни и тысячи искреннихъ молитвъ возносились къ небу ото всѣхъ алтарей, ради сохраненія жизни Августѣйшаго больнаго, съ которою такъ тѣсно связано и сохраненіе общаго европейскаго мира.

Злой недугъ оказался сильнѣе самаго могучаго организма и не уступилъ никакимъ средствамъ медицинской науки. Къ усыпальницѣ русскихъ царей прибавилась еще новая дорогая могила...

Передъ только что совершившимся великимъ таинствомъ смерти неумѣстно было бы входить въ детальную критическую оцѣнку достоинствъ и недостатковъ минувшаго режима:—дѣло это принадлежитъ исторіи, которая воздастъ должное

Digitized by Google

рыцарски-прямодушному характеру почившаго государя, его энергической, всегда къ добру направленной дѣятельности, и отмѣтитъ неизбѣжныя во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ ошибки и уклоненія отъ прямаго пути. Поэтому мы и ограничимся здѣсь только указаніемъ на самые характерные моменты прошлаго царствованія, на самыя неоспоримыя заслуги Александра III предъ лицомъ Россіи и всего человѣчества.

Вступленіе на престолъ покойнаго государя совершилось, какъ извѣстно, при самыхъ трагическихъ, возмущающихъ душу, обстоятельствахъ. «Повинуясь волѣ Провидѣнія и закону наслѣдія государственнаго, *мы приняли бремя сіе въ страшный часъ всенародной скорби и ужаса*... Низкое и злодѣйское убійство русскаго государя посреди русскаго народа—есть дѣло страшное, позорное, неслыханное въ Россіи, и омрачило всю землю нашу скорбію и ужасомъ»—такъ говорилось въ манифестѣ отъ 29 апрѣля 1881 г. Вполнѣ естественно, что, взойдя на тронъ, обагренный мученическою кровью, новый монархъ, прежде всего, долженъ былъ укрѣпить ослабѣвшую власть, «ободрить сердца, пораженныя смущеніемъ и ужасомъ». Онъ такъ и сдѣлалъ.

«Нельзя не отмѣтить,—говорили мы въ свое время,—что въ этомъ тяжеломъ, но неизбѣжномъ процессѣ укрѣпленія порядка и власти, нашему правительству пришлось постѣснить нѣкоторыя общественныя «вольности» и взять подъ свою ближайшую опеку кое-какія функціи нашей внутренней жизни. Но, если взвѣсить съ одной стороны всю громадную тяжесть преступленія 1-го марта, а—съ другой принять въ разсчетъ сравнительную мягкость ограниченій, наложенныхъ на общество, въ средѣ котораго могли развиться и импонировать такіе нравственные и политическіе уроды, то намъ слѣдуетъ только возблагодарить небо за то, что въ моментъ возмутительной катастрофы верховная власть стояла у насъ не поколебленной на своемъ традиціонномъ пьедесталѣ и, *не дрожа за свое существованіе, не увлекаясь ни личною местью, ни партійными разсчетами*, могла принимать обдуманныя, великодушныя мѣры для устраненія обнаружившагося зла. Какія рѣки крови проливались во Франціи во время первой революціи, да и теперь проливаются въ южно-американскихъ республикахъ, при каждой смѣнѣ случайнаго правителя, при каждой опасности, угрожающей ему; къ какимъ милымъ репрессіямъ прибѣгалъ «великовозрастный» одесскій кутейникъ Стамбуловъ въ своей якобы «свободной» Болгаріи, какъ только что нибудь угрожало его драгоцѣнной шкурѣ» [1]).

[1]) См. статью: «*Итоги десятилѣтія*» (2 марта 1881 г.—2 марта 1891 г.) въ «Наблюдателѣ» 1891 г., №№ 4, 5, 6 и 8. Въ этихъ статьяхъ читатель найдетъ перечень и оцѣнку важнѣйшихъ государственныхъ мѣръ прошлаго царствованія.

Digitized by Google

Но и эти ограничительныя мѣры, вызванныя политическою необходимостью, не шли очень далеко и только предоставляли правительству болѣе строгій контроль надъ дѣятельностью общественныхъ учрежденій, сохраняя незыблемыми основные принципы свободныхъ учрежденій, «дарованныхъ Россіи императоромъ Александромъ II-ымъ».

Такимъ образомъ, новый государь благополучно избѣжалъ обѣихъ крайностей, представлявшихся ему на пути, и, поставляя преграды развитію революціонныхъ замысловъ, не впадалъ въ тонъ ретроградовъ и обскурантовъ, все еще не терявшихъ надежды на возстановленіе крѣпостничества въ томъ или другомъ видѣ, на торжество «шемякина суда», не знающаго границъ между административной и судебной властями, на окончательное истребленіе свободнаго печатнаго слова, на совершенное упраздненіе суда присяжныхъ и на полное изгнаніе земскаго элемента изъ круга общественныхъ учрежденій.

Какъ только принятыми мѣрами достигнуто было внутреннее успокоеніе страны, дѣятельность правительства вновь направилась по пути реформъ,—на сей разъ преимущественно экономическаго и финансоваго характера. Одною изъ главныхъ заботъ государя было *исправленіе и дополненіе крестьянской реформы*, совершонной въ прежнее царствованіе не безъ нѣкоторыхъ чувствительныхъ прорѣхъ и изъяновъ. Сюда относятся: обязательный выкупъ «временно-обязанныхъ крестьянъ», слишкомъ долго остававшихся въ этомъ ненормальномъ переходномъ положеніи; пониженіе выкупныхъ платежей у крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; отмѣна подушной подати, ограниченіе крестьянскихъ передѣловъ, урегулированіе массовыхъ переселеній, облегченіе для крестьянъ аренды казенныхъ оброчныхъ статей и пр. Радѣя о томъ, чтобы крестьяне становились по возможности собственниками обработываемыхъ ими земель, правительство учредило крестьянскій банкъ, дѣятельность котораго, къ сожалѣнію, далеко не оправдала возложенныхъ на него надеждъ. Одновременно съ этимъ, принимались мѣры къ подъему и упорядоченію дворянскаго землевладѣнія. Немало усилій употребило правительство, чтобы оживить и расширить нашу фабрично-заводскую промышленность, не отступая ни передъ запретительными тарифами на иностранное производство, ни передъ покровительственными преміями за русскіе фабрикаты. Учреждено, наконецъ, особое министерство земледѣлія.

Не смотря на стеченіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ (въ видѣ холерныхъ эпидемій, послѣдовательныхъ неурожаевъ, эпизоотій и пр.), русскіе финансы достигли за минувшій періодъ давно небывалаго улучшенія. Нашъ государственный бюджетъ сводился не только безъ дефицита, но даже со значительнымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами;

Digitized by Google

курсъ русскаго рубля, освободившагося, наконецъ, изъ-подъ гнета берлинской биржи, добрался до очень сносной цѣны; явилась возможность конвертировать наши внѣшніе и внутренніе займы, съ пониженіемъ платимыхъ процентовъ. Относительно-счастливое положеніе нашихъ финансовъ дало возможность государству—продолжать постройку желѣзныхъ дорогъ преимущественно казенными средствами, не прибѣгая къ разорительной концессіонной системѣ (за 10 лѣтъ новыхъ дорогъ выстроено болѣе 7,000 верстъ, не считая сибирской). Съ тѣмъ вмѣстѣ, усилилась въ значительной степени наша военная защита на сушѣ и на морѣ. Вся наша полевая артиллерія перевооружена стальными дальнобойными орудіями на новыхъ лафетахъ; устарѣвшая винтовка Бердана замѣняется въ арміи малокалибернымъ ружьемъ, которое стрѣляетъ бездымнымъ порохомъ. Боевой составъ нашего флота увеличился постройкою новыхъ броненосцевъ, крейсеровъ и миноносокъ. Черноморская флотилія, можно сказать, создана заново, и Севастополю возвращено его прежнее военное значеніе.

Но что̀ составляетъ громадную историческую заслугу почившаго монарха—это *національная политика*, твердо и опредѣленно провозглашенная имъ во всѣхъ нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ.

«Какъ это ни странно,—говорили мы въ вышецитированной статьѣ,—но въ истекшій періодъ нашему правительству приходилось довершать задачу московскихъ царей — старинную задачу *«собиранія земли русской»*. Благодаря ли нашей славянской уступчивости и лѣни, или подъ вліяніемъ неподходящей къ нашему историческому бытію теоріи государственнаго федерализма, но только наши окраины никакъ не хотѣли и до сихъ поръ еще не хотятъ примириться съ мыслью, что онѣ составляютъ недѣлимую часть *единой* россійской имперіи, съ *единой* властью, *единой* территоріей и *единымъ* государственнымъ языкомъ... Представители этихъ окраинъ все толкуютъ о своемъ быломъ величіи (было да сплыло!), объ общемъ фатерландѣ, о какихъ-то сомнительныхъ хартіяхъ, якобы гарантирующихъ имъ не только административную, но и политическую автономію, о какой-то «личной уніи» съ русскимъ государствомъ; наконецъ, о правахъ своей народности и высокой культуры, забывая при этомъ, что ихъ хартіи писаны вилами на водѣ, что «личную унію» они выдумали, только благодаря непростительному невѣжеству нашихъ властей (какъ это блистательно доказали финляндцамъ Н. С. Таганцевъ и Ѳ. П. Еленевъ), что на пространствѣ *русской территоріи* всего больше должны быть ограждены права *русской народности* съ ея государственнымъ языкомъ, а что касается до высокой культуры, то мы, Богъ дастъ, сами пріобрѣтемъ ее, безъ непрошеной опеки польскихъ, нѣмецкихъ и финскихъ культур-

Digitized by Google

трегеровъ. «*Россія для русскихъ*»!—вотъ девизъ нашего правительства, а кто не, хочетъ или не можетъ быть русскимъ по своимъ симпатіямъ, тому скатертью дорога—въ общій фатерландъ, въ Палестину въ турецкую Арменію, на Скандинавскій полуостровъ. Напрасно наши сепаратисты вопіютъ о насиліяхъ, будто бы чинимыхъ надъ ними: правительство не посягаетъ ни на ихъ вѣру, ни на ихъ языкъ, ни на ихъ свычаи и обычаи, *разъ все это лежитъ въ кругѣ мѣстной бытовой жизни и не претендуетъ на политическую роль*; но то же правительство хочетъ, настоятельно хочетъ распространить на всю нашу территорію общіе коренные законы и дать русскому государственному языку всѣ принадлежащія ему права».

Космополитическій либерализмъ 60-хъ годовъ, помогшій еврейскому племени разселиться чуть не по всей Россіи подъ кличкою «ремесленниковъ», чтобы заниматься въ ней совсѣмъ не ремеслами, а самыми грязными и разорительными для нашего народа гешефтами,—этотъ фальшивый либерализмъ нашелъ въ покойномъ государѣ самаго энергическаго и убѣжденнаго противника. Почуявъ своимъ русскимъ сердцемъ все зло, причиняемое якобы «гонимымъ» племенемъ нашему коренному населенію, Александръ III не только пріостановилъ дальнѣйшее примѣненіе льготъ къ паразитствующимъ послѣдователямъ талмуда и шулханъ-аруха, но даже приказалъ выселить изъ Москвы всѣхъ самозванныхъ «ремесленниковъ», занимавшихся ростовщичествомъ, контробандою и другими гнусными дѣлами. Можно только пожалѣть, что покойный государь не успѣлъ распространить эту мѣру и на Петербургъ, гдѣ жидовское «ремесло» имѣетъ точно такой же специфическій характеръ....

Что̀ касается до нашей внѣшней политики, то, преслѣдуя и въ ней *русскіе національные интересы*, покойный государь далъ намъ блистательный реваншъ за Берлинскій трактатъ, такъ принизившій Россію, такъ незаслуженно оскорбившій ея народную гордость. Идея франко-русскаго соглашенія, въ противовѣсъ пресловутому «тройственному союзу», принадлежитъ лично Александру Александровичу,—и умѣлое, настойчивое осуществленіе этой entente cordiale до сихъ поръ составляетъ самую твердую опору общеевропейскаго мира, самую дѣйствительную узду на воинственные тевтонскіе замыслы. Недаромъ же вся европейская пресса, слѣдя изо дня въ день за медленнымъ угасаніемъ великодушнаго Царя-Миролюбца, еще при жизни увѣнчала его вѣнкомъ историческаго безсмертія.

«Своимъ непоколебимымъ миролюбіемъ—говоритъ вѣнская газета «Fremdenblatt» — императоръ Александръ оказалъ Европѣ великую и незабвенную услугу, и *властвованіе его въ этомъ смыслѣ простиралось далеко за предѣлы его цар-*

Digitized by Google

ства... Онъ не менѣе цѣнится и внѣ Россіи, какъ монархъ, противопоставившій свою мощную волю всякимъ попыткамъ создавать замѣшательства изъ честолюбивыхъ замысловъ. Такимъ образомъ, императоръ Александръ пріобрѣлъ повсемѣстную славу, *умножившую блескъ подвластной ему державы*». Въ «Journal des Débats» мы читали: «Вся Франція пріобщилась въ мысляхъ и чувствахъ своихъ къ молитвамъ, возносимымъ объ исцѣленіи русскаго Царя, такъ какъ французскій народъ носитъ въ сердцѣ своемъ какъ радости, такъ и печали русскаго народа. *Ни въ какія времена никакой государь не былъ во Франціи настолько любимъ и уважаемъ, насколько любимъ и популяренъ въ ней императоръ Александръ III.* Въ самыхъ скромныхъ домахъ, даже въ бѣдныхъ хижинахъ, портретъ русскаго царя обязательно красуется возлѣ портрета президента, и съ его царственнымъ обликомъ соединяются въ памяти народа воспоминанія о кронштадтскихъ и тулонскихъ дняхъ, запечатлѣвшихся во всѣхъ сердцахъ неизгладимыми чертами».

Даже вовсе не расположенный къ Россіи, англійскій министръ-президентъ, лордъ Розберри, въ рѣчи, произнесенной въ Шеффильдѣ 14 (26) октября, сказалъ, что «каждый серьезный политическій дѣятель молится о здравіи русскаго царя, завоевавшаго себѣ въ исторіи право на имя, равное именамъ Цезаря и Наполеона, такъ какъ *его воля и характеръ поддерживали миръ Европы и цѣлаго свѣта*. Царь любитъ правду выше всего и ненавидитъ ложь, *любитъ правду даже въ дипломатической области. Долгъ благодарности русскому царю неизмѣримъ*». И самыя вліятельныя англійскія газеты прибавляютъ въ одинъ голосъ, что «рѣчь лорда Розберри—дань признательности русскому царю, и что англичане сочувствуютъ каждому слову его рѣчи». По мнѣнію «Daily News» (органъ великаго Гладстона) «лордъ Розберри не исполнилъ бы своего долга, еслибъ не отдалъ полной справедливости блестящимъ, высокимъ качествамъ государя, *благодѣтеля всего человѣчества*».

Мы могли бы наполнить цѣлую книгу такими единодушными отзывами, но довольно и приведенныхъ, чтобы уразумѣть, какую истинно-человѣческую, благородную роль игралъ въ европейскомъ ареопагѣ нашъ мудрый, но скромный и даже застѣнчивый въ своемъ величіи, государь.

Да будетъ же легка русская земля этому *истинно-русскому Царю*, этому лучшему Сыну своей родины, стоявшему на стражѣ ея интересовъ не съ мечемъ въ рукѣ, а съ оливковою вѣтвію мира и благоденствія! И да помогутъ любовь и благословенія Россіи его Августѣйшему Преемнику — осуществить завѣты незабвеннаго Родителя, какъ въ дѣлѣ нашего внутренняго устроенія, такъ и на поприщѣ международной политики.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Парижъ, какъ притягательный центръ Европы.—Настроеніе «всемірнаго города» въ моментъ убійства Карно.—Гимнъ въ его честь, распѣваемый на бульварахъ въ день взятія Бастиліи.—*Гвоздь* анархизма.—Исканіе границы между «свободой печати» и «проповѣдью убійства», между «политической партіей» и «шайкой разбойниковъ».

I.

Давно уже—больше четверти вѣка тому назадъ—Некрасовъ сказалъ, что какой бы маршрутъ ни составлялъ себѣ россійскій туристъ, уѣзжая въ чужіе края,—«быть ему въ Парижѣ: такъ судьбѣ угодно»!

И вотъ до сихъ поръ, неизмѣнно и властно, Парижъ является притягательнымъ пунктомъ для каждаго россіянина, перебравшагося съ сѣвера или съ юга, съ востока или съ запада черезъ нашу таможенную линію. Не станемъ, однако, обижаться на судьбу, которая указываетъ на этотъ пунктъ и сама хлопочетъ о нашемъ ознакомленіи съ нимъ. Какъ бы кто ни думалъ о современномъ положеніи Франціи,—объ ея политическомъ строѣ и экономическомъ бытѣ, объ ея умственныхъ и нравственныхъ ресурсахъ,—роль Парижа продолжаетъ держаться на прежней высотѣ, можетъ быть, потому что, одновременно съ паденіемъ «общественнаго пульса» во Франціи, соціальный маразмъ въ другихъ европейскихъ странахъ даетъ о себѣ знать еще болѣе чувствительными признаками. Вѣдь не изъ безвоздушнаго же пространства почерпаетъ «всемірная столица» свои жизненные соки и если, вообще, жизнеспособность Европы испытываетъ

Digitized by Google

въ наши дни тяжелый кризисъ, то онъ долженъ отражаться такъ или иначе на общественно-политическомъ функціонированіи Парижа,—этой главной кровеносной артеріи европейскаго организма. Но стоитъ замѣтить, что даже самые тяжкіе общественные недуги, попадая на почву Франціи, какъ-то вѣрнѣе діагностируются здѣсь, скорѣй назрѣваютъ и прорываются, что̀ служитъ немало къ облегченію страждущаго человѣчества.

Когда я собрался въ концѣ нашего іюня «взять курсъ» на Парижъ, чтобы оттуда, по мѣрѣ надобности, совершать свои прогулки и къ морю, и къ цѣлебнымъ водамъ,—весь европейскій міръ еще оставался подъ впечатлѣніемъ злодѣйскаго убійства Карно, принесеннаго въ жертву, на алтарѣ анархизма, ополоумѣвшимъ фанатикомъ изъ итальянскихъ подмастерьевъ. Намъ, русскимъ, личность Карно памятна и дорога, потому что онъ служилъ какъ бы связующимъ звеномъ между двумя государствами, отдѣленными другъ отъ друга громаднымъ географическимъ пространствомъ, но близкими по своимъ кровнымъ политическимъ интересамъ; въ самой же Франціи покойный президентъ пользовался умѣренной славою «корректнаго» и «лойяльнаго» человѣка, который—по русской пословицѣ—сальныхъ свѣчей не ѣстъ и стекломъ не утирается. Еслибы Карно дожилъ мирно до конца своего президентскаго срока, то онъ, по всей вѣроятности, даже не выставилъ бы своей кандидатуры на новыхъ выборахъ, а спокойно и честно перешелъ бы въ «приватную» жизнь, окруженный искреннимъ уваженіемъ своихъ согражданъ, ни разу не заподозрившихъ въ немъ ни диктаторскихъ покушеній à la Буланжэ, ни скверной, мелочной страстишки къ наживѣ à la Греви.

Въ этомъ отношеніи, апархисты сослужили большую службу для личной репутаціи «устраненнаго» ими президента. Фигура скромнаго обитателя Елисейскаго дворца выросла до грандіозныхъ историческихъ размѣровъ — и вся Франція, какъ одинъ человѣкъ, принялась восхвалять его, какъ благородную жертву своего гражданскаго долга, своего честнаго и нелицемѣрнаго служенія родинѣ. Всякіе партійные счеты, всѣ закулисныя дрязги, на которыя никогда не скупятся французы при жизни вліятельныхъ лицъ,—все это смолкло при видѣ трагической кончины народнаго избранника, безсовѣстно убитаго, ни за что, ни про что, рукою бѣшенаго бродяги, въ моментъ національ-

Digitized by Google

наго торжества въ Ліонѣ. Чувство справедливости, присущее всякому культурному обществу,—чувство, для вытравленія котораго изъ души всѣхъ этихъ Казеріо, Вальяновъ, Анри и т. п. нужны долгія усилія цѣлой шайки фанатиковъ, — разволновалось, какъ море, во всей Франціи и дружнымъ потокомъ принесло гробницу Карно — въ Пантеонъ французской славы.

Когда, 2-го іюля, въ день взятія Бастиліи, я прогуливался по парижскимъ бульварамъ, запруженнымъ толпами народа,— вездѣ, отъ Place de Madeleine до Boulevard de Sébastopol, можно было встрѣтить группы странствующихъ музыкантовъ, исполнявшихъ, по требованію публики, только что сочиненный на скорую руку, въ честь Карно, чувствительный гимнъ: «Le réveil du Martyr». «Мученикъ»—это, конечно, предательски убитый президентъ; онъ встаетъ изъ гроба, чтобы «remercier la France tout en deuil» и сказать ей, съ поднятымъ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ:

«Ne pleure pas, ô, ma France chérie!
Mourir pour toi—c'est le sort le plus beau;
Un bon français doit tout à sa patrie,
Vivre et mourir pour son drapeau».

Затѣмъ, во второмъ куплетѣ этой pièce de circonstance, написанной довольно деревянными стихами, къ отверзтой гробницѣ подходитъ почтительно маршалъ Канроберъ и получаетъ отъ воскресшаго президента слѣдующее патріотическое внушеніе:

«...grand chef dont la vaillance
Tint ce drapeau dans un cruel moment,
O, Canrobert, dis à mes fils en larmes
Que tu m'a vu embrassant ce drapeau.
O, promets moi d'aller bénir leurs armes,
Jure le moi au bord de ce tombeau».

Въ третьемъ куплетѣ Карно благословляетъ свою жену на дѣла благотворительности («des malheureux allège la souffrance; á l'orphelin assure un lendemain») а въ четвертомъ, и послѣднемъ, прибавляетъ еще по адресу всей Франціи: «Voiçi déjà l'étoile qui va briller pour un beau lendemain; de la tristesse déchirez le voile, comme des frères donnez vous la main». Карно исчезаетъ при блескѣ молній и громѣ пушекъ:

«Un éclair brille, au loin le canon tonne,
Juillet joyeux fait battre les coeurs;
Carnot n'est plus, mais l'écho qui résonne
Répète encor ses derniers clameurs».

Digitized by Google

Какъ ни топорно само по себѣ это произведеніе бульварнаго служителя музъ, но оно попадало какъ разъ въ ладъ народному возбужденію, и тысячныя толпы, съ увлеченіемъ и слезами въ голосѣ, распѣвали подъ чистымъ небомъ такъ понравившійся имъ гимнъ. Ожидали въ этотъ день уличныхъ безпорядковъ, но и люди безпорядка отступили передъ подъемомъ народнаго одушевленія и не рѣшились провозгласить убійство Карно—продолженіемъ «великаго дѣла первой революціи». Очевидно, анархисты, желавшіе подорвать авторитетъ власти, попали какъ разъ пальцемъ въ небо. Они не посмѣли даже показать своихъ физіономій на улицѣ.

II.

Луи-Бланъ разсказывалъ когда-то А. И. Герцену, что, проживая изгнанникомъ въ Лондонѣ въ 1848 г., онъ получилъ неожиданный визитъ отъ одного, совершенно ему невѣдомаго, «политическаго réfugié». При свиданіи съ этимъ таинственнымъ незнакомцемъ, Луи-Бланъ тщетно старался припомнить его имя и «политическое» дѣло, въ которомъ онъ могъ бы фигурировать, когда, наконецъ, почтенный réfugié, полагая предѣлъ его напраснымъ припоминаніямъ, заявилъ ему court et simple, что онъ не судился ни въ какомъ политическомъ процессѣ, а «*протестовалъ противъ принципа собственности кражей со взломомъ*». Знаменитый французскій историкъ и политическій дѣятель, конечно, отказался продолжать бесѣду съ такимъ оригинальнымъ протестантомъ—бѣглымъ мошенникомъ изъ тюрьмы.

Tempora mutantur! Луи-Бланъ, видимо, не стоялъ на высотѣ положенія, отказываясь признавать въ мазурнической отмычкѣ—убѣдительный аргументъ противъ «права собственности»; а въ кинжалѣ, воровски запрятанномъ въ цвѣточный букетъ—благородный протестъ противъ господства буржуазіи. «Nous avons changé tout cela»! могутъ съ гордостью сказать современные анархисты, выставившіе въ челѣ своихъ дружинъ грабителя мертвыхъ тѣлъ—Равашоля, а затѣмъ пополнявшіе свой главный штабъ Вальянами, Анри и, наконецъ, убійцей злосчастнаго французскаго президента. Проэктъ «всемірнаго возрожденія», начертанный опытной рукою такихъ удивитель-

Digitized by Google

ныхъ пророковъ и апостоловъ, очевидно, долженъ привести къ вожделѣнному концу—къ обращенію человѣческаго общества въ звѣриное стадо, въ которомъ плети, намордники и топоры снова замѣнятъ практикуемые нынѣ гуманные способы обхожденія. Чѣмъ другимъ, какъ не такими «доводами» можно обуздать и сдѣлать безвредными человѣкообразныхъ тварей въ родѣ Казеріо, который во французскомъ судѣ открыто провозглашаетъ свою «соціологическую» теорію: «У анархистовъ не мечутъ жребія (на убійство). *Каждый пользуется полной свободой убивать кого хочетъ* (?!) и употреблять тѣ средства, которыя считаетъ наиболѣе дѣйствительными для разрушенія общества. Заговора не было. *Я убилъ самостоятельно, ибо я хотѣлъ*» (!)

Еслибы природа соблаговолила дать бѣшеному волку способность къ членораздѣльной рѣчи, то и онъ едва ли рѣзче и категоричнѣе выразилъ бы свое право—«кусать каждаго, кого онъ захочетъ». Что̀ передъ этой волчьей теоріей notre bon plaisir, во имя котораго творили свои деспотическія дѣла французскіе короли стараго режима?! Вѣдь они все таки не считали своимъ «bon plaisir'омъ»—убивать направо и налѣво всѣхъ, кого захотѣли.

Посильно мотивируя въ своей «запискѣ» (одна только часть которой появилась во французскихъ газетахъ) безобразную экзекуцію надъ безоружнымъ президентомъ, этотъ итальянскій волкъ въ человѣческомъ образѣ рычитъ намъ: «Я холодной рукою убилъ Карно, *потому что* (интересно знать: почему?) онъ наилучшимъ образомъ воплощалъ въ себѣ типъ буржуа, потому что *онъ былъ тираномъ* (это Карно-то былъ тираномъ!), ѣздилъ въ каретѣ (тоже признакъ тиранства), окруженный своими лакеями, которые служили ему, какъ животныя, тогда какъ ютящіяся въ отвратительныхъ развалинахъ человѣческія существа не знаютъ, чѣмъ имъ жить».

Какъ вамъ понравится, однако, читатель, эта «политическая» программа, этотъ «протестъ» противъ тиранства Карно, ѣздящаго въ каретѣ, въ то время какъ бѣдняга Равашоль плетется пѣшкомъ, и безъ всякаго сопровожденія «лакеевъ», на глухое кладбище, чтобы обобрать трупъ покойника? Конечно, Карно виноватъ—сто разъ виноватъ!—въ томъ, что достопочтенные Равашоли не умѣютъ найти себѣ другой болѣе чистой работы и довольствуются такимъ грязнымъ дѣломъ, какъ вырываніе

Digitized by Google

труповъ и убійство одинокихъ, беззащитныхъ стариковъ. Равашоль имѣлъ достаточно крѣпкій желудокъ, чтобы переваривать устрицы и трюфели, заливая ихъ шампанскимъ; Вальянъ былъ настолько грамотенъ, чтобы подковырять свою фамилію подъ любымъ министерскимъ циркуляромъ; самъ Казеріо могъ бы отлично «rouler carrosse», окружая себя тѣми же лакеями, еслибы... слѣпая фортуна разглядѣла ихъ высокія нравственныя качества и гарантировала имъ эти житейскія блага. Но благъ нѣтъ, а ихъ смертельно хочется! Другихъ средствъ къ ихъ пріобрѣтенію, кромѣ топора и отмычки, подъ руками не имѣется; апетиты же страшно разыгрываются, помрачая послѣдніе остатки человѣческаго разума и совѣсти. И вотъ—преступникъ... то бишь «политическій дѣятель», готовъ. Если ему не представится случая добыть себѣ житейскія блага путемъ убійства, соединеннаго съ грабежемъ, онъ выместитъ свою злобу изъ-за неудовлетворенныхъ апетитовъ—гнуснымъ убійствомъ, прикрашеннымъ политическою цѣлью.

Понятно, что шайка этихъ бандитовъ—неудачниковъ, завистниковъ и лѣнтяевъ—не имѣетъ никакого права прикрываться громкими именами «прогресса», «соціальнаго равенства», «свободы» и пр. *Прогрессъ* состоитъ, конечно, не въ безшабашномъ развитіи однихъ волчьихъ инстинктовъ и апетитовъ; *соціальное равенство* не можетъ предложить всѣмъ одинаковый меню съ устрицами и шампанскимъ, а *свобода* каждаго гражданина ограничивается свободою и неприкосновенностью его сосѣда, и совсѣмъ уже не дозволяетъ *свободнаго убійства*, даже безъ всякихъ судебныхъ проволочекъ...

Серьезнымъ сторонникамъ политическихъ и соціальныхъ реформъ, сторонникамъ освобожденія личности отъ деспотическаго гнета, а труда—отъ несправедливаго давленія капитала, нечего дѣлать съ Вальянами, Казеріо и т. п. отребьемъ человѣчества: этимъ людямъ нужно только связать руки, чтобы они не безчинствовали, ходя по улицамъ. «Гвоздь» анархизма сидитъ не въ нихъ. Всѣ эти Равашоли, Вальяны, съ ихъ consorts, никого не увлекли бы своею волчьей проповѣдью, еслибы были предоставлены самимъ себѣ, своимъ собственнымъ силамъ и средствамъ; ихъ циническое долбленіе въ одну точку: «убей! убей!» скоро опротивѣло бы всѣмъ своей животной разнузданностью. Эти глупорожденные или фанатизированные до идіотизма

Digitized by Google

субъекты могутъ кривляться сколько имъ угодно, не только въ залѣ суда, но даже на эшафотѣ не возбуждая рѣшительно ни въ комъ охоты слѣдовать по ихъ стопамъ, подъ ударъ трехграннаго топора гильотины. Если же эти Вальяны и Анри плодятся, какъ грибы, въ подонкахъ рабочаго класса, то только потому, что ихъ подвиги открыто воспѣваются анархистской печатью, что ихъ придурковатая озвѣрѣлость возводится на степень какого-то самоотверженнаго служенія человѣчеству; что, наконецъ, ихъ гильотинированные трупы служатъ чѣмъ-то въ родѣ chair à canon въ мелочной, эгоистической борьбѣ тѣхъ или другихъ политикановъ, на парламентской аренѣ, съ отдѣльными министрами или съ цѣлыми министерствами.

Анархистская печать, противъ которой до сихъ поръ не принималось во Франціи никакихъ рѣшительныхъ мѣръ,—вотъ тотъ гвоздь, на которомъ держится разбойническій уличный анархизмъ; вотъ тотъ возбудитель и подстрекатель, который толкаетъ людей къ подмосткамъ эшафота, опьянивъ ихъ предварительно достаточной дозой политическихъ наркотиковъ. Парламентская же грызня,—это безцеремонное и безпринципное оплеваніе другъ друга, не разбирая средствъ, лишь бы свалить съ ногъ противника и стать на его мѣсто,—служитъ наилучшей культивирующей средой для развитія анархистскихъ бациллъ.

Это поняли, наконецъ, во Франціи, не смотря на все ея традиціонное уваженіе къ свободѣ мысли и слова, не смотря на всю боязнь стѣснить какъ нибудь область печатнаго обсужденія и дать оружіе въ руки ретроградамъ и врагамъ существующаго режима. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни трудно провести теоретическую границу между дозволеннымъ и недозволеннымъ въ печати, но нельзя же было закрывать глаза на тотъ возмутительный фактъ, что «свобода печати» служила нерѣдко только ширмой для прямой пропаганды преступленія, для наглой проповѣди убійства, которое все же не перестаетъ быть убійствомъ, если на него и наклеенъ политическій ярлыкъ. Развѣ можно строго судить человѣка, совершившаго якобы политическое убійство, когда стоящій за его спиною журнальный проповѣдникъ такой дикой расправы, натолкнувшій на нее и преступника, не только остается безнаказаннымъ, но даже украшаетъ себя лаврами народнаго трибуна? Такимъ образомъ, являлось нелѣпое противорѣчіе, которое надо было устранить.

Digitized by Google

А для устраненія его приходилось—или прямехонько разрѣшить, въ законодательномъ порядкѣ, политическое убійство, или, признавая его преступленіемъ, тянуть одновременно на скамью подсудимыхъ и совершителя, и проповѣдника убійства.

Партіонныя газеты, конечно, хранили глубокое молчаніе о той «эволюціи», которая происходила въ общественномъ мнѣніи Франціи относительно права печати—наталкивать людей на политическія убійства; мало того, онѣ увѣряли даже, что всякое покушеніе на это священное право низведетъ къ нулю всѣ «вольности», дарованныя французамъ республиканской хартіей. Но болтливый «Figaro» не вошелъ въ эту стачку и не рѣшился игнорировать тѣ свѣдѣнія, которыя были ему доставлены, съ разныхъ сторонъ Франціи, его юркими корреспондентами.

А свѣдѣнія эти были весьма неблагопріятны для французскаго журнализма. Когда Казимиръ Перье имѣлъ мужество провести въ палатѣ новый законъ о прессѣ, дающій правительству больше средствъ для обузданія неистовствъ теоретическаго и практическаго анархизма, а значительная часть парижской печати сердито ощетинилась противъ этого закона,—сотрудникъ «Figaro», побывавшій въ провинціи, ехидно сообщалъ, что тамъ никто не одобряетъ этого заступничества печати за головорѣзовъ-анархистовъ, и что, именно благодаря такому заступничеству, кредитъ парижскаго журнализма сильно упалъ въ мнѣніи наиболѣе порядочной части французскаго общества. «Какъ?—говорили въ провинціи—каждый день вы, гг. журналисты, можете говорить все, что взбредетъ вамъ въ голову. Вы можете печатать безнаказанно, что наши священники—нечистыя животныя, что у нашихъ солдатъ душа спряталась въ штаны, что наши судьи—коровы, что наши министры—мошенники, что наши администраторы—публичныя женщины. Никто не протестуетъ, все это проходитъ, какъ письмо на почту, а когда васъ самихъ зацѣпятъ случайно,—можно подумать, что отечество въ опасности! Въ самомъ дѣлѣ: вы ни передъ чѣмъ не останавливаетесь, вы ничего не уважаете; все пошатнулось, все оспаривается и позорится, и, посреди этихъ развалинъ, вы требуете, чтобы одна пресса стояла твердо на ногахъ, чтобы она оставалась священной и неприкосновенной. Вотъ почему, гг. журналисты, ваша шумная кампанія

Digitized by Google

противъ новаго закона о печати повернулась противъ васъ. Правда, законъ, можетъ быть, дурно составленъ и не отличается послѣдовательностью, но ваше негодованіе противъ него хватило черезъ край и вы меньше кричали бы, еслибъ преслѣдованію подверглись наша армія, церковь и даже вся Франція».

Къ тому же, нравственная репутація свѣтилъ парижскаго журнализма совсѣмъ не такова, чтобы рядить ихъ—и только ихъ однихъ—въ мантію неприкосновенности. «Эти политиканы,—язвительно прибавляетъ Сенъ-Женэ, попадая камнемъ и въ свой собственный огородъ, — *слишкомъ ужъ часто мѣняютъ свои роли и костюмы*, чтобы имѣть право кричать такъ громко... Тотъ, кто вчера хотѣлъ упрятать президента въ тюрьму, вдругъ ни съ того, ни съ сего пускается защищать правительство; кто утромъ повиновался папѣ,—вечеромъ вотируетъ заодно съ анархистами. Публика рѣшительно не можетъ считать все это серьезнымъ дѣломъ. И—удивительная вещь!—чѣмъ чаще эти политиканы мѣняютъ свои убѣжденія, тѣмъ становятся они нетерпимѣе и безжалостнѣе по отношенію къ своимъ вчерашнимъ союзникамъ. А между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ журналисты теряютъ свой престижъ, они требуютъ, чтобы къ нимъ относились все съ бо̀льшею предупредительностью».

Въ заключеніе, статейка «Figaro», оправдывая ограничительныя мѣры новаго закона, повторяетъ изреченіе Проспера Меримэ: «Свобода устной рѣчи была убита адвокатами; а *свобода печати—журналистами*».

Насколько справедливо это изреченіе, и *одни* ли французскіе журналисты виноваты въ распространеніи анархизма, или у нихъ имѣются другіе сообщники и приспѣшники—это вопросъ, требующій болѣе подробнаго обсужденія, для котораго у насъ нѣтъ уже мѣста въ этомъ фельетонѣ.

Ефимъ Простосердовъ.

Digitized by Google

Къ сезону охоты.

I.

Воскресный день насталъ—и вотъ,
Съ собакой и съ «централкой»,
Выходитъ нашихъ дней Немвродъ,
На видъ довольно жалкій.
Онъ днемъ свободнымъ восхищенъ;
Его движенья бравы;
На цѣлый день уходитъ онъ
Въ лѣса, поля, дубравы.
Весь день мелькаетъ здѣсь и тамъ
Комичная фигура.
За нимъ собака по пятамъ
Идетъ весьма понуро...
Хоть онъ страдаетъ по пути
Одышкою проклятой,
Все жь мыслитъ онъ домой прійти
Съ добычею богатой.
Увы! Напрасенъ будетъ трудъ:
Къ охотѣ нуженъ навыкъ,
Его жь трофеи только ждутъ
Среди... курятныхъ лавокъ..

Digitized by Google

II.

Мы можемъ въ жизни увидать
Охоты тьму примѣровъ:
Привыкли глазками «стрѣлять»
Дѣвицы въ кавалеровъ.
Заботясь вѣчно здѣсь и тамъ
О дочкахъ въ шумномъ свѣтѣ,
Мамаши ставятъ женихамъ
«Силки», «капканы», «сѣти».
Хозяинъ-шуллеръ на гостей
Радъ вѣкъ провесть въ охотѣ,
А на страницахъ «Новостей»
Вы «дичь» всегда найдете...

Невскій Житель.

Digitized by Google

Изъ жизни.

(Варіантъ).

Блеститъ огнями залъ. Ни одного билета
Нельзя уже достать—билетовъ въ кассѣ нѣтъ.
Твореньe новое любимаго поэта
Послушать съѣхался сегодня «высшій свѣтъ».
Волненье сильное замѣтно въ лицахъ многихъ,
Всѣ напряженно ждутъ маститаго пѣвца,
Пѣвца людскихъ скорбей, защитника убогихъ,
И гражданина, и бойца!
И вотъ выходитъ онъ. Восторженнымъ привѣтомъ
Встрѣчаетъ публика любимца своего,—
Всѣ поднялися вдругъ въ почтеньѣ предъ поэтомъ,
И голосъ задрожалъ невольно у него,
Когда онъ сталъ читать. Онъ говорилъ о бѣдныхъ,
Измученныхъ въ борьбѣ, истерзанныхъ тоской,
О дѣтяхъ брошенныхъ, о дѣтяхъ слабыхъ, блѣдныхъ,
Бродящихъ по дворамъ съ протянутой рукой!
Съ благоговѣніемъ поэту всѣ внимали,
А дамы плакали, и каждая изъ дамъ
Въ сознаніи вины, исполнена печали—
Хотѣла все отдать несчастнымъ бѣднякамъ.
Но дамы добрыя, такъ плакавшія много
О томъ, кто нагъ и сиръ, несчастенъ и убогъ,
Увидя бѣдняка—окинутъ взглядомъ строго
И не поймутъ ни слезъ, ни горя, ни тревогъ.
Пѣвецъ людскихъ скорбей, укрывшись теплой шубой,
Помчался въ модный клубъ на рысакѣ скорѣй...
Пускай къ печальнику зайдетъ бѣднякъ—и грубо
Прогонитъ голыша отъѣвшійся лакей!

Скучающій Вологжанинъ.

Digitized by Google

Въ пчеловодномъ музеѣ.

Подъ гнетомъ доли безотрадной,
Трудяся до поту чела,
Любая мать семьи громадной—
Трудолюбивая *пчела.*
Собою только занятъ вѣчно,
Губитель дѣвичьихъ сердецъ,
Являетъ свѣтскій франтъ безпечный
Наглядный *трутня* образецъ.
На все для выгоды готовый,
Къ наживѣ легкой очень лютъ,
Прельщаетъ рѣчью васъ *медовой*
«Дѣлецъ»—иначе, тонкій плутъ.
Глупецъ,—имъ ловко обработанъ,—
Невольно мякнетъ, точно *воскъ*,
И лишь тогда его клянетъ онъ,
Когда тотъ разорится въ лоскъ...
Вошло въ журналахъ нашихъ въ моду
Сулить, подписчикамъ въ угоду,
Шедёвровъ столько, что не счесть;—
Но вѣрьте: въ этой бочкѣ *меду*,
Навѣрно, ложка дегтю есть!!.

Случайный Поэтъ.

Digitized by Google

1895-й десятый годъ. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1895-й десятый годъ.

НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

въ 1894—1895 (десятомъ) году

(СЪ 1 НОЯБРЯ 1894 ПО 1 НОЯБРЯ 1895 ГОДА).

«Сельскій Хозяинъ» будетъ выходить по прежнему, **безъ предварительной цензуры**, подъ редакціей **К. И. Маслянникова** (землевладѣльца Рязанской губерніи, сельца Рюмки) по слѣдующей программѣ: Правительственныя распоряженія. Сельско-хозяйственная экономія. Полеводство и луговодство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ и охота. Сельско-хозяйственная технологія, архитектура и механика. Корреспонденція. Внутренняя и иностранная хроника. Сельско-хозяйственный фельетонъ Агриколы: «Изъ дневника неунывающаго хозяина». Вопросы и отвѣты. Библіографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезные адресы. Объявленія.

Годовые подписчики получатъ *безплатное приложеніе*:

ВОСЬМОЙ ВЫПУСКЪ

„АЛЬБОМА ЛОШАДЕЙ, СКОТА, СОБАКЪ, КУРЪ, НАСѢКОМЫХЪ И Т. П.“

Описаніе къ альбому будетъ помѣщено въ журналѣ въ теченіе года. Альбомъ будетъ высылаемъ отдѣльными листами при нумерахъ безъ всякой приплаты за разсылку.

N.B. Кромѣ того, въ теченіе года, между прочимъ, **предположены къ разсылкѣ безплатно: 1) различныя сельско-хозяйственныя сѣмена и 2) архитектурные проэкты.**

Согласно многочисленнымъ заявленіямъ г.г. подписчиковъ, изготовлены для «Сельскаго Хозяина» коленкоровые, украшенные орнаментами, переплеты съ **кожаными корешками.** Каждый переплетъ стоитъ безъ пересылки 1 руб., а съ пересылкой за 2 фунта по разстоянію за каждый.

Имѣется ограниченное количество экземпляровъ журнала за 1887, 1890, 1892 и 1894 гг., представляющаго обширную справочную энциклопедію сельскаго хозяйства и домоводства. **Со всѣми приложеніями каждый годъ стоитъ:** *безъ доставки 5 р., а съ дост. и перес. 6 р.* На третій, четвертый, пятый, шестой и седьмой выпуски альбома—по 21 к. и на хромолитографію 75 к. марками. Книжнымъ магазинамъ обычная уступка.

Въ переплетѣ «Сельскій Хозяинъ»,—будучи справочной энциклопедіей сельскаго хозяйства,—**полезная наградная книга для земледѣльческихъ, земскихъ и сельскихъ училищъ.**

Digitized by Google

Въ объявленіяхъ журнала печатаются таблицы тиражей внутреннихъ съ выигрышами займовъ.

Срокъ выхода еженедѣльный, по пятницамъ (въ годъ 52 нумера).

Подписная цѣна за годъ: безъ пересылки и доставки 5 р., съ доставкой въ Спб. 6 р., съ пересылкой иногороднымъ 6 р.; за полгода: безъ пересылки 3 р., съ доставкой въ Спб. 4 р., съ пересылкой иногороднымъ 3 р. 50 к. Съ доставкой за границу: за годъ 7 р., за полгода 4 р.

ГГ. ИНОГОРОДНЫЕ ПОДПИСЧИКИ адресуются: **въ главную контору редакціи «СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ» (Спб. Надеждинская ул., № 43).** Для городскихъ подписчиковъ С.-Петербурга и Москвы имѣются собственныя конторы: въ Спб. Невскій, № 63, и въ Москвѣ— Петровскія торгов. линіи, Тульскій Банкъ.

Редакція журнала «Сельскій Хозяинъ» принимаетъ на себя акуратнѣйшую выписку, для сельскихъ хозяевъ и вообще для подписчиковъ, всякаго рода книгъ.

За 1886, 1888, 1889 и 1893 гг. журналъ распроданъ. 1—2

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами около 15 листовъ. Первая книга выдетъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ сего 1894 года.

Подписная плата: **8 руб.** въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются по 1 руб.

Должностныя лица: при подпискѣ **черезъ казначеевъ**, пользуются **разсрочкою до 1 руб.** въ мѣсяцъ, съ тѣмъ чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, **при подпискѣ** исключительно **въ Главной конторѣ**, пользуются **разсрочкою до 2 руб.** въ мѣсяцъ, съ тѣмъ чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Студенты Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго лицея, и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ **по 5 руб. въ годъ.**

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной конторѣ съ платою по разсчету 30 коп. за строчку и 8 руб. за страницу.

Редакція «Журнала Министерства Юстиціи»: С.-Петербургъ, Екатерининская улица, зданіе Министерства Юстиціи. *Рукописи* должны быть направляемы въ редакцію. Причитающійся *гонораръ* можетъ быть высылаемъ иногороднымъ сотрудникамъ по почтѣ.

РЕДАКТОРЪ, Членъ консультаціи при Мин. Юст. учрежд.,
1—2 Профессоръ ***Н. Сергѣевскій.***

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1895** ГОДЪ.

НОВОСТИ ДНЯ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Живая общедоступная форма, всеобъемлющая полнота и чуткая отзывчивость ко всему выдающемуся въ русской жизни,—вотъ тотъ девизъ, который избрала себѣ разъ навсегда и котораго неуклонно держится наша газета. Благодаря постоянно возрастающему успѣху и большому распространенію «Новостей дня», редакція нашла возможнымъ дать всѣмъ своимъ подписчикамъ на 1895 годъ БЕЗПЛАТНО другое свое изданіе: ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЕМЬЯ

которая выходитъ по слѣдующей программѣ: 1) Изящная литература: романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія—оригинальныя и переводныя. 2) Научныя обозрѣнія и критика: литературная, театральная, художественная и музыкальная. 3) Историческіе очерки, путешествія. 4) Біографія. 5) Спортъ всѣхъ видовъ. 6) Изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды и смѣсь. 7) Задачи, шарады, ребусы, игры, ноты. 8) Почтовый ящикъ. 9) Снимки съ картинъ современныхъ европейскихъ художниковъ. 10) Иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, виньетки и преміи. 11) Объявленія и рекламы.

Еженедѣльно роскошно исполненные портреты іерарховъ православной церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, составляющихъ интересъ дня. Такихъ портретовъ и рисунковъ будетъ дано, какъ и въ текущемъ году, болѣе 1000. Будутъ помѣщены и портреты общественныхъ дѣятелей провинціи. Ни одинъ журналъ до сихъ поръ не давалъ такъ много изящно выполненныхъ портретовъ, и «Новости дня», дополненныя ими, являются одной изъ самыхъ интересныхъ газетъ въ этомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, „Новости дня“, прилагая своимъ подписчикамъ БЕЗПЛАТНО „Семью“, несомнѣнно даютъ роскошную премію: 52 нумера иллюстрированнаго журнала, изъ которыхъ каждый вполнѣ отражаетъ текущія злобы дня. Достигнуто это, благодаря ассигновкѣ на этотъ предметъ 50,000 руб.

Подписная цѣна на «Новости дня» вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ журналомъ «Семья»—въ годъ 10 р., на шесть мѣсяцевъ 5 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ ежемѣсячными книжками и даетъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и пр.

Подписная цѣна въ годъ 3 руб., а съ журналомъ «Семья» 5 руб., порознь каждый по 3 руб. въ годъ. Всѣ три изданія 13 руб.

Всѣ годовые иногородные подписчики съ первымъ нумеромъ получатъ безплатно «Современный календарь» на 1895 годъ.

Адресъ: Москва, Главная контора газеты «Новости дня» и журналовъ «Семья» и «Новости иностранной литературы».

1—2 Издатель *А. Липскеровъ.*

Digitized by Google

Открыта подписка на 1895 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ.

IV годъ изданія. **МІРЪ БОЖІЙ.** IV годъ изданія.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца,

ВЪ РАЗМѢРѢ 18—20 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала **«Міръ Божій»**— давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе, въ видѣ: 1) оригинальныхъ и переводныхъ беллетристическихъ произведеній, какъ новѣйшихъ, такъ и классическихъ; 2) научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) критическихъ и библіографическихъ отзывовъ о важнѣйшихъ явленіяхъ современной литературы и 4) извѣстій о выдающихся событіяхъ текущей русской и заграничной жизни, литературы и науки. Имѣя въ виду не только юношество (подъ которымъ редакція разумѣетъ, конечно, не подростковъ 13—14 лѣтъ), не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о тщательномъ подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность съ одной стороны слѣдить за движеніемъ современной мысли, а съ другой—пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, общественнымъ и историческимъ.

Въ 1895 году журналъ будетъ издаваться съ тѣми же сотрудниками и по той же программѣ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

«По новому пути», романъ **Д. Мамина-Сибиряка**; «Исторія одной жизни», повѣсть **К. Станюковича**; «Изъ прошлаго», повѣсть **А. Лугового**; «Князь и кметы», историческій романъ **Крашевскаго**; «Таинственная исторія», романъ **Онорэ Бальзака**; «Процессы оплодотворенія въ растительномъ царствѣ» (съ рисунками), проф. **И. Бородина**; «Окраска животныхъ» (съ рисунками), проф. **Н. Холодковскаго**; «Мозгъ и мысль», проф. **Челпанова**; «Неорганическій міръ» (съ рисунками), очерки **В. Агафонова**; «Основы психологіи», съ франц., подъ ред. проф. **Г. Челпанова**; «Исторія цивилизаціи до среднихъ вѣковъ» (съ рисунками), **Дюндрэ**, перев. подъ ред. **Д. Коропчевскаго**; «Очерки русской культуры», проф. **Н. Милюкова**; «Біографія **Ив. Серг. Тургенева**» (съ нѣск. портрет.), **Ив. Иванова**; «Изъ исторіи прессы», **А. Слѣпцова**; «Маркъ Аврелій», очеркъ **И. Красноперова**; «Добрые обычаи и нравы» (изъ воспоминаній изслѣдователя), **Ф. Щербины**; «Очерки народнаго труда», **Н. Мурашкинцева**.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой—**7** р., безъ доставки—**6** р., за границу—**10** р. Подписка принимается: въ С.Петербургѣ, въ главной конторѣ и редакціи—Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка—черезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей. **Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комисію и пересылку денегъ 5% съ каждаго экземпляра.**

Издательница *А. Давыдова*. Редакторъ *В. Острогорскій*.

Имѣются годовые экземпляры **1894** и **1893** года; за **1892** годъ всѣ экземпляры израсходованы. 1—2

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1895** ГОДЪ НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

Въ 1894 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было напечатано: «Зарницы», пов. *В. Микулича* (автора «Мимочки»). «Неизлѣчимые», пов. *П. Боборыкина*. «На разныхъ дорогахъ», ром. *Вас. Немировича-Данченко*. «Совершеннолѣтіе» и «Татьянинъ день», разск. гр. *Л. Л. Толстаго*. «Лушка», разск. *Е. Лѣтковой*. «Въ странѣ пирамидъ», разсказы *Д. Мордовцева*. «Утрата», разск. *А. Стерна*. «Чиновничьи клавикорды», быль *Н. Трахимовскаго*. «Гомочка», пов. *В. Дмитріевой*. «Вдохновенные бродяги», *Н. Лѣскова*. Статьи: «Рознь между художниками», *В. Стасова*. «Новые союзы въ Европѣ» гр. *Л. Комаровскаго*. «Типы преступниковъ» проф. *Ю. Петри*. «Воспоминаніе о П. Чайковскомъ» *Г. Ларошa*. «Двѣ славянскія повѣсти», *П. Боборыкина*. «Первый публицистъ въ Европѣ» проф. *А. Шепелевича*. «Встрѣчи» *Н. Ге*. «Земское страхованіе» *И. Вернера*. «Сельскія библіотеки» *В. Вахтерова*. «Тургеневъ и Толстой» проф. *Д. Овсянико-Куликовскаго*. «О себялюбіи, какъ двигателѣ общественной жизни» проф. *А. Исаева*. «Принципъ свободы въ царствѣ животныхъ» проф. *Н. Вагнера*. «Связка писемъ Герцена» *Е. Некрасовой*. «Истерія и ея причины» д-ра *Блуменау*. «Земскіе начальники и судебная реформа» *М. Петрова*. «Жоржъ Зандъ» *П. Вейнберга*. «Въ Палестинѣ» очерки *Б. Корженевскаго*. «Записки А. О. Смирновой» (1825—45 гг.). Бесѣды государя *Николая I*, *Пушкина*, *Жуковскаго*, *Гоголя* и др. Переводы: «Изъ дневника Аміеля», пер. гр. *М. Толстой*, подъ ред. и съ предисловіемъ гр. *Льва Толстаго*. «Семейство Поланецкихъ», ром. *Г. Сенкевича*. «Современная Ніобея», ром. *Іоанаса Ли*. «Торжество смерти» *Г. д'Аннунціо* и много друг.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлъ. 2) Провинціальная печать, **Л. Прозорова**. 3) Критика и библіографія. 4) Письма: изъ Америки, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англіи. 5) Внутреннее обозрѣніе. 6) Политическая лѣтопись, **Л. Полонскаго**. 7) Театръ. 8) Изъ жизни и литературы. 9) Литературныя замѣтки, **А. Волынскаго**.

Условія подписки на 1895 г.	На годъ.	По полугодіямъ. Январь.	Іюль.	По четвертямъ года. Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ Спб. въ конторѣ журнала . . .	12 р.—к.	6 р.—к.	6 р.—к.	3 р.—к.	3 р.—к.	3 р.—к.	3 р.
Съ доставкой въ Спб. . . .	12 » 50 »	6 » 50 »	6 » — »	3 » 50 »	3 » — »	3 » — »	3 »
Съ перес. въ Имперіи . . .	13 » 50 »	7 » — »	6 » 50 »	3 » 50 »	3 » 50 »	3 » 50 »	3 »
За границей	15 » — »	8 » — »	7 » — »	4 » — »	4 » — »	4 » — »	3 »

Подписка на всѣ означенные сроки. Разсрочка платежей. Служащіе могутъ вносить помѣсячно за ручательствомъ казначеевъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

Новые годовые подписчики на «Сѣверный Вѣстникъ» получали безплатно I-ю часть «Записокъ А. О. Смирновой» въ видѣ отдѣльной книги съ портретомъ автора, и отпечатанную въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» въ 1893 г. часть романа Г. Сенкевича «Семейство Поланецкихъ».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: *Въ Главной конторѣ, — Спб., Троицкая ул., 9*, и въ московск. отд.—Тверская, близъ памятника Пушкина, д. Сазикова. Кромѣ того, въ Спб.—въ книжн. магаз. **Фену**; въ Москвѣ—въ конт. **Н. Печковской**, во всѣхъ книжн. магаз. **Карбасникова**, «**Новаго Времени**» и др.

Издательница Л. Я. Гуревичъ. **Редакторъ М. Н. Альбовъ.**

Digitized by Google

БУХГАЛТЕРІЯ,

по двойной системѣ для самоучащихся, соч. *Ѳ. Журова*, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 р. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербургѣ: у Суворина, Вольфа и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: «Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей» (таковаго одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ). Тамъ же продается краткая двойная бухгалтерія (68 стр.) Ѳ. Журова. **Цѣна 25 коп.**

Адресующіеся за которою либо книгою прямо къ автору: въ гор. Шую, **Ѳедору Гавриловичу Журову**, за пересылку не прилагаютъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ВРАЧЪ“,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіэны и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1895 году подъ тою же редакціею и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора *Вячеслава Авксентьевича Манассеина* (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ, 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издателя—*Карла Леопольдовича Риккера* (Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, не полученныхъ №№ и т. д.).

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 11-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

— I. Жизнь съизнова. Романъ Н. Ѳ. Бажина. 7
— II. Заглохшая усадьба. Стихотвореніе В. К. Булгакова . . . 59
— III. Фальсификація пищи и напитковъ, и мѣры борьбы съ нею. В. Г. Швецова 61
— IV. Осенняя грусть. Стихотвореніе К. М. Фофанова 86
— V. Дѣти не отказали. (Изъ жизни интеллигентныхъ людей). П. Добротворскаго 87
— VI. Европейцы въ Пекинѣ. И. Коростовца 116
— VII. «Изъ подъ сѣвернаго неба»... Стихотвореніе К. Бальмонта. 131
— VIII. Лурдъ. Романъ Эмиля Золя 132
— IX. Заброшенный уголокъ русской земли. А. П. Липранди. . . 242 22
— X. Изъ дневника. Стихотвореніе А. В. Круглова 243
— XI. Подъ русскимъ скипетромъ. (По поводу воспоминаній нѣмецко-петербургскаго журналиста). В. Р. Зотова 244
— XII. Странная исторія м-ра Роберта Дэляйля. Романъ Олифантъ. *(Окончаніе)* 258
— XIII. Одиночество. Стихотвореніе Д. Ратгауза 310
— XIV. Падшіе ангелы. (Изъ жизни отдаленныхъ мѣстъ). С. Ф. Годлевскаго. 311
— XV. Наша журналистика. К—скаго 327
— XVI. Вокругъ папской тіары. Романъ Эмиля Гебгарта . . 344
— XVII. Наше сердце. Стихотвореніе Л. Афанасьева. 364

Современное обозрѣніе.

— XVIII. Политическая хроника 1
— XIX. Новыя книги 11
— XX. Наши внутреннія дѣла 20
— XXI. Кончина Государя Императора 35
— XXII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «И смѣхъ, и горе». Ефима Простосердова 41
2) Стихотворенія Невскаго Жителя, Скучающаго Вологжанина и Случайнаго Поэта 50
XXIII. Объявленія 1–6

8546 [illegible]1 1

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google